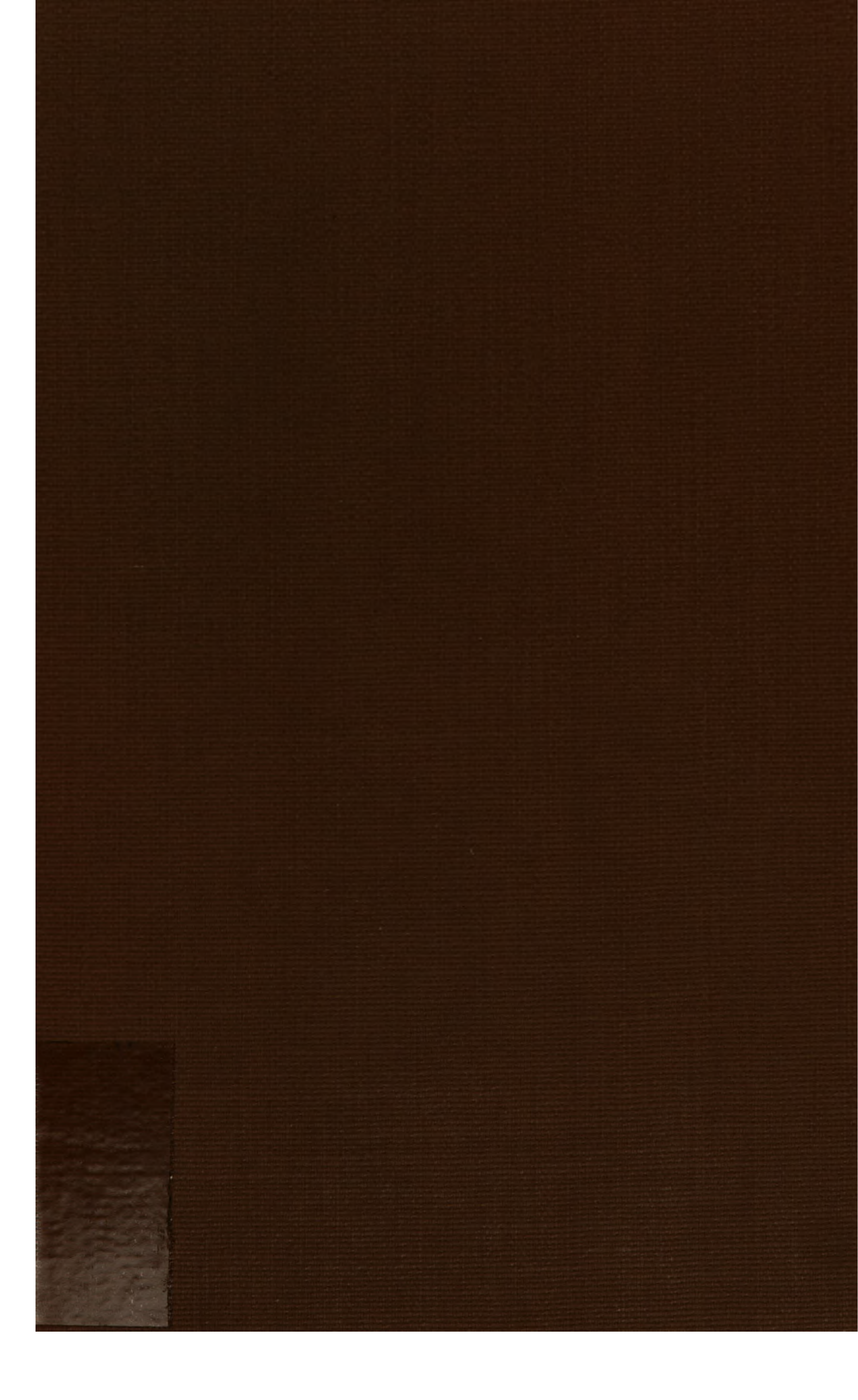


SIGILLVM · VNIVERSITATIS · CALIFORNIENSIS
FIAT LVX
MDCCCLXVIII
EX LIBRIS

мс,

Годъ X-й. № 7-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

ІЮЛЬ

1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1901.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ст

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Годъ X-й. № 7-й.

МIРЪ БОЖIЙ

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНIЯ.

IЮЛЬ

1901 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типографiя И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).
1901.

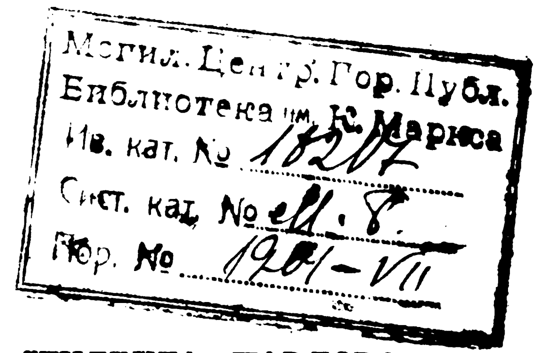
Дозволено цензурою 28-го іюня 1901 г. С.-Петербургъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.



ЗАПИСКИ СТУДЕНТА ПАВЛОВА.

Записки мои начинаются съ той минуты, когда я, студентъ, естественникъ, женился на Варѣ Саниной.

Женившись я достигъ всего, чего жаждетъ душа влюбленнаго, и немного отрезвился. Праздникъ сердца превратился въ будни, въ тѣ суровые будни, о которыхъ мы столько переговорили съ Варей,—суровые не своей пошлостью, а необходимостью ринуться въ бой, пойти туда, куда я звалъ ее, и начать дѣло возстановленія попранныхъ правъ человѣчества. Тутъ уже шло не о фантазіи, не о говореніи о народномъ благѣ, ибо это хорошо было нѣкогда—надобно было, какъ я обѣщалъ, серьезно подать ей руку и пойти туда, гдѣ ждали нашей помощи, нашей жертвы... Но могъ ли я это сдѣлать, способенъ ли былъ?

Представьте себѣ человѣка съ сквернымъ, испорченнымъ сердцемъ, фантазера, не умѣющаго двухъ минутъ подрядъ думать связно и логично, ноющаго о недостижимости общественныхъ идеаловъ и, главное, насквозь пропитаннаго лѣнью; теперь вообразите себѣ нѣчто совершенно противоположное: человѣка мужественнаго, страстнаго народолюбца, желающаго работать, искренняго и увлекательнаго, когда онъ говорилъ о нашемъ „святомъ народѣ", отважнаго и энергичнаго. Переплетите наугадъ эти двѣ стороны человѣческаго существа, заставьте это существо не дѣйствовать, а мечтать, говорить о дѣйствіи, и вы получите мое совершеннѣйшее подобіе.

До знакомства съ Варей я уже былъ этимъ сформированнымъ Янусомъ, но умѣлъ отлично прятать концы въ воду.

Теперь, когда я вспоминаю прошлое, мнѣ кажется удивительно страннымъ, даже необъяснимымъ, какъ товарищи не разгадали меня и какъ мало тогда нужно было, чтобы прослыть идеальной натурой. Я былъ истерикомъ и безтолковымъ, но имѣлъ въ запасѣ огонекъ возмущенія, и благодаря этому, благодаря эффектной, напыщенной фразѣ, правда, часто, очень часто искренней, и знакомству только съ верхами того, что интересовало товарищескій кружокъ, я прослылъ за натуру, хотя и нервную, но сим-

патичную и подающую надежды. Но когда я влюбился въ Варю, все во мнѣ словно съ цѣпей сорвалось. Никогда и нигдѣ ложь и правда такъ не переплетались между собой, какъ въ моей головѣ и въ моемъ сердцѣ. Любовь держала меня въ вѣчномъ изступленіи и, отдаваясь его безумію, мнѣ казалось, что я побѣдилъ міръ зла, міръ мерзости, міръ несправедливости.

— Только захочу,—говорилъ я себѣ,—и всю эту мерзость (какую мерзость, я и самъ не зналъ) разнесу, какъ пыль, какъ прахъ. Все вычищу, насажу и міръ обновлю.

И до сихъ поръ не понимаю и не помню, жилъ ли я тогда, или бредилъ. Такая волна подхватила меня, что я потерялся. Благодаря Варѣ, воля и энергія, кипучая, пока на словахъ, дѣятельность, общее благо и всѣ остальныя высокія слова, все это, словно бабочки весной, вмѣстѣ съ ея приходомъ, роемъ выпорхнули бодро и радостно на міръ Божій. Съ ней, именно съ ней, я на почвѣ становился, съ ней объ руку, шагъ въ шагъ, я могъ начать новую жизнь, и какую? Жизнь общаго труда, взаимнаго пониманія; въ ней я могъ имѣть опору въ трудныя минуты. Вѣдь словами не разскажешь, что я переживалъ тогда, и до чего дошелъ.

„Вотъ,—думалъ я про себя,—жило же подлѣ меня это существо, а я ничего не зналъ о немъ. Развѣ не могло случиться, что намъ никогда не пришлось бы встрѣтиться? Что вышло бы тогда изъ меня? Ахъ Варя, Варя, съ тобой,—у меня закипали слезы на глазахъ,—титанъ, сила,—бормоталъ я,—поколѣнія съ благодарностью вспоминать будутъ“...

Позорно вспомнить все это. Но тогда не было позорно. И слезы, и титанъ, и вѣра все было искренно и шло изъ самыхъ далекихъ глубинъ сердца. Въ ушахъ всегда раздавалась мощная пѣснь о трудѣ, о справедливости, о полномъ всеобщемъ счастьи, а передъ глазами фалангами проходило человѣчество, которое въ поясъ кланялось Павлову. И вѣдь опять, хотя и совѣстно, но вѣдь взаправду, взаправду я ощущалъ эту мощь въ себѣ, и какъ все это понять?

Если бы Варя знала меня въ моей интимной жизни, то о ея любви ко мнѣ было бы просто безсмыслицей подумать. Но Варя ничего не подозрѣвала, и не я, конечно, взялся бы открыть ей глаза. Совсѣмъ, совсѣмъ наоборотъ. Увлеченный, гордый своей побѣдой надъ ней, опьяненный картиной будущаго, которую мнѣ рисовала моя фантазія, я какъ сумасшедшій, бредилъ о дѣятельности, объ идеалахъ, о народѣ. Правда, дѣятельность и народъ всегда были моимъ конькомъ, но даже и въ эти дни, какъ и всегда, все сводилось къ красивымъ словамъ, фразамъ, образамъ.

Никакое возбужденіе не могло преодолѣть моего отвращенія къ труду. И откуда брались рѣчи? Я потратилъ много краснорѣчія, чтобы обрисовать свой образъ, знаете, тотъ обольстительный образъ человѣка сильнаго, съ задачами широкими и гуманными, прекраснаго своими порывами, кипучаго, но и—вы догадываетесь—одинокаго, непонятаго, всю жизнь мечтавшаго о другѣ, съ которымъ можно было бы начать эту таинственную, увлекательную общую работу.. И вотъ, наконецъ, этотъ могучій человѣкъ, послѣ долгихъ безплодныхъ поисковъ и тщетныхъ мечтаній въ какой-нибудь своей кануркѣ—непремѣнно кануркѣ—встрѣчаетъ ее,—и ее вы уже навѣрно знаете—чистую, благородную, возвышенную, которая съ перваго слова выказала всю свою неизмѣримо высокую душу и жажду къ тому же самому труду, о которомъ онъ столько мечталъ, сидя, какъ волкъ, въ своей норѣ... Онъ уходитъ отъ нея просвѣтленный, растроганный, очарованный, и въ первый разъ послѣ многихъ лѣтъ одиночества чистый лучезарный образъ входитъ съ нимъ вмѣстѣ въ его тюрьму, гдѣ вдругъ становится такъ привольно, такъ хорошо, потому что съ нимъ его мечта, его милый, долго жданный другъ. Въ другія минуты я заводилъ рѣчь неясную, но детальную о помощи святому народу, о его необезпеченности, о голодѣ и болѣзняхъ и рисовалъ рядъ картинъ изъ жизни обезпеченнаго класса, этой стоглавой гидры, присосавшейся къ народному сердцу. Потомъ шли конкретныя рельефныя сцены на ту же тему контраста между сытымъ брюхомъ довольнаго эгоиста—богача и протянутыми вверхъ мозолистыми руками обездоленнаго, проклинающаго небо, и тутъ же залпъ горячаго протеста, призывъ къ дѣятельности и пылкія фразы о ненависти. А послѣ всего и—больше всего—любовь, любовь, первая любовь. Варя горѣла, волновалась или, окаменѣвъ отъ счастья, не сводила съ меня глазъ. Въ иныя минуты она то бросалась молиться, чтобы сонъ ея длился вѣчно, то судорожно обнимала меня, говоря, что не достойна своего счастья. Но на уничиженіи меня трудно было обогнать, и тогда начиналась новая пѣсня, по своему обольстительная, пѣсня о моей ничтожности передъ нею, идеаломъ, лучезарнымъ свѣтомъ. Бѣдная Варя! Какъ о преступленіи, я вспоминаю ея лицо въ такія минуты.

До женитьбы, когда я размышлялъ о семейной жизни, я никогда не представлялъ ее чѣмъ то тяжелымъ, труднымъ; я не представлялъ себѣ будней оставшейся съ глазу на глазъ пары, обязанной, во чтобы то ни стало, быть всегда вмѣстѣ, думать вмѣстѣ, имѣть общія печали и заботы. Наоборотъ „моя“ семейная жизнь рисовалась мнѣ иначе, чѣмъ у другихъ людей, какимъ-то безконечнымъ восторгомъ, несмолкаемымъ споромъ о добрѣ, о

дѣятельности, сплошнымъ праздникомъ. И вотъ въ какомъ видѣ я представлялъ себѣ свою жизнь съ Варей. Утромъ я встаю, конечно поздно, потому что люблю поспать въ волю. Варя раньше встала, чтобы хлопотать по хозяйству и успѣть къ моему пробужденію приготовить чай. Газеты ждутъ меня на столѣ. Въ комнатѣ убрано и уютно. Все на своемъ мѣстѣ; безпорядокъ только въ моей кровати, но онъ не раздражаетъ меня. Я начинаю умываться, но моюсь наскоро, потому что терпѣть не могу этого. Потомъ сажусь за столъ и принимаюсь просматривать газеты. Варя, чистенькая и сіяющая, также читаетъ, полуобнявъ меня. Мнѣ хорошо и пріятно.

Изрѣдка я перебрасываюсь съ нею замѣчаніемъ о чемъ-нибудь легкомъ, несложномъ, чтобы не утомить себя долгимъ разговоромъ. Наконецъ чай со всѣми пріятностями выпитъ и наступаетъ время разойтись: ей по хозяйству или почитать, а мнѣ работать. Надъ чѣмъ работать, я не спрашивалъ себя, да и не нужно было спрашивать. Для полнѣйшей гармоніи моей фантазіи требовалось работать надъ чѣмъ-нибудь, и я ревниво не упускалъ этого изъ виду. Послѣ работы наступало время завтракать. При моемъ входѣ въ комнату, столъ уже накрытъ неутомимой Варей. Скатерть блеститъ снѣжной бѣлизной; аккуратно поставлено рядомъ два прибора. „Мое“ молоко на обычномъ мѣстѣ. Варя, граціозная, легкая, суетится подлѣ меня, нянчится, какъ съ ребенкомъ, и положительно дѣлаетъ излишнимъ всякое усиліе съ моей стороны. Въ промежуткахъ она весело разспрашиваетъ меня, что я дѣлалъ, какъ работалъ. Я рѣшительно счастливъ. Предо мною прекрасныя кушанья, возлѣ меня Варя, перемѣнившая утреннее платье на другое, соотвѣтствующее полудню. На ея устахъ любовь, забота, ласка... Послѣ завтрака прогулка. Это дань гигіенѣ. На прогулкѣ мы встрѣчаемъ нищихъ, и я великодушно предоставляю Варѣ заниматься милосердіемъ, которое, какъ теоретикъ, презираю. Довольные и укрѣпленные, мы возвращаемся домой, гдѣ Варю ожидаютъ ея обязанности хозяйки, а меня— моя работа. Время незамѣтно клонится къ обѣду, а вмѣстѣ съ тѣмъ кончается серьезная часть дня. За обѣдомъ все должно быть игривымъ, должно искриться свободой и наслажденіемъ. Я уже въ халатѣ, въ туфляхъ—усталъ, такъ страшно усталъ, Варенька! Сидя въ какомъ-нибудь мягкомъ, турецкаго вкуса, креслѣ, у меня въ ожиданіи перваго блюда рождаются мысли о дѣтворѣ, которая тутъ бы подлѣ весело рѣзвилась. Но я долго не останавливаюсь на этой картинѣ, потому что не терплю дѣтей. За обѣдомъ обычное распрашиваніе Вари о ходѣ моихъ работъ, обычная ея заботливость, обычная „моя“ удовлетворенность. Послѣ обѣда сидѣніе вдвоемъ, сигара и кофе, вечеромъ чай и

ничего новаго. Потомъ мысли мои начинаютъ путаться. Въ головѣ плетется что то о пользѣ людямъ, о помощи всякой толпѣ, о бракѣ на новыхъ началахъ, но эти мысли рѣшительно дѣлаютъ меня свинцовымъ. Я еле добираюсь до спальни, и затѣмъ глубокій, глубокій сонъ.

Мнѣ ничего не стоило убѣдить Варю въ томъ, что намъ нужно пожениться. Она тоже, какъ и я, находила, что настоящая жизнь, настоящая работа, должна начаться тогда, когда всѣ личныя дѣла будутъ закончены, когда мы перегоримъ, попривыкнемъ къ своему счастью.

— Можно ли,—восклицалъ я въ первое время на ея вопросы „когда же",—можно ли, Варенька, начать какое нибудь дѣло, заранѣе будучи увѣреннымъ, что мы не доведемъ его до конца, что мы сами способны во всякую минуту прервать его ради какой-нибудь неотложнѣйшей, хотя и ординарнѣйшей потребности? Можно ли профанировать то, о чемъ мы передумали вдвоемъ и въ одиночку столько мучительныхъ лѣтъ? И наконецъ, можешь ли ты съ увѣренностью сказать, что ты уже совершенно готова, досконально все поняла и ясно предвидишь, что не уклонишься въ сторону, что не устыдишься позже своего перваго шага? О, Варенька, побольше осторожности, побольше уваженія къ нашимъ идеаламъ, побольше серьезности къ нашимъ святымъ обязанностямъ!

Такимъ образомъ намъ только и оставалось ожидать той минуты, когда мы сможемъ, наконецъ, взяться за осуществленіе нашихъ проектовъ, задачъ, о которыхъ я столько натолковалъ Варѣ. Но за нѣсколько дней до вѣнца я опять сорвался и впалъ въ изступленіе. Нетерпѣніе взяться скорѣе за дѣло, неутолимая жажда подвига, высокаго, недосягаемаго, вызвали во мнѣ такія болѣзненныя явленія, что потребовалась серьезная помощь. Я бредилъ съ пѣною у рта, почти безсвязно, отдаваясь теченію звонкихъ, утолявшихъ мое сердце словъ, о гидрахъ и драконахъ, летавшихъ со свистомъ и шипѣніемъ среди колѣнопреклоненнаго святого народа. Я бредилъ о мужахъ сильныхъ и могущественныхъ, о бойцахъ смѣлыхъ и неутомимыхъ, о женщинахъ святыхъ и великодушныхъ, и эта лихорадка желаній побѣждала во мнѣ всякую усталость. Но когда, наконецъ, свершилось,—когда медовый мѣсяцъ прошелъ, и мы попривыкли къ своему счастью,—и наступилъ моментъ взяться за подвигъ высокій, недосягаемый—все мое безсиліе выступило наружу. Это уже не былъ тотъ доблестный, сильный волею и инициативою человѣкъ, это не былъ тотъ великій мужъ, который кричалъ, что человѣчество фалангами будетъ проходить мимо него и кланяться въ поясь отъ благодар-

ности; нѣтъ, это былъ несчастный больной, котораго прозаичное внутреннее требованіе „ну начни“ сводило съ ума своею язвительностью. Но еще ужаснѣе дѣйствовала на меня обыденность и утомительная тоска жизни съ глазу на глазъ.

„Но это не то,—лихорадочно метался я и словно возражая кому-то,—совсѣмъ, совсѣмъ не то, что я представлялъ себѣ. Вы меня въ гробъ помѣстили, въ гробъ“.

Гдѣ ореолъ, который окружалъ нѣкогда Варю? Со мною всегда, непрерывно всегда, была тихая, очень обыкновенная и выносливая женщина, которая ничѣмъ ровно не отличалась отъ другихъ женщинъ. Она также ѣла, спала, думала, говорила, какъ всѣ, и въ особенности ужасно много работала. Господи, работала! Работала „моя“ идеальная женщина, ключъ отъ моихъ душевныхъ силъ! Правда, при нашихъ болѣе, чѣмъ ограниченныхъ, средствахъ Варя не могла не работать, и оно даже прекрасно было, что она соглашалась работать; но все-таки мнѣ хотѣлось, чтобы она это дѣлала хоть капельку поэтичнѣе, чтобы мнѣ не видно было, какъ ей тяжело трудиться, чтобы, полуобнявъ меня, она распрашивала, счастливъ ли я. А она работала просто, грубо просто, какъ работаютъ мужички. Тяжело и вспоминать свою подлость.

Отъ Вари я еще пока не скрывалъ свои настроенія, свои чувства, чтобы не потерять надъ нею власти и не лишиться ея любви и уваженія. Вѣдь я все-таки любилъ мечту о народѣ и о своей будущей роли, о томъ, что когда-нибудь я воспряну и сотворю нѣчто хорошее. Все-таки были минуты, часы, когда я искренно вѣрилъ, что если бы окружавшія меня условія хоть немного удачнѣе сложились, то я бы не погибалъ здѣсь въ этомъ гробу, а тамъ, гдѣ идетъ великая борьба за людское счастье...

Скверное началось съ Боброва. Замѣчу раньше, что я самъ безвольный и безпринципный—уважалъ до колѣнопреклоненія людей принципа. По своей натурѣ, я былъ обреченъ, любя народъ, говорить о немъ всѣ существовавшія высокія и хорошія слова и не быть въ состояніи помочь ему. Оттого тотъ, чья душа, мысли и стремленія были дѣйствительно сильны, кто къ своей прекрасной цѣли умѣлъ идти неуклонно и просто, тотъ фатально становился моимъ кумиромъ.

Бобровъ, также какъ и я, былъ естественникомъ, и еще до его вступленія о немъ уже знали, что онъ „человѣкъ съ идеей“. Я долженъ признаться, что въ тонкости я его никогда не могъ узнать. Я съ перваго момента началъ его бояться—я всегда, всегда боялся людей душевно-сильныхъ—и такъ какъ онъ близко къ себѣ не допускалъ, то это разъ навсегда отняло у меня возможность сойтись съ нимъ тѣсно. По вступленіи своемъ въ уни-

версититетъ, онъ какъ-то особенно быстро образовалъ вокругъ себя интимный кружокъ, о которомъ среди товарищей пошли всякаго рода легенды. Мнѣ кажется, что въ то время я бы отдалъ полгода жизни за возможность вступить въ него. Но тогда это оказалось, по многимъ причинамъ, неудобнымъ, а когда я познакомился съ нимъ, было уже поздно: кружокъ почему-то не существовалъ больше, и отъ него уцѣлѣли только Бобровъ и еще двое. Знакомство наше произошло у общаго товарища, къ которому я случайно забрелъ въ одинъ несчастный вечеръ. Это была моя первая встрѣча съ нимъ и потому я волновался безгранично. Меня подмывало выкинуть самую экстравагантную штуку, чтобы обратить его особенное вниманіе, чтобы поразить его. Я сидѣлъ противъ него и смутно прислушивался къ тому, что онъ говорилъ, весь замирая отъ разроставшагося во мнѣ ужаса. И когда онъ случайно бросилъ взглядъ въ мою сторону, меня морозъ подралъ по кожѣ.

„Разсматриваешь,—закипѣло во мнѣ,—ужасъ моментально покинулъ меня,—не понравился,—или танецъ какой-нибудь индѣйскій нужно проплясать передъ тобою, чтобы похвалилъ?“

— На деревню надежда плоха,—донеслось до меня.

Я вскочилъ, чуть не задохнувшись отъ радости.

— Позвольте,—закричалъ я,—позвольте, это еще вопросъ крупный и очень спорный; такихъ вопросовъ въ два мига не рѣшаютъ!

Все это я выпалилъ торопливо и съ злымъ лицомъ. Но вдругъ, неизвѣстно почему и даже не подождавъ отвѣта, я перешелъ къ дѣятельности русской женщины въ деревнѣ, „этой неслышной, великой мученицы, которая идетъ въ народъ на такое тяжелое, невидное дѣло, какъ просвѣщеніе русскаго мужика“, и тутъ я покатился. И покатился я просто потому, что вдругъ сталъ его уважать, а за то что сталъ уважать, тутъ же возненавидѣлъ и его, и себя, а возненавидѣвъ, рѣшилъ немедленно доказать ему, что я не мальчишка, не вертопрахъ какой-нибудь и тоже имѣю идею, которую надо раньше выслушать, а не вертѣть „вообще“ хвостомъ. Такъ все разгорячаясь и проклиная себя, и зная, что лечу и никакъ не удержусь, я заговорилъ о другихъ разводимыхъ для государственной безопасности мученицахъ, служащихъ чѣмъ-то вродѣ водосточныхъ трубъ, по которымъ въ необъятную канаву вытекаетъ общественная нечисть.

— А чѣмъ, чѣмъ эти мученицы не заслуживаютъ вашего участія, уголка какого-нибудь въ вашемъ превосходнѣйшемъ—а у васъ превосходнѣйшее—сердцѣ,—восклицалъ я дрожа отъ стыда,—вѣдь, по вашему, это плоды всеобщаго, такъ сказать, нелѣпѣйшаго режима, а по моему, великодушнѣйшій изъ людей, по моему,—

стукнулъ я ногой о полъ,—это дерево могучее, грязное, баобабъ необъятый, неописуемый, который вамъ такіе плоды преподноситъ, что для него и въ старомъ и въ новомъ мірѣ больницъ не хватаетъ. Войско вы осмотрите, но не черезъ мундиръ, а оголите, оголите этого милліоннѣйшаго удава, мужика всеобщаго, всесвѣтнаго провѣрьте, позвольте, позвольте,—ловилъ я его рукой,—себя, меня провѣрьте. Вотъ гдѣ стволъ, вотъ куда цѣльте, самый лучшій въ мірѣ человѣкъ...

Мысли у меня рождались, чередовались, набѣгали, и я, спѣша вылить все сразу, чувствуя уже звонъ въ ушахъ, слюня и брызгая вокругъ себя, отчего онъ раза два отодвинулся—о, какъ это ущемило мое сердце—я, наконецъ, закончилъ тѣмъ, что предложилъ уже нарочно въ юмористическомъ тонѣ, въ видѣ милой шутки, „завоевать какой-нибудь островъ и перенести туда всѣ эти водосточныя трубы, вотъ нарочно перенести, и тогда, Бобровъ, мы услышимъ, какъ эти господчики, еще вчера такіе мирные и добродушные, заорутъ изъ нутра надрывающимся голосомъ о тѣхъ же высокихъ матеріяхъ, которыя монополизированы нами“. Это былъ скандалъ, глупѣйшій, невозможнѣйшій фарсъ, который могъ взбрести въ голову только такому раздраженному и укушенному въ мозгъ человѣку, какъ я. Я юлилъ, фордыбачилъ и чѣмъ яснѣе сознавалъ, что позорю себя и, быть можетъ, навѣки, тѣмъ все пуще лѣзъ на стѣны, желая нарочно уже втоптать себя въ грязь и показать ему, что мнѣ на все наплевать и нипочемъ, но тутъ же надѣясь, что авось какъ-нибудь остановится во мнѣ кипѣніе мыслей и я вдругъ заговорю, къ его удивленію самымъ умнымъ образомъ, о самыхъ дорогихъ насущнѣйшихъ вещахъ и, тогда, можетъ быть, я, въ самомъ дѣлѣ, докажу Боброву что-нибудь новое, оригинальное, за что онъ возметъ да проститъ меня и, пожалуй, скажетъ, что все это онъ ранѣе замѣчалъ, что я только нарочно хотѣлъ показаться вздорнымъ человѣкомъ, но въ сущности я настоящій, настоящій демократъ, которому онъ съ уваженіемъ готовъ пожать руку.

Кончилось, конечно, тѣмъ, что я убѣжалъ, сгорая со стыда, но уходя не могъ не выкинуть штуки и бросилъ ему, что онъ скверный, не жившій съ людьми человѣкъ, акула-человѣкъ, и при этомъ я нарочно говорилъ со слезами въ голосѣ, а можетъ быть я и въ самомъ дѣлѣ прослезился.

Домой я пришелъ весь въ огнѣ и избилъ себѣ кулаками голову отъ ужаса. Каждый разъ вспоминая какую-нибудь свою фразу, я вскакивалъ, какъ если бы меня коснулись раскаленныя углемъ, бѣгалъ по комнатѣ и для собственнаго ободренія вскрикивалъ:

— Да чорта ли мнѣ въ этомъ щенкѣ!

Наконецъ, я не выдержалъ и рѣшилъ объясниться съ нимъ. Я написалъ ему письмо благородное, въ которомъ говорилъ о характерѣ раздражительномъ, болѣзненномъ и выражалъ надежду, что онъ, вѣроятно, такъ и понялъ меня. Стиль мой былъ возвышенный, и потому я строго держался общественныхъ интересовъ. Въ скромно приподнятомъ тонѣ я намекалъ, что крестьянинъ, какъ теорія, можетъ быть и побѣдимъ, но что никакія европейскія теоріи не могутъ затереть нашего святого мужика, изъ котораго созданъ русскій народъ. Я заканчивалъ увѣреніемъ, что мы сойдемся и что быль молодцу не укоръ.

Мнѣ хотя и показалось, что я сподличалъ въ письмѣ, но махнулъ рукой, чтобы не мучиться дальше и послалъ. Результаты получились хорошіе: онъ извинялъ меня. Это случилось незадолго до моей женитьбы на Варѣ. Отъ благодарныхъ и благоговѣйныхъ чувствъ я побѣжалъ къ нему и въ этомъ же первомъ свиданіи я не замедлилъ раскрыть все до послѣдней ниточки о себѣ и о моей идеальной дѣвушкѣ. Позже я познакомилъ ихъ и такимъ образомъ приготовилась почва для роли, которую Бобровъ сыгралъ въ моей жизни.

Совершенно естественно, что я началъ ревновать его къ Варѣ. Впрочемъ, я и хотѣлъ ревновать; теоретически какъ-то выходило, по моему, что тутъ все въ наличности для романа. Я не скажу, что на меня не находили минуты отчаянія, стыда, боли, но какія это были вначалѣ сладкія боли. А главное, главное, вѣдь я самъ обожалъ его и, кажется, въ ту пору пошелъ бы на казнь за одно только его слово одобренія, ласки. Бобровъ не зналъ о моей влюбленности и въ этомъ его незнаніи была для меня особая прелесть. Какія непередаваемыя минуты я переживалъ тогда, лежа на кровати и упиваясь его бесѣдами съ Варей. Да, и я говорилъ о народѣ, какъ общественный радѣтель, и многіе изъ насъ говорили о томъ же и всѣ мы рвались и мчались въ свѣтлыя минуты на окрыленной душѣ къ этому возвышенному, прекрасному идеалу, ради котораго на словахъ готовы были всю кровь свою отдать. Но жизнь, жизнь имѣла свою ужасную власть надъ нами и своимъ ужаснымъ мечомъ пошлости убивала драгоцѣнные наивные цвѣты нашихъ прекраснодушнѣйшихъ сердецъ. Бобровъ же принесъ нѣчто другое. Онъ явился увѣреннымъ, торжествующимъ, словно выкованный въ самомъ горнилѣ жизни, но воспарившій надъ нею. О, это былъ не говорунъ, не Рудинъ какой-нибудь, игравшій на женскихъ и прочихъ молодыхъ сердцахъ, Рудинъ, точно сказочный богатырь, широкимъ размахомъ охватившій всѣ концы міра и водворившій на землѣ поднебесную мораль. Рудинъ былъ виртуозъ, геніальный психологъ и мальчишка, безтолковое и праздношатающееся существо и безумный

герой. Бобровъ же сидѣлъ на землѣ. Мнѣ тогда казалось, что онъ былъ тѣмъ умственнымъ русскимъ бродягой, который, наконецъ, рѣшилъ бросить якорь, установиться, а затѣмъ съ Божьей помощью пуститься въ путь. Помню, въ какое смятеніе меня привели его первыя бесѣды съ Варей.

— Какъ, — восклицалъ я, когда мы оставались съ ней наединѣ,—рабочій, не существующій почти рабочій носитель вѣчныхъ идеаловъ! Рабочій въ земледѣльческой Россіи, въ которой милліоны мужиковъ?!

Я дѣлалъ все, чтобы быть возможно болѣе недовольнымъ Бобровымъ, но, признаюсь, я никогда не слыхалъ болѣе изумительной торжествующей пѣсни, какъ та, въ которой онъ говоритъ о неизбѣжности побѣды рабочаго.

О, если бы возможно было въ ту пору выкинуть свою натуру, свою мелкую, ревнивую натуру и броситься съ нимъ въ этотъ водоворотъ дѣйствительныхъ заботъ, если бы возможно было забыть себя навсегда и также, какъ онъ, не говорить, а пѣть, всѣми жилами пѣть дивную пѣснь освобожденнаго изъ оковъ человѣка, пѣть и работать бокъ-о-бокъ съ друзьями, и всѣми мозгами понимать, что совершаешь не слова, дрянныя, лживыя слова, а настоящее дѣло, столь близкое человѣчеству.

Но нѣтъ, не суждено мнѣ было это счастье: я только былъ грязной тиной, всплывшей на поверхности вѣчно бурлящаго человѣческаго моря...

Быстро развившаяся близость между Варей и Бобровымъ, ихъ вѣчныя бесѣды, ея странная задумчивость каждый разъ вызывали во мнѣ мысль о грозящей бѣдѣ. Незамѣтно я сталъ внутренно метаться и все какъ-то безтолково и неясно для меня самого сталъ задумываться о совершеніи чего-нибудь грандіознаго и важнаго, чтобы отвлечь этимъ устанавливающуюся сосредоточенность Вари.

„Эхъ, храмъ бы какой-нибудь Эфесскій найти, — мучился я,—имъ вѣдь все эти храмы нужны. Возьми и подожги, и они за тобой на край свѣта пойдутъ“.

...Но куда, куда идешь ты русская женщина? Куда стремишься ты, загадочное, сильное и ничтожное существо? Что за дивныя чары владѣютъ тобой, когда ты, словно полоумная, въ сладкомъ экстазѣ, бросаешься въ объятья неизвѣстнаго по одному мановенію, ради одного только свѣтлаго слова, озарившаго передъ тобою на мигъ невидимыя дотолѣ перспективы? Куда, куда идешь ты?

И жизнь все еще не выучила тебя, что тамъ, гдѣ виднѣется свѣтлый идеалъ, также пусто, также бездушно, какъ и въ низменной жизни, отъ которой бѣжишь ты, что тамъ вдали миражъ рисуетъ въ избыткѣ тѣ картины, которыя ты несешь съ собой

въ своемъ вдохновенномъ сердцѣ. Куда, куда же идешь ты, русская женщина?

Не тамъ вдали, гдѣ указываетъ перстомъ „онъ", горитъ идеалъ, а въ тебѣ самой, и никогда, никогда не давай увлечь себя какой бы то ни было честной рукѣ. Ибо испоганитъ эта рука всякое свѣтлое, къ которому прикоснется, и тогда конецъ тебѣ: и идеаламъ, и стремленіямъ, и свѣту, и чистотѣ.

Между тѣмъ, несмотря на всю бережливость Вари, средствъ нашихъ перестало хватать на жизнь, и мы буквально начали голодать. Наступилъ моментъ, когда я, волей-неволей принужденъ былъ взяться за какой-нибудь трудъ. Но за дѣло я никогда просто не брался. Сначала я долженъ былъ поджечь себя, вдохновить, окропить мыслями о „святомъ народѣ" и высосать изъ своихъ мечтаній все счастье, которое обѣщалось мнѣ въ будущемъ. Думая о своихъ трудахъ, я уже видѣлъ себя обладателемъ богатствъ несмѣтныхъ, колоссальныхъ, я видѣлъ себя въ образѣ знатнаго иностранца, нарочно пріѣхавшаго въ Россію благодѣтельствовать. Я читалъ прекрасныя статьи о моихъ знаменитыхъ раутахъ, гдѣ собиралось самое избранное и изысканное общество; я читалъ удивительныя описанія какихъ-то экзотическихъ растеній, украшавшихъ монументальныя мраморныя лѣстницы моего дворца, читалъ похвалы милліонеру-иностранцу, которымъ былъ я, этому странному человѣку, бросавшему въ народъ золото, брилліанты и кредитки и залеталъ въ такую чертовщину, отъ которой потомъ со стыдомъ открещивался и отпирался. Наконецъ, я остановился на книжномъ издательствѣ. Первоначальный планъ мой былъ таковъ:

— „Найду, думалъ я, какихъ-нибудь молодыхъ непонятыхъ авторовъ и такихъ, что въ наукѣ потерпѣли, и такихъ, что въ литературѣ обошли, найду этихъ бѣдныхъ, измученныхъ подъ какой-нибудь крышей, людей, пущу ихъ въ ходъ, открою Россіи богатства въ самыхъ ея нѣдрахъ и тогда,—здравствуй честная, здоровая дѣятельность и обезпеченность"!

Однако, какъ-то незамѣтно планъ расширился и открываніе неоцѣненныхъ талантовъ переименовалось въ насажденіе культуры среди темнаго невѣжественнаго люда, И, конечно, когда я набрелъ на эту мысль, то нечего говорить, съ какой гордостью я сталъ посматривать на Боброва.

— Вотъ, вотъ гдѣ мое настоящее мѣсто,—заговаривалъ я съ Варей,—шагая по комнатѣ, вотъ гдѣ настоящая реальная дѣятельность; это не слова, не дрянныя, лживыя слова о комъ бы то ни было. Я не буду искать большого барыша, или нѣтъ, я ничего для себя не возьму, но пусть народъ учится, совершенствуется. Я заведу отдѣленія во всѣхъ трущобныхъ городишкахъ и наводню

всю Россію лучшимъ книжнымъ матеріаломъ, который буду отдавать по самой ничтожной цѣнѣ, а тогда,—тогда посмотримъ! кто и что эти Бобровы? Самозванцы! отъ чьего имени они говорятъ? Э, Варя, Вариньна, ничего, ничего ты еще не понимаешь, дитя ты, ребенокъ ты! Рабочій еще когда объявится, а тутъ на рукахъ живое народное дѣло. Пойди, просвѣти его темнаго, дай понять ему идеальнымъ классическимъ языкомъ современныхъ мудрецовъ, въ чемъ его горе, гдѣ его горе, увидишь, увидишь Варя...

Я одурѣлъ отъ мечты. И о деньгахъ не спрашивалъ себя и что голодали не чувствовалъ и все смаковалъ, смаковалъ.

— Ну что Варенька,—отрывался я отъ себя,—счастлива ты, удовлетворена? Довольно, довольно бездѣлія. Что мужикъ о которомъ мы бредили нѣкогда, не знаешь ты мужика, Варенька, совсѣмъ не знаешь. Онъ косный, онъ тяжелый, его одуряетъ запахъ земли, на которой онъ пашетъ, его одуряетъ запахъ сѣна, хлѣба, ясель, гдѣ ѣсть его худая лошаденка. Онъ не можетъ подняться, и грѣшно, грѣшно, Варенька, раскрыть ему всю современную язву. Пусть онъ остается невиннымъ младенцемъ у своихъ ясель, у сосцовъ коровенки, которая кормитъ его ребятишекъ, пусть онъ пашетъ и поетъ: „Ну тащися, сивка, пашней десятиной...“ и сохранимъ его такимъ, какъ онъ есть, со всѣмъ поэтическимъ, что его тамъ окружаетъ. Тамъ въ новой жизни, онъ своею непосредственностью, своею дѣвственностью освѣжитъ, оживитъ насъ, оживитъ утомительно сѣрое и быть можетъ, регламентированное счастіе. Но что и рабочій, Бобровскій рабочій, что онъ и кто онъ? Ничего, онъ Варя, ровнехонько ничего. Только новая язвочка, которая даже струпомъ не покрылась, а Бобровъ уже о его классовомъ сознаніи говоритъ. Не вѣрь, Варенька, не вѣрь, все это мечтанія и несправедливость безумная. Почему, если работать, то только въ пользу одного рабочаго? Гордыни тутъ много, Варенька, жестокости чрезмѣрной, дьявольской. А по моему не такъ. Всѣхъ нужно любить, Варенька, всѣхъ униженныхъ, всѣхъ замученныхъ. Всякую толпу жалѣть нужно, ибо всякая страдаетъ, всякая безъ хлѣба сидитъ, а не только Бобровская. Я не противъ Боброва, но глупо, Варенька, говорить, что нужно только къ той толпѣ пойти, которая носитъ въ зародышѣ сознаніе своихъ классовыхъ интересовъ. Много тутъ выдуманнаго, подъ теорію подогнаннаго и въ жизни оно совсѣмъ не такъ. Что до меня, то я страданіямъ не класса, а людей поклоняюсь и вездѣ, гдѣ есть страданія, я готовъ пойти помочь. Я за толпу, за всякую толпу.

Послѣднюю фразу я произнесъ съ громкимъ крикомъ. Потомъ я продолжалъ уже въ экстазѣ:

— Но мы не можетъ разомъ бросаться повсюду, очертя голову. Мы, Варенька, потихоньку, ты камешекъ, я камешекъ, потихоньку, Варенька, потихоньку и подъѣдемъ къ берегамъ. Видѣли мы это швыряніе и безтолковое бросаніе во всѣ стороны, видѣли мы... А мы поразумнѣе, поосторожнѣе, да повѣрнѣе. Наиздамъ я дарового классическаго матеріала и всѣ эти страдающіе поймутъ, поучатся и поймутъ, и тогда мы потихоньку, потихоньку схватимъ счастье и благоденствіе за рога, приведемъ на землю и на десять цѣпей закуемъ.

Не оторвался бы я тогда—такъ говорить хотѣлось. А она строго смотрѣла на меня своими загадочными глазами, и въ нихъ я читалъ себѣ приговоръ.

— Не спорь, не спорь,—вопилъ я, чувствуя, какъ кровь начинаетъ заливать мой мозгъ,—не спорь, не возражай; знаю, все знаю, что хочешь сказать. Но не перебивай, не перебивай святой мечты моей. Все, все отдамъ за нее. И когда она осуществится—даю обѣтъ—я пойду голыми ногами по разсыпанному стеклу, острія его пятой потирать буду и изодранный въ кровь, изрубленный я приду на широкую площадь и возоплю всѣми легкими моими къ народу: „Приходите, учитесь, познавайте“. А самъ я только постою подлѣ нихъ, погляжу и, быть можетъ, непонятый ими уйду, въ какую-нибудь глушь уйду, въ лѣсъ какой-нибудь, пустынникомъ стану, церковку сооружу и все молиться буду о святомъ народѣ.

Замучилъ я себя этими разговорами—вѣроятно, и ее также, но клянусь, зная, что все это чушь, чесотка по хорошему, я буйствовалъ, хотѣлъ, изступленно жаждалъ, чтобы оно какъ-нибудь и взаправду случилось.

Но ничего не случилось. Все сдѣлалъ, чтобы получше упиться говореніемъ и мечтой, даже написалъ одно ужаснѣйшее письмо издателю, даже университетъ бросилъ, но такъ-таки на полъдорогѣ остановился, утомленный, уничтожённый въ самомъ себѣ. Съ самаго начала вѣруя, что ничего не выйдетъ, я только съ мученіемъ ожидалъ той минуты, когда бѣсъ, наконецъ, отойдетъ отъ меня, и я посмѣю, убитый своимъ позоромъ, сказать себѣ: „Довольно, ступай, бездѣльникъ, на свое мѣсто до слѣдующаго кризиса, до слѣдующаго увлеченія.“

И помню, въ то время все пропало. Я захандрилъ, проклиная весь міръ и зная, что всему конецъ. Конецъ подъему, конецъ какому-нибудь движенію, порыву, конецъ жалости къ выбившейся изъ силъ Варѣ, конецъ даже раскаянію. Наступила снова жизнь слизняка, улитки, запершейся въ своемъ дворцѣ, жизнь паразита—мучителя, обвинявшаго и проклинавшаго.

Въ это скверное, морально-мертвое время я узналъ, что Варя

беременна. Ничего ужаснѣе этого извѣстія я себѣ не могъ представить. Ея горячій порывъ я встрѣтилъ враждебно, холодно и весь день умышленно не говорилъ съ ней. Меня все злило и возмущало въ ней; меня злили звуки ея взволнованнаго голоса, меня злило это мельканіе святого чувства въ глазахъ, ея шатающаяся изъ угла въ уголъ задумчивая фигура, со сложенными назадъ руками.

„Какъ, какъ,—злился я,—первый порывъ незнакомаго чувства?.. И это нищее подчердачное существо смѣетъ радоваться возобновленію своего рода! Но не убѣждалъ ли я ее, не кричалъ ли всѣми голосами своими, что не въ правѣ мы, пролетаріи, плодить дѣтей, что тамъ гдѣ-нибудь, въ самомъ глухомъ уголкѣ Европы не найдется уже такого ископаемаго, который не понималъ бы этой необходимости.

— Если ты находишь—,возражала—она, что мнѣ не слѣдуетъ имѣть дѣтей, то я и не буду, но честно, нравственно: разойдемся. Пойдешь ли ты украсть въ нуждѣ, убить изъ-за нужды? Вѣдь не пойдешь, Николай, руки на себя наложишь, а не пойдешь?

— Нѣтъ, украду,—вопилъ я,—сто разъ убью. Если жизнь подставляетъ такія диллемы, то глупъ тотъ, кто ради отвлеченной нравственности уступитъ. Довольно идолопоклонничать передъ этими старыми богами, которые всегда шли въ разрѣзъ съ дѣйствительными императивами жизни. Дикарь и тотъ научился колотить и сжигать идола, который не давалъ ему власти надъ императивомъ, а ты ползаешь и пресмыкаешься предъ этой старческой, выжившей изъ ума моралью, которая тысячи лѣтъ стоитъ пугаломъ надъ человѣчествомъ. На жизнь посмотри, въ дѣйствительность загляни и ты увидишь, какъ далеко люди шагнули впередъ. Въ обществѣ, гдѣ борьба за существованіе такъ ужасна, такъ всевластна, гдѣ обезпеченность личности становится все невозможнѣе, уже давно перестали заглядывать въ катехизисъ этой варварской, жестокой морали для того или иного рѣшенія, ибо каждый моментъ, переживаемый человѣчествомъ, можетъ имѣть только свое рѣшеніе. Рожать ли дѣтей, спрашиваетъ себя пролетарій? Нѣтъ не рожать, ибо жизнь сурова и не прощаетъ такой роскоши. Значитъ упразднить семью, опять спрашиваетъ пролетарій? Нѣтъ, ибо это невозможно. И отвѣтъ готовъ, что дѣлать.

Но разсужденія, споры, брань (бранился только я) ничто не помогло. Она заперлась въ своей высочайшей, свѣтлѣйшей кельѣ и съ глазами, возведенными горѣ, шла къ прекрасному счастью. Увлеченіе издательствомъ отчасти примирило меня съ ненавистной необходимостью сдѣлаться отцомъ, съ перспективой возиться съ маленькимъ, плаксивымъ, нечистымъ животнымъ, которое по-

требуетъ денегъ и денегъ. Но когда мое предпріятіе рушилось и впереди уже не виднѣлось ничего отраднаго, мысль о темно-красномъ, скользкомъ кускѣ мяса, которое скоро появится на свѣтъ и по законному праву выгонитъ меня на заработки, совсѣмъ извела меня.

По цѣлымъ днямъ я валялся на кровати и ненавидѣлъ Варю изо всѣхъ силъ. Ежеминутно я старался отравить ея мечту, высмѣять ея самоотверженіе. Я начиналъ издалека и вдругъ перескакивалъ къ ненавистному ребенку, котораго я называлъ ея сообщникомъ. Прежде всего я принимался зудить тихимъ и фальшивымъ голосомъ, набрасывая на себя нелѣпую, юродивую приниженность, которая могла бы камень извести. Лежа на кровати и кутаясь нарочно во всевозможное тряпье, я начиналъ со стоновъ и оханій, чтобы привлечь ея вниманіе. И когда она подходила ко мнѣ и заговаривала, я закрывалъ глаза и нарочно держалъ ее нѣсколько минутъ безъ отвѣта. Затѣмъ я начиналъ слабымъ и сквернымъ голосомъ говорить о несчастномъ человѣкѣ, который попросилъ бы, но не смѣетъ, чего-нибудь жидкаго, теплаго и маленькую, маленькую корочку хлѣба.

— Не въ правѣ я, Варенька, больше требовать,—тихо и медленно начиналъ я.—Я кто? Я бездѣльникъ, Варя, мыслящій бездѣльникъ. Но и знаю, что въ домѣ нѣтъ ничего другого. А если и есть, то кусочекъ мясца, что остался, надо для твоихъ и „сообщника“ силъ сохранить.

— Да нѣтъ же, Николай, никакого мяса, самъ знаешь, что нѣтъ. И зачѣмъ только ты,—съ порывомъ продолжала она...

— Ну можетъ быть и нѣтъ,—покорно перебивалъ я,—гдѣ же мнѣ все въ хозяйствѣ услѣдить. Впрочемъ, какой я. Варенька, хозяинъ, мнѣ вѣдь только подай да поднеси, да подложи. И не только подай, а и хорошаго подай. Теперь я, Варенька, больной, надорванный человѣкъ; теперь твои силы нужно подкрѣпить, чтобы ребеночка, тобою желаннаго...

— Оставь, Николай, оставь ради Бога,—вскрикивала она, вѣдь извѣстно уже чѣмъ кончится.

— Ну не оставь,—возражалъ я тѣмъ же сквернымъ голосомъ,—ребенка ты захотѣла, а кому и на что онъ нуженъ? Чѣмъ ты кормить его будешь, подумала? Вѣдь ты все о святыхъ чувствахъ мнѣ говорила, помнишь? Нѣтъ, Варенька, глупыя это были чувства, одинъ инстинктъ животный и ничего другого. Видишь, какъ оно свято все обернулось: я больной, надорванный, а ты...—я махнулъ рукой.—И подумать, какъ легко было избавиться отъ этого ребенка!

— Стыдно тебѣ это говорить,—горячо перебила она меня, стыдно, стыдно, вотъ все твердить буду, пока не устыдишься.

— Стыдно,—вскочилъ я, заоравъ и вдругъ сбрасывая маску,—кому, мнѣ-то? А жрать ты хочешь, юбчонку тамъ какую-нибудь, хоть грошовую, хочешь, шляпчонку, ботиночки не надобно тебѣ? А мнѣ что же ничего не нужно? Думаешь ли ты, что мнѣ сладко сгнивать здѣсь? О глупое, незамѣтное, оторопѣлое существо! Понимаешь ли ты хоть что-нибудь въ этомъ варварствѣ, которое учинила, забеременѣвъ? Нравственно, безнравственно—спорила ты. Да что ты въ этой нравственности понимаешь? Невѣжественна, какъ деревенская баба, какъ подпасокъ какой-нибудь и тоже о нравственности толковала. Нельзя убить чувство матери! Кого убить, что убить, невинность овечья!

Она начинала рыдать, а я, забывая, что творится со мною, что говорю, уже теряя дыханіе и заикаясь, кричалъ.

— Да, да почувствуешь, когда на твоихъ глазахъ, на твоихъ же рукахъ онъ станетъ переселяться въ лучшій міръ. Сначала онъ отъ голода выть начнетъ и долго и протяжно будетъ выть, какъ воетъ слѣпой котенокъ, котораго въ воду бросили; потомъ онъ хрипѣть начнетъ и все на тебя будетъ глядѣть: сначало сердито, дальше жалобно и еще дальше только знаками своими невинными или пантомимой одной умолять будетъ. Затѣмъ и хрипѣніе пройдетъ и наступитъ послѣдній актъ... А ты, вокругъ бѣгая и руки ломая, будешь причитывать, пока не осѣнитъ тебя безуміе. И мертвенькаго, холоднаго посинѣлаго, безумная прижмешь къ груди, чтобы согрѣть и укачать... А я, я, о Варя, отчего ты не послушала меня?! Я уйду куда нибудь да уйду отъ проклятаго мѣста, запью, опущусь на самое дно душевной грязи и до тѣхъ поръ буду пить, пока въ какой нибудь-бѣлой горячкѣ не свезутъ и меня къ сумасшедшимъ, тамъ послѣ многихъ лѣтъ скитанія и низкой жизни мы встрѣтимся съ тобой безумные и, можетъ быть, въ ту минуту просвѣтлѣніе снизойдетъ на насъ...

Гдѣ-то въ углу рыдала Варя и билась въ судорогахъ.

Но несомнѣнно, несомнѣнно во многомъ тутъ было вины и Боброва. Правда, было и переутомленіе, смерть въ душѣ отъ бездѣлія, отъ безсилія взяться за какое-нибудь дѣло, былъ страхъ передъ завтрашнимъ днемъ, который я долженъ былъ встрѣчать безъ всякаго оружія въ рукахъ, было озлобленіе и грязная накипь въ душѣ за разбитые идеалы, была тина, опутавшая мое существованіе стальными кандалами,—но былъ и Бобровъ. Онъ приходилъ всегда свѣжій, бодрый, разговорчивый и все, что приносилъ и вносилъ съ собой, явно предназначалось для Вари.

О, какая мука лежать въ своей кровати и, задыхаясь отъ зависти и ревности, прислушиваться къ свѣтлому, звонкому голосу, который плавно, ясно и увѣренно говоритъ о своемъ дѣлѣ, которому посвятилъ жизнь. И хочется въ такую минуту сорваться съ

своихъ цѣпей, подбѣжать къ этой здоровой груди и точно у высшаго существа попросить опоры, мужества, другого сердца.

Но тогда, когда я про себя горѣлъ и мечталъ, какъ я сорвусь, побѣгу и стану передъ нимъ, бѣсъ ревности начиналъ нашептывать мнѣ, что я глупъ и ослѣпленъ, что я самъ своими руками растлѣваю Варю, что я позволяю искусителю отрывать отъ меня дорогое существо, что, быть можетъ, въ эту минуту, когда я раскисаю и сентиментальничаю, совершается паденіе Вари и что вотъ да, да, вотъ она горитъ и задыхается какъ нѣкогда, когда я ее обольщалъ, и почти готова бросить меня.

А торжествующій голосъ все пѣлъ о работникѣ, который теперь превратился уже въ грозную, неистребимую стихію, сметавшую старый несправедливый міръ.

— „О, заговори о пустякѣ,—метался я, извиваясь отъ ревности и замышляя ужаснѣйшія казни для мщенія,—истреби иллюзію, заговори просто, какъ говорятъ обыкновенные люди. Не держись, не пари всегда въ высотѣ этихъ святыхъ вопросовъ. Дай передохнуть смущенной душѣ, дай остынуть запаленному сердцу. Развѣ не видишь ты, что она трепещетъ и готова броситься въ твои объятія“...

Но моя мольба оставалась невысказанной, и злой, потрясенный, не зная, люблю ли я ее, или ненавижу, я убѣгалъ изъ дому, нарочно оставляя ихъ съ глазу на глазъ. Я ходилъ по цѣлымъ часамъ не разбирая и не спрашивая себя, застану ли я еще ее у себя. И тогда великодушныя мысли овладѣвали мною.

— „Нѣтъ, Варя,—мечталъ я въ огнѣ,—такъ не уходи! Не хорошо это выйдетъ, Варя, а сдѣлаемъ это лучше по иному, по настоящему. Вотъ погоди, погоди, Варя, и я самъ пойду къ нашему хорошему и великодушному пріятелю и увидишь, Варя, какъ мы поймемъ другъ друга. Онъ оцѣнитъ меня, Варя, и ты, ты, моя милая подруга, и ты оцѣнишь. Я пойду къ нему и скажу: возьми ее, Бобровъ, я уступаю свое мѣсто. Ты выше, лучше цѣннѣе меня, ты долженъ быть подлѣ нея. Я же низокъ, ничтоженъ и благоговѣйно цѣлую твою руку. Я люблю тебя, твою здоровую грудь, твоего работника и прости ты меня, Христа ради. Будьте оба счастливы и помните измученнаго, неудачнаго человѣка, помните его вѣчно-стремившагося ко всему хорошему, но безсильнаго, безвольнаго, перваго готоваго презирать себя“.

Наэлектризованный этими возвышенными мыслями, я мчался какъ вѣтеръ впередъ и впередъ.

— „Потомъ,—мечталъ я,—уйду куда-нибудь, даже уѣду, быть можетъ, или просто пропаду безъ вѣсти и черезъ нѣсколько лѣтъ, когда послѣ серьезнаго изученія и славной дѣятельности, мое имя прогремитъ среди общественныхъ борцовъ и пронесется ве-

ликимъ, торжественнымъ звономъ, когда вокругъ него начнетъ слагаться какая-нибудь дивная поэтическая легенда, я въ одинъ прекрасный день скромно постучусь у нѣкоего крыльца и милая знакомая, съ блѣдноватымъ и все дорогимъ мнѣ лицомъ, женщина откроетъ дверь и, неузнавая таинственнаго гостя, спроситъ: „кого вамъ?“ Я буду красивъ, съ загорѣлымъ, непремѣнно загорѣлымъ лицомъ, и глаза мои будутъ радостно и ласково сверкать.

— „Я—Павловъ, просто скажу я“.

И я войду, и когда увижу того, кто нѣкогда разбилъ мою жизнь, я положу на его плечи свои загрубѣлыя руки и долго, и нѣжно, и грустно буду смотрѣть ему въ глаза“.

Но на обратномъ пути, когда я возвращался домой, вся черная, мрачная дѣйствительность вставала предо мною во весь свой ростъ, во всей своей угрожающей наготѣ и великодушіе мое смѣнялось жалобой, слезами и разрѣшалось, наконецъ, грознымъ гнѣвомъ противъ обольстителя.

— „Убить тебя, гадина, нужно, чтобы не таскался по чужимъ женамъ, горло твое поганое надо вырвать, чтобы не пѣлъ такъ звонко, словно обольстительная сирена, старыя заѣзженныя пѣсни. Мало тебѣ того, что ты нагулялся по разнымъ смраднымъ мѣстамъ, такъ теперь тебѣ чистенькаго, невинненькаго подай, каналья передовая! Знаемъ, знаемъ, какъ это легко общественнымъ соловьемъ разливаться, когда самъ первый бы радъ всѣхъ въ рабовъ своихъ обратить. Трудиться развѣ воистину хочешь? Врешь, передовой! Вотъ погоди, куроцапъ, доберусь я до тебя!“

Но, по мѣрѣ приближенія къ дому, воинственный пылъ мой ослабѣвалъ и, робко пробираясь по узкой лѣстницѣ, я съ ненавистью уже чувствовалъ, какъ на самой послѣдней ступенькѣ, почти у дверей, я струшу и постараюсь какъ-нибудь незамѣтно войти, юркну въ кровать и сдѣлаю видъ, что я даже не выходилъ, а все время тихо лежалъ на своемъ мѣстѣ. И досаднѣе всего было то, что продумавъ это, я, какъ заколдованный, не могъ уже иначе поступить. Я прокрадывался, забирался въ кровать и замиралъ. И хоть бы кто-нибудь изъ нихъ спросилъ, гдѣ былъ, куда ходилъ, хоть бы изъ презрѣнія спросилъ! Иногда отъ досады я даже самъ вызывался на разговоры. Начиналъ я о томъ, что вотъ молъ, теперь на улицѣ очень холодно и дождь льетъ въ три ручья, что человѣку, вышедшему изъ дому, легко теперь простудиться можно, если никто изъ близкихъ о немъ не позаботился, въ особенности такому, знаете Бобровъ, несчастному, оскорбленному человѣку, у котораго всѣ башмаки продырявлены, у котораго во многихъ мѣстахъ продырявлено сердце. И вотъ, знаете ли, идетъ такой осиротѣлый, домашнимъ неинтересный, одинокій человѣкъ по улицѣ,

и о чемъ, если бы вы знали, думаетъ такое существо Божіе? А на улицѣ никому до него дѣла нѣтъ. А дождь льетъ въ три ручья. И когда наконецъ такой человѣкъ возвращается къ себѣ домой въ какую нибудь мансарду,—незамѣтно, видите ли, приходитъ онъ, ибо такой уже отъ природы онъ незамѣтный человѣкъ—то ему никто согрѣться чаемъ не подастъ, хотя бы чаю тамъ для полка солдатъ хватило.

Я говорю Боброву, но смотрю куда нибудь въ сторону и порю эту дичь, нарочно дичь, какимъ-нибудь странническимъ голосомъ, а про себя думаю:

„Проберетъ тебя, куроцапъ, непремѣнно проберетъ, не это слово, такъ другое, а когда ты пикнешь, то тутъ тебѣ и конецъ".

Но я напрасно ждалъ, ни онъ, ни она не желали съ мной связываться. Десятки разъ и все посмѣлѣе, я начиналъ о тѣхъ же незамѣтныхъ да оскорбленныхъ во всемъ святомъ своемъ людяхъ, выгнанныхъ какимъ-нибудь превосходнѣйшимъ другомъ на улицу—ничто не помогало. Однако, я не уставалъ и на завтра разсказывалъ новую дрянненькую исторію, но еще болѣе глупую и паскудную. Со сладостью я погрузился въ эту ядовитую забаву. Кажется, что въ эту пору я съ ужасомъ узналъ бы, что они не влюблены другъ въ друга.

„Нѣтъ, пусть любятъ, обожаютъ другъ друга. Пой, пой, драгоцѣнный соловей, пой, милый другъ Бобровъ, пой, развратитель. Кричи громче о народномъ благѣ, объ идеалахъ, о будущемъ, но только дай насладиться твоимъ пораженіемъ, дай возможность упиться смятеніемъ и смертнымъ страхомъ дорогой тебѣ Вари".

Но время шло, и понемногу стрѣлы мои стали истощаться и ядъ ихъ разжижался въ моемъ настроеніи.

„Но чего, чего хочетъ этотъ мучитель отъ меня,—кричалъ я, хватая себя за волосы и бѣгая по улицамъ?—Почему они молчатъ, почему онъ ее не уводитъ? Что у нихъ такое происходитъ? Нѣтъ, заговорю, заговорю прямо. Силъ ужъ нѣтъ томиться".

И вотъ я заговорилъ.

Началъ я тотъ памятный вечеръ по старому. Унылымъ, невыразительнымъ голосомъ я повелъ рѣчь о какихъ-то шустрыхъ пострѣлахъ, да о французскихъ водевиляхъ, въ которыхъ застигнутые любовники обыкновенно прячутся въ шкафъ,—шкафъ ужъ такой непремѣнно имѣется и сквозной, сквозной,—о сиротливомъ человѣкѣ, у котораго, знаете, Бобровъ, одна какая-нибудь драгоцѣнность имѣется, единственная, но прекрасная дочь, тихое, кроткое существо, живущее, чтобы радовать сиротливаго человѣка. И вотъ гдѣ-то за спиной этого обиженнаго страдальца,

какая-то злодѣйская рука начинаетъ замышлять козни противъ него, потому что не можетъ злодѣйское сердце видѣть чье-нибудь счастье. Ловкимъ ходомъ какимъ-нибудь,—ихъ, знаете, множество въ расположеніи злодѣя,—завистливый человѣкъ втирается въ довѣріе угнетенной души, входитъ въ его домъ и тамъ подъ личиной вѣрности, смиренія, преданности, согрѣтая у груди змѣя потихоньку высовываетъ свое вредоносное жало и разбиваетъ жизнь бѣднаго страдальца. Несчастный, вы, конечно, догадываетесь, Бобровъ, высунувъ обольстителю языкъ, улетаетъ куда-нибудь на воздушномъ шарѣ, а кроткая, опозоренная дочь при видѣ такого ужаснаго зрѣлища выхватываетъ изъ-за пояса давно заготовленный кинжалъ и пронзаетъ имъ свою изстрадавшуюся грудь. И вотъ, Бобровъ, мораль для обольстителя: вверху воздушный шаръ, а внизу торчащій въ груди каталанскій ножъ,—закончилъ я прерываясь и теряя ежеминутно дыханіе отъ волненія.

„Промолчитъ, опять промолчитъ", подумалъ я закрывъ глаза.

— Не знаю, для чего вы эту чепуху несли?—вдругъ обернулся ко мнѣ Бобровъ.—Что за страсть у васъ юродивымъ прикидываться?

„Заговорилъ-таки, пробрало", пронеслось у меня и вдругъ я почувствовалъ въ себѣ такую рѣшимость, что, кажется, съ любой колокольни прыгнулъ бы внизъ головой.

— У Самсона волосы отрѣзали,—нарочно пробормоталъ, а не сказалъ я, но сейчасъ же потерялъ контроль надъ собой.

Не знаю и не помню, какъ я очутился подлѣ него; помню только два холодныхъ стальныхъ глаза, которые точно уперлись въ мое лицо; кажется, пронесся крикъ Вари.

— Юродивый? — завопилъ я.—Нѣтъ, вы вотъ скажите мнѣ, почему именно рабочій, почему, докажите. Но ясно, ясно и скорѣе къ дѣлу, да не закатывайте глазъ и не пойте. Почему рабочій? Я не дѣвица, не дѣвочка какая-нибудь и знайте разъ навсегда, что я въ рай обѣтованный благодаря честной мужской рукѣ не желаю пройти, не желаю, такъ и знайте, не желаю и не желаю. Мнѣ чтобы все было ясно, дисциплинировано и маршировало бы стройно и безъ хитростей, словно войско передъ генераломъ. Почему рабочій?

Я началъ, заикаясь и захлебываясь, но съ каждымъ словомъ становился смѣлѣе и задорнѣе, пока, наконецъ, не озлился и не остервенѣлъ.

— А мужика, мужика-то вы куда дѣнете? А культуру всю вы за что въ уголъ ставите? Не морочьте и не виляйте, говорю вамъ. Провинилась ли она уже такъ передъ вами, что вы ее въ два кнута сѣчете? Да знаете ли вы, что если бы не культура, то мы бы съ вами теперь не такъ бесѣдовали, а, вѣроятно, на чет-

вереньках драку завели. Ну да что говорить, все это не то. Вопросъ ясно стоитъ: гдѣ рабочій, гдѣ вы его видите? У насъ полтораста милліоновъ населенія, а вы десятью рабочими весь міръ перевернуть хотите. А китайцевъ въ количествѣ трехсотъ милліоновъ съ грядущимъ великимъ переселеніемъ забыли вы что ли? Что у васъ тогда ото всего останется? Шишъ, одинъ шишъ, говорю вамъ. А восточные вопросы вамъ извѣстны, скажите, извѣстны? Такъ куда же вы суетесь съ своимъ рабочимъ, чего же вы женскій полъ морочите, драконъ вы этакій. Или совершеннѣйшими орудіями, электрическими пулями и порохомъ всеобщее счастье водворять станете, теоретикъ вы безумный, гордыня безчеловѣчная...

— Вы съ ума сошли,—донесся до меня, какъ во снѣ, голосъ врага моего,—опомнитесь, придите въ себя.

— Врешь, врешь, врешь, герой всѣхъ русскихъ женщинъ,—забылся я,—не увернешься. Говори прямо, почему рабочій? Нутро твое распорю, горло проклятое вырву, если не отвѣтишь сейчасъ же, ибо я, можетъ быть, съ муками и слезами землю готовъ грызть, чтобы какую-нибудь правду найти. Весело тебѣ съ твоими теоріями нестись, да тросточкой помахивать, а тутъ люди ночей не досыпаютъ, чтобы до толка дойти, чтобы что-нибудь понять въ этомъ хаосѣ общественныхъ фактовъ. А ты съ семью рабочими всю болѣзнь человѣчью вылѣчить берешься. Мужика куда ты дѣнешь, отвѣчай? Зачѣмъ ты къ его міру присосался? Думаешь ли ты, что ему легче умирать будетъ на фабрикѣ, чѣмъ подъ властью земли? Вѣдь онъ все равно твоего счастья не увидитъ, какъ ни ты, ни внуки твои... Думалъ ли ты о немъ, теперешнемъ? Тебя его будущее какое-нибудь десятое поколѣніе интересуетъ, а ты на него посмотри. Ты что для него теперешняго сдѣлалъ? На фабрику сманить хочешь. Я юродивый! Нѣтъ, ты юродивый, ты, ты помѣшанный. Я уже давно, лежа на кровати, рѣшилъ это. А пришелъ бы ты лучше ко мнѣ, да спросилъ совѣта и я бы все рѣшилъ, рѣшительно все...

Я уже задыхался и въ головѣ у меня вертѣлось, какъ въ мельницѣ.

„Эхъ, оставить бы“, неслось у меня, и вдругъ, помимо своей воли, я заговорилъ какимъ-то чужимъ, тоненькимъ голосомъ.

— Знаете, Бобровъ, хорошо и полезно на кровати лежать. Вотъ попробуйте, но покипите сердцемъ, какъ я кипѣлъ, и тогда васъ словно молніей озаритъ. Право, лягте, вотъ и кровать, попробуйте, ну что вамъ стоитъ. А я за послушаніе вамъ воздушный поцѣлуй пошлю, не хотите, ну языкъ высуну, вотъ сейчасъ высуну,—ну убью! Думаете трудно убить? Нисколько. Притворитесь только, что потеряли связь въ мысляхъ, и убьете, кля-

нусь, убьете... Ну, пусть рабочій,—еще разъ завопилъ я, теряясь совсѣмъ и чувствуя, что вотъ-вотъ я упаду отъ усталости,—пусть, а зачѣмъ Варю нужно было обольщать? Думаешь ли ты, что если ты правъ, то Варя непремѣнно должна быть обольщена. Глупъ, глупъ ты, Голіафъ! И вотъ почему рабочій ни къ чорту не годится. Не надобно было обольщать, и я повѣрилъ... И зачѣмъ, зачѣмъ вы ее отнять у меня хотите, зачѣмъ вамъ мое единственное и послѣднее сокровище нужно? Думаете ли вы, что я потомъ на воздушномъ шарѣ укачу? Да и шаръ этотъ вздоръ, ну пусть и шаръ, но зачѣмъ вы такого, какъ я, обидѣть хотите? Подумали ли вы, что со мной станется, если она меня покинетъ? Сладко ли оно уже такъ у бѣднаго Урія послѣднее забрать...

У меня стали дрожать губы и крѣпясь, царапая свою кожу до крови со стыда и боясь, что вотъ-вотъ я расплачусь, я вдругъ не выдержалъ и разрыдался самымъ ужаснѣйшимъ образомъ. Варя подбѣжала ко мнѣ и, схвативъ въ объятія, усадила на кровать, а я, припавъ къ ея плечу, зная, что дорѣзываю, себя до конца, продолжалъ рыдать.

— Я къ мужику хочу, Варя,—прерывалъ я себя,—къ мужику. Ты увидишь, Варя, какъ я начну работать. Я хорошій, я тоже хорошій, я буду работать, вотъ увидишь, только бы въ деревню уѣхать. Ахъ, перваго бы мужика мнѣ увидѣть, и ты узнаешь, какой я хорошій человѣкъ!

Долго они сидѣли подлѣ меня тихо, не разговаривая и безшумно ухаживая. А я отъ времени до времени шепталъ:

— Къ мужику, завтра же къ мужику и ты увидишь, увидишь, Варя...

Подъ утро я кое-какъ забылся, но духъ Боброва виталъ надо мною и держалъ меня въ тревогѣ. Мнѣ снилось, что я спускаюсь съ горы въ деревню къ мужикамъ. Былъ праздничный день и отовсюду неслись пѣсни пьяныхъ голосовъ.

„Пьютъ и безобразничаютъ, съ горечью подумалъ я, поможешь тутъ много". И продолжалъ все спускаться. Вдругъ передо мною открылась большущая куча мужиковъ, которыхъ я раньше не замѣчалъ. Они спорили, ругались вокругъ чего-то и каждый разъ молодые голоса свирѣпо вскрикивали: „На сукъ, на сукъ проклятаго кровопійцу". Почему-то мнѣ ужасно подумалось, что толпа расправлялась съ Бобровымъ. Я на мигъ остановился, похолодѣвъ отъ радости. Потомъ побѣжалъ внизъ, растолкалъ толпу и поднялъ разбитую голову человѣка, котораго истязали. У меня внезапно отлегло отъ сердца: это былъ не Бобровъ, а деревенскій кулакъ. Лицо у него было маленькое, сѣроватое, носикъ безъ переносицы и наклоненный въ сторону, губки блѣдныя, будто тоненькія сцѣпившіяся змѣйки. Брезгливо и съ отвраще-

ніемъ я бросилъ эту изуродованную голову и, выдвинувшись изъ толпы, вдохновенно закричалъ: „Братья, братья, наступилъ злу конецъ. Отнынѣ вы экономически свободны, ибо пришла правда на землю, пришла она святая“. И обращаясь къ солнцу и необъятному горизонту, я умиленно докончилъ: „Свѣти же ярче, великое солнце, въ этотъ первый день новой исторіи. Прощай невѣжество и вѣковая несправедливость; на смѣну идетъ освобожденный и просвѣщенный мужикъ, который плечами завоевалъ свой золотой вѣкъ“. Я прибавилъ „аминь“ и вслѣдъ затѣмъ раздались торжественные и мощные звуки народнаго гимна, который стройно запѣлъ мужицкій хоръ. Съ благоговѣніемъ прослушавъ, я не выдержалъ и заплакалъ. Заплакали и мужики и бросились обнимать меня. Потомъ выкатили бочку водки и стали готовиться къ попойкѣ. Но вдругъ у бочки появился убитый деревенскій кулакъ, обвелъ всѣхъ своимъ гаденькимъ взглядомъ и, остановившись на мнѣ, ядовито выплюнулъ: „Рабочій идетъ“. И такъ онъ въ эту минуту сдѣлался похожимъ на Боброва, что я уже не сомнѣвался, что все время это и былъ Бобровъ. Съ пѣной у рта, я бросился на него, чтобы раздавить самаго мерзѣйшаго и подлѣйшаго гада, и нечаянно проснулся. Свѣтъ въ комнатѣ на мигъ ослѣпилъ меня и я моментально забылъ (только позже вспомнилъ) свой сонъ, а вчерашнее настроеніе, ревность, хотѣніе къ мужику словно не прекращалось во всю ночь. Варя все сидѣла возлѣ меня, а Боброва уже не было. На мгновеніе мнѣ страшно захотѣлось выкинуть какую-нибудь сильную штуку: сдѣлать видъ, что хочу броситься изъ окна на улицу или начать хладнокровно вбивать толстый гвоздь въ стѣнку, чтобы повѣситься. Однако, я ограничился тѣмъ, что, шопотомъ и боязливо озираясь, спросилъ у нея, гдѣ онъ?

— Еще ночью ушелъ,—отвѣтила она и посмотрѣла на меня своимъ яснымъ и чистымъ взглядомъ.

„Врешь, врешь, всполохнулось во мнѣ, грязная чистота, грязная, не надуешь“, и весь уже вскипѣлъ.

— Совсѣмъ ушелъ? допытывался я все шопотомъ и скверно поглядывая на нее.—Увѣрена ли ты въ томъ, что онъ сейчасъ и совсѣмъ ушелъ? Вѣдь они любятъ этакія ширмочки водевильныя, шкафчики сквозные и кто знаетъ еще что? Вѣдь эти Голіафы любятъ все вольное, запретное, чего ни по какому закону нельзя получить. Ибо, будучи всегда защитниками свободы, они общенія половъ и имуществъ никогда не отрицали. Такъ какъ же Варенька? На счетъ имуществъ не то что Голіафъ какой-нибудь, а самый наилютѣйшій разбойникъ ничего съ нами не подѣлаетъ, а вотъ, что касается половъ... Варенька, да не вопи ты, ради Бога, такъ пронзительно...

Я вскочилъ съ кровати, намѣреваясь помочь ей, но видъ этихъ неистовыхъ движеній вызвалъ во мнѣ такое непреодолимое желаніе подражать имъ, что я принужденъ былъ раньше позаботиться о себѣ.

— Издыхай тутъ съ своимъ любовникомъ,—злорадно вырвалось у меня, когда я нѣсколько овладѣлъ собой,—а теперь, теперь въ деревню, голубушка. Тамъ ужъ мы полѣчимся. Собирай сундуки, а я побѣгу за каретой.

Я наскоро сталъ одѣваться, лихорадочно подбѣгая каждый разъ къ Варѣ посмотрѣть, приходитъ ли она въ себя. Потомъ я нарочно хрипло кричалъ:

— Собирай сундуки; можешь даже любовника спрятать туда, только скорѣе, ради всѣхъ святыхъ, скорѣе.

Наконецъ, я выбѣжалъ на улицу и, какъ угорѣлый, бросился на поиски. „Этакій, какой-нибудь чичиковскій тарантасикъ бы найти,—мечталъ я ужасно оживленно,—эхъ, Боже мой, если бы найти!“

Не знаю, былъ ли я сумасшедшимъ тогда, но считалъ себя здоровымъ и только думалъ, что притворяюсь сумасшедшимъ, былъ ли я здоровъ, но желалъ сойти съ ума. Во мнѣ все смѣшалось и я жаждалъ только одного—работы, хотя бы каторжной, лишь бы утомиться отъ невыносимаго прилива переполнившихъ меня силъ.

Долго я скакалъ этакимъ образомъ, иногда забывая, зачѣмъ я бѣгу—я думалъ совсѣмъ о другомъ и безъ толку часто перебѣгалъ черезъ улицы, чуть ли не нарочно бросаясь подъ ноги лошадямъ.

„Все—таки пожалѣютъ, если лошади разобьютъ, неистово мечталъ я,—кто-нибудь, кто-нибудь пожалѣетъ. Ну, не всякій, такъ старушка какая-нибудь сердобольная, въ черномъ одѣтая, милая такая старушка, у которой навѣрно несчастная или чахоточная внучка имѣется. Вотъ и дѣти жалѣютъ. Пузанчикъ такой жизнерадостный, краснощекій мимо пройдетъ и искренно, всѣмъ дѣтскимъ сердцемъ своимъ заплачетъ. Чѣмъ не памятникъ эти слезы, чѣмъ не памятникъ, спрашиваю я тебя, о природа, о тусклое, холодное небо?“

Я остановился у фонаря и задумался. Улица невыносимо визжала, скрипѣла и грохотала.

„Ко всеобщему счастью стремятся“, усмѣхнулся я.

И вдругъ заметался:

— Господи, Господи,—вскричалъ я,—да чего же я стою тутъ? Ну и чего, чего ради у этого холоднаго, глупаго фонаря остановился? Ахъ, ахъ...

Отчаяніе и презрѣніе къ себѣ на минуту такъ пришпорило

меня, что я, схвативъ себя за голову, бросился бѣжать посреди улицы.

— Берегись, да берегисъ, чортъ...—рѣзко ругнулъ меня кто то и вслѣдъ затѣмъ послышался женскій крикъ. Я едва посторонился, улыбаясь одними губами. Раздался оглушительный стукъ копытъ по мостовой, дребезжащій и точно кричащій звукъ колесъ, и что-то, словно вихрь, промчалось мимо меня.

„Кажется, знакомые проѣхали,—озабоченно подумалъ я,—пожалуй, обидятся, что не поклонился“.

Я отвелъ руки отъ головы, такъ какъ кто-то легонько подталкивалъ меня сзади къ тротуару. Уныніе овладѣло мною, когда достигши со мной тротуара, неизвѣстный поправилъ на моей головѣ шляпу и вымолвилъ:

— По улицѣ большое движеніе, молодой человѣкъ, будьте осторожны. Грандіозное движеніе, молодой человѣкъ! Мы растемъ, растемъ и, помните мое слово, выростемъ.

„Кажется, знакомый человѣкъ, опять подумалъ я, пока онъ уходилъ. Гдѣ это я его видѣлъ?“

Я постоялъ, подумалъ, подумалъ и рѣшилъ, что это не можетъ быть Бобровъ.

„Ну такъ впередъ,—радостно встрепенулся я и опять побѣжалъ. Эхъ, теперь только бы тарантасикъ, дивный, чичиковскій тарантасикъ найти!“

Такъ безтолково бѣгая и мечтая—„да холмикъ пролеталъ бы мимо съ какимъ-нибудь забытымъ деревенскимъ кладбищемъ“, съ отвращеніемъ твердилъ я уже нѣсколько минутъ,—я очутился на извозчичьей биржѣ. Вдоль улицы тянулся цѣлый рядъ экипажей. Кучера расположились разно. Кто на козлахъ дремалъ, кто лошадямъ мѣшочекъ съ овсомъ подвязывалъ, кто курилъ; другіе сбились въ кучу и калякали между собой. Я остановился весь въ поту, задыхаясь и струсилъ.

„Подойти спросить,—съ трепетомъ спросилъ я себя? А почему не спросить, сейчасъ же отвѣтилъ я? Да поѣдешь ли ты, еще разъ спросилъ я? Господи, вырвалось у меня, когда же это мукѣ конецъ?„

Я стыдливо потоптался на мѣстѣ и, вѣроятно, долго бы простоялъ такъ, если бы одинъ изъ кучеровъ не подошелъ ко мнѣ и не спросилъ:

— Куда прикажете?

„Смѣется“, изумился я и сталъ пристально вглядываться въ него

„Кажется, знакомое лицо“, рѣшилъ я, наконецъ, и задумался.

Я стоялъ, играя пальцами, и все пристально глядѣлъ на него; потомъ я обвелъ взглядомъ и другихъ кучеровъ и на этотъ разъ испуганно удивился.

— Кажется, все знакомыя лица,—прошепталъ я съ ужасомъ, смѣшаннымъ съ безпокойствомъ.—Гдѣ это я видѣлъ ихъ?

— Куда прикажете,—раздался опять голосъ кучера, и какъ мнѣ показалось, уже настойчивѣе и повелительнѣе.

— Сейчасъ, сейчасъ,—покорно заторопился я и сталъ застегивать пальто на всѣ пуговицы.

„Вздоръ это не „онъ“, не можетъ быть“ и выпалилъ:

— Въ деревню!

Мы уставились другъ на друга и я, не выдержавъ, наконецъ, его вопросительнаго взгляда, ребячески засмѣялся.

— Въ деревню, дружокъ мой,—повеселѣлъ я,—въ деревню. Тамъ братецъ, видишь ли,—началъ я конфиденціально, схвативъ его за пуговицу кафтана,—мужики, то-есть мои знакомые мужики; бѣда тамъ у нихъ,—скороговоркой и хмурясь уже продолжалъ я, такъ имъ, милый мой, помощь нужна.

— Чай голодаютъ?—перебилъ онъ меня совсѣмъ другимъ голосомъ.

— А тебѣ на что,—брезгливо отодвинулся я отъ него и подозрительно оглянулся, не подслушивалъ ли кто-нибудь.—Это, милый ты мой, не хорошо допытываться. Не позволено,—строго выпрямился я,—по закону этого нельзя, не дозволено, не дозволено.

„Возьметъ, шельма, да въ полицію свезетъ, съ тоской заметался я. И зачѣмъ, зачѣмъ только я съ нимъ связался?“

— Въ какую деревню?—спросилъ кучеръ почтительнымъ голосомъ, который показался мнѣ еще подозрительнѣе.

— Нѣтъ, братецъ мой,—заегозилъ я и опять хватая его за пуговицу,—я, милый мой, къ слову только деревню назвалъ. Я это къ примѣру. Кому нужна деревня, пусть тотъ и ѣдетъ, а мнѣ, милый мой, городъ нуженъ, уединенная квартира, чтобы отъ людей уйти, ибо я знакомствъ не люблю. Знакомства къ худому ведутъ. Такъ-то, милый мой! Да и кому нужна деревня и что она такое? Ничего. Деревни нѣтъ, а есть мужикъ. А мужикъ самъ знаешь что. Глупый, безчувственный, непросвѣщенный и воръ. Его сѣчь нужно, чтобы онъ не баловалъ да подати исправно платилъ. Такъ-то, дружокъ мой, сѣчь нужно его, окаяннаго... А гдѣ бы тутъ, братецъ, мнѣ телѣжку этакую найти, тарантасикъ знаешь этакій?

Кучеръ поглядѣлъ, поглядѣлъ на меня, плюнулъ и отошелъ. Я осторожно сталъ пятиться назадъ и вдругъ поскакалъ, нарочно жестикулируя руками и ногами, чтобы тотъ принялъ меня за совершеннаго сумашедшаго.

„Ну и задамъ же тебѣ,—кипѣлъ я въ страшномъ негодованіи противъ Вари.—Любовниковъ захотѣла, а я за то на каторгу

пойди. Дряни какой-нибудь заалкала, а я за то платись. Нѣтъ, сударыня, нѣтъ не согласенъ."

И долго я еще такъ бѣгалъ, жестикулируя, ругаясь и разговаривая вслухъ. Одинъ разъ я, кажется, зашелъ въ какой то грязный дворъ попросить напиться, въ другомъ мѣстѣ я у кого-то распрашивалъ о тарантасахъ и не знаю ужъ какимъ образомъ очутился на базарѣ, гдѣ нашелъ въ изобиліи деревенскія телѣги. Прицѣлившись къ одной, которая, какъ мнѣ казалось, ближе всего напоминала что то чичиковское, я сторговался съ мужикомъ, который опять показался мнѣ знакомымъ человѣкомъ, на что я ужъ не обратилъ второпяхъ вниманія и, потирая весело руки, велѣлъ везти себя домой.

„Навѣрное, сундуковъ не приготовила", подумалъ я, когда телѣга заныряла по скверной мостовой и сейчасъ же задремалъ отъ усталости.

Внезапный толчокъ вывелъ меня изъ оцѣпенѣнія и я съ недоумѣніемъ сталъ осматривать запыленный. весь въ складкахъ мужицкій затылокъ, который въ это время повернулся, чтобы показать мнѣ толстое, бритое лицо съ короткими, желтоватыми зубами.

— Куда прикажешь,—сказалъ онъ губами,—направо что ли?

Мы стояли на перекресткѣ длинной улицы. Я подумалъ, подумалъ и сообразилъ, что направо.

— Валяй, валяй,—съ грустью вымолвилъ я,—отъ судьбы не убѣжишь.

Я привсталъ на своемъ мѣстѣ и балансируя, чтобы не выпасть изъ телѣги, продолжалъ говорить, обращаясь къ здоровому запыленному затылку, который страшно привлекалъ меня.

— Жену имѣлъ ты, сударь, жену, которую любилъ, обожалъ и лелѣялъ?

И когда онъ мотнулъ отрицательно затылкомъ и поднялъ кнутъ, я почувствовалъ себя совершенно въ его власти.

— А я, милый ты мой, имѣлъ. Но не умѣла быть женой, не надо было замужъ выходить, правда, братецъ, не надо было. Хоть бы предъ тобой тутъ зарѣзался человѣкъ, не надо было выходить, такъ что ли,—съ мольбой допытывался я у запыленнаго затылка.—А вышла, такъ потому я за это отвѣчай, духа не поняли моего, такъ я на каторгу за васъ пойди, безъ денегъ остались, такъ любовника вамъ подай.—Такъ что ли, все жалобнѣе умолялъ я затылокъ, точно въ немъ мое спокойствіе лежало.—Посердились такъ вонъ его изъ дому голоднаго, безсильнаго, вонъ изъ дому, возвышалъ я голосъ.—Такъ что ли, сударыня, тому вы выучились у меня, тому ли, спрашиваю я васъ? А мужъ, сиди на колесѣ и катись!

Я, наконецъ, рѣшился сѣсть и больше не заговарилъ, предаваясь самымъ грустнымъ мыслямъ. И когда мы подъѣхали къ дому, я сошелъ настороживишсь...

Взобравшись въ одинъ мигъ наверхъ, я нарочно вихремъ вбѣжалъ въ комнату и развязно крикнулъ: „Эй, хозяйка, готовы сундуки? Мужикъ помоги сносить."

Варя попыталась было заговорить, распросить, но я живо оборвалъ ее.

— Впередъ, впередъ, въ деревню,—закричалъ я оживленно.— Тамъ, тамъ начнется наша новая жизнь. Увидишь Варя, только поторопись и не разспрашивай.

Такъ какъ ничего не оказалось приготовленнымъ, то я сталъ живо складывать все, что попадалось подъ руки въ сундуки, сопровождая свою работу патетическими возгласами и поминутно требуя помощи. Руки у меня дрожали, голова кружилась и нѣсколько разъ я чуть было не поддался искушенію бросить всю эту глупую работу, лечь въ кровать и хоть одну минуту передохнуть. Между тѣмъ дѣло шло своимъ порядкомъ и въ скорости все было упаковано, завязано, вынесено съ помощью мужика на улицу и возложено на телѣгу. Отступить было уже поздно и стыдно, и такъ измученный я усѣлся на свое сидѣнье, Варя рядомъ со мной и послѣ многочисленныхъ окриковъ мужика, „все ли готово", „не забыли ли чего", мы тронулись въ путь. Проѣзжая по городу, я держалъ себя спокойно, точно видъ этихъ сѣрыхъ улицъ, сѣрыхъ домовъ, сѣрыхъ людей замыкалъ мое волненіе. Но какъ только мы выѣхали въ поле и я услышалъ мягкій стукъ копытъ по ровной землѣ, я весь закипѣлъ и все дальнѣйшее совершилось уже безъ моей воли. Бѣшенный экстазъ овладѣлъ мной при видѣ безпредѣльности, которую вездѣ встрѣчали мои глаза. Вся природа съ блестящимъ солнцемъ и обширнымъ полемъ, съ разноцвѣтными дорогами, съ горизонтомъ, казавшимися тихимъ, вѣчнымъ моремъ, съ синимъ воздухомъ и моимъ сердцемъ, со всѣмъ могуществомъ, безконечнымъ міромъ, нигдѣ не скованнымъ какой либо преградой, все слилось для меня въ одно обожаніе и преклоненіе предъ кѣмъ-то.

— „Зачѣмъ онъ погоняетъ? съ недоумѣніемъ спрашивалъ я себя, глядя на мужика. Зачѣмъ несетесь и вы, покорныя лошади, зачѣмъ катитесь и вы, колеса? О, остановитесь, умилитесь и вы передъ вѣчной гармоніей, умилитесь и забудьте о своемъ жалкомъ жребіи... Но ты, солнце, ты свѣти и никогда не уставай посылать свои благодѣтельные лучи на прекрасную землю, гдѣ каждая былинка, гдѣ ничтожное колесо и геній, гдѣ козявка, лошадь и орелъ, каждое по своему поддерживаетъ радостное настроеніе вселенной. И благословляю изъ жаркаго сердца, изъ

переполненнаго, освѣженнаго сердца эту минуту и тебя, вселенная. Благодарю, о благодарю!“

У меня перевернулось сердце отъ блаженства. Съ радостнымъ уничиженіемъ я обвелъ взглядомъ золотистыя, бросавшія на насъ тѣнь облака, далекій горизонтъ, землю, великую, безпечную землю, которая, сверкая всѣми цвѣтами радуги, бѣжала вокругъ насъ, увлекая за собою зеленѣющія нивы, деревья, холмы, и тихо заплакалъ.

— Стой, стой—закричалъ я, обращаясь къ мужику, довольно нестись. Здѣсь мы сойдемъ.

Мужикъ повернулъ ко мнѣ голову, точно желая еще разъ услышать приказаніе, но не дождавшись, махнулъ рукой и удержалъ лошадей. Я быстро спрыгнулъ внизъ и не обращая вниманія на Варю, которая послѣдовала мной, подбѣжалъ къ манившей меня лужайкѣ, гдѣ остановился переполненный невѣдомыхъ сладкихъ чувствъ. Помню, когда я разслышалъ топотъ шаговъ мужика и запыхавшееся дыханіе Вари, въ головѣ моей моментально все перевернулось. Какъ сновидѣніе промелькнула у меня мысль, что трое были при созданіи міра и трое вѣроятно будутъ, когда міръ черезъ милліоны лѣтъ окоченѣетъ отъ холода. Тутъ же я рѣшилъ, что „ихъ“ нужно наказать и что для этого мужикъ и интеллегентъ братски подадутъ другъ другу руку, ибо въ нихъ, крайнихъ точкахъ, соединенныхъ ревностью и ненавистью къ смутителю, весь смыслъ грядущей исторіи, что исторія не факты войнъ и хронологія, а всеобщее притворство и потому, именно потому нужно теперь совершенно и въ конецъ притвориться, чтобы совсѣмъ ужъ втоптать ее въ грязь.

Вся эта дребедень пронеслась въ моей головѣ, меньше чѣмъ въ мгновенье, и я почувствовалъ себя готовымъ.

— Вотъ тутъ мы имъ покажемъ,—пробормоталъ я, въ негодованіи.—Не будешь лазить по чужимъ женамъ, куроцапъ проклятый! Стоялъ бы я развѣ здѣсь, если бы не ты,—здѣсь среди этого проклятаго грязнаго поля, когда дома за квартиру не заплачено и хозяйство разорено... Изъ дому выгналъ,—возвысилъ я голосъ.—Жалко тебѣ стало, что мы гнѣздо насидѣли, такъ ты рабочаго принесъ. А яда, другого яда не нашлось для насъ въ мірѣ. А ста ядовъ не нашлось бы у какого-нибудь дрогиста даже для самаго обширнѣйшаго сердца. Весь міръ захотѣлъ спасти, такъ я за то жены лишись. Но...

— Оставь,—дазно умоляла меня Варя, отъ которой я отбивался, какъ отъ назойливой мухи,—ради Бога, опомнись! И зачѣмъ здѣсь? Господи, что ты это выдумалъ! Поѣдемъ домой, ради Бога поѣдемъ.

— Но наступила минута возмездія,—продолжалъ я, не слу-

шая ее.—О мужикъ, святое всеисцѣляющее существо. Тебѣ я иду помочь всѣми силами и способностями. Не горюй, не томись, мой возлюбленный народъ. Тотъ—кто денно и нощно думалъ о тебѣ, кто дышалъ одной мыслью помочь тебѣ, готовъ, онъ уже въ пути, онъ идетъ къ тебѣ.

Я вырвался отъ нея, чувствуя крылья за спиной, и отбѣжавъ нѣсколько шаговъ, остановился, посмотрѣлъ кругомъ себя и заговорилъ:

— Здѣсь мы построимъ великую хижину. Здѣсь. Дивная земля, мать міра, тебѣ я посвящаю тайну, давно взлелѣянную въ сердцѣ моемъ. Съ четырехъ концовъ вселенной будутъ стекаться къ великой хижинѣ и всѣ мірскіе вопросы будутъ разрѣшаться въ ней душевно, радостно, въ мудрыхъ бесѣдахъ. Не въ деревню мы пойдемъ, ибо деревня соблазнъ, а деревня придетъ къ намъ. И тогда мы научимъ, наставимъ и отпустимъ съ миромъ. Свѣтъ нашего ученія изъ устъ въ уста, какъ волна къ волнѣ, разнесется во всѣ стороны, ибо слово идетъ дальше свѣта, ярче свѣта. Мудрыя бесѣды возвысятъ мысль, выведутъ ее изъ ничтожности, очистятъ духъ отъ суеты и это передастся всѣмъ скорбящимъ. Ибо душу, во-первыхъ и во-первыхъ, нужно очистить отъ зла, соскоблить съ нея вѣковую скверну и сдѣлать ее зеркаломъ, чтобы дурное и злое могло только отражаться въ ней, но не повелѣвать... Все счастье души въ покоѣ и созерцаніи. Смотри, но не соблазняйся, не соблазняйся и не будешь злиться. Главное, не злись, не зарься на чужое добро, счастье, жену. И тогда ты, мужикъ, принесешь миръ, ибо ты есть миръ. Но не рабочій, не рабочій, ибо онъ золъ, озлобленъ, какъ его учитель. Ибо онъ хочетъ пожрать міръ, царить. А мужикъ добръ, кротокъ и незлобивъ. Числомъ онъ великъ и его не сочтешь. Сидитъ онъ у земли, у самой матери подлѣ сосцовъ и кормитъ насъ, сытыхъ и злыхъ. Всѣмъ онъ братъ и всѣмъ братьямъ старшимъ отдаетъ любовно все, что имѣетъ, и добро свое, и спину свою. Отъ того онъ голоденъ, холоденъ, скорбитъ и въ цѣпяхъ. Рабочій же золъ, смутитель, женоискатель и развратникъ. Алчный, хищный, съ понуренной головой и злыми глазами. Онъ требуетъ жертвъ и мужикъ бросаетъ деревню и идетъ за нимъ и развращается. И этому нужно положить конецъ. Здѣсь, здѣсь, въ великой хижинѣ съ четырьмя дверями во всѣ стороны, не двигаясь, начнемъ мы борьбу со зломъ. И сдѣлано это будетъ безъ злобы душевной и радостно. Истинно, истинно говорю вамъ, не пройдетъ много времени и всѣ злые, черные гады уйдутъ въ свои норы. Привѣтъ же тебѣ, мать земля, привѣтъ тебѣ—дивный пріютъ, гдѣ зародится звѣзда будущаго, привѣтъ, мѣсто, гдѣ выраститъ великая хижина съ четырьмя дверями во всѣ стороны, въ которой будутъ

сходиться и мудрые, и глупые, и сытые, и голодные, и больные, и здоровые, и скорбящіе, и радостные. Привѣтъ и тебѣ, мужикъ— освободитель, и тебѣ, женщина, долженствующая принести тихое веселіе и блаженство.

Я хотѣлъ стать на колѣни, чтобы поклониться землѣ, мужику и Варѣ, но это оказалось невозможнымъ: кто-то давно, неумолимо тянулъ меня куда-то.

„Пусть тащитъ,—блаженно думалъ я, не сопротивляясь,— пусть тащитъ!"

Мнѣ показалось, что я хочу улетѣть туда, въ это безпредѣльное, дорогое небо, и въ это самое мгновенье я почувствовалъ, что поднимаюсь вверхъ. Я взмахнулъ руками и увѣренно, какъ птица, сталъ въ воздухѣ и поплылъ. Отъ волненія у меня закружилась голова и я положилъ ее на что-то мягкое и теплое. Противъ моихъ глазъ поднималась, какъ столбъ, темно-красная, морщинистая шея и терялась въ грудѣ пыльныхъ и желтоватыхъ волосъ. Чѣмъ-то страннымъ пахло отъ этого столба, и я отвернулъ голову.

„Пусть несетъ,—думалъ я,—пусть несетъ, ибо въ жизни каждаго кто-нибудь носитъ."

Потомъ я очутился рядомъ съ Варей, и телѣга тронулась. Спокойное и прекрасное небо медленно стало уходить отъ меня назадъ вмѣстѣ съ солнцемъ и облаками, а далеко, далеко впереди небесный сводъ завертѣлся, какъ самый маленькій волчокъ.

Слышалъ я, какъ Варя тихо плакала, и изрѣдка теплыя слезы ея падали мнѣ на лицо и текли по моимъ щекамъ, точно родныя. Но я не жалѣлъ ее. Я жалѣлъ о вѣчно холодномъ безпредѣльномъ небѣ, прекрасномъ и суровомъ, къ которому я не могъ улетѣть, чтобы раствориться въ его величавомъ равнодушіи ко всему, всему...

Но еще, еще болѣе жалко было лошади, которая мелкой рысцей плелась куда-то, позвякивая своимъ колокольчикомъ, разсказывавшимъ мнѣ странныя и печальныя исторіи,—плелась впередъ, все впередъ куда-то, Богъ знаетъ зачѣмъ...

Семенъ Юшкевичъ.

ВЪ ЛѢСУ.

М. Конопницкой (переводъ съ польскаго).

I.

Вечеръ блѣдный, вечеръ мглистый;
Грустно гаснетъ хмурый день.
Вслѣдъ за мной лѣсной тропинкой
Неотступно бродитъ тѣнь.
Не зоветъ къ себѣ, не манитъ,
Только вширь и вглубь за ней
Даль минувшаго сверкаетъ
Въ зоряхъ первыхъ ясныхъ дней.
Не зоветъ меня, не манитъ,
Бездыханна, неясна...
Только лѣсъ шумитъ и будитъ
Пѣсни старыя отъ сна.
Пѣснь съ зарей слилась, и душу
Озаряетъ кроткій свѣтъ.
Тихо я иду въ раздумьи,
Тѣнь за мной идетъ во слѣдъ,
По кустамъ прозрачной, зыбкой
Протянулась полосой.
Шепчетъ листъ, вверху засохшій,
Все внизу блеститъ росой.
Внизъ гляжу ли, вверхъ ли гляну,
На глаза роса падетъ...
А въ просвѣтахъ чащи блѣдныхъ
Слышенъ сонный, легкій ходъ...
. . . .

II.

По тропѣ иду, затерянъ
Въ тишинѣ глуши лѣсной,
Слышу вздохи блѣдной тѣни,
Что колеблется за мной.
Не ищу ее, не брошу,
Но стѣснило что-то грудь,
И не смѣю обернуться,
Чтобъ въ лицо ея взглянуть.
Не гонюсь, не убѣгаю
И не плачу, не дрожу,
Но въ тоскѣ ломаю руки
Всякій разъ какъ съ ней хожу.

Но волнуетъ что-то тайно
Въ часъ вечерній сердце мнѣ:
То душа моя за мною
Ходитъ, знаю, въ тишинѣ.

III.

На краю поляны этой,
Что уходитъ въ темный боръ,
Я стою въ тоскѣ глубокой,
Обративъ назадъ свой взоръ.
Ничего вокругъ не видно:
Все сѣдая скрыла мгла,
Мохъ обрызгала росою,
По дорогѣ залегла.
Только тихій вздохъ несется
По вѣтвямъ въ лѣсной глуши,
Да незримыхъ трепетанье
Крыльевъ слышится въ тиши.
Да далеко, черезъ поле,
Гдѣ костеръ давно погасъ,
Искру кто-то раздуваетъ
Въ немъ, невидимый для глазъ.
Только видно, какъ выходитъ
Черный дымъ изъ курныхъ хатъ,
Только сосны стонутъ глухо,
Да цвѣты льютъ ароматъ.

IV.

И стою задумчивъ, блѣденъ,
Въ мракъ и тѣнь вперивъ свой взглядъ,
И внимаю, какъ вздыхаетъ
Лѣсъ, весь трепетомъ объятъ.
Сѣлъ на камнѣ я холодномъ,
Но напалъ внезапный страхъ,
Какъ свою искать я душу
Сталъ въ померкнувшихъ лучахъ,—
Въ этомъ дымѣ, что несется
Надъ поляною лѣсной,
Въ блѣдномъ мхѣ, росой покрытомъ,
Въ легкой, влажной мглѣ ночной.
Слезъ горячихъ капли тихо
На бездушный пали мохъ,
И въ отвѣтъ имъ въ полумракѣ
Лѣсъ мнѣ шлетъ свой тихій вздохъ.

А. Калин—скій.

НА ЖЕНЕВСКОМЪ ОЗЕРѢ.

Мы пріѣхали изъ Парижа въ Женеву подъ дождемъ, ночью, но къ разсвѣту отъ дождя осталась только свѣжесть въ воздухѣ. Отворивъ дверь на балконъ мы почувствовали упоительную прохладу ранняго осенняго утра. Въ улицахъ таялъ молочный туманъ съ озера, солнце тускло, но уже бодро блистало въ туманѣ, а влажный вѣтеръ тихо покачивалъ кроваво-красные листья дикаго винограда. По обыкновенію, мы умылись и одѣлись быстро и вышли изъ отеля точно послѣ морской ванны: освѣженные крѣпкимъ сномъ, готовые на какія угодно скитанія и съ молодымъ предчувствіемъ чего-то хорошаго, что сулитъ намъ день.

— Славное утро опять послалъ намъ Богъ! — сказалъ мнѣ товарищъ.—Ты замѣтилъ, что первый день послѣ нашего пріѣзда куда-нибудь—непремѣнно погожій? А главное—какъ весело! Право, это совсѣмъ не такой пустякъ, какъ думаютъ,—не курить, ѣсть только молоко, зелень, жить на воздухѣ и просыпаться вмѣстѣ съ солнцемъ! Я говорю о томъ, какъ это утончаетъ и облагораживаетъ духъ! Посмотри, что скоро объ этомъ будутъ говорить не доктора, а поэты...

Я молча, улыбкой, согласился съ нимъ. Дѣйствительно, мы все время нашего путешествія жили очень воздержанно и почти не курили, что давало ощущеніе, давное неиспытанное,—ощущеніе чистоты и юношеской свѣжести. На скорую руку мы выпили въ ресторанѣ кофе, посмотрѣли утреннюю торговлю на рынкахъ, зашли въ отель за путеводителемъ и уже на цѣлый день пустились куда глаза глядятъ.

Въ городѣ было тихо и безлюдно въ это утро. Было воскресенье, магазиновъ еще не открывали, а блестящіе вагончики электрическаго трамвая проносились по чистымъ и прохладнымъ улицамъ совсѣмъ почти пустые.

— Къ озеру!—въ одинъ голосъ сказали мы, выходя изъ отеля.

Но гдѣ оно, въ какой сторонѣ? И на минуту мы остановились въ недоумѣніи. Вдалекѣ направо все было въ легкомъ свѣтломъ туманѣ, а мостовая въ концѣ улицы блестѣла подъ солнцемъ, какъ золотая.

— Да ужъ не озеро ли это? — пришло мнѣ въ голову.

— Озеро,—не колеблясь, сказалъ мнѣ товарищъ, и мы быстро пошли къ тому, что казалось мокрой и блестящей мостовой.

Солнце на пустой набережной уже сильно пригрѣвало сквозь туманъ и все сіяло передъ глазами. Но долины, озеро и дальнія Савойскія горы еще дышали туманной свѣжестью. Выйдя на набережную, мы невольно остановились въ томъ радостномъ изумленіи, которое испытываешь всегда, внезапно увидавъ красоту и просторъ моря, озера или долинъ съ высоты. Савойскія горы таяли въ свѣтломъ утреннемъ парѣ, такъ что подъ солнцемъ едва можно было различить ихъ: приглядишься — и уже только тогда увидишь тонкую золотистую линію хребта, вырѣзывающуюся въ небѣ, а потомъ почувствуешь и самую массивность горныхъ громадъ. Вблизи же, въ огромномъ пространствѣ долины, въ прохладной и влажной свѣжести тумана, лежало голубое, прозрачное и глубокое озеро. Оно еще дремало, какъ дремали и косые паруса лодокъ, столпившихся у города. Точно сѣрыя поднятыя крылья возвышались они въ воздухѣ, но были еще безпомощны въ тишинѣ утра. Двѣ-три чайки низко и плавно скользнули надъ водою, и одна изъ нихъ вдругъ блеснула мимо насъ крыльями и метнулась въ улицу. Мы разомъ обернулись за ней и видѣли, какъ она, испуганная непривычнымъ зрѣлищемъ, сдѣлала рѣзкій и быстрый поворотъ назадъ.

— Вотъ славно!—воскликнулъ мой спутникъ.—Подумай,—какъ счастливы люди, въ города которыхъ залетаютъ чайки въ солнечное утро и вдругъ напоминаютъ о чемъ-то радостномъ и вольномъ, что есть на свѣтѣ!

И насъ потянуло въ горы, на озеро, куда-то въ даль... Пока испарялся туманъ, мы сходили въ городъ, купили въ кабачкѣ вина и сыру, полюбовались чистотой и привѣтливостью улицъ, живописными тополями и платанами въ тихихъ и золотыхъ садахъ... Бирюзовое небо стало уже ярко и чисто надъ ними.

— Знаешь,—сказалъ я,—мнѣ часто не вѣрится, что я дѣйствительно въ тѣхъ мѣстахъ, о которыхъ, бывало, только мечталъ, глядя на карту, и часто хочется напомнить себѣ объ этомъ какъ-нибудь посильнѣе. Чувствуешь ты, напримѣръ, что вотъ за этими горами, такъ близко отъ насъ—Италія? Чувствуешь ты югъ въ этой удивительной осени? А вотъ Савойя—родина тѣхъ самыхъ мальчиковъ-савояровъ съ обезьянками, о которыхъ читалъ въ дѣтствѣ такія трогательныя исторіи!

И мечтая о томъ, какъ много еще у насъ впередъ новаго, неизвѣданнаго и прекраснаго, мы почти до конца прошли набережную по направленію къ Лозаннѣ и наняли у пристани лодку. Ни о чемъ будничномъ не хотѣлось думать въ это праздничное утро и оно приняло насъ такъ привѣтливо и радостно.

*

У мостковъ пристани мирно дремали на солнцѣ и лодки, и лодочники. Въ голубой, прозрачной водѣ глубоко видны были песчаное дно, сваи и кили лодокъ. Было совсѣмъ лѣтнее утро, и только по тому спокойствію, которое царило въ прозрачномъ воздухѣ, чувствовалось, что это спокойствіе послѣднихъ дней осени. Отъ тумана не осталось и слѣда, голубое озеро было необыкновенно далеко видно по долинѣ. И снявъ пиджаки, мы весело засучили рукава и взялись за весла. Пристань отошла и стала быстро удаляться. Уходилъ и сіявшій подъ солнцемъ городъ, набережная, парки... Впереди вода блестѣла ослѣпительно, и около лодки становилась все глубже, тяжелѣй и прозрачнѣй. Весело было погружать въ нее весла, чувствовать ея упругость и смотрѣть, какъ взлетаютъ изъ-подъ веселъ свѣтлыя и прохладныя брызги. А когда я оглядывался, я видѣлъ раскраснѣвшееся лицо моего товарища и голубую ширь озèра, вольно и спокойно лежавшаго среди покатыхъ горъ, покрытыхъ желтѣющими лѣсами, виноградниками и виллами въ паркахъ.

— Не спѣши!—сказалъ мнѣ, наконецъ, товарищъ и опустилъ весла.

Опустилъ и я, и тотчасъ же наступила глубокая и давно уже не испытанная нами тишина. Прикрывъ глаза, мы долго слышали только однообразное журчаніе воды, бѣгущей вдоль бортовъ лодки. И даже по звуку можно было угадать, какъ чиста и прозрачна она.

— Ѣдемъ?—спросилъ я тихо.

— Погоди,—слушай!—перебилъ меня товарищъ.

Я совсѣмъ поднялъ весла и журчаніе стало медленно замирать. Съ веселъ упала капля, другая... Солнце все жарче пригрѣвало намъ лица... И вотъ издалека-издалека долетѣлъ до насъ мѣрный и звонкій голосъ колокола, одиноко звонившаго гдѣ-то въ горахъ. Такъ далеко былъ онъ, что порою мы едва улавливали его.

— Помнишь колоколъ Кельнскаго собора?—вполголоса спросилъ меня товарищъ.—Я проснулся раньше тебя,—еще утренняя заря чуть брезжила,—сталъ у раскрытаго окна и долго слушалъ, какъ онъ одиноко и звонко кричалъ надъ своимъ старымъ городомъ... Помнишь органъ въ соборѣ и всю средневѣковую красоту древнихъ костеловъ, которую пережили мы? А потомъ Рейнъ, старые города, старыя картины въ галлереяхъ, Парижъ... Но это не то, это лучше... Ты слушаешь?

Звонъ колокола, чистый и нѣжный, доносился до насъ теперь явственнѣй, и необыкновенно пріятно было слушать его, сидѣть съ закрытыми глазами и чувствовать ласку солнца на лицѣ и мягкую прохладу отъ воды. Съ отдаленнымъ, глухимъ и сердитымъ ропотомъ колесъ прошелъ верстахъ двухъ отъ насъ весь бѣлый и сверкающій пароходъ изъ Лозанны. Плавные и стекло-

видные перекаты воды долго и широко бѣжали къ намъ и, наконецъ, ласково заколыхали лодку.

— Вотъ мы и у предверія въ Альпы!—сказалъ мнѣ товарищъ, когда пароходъ сталъ, сокращаясь, удаляться.—Все теперь такъ далеко отъ насъ, жизнь всей Европы осталась гдѣ-то тамъ, за этими горами, а мы какъ будто вступаемъ въ благословенную страну вѣчной горной тишины, которой нѣтъ имени на нашемъязыкѣ.

Медленно работая веслами, онъ говорилъ и слушалъ, а озеро все шире обнимало насъ. Звонъ колокола временами казался то ближе, то дальше.

„Гдѣ-то въ горахъ, думалъ я, пріютилась маленькая кирка и одна славитъ своимъ звонкимъ голосомъ миръ и тишину воскреснаго утра, призывая идти къ ней по горнымъ тропинкамъ, надъ голубымъ озеромъ...“

И ничто не омрачало свѣтлой красоты праздничнаго дня южной осени. Далеко по горамъ пестрѣли нѣжными осенними красками лѣса и рощи, по обѣимъ сторонамъ озера одиноко проводили ясный осенній день тихія и живописныя виллы въ садахъ...

— Видна отсюда Лозанна?—спросилъ меня товарищъ.

— Что ты!—сказалъ я, и все-таки долго глядѣлъ въ даль озера. Потомъ, чтобы вымыть стаканъ, зачерпнулъ въ него воды и бросилъ ее въ воздухъ. Она взвилась и блеснула въ воздухѣ серебристыми рыбками. А товарищъ откупорилъ бутылку съ виномъ,поставилъ ее на скамейкѣ въ лодкѣ и опять улыбнулся, прикрывая глаза.

— Ну,—сказалъ онъ,—выпьемъ за горы — за неизсякаемый и чистый источникъ красоты! Помнишь ты „Манфреда?“ Манфредъ одинъ въ Бернскихъ Альпахъ, у водопада. Полдень. Онъ произноситъ заклинанія, беретъ въ пригоршни воды и бросаетъ ее въ воздухъ. Въ радугѣ водопада появляется дѣва горъ. Какъ это прекрасно! Вотъ ты плеснулъ сейчасъ водой и я подумалъ, что влагѣ можно поклоняться, какъ поклонялись огню... Но я началъ говорить не къ тому. Я хотѣлъ сказать, что вотъ на этомъ озерѣ были когда-то великія и чистыя души... Шелли, Байронъ... потомъ Мопассанъ, одинокій и носившій въ своемъ сердцѣ жажду счастья цѣлаго міра. И всѣ мечтатели, всѣ любившіе и молодые когда-то женщины и мужчины временъ Данте и Мюссе, Вертера и Жанъ-Жака Руссо, всѣ, которые приходили сюда за счастьемъ, всѣ уже прошли и скрылись куда-то навсегда. Такъ пройдемъ и мы съ тобой... Хочешь вина?

Я подставилъ стаканъ, онъ налилъ и прибавилъ съ грустной улыбкой:

— Да, скоро пройдемъ и также не скажемъ ни себѣ, ни людямъ, гдѣ счастье? Неужели не скажемъ?—спросилъ онъ, подымая на меня глаза.—Знаешь, такъ хорошо, что приходитъ въ голову—не здѣсь ли оно? Можетъ быть, оно только въ успо-

коеніи? Сейчасъ, напримѣръ, мнѣ кажется, что когда-нибудь я сольюсь съ этой предвѣчной тишиной, у предверія которой мы стоимъ, и что счастье въ ней. Пока мы еще среди людей. Но тамъ, вотъ за этими горами, заповѣдное царство иной жизни. Тамъ стоятъ Альпы увѣнчанные льдами, и отъ вѣка слушаютъ глубокую и неизрѣченную тишину своихъ долинъ. Помнишь, у Ибсена Рубекъ говоритъ: „Ты слышишь, Майя, тишину?“ Это хорошо сказано! Слышишь *тишину горъ*, особенную, заповѣдную тишину? Только почему даже и объ ней хочется разсказать женщинѣ?

Мы долго глядѣли на горы и на чистое нѣжное, нѣжное небо надъ ними, въ которомъ уже была безнадежная грусть осени. Какъ посторонніе, мы представили самихъ себя далеко въ сердцевинѣ горъ, гдѣ не бывала еще нога человѣка... Солнце стоитъ надъ глубокими и со всѣхъ сторонъ замкнутыми долинами, орелъ паритъ въ огромномъ пространствѣ между ними и небомъ.. И вѣчная тишина надо всѣмъ! Только насъ двое и мы идемъ все дальше въ глубину горъ, какъ тѣ, которые гибнутъ въ поискахъ за Эдельвейсомъ.

„Скитанія! думалъ я. Вѣчная печаль и радость тѣхъ, которые ищутъ въ жизни счастья“!

И мы опять заговорили о томъ, что такъ неустанно преслѣдовало насъ. Мы опять вспомнили старые города Германіи, Парижъ, его парки, Сену, бульвары и тысячи женщинъ, за которыми мы слѣдили, какъ за химерой, вѣчно дразнившей насъ и принимавшей все новые и новые образы. Теперь все это было далеко. Но и здѣсь, въ горныхъ скитаніяхъ, которыхъ мы ждали, и даже въ вѣчной тишинѣ горъ, которую мы предчувствовали, носился передъ нами все тотъ же уходящій и измѣнчивый образъ.

— Все-таки хорошо!—задумчиво сказалъ мой спутникъ, прислушиваясь къ далекому, замирающему звону.

— Хорошо!—сказалъ и я.

Потомъ медленно повернулъ лодку и взялся за весла. Товарищъ поднялъ свои и всю дорогу до Женевы сидѣлъ молча и глядѣлъ только въ воду.

Ему, съ которымъ я пережилъ такъ много хорошихъ минутъ, я посвящаю эти немногія строки. Онъ знаетъ, что я посвятилъ бы ихъ не дружбѣ, но тому, въ чемъ есть все—и дружба, и страсть, и нѣжность. Но не сказочное ли это счастье, которое уходитъ за темные лѣса и горы все дальше по мѣрѣ того, какъ идешь за нимъ?..

Посылаю мой привѣтъ всѣмъ друзьямъ нашимъ по скитаніямъ!

Ив. Бунинъ

БРОДЯГИ РАЗНЫХЪ СТРАНЪ.

Около десяти лѣтъ тому назадъ въ журналѣ «Contemporary Review» появились статьи Жозіа Флайнта объ американскихъ бродягахъ. Статьи эти возбудили вниманіе и даже вызвали полемику въ американской печати и критическія замѣчанія, что авторъ, какъ англичанинъ, невѣрно понялъ характеръ американскаго бродяги. Это побудило Флайнта еще разъ вернуться въ міръ бродягъ, чтобы провѣрить свои первоначальныя впечатлѣнія.

Заинтересованный бродяжничествомъ, какъ соціальнымъ явленіемъ, Флайнтъ рѣшилъ по возможности ближе изучить міръ этихъ «рыцарей большихъ дорогъ», этихъ паріевъ общества, образующихъ главный контингентъ населенія тюремъ. Бродяга и преступникъ почти синонимы, и міръ бродягъ, дѣйствительно, поставляетъ наибольшее число преступниковъ, поэтому для криминалиста онъ долженъ былъ бы представлять исключительный интересъ. Но криминалисты изучаютъ преступниковъ только тогда, когда они попадаютъ въ тюрьму, въ заключеніе, въ совершенно несвойственную имъ обстановку, вслѣдствіе чего выводы ихъ непремѣнно должны страдать нѣкоторою односторонностью. Они не видятъ преступника въ его нормальной обстановкѣ, совершенно не знаютъ его жизни, такъ что ихъ классификація преступниковъ далеко не соотвѣтствуетъ дѣйствительности.

Исходя изъ этого убѣжденія, Флайнтъ рѣшилъ самъ превратиться въ бродягу и странствовать по большимъ дорогамъ, раздѣляя съ бродягами всѣ превратности ихъ богатой приключеніями и злоключеніями жизни. «Въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ,—говоритъ Флайнтъ въ своей книгѣ «Tramping with Tramps»,—иногда по цѣлымъ мѣсяцамъ я жилъ въ тѣсной дружбѣ съ различными бродягами Европы и Америки. Я близко познакомился съ ними, съ ихъ жизнью, характеромъ, наклонностями». «Жизнь бродяги, — говоритъ онъ, — несмотря на всѣ сопряженныя съ нею лишенія и превратности, все-таки имѣетъ свои привлекательныя стороны, которыхъ совершенно лишена жизнь въ городскихъ трущобахъ, составляющая удѣлъ огромнаго числа бѣдняковъ. Жизнь на просторѣ полей, внѣ всякихъ условностей и стѣсненій цивилизованной жизни городовъ, безъ сомнѣнія, не лишена нѣкоторой поэ-

зіи. Попробовавшіе бродяжнической жизни лишь въ рѣдкихъ случаяхъ не бываютъ подвержены той странной болѣзни, которую нѣмцы называютъ «Wanderlust». Черезъ болѣе или менѣе короткій промежутокъ времени, тотъ, кто ранѣе испыталъ эту болѣзнь, непремѣнно возвращается къ прежней жизни и начинаетъ бродить по большимъ дорогамъ. Его такъ неудержимо тянетъ на просторъ, что лишь въ исключительныхъ случаяхъ онъ въ состояніи бываетъ преодолѣть это желаніе».

Въ Сѣверной Америкѣ существуетъ совершенно особый классъ бродягъ, которыхъ отъ времени до времени охватываетъ, по словамъ Флайнта «желѣзнодорожная лихорадка». Они бросаютъ свое жилище и работы, если таковыя у нихъ есть, и отправляются путешествовать по ближайшей желѣзной дорогѣ. Конечно, они не покупаютъ билетовъ и изобрѣтаютъ самыс невѣроятные способы, чтобы удовлетворить свою страсть къ путешествіямъ, взбираются на крыши вагоновъ, устраиваются на буферахъ товарныхъ вагоновъ или на скрѣпленіяхъ подъ вагонами, рискуя каждую минуту быть раздавленными, но всѣ эти опасности и сильныя ощущенія не останавливаютъ ихъ и пока страсть къ путешествію не охладѣетъ, до тѣхъ поръ они продолжаютъ вести свою полную опасностей и приключеній жизнь желѣзнодорожнаго бродяги. Быть можетъ, еслибъ у такого бродяги были деньги, то для удовлетворенія своей страсти онъ сталъ бы путешествовать въ роскошномъ пульмановскомъ вагонѣ со всѣми удобствами, но денегъ у него нѣтъ и онъ взбирается на крышу этого вагона или на буферъ товарнаго и часто кончаетъ жизнь подъ колесами этого послѣдняго.

Флайнтъ, на собственномъ опытѣ испытавшій всѣ удобства такого путешествія во время своей бродяжнической жизни, говоритъ, что оно очень утомительно и затруднительно. Приходилось взбираться на верхушки вагоновъ, на буфера или же устраиваться на тележкахъ вагоновъ, т.-е. подъ вагонами. «Это было ужасное путешествіе,—разсказываетъ Флайнтъ.—По ошибкѣ мы взобрались подъ обыкновенный пульмановскій спальный вагонъ, вмѣсто багажнаго вагона. Пыль и мелкій песокъ (гравій) обсыпали намъ лицо, что заставляло насъ испытывать немалыя страданія. Когда мы доѣхали такимъ образомъ до Бингамтона, то у меня глаза были полны песка и спустя много дней послѣ моего возвращенія въ Нью-Іоркъ, глаза у меня все-таки продолжали болѣть. Но я знаю очень искусныхъ бродягъ, въ особенности на западѣ, которые всегда такъ путешествуютъ и ухитряются устраиваться подъ вагонами особенно ловко. Вообще, они должны были усовершенствовать этотъ способъ путешествія или же отказаться совсѣмъ отъ ѣзды по западнымъ линіямъ, такъ какъ на дальнемъ западѣ кондукторъ, не стѣсняясь, прямо сбрасываетъ на дорогу такихъ безбилетныхъ пассажировъ, на востокѣ же преобладаютъ болѣе цивилизованные обычаи и бродягѣ предлагаютъ: «Соскочить, когда поѣздъ остановится». Вслѣдствіе

того, что желѣзнодорожная цивилизація такъ отстала на дальнемъ западѣ, бродяги и изобрѣли особенный способъ путешествія подъ вагонами, гдѣ они устраиваютъ для себя даже нѣчто вродѣ сидѣнія.

Желѣзнодорожные служащіе далеко не вездѣ относятся враждебно къ этимъ странствующимъ бродягамъ. Флайнтъ разсказываетъ, что однажды онъ со своимъ пріятелемъ взобрался на открытую платформу и хотя ихъ видѣлъ кондукторъ, но оставлялъ ихъ въ покоѣ. Дорогою Флайнту попалъ уголекъ въ глазъ. Боль была очень сильная. На одной маленькой станціи Флайнтъ соскочилъ съ платформы, пока стоялъ поѣздъ, и товарищъ его попробовалъ вытащить ему изъ глаза попавшій туда кусочекъ угля, но никакъ не могъ. Начальникъ станціи, замѣтившій ихъ, подошелъ къ нимъ и предложилъ Флайнту осмотрѣть глазъ. Онъ очень ловко вытащилъ уголекъ и когда кончилъ операцію, то сказалъ, обращаясь къ нимъ: «Ну, парни, бѣгите скорѣе, а то поѣздъ сейчасъ тронется». Конечно, они не замедлили воспользоваться его совѣтомъ.

Въ другомъ мѣстѣ кондукторъ, убѣдившись, что у нихъ въ самомъ дѣлѣ нѣтъ денегъ, чтобы купить ему фляжку вина, взялъ ихъ подъ свое покровительство. Онъ предупреждалъ ихъ всякій разъ, когда поѣздъ долженъ былъ подходить къ такой станціи, гдѣ желѣзнодорожное начальство относилось враждебно къ бродягамъ. Флайнтъ и его товарищъ соскакивали съ поѣзда и бѣжали впередъ, чтобы обойти поѣздъ и взобраться на него уже съ другого конца. Случалось, что въ то время, когда они сидѣли на буферѣ, вдругъ раздавался голосъ, который кричалъ имъ съ вагонной вышки: «Эй, вы, тамъ, парни, на буферѣ, берегитесь! Сейчасъ будетъ станція Гаверстроу; тамъ васъ не любятъ!»

И Флайнтъ съ товарищемъ снова должны были бѣжать. Флайнтъ, конечно, очень утомился, но его товарищъ, привычный желѣзнодорожный бродяга, относился философски къ такому положенію вещей и ободрялъ его. Такимъ образомъ они добрались до Нью-Іорка, однако въ городъ нужно было переѣхать на паромѣ, а денегъ у нихъ не было. «Какъ же мы попадемъ туда,—спросилъ Флайнтъ своего товарища,—когда у насъ нѣтъ ни одного цента, чтобы заплатить за перевозъ?» Но бродяга успокоилъ его. Они пробрались къ парому черезъ желѣзнодорожный дворъ; сонный сторожъ не замѣтилъ ихъ, а на паромѣ Флайнтъ нашелъ еще четырехъ бродягъ, съ которыми онъ раньше встрѣчался на большой дорогѣ. Эта встрѣча вызвала общій смѣхъ и веселье.

Выйдя на берегъ, Флайнтъ распрощался со своимъ товарищемъ, котораго онъ больше не видалъ никогда и судьба котораго такъ и осталась ему неизвѣстна. Но Флайнтъ сохранилъ о немъ самыя теплыя воспоминанія, такъ какъ убѣдился, что добрыя чувства въ душѣ рыцарей большихъ дорогъ далеко не составляютъ исключенія.

Флайнтъ прожилъ среди желѣзнодорожныхъ бродягъ около восьми мѣсяцевъ и за это время проѣхалъ болѣе 20.000 миль. «Я выучился ѣздить въ товарныхъ поѣздахъ съ такимъ же спокойствіемъ и, пожалуй, даже съ еще большимъ комфортомъ, нежели въ пассажирскихъ поѣздахъ,—говоритъ онъ,—но все-таки мнѣ казалось страннымъ, что я никогда не покупаю для себя билета. За все это время не болѣе десяти разъ съ меня спросили плату и въ такихъ случаяхъ предметами «мѣновой торговли» служили ножи, табакъ, трубки, теплые платки. Однажды мнѣ пришлось отдать свои сапоги за переѣздъ черезъ Миссури. Это путешествіе стоило бы мнѣ не болѣе десяти центовъ, но такъ какъ у меня не было такой суммы, а тормазный кондукторъ желалъ получить мои сапоги, то мнѣ болѣе ничего не оставалось, какъ отдать ихъ ему».

Проведя съ этими бродягами столько времени, Флайнтъ убѣдился, что они дѣйствительно одержимы страстью къ путешествію—«Wanderlust». Большинство изъ нихъ начали свою карьеру еще ребенкомъ. Обыкновенно мальчикъ, обладающій живымъ воображеніемъ, страстью къ приключеніямъ и склонностью къ романтизму, подвергается сильному искушенію вскочить на товарный поѣздъ и отправиться путешествовать по свѣту. Поддавшійся хоть разъ такому искушенію, мальчикъ уже рѣдко возвращается назадъ къ своимъ родителямъ, онъ уже становится членомъ великой семьи бродягъ, гражданиномъ ихъ государства, которое въ Америкѣ на жаргонѣ бродягъ называется «Hoboland». Съ годами такое полное приключеній странствованіе по желѣзнымъ дорогамъ не только не теряетъ для него своей привлекательности, но какъ будто даже привлекательность такой жизни усиливается и онъ уже совершенно не можетъ усидѣть на мѣстѣ, отвыкаетъ работать и становится неспособенъ къ другой жизни.

Однажды Флайнтъ, странствуя по восточной Пруссіи, разговорился со старымъ бродягой, который съ израненными ногами плелся по дорогѣ. Флайнтъ разсказалъ ему о томъ, какъ путешествуютъ по желѣзнымъ дорогамъ американскіе бродяги.

— О, какъ это должно быть хорошо!—воскликнулъ старый бродяга и со вздохомъ прибавилъ:—И подумаешь только, что насъ бы тутъ навѣрное повѣсили, въ нашемъ отечествѣ, еслибъ мы вздумали путешествовать такимъ образомъ! Неправда-ли, сынокъ, бѣднякамъ, да отверженнымъ только и мѣста, что въ республикѣ!

Однако, желѣзнодорожныя компаніи въ великой сѣверо-американской республикѣ иначе смотрятъ на это дѣло и считаютъ желѣзнодорожное бродяжничество большимъ зломъ, съ которымъ надо бороться, такъ какъ эти тысячи безплатныхъ пассажировъ, которыхъ американскія желѣзныя дороги развозятъ, помимо своего желанія, по всей территоріи Соединенныхъ Штатовъ, наносятъ прямой ущербъ компаніямъ. Флайнтъ, хорошо изучившій жизнь и организацію желѣзнодорожныхъ

бродягъ, говоритъ, что развитію этого своеобразнаго бродяжничества въ странѣ, дѣйствительно, способствовала сравнительная легкость, съ которою бродяги могутъ безплатно переѣзжать съ мѣста на мѣсто по американскимъ желѣзнымъ дорогамъ. Ни въ какой другой странѣ это немыслимо, такъ какъ повсюду строго воспрещается странствовать по полотну желѣзныхъ дорогъ. Желѣзнодорожное бродяжничество развилось въ Америкѣ вскорѣ послѣ гражданской войны. До этого времени въ Америкѣ было очень мало бродягъ, а желѣзнодорожныхъ даже совсѣмъ не было. Послѣ войны они сразу появились, и притомъ въ большомъ количествѣ. Главнымъ образомъ это были люди, такъ полюбившіе лагерную, кочевую жизнь, что спокойная, осѣдлая жизнь въ большихъ городахъ сдѣлалась для нихъ совершенно невозможной. Вначалѣ большинство выбитыхъ такимъ образомъ изъ колеи людей еще пробовали пристроиться къ какому-нибудь дѣлу, но вскорѣ ими овладѣла неудержимая страсть къ странствованію, ихъ манило приволье большихъ дорогъ и сотни такихъ людей, одержимыхъ Wanderlust'омъ, отложили всякое намѣреніе работать болѣе или менѣе правильно и отправились бродить. Сначала они странствовали по окольнымъ или проселочнымъ дорогамъ, но затѣмъ нашли, что желѣзнодорожное полотно составляетъ для нихъ болѣе удобный путь. Разумѣется, какъ только они приблизились къ желѣзной дорогѣ, то у нихъ явилось желаніе проѣхаться по ней,—сидѣть на буферѣ, на верхушкѣ вагона или даже на вагонной рамѣ показалось имъ куда удобнѣе, нежели перепрыгивать со шпалы на шпалу. Тогда-то профессіональные бродяги начали серьезно упражняться въ искусствѣ вскакивать и соскакивать съ движущихся товарныхъ поѣздовъ. Кондуктора большею частью снисходительно смотрѣли на этихъ случайныхъ пассажировъ, отчасти потому, что считали ихъ людьми, оставшимися безъ работы и лишенными всякихъ средствъ существованія, отчасти же вслѣдствіе врожденной у каждаго американца готовности помогать человѣку, попавшему въ затруднительныя обстоятельства. Такимъ образомъ, благодаря снисходительности желѣзнодорожныхъ служащихъ, этотъ родъ бродяжничества сильно развился, и теперь многія желѣзнодорожныя компаніи смотрятъ на него, почти какъ на неизбѣжное зло. Флайнтъ полагаетъ, что не менѣе *десяти тысячъ* такихъ безплатныхъ пассажировъ каждую ночь переправляются по различнымъ желѣзнодорожнымъ линіямъ Соединенныхъ штатовъ, а другія десять тысячъ поджидаютъ въ разныхъ мѣстахъ удобнаго случая, чтобы вскочить на проходящій поѣздъ. Вообще Флайнтъ опредѣляетъ въ 60.000 число профессіональныхъ бродягъ въ Соединенныхъ Штатахъ и треть этого населенія находится въ постоянномъ движеніи. Благодаря легкости передвиженія по желѣзнымъ дорогамъ, бродяжничество распространилось по всей обширной территоріи Соединенныхъ Штатовъ. Не будь этого, многія мѣста этой территоріи остались бы недоступными для бродяги, такъ какъ конечно ни одинъ

изъ нихъ не рѣшился бы отправиться черезъ великую американскую пустыню, чтобы попасть въ Санъ-Франциско — «Frisco», какъ они называютъ этотъ городъ на своемъ жаргонѣ. Теперь же онъ можетъ легко переправиться туда по желѣзной дорогѣ и вы легко можете встрѣтить того же самого нищаго бродягу на рыночной площади въ Санъ-Франциско, черезъ двѣ недѣли послѣ того, какъ вы съ нимъ разговаривали на какой-нибудь улицѣ въ Нью-Іоркѣ.

Люди, вынужденные странствовать съ мѣста на мѣсто въ поискахъ за работой, также легко превращаются въ профессіональныхъ бродягъ. Флайнтъ знавалъ много такихъ людей, которые странствовали изъ города въ городъ, изъ деревни въ деревню, отыскивая работу и пользуясь извѣстными способами безплатнаго передвиженія по желѣзнымъ дорогамъ. Послѣ нѣсколькихъ недѣль подобнаго странствованія очень многіе уже привыкаютъ къ нему и даже начинаютъ находить особую привлекательность въ такой подвижной жизни. Проработавъ немного, они опять отправляются странствовать и уже путешествуютъ теперь только ради путешествія.

Классъ бродягъ близко соприкасается съ преступниками всякаго рода, но, по мнѣнію Флайнта, преступники составляютъ то, что называется «аристократіей» этого класса, какъ въ умственномъ, такъ и въ физическомъ отношеніи. Очень часто преступники, не имѣвшіе удачи или разочаровавшіеся въ своемъ ремеслѣ и потерявшіе бодрость духа, превращаются въ профессіональныхъ бродягъ, такъ какъ другіе пути для нихъ закрыты. Существованіе бродяги, во всякомъ случаѣ, кажется такому человѣку болѣе привлекательнымъ, нежели прозябаніе въ трущобахъ, отъ котораго именно онъ и мечталъ избавиться, когда прибѣгнулъ къ преступленію, чтобы добыть средства къ хорошей жизни.

Сталкиваясь постоянно съ преступниками во время своего общенія съ бродягами, Флайнтъ пришелъ къ заключенію, что дегенераты встрѣчаются между ними вовсе не часто. «Конечно,—говоритъ онъ,—я не могъ провѣрить ихъ череповъ, взвѣсить ихъ, осмотрѣть ихъ зубы, нёбо и сосчитать ихъ пульсъ въ возбужденномъ состояніи, но я долженъ сказать, что тотъ типъ преступника, который изображаютъ криминалоги въ своихъ ученыхъ трудахъ совсѣмъ не похожъ на преступниковъ, разгуливающихъ на свободѣ, съ которыми мнѣ приходилось близко сталкиваться во время своей бродяжнической жизни. Я бы сказалъ даже, что эти изображенія скорѣе напоминаютъ каррикатуру преступника. Однажды я показалъ одному изъ моихъ знакомыхъ преступниковъ такую каррикатуру и спросилъ его, что онъ объ этомъ думаетъ. —«Ну, я бы не хотѣлъ имѣть такую ужасную наружность», сказалъ онъ. Дѣйствительно, всѣ авторы, писавшіе о преступникахъ, впадаютъ въ ту ошибку, что выбираютъ для иллюстраціи своихъ теорій самые худшіе экземпляры, какіе только имъ попадаются и выдаютъ ихъ за представителей преступнаго типа. Между тѣмъ, большинство тѣхъ, ко-

торыхъ я зналъ, въ особенности если имъ не было еще тридцати лѣтъ, могли бы фигурировать съ честью въ любомъ классѣ общества, если бы только ихъ пріодѣть хорошенько. Послѣ тридцати лѣтъ, а иногда и раньше, они пріобрѣтаютъ дѣйствительно какой-то особый отпечатокъ и этотъ отпечатокъ кладетъ на нихъ не ихъ преступность, а болѣе или менѣе продолжительное пребываніе въ тюрьмѣ. Тюремная жизнь, особенно если она повторяется часто, и притомъ въ большихъ дозахъ, всегда оставляетъ слѣды и даже самый нравственный человѣкъ пріобрѣтаетъ послѣ этого всѣ характерныя черты обитателя тюремъ. Даже тѣ люди, профессію которыхъ составляетъ разыскиваніе преступниковъ, вслѣдствіе частаго соприкосновенія съ ними пріобрѣтаютъ свойственныя имъ черты, и привычки и я зналъ многихъ сыщиковъ, которыхъ сами преступники принимали за преступниковъ, вслѣдствіе этихъ характерныхъ чертъ, которыя они замѣчали у нихъ».

Въ физическомъ отношеніи преступники, живущіе на свободѣ, вмѣстѣ съ бродягами, сильны и здоровы; однако, приближаясь къ тридцатилѣтнему возрасту, они обыкновенно слабѣютъ, но только потому, что къ этому времени они уже успѣваютъ много разъ побывать въ тюрьмѣ. «Попробуйте-ка постоять возлѣ дверей тюрьмы, когда оттуда выпускаютъ арестанта, отбывшаго десять лѣтъ тюремнаго заключенія, и посмотрите на него,—говоритъ Флайнтъ.—Я однажды сдѣлалъ это и долженъ сказать, что болѣе разбитаго существа я не видалъ никогда. А это былъ нѣкогда сильный и крѣпкій человѣкъ».

Тюрьма бываетъ причиною того, что среди преступниковъ встрѣчаются гораздо чаще больные люди, нежели среди бродягъ. Эти послѣдніе живутъ постоянно на открытомъ воздухѣ и жизнь ихъ въ общемъ гораздо тяжелѣе, нежели жизнь преступника, но они—самый здоровый и крѣпкій народъ въ мірѣ. Въ Соединенныхъ Штатахъ существуетъ даже повѣрье, что бродяга никогда не умираетъ «своею» смертью. Это такъ и бываетъ въ большинствѣ случаевъ, много изъ нихъ погибаетъ подъ колесами товарныхъ вагоновъ или же умираютъ отъ голода, запертые въ пустомъ вагонѣ на какомъ-нибудь запасномъ пути!

Трудно представить себѣ болѣе выносливыхъ и терпѣливыхъ людей, нежели американскіе «hobo» (бродяги), готовые по цѣлымъ днямъ, подъ дождемъ или палящими лучами солнца, дожидаться товарнаго поѣзда, на которомъ они хотятъ продолжать свое путешествіе. Такіе бродяги обыкновенно бываютъ очень возмущены, если кто-нибудь изъ ихъ товарищей, которому надоѣло ждать, рѣшается купить для себя проѣздной билетъ. Преступникъ, достигшій извѣстнаго возраста, уже не можетъ сравниться съ бродягой въ этомъ отношеніи и уступаетъ ему въ твердости воли и выдержкѣ, но это только потому, что онъ уже сиживалъ въ тюрьмѣ и заключеніе успѣло подѣйствовать на его волю ослабляющимъ образомъ и разстроить ему нервы. Бродяга обыкновенно если и

попадаетъ въ тюрьму, то лишь на короткое время, такъ что очутившись на свободѣ, онъ скоро оправляется. Флайнтъ испыталъ это на опытѣ, такъ какъ и ему пришлось посидѣть въ заключеніи во время его бродяжнической жизни. Онъ говоритъ, что никогда такъ не владѣлъ собой и не чувствовалъ себя такимъ здоровымъ, какъ тогда, когда прогуливался на волѣ, вмѣстѣ съ другими бродягами, но достаточно было нѣсколькихъ дней заключенія, чтобы онъ сталъ нервнымъ и неспокойнымъ. «Если такое кратковременное заключеніе могло такъ дурно повліять на мою нервную систему, хотя я былъ добровольнымъ узникомъ,—восклицаетъ Флайнтъ,—то какъ же должны отразиться годы такой жизни, особенно на такомъ человѣкѣ, который ненавидитъ тюрьму и боится ея такъ же, какъ боится яда!» Флайнтъ совѣтуетъ криминологамъ испытать самимъ, въ какой мѣрѣ тюремное заключеніе вліяетъ на душевное равновѣсіе даже вполнѣ добровольныхъ узниковъ.

Среди бродягъ, на волѣ, встрѣчаются преимущественно «коммерческіе преступники» (commercial criminal), которые совершаютъ преступленіе, ради извлеченія выгоды. Они могутъ вполнѣ отвѣчать за свои поступки. Часто говорятъ, что преступникъ не можетъ считаться вполнѣ нормальнымъ въ нравственномъ отношеніи субъектомъ, потому что ему недоступно чувство раскаянія. Это мнѣніе также основывается на недостаточномъ знакомствѣ съ жизнью преступника. Въ отношеніи общества преступникъ, дѣйствительно, не способенъ испытывать раскаяніе. Общество караетъ его за преступленіе и такимъ образомъ заставляетъ его уплатить свой нравственный долгъ. Преступникъ считаетъ это вполнѣ естественнымъ и смотритъ на наказаніе, какъ на платежъ своего долга. Конечно, онъ всегда старается избѣжать платежа, но уплативъ его, считаетъ, что расквитался съ обществомъ и поэтому никакія угрызенія совѣсти и раскаяніе ему неизвѣстны.

Однако, изъ этого еще не слѣдуетъ выводить заключенія, что преступникъ вообще не способенъ раскаяваться. Напротивъ; но этика преступника нѣсколько иная. Онъ будетъ горою стоять за своего товарища и глубоко презираетъ измѣнниковъ. Вообще большинство преступниковъ всегда стоятъ другъ за друга и тотъ, кто выдаетъ, навлекаетъ на себя всеобщее презрѣніе товарищей, жизнь его становится невыносимой, такъ что зачастую такіе субъекты кончаютъ самоубійствомъ. Товарищество обыкновенно сильно развито среди преступниковъ. Этому отчасти способствуетъ общая опасность, которая грозитъ имъ и поэтому заставляетъ ихъ примыкать другъ къ другу. Но даже помимо этого, бродяга и преступникъ всегда готовы помогать другъ другу совершенно безкорыстно. «Я ни разу не встрѣчалъ ни одного преступника,—говоритъ Флайнтъ,—который бы не былъ готовъ подѣлиться со мною своими послѣдними деньгами или вступиться за меня въ дракѣ, если онъ видѣлъ, что я нуждаюсь въ его помощи; такія же товарищескія чувства онъ выказываетъ всѣмъ людямъ, которые, такъ

или иначе, соприкасаются съ его жизнью. Онъ всегда подѣлится послѣднимъ кускомъ хлѣба съ товарищемъ и также способенъ испытывать угрызенія совѣсти, если не исполнитъ его просьбы, или не поможетъ ему въ нуждѣ, какъ и всякій другой человѣкъ въ нормальныхъ условіяхъ жизни».

По словамъ Флайнта, нѣкоторые поступки всегда вызываютъ раскаяніе у преступника. Напримѣръ: взять деньги у бѣдняка онъ считаетъ дурнымъ поступкомъ. Если онъ по ошибкѣ ограбитъ небогатыхъ людей, то его долго мучитъ совѣсть. Онъ слишкомъ близко соприкасается съ бѣдностью, чтобы не испытывать раскаянія, если ему случится обидѣть бѣдняка. Флайнтъ знавалъ случаи, когда преступники отсылали назадъ похищенныя деньги, узнавъ, что лицо, у котораго они похитили эти деньги, сильно въ нихъ нуждается. Филантропы могли бы поучиться милосердію у многихъ преступниковъ, относящихся, напримѣръ, съ состраданіемъ къ человѣку, попавшему, вслѣдствіе роковой случайности, въ среду бродягъ и преступниковъ изъ лучшихъ классовъ общества. Такихъ павшихъ людей преступники и бродяги всегда жалѣютъ и даже готовы помочь имъ выбраться изъ той ямы, въ которую они попали, и вернуться къ прежней жизни.

Флайнтъ увѣряетъ, что каждый преступникъ непремѣнно, хоть разъ въ жизни испыталъ раскаяніе и сожалѣніе о томъ, что роковое стеченіе обстоятельствъ толкнуло его на путь преступленія. Это сожалѣніе и раскаяніе всегда бываютъ вполнѣ искренни и быть можетъ, еслибъ преступникъ считалъ возвратъ возможнымъ, то онъ попробовалъ бы вновь вернуться въ общество, откуда его изгнали разныя роковыя случайности и страстное желаніе лучшей жизни.

Среди бродягъ Флайнтъ встрѣтилъ людей всѣхъ возрастовъ; старыхъ и дряхлыхъ калѣкъ, съ трудомъ ковыляющихъ, опираясь на палку, цвѣтущихъ юношей и дѣтей. Это была какая-то длинная, безконечная процессія, въ которой, словно въ движущейся панорамѣ, передъ глазами зрителя проходили картины всевозможныхъ пороковъ, людского горя и бѣдъ, какія только выпадаютъ на долю несчастнаго человѣчества. Самую мрачную сторону этой картины представляютъ, конечно, дѣти бродягъ, родившіяся и выросшія на большой дорогѣ. Среди этихъ маленькихъ бродягъ попадаются и такіе, которыхъ несчастная случайность или же просто роковое стеченіе обстоятельствъ толкнули на этотъ путь. Бываютъ, впрочемъ, и добровольныя бродяги.

Сколько дѣтей рождались на дорогахъ—врядъ ли можетъ опредѣлить какая-нибудь статистика. Большинство умираетъ, едва увидѣвъ свѣтъ, а тѣ, которыя остаются живы, выростаютъ обыкновенно въ атмосферѣ грѣха и преступленія и пріучаются къ праздности, бездѣлью, прошенію милостыни и воровству. Лишь очень немногія изъ нихъ, вслѣдствіе какой-нибудь счастливой случайности, бываютъ

спасены отъ этой участи, которая угрожаетъ имъ. Огромное большинство такихъ дѣтей не имѣютъ отцовъ, другія же выростаютъ въ семьѣ и странствуютъ вмѣстѣ съ отцомъ и матерью, но воспитаніе получаемое ими и въ томъ и другомъ случаѣ большею частью бываетъ одинаковое. Сироту обыкновенно беретъ на свое попеченіе какая-нибудь семья, такъ какъ сострадавіе составляетъ характерную черту всѣхъ отверженныхъ, но лишь въ крайне рѣдкихъ случаяхъ ребенокъ, выросшій въ такой обстановкѣ, не превращается со временемъ въ преступника, такъ какъ большинство изъ нихъ выростаетъ, не имѣя никакого понятія о добрѣ и злѣ.

Флайнтъ разсказываетъ исторію одного маленькаго бродяги, извѣстнаго подъ именемъ Чійенскаго ребенка (Cheyenne Baby). Онъ слышалъ ее въ Колорадо. Этотъ ребенокъ также родился на большой дорогѣ, но его мать принадлежала нѣкогда къ уважаемому и образованному обществу на индійской территоріи. Къ своему несчастью, она безъ ума полюбила одного индійскаго вождя и къ ужасу своихъ друзей, убѣжала къ нему въ лагерь. Тамъ она вела полную превратностей жизнь, переходя изъ палатки въ палатку, изъ лагеря въ лагерь. Ея враги увѣряли, что ей нравится такая жизнь, но друзья, хорошо знавшіе ее, говорили, что ей было стыдно вернуться домой и поэтому она оставалась въ этомъ аду. Наконецъ, когда у нея родился ребенокъ и она въ отчаяніи не знала, куда ей дѣваться, ее пріютилъ одинъ бродяга. Съ той поры она примкнула къ партіи бродягъ и вмѣстѣ съ ними странствовала между Чійенной и Сантафе. Мальчикъ росъ среди бродягъ и сдѣлался общимъ любимцемъ. Мать его взяла слово со своихъ товарищей, что они никогда не научатъ его ничему дурному и они свято исполнили свое обѣщаніе. Несмотря на то, что его окружали пороки и преступленія, мальчикъ этотъ умеръ такимъ же невиннымъ, какъ и жилъ. Онъ погибъ вмѣстѣ со своею матерью и другими бродягами во время желѣзнодорожной катастрофы. Тѣ, кто спасся, нашли только его правую ручку—это было все, что отъ него осталось. Эту ручку похоронили съ подобающею торжественностью и на могилѣ положили деревянную плиту. Если плита уцѣлѣла, то эту могилу можно и теперь разыскать въ преріи.

Кромѣ тѣхъ, которыя рождаются на большой дорогѣ, не мало есть такихъ дѣтей, которыя становятся бродягами вслѣдствіе условій своей жизни. Обыкновенно у такихъ дѣтей отцы пьяницы и дѣти вѣчно голодаютъ. Иногда родители сами выгоняютъ дѣтей на улицу, чтобы они просили милостыню, но бываетъ, что и дѣти сами прибѣгаютъ къ этому способу, чтобы утолить свой голодъ. Такимъ образомъ голодъ и пьянство родителей бываютъ часто побудительною причиной продяжничества дѣтей. Но самый интересный классъ безъ сомнѣнія представляютъ добровольныя дѣти-бродяги. Флайнтъ, увѣряетъ, что число имъ—легіонъ. Каждый старый бродяга непремѣнно встрѣчаетъ въ

своей жизни не мало такихъ дѣтей, которыя останавливали его на перекресткѣ и спрашивали у него дорогу.

Этихъ дѣтей привлекаетъ раздолье и просторъ и жизнь бродяги, полная всевозможныхъ приключеній. Они начитались или наслушались какихъ нибудь разсказовъ о необыкновенныхъ приключеніяхъ, подвигахъ и преступленіяхъ и сами захотѣли сдѣлаться героями или великими преступниками. Большею частью такія дѣти отличаются особенною впечатлительностью и легко поддаются самовнушенію. Обыкновенно они выбираютъ себѣ какого-нибудь героя или преступника, которому желаютъ подражать и ихъ примѣръ лучше всего указываетъ какой вредъ можетъ принести чтеніе полицейской газеты, наполненной разсказами о преступленіяхъ, и такихъ книгъ, которыя дѣйствуютъ на воображеніе ребенка и распаляютъ его. Къ числу этихъ же добровольныхъ бродягъ принадлежатъ дѣти, одержимыя «Wanderlust'омъ». Флайнтъ разсказываетъ, что онъ знавалъ одного мальчика въ Нью-Іоркѣ, жившаго въ прекрасной обстановкѣ, которой могли бы позавидовать многіе изъ его товарищей. Но этотъ бѣдный мальчикъ былъ одержимъ маніей странствованія и рѣдкій мѣсяцъ проходилъ безъ того, чтобы онъ не убѣгалъ изъ дома. Иногда самый пустяшный случай возбуждалъ въ немъ неудержимое желаніе странствовать. Фантазія у него разыгрывалась; онъ то воображалъ себя трапперомъ, то мечталъ о полной опасностей жизни на дальнемъ западѣ Америки, то ему грезились необыкновенные подвиги, жизнь, полная борьбы, и въ концѣ концовъ избраніе на постъ президента республики. Конечно, такая мечта очень характерна для американскаго мальчика. Каждый американскій мальчикъ, умѣющій читать, непремѣнно читалъ біографію Гарфильда и каждый непремѣнно мечтаетъ о томъ, чтобы со временемъ сдѣлаться президентомъ, хотя и не отдаетъ себя отчета, какъ этого можно достигнуть. По словамъ Флайнта, «Wanderlust» составляетъ весьма частое явленіе въ Америкѣ и онъ справедливо разсматриваетъ его какъ патологическую форму, которая требуетъ вмѣшательства знающаго и опытнаго психіатра.

Замѣчательно также, что ни въ одной другой странѣ, кромѣ Америки, бродяги не имѣютъ такого сильнаго вліянія на подростающее поколѣніе селъ и городовъ. Они пользуются этимъ вліяніемъ часто для своихъ преступныхъ цѣлей, сманиваютъ мальчиковъ и своими разсказами увлекаютъ ихъ и заставляютъ слѣдовать за собой. Несчастные мальчики, вступившіе на эту дорогу, рѣдко возвращаются назадъ. Бродяжническая жизнь затягиваетъ ихъ все больше, хотя они превращаются въ маленькихъ рабовъ и за малѣйшее ослушаніе подвергаются часто жестокимъ побоямъ отъ старшихъ. Вообще мальчикъ, котораго увелъ съ собой бродяга, становится какъ бы его собственностью и надо удивляться терпѣнію, съ которымъ такой мальчуганъ выноситъ дурное обращеніе. Бываютъ, впрочемъ, исключенія и иногда бро-

дяга привязывается къ мальчику, какъ къ родному сыну, и хорошо обращается съ нимъ. Но такія исключенія рѣдки.

Судьба всѣхъ этихъ дѣтей, родившихся и выросшихъ на большой дорогѣ или попавшихъ на нее случайно, всегда бываетъ очень печальна. Изъ нихъ-то и выходятъ закоренѣлые преступники и имъ съ ранняго дѣтства прививаются всѣ пороки. Среди этихъ юныхъ бродягъ попадаются дѣйствительно патологическіе субъекты и такіе, которые подходятъ подъ типъ прирожденнаго преступника Ломброзо; въ особенности этотъ типъ распространенъ среди добровольныхъ маленькихъ бродягъ. Обыкновенно у этихъ дѣтей существуетъ какая-то инстинктивная склонность къ бродяжничеству и преступленію. Они разговариваютъ между собою не какъ дѣти, а какъ взрослые и опытные преступники. «Я часто готовъ былъ думать, — говоритъ Флайнтъ,—слушая ихъ рѣчи, что это не дѣти, а взрослые карлики. Они зачастую совершаютъ необыкновенно смѣлые и опасные грабежи и выполняютъ ихъ съ такою ловкостью и искусствомъ, что приводятъ въ восторгъ старыхъ преступниковъ. Появленіе такихъ скороспѣлыхъ преступниковъ можно было бы считать случайностью, если бы они не встрѣчались такъ часто. Интересно наблюдать такого маленкаго преступника среди взрослыхъ, послѣ того, какъ онъ совершитъ какой-нибудь подвигъ. Его окружаютъ, имъ восхищаются, но самъ мальчуганъ рѣдко сознаетъ свое значеніе и въ обыкновенное время ведетъ себя, какъ всѣ дѣти, забавляясь игрой. Но стоитъ ему внушить какое-нибудь дѣло, какъ онъ сразу мѣняется, прекращаетъ игру и съ серьезнымъ видомъ обдумываетъ новое предпріятіе, которое и исполняетъ необыкновенно искусно. Глядя на такого мальчика, я готовъ былъ думать, что душа какого-нибудь стараго преступника вселилась въ него...»

Флайнтъ считаетъ характерною чертой бродягъ ихъ стремленіе къ общественности. Одиночество является для нихъ худшимъ наказаніемъ, если только у нихъ нѣтъ особенной болѣзненной склонности къ уединенію. Всѣ эти отверженные чувствуютъ непреодолимую потребность въ солидарности, въ общеніи другъ съ другомъ. Среди бродягъ всегда замѣчается стремленіе къ группировкѣ и такія группировки представляютъ настоящій «клубъ отверженныхъ». Въ Америкѣ такихъ клубовъ чрезвычайно много. Флайнтъ, имѣвшій случай, въ качествѣ бродяги, близко познакомиться съ нѣкоторыми изъ этихъ учрежденій, описываетъ тѣ изъ нихъ, которыя онъ считаетъ наиболѣе представительными.

Клубы эти бываютъ трехъ родовъ, соотвѣтственно возрасту своихъ членовъ: дѣти, взрослые и старики одинаково группируются вмѣстѣ и образуютъ общества или клубы. Дѣтскіе клубы большею частью состоятъ только изъ мальчиковъ, но иногда въ нихъ участвуютъ и дѣвочки. Возрастъ юныхъ членовъ колеблется между десятью и

пятнадцатью годами. Не всѣ члены этихъ дѣтскихъ ассоціацій принадлежитъ къ бродягамъ; нѣкоторые живутъ дома, съ родителями, другіе же ютятся въ ночлежныхъ пріютахъ. Они зарабатываютъ себѣ пропитаніе разными способами, собираютъ тряпки, продаютъ газеты чистятъ сапоги и исполняютъ разные мелкія порученія, соотвѣтствующія ихъ возрасту и силамъ. Ни одинъ изъ этихъ мальчиковъ, даже обладающихъ преступными наклонностями, не содержитъ себя воровствомъ, а всегда имѣетъ какое-нибудь дѣло, которымъ онъ занимается. Флайнтъ приводитъ для примѣра два такихъ клуба, одинъ, въ Чикаго, другой въ Цинцинатти, съ которыми ему удалось близко познакомиться. Члены чикагскаго клуба называли себя «дикими котами»; это были преимущественно бездомные бродяжки, занимающіеся чисткою сапогъ и продажею газетъ. Всѣхъ членовъ клуба — двадцать и хотя у нихъ нѣтъ оффиціальнаго предсѣдателя, тѣмъ не менѣе они какъ бы признаютъ своимъ президентомъ мальчугана по имени Фрикса, который, по всей вѣроятности, и былъ организаторомъ клуба. По словамъ Флайнта, это былъ умный и способный мальгуганъ, обладавшій особенно развитою индивидуальностью и невольно подчинявшій своему вліянію своихъ товарищей. Гдѣ бы онъ ни былъ, онъ вездѣ увлекалъ за собою другихъ. Прежде чѣмъ отправиться въ Чикаго, онъ устроилъ такой же точно клубъ въ Толедо.

Клубъ «дикихъ котовъ» помѣщался въ маленькомъ погребѣ, который мальчуганы выкопали въ капустномъ полѣ за городомъ. Тамъ они собирались по вечерамъ разъ въ недѣлю, курили папиросы и читали вслухъ дешевыя повѣсти или слушали разсказы. Иногда они откалывали разныя шутки другъ съ другомъ или обдумывали свои похожденія. Въ погребѣ находилась печка, сложенная изъ кирпичей, нѣсколько скамеекъ, нѣсколько старыхъ горшковъ и кружекъ и старый ящикъ, куда отъ времени до времени складывались кой-какіе съѣстные припасы. На стѣнѣ красовалась картинка неприличнаго содержанія.

Самому младшему члену этого клуба было десять лѣтъ, а самому старшему—четырнадцать. «Они вовсе не были особенно дурными мальчиками,—говоритъ Флайнтъ.—Я часто сиживалъ съ ними и слушалъ ихъ разговоры и шутки. Правда, они умѣли ругаться и нѣкоторые изъ нихъ могли напиваться, какъ взрослые пьяницы, но все-таки они не были совсѣмъ испорчены, хотя всѣ ихъ шалости и выходки носили всегда весьма зловредный характеръ. Но они никогда не просили милостыни и не воровали и ни у одного изъ нихъ я не замѣтилъ преступныхъ наклонностей. Это были просто шалуны, бездомные и брошенные на произволъ судьбы, не имѣющіе никого, кто бы заботился о нихъ и удерживалъ ихъ отъ дурныхъ шалостей, такъ что они естественнымъ образомъ давали полную волю своимъ инстинктамъ. Въ свой клубъ они допускали и дѣвочекъ и обращались съ ними всегда хоро-

шо и ласково. Дѣвочки принимали участіе въ ихъ шалостяхъ и старались придать большую домовитость и уютность помѣщенію клуба, всячески украшали его, что мальчики очень цѣнили».

Въ каждомъ большомъ городѣ въ Соединенныхъ Штатахъ есть такіе клубы. Они могли бы, конечно, приносить большую пользу въ соціальномъ отношеніи, такъ какъ именно при посредствѣ этихъ клубовъ легче всего дѣйствовать на умственный и нравственный складъ юныхъ бродягъ. Но тотъ, кто желалъ бы оказывать на нихъ такое вліяніе, долженъ былъ бы жить среди нихъ и, изучивъ хорошенько всѣ ихъ привычки и наклонности, постараться пріобрѣсти ихъ дружбу и довѣріе. Тогда только, сдѣлавшись членомъ ихъ клуба, онъ могъ бы подчинить ихъ своему вліянію.

Клубъ въ Цинцинатти имѣлъ совершенно иной характеръ. Члены его, также по преимуществу бездомные бродяжки, избрали своею профессіей воровство. Они устроили свои собранія въ старой, брошенной на берегу рѣки лодкѣ, далеко за городомъ. Флайнтъ познакомился съ ними черезъ одного стараго бродягу, который привелъ его съ собою въ собраніе. Большинство мальчиковъ было моложе четырнадцати лѣтъ, но всѣ они уже были настоящими преступниками и разговоръ ихъ носилъ такой характеръ. Они употребляли жаргонъ преступниковъ и держали себя, какъ взрослые преступники.

Эти два типа клубовъ повторяются и у взрослыхъ. Нѣкоторые изъ нихъ представляютъ также ассоціаціи преступниковъ другіе же устроены спеціально для кулачныхъ боевъ. Но есть также клубы, устроенные исключительно съ общественною цѣлью, и составляютъ центръ, гдѣ собираются бродяги для обмѣна новостей и встрѣчи другъ съ другомъ. Въ этомъ-то и заключается разница такихъ клубовъ съ тѣми, которые устраиваются преступниками, такъ какъ послѣднихъ заставляетъ сходиться вмѣстѣ и организовать сообщество не одно только стремленіе къ общенію, а также и дѣловыя соображенія, такъ какъ дѣйствовать сообща часто бываетъ выгоднѣе и удобнѣе. Изъ всѣхъ клубовъ взрослыхъ самымъ интереснымъ Флайнтъ находитъ клубъ «Кенгуру», составляющій исключительную принадлежность тюремной жизни. Въ американскихъ провинціальныхъ тюрьмахъ заключеннымъ разрѣшается проводить время днемъ, въ большой залѣ, въ которой находятся: столъ, скамья и газеты, а въ нѣкоторыхъ тюрьмахъ въ этихъ залахъ устроены даже очаги и есть вся кухонная утварь. Въ этой залѣ заключенные могутъ прогуливаться, устраивать разныя игры, читать и заниматься и въ ней происходятъ засѣданія клуба «кенгуру». Флайнтъ слѣдующимъ образомъ описываетъ свое первое знакомство съ такимъ клубомъ:

«Я былъ арестованъ, за то, что меня нашли спящимъ въ пустомъ вагонѣ. Сторожъ, нашедшій меня, отвелъ меня въ станціонную залу, гдѣ я провелъ довольно печальную ночь, раздумывая о томъ, какое

мнѣ будетъ наказаніе? Рано утромъ меня привели къ мѣстному эсквайру, который спросилъ, какъ меня зовутъ?

— Билли Райсъ,—отвѣчалъ я.

— Ну, а что же вы тутъ дѣлали, Билли?

— Искалъ работы, ваша честь.

— Тридцать дней!—крикнулъ онъ громовымъ голосомъ, и меня отвели въ тюрьму.

У меня было въ то время три товарища. Послѣ того, какъ мы побывали у шерифа и онъ, и его клеркъ записали нашъ большею частью вымышленный разсказъ, насъ отвели въ большую комнату, гдѣ уже находилось много арестантовъ. Насъ окружили во мгновеніе ока и стали разспрашивать за что и какъ мы тутъ очутились, затѣмъ какой-то высокій, тощій бродяга крикнулъ громкимъ голосомъ: «Теперь дайте мѣсто «Кенгуру».

Всѣ сейчасъ же притихли и заняли свои мѣста. Тогда тощій парень, который, вѣроятно, исполнялъ роль судьи, призвалъ какого-то подростка и объявилъ ему, что онъ долженъ изложить обвиненія противъ новыхъ пришельцевъ. Молодой арестантъ торжественно подошелъ къ намъ и сказалъ: «Плѣнники, васъ обвиняютъ въ томъ, что у васъ есть денежки въ карманѣ. Виновны вы или нѣтъ?»

Я былъ первый на очереди и объявилъ, что невиновенъ. Парень спросилъ меня, согласенъ ли я дать себя обыскать? Я отвѣтилъ утвердительно и онъ тщательно обыскалъ меня, даже всю подкладку моей одежды. Не найдя ничего даже похожаго на монету, онъ объявилъ, что я невиновенъ.

— Вы свободны,—сказалъ онъ мнѣ. Присяжные, засѣдающіе вдоль стѣнъ, подтвердили какимъ-то мычаніемъ это рѣшеніе судьи.

Послѣ меня судили юношу, профессіональнаго бродягу. Онъ объявилъ себя невиновнымъ и позволилъ себя обыскать. Но у него нашли въ карманѣ завалившуюся монетку въ десять центовъ, которая и была тотчасъ же конфискована, а ему было объявлено неудовольствіе «Кенгуру».

Третья жертва «Кенгуру» уже самъ объявилъ себя виновнымъ въ томъ, что у него есть тридцать шесть центовъ. Отъ него взяли половину и отпустили съ миромъ. Послѣдній изъ судившихся оказался самымъ виновнымъ, такъ какъ у него нашли три припрятанныхъ доллара и ему также было объявлено неудовольствіе суда. Кромѣ того, онъ былъ приговоренъ ежедневно прогуливаться вдоль корридора 103 раза и мыть въ теченіе недѣли всю посуду, употребляемую для обѣда. Когда все судебное разбирательство было закончено, то конфискованныя деньги были сосчитаны и вручены тюремщику съ порученіемъ купить табаку. Спустя нѣсколько часовъ табакъ былъ доставленъ и поровну раздѣленъ между всѣми арестантами.

На слѣдующій день я, вмѣстѣ со своими товарищами былъ уже

принять въ число членовъ «Кенгуру», но мы должны были предварительно дать обѣщаніе добросовѣстно выполнять свою долю обязанности по уборкѣ и чисткѣ посуды и честно и безпристрастно судить въ тѣхъ случаяхъ, которые вызовутъ судебныя разбирательства.

Впослѣдствіи мнѣ пришлось познакомиться въ другихъ тюрьмахъ съ клубами подобнаго же рода. Всѣ эти клубы имѣли соціалистическій и въ то же время автократическій характеръ; заключенные всюду относились къ нимъ съ большимъ почтеніемъ. Замѣчательно также, что и на свободѣ всѣ эти отверженные всегда стремились образовать подобную же ассоціацію и съ особеннымъ чувствомъ всегда говорили о своемъ клубѣ, расхваливая его новичку, еще не поступившему въ число его членовъ.

Клубы старыхъ бродягъ далеко не такъ интересны. Они есть, конечно, во всякомъ городѣ. Старики собираются гдѣ-нибудь въ кабачкѣ и, опершись подбородкомъ на свои сучковатыя палки, вспоминаютъ, въ промежуткахъ между кружками пива или вина, своихъ старыхъ товарищей, старыя времена. Иногда они даже высказываютъ политическія сужденія. Я слышалъ, какъ они разсуждали о Гомрулѣ, восточномъ вопросѣ, фритредерствѣ и т. д. Поздно вечеромъ, когда содержатель кабачка предлагаетъ имъ убираться, они уходятъ въ свои грязные углы и ложатся спать на голыхъ скамьяхъ. На другое утро они снова являются въ тотъ же самый кабачокъ и начинаются тѣ же самые разговоры. Единственное приличное мѣсто, которое они посѣщаютъ иногда, это читальня, но и тамъ они больше проводятъ время въ болтовнѣ, нежели въ чтеніи. Во всякомъ случаѣ, стремленіе къ общественности выражается у бродягъ на всѣхъ ступеняхъ и какъ ни палъ низко человѣкъ, онъ всегда подыскиваетъ другихъ такихъ же отверженныхъ, какъ онъ самъ, и образуетъ съ нимъ ассоціаціи. Сознаніе, что онъ членъ какой-нибудь ассоціаціи, возвышаетъ его въ собственныхъ глазахъ».

Борьба за существованіе заставляетъ и бродягъ спеціализироваться. Въ Америкѣ они даже выбираютъ отдѣльные округа для своихъ операцій. Тѣ, которые живутъ милостыней, избираютъ особый способъ испрашиванія подаяній и спеціализируются въ этомъ направленіи. Но и среди бродягъ существуютъ извѣстныя соціальныя градаціи и на самой низкой ступени стоятъ тѣ, которые не имѣютъ нигдѣ пристанища и хотя живутъ постоянно въ городѣ, но проводятъ ночи гдѣ попало и питаются тѣмъ, что найдутъ въ мусорныхъ ямахъ. Это большею частью старики, доведенные пьянствомъ до крайней степени нищеты и совершенно неспособные ни на что. Другіе бродяги относятся къ нимъ съ презрѣніемъ, такъ что въ этомъ мірѣ отверженныхъ есть также свои паріи.

Огромное большинство бродягъ вполнѣ сознаетъ свое положеніе. Тѣ изъ нихъ, которые избрали эту профессію только потому, что она

имъ нравится больше всякой другой и жизнь бродяги имѣетъ для нихъ свои привлекательныя стороны, даже съ нѣкоторою гордостью говорятъ объ этомъ. «Я знаю, что я нищій,—сказалъ одинъ изъ такихъ бродягъ Флайнту.—Я знаю, что меня считаютъ негодяемъ. Пусть такъ! Меня хотятъ поймать и запрятать, а я не хочу. Люди меня остерегаются, а я ихъ остерегаюсь. Они думаютъ, что я не знаю на что употребить свою жизнь, а я думаю, что они ошибаются. Если я ихъ побью, то тѣмъ хуже для нихъ, если же они побѣдятъ меня—тѣмъ хуже для меня!»

Такъ разсуждаетъ только истинный артистъ своего дѣла, но бродяги—пропойцы часто высказываютъ совсѣмъ иные взгляды. Они рады бы жить иначе, да не могутъ! Они сознаютъ свое паденіе, но подняться у нихъ нѣтъ силъ. Для такихъ людей бродяжничество не составляетъ удовольствія, а представляется печальною необходимостью и они образуютъ самый несчастный классъ отверженныхъ. Настоящій профессіональный бродяга всегда обладаетъ нѣкоторыми спеціальными чертами характера и твердою волей; онъ терпѣливъ и выносливъ, находчивъ и обходителенъ въ обращеніи съ другими. Если у него нѣтъ этихъ качествъ, то онъ не будетъ имѣтъ успѣха въ своей профессіи и будетъ слишкомъ часто сидѣть въ тюрьмѣ. Во всякомъ случаѣ это относится къ американскимъ бродягамъ, которые составляютъ цѣлый отдѣльный классъ въ Соединенныхъ Штатахъ, обладающій собственною іерархіей и управляемый собственными законами.

Бродяги другихъ странъ представляютъ нѣсколько иной характеръ, обусловливаемый, конечно, національностью и обстановкою страны. Флайнтъ, пространствовавшій нѣсколько лѣтъ съ американскими бродягами и изучившій ихъ бытъ, заинтересовался вопросомъ, какъ отражаются національныя условія жизни на ихъ характерѣ и бытѣ. Съ этою цѣлью онъ и въ другихъ странахъ, въ Германіи, въ Англіи и даже въ Россіи, предпринялъ такія же изслѣдованія, т.-е. отправился странствовать вмѣстѣ съ бродягами и жилъ такою жизнью, какою жили они.

Въ Германіи онъ скоро свелъ знакомство съ бродягами это оказалось не такъ трудно, когда онъ нарядился въ соотвѣтствующій костюмъ и отправился въ вагонѣ четвертаго класса въ Магдебургъ. Онъ скоро подружился съ однимъ изъ своихъ товарищей по путешествію и тотъ его ввелъ въ міръ бродягъ. Германскіе бродяги также, какъ и американскіе, употребляютъ свой собственный діалектъ, но германскій діалектъ гораздо болѣе отличается отъ общеупотребительнаго нѣмецкаго языка, нежели языкъ американскихъ бродягъ отъ общеупотребительнаго англійскаго языка, при томъ же германскій діалектъ полнѣе и даетъ возможность бродягамъ разговаривать между собою въ публичныхъ мѣстахъ такъ, что ихъ никто другой не понимаетъ. Флайнтъ нашелъ также и во многихъ другихъ отношеніяхъ большую

разницу между американскими и германскими бродягами: германскій бродяга всегда лучше одѣтъ и больше заботится о томъ, чтобы имѣть приличную наружность, чѣмъ его американскій собратъ. Кромѣ того, онъ, въ общемъ, интеллигентнѣе американца и каждый германскій бродяга непремѣнно умѣетъ читать и писать. Дѣтей бродягъ въ Германіи сравнительно мало и старшіе обращаются съ ними гуманнѣе, нежели въ Америкѣ. Притомъ же, въ германскомъ бродягѣ не замѣчается той испорченности, которая повидимому составляетъ неотъемлемую черту характера американскаго бродяги, но за то американецъ гораздо гуманнѣе и великодушнѣе нѣмца; Флайнтъ нѣсколько разъ испыталъ это на собственномъ опытѣ. Однажды онъ попробовалъ было попросить у своихъ товарищей нѣсколько грошей, чтобы заплатить за чашку кофе, объяснивъ имъ, что у него ничего нѣтъ и онъ не могъ идти искать подаянія, потому-что у него болятъ ноги. Но ни одинъ не былъ тронутъ его разсказомъ. «Мало-ли что!—сказалъ ему одинъ парень.—Если вы не умѣете просить милостыни, то вамъ лучше убираться прочь съ дороги и отказаться отъ ремесла, такъ какъ ни одинъ бродяга не станетъ трудиться для васъ».

«Американскій бродяга непремѣнно подѣлился бы со мною въ подобномъ случаѣ —говоритъ Флайнтъ.—А тутъ я видѣлъ, что кругомъ меня сидятъ люди, пьютъ кофе, пиво и водку и ни у одного изъ нихъ не оказалось въ душѣ и капли состраданія къ голодному товарищу! Между тѣмъ, у нихъ у всѣхъ были деньги, такъ какъ собираніе милостыни оказывается довольно выгоднымъ занятіемъ въ Германіи».

Любопытны также разсужденія германскаго бродяги о самомъ себѣ. Большинство изъ нихъ вполнѣ довольны своимъ положеніемъ. Ночуя, какъ то на гумнѣ, вмѣстѣ съ другими бродягами, Флайнтъ завелъ съ ними разговоръ объ ихъ судьбѣ. Одинъ жаловался, что онъ неспособенъ къ работѣ, что родился лѣнтяемъ и въ этомъ значитъ виноваты его родители. Впрочемъ, въ концѣ концовъ, онъ сознался всетаки, что «водочка» тутъ сыграла свою роль. Но товарищъ его возразилъ ему: «Съ какой стати работать, когда можно больше получить, собирая милостыню. Пустяки, братецъ мой, не отъ этого мы ходимъ по дорогамъ, что любили выпить. Я, напримѣръ, нахожусь здѣсь, потому что мнѣ тутъ лучше, чѣмъ гдѣ бы то ни было. Развѣ не такъ?»

— Положимъ,—замѣтилъ Флайнтъ,—мы собираемъ больше денегъ, странствуя по дорогамъ, нежели рабочіе, но зато вѣдь намъ негдѣ преклонить голову. Вотъ и теперь, гдѣ мы находимся?

— Это правда,—отвѣтилъ бродяга,—но зато мы никогда не бываемъ больны и всегда счастливы и, быть можетъ, мы преуспѣваемъ не меньше другихъ. Вы забываете, что мы вѣдь никогда не работаемъ! Тѣ, у кого есть свой уголъ, должны постоянно работать, чтобы сохранить его, не забудьте это! Мое мнѣніе, что изъ-за этого не стоитъ работать!

Таковы взгляды большинства германскихъ бродягъ. Флайнтъ въ особенности былъ пораженъ ихъ эгоизмомъ и полнымъ отсутствіемъ у нихъ дружескаго участія къ другимъ. Никогда американскій бродяга не взялъ бы денегъ отъ такого человѣка, который, по его мнѣнію, самъ нуждается въ нихъ. Но подобныя великодушныя соображенія совершенно недоступны нѣмецкому бродягѣ. Даже какъ веселый товарищъ, онъ стоитъ гораздо ниже американскаго бродяги и эти послѣдніе не потерпѣли бы его въ своемъ обществѣ; поэтому-то въ Америкѣ бродяги германскаго происхожденія всегда держатся вмѣстѣ и не смѣшиваются съ американцами.

Флайнтъ странствовалъ двѣ недѣли въ обществѣ германскихъ бродягъ и за это время прошелъ больше тысячи километровъ пѣшкомъ; побывалъ въ семидесяти городахъ и деревняхъ и познакомился съ 341 добровольнымъ бродягой. «Впрочемъ,—замѣчаетъ онъ,—я былъ все-таки болѣе добровольный бродяга, нежели они». На основаніи этого знакомства, Флайнтъ приходитъ къ слѣдующему выводу: черты національности очень рѣзко выражены у германскаго бродяги. Онъ болѣе образованъ, нежели его американскій собратъ, но за то болѣе тупъ и менѣе пороченъ. Онъ недовѣрчивъ и подозрителенъ, не отличается великодушіемъ, но справедливъ и при дѣлежѣ никогда не обманетъ товарища. Что касается его политическихъ убѣжденій, то его нельзя назвать соціалъ-демократомъ, но въ то же время онъ не испытываетъ никакого патріотическаго энтузіазма при имени императора. Въ февральскихъ безпорядкахъ въ Берлинѣ (1891 г.) бродяги принимали дѣятельное участіе, но они нестолько имѣли въ виду поддерживать права труда противъ капитала, сколько имъ хотѣлось помочь ниспроверженію существующаго порядка вещей.

Въ Англію Флайнтъ отправился не одинъ, а вмѣстѣ съ однимъ своимъ пріятелемъ студентомъ, который также интересовался бродягами и рѣшилъ поближе познакомиться съ ихъ жизнью. Они оба взяли мѣста на пароходѣ, который везъ по преимуществу палубныхъ пассажировъ. Флайнтъ и его товарищъ были въ числѣ этихъ пассажировъ, одѣтые соотвѣтствующимъ образомъ, чтобы не отличаться отъ остальной публики. Передъ самымъ отходомъ парахода явились двое полицейскихъ агентовъ и начали осматривать паспорта отъѣзжающихъ. Императоръ Вильгельмъ очень заботится о томъ, чтобы ни одинъ изъ его «вѣрныхъ слугъ» не ускользнулъ отъ воинской повинности и потому въ портовыхъ городахъ учрежденъ бдительный надзоръ надъ отъѣзжающими на океанскихъ пароходахъ. Флайнту и его товарищу Райборгу появленіе полицейскихъ было непріятно и они сначала попробовали прикинуться спящими. Но это не помогло, Флайнту пришлось вытащить свой американскій паспортъ, а Райборгу свой студенческій билетъ. Естественно, что полицейскій агентъ никакъ не могъ

сообразить въ чемъ дѣло. «Да кто же вы такой?—спросилъ онъ Райборга.—Матросъ, рабочій, американецъ?»

— Я просто ученый,—отвѣчалъ Райборгъ и отвѣтъ этотъ, повидимому, удовлетворилъ полицейскаго агента, потому что онъ обоихъ оставилъ въ покоѣ.

Въ Англіи обоимъ пріятелямъ пришлось испытать всѣ удовольствія, сопряженныя съ жизнью бродягъ, и просидѣть подъ арестомъ недѣлю за бродяжничество и прошеніе милостыни, причемъ они должны были исполнять разныя работы. Флайнтъ отнесся философски къ этому факту, такъ какъ находили его неизбѣжною принадлежностью своего опыта, но Райборгъ, новичокъ въ этомъ дѣлѣ, чувствовалъ себя очень скверно. Однако, они странствовали вмѣстѣ не все время. Пробродивъ съ недѣлю, они разошлись въ разныя стороны, условившись сойтись въ извѣстномъ мѣстѣ въ назначенный срокъ, чтобы провѣрить свои впечатлѣнія. Оказалось, что эти впечатлѣнія были болѣе или менѣе одинаковы. Флайнтъ нашелъ значительную разницу между американскими и англійскими бродягами. Число бродягъ въ Англіи несравненно меньше, нежели въ Америкѣ, при этомъ въ большинствѣ случаевъ у англійскихъ бродягъ умственные способности бываютъ не въ порядкѣ. Это большею частью вялые, апатичные люди, страдающіе полнымъ отсутствіемъ энергіи, чѣмъ они рѣзко отличаются отъ англійскихъ рабочихъ. Они любятъ пофилософствовать на счетъ своей судьбы и одни приписываютъ ее унаслѣдованнымъ недостаткамъ или особеннымъ предрасположеніямъ къ бродяжничеству, другіе же—печально сложившимся обстоятельствамъ. Но въ большинствѣ случаевъ причину ихъ бѣдственнаго положенія надо искать въ пьянствѣ; 90 проц. англійскихъ бродягъ—неисправимые пьяницы. Однако, и эти отверженные и низко павшіе люди не лишены нѣкоторыхъ очень симпатичныхъ чертъ. Они всегда радушно встрѣчаютъ и выказываютъ участіе къ такому же несчастному, какъ они сами; бродяга смѣло можетъ разсчитывать на то, что они окажутъ ему гостепріимство, подѣлятся съ нимъ послѣднимъ кускомъ и примутъ его въ свою среду. Кромѣ того, Флайнтъ нашелъ, что англійскіе бродяги очень учтивы, гораздо учтивѣе тѣхъ служащихъ, съ которыми ему приходилось имѣть дѣло на пароходѣ или желѣзной дорогѣ, когда онъ совершалъ переѣздъ въ качествѣ бродяги. Такому грубому обращенію онъ никогда не подвергался въ средѣ бродягъ. Притомъ же ни одинъ изъ нихъ, уважающій себя, не позволитъ себѣ обидѣть или побить болѣе слабаго товарища. Эту черту Флайнтъ подмѣтилъ у бродягъ всѣхъ національностей. Онъ приписываетъ именно этой чертѣ то, что во время своего странствованія съ ними, онъ ни разу не подвергался дурному обращенію; его малый ростъ и слабосиліе служили ему лучшею защитой. Однажды, напримѣръ, онъ поссорился съ однимъ изъ своихъ товарищей и при этомъ такъ разгорячился, что готовъ былъ полѣзть въ драку. Но товарищъ его, сильный, здоровенный парень, сказалъ

ему: «Ну, ну, Сигаретка (это было прозвище Флайнта среди бродягъ), если ты вздумаешь драться, я убѣгу!»

Флайнтъ находитъ въ характерѣ англійскихъ и американскихъ бродягъ гораздо больше симпатичныхъ чертъ, нежели въ характерѣ германскихъ. Среди англійскихъ бродягъ встрѣчаются, напримѣръ, очень нѣжные отцы, которые даже сами укачиваютъ своихъ дѣтей, лаково обращаются съ ними, когда бываютъ трезвы, но, къ сожалѣнію, пьянство часто притупляетъ у нихъ всѣ добрыя чувства. Американскіе же бродяги самые энергичные изъ всѣхъ, обладаютъ часто рѣзко выраженною индивидуальностью, чего совершенно лишены англійскіе бродяги, отличающіеся, за весьма рѣдкими исключеніями, пассивностью и полнымъ отсутствіемъ энергіи. Среди американскихъ бродягъ встрѣчаются дѣйствительно интересные типы, и притомъ поражающіе своими высоко человѣчными чертами, несмотря на крайнюю спутанность понятій о добрѣ и злѣ, о собственности и т. п. Такова была, напр., женщина, извѣстная въ мірѣ бродягъ подъ именемъ «старой бостонской Мери», устроившая на одной изъ самыхъ отдаленныхъ окраинъ Бостона пріютъ для бродягъ въ полуразвалившейся старой хижинѣ. Эта хижина стояла уединенно вдали отъ другихъ строеній; она была необитаема и, по увѣренію ея сосѣдей, въ ней появлялись привидѣнія. Никто не отваживался поселиться въ ней, но, вѣроятно, эта уединенность и привлекла Мери, которая не испугалась привидѣній и устроила въ этой полуразвалившейся лачугѣ свою резиденцію. Съ той поры каждый бродяга могъ разсчитывать на пріютъ въ этой хижинѣ, стоило ему только съ наступленіемъ темноты подойти къ дверямъ и постучать особеннымъ образомъ, сказавъ при этомъ: «Hobo» (прозвище бродягъ въ Америкѣ). Дверь пріотворялась ровно настолько, чтобы пропустить вновь пришедшаго, и снова захлопывалась за нимъ.

Флайнтъ, проведшій ночь въ этомъ пріютѣ, говоритъ, что хозяйка его, старая Мери, произвела на него неизгладимое впечатлѣніе. Несмотря на ея удивительный костюмъ, состоявшій, между прочимъ, изъ старой куртки и жилетки, подаренныхъ ей какимъ-то клерджименомъ, въ ней было что-то такое, внушавшее уваженіе, какое-то врожденное благородство осанки, которое напоминало о павшемъ величіи. Кто была Мери и откуда—никто не зналъ, но замѣчательно, что въ ея присутствіи даже самые закоснѣлые бродяги старались вести себя прилично и въ полуразвалившейся хижинѣ, гдѣ обыкновенно собирались бродяги разнаго сорта и всевозможныхъ профессій, очень рѣдко раздавалось какое-нибудь грубое ругательное слово. Такое сдерживающее вліяніе на своихъ гостей оказывала Мери своею добротой и ласковымъ обращеніемъ. Она, повидимому, старалась, насколько это было въ ея силахъ, сдѣлать счастливыми тѣхъ несчастныхъ отверженныхъ, которые собирались подъ ея гостепріимнымъ кровомъ. Она помогала каждому, перевязывала раны на ногахъ, стряпала ужинъ и т. д. Каждому изъ своихъ

гостей она указывала его мѣсто и къ полночи въ хижинѣ водворялась тишина; бездомные бродяги сладко засыпали, забывая во снѣ всѣ трудности и лишенія своего тяжелаго существованія.

Бѣдная Мэри кончила жизнь подъ колесами вагона. Въ молодости она была единственною женщиной, пользовавшейся репутаціей необыкновенно смѣлаго желѣзнодорожнаго бродяги. Ни одна женщина изъ среды бродягъ не рѣшалась прибѣгать къ такому способу передвиженія, но Мери не отставала отъ своихъ товарищей. Состарившись и поселившись въ хижинѣ возлѣ Бостона, она прекратила свои путешествія, но затѣмъ обстоятельства вынудили ее покинуть свое убѣжище и, повстрѣчавшись съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ бродягъ, она вмѣстѣ съ нимъ ночью взобралась на вагонную раму и усѣлась между колесъ. Прежде она много разъ такъ путешествовала и даже славилась своею ловкостью среди своихъ товарищей. И теперь она понадѣялась на свои силы, но онѣ измѣнили ей.

Также трагически погибъ за нѣсколько времени передъ этимъ одинъ изъ ея любимыхъ товарищей, который былъ случайно запертъ въ товарномъ вагонѣ и, не имѣя никакой возможности выбраться оттуда, такъ какъ вагонъ былъ поставленъ на запасный путь, погибъ тамъ голодною смертью. Онъ былъ уже мертвъ, когда открыли вагонъ и нашли его. Такіе случаи въ Америкѣ не составляютъ рѣдкости.

Совсѣмъ иной характеръ имѣютъ, по словамъ Флайнта, русскіе бродяги, съ которыми онъ свелъ знакомство во время своего кратковременнаго пребыванія въ Россіи. Онъ направился въ Россію только для того, чтобы посмотрѣть Петербургъ и Москву и побывать въ Ясной Полянѣ у графа Толстого. О бродягахъ онъ тогда и не думалъ, но случайно наткнулся на нихъ, когда ѣхалъ съ вокзала въ экипажѣ, вмѣстѣ съ однимъ пріятелемъ. Навстрѣчу имъ попалась партія жалкихъ оборванныхъ крестьянъ, которые уныло брели по улицѣ въ сопровожденіи полицейскихъ. Опытный взглядъ Флайнта тотчасъ же призналъ въ нихъ бродягъ.

— Много ли бродягъ въ Россіи?—спросилъ онъ своего пріятеля.

— Тысячи,—отвѣчалъ тотъ.—Это одна изъ величайшихъ проблемъ, съ которою приходится имѣть дѣло Россіи.

Флайнтъ скоро и самъ убѣдился въ этомъ и у него явилось желаніе познакомиться ближе съ русскими бродягами. Онъ заговорилъ объ этомъ съ графомъ Толстымъ и спросилъ у него совѣта, можетъ ли онъ, иностранецъ, пуститься странствовать съ бродягами?

— Отчего же нѣтъ?—сказалъ графъ Толстой.— Конечно, вамъ трудно будетъ понимать ихъ діалектъ и врядъ ли вы можете разсчитывать сойти за бродягу, но въ другихъ отношеніяхъ, вы, вѣроятно, не встрѣтите особенныхъ затрудненій. Изъ вашихъ документовъ полиція можетъ убѣдиться, что вы нисколько не опасны, и единственное, что можетъ съ вами приключиться, это — что васъ отошлютъ обратно въ

Петербургъ. Я бы самъ съ удовольствіемъ совершилъ такое путешествіе, если бы не былъ слишкомъ старъ. Однажды, впрочемъ, я совершилъ большое паломничество и многое увидѣлъ тогда, но вы увидите еще больше, если прямо пойдете къ бродягамъ. Если вы рѣшитесь на это, то я бы желалъ, чтобы вы разузнали, какъ они смотрятъ на власть и вѣрятъ ли въ то, что они называютъ своею религіей. Должно быть, очень интересно поговорить съ ними объ этихъ предметахъ, и, можетъ быть, вы соберете интересный матеріалъ.

Флайнтъ послѣ этого разговора съ Толстымъ рѣшился попробовать свести знакомство съ русскими бродягами; къ нему присоединился одинъ его знакомый—московскій студентъ и они отправились вмѣстѣ путешествовать, снарядившись соотвѣтствующимъ образомъ. Несмотря на совершенно чуждыя ему условія русской жизни и плохое знаніе русскаго языка, предпріимчивый американецъ все-таки скоро оріентировался въ новой обстановкѣ и тѣ свѣдѣнія, которыя онъ сообщаетъ въ своей книгѣ о русскихъ бродягахъ,—которыхъ онъ дѣлитъ на пользующихся покровительствомъ властей (церковныхъ нищихъ) и обыкновенныхъ бродягъ, часто подвергающихся преслѣдованію со стороны властей,—указываютъ, что онъ довольно хорошо изучилъ бытъ и характеръ русскаго народа. О причинахъ, способствующихъ развитію бродяжничества въ Россіи, Флайнтъ упоминаетъ лишь вкратцѣ. На первый планъ онъ выдвигаетъ пьянство и затѣмъ экономическія условія, вызвавшія движеніе сельскаго населенія въ города. При этомъ онъ дѣлаетъ слѣдующее любопытное замѣчаніе: «Мы въ Америкѣ думаемъ, что можно было бы произвести громадныя и благодѣтельныя перемѣны въ судьбѣ этого класса отверженныхъ, которыхъ мы именуемъ бродягами, если бы ихъ можно было вернуть къ сельской жизни и водворить на фермахъ, но примѣръ Россіи доказываетъ какъ разъ обратное. Очевидно, кромѣ воздуха полей, сельская жизнь должна обладать еще и другими привлекательными сторонами, которыя могли бы бороться съ соблазнами городской жизни. Въ Россіи мы видимъ, что крестьянинъ, однажды испытавшій городскую жизнь, уже никогда больше не чувствуетъ себя счастливымъ въ деревнѣ!»

Э. Пименова.

ОЧЕРКИ ИЗЪ ИСТОРІИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЭКОНОМІИ.

(*Продолженіе*) *).

V.

Сенъ-Симонъ и сенъ-симонисты.

Политическая экономія долгое время была по преимуществу англійской наукой—не вслѣдствіе какой-либо прирожденной склонности британцевъ къ изученію хозяйственныхъ явленій, а благодаря особенностямъ соціальнаго строя Англіи. Англія была и остается авангардомъ человѣчества въ области соціальнаго прогресса. Какъ мы уже говорили, политическая экономія специфическій продуктъ капиталистическаго строя. Въ Англіи раньше, чѣмъ въ другихъ странахъ, этотъ строй достигъ преобладанія—неудивительно, что и политическая экономія нашла себѣ самую благодарную почву въ Англіи. Но по мѣрѣ того, какъ капитализмъ охватывалъ все новыя и новыя территоріи Стараго и Новаго свѣта, стало распространяться и изученіе политической экономіи. Въ XVIII вѣкѣ и первой половинѣ XIX вѣка капиталистическое хозяйство было наиболѣе развито, среди странъ европейскаго континента, во Франціи. Франція шла въ этомъ отношеніи непосредственно вслѣдъ за Англіей. Для Франціи политическая экономія не была чуждой наукой, привознымъ товаромъ англійскаго происхожденія. Въ лицѣ физіократовъ, особенно Кэнэ и Тюрго, Франція имѣла въ XVIII вѣкѣ экономистовъ, превосходившихъ Ад. Смита силою теоретической мысли, хотя и далеко уступавшихъ этому послѣднему по пониманію практическихъ задачъ своего времени и отзывчивости къ преобладающимъ соціальнымъ теченіямъ эпохи. Физіократы были слишкомъ теоретичны—они были не только теоретиками, но и доктринерами, говорившими языкомъ, непонятнымъ для толпы, и создававшими теоріи, непригодныя для примѣненія въ практической жизни. Система Смита, отчасти опиравшаяся на теоріи физіократовъ была несравненно выше физіократическихъ ученій какъ система практической политики и потому Смитъ быстро затмилъ не только у себя на родинѣ, но и во

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь 1901 г.

Франціи своего геніальнаго предшественника—Кэнэ. Въ лицѣ Жана Батиста Сэ Смитъ нашелъ во Франціи популяризатора, или, скорѣе, вульгаризатора, обладавшаго даромъ яснаго изложенія при значительной неясности мысли, неспособной къ абстракціи и теоретическому углубленію. Эта слабость Сэ, еще больше, чѣмъ его сила, какъ выдающагося стилиста и талантливаго излагателя чужихъ мыслей, содѣйствовала успѣху ученій Смита на континентѣ. Расплывчатое, многословное, несистематичное, мѣстами глубокое и почти геніальное, а въ общемъ цѣльное, могучее и объединенное господствующей мыслью великое твореніе Смита было превращено Сэ въ распланированный съ обычнымъ французскимъ мастерствомъ, упрощенный и обезцвѣченный «курсъ» политической экономіи, доступный всякому, даже самому ограниченному пониманію. Однимъ изъ секретовъ успѣха Сэ было также и то, что въ его обработкѣ ученіе Смита утратило столь характерную для великаго шотландца струю горячей симпатіи рабочимъ классамъ. Смитъ былъ переработанъ въ интересахъ буржуазіи—и буржуазія европейскаго континента, принявшая этого обезвреженнаго Смита изъ рукъ Сэ, провозгласила автора «Богатства народовъ» своимъ умственнымъ Аллахомъ, а его вульгаризатора Сэ—пророкомъ новой религіи свободной конкуренціи и наибольшаго барыша.

Но та же Франція выдвинула людей иного духа. Если классическая политическая экономія была преимущественно твореніемъ англичанъ, въ которомъ на долю французовъ выпала второстепенная роль, то утопическій соціализмъ можетъ считаться духовнымъ чадомъ Франціи. Правда, англичане имѣли своего великаго утописта Оуэна; но сила и значеніе Оуэна были не въ теоріи, а въ практикѣ. Его прочнымъ памятникомъ остается развернувшееся нынѣ во весь свой могучій ростъ кооперативное движеніе; какъ теоретикъ Оуэнъ стоитъ гораздо ниже представителей французскихъ утопистовъ—Фурье и особенно Сенъ-Симона.

Мы не знаемъ въ исторіи человѣческой мысли болѣе ослѣпительной и блещущей всѣми красками фигуры, чѣмъ графъ Генрихъ де-Рувруа Сенъ-Симонъ (1760—1825), потомокъ Карла Великаго и внучатный племянникъ герцога Сенъ-Симона, автора знаменитыхъ мемуаровъ о французскомъ дворѣ.

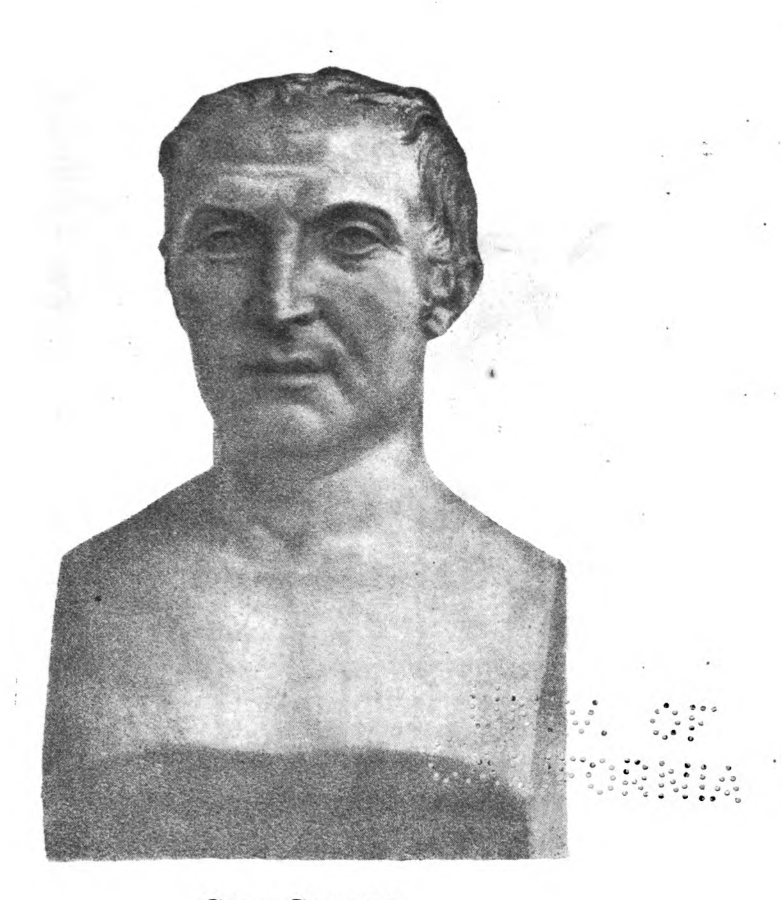
Онъ родился въ знатной семьѣ и получилъ блестящее воспитаніе. Въ числѣ учителей, приходившихъ давать ему уроки, были такіе знаменитости, какъ Даламберъ. Когда Сенъ-Симону не было и 13 лѣтъ, онъ внезапно объявилъ отцу, что измѣнилъ свои религіозныя убѣжденія и не желаетъ причащаться. Суровый отецъ заключилъ его въ тюрьму. Сенъ-Симонъ бѣжалъ оттуда послѣ удара ножомъ тюремщика.

Любовь къ славѣ и сознаніе своего высокаго призванія очень рано пробудились въ Сенъ-Симонѣ. Говорятъ, лакей обязанъ былъ будить молодого графа слѣдующими словами: «Вставайте, графъ, васъ ждутъ

великія дѣла». Дѣйствительно, великія дѣла предстояли Сенъ-Симону; но время для нихъ наступило не скоро. Судьба готовила гордому графу трудную жизнь, исполненную всевозможныхъ лишеній; и только на закатѣ, когда косые лучи вечерняго солнца едва пробивались сквозь тучи, закрывшія небосклонъ, и весь долгій жизненный путь сталъ представляться длинной цѣпью неудачъ, униженій и разочарованій, онъ вышелъ на дорогу, приведшую его въ храмъ славы.

Едва юношей, Сенъ-Симонъ отплылъ въ Америку офицеромъ французскаго корпуса, отправленнаго для помощи возставшимъ англійскимъ колоніямъ. Въ теченіе пяти лѣтъ онъ храбро дрался съ англичанами и, наконецъ, попалъ въ плѣнъ. По заключеніи мира, двадцатитрехлѣтній Сенъ-Симонъ вернулся на родину съ чиномъ полковника королевскихъ войскъ, французскимъ орденомъ св. Людовика и американскимъ орденомъ Цинцината. Передъ нимъ открывалась блестящая военная карьера. Его назначаютъ комендантомъ такой важной крѣпости, какъ Мецъ. Но Сенъ-Симонъ быстро пресыщается служебными успѣхами. Его честолюбіе больше — онъ не ищетъ славы на военномъ полѣ. Онъ еще самъ не знаетъ, гдѣ его истинный путь, но чувствуетъ постоянную неудовлетворенность, ломаетъ свою жизнь, теряетъ колею и начинаетъ лихорадочно переходить отъ одного дѣла къ другому. Онъ бросаетъ Францію, путешествуетъ по Европѣ и, наконецъ, попадаетъ въ Испанію, гдѣ обращается къ королю съ фантастическимъ предложеніемъ: взять на себя прорытіе канала, долженствующаго соединить Мадридъ съ моремъ, причемъ работы должны исполняться иностранцами, которыхъ Сенъ-Симонъ обязуется завербовать на военную службу короля.

Между тѣмъ, во Франціи разражается революція. Нашъ искатель приключеній возвращается въ свое родовое имѣніе, отклоняетъ свой выборъ въ общинные меры, на томъ основаніи, что для народа опасно вручать власть прежнему дворянству и отказывается отъ графскаго титула. Революція лишила Сенъ-Симона его родового состоянія, но дала ему возможность заняться, нѣкоторыми спекуляціями, которые должны были бы доставить разорившемуся потомку Карла Великаго огромное богатство, если бы не чрезмѣрное довѣріе Сенъ-Симона своему компаньону Редерну. Дѣло кончилось тѣмъ, что Редернъ получилъ нѣсколько милліоновъ, а Сенъ-Симонъ долженъ былъ удовольствоваться сравнительно скромной суммой въ 150.000 франковъ, что для такого важнаго барина, привыкшаго къ роскошной жизни и не считавшаго денегъ, было сущимъ пустякомъ. Но Сенъ-Симона нисколько не смутила потеря состоянія; онъ увидѣлъ въ этомъ доказательство различія между такими людьми, какъ онъ, и такими, какъ Редернъ. «Дороги, которыми мы слѣдовали,—писалъ Сенъ-Симонъ по этому поводу позднѣе,—были совершенно различны: онъ (Редернъ) направился въ грязныя трясины, гдѣ богатство построило свой храмъ, въ то время какъ я поднимался на сухую и скалистую гору, на вершинѣ которой находится алтарь славы».



Сенъ-Симонъ.

Около этого времени Сенъ-Симонъ приходитъ къ убѣжденію, что у него есть высшее призваніе—преобразовать науку, объединить въ одно гармоническое цѣлое разрозренныя знанія человѣчества и принимается за изученіе точныхъ наукъ довольно необыкновеннымъ способомъ: приглашаетъ къ себѣ профессоровъ политехнической и медицинской школы, даетъ имъ роскошные обѣды, угощаетъ тонкими винами и въ промежуткѣ между двумя блюдами разговариваетъ съ учеными о всемірномъ тяготѣніи, законахъ неорганическихъ и органическихъ тѣлъ и пр. Конечно, изученіе такого рода не могло сообщить Сенъ-Симону никакихъ серьезныхъ знаній; но ни къ какому ученичеству нашъ своеобразный философъ и не былъ способенъ по самой своей натурѣ. Онъ могъ жить только въ своемъ особомъ мірѣ, созданномъ его фантазіей, и его единственнымъ учителемъ былъ его собственный геній.

Послѣ такого своеобразнаго курса точныхъ наукъ, Сенъ-Симонъ приходитъ къ убѣжденію, что ему нужно расширить свой жизненный опытъ, познать всѣ страсти, людей, изучить ихъ слабости. Ему нужно широко открыть двери своего салона для самаго разнообразнаго общества—свѣтскихъ людей, художниковъ, артистовъ, игроковъ, красивыхъ женщинъ и пр., и пр. Но онъ не женатъ—его салонъ лишенъ хозяйки. И вотъ Сенъ-Симонъ, ради успѣха своихъ наблюденій надъ ярмаркой человѣческаго тщеславія, женится на красивой и привлекательной дамѣ. Намѣченная программа выполняется блестящимъ образомъ: достаточно было одного года, чтобы остатки состоянія Сенъ-Симона были поглощены роскошной жизнью и дорогими пріемами. Сенъ-Симонъ остается нищимъ и расходится со своей женой.

Съ этого времени, когда Сенъ-Симону было уже болѣе 40 лѣтъ, для него начинается трудный и тернистый путь лишеній и нужды. Судьба позаботилась о томъ, чтобы доставить этому оригинальному экспериментатору искомыя имъ познанія выбраннымъ имъ самимъ методомъ: заставивъ его испытать въ своей личной жизни всѣ разнообразныя положенія, въ которыя только можетъ попасть человѣкъ. Вторая половина жизни Сенъ-Симона представляетъ собой такой глубокій контрастъ съ первой, какой только можно себѣ представить.

Сенъ-Симонъ уже не богатый знатный баринъ, покровительственно принимавшій ученыхъ, не занимавшійся никакимъ опредѣленнымъ дѣломъ и слегка интересовавшійся всѣмъ. Онъ даже больше не графъ, такъ какъ оффиціально отказался отъ этого титула, онъ не имѣетъ никакого состоянія и въ то же время совершенно лишенъ способности зарабатывать деньги скромнымъ трудомъ. Въ его головѣ постоянно возникаютъ планы научныхъ работъ, одинъ другого грандіознѣй, и онъ съ неутомимымъ жаромъ работаетъ надъ развитіемъ своихъ идей. Но, увы! Счастье отъ него отвернулось. Одна неудача слѣдуетъ за другой. Его попытки обратить на себя вниманіе ученаго міра кончаются унизительными фіаско. Его восторженность вызываетъ веселый смѣхъ, а

научные доводы—улыбку сожалѣнія. Жизнь начинаетъ производить надъ нашимъ философомъ свои жестокіе опыты, какъ бы въ отместку за его опыты надъ своей собственной жизнью.

Послѣдняя попытка Сенъ-Симона къ самостоятельному экспериментированію надъ жизнью стоитъ того, чтобы о ней разсказать. Въ это время во всемъ мірѣ гремѣла слава г-жи Сталь, какъ умнѣйшей и образованнѣйшей женщины Европы. И вотъ Сенъ-Симонъ, разставшись со своей женой, ѣдетъ въ Женеву къ г-жѣ Сталь, которая врядъ ли когда-либо слышала его имя, и обращается къ ней съ рѣчью приблизительно въ такомъ родѣ: «Вы—замѣчательнѣйшая женщина своего времени, я—замѣчательнѣйшій мужчина. Почему бы намъ не стать мужемъ и женой?» Сталь имѣла настолько ума, чтобы только разсмѣятся надъ этимъ удивительнымъ предложеніемъ, которое можно было принять за поступокъ маніака.

Въ Женевѣ Сенъ-Симонъ издаетъ свой первый литературный трудъ—«Lettres d'un habitant de Genève à ses contemporains»—маленькую брошюру изъ трехъ писемъ, неясную, вдохновенную и почти безумную, въ которой мысль Сенъ-Симона еще только расправляетъ свои крылья для могучаго полета впослѣдствіи. Первое письмо такъ коротко, что мы приведемъ его почти цѣликомъ.

«Я не молодъ,—начинаетъ Сенъ-Симонъ свое обращеніе къ современникамъ,—я много наблюдалъ и думалъ въ теченіе всей своей жизни и цѣлью моихъ работъ было ваше благо: я придумалъ планъ, который мнѣ кажется полезнымъ для васъ и я изложу вамъ его.

«Откройте подписку надъ могилой Ньютона; подписывайте всѣ, сколько хотите!

«Пусть каждый назоветъ трехъ математиковъ, трехъ физиковъ, трехъ химиковъ, трехъ физіологовъ, трехъ писателей, трехъ живописцевъ, трехъ музыкантовъ.

«Каждый годъ возобновляйте подписку и указывайте имена, но пусть каждый будетъ свободенъ называть хотя бы тѣхъ же самыхъ лицъ.

«Раздѣлите сумму, собранную по подпискѣ между тремя математиками, тремя физиками и т. д., получившими наибольшее число голосовъ.

«Попросите президента Лондонскаго Королевскаго Общества, принять вносимыя деньги.

«Въ слѣдующіе годы возложите эту почетную обязанность на лицо, внесшее наибольшую сумму по подпискѣ.

«Потребуйте отъ тѣхъ, кого вы выберете, чтобы они не получали ни должностей, ни почестей, ни денегъ отъ кого бы то ни было и оставьте ихъ безграничными господами своихъ силъ.

. . . .

«Этой мѣрой вы создадите вождей для тѣхъ, кто работаетъ надъ прогрессомъ человѣческаго знанія, вы облечете этихъ вождей величайшимъ авторитетомъ и передадите въ ихъ распоряженіе огромную денежную силу».

Во второмъ письмѣ Сенъ-Симонъ говоритъ, что онъ имѣлъ видѣніе. Ночью онъ услышалъ голосъ, который ему возвѣстилъ:

«Римъ перестанетъ быть главой моей церкви. Папа, кардиналы, епископы и священники перестанутъ говорить отъ моего имени... Я запретилъ Адаму различать добро отъ зла—онъ не послушался меня. Я его изгналъ изъ рая, но я оставилъ потомству Адама средство утолить мой гнѣвъ; пусть люди работаютъ надъ усовершенствованіемъ познанія добра и зла—и я улучшу ихъ участь. Наступитъ день, когда земля будетъ раемъ...

«Узнай, что я помѣстилъ Ньютона рядомъ съ собой, довѣрилъ ему управленіе свѣтомъ и поручилъ ему владычество надъ людьми всѣхъ планетъ.

«Собраніе 21 избранниковъ человѣчества получитъ названіе совѣта Ньютона. Совѣтъ Ньютона будетъ представлять меня на землѣ; онъ раздѣлитъ человѣчество на 4 части, которыя будутъ называться англійской, французской, германской и итальянской. Каждая изъ этихъ частей будетъ имѣть совѣтъ, образованный также, какъ и верховный совѣтъ. Всякій, гдѣ бы онъ ни жилъ, выберетъ себѣ одну изъ этихъ частей и будетъ избирать верховный совѣтъ, а также совѣтъ своей части.

«Женщины также будутъ избирать и будутъ избираемы».

Эти выдержки даютъ представленіе объ общемъ тонѣ этого страннаго литературнаго произведенія. Можно думать, что Сенъ-Симонъ не его написалъ въ состояніи крайняго, почти болѣзненнаго экстаза. Но, какъ увидимъ ниже, несмотря на свою экзальтированную и безсвязную форму, первая работа Сенъ-Симона уже содержитъ въ зародышѣ нѣкоторыя глубокія, даже прямо геніальныя идеи, болѣе полно развитыя имъ впослѣдствіи.

Нечего и говорить, что эта брошюра не дала Сенъ-Симону ни славы, ни денегъ... А деньги ему были нужны для жизни. Съ большимъ трудомъ ему удалось пріискать себѣ мѣсто переписчика въ ломбардѣ, съ жалованьемъ въ 1.000 франковъ въ годъ за 9-ти-часовую ежедневную работу. Для научной работы нашему философу оставались только ночи. Къ счастью, судьба вскорѣ свела его съ его бывшимъ слугой Діаромъ, который сжалился надъ бѣдственнымъ положеніемъ своего прежняго господина и предложилъ ему даровую квартиру и содержаніе. И вотъ Сенъ-Симонъ поселяется у Діара.

Ему нисколько не кажется унизительнымъ жить милостыней своего прежняго слуги. Онъ весь поглощенъ задуманными имъ великими трудами; на средства Діара онъ печатаетъ нѣсколько научно-философскихъ работъ, не обратившихъ ничьего вниманія. Вскорѣ судьба наноситъ бѣдному искателю истины новый ударъ: Діаръ умираетъ. Обнищавшему философу не на что печатать свои произведенія и онъ возвращается къ первобытному способу распространенія человѣческаго слова: собственноручно переписываетъ свои сочиненія въ нѣсколькихъ десят-

*

кахъ экземпляровъ и разсылаетъ ихъ выдающимся ученымъ, сопровождая посылку письмами такого содержанія:

«Милостивый Государь! Будьте моимъ спасителемъ. Я умираю съ голоду. Мое положеніе отнимаетъ у меня возможность изложить мои идеи достойнымъ образомъ; но значеніе моего открытія не зависитъ отъ способа изложенія. Достигъ ли я того, чтобы проложить новую философскую дорогу? Вотъ вопросъ. Если вы возьмете на себя трудъ прочитать мое сочиненіе, я спасенъ. Преданный впродолженіи многихъ лѣтъ отысканію новаго пути въ области мысли, я по необходимости долженъ былъ удалиться отъ школы и отъ общества... Я сдѣлалъ открытіе чрезвычайной важности... Занятый единственно общимъ интересомъ, я пренебрегалъ своими собственными дѣлами и черезъ это дошелъ до слѣдующаго положенія: мнѣ нечего ѣсть, я работаю безъ огня. Я продалъ даже свою одежду для того, чтобы имѣть возможность переписать мое сочиненіе. Стремленіе къ наукѣ и общественному благу желаніе найти средства, чтобы мирнымъ образомъ окончить страшный кризисъ, въ которомъ находится европейское общество, привели меня въ столь несчастное положеніе, и потому я не краснѣя признаю свою бѣдность и прошу помощи для того, чтобы продолжать свою работу».

Итакъ, гордый потомокъ Карла Великаго открыто просилъ милостыню у незнакомыхъ людей. Но этого мало: онъ просилъ милостыню и не получалъ ея. И еще болѣе: онъ не только не получалъ милостыни, но и его научные труды, сопровождаемые такими унизительными посланіями, оставались непрочитанными. Казалось, все соединилось для того, чтобы сокрушить самоувѣренность Сенъ-Симона. Но тутъ и проявилось во всей мощи величіе его духа; ничто на свѣтѣ, ни крайняя нищета, ни общее равнодушіе и невниманіе къ его работамъ, ни полное одиночество, ни надвигавшаяся старость, при неизвѣстности будущаго, не могли въ этотъ самый тяжелый періодъ жизни Сенъ-Симона заставить его склонить свою гордую голову. Обращаясь съ просьбою о помощи и разсказывая о своихъ бѣдствіяхъ, онъ держитъ себя съ спокойнымъ достоинствомъ избранника неба и прирожденнаго повелителя людей.

Въ посвященіи своему племяннику Виктору, приложенномъ къ одному сочиненію, изданному въ это время, Сенъ-Симонъ говоритъ въ вдохновленномъ тонѣ о «великихъ обязательствахъ», возлагаемыхъ на ихъ семью ихъ высокимъ происхожденіемъ. «Я бросилъ мечъ, чтобы взяться за перо,—говоритъ онъ,—такъ какъ чувствовалъ, что природа влекла меня къ великимъ цѣлямъ на научномъ поприщѣ». Исторія показываетъ, что всѣ великія дѣла были исполнены людьми знатной породы. Сенъ-Симоны должны быть гордыми «до надменности», ибо судьба низвела ихъ съ высоты престола до самыхъ низшихъ рядовъ подданныхъ. Однажды, въ эпоху террора, когда Сенъ-Симонъ сидѣлъ въ тюрьмѣ, ему явился ночью Карлъ Великій и сказалъ: «Съ тѣхъ поръ,

какъ существуетъ міръ, ни одной семьѣ не выпало чести создать и героя, и философа перваго разряда; моему дому досталась эта честь. Сынъ мой, твои успѣхи, какъ философа, сравнятся съ тѣми, какихъ я достигъ, какъ воинъ и политикъ».

Въ письмѣ къ тому же Виктору Сенъ-Симонъ высказываетъ слѣдующее: «Безуміе, мой дорогой Викторъ, не что иное, какъ высшая экзальтація, и эта высшая экзальтація необходима для совершенія великихъ дѣлъ... Въ храмъ славы входятъ только кліенты домовъ сумасшедшихъ, но не всѣ кліенты сумасшедшаго дома попадаютъ въ храмъ славы На милліонъ одному удается войти—остальные свертываютъ себѣ шею».

Одной изъ самыхъ поражающихъ чертъ характера этого удивительнаго человѣко была прямо безпредѣльная наивность, съ которой онъ относился къ людямъ. Редернъ обобралъ его и лишилъ состоянія. Сенъ-Симонъ поссорился съ Редерномъ, отзываясь о немъ крайне рѣзко, какъ о человѣкѣ, самомъ ничтожномъ и заслуживающемъ полнаго презрѣнія. И вотъ, очутившись въ крайности, бѣдный наивный философъ составляетъ проектъ привлечь для осуществленія своихъ научныхъ работъ не кого иного, какъ этого самаго Редерна. Сенъ-Симонъ пишетъ своему врагу длинное посланіе, въ которомъ излагаетъ сущность своихъ философскихъ воззрѣній и проситъ обезпечить ему жизнь и научную дѣятельность. Какое было дѣло Редерну до теорій обобраннаго имъ неудачнаго спекулянта? Но нашъ философъ дѣтски-простодушенъ въ вопросахъ практической жизни; съ подобными же просьбами онъ обращается рѣшительно ко всѣмъ, даже къ Наполеону. И характеръ всѣхъ этихъ просьбъ не измѣнно одинъ и тотъ же: вдохновенныя, запутанныя и неясныя разсужденія объ общихъ вопросахъ, и въ заключеніе трогательное по своей наивности предложеніе (именно скорѣе предложеніе, чѣмъ просьба) помочь умирающему отъ голода философу. Со всѣми Сенъ-Симонъ говоритъ совершенно одинаково—со своимъ бывшимъ слугой Діаромъ такъ же, какъ и съ Наполеономъ. Со всѣми онъ говоритъ, какъ высшій избранникъ, какъ потомокъ и наслѣдникъ Карла Великаго, ничего не боящійся и сознающій, что ничто на свѣтѣ не можетъ его унизить.

Въ обращеніи къ Наполеону Сенъ-Симонъ обѣщаетъ указать средство сокрушить морское могущество Англіи; этимъ средствомъ оказывается отказъ Наполеона отъ завоевательныхъ плановъ. Если же Наполеонъ не послушаетъ совѣтовъ дружески расположеннаго къ нему философа, то погубитъ себя и Францію. Неудивительно, что въ отвѣтъ на это Наполеонъ приказалъ полиціи слѣдить за Сенъ-Симономъ.

Крайняя наивность и вѣра въ людей, непониманіе ихъ психологіи и навязываніе имъ своихъ собственныхъ настроеній и чувствъ, вытекали у нашего утописта изъ чрезвычайнаго богатства его внутренняго міра. Грандіозные планы непрерывно возникали въ его мозгу и поглощали все его вниманіе. Онъ былъ въ состояніи постояннаго экстаза, его умственный взоръ былъ обращенъ такъ далеко, что почти не раз-

личалъ близкихъ предметовъ. И потому, каждый разъ, какъ геніальному мыслителю приходилось вступать въ соприкосновеніе съ практической жизнью, онъ оказывался дѣтски безпомощнымъ и смѣшнымъ.

Вслѣдъ затѣмъ положеніе Сенъ-Симона нѣсколько улучшается, благодаря тому, что его восторженная проповѣдь находитъ себѣ, наконецъ, нѣкоторый откликъ: у него появляются ученики. Правда, ихъ немного, но за то среди нихъ есть люди такой огромной умственной силы, какъ философъ Огюстъ Контъ и историкъ Огюстенъ Тьерри. Послѣдній даже присвоилъ себѣ въ печати названіе «пріемнаго сына Сенъ-Симона». Такіе ученики могли замѣнить недостатокъ вниманія къ идеямъ Сенъ-Симона среди міра оффиціальной науки.

Годы шли, нищета продолжалась, наступила дряхлая старость. Уколы булавкой часто бываютъ больнѣе глубокихъ ранъ—жизнь подачками богатыхъ покровителей стала невыносимой для бѣднаго чудака философа, уже одряхлѣвшаго и лишившагося своей прежней гордой силы: въ маѣ 1823 г. онъ продѣлалъ свой послѣдній и самый печальный жизненный опытъ — выстрѣлилъ въ себя изъ пистолета въ високъ. Но онъ не умеръ, а только лишился глаза. Послѣ этого онъ прожилъ еще около двухъ лѣтъ, и вскорѣ послѣ выхода въ свѣтъ своего послѣдняго сочиненія «Le nouveau christianisme» скончался, какъ истый мудрецъ, на рукахъ своихъ учениковъ.

Послѣднія слова Сенъ-Симона были обращены къ его любимому ученику Родригу: «Яблоко зрѣло,—сказалъ онъ,—вы его сорвете. Мой послѣдній трудъ «Новое христіанство» не будетъ понятъ немедленно. Думали, что религія должна исчезнуть, потому что католицизмъ одряхлѣлъ. Это ошибка: религія не можетъ исчезнуть изъ міра; она только преобразуется... Родригъ, не забывайте этого! И помните, чтобы совершать великія дѣла, нужно быть вдохновеннымъ... Вся моя жизнь резюмируется одной мыслью: обезпечить всѣмъ людямъ наиболѣе свободное развитіе ихъ способностей». Затѣмъ наступило короткое молчаніе и умирающій прибавилъ: «Черезъ двое сутокъ послѣ нашей второй публикаціи партія рабочихъ образуется. Будущее принадлежитъ намъ». Съ этими словами онъ положилъ руку на голову и умеръ.

Въ чемъ же заключалось духовное наслѣдство, которое завѣщалъ своимъ ученикамъ этотъ необыкновенный человѣкъ? Что давало Сенъ-Симону эту несокрушимую увѣренность въ себѣ, эту силу переносить самыя унизительныя положенія съ гордостью короля? Какова была философія этого новаго Сократа, отвергнутаго современниками, но съ такой бодрой вѣрой смотрѣвшаго въ будущее?

Уже въ первой своей странной и загадочной работѣ «Lettres d'un habitant de Génève» Сенъ-Симонъ высказываетъ глубокія мысли, значеніе которыхъ для насъ ясно только теперь, послѣ Маркса. Въ своемъ фантастическомъ воззваніи къ человѣчеству Сенъ-Симонъ обращается къ тремъ *общественнымъ классамъ*, на которые распадается современное человѣчество. Первый классъ «идетъ подъ флагомъ прогресса

человѣческаго разума; онъ слагается изъ ученыхъ, художниковъ и всѣхъ тѣхъ, кто стоитъ за либеральныя идеи. На знамени второго класса начертано: «Никакихъ нововведеній!» Въ составъ этого класса входятъ всѣ собственники, не принадлежащіе къ первому классу. Третій классъ, лозунгомъ котораго является *равенство*, охватываетъ собой остальную часть человѣчества».

Итакъ, Сенъ-Симонъ указываетъ 3 класса, изъ которыхъ состоитъ общество нашего времени. Первый классъ движетъ впередъ человѣческую мысль; второй по своему существу консервативенъ и является опорой порядка; третій—враждебенъ господствующему историческому строю, основанному на неравенствѣ и подчиненіи, и требуетъ новаго общественнаго устройства, въ основаніе котораго должна быть положена идея равенства.

Какъ мало словъ въ этихъ нѣсколькихъ строкахъ Сенъ-Симона и какъ поразительно много въ нихъ содержанія! Чтобы оцѣнить ихъ значеніе, нужно знать, какъ рѣдки оригинальныя идеи въ сокровищницѣ человѣческаго знанія. Новыя идеи походятъ на крупинки блестящаго золота среди сѣрыхъ грудъ грубаго песку, котораго нужно промыть сотни пудовъ, чтобы отыскать нѣсколько золотниковъ благороднаго металла. Въ немногихъ строкахъ Сенъ-Симона содержится въ зародышѣ одно изъ важнѣйшихъ соціологическихъ обобщеній новаго времени—ученіе объ *общественномъ классѣ*, какъ составномъ элементѣ современнаго общества, и о *классовой борьбѣ*, какъ естественномъ результатѣ классового сложенія общества. Для взглядовъ Сенъ-Симона крайне характерно, что въ основу своего дѣленія общества на классы онъ кладетъ не одинъ, а два различныхъ признака: съ одной стороны, экономическій признакъ (владѣніе имуществомъ—классъ собственниковъ и не собственниковъ), съ другой—интеллектуальный признакъ (характеръ занятій и взглядовъ—классъ ученыхъ, и вообще сторонниковъ либеральныхъ идей—то, что у насъ называютъ интеллигенціей). Эта двойственность отнюдь не случайна у Сенъ-Симона; она вытекала изъ всего его пониманія процесса общественнаго развитія. Какъ мы увидимъ ниже, Сенъ-Симонъ признавалъ двѣ основныхъ силы, движущія впередъ человѣчество; прогрессъ человѣческаго знанія и развитіе хозяйства. Сенъ-Симонъ, какъ соціологъ, былъ не монистомъ, а дуалистомъ: подмѣчая съ чрезвычайнымъ остроуміемъ экономическія причины соціальныхъ переворотовъ, онъ въ то же время считалъ успѣхи знанія особой и самостоятельной причиной общественнаго прогресса.

Въ своей первой брошюрѣ Сенъ-Симонъ высказываетъ и свою другую любимую мысль: требованіе раздѣленія общественной власти на духовную и свѣтскую, причемъ духовная должна принадлежать людямъ знанія и мысли, а свѣтская—тѣмъ, кто является руководителемъ хозяйственнаго процесса производства. Наиболѣе странное мѣсто брошюры—обоготвореніе Ньютона—тоже не лишено глубокаго смысла. Здѣсь находитъ себѣ выраженіе завѣтная мечта Сенъ-Симона—уничтожить

антагонизмъ религіи и науки, засыпать пропасть между ними, привести ихъ къ гармоническому единству, создать позитивную религію, основывающуюся на наукѣ, но не лишающую человѣчество высшаго духовнаго дара—энтузіазма къ добру.

Всѣ эти мысли едва намѣченныя въ первой работѣ Сенъ-Симона, получили блестящее развитіе въ его послѣдующихъ трудахъ, изъ которыхъ наиболѣе важны три—«Système industriel», «Catechisme des Industriels» и «Nouveau Christianisme».

Въ «Промышленной системѣ» Сенъ-Симонъ даетъ поистинѣ геніальный очеркъ философіи европейской исторіи. «Человѣчество,—говоритъ нашъ мыслитель,—неизмѣнно проходитъ въ своемъ развитіи 3 стадіи. Первая стадія характеризуется господствомъ духовенства и теологіи въ области духа и военнаго класса въ свѣтской области. Для послѣдней стадіи характерно господство ученыхъ и точныхъ наукъ въ области духовныхъ интересовъ и промышленныхъ классовъ—въ сферѣ интересовъ матеріальныхъ». Промежуточная стадія характеризуется преобладаніемъ въ сферѣ духовной—метафизиковъ, въ сферѣ матеріальной—юристовъ и законовѣдовъ.

Въ средніе вѣка господствующими классами въ Европѣ были феодальная военная аристократія и духовенство. На чемъ же основывалось преобладаніе этихъ классовъ?

На томъ, что именно въ этихъ классахъ сосредоточивались источники національной силы.

Аристократія была самымъ необходимымъ классомъ общества, ибо на ней лежала важнѣйшая обязанность того времени—военная оборона страны. Рыцари были не праздными людьми, а самыми важными и цѣнными работниками, въ которыхъ всего болѣе нуждалось общество. Они защищали трудящіеся классы, которые безъ помощи рыцарскаго меча и копья погибли бы отъ вражескихъ нападеній. Баярдъ былъ полезнѣйшій человѣкъ своего времени. Что касается до духовенства, то въ его рукахъ былъ другой источникъ силы—знаніе. Оно сосредоточивало въ себѣ все просвѣщеніе, всѣ знанія среднихъ вѣковъ. Этотъ соціальный строй держался въ теченіе многихъ вѣковъ потому, что онъ былъ въ полной гармоніи съ состояніемъ общественныхъ силъ.

Промышленность была во младенчествѣ, и война была важнѣйшимъ занятіемъ народа, то какъ средство обогащенія, то какъ средство отраженія нападеній враговъ.

Неудивительно, что при такихъ условіяхъ военные преобладали въ обществѣ, что въ ихъ рукахъ сосредоточивалась земельная собственность, а промышленные классы играли подчиненную роль. Точно такъ же понятно, при низкомъ уровнѣ умственнаго развитія и при дѣтскомъ состояніи точныхъ наукъ, преобладаніе духовенства въ сферѣ высшихъ духовныхъ интересовъ.

Но мало-по-малу промышленные классы, бывшіе долгое время рабами феодаловъ, достигли сначала личной свободы, а затѣмъ и эко-

номическаго благосостоянія. Около этого времени рыцарству, какъ военному классу, былъ нанесенъ смертельный ударъ не на полѣ брани, а въ лабораторіи скромнаго монаха. Изобрѣтеніе пороха покончило съ рыцарствомъ и подчинило военную силу промышленности. Деньги и вообще экономическая мощь становятся рѣшающимъ моментомъ военнаго могущества. Соотвѣтственно этому значеніе промышленныхъ классовъ растетъ, а феодальной аристократіи падаетъ; выраженіемъ этого процесса явилось постепенное перемѣщеніе земельной собственности изъ рукъ аристократіи въ руки промышленниковъ. Мало-по-малу большая часть движимой и недвижимой собственности сосредоточилась у промышленныхъ классовъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и политическое вліяніе должно было перейти къ классу экономически преобладавшему, т.-е. къ тѣмъ же промышленникамъ.

Въ то же время развитіе точныхъ наукъ привело, въ интеллектуальной области, къ утратѣ преобладающаго положенія духовенства. Ученые стали умственными вождями общества. Такимъ образомъ и свѣтская, и духовная власть перемѣстилась въ обществѣ изъ рукъ однихъ классовъ въ другія. Эта-то скрытая, но глубочайшая общественная перемѣна, а не дѣйствія тѣхъ или иныхъ министровъ или народныхъ вождей, и была основной причиной великой французской революціи. Грандіозный политическій переворотъ конца XVIII вѣка былъ вызванъ не отдѣльными случайными политическими событіями, а тѣмъ, что политическй строй, раньше соотвѣтствовавшій внутреннему соотношенію общественныхъ силъ, пересталъ соотвѣтствовать этому послѣднему. Политическая революція была естественнымъ слѣдствіемъ общественныхъ перемѣнъ, медленно совершавшихся на протяженіи нѣсколькиѣхъ вковъ.

Но такъ какъ феодальная система, основанная на преобладаніи военной силы и духовенства, совершенно противоположна промышленной системѣ, то феодализмъ не можетъ перейти въ высшую общественную фазу безъ промежуточной системы. Между низшей и высшей системой должна быть нѣкоторая переходная система — метафизическая. Политическій и общественный строй, вышедшій изъ революціи—парламентаризмъ,—и является такой переходной системой. Парламентаризмъ есть метафизическое созданіе юристовъ и философовъ, чуждыхъ положительной наукѣ. Этотъ образъ правленія не открытъ изъ изученія общественнаго развитія, а придуманъ метафизиками, поставившими себѣ совершенно ненаучную задачу—изобрѣсти идеальное политическое устройство. Дѣйствительно, что такое знаменитая декларація правъ человѣка, какъ не примѣненіе высшей метафизики къ высшей юриспруденціи?

Но европейское общество не достигнетъ внутренняго мира, пока революція не будетъ завершена. До сихъ поръ революція только разрушала—теперь она должна созидать. Метафизическій переходный періодъ долженъ закончиться возниковеніемъ новаго политическаго и

общественнаго порядка, гармонирующаго съ новымъ состояніемъ общества. Этимъ строемъ будущаго должна стать промышленная система.

Духовная власть должна сосредоточиться въ рукахъ ученыхъ, а свѣтская перейти въ руки фактическихъ руководителей производства — предпринимателей-промышленниковъ. «Истинная конституція,—говоритъ Сенъ-Симонъ, — не можетъ быть изобрѣтена — она должна быть открыта. Истиннымъ законодателемъ является не король и не законодательныя собранія. Такимъ законодателемъ слѣдуетъ считать философа, изучающаго движеніе цивилизаціи и резюмирующаго свои наблюденія въ общественномъ законѣ, который и становится руководящимъ принципомъ законодательства». Конституція прочна только тогда, когда она выражаетъ собой внутреннее состояніе общества. Нельзя создать новой политической силы; ее можно только признать таковой, когда она достаточно обнаружилась. Это признаніе, или, говоря иначе, законодательная санкція господствующихъ въ обществѣ силъ, и есть то, что называютъ конституціей, которая, въ противномъ случаѣ, является только метафизической мечтой. Такъ, напр., палата лордовъ въ Англіи есть дѣйствительная политическая сила, такъ какъ лорды выражаютъ собой характерную черту англійскаго соціальнаго строя— именно концентрацію земельной собственности въ рукахъ немногихъ лицъ. Значеніе палаты лордовъ въ Англіи основывается не на теоріяхъ политическаго равновѣсія и тому подобныхъ метафизическихъ измышленіяхъ, а на реальномъ фактѣ, на фактѣ существованія общественной силы, которая находитъ себѣ выраженіе въ этомъ учрежденіи. Напротивъ, во Франціи, гдѣ палата пэровъ была придумана по политическимъ соображеніямъ, это учрежденіе не имѣетъ никакого значенія, потому что за нимъ не скрывается никакой общественной силы. Поэтому и конституція Франціи должна быть иная, чѣмъ конституція Англіи. Королевская власть должна опираться во Франціи на тѣ общественные классы, которые во Франціи дѣйствительно преобладаютъ, т.-е. на промышленниковъ и ученыхъ.

Читателю, не знакомому съ состояніемъ исторической науки въ началѣ XIX вѣка, трудно достойнымъ образомъ оцѣнить значеніе новаго освѣщенія, въ которомъ выступаетъ у Сенъ-Симона исторія Европы. Какъ геніально указаніе Сенъ-Симона на связь политическаго устройства съ состояніемъ внутреннихъ силъ даннаго общественнаго организма! И какъ остроумно глубока и блестяща его критика французской конституціи! И если вспомнить, что этотъ поразительный очеркъ философіи европейской исторіи исходилъ не отъ спеціалиста-историка, а отъ человѣка, получившаго самое поверхностное научное образованіе и только самымъ общимъ образомъ знакомаго съ историческими фактами, то нельзя не изумляться могуществу мысли Сенъ-Симона. Знаменитый соціологическій «законъ» развитіе человѣческаго ума—прохожденіе всякимъ человѣческимъ знаніемъ трехъ стадій: теологической, метафизической и позитивной—этотъ «законъ», от-

крытіемъ котораго такъ гордился Огюстъ Контъ и который былъ положенъ имъ въ основу «курса позитивной философіи»—былъ формулированъ гораздо раньше вполнѣ отчетливо никѣмъ инымъ, какъ Сенъ-Симономъ. Вообще, всѣ самыя основныя идеи «позитивной философіи» были заимствованы Кантомъ у Сенъ-Симона къ которому Контъ обнаружилъ впослѣдствіе такую низкую неблагодарность.

Такъ называемое матеріалистическое пониманіе исторіи, связываемое обыкновенно съ именемъ Маркса, также нашло себѣ задолго до Маркса геніальнаго выразителя въ Сенъ-Симонѣ. Правда, Сенъ-Симонъ, въ противность Марксу, былъ не монистомъ, а дуалистомъ: онъ не считалъ эволюцію хозяйства единственнымъ рѣшающимъ моментомъ общественной эволюціи и рядомъ съ развитіемъ хозяйства ставилъ въ качествѣ самостоятельной движущей силы прогресса развитіе человѣческаго знанія. Но это не мѣшало Сенъ-Симону ничуть не хуже Маркса подмѣчать экономическія причины историческихъ событій. Таково, напримѣръ, матеріалистическое объясненіе Сенъ-Симона причинъ великой революціи; всѣмъ послѣдующимъ историкамъ оставалось въ этой области только дополнять и развивать идеи нашего мыслителя.

Значеніе классовой борьбы въ исторіи также было понято Сенъ-Симономъ. Въ «Catéchisme des Industriels» нашъ философъ изображаетъ французскую исторію, какъ борьбу землевладѣльческой аристократіи съ промышленнымъ классомъ. Королевская власть со времени Людовика XI примкнула къ промышленникамъ (городскимъ общинамъ); это и дало ей успѣхъ въ борьбѣ съ феодалами. Но Людовикъ XIV и его преемники измѣнили старинной политикѣ французскихъ королей и заключили союзъ съ феодалами противъ промышленниковъ, что и повело къ революціи. Въ новѣйшее время промышленники распались, въ свою очередь, на два класса. Изъ ихъ среды выдѣлились денежные капиталисты, банкиры, составившіе новую денежную аристократію, столь же враждебную остальной трудящейся массѣ промышленныхъ классовъ, какъ и старая земельная аристократія. Такимъ образомъ создался антагонизмъ владѣнія и труда. Денежная аристократія вмѣстѣ съ юристами образуетъ въ настоящее время средній классъ общества, составляющій опору либеральной партіи. Революція пошла на пользу именно этому среднему классу. Лозунгомъ либераловъ по отношенію къ правительству является «ote-toi de là, que je m'y mette» (освободи мнѣ мѣсто, чтобы я его занялъ). Партія промышленниковъ не имѣетъ ничего общаго съ либералами. Ея задачи заключаются въ созданіи новаго хозяйственнаго и общественнаго строя, въ которомъ работающіе классы займутъ господствующее мѣсто, соотвѣтствующее ихъ преобладающей роли въ созданіи богатства и знанія. Всѣ существовавшія до сихъ поръ общественныя системы основывались на господствѣ человѣка надъ человѣкомъ, монополіяхъ, привилегіяхъ, вообще неравенствѣ. Напротивъ, промышленная система должна уничтожить всякія

общественныя привилегіи и доставить возможность совершенно свободнаго развитія человѣческихъ способностей, труда и таланта.

Но кого же понимаетъ Сенъ-Симонъ подъ названіемъ «промышленниковъ», въ защиту которыхъ онъ возвышаетъ свой голосъ. Здѣсь господствуетъ въ воззрѣніяхъ нашего философа значительная неясность, зависѣвшая отъ того, что, выступивши съ совершенно новыми воззрѣніями на природу общественныхъ отношеній, онъ не довелъ своей мысли до конца и остановился на полдорогѣ. Сенъ-Симонъ понималъ соціальные антагонизмы, но какъ ни глубоко проникала его мысль, онъ ихъ не усматривалъ съ полной ясностью. Въ корнѣ всѣхъ разсужденій Сенъ-Симона объ отношеніяхъ общественныхъ классовъ лежала нѣкоторая недоговоренность и спутанность, дававшая возможность дѣлать изъ этихъ разсужденій діаметрально противоположные выводы. Смотря по тому, кого считать промышленниками—капиталистовъ или рабочихъ—можно было истолковывать идеи Сенъ-Симона въ смыслѣ благопріятномъ представителямъ труда или капитала. Но не подлежитъ сомнѣнію, что самъ Сенъ-Симонъ, по мѣрѣ большаго и большаго углубленія въ природу современнаго общества, все болѣе и болѣе суживалъ понятіе «промышленниковъ» именно представителями умственнаго и физическаго труда.

Такъ, въ своемъ послѣднемъ предсмертномъ сочиненіи «Nouveau Christianisme» Сенъ-Симонъ слѣдующимъ образомъ формулируетъ основную заповѣдь своей религіи—преобразованнаго христіанства: «Религія должна направлять общество къ высокой цѣли возможно скораго улучшенія участи самаго бѣднаго и самаго многочисленнаго общественнаго класса». Эта заповѣдь должна быть положена въ основу всѣхъ общественныхъ учрежденій. Недостаткомъ является то, что не преслѣдуются цѣли улучшенія участи бѣдняковъ.

Но не только въ «Nouveau Christianisme» Сенъ-Симонъ признавалъ важнѣйшей задачей общества помощь бѣднѣйшему классу. Въ томъ же смыслѣ онъ высказывался и раньше. Такъ, въ «Промышленной системѣ» Сенъ-Симонъ говоритъ, что государство должно, прежде всего, позаботиться объ «обезпеченіи участи пролетаріевъ, причемъ работоспособнымъ должна быть гарантирована работа, а неспособнымъ къ работѣ—содержаніе». Правда, средства достиженія этой цѣли не выяснены у Сенъ-Симона. Можетъ показаться страннымъ, что, становясь на сторону пролетаріевъ, Сенъ-Симонъ приглашаетъ передать управленіе страной предпринимателямъ. Но эта странность вполнѣ объясняется невыясненностью классового антагонизма предпринимателей и рабочихъ во Франціи эпохи реставраціи. Въ это время мелкое производство еще рѣшительно преобладало въ странѣ и экономическій антагонизмъ труда и капитала маскировался политическимъ антагонизмомъ старинной феодальной аристократіи съ одной стороны и непривилегированныхъ классовъ — включая сюда какъ буржуазію, такъ и рабочихъ—съ другой.

Мы изложили, въ общихъ чертахъ, ученіе Сенъ-Симона. Весьма возможно, что читатель спроситъ: почему же мы называемъ этого геніальнаго мыслителя утопистомъ и въ чемъ заключалась его утопія? На это можно отвѣтить, что воззрѣнія Сенъ-Симона представляютъ собой изумительнѣйшую смѣсь самыхъ трезвыхъ, реалистическихъ построеній съ порывами самой необузданной фантазіи. Что можетъ быть утопичнѣе приглашенія Сенъ-Симона открыть подписку надъ могилой Ньютона и такимъ путемъ преобразовать міръ? Или его позднѣйшія мечты о передачѣ духовной власти ученымъ, а свѣтской промышленникамъ? Правда, Сенъ-Симонъ не создавалъ такихъ детальныхъ плановъ будущаго общественнаго устройства, какіе мы находимъ у другихъ утопистовъ, напр., Оуэна или Фурье. Никто иной, какъ Сенъ-Симонъ высказалъ геніальную мысль, что истинная конституція общества должна быть не изобрѣтена, а открыта. Но всякій, знакомый съ сочиненіями великаго мыслителя, согласится, что самъ авторъ не былъ вѣренъ своему тезису. Фантазія постоянно влекла его къ мечтѣ и утопіи. Экстазъ былъ привычнымъ состояніемъ души Сенъ-Симона—а въ состояніи экстаза легче создавать воздушные замки, чѣмъ готовить кирпичи для жилыхъ построекъ.

Отвращеніе Сенъ-Симона къ организованной политической борьбѣ и вообще къ политикѣ также сближаетъ его съ другими утопистами. Какъ Оуэнъ обращался съ своими проэктами къ государямъ Европы, такъ Сенъ-Симонъ упорно пытался убѣдить Людовика XVIII, что собственный интересъ французской монархіи требуетъ отожествить ея дѣло съ дѣломъ всего народа. Сенъ Симонъ не понималъ, что политика королевской власти диктуется только реальнымъ соотношеніемъ общественныхъ силъ, тѣсно связавшимъ во Франціи дѣло Бурбоновъ съ феодальной аристократіей. Подобно Оуэну, Сенъ-Симонъ признавалъ только одинъ путь соціальнаго преобразованія—путь мирной пропаганды новыхъ идей. «Новое христіанство» достигнетъ господства, также какъ и старое—силой внутренней правды и высшей красоты своего ученія. «Новыя христіане могутъ быть мучениками, но они никогда не будутъ палачами». Богатые классы сами придутъ къ убѣжденію, что ихъ интересы не пострадаютъ отъ преобразованія общества на началахъ новой заповѣди — «улучшенія участи бѣднѣйшаго класса», такъ какъ при новомъ общественномъ устройствѣ, благодаря общему росту богатства и нравственному улучшенію человѣчества, выиграютъ всѣ классы населенія.

Но, однако, въ чемъ же заключается этотъ новый общественный строй, эта промышленная система, апостоломъ которой выступилъ Сенъ-Симонъ? Самъ онъ не далъ на это яснаго отвѣта.

И если бы Сенъ-Симонъ не оставилъ послѣ себя школы, продолжившей дѣло учителя, то сенъ-симонизмъ слѣдовало бы считать скорѣе замѣчательной историко-философской теоріей, чѣмъ опредѣленной соціалистической доктриной.

Умирая, Сенъ-Симонъ сказалъ ученикамъ, что вся его жизнь резюмируется одной мыслью: обезпечить всѣмъ людямъ возможно большее развитіе ихъ способностей, и указалъ способъ, которымъ можно достигнуть этого. Это завѣщаніе было принято небольшой кучкой учениковъ, обладавшихъ тѣмъ даромъ, который Сенъ-Симонъ цѣнилъ выше всего — даромъ энтузіазма. Во главѣ сенъ-симонистовъ стояло двое людей—Базаръ и Анфантенъ.

Первый былъ долгое время политическимъ заговорщикомъ и однимъ изъ вождей такъ называемыхъ карбонаріевъ. Сдѣлавшись сенъ-симонистомъ, онъ не утратилъ политическихъ интересовъ. Это была чрезвычайно замѣчательная личность и по уму, и по характеру. Второй былъ чуждъ политической жизни и видѣлъ въ сенъ-симонизмѣ преимущественно новое нравственное ученіе и новую религію. Анфантенъ былъ во всѣхъ отношеніяхъ ниже Базара.

До революціи 1830 г. сенъ-симонисты почти не обращали на себя общественнаго вниманія. Но вотъ тронъ Бурбоновъ опрокинутъ, и Франція должна выбрать себѣ новый государственный строй. Черезъ нѣсколько дней послѣ революціи парижане увидѣли на стѣнахъ домовъ манифестъ никому неизвѣстной школы или секты, подписанный именами «Базаръ—Анфантенъ, начальники ученія Сенъ-Симона». Манифестъ вызвалъ удивленіе и смѣхъ, но о сенъ-симонистахъ заговорили даже въ палатѣ депутатовъ, гдѣ нѣкоторые представители народа сочли весь этотъ эпизодъ достаточно серьезнымъ, чтобы обратить вниманіе правительства на опасность для общественнаго порядка отъ пропаганды новой секты.

Первые годы іюльской монархіи были короткимъ періодомъ быстраго расцвѣта и послѣдующаго паденія сенъ-симонистской школы. Восторженная рѣчь, смѣлыя и новыя мысли, высказываемыя въ блестящей и образной формѣ, указывавшей на душевный подъемъ и глубокую вѣру—все это не могло не заинтересовать публику. Нѣкоторая театральность и искусственность сенъ-симонистскаго культа привлекала праздныхъ любопытныхъ. Не только въ Парижѣ, но и въ провинціальныхъ городахъ возникло нѣсколько центровъ сенъ-симонистской пропаганды. Въ Тулузѣ, Монпелье, Дижонѣ, Ліонѣ, Мецѣ образовались церкви сенъ-симонистовъ, тѣсно связанныя съ главной церковью въ Парижѣ. Проповѣди Базара и Анфантена собирали тысячи народа. Много талантливыхъ и достаточныхъ людей вошли въ общину Сенъ-Симона. «Оставляя свои занятія, свои стремленія къ богатству, свои привязанности дѣтства,—говоритъ Луи-Бланъ въ своей извѣстной «L'histoire de dix ans»—инженеры, артисты, медики, адвокаты, поэты приходили сюда, чтобы соединить свои благороднѣйшія надежды... Это былъ опытъ религіи братства!.. Отсюда отправлялись миссіонеры, чтобы сѣять слово Сенъ-Симона по всей Франціи и эти миссіонеры вездѣ оставляли свои слѣды: въ гостиныхъ, замкахъ, отеляхъ, хижинахъ. Одними они были встрѣчаемы

съ энтузіазмомъ, другими съ насмѣшкой или враждой. Но миссіонеры были неутомимы въ своей дѣятельности».

Инженеры, медики, адвокаты, поэты... а рабочіе? Отчего о нихъ не упоминаетъ Луи-Бланъ? Исполнилось ли предсказаніе великаго учителя?

Нѣтъ. Въ противоположность овенизму, сенъ-симонизмъ остался до конца чуждымъ рабочему классу. Это было чисто интеллигентное движеніе, объединившее въ себѣ на нѣкоторое время многихъ талантливыхъ людей изъ достаточныхъ классовъ. Изъ среды сенъ-симонистовъ вышли блестящіе ученые, философы, публицисты—но никакого прямого вліянія на рабочее движеніе сенъ-симонизмъ не оказалъ. Сенъ-симонизмъ былъ слишкомъ аристократиченъ—отрицая родовую аристократію, Сенъ-Симонъ провозгласилъ аристократію духа—ума и таланта.

Геніальный авторъ «Новаго христіанства» былъ чуждъ практической жизни, и изъ его дѣла не могли получиться практическіе результаты.

Сенъ-Симонъ оставилъ послѣ себя неизгладимый слѣдъ, но не въ сферѣ матеріальныхъ интересовъ, а въ далекой и высокой, но именно вслѣдствіе своей высоты недоступной взорамъ толпы, таинственной и прекрасной области человѣческаго духа.

«Семейство» Сенъ-Симона получило характеръ правильно организованной религіозной общины. Анфантенъ и Базаръ получили титулы «верховныхъ отцовъ». Анфантенъ вѣнчалъ сенъ-симонистовъ, совершалъ религіозные обряды при погребеніи. Въ мастерскихъ общины работало временами до 4.000 человѣкъ, а ежегодный бюджетъ ея превышалъ 200.000 франковъ. Но всѣ эти успѣхи были крайне эфемерны. Уже въ концѣ 1831 г. въ «семействѣ» произошелъ расколъ: верховные отцы—Базаръ и Анфантенъ—рѣшительно разошлись по вопросу о положеніи женщины въ новой церкви. Анфантенъ утверждалъ, что мужчина и женщина составляютъ одинъ нераздѣльный соціальный индивидъ, почему во главѣ церкви должна стоять пара изъ мужчины и женщины. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ провозгласилъ новое нравственное ученіе—réhabilitation de la chair (возстановленіе правъ плоти). И тѣло и духъ равно прекрасны—чувственность также законна и нравственна, какъ и стремленія нашего духа. Базаръ, отказавшійся принять это ученіе, долженъ былъ выдти изъ «семейства» и скоро умеръ.

Анфантенъ остался главой церкви. Пустое кресло, стоявшее рядомъ съ нимъ въ собраніяхъ общины, краснорѣчиво говорило, что церкви не хватаетъ подруги верховнаго главы — женщины-первосвященника. Наступаетъ послѣдній и самый грустный періодъ исторіи сенъ-симонизма. Возвышенное ученіе вырождается въ смѣшной фарсъ. Община повсюду ищетъ женщины, согласной и достойной занять высокое мѣсто матери сенъ-симонистовъ. Дѣлается все возможное, чтобы привлечь эту недосягаемую, невидимую и недоступную женщину. Къ ней обра-

щаются съ горячими мольбами, въ религіозныхъ собраніяхъ, ее ищутъ на балахъ, устраиваемыхъ «семействомъ» спеціально съ этой цѣлью, для ея отысканія устраиваются поѣздки въ разные города Франціи. Не мѣшаетъ замѣтить, что тотъ, подругу котораго такъ пламенно искали,—Анфантенъ—былъ молодымъ и очень красивымъ мужчиной, съ черными глазами и выразительными чертами лица. Въ этихъ поискахъ расходуются значительныя суммы, достигавшія почти милліона франковъ, собранныя путемъ пожертвованій разныхъ богатыхъ людей, сочувствовавшихъ сенъ-симонизму.

Затѣмъ слѣдуетъ финансовый крахъ и «семейство» оказывается несостоятельнымъ. Но исторія послѣднихъ жалкихъ дней сенъ-симонизма еще не кончена. Нѣсколько десятковъ оставшихся до конца вѣрными адептовъ Анфантена удаляются со своимъ учителемъ во главѣ въ его наслѣдственное имѣніе Менильмонтанъ вблизи Парижа и устраиваютъ послѣднюю сенъ-симонисткую общину. Не видно, чѣмъ занимались члены этой общины; какъ кажется, главное вниманіе было обращено на внѣшность, которой Анфантенъ стремился поразить воображеніе сосѣдей и этимъ привлечь къ себѣ снова охладѣвшій общественный интересъ. Былъ выдуманъ для членовъ «семейства» особый живописный костюмъ въ восточномъ вкусѣ, было обращено особое вниманіе на куафюру: мужчины носили бороды, что было въ то время большой рѣдкостью, и волосы до плечъ. Работали мало, но за то тщательно позаботились о томъ, чтобы обставить работу возможно красивѣе, привлекательнѣе и эксцентричнѣе, во время работы пѣлись особыя пѣсни, совершались особые обряды. Живой духъ совершенно отлетѣлъ отъ сенъ-симонизма и идейное движеніе угасло среди пошлости и актерства.

Окончаніе пьесы вышло эффектнымъ: въ дѣло вмѣшался судъ и доставилъ Анфантену возможность еще разъ покрасоваться въ интересной роли передъ публикой. Менильмонтанское «семейство» подверглось обвиненію въ безнравственности и пропагандированіи вредныхъ ученій. Члены «семейства» отправились на судъ, пришедшійся имъ какъ нельзя болѣе кстати, живописной процессіей со своимъ «отцомъ» Анфантеномъ во главѣ. Судебный діалогъ былъ въ такомъ вкусѣ:

Предсѣдатель (обращаясь къ Анфантену). «Не называете ли вы себя отцомъ человѣчества»?

Анфантенъ. «Да, я называю себя отцомъ человѣчества».

Предсѣдатель. «Не увѣряете ли вы, что вы живой законъ»?

Анфантенъ. «Да, я увѣряю, что я живой законъ» и т. д. и т. д.

Анфантенъ пробовалъ силу своего взгляда, который онъ имѣлъ претензію считать неотразимымъ, на судьяхъ и присяжныхъ. Судьи сердились—Анфантенъ видѣлъ въ этомъ доказательство дѣйствительности своихъ пріемовъ. «Я васъ покорилъ!» обратился онъ къ присяжнымъ. Послѣдніе отвѣтили ему присужденіемъ главы и адептовъ менильмонтанскаго «семейства» къ тюремному заключенію.

Этимъ и закончилась исторія сенъ-симонистскаго «семейства». Но исторія сенъ-симонизма, какъ опредѣленнаго круга идей, не завершилась и понынѣ. Мы уже говорили, что такъ называемое матеріалистическое пониманіе исторіи есть не что иное, какъ дальнѣйшее развитіе нѣкоторыхъ мыслей Сенъ-Симона.

Во главѣ учениковъ Сенъ-Симона стоялъ, какъ мыслитель и теоретикъ, Базаръ. Онъ былъ главнымъ авторомъ коллективнаго труда школы «Exposition de la doctrine de Saint - Simon». Это въ полномъ смыслѣ слова замѣчательное произведеніе, стоящее на уровнѣ лучшихъ работъ учителя.

Въ исторіи человѣчества,—говоритъ Базаръ, можно подмѣтить смѣну двухъ различныхъ состояній общества, двухъ различныхъ періодовъ, органическаго и критическаго. Въ періодъ органическій человѣческое общество въ своей массѣ религіозно и управляется единой верховной доктриной, господствующей въ умахъ и руководящей дѣятельностью каждаго отдѣльнаго человѣка. Общество образуетъ собой связуемое общей вѣрой цѣлое. Въ критическій періодъ общество превращается въ собраніе отдѣльныхъ личностей, преслѣдующихъ каждый свою особую цѣль и потому неминуемо приходящихъ къ столкновенію между собой. Исторія намъ показываетъ, что и органическій, и критическій періоды уже дважды смѣняли другъ друга. Первый органическій періодъ продолжался въ древней Греціи до возникновенія первыхъ философскихъ системъ. Политеизмъ былъ господствующей религіей, признаваемой какъ высшими, такъ и низшими классами населенія. Политическій и соціальный строй былъ также проченъ и устойчивъ, какъ и религіозныя вѣрованія. Но новыя философскія ученія поколебали наивную вѣру въ олимпійцевъ. Наступилъ критическій періодъ, выразившійся въ упадкѣ древней религіи и распаденіи прежняго общественнаго строя. Христіанство снова вернуло человѣчество въ органическій періодъ. Опять единая верховная религія подчинила себѣ умы и душу человѣка, и люди объединились въ одномъ общемъ чувствѣ, въ одной общей вѣрѣ. Средневѣковый строй былъ высшимъ выраженіемъ органическаго періода христіанства. Но вотъ уже нѣсколько вѣковъ, какъ христіанство вступило въ критическій періодъ, начавшійся съ Лютера и реформаціи. Французская революція была кульминаціоннымъ пунктомъ этого критическаго періода. Прежній соціальный строй, основывавшійся на преобладаніи церкви и феодальной аристократіи, окончательно рухнулъ. Революція нанесла смертельный ударъ старому режиму. Но совершила ли она что-либо положительное?

Нѣтъ и нѣтъ. Наше время характеризуется общественнымъ разложеніемъ, разстройствомъ и анархіей во всѣхъ областяхъ жизни. Лозунгомъ нашего времени является знаменитое изреченіе—laissez faire laissez passer. Экономисты вообразили, что личный интересъ всегда совпадаетъ съ общимъ интересомъ. Но съ этимъ никакъ нельзя согласиться. Развѣ, напримѣръ, введеніе машинъ не противорѣчитъ инте-

ресамъ тѣхъ рабочихъ, которые вытѣсняются машиной? На это экономисты возражаютъ, что машины приводятъ къ развитію промышленности и въ будущемъ дадутъ новые источники заработка для населенія. Но если бы даже это было вѣрно—чѣмъ будутъ существовать рабочіе въ переходное время? Не дождавшись лучшаго времени, они умрутъ отъ голода. Руководители современнаго общества провозгласили «sauve qui peut» (спасайся кто можетъ) и великая человѣческая семья распалась на отдѣльныхъ лицъ, взявшихъ себѣ девизомъ «каждый—за себя...

Любовь отлетѣла отъ людей, и грубый эгоизмъ воздвигнулъ свой храмъ въ современномъ обществѣ. Религіозное чувство угасло и съ нимъ вмѣстѣ исчезла преданность общимъ интересамъ. Средніе вѣка, несмотря на невѣжество народа, несмотря на свирѣпствовавшую національную вражду, могли подвинуть народы Европы къ одной общей великой цѣли—напр., къ освобожденію гроба Господня. Теперь такой общей цѣли нѣтъ и быть не можетъ, ибо нѣтъ общей вѣры. Французская революція поставила знакъ минуса передъ всѣми членами символа вѣры среднихъ вѣковъ, но новаго символа вѣры не дала.

«Историки, — продолжаетъ Базаръ, — любятъ объяснять великія событія случайными причинами. Они любятъ ссылаться на появленіе геніальнаго человѣка, случайное научное открытіе. Историки не видятъ въ этихъ фактахъ слѣдствія общественнаго состоянія, сдѣлавшаго данные факты необходимыми, не видятъ, что каждая эволюція есть необходимый результатъ предшествовавшихъ эволюцій, каждый новый шагъ обусловленъ предшествовавшими шагами. Французская революція съ точки зрѣнія такихъ историковъ, была вызвана расточительностью двора, легкомысліемъ Каллонна, разстройствомъ финансовъ, причемъ только самые глубокіе изъ такихъ историковъ доводятъ свои изслѣдованія до эпохи раздѣленія Польши. Это-то пониманіе исторіи привело къ извѣстной пословицѣ «Aux grands effets—petites causes» (у великихъ событій—малыя причины). Но исторія, изучаемая по нашему методу, есть нѣчто совсѣмъ иное, чѣмъ волнующій воображеніе разсказъ о драматическихъ фактахъ прошлаго. Для насъ исторія—таблица послѣдовательной смѣны физіологическихъ состояній человѣческаго рода, разсматриваемаго въ своемъ коллективномъ существованіи. Такая исторія—точная наука».

М. Туганъ-Барановскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

ВО ИМЯ ДОЛГА.

Романъ Гарлянда.

Переводъ съ англійскаго.

(*Продолженіе*) *).

XVIII.

Не тушите газъ.

Демуанъ показался Брадлею очень большимъ и шумнымъ; онъ еще никогда не видалъ такого большого города. Онъ родился въ восточномъ Висконсинѣ и всю свою юность провелъ вдали отъ большихъ центровъ въ лѣсной мѣстности. Онъ былъ только проѣздомъ въ Лакроссѣ, Рокъ-Риверѣ и Айова, это были единственные города, которые онъ до сихъ поръ видѣлъ. Онъ зналъ заранѣе, что Демуанъ долженъ быть красивымъ городомъ, но когда онъ пріѣхалъ туда ночью, сошелъ съ поѣзда и отправился пѣшкомъ, улицы показались ему нескончаемыми. Ему совѣтовали поселиться въ Виндомъ Гаузѣ, вблизи всѣхъ законодательныхъ учрежденій. Онъ тихо шелъ, неся свой чемоданъ въ рукахъ, боязливо оглядываясь по сторонамъ. Онъ самъ зналъ, что такъ не слѣдовало поступать, но безконечные ряды построекъ приводили его въ смущеніе.

Входная дверь отеля, поразила его своимъ великолѣпіемъ и онъ нерѣшительно направился къ серединѣ ротонды. Такимъ рисовался въ его воображеніи Чикаго. Онъ ясно почувствовалъ свою неотесанность и бросившійся ему на встрѣчу швейцаръ, взявъ у него изъ рукъ чемоданъ, привычнымъ взглядомъ опредѣлилъ новаго посѣтителя, какъ деревенщину, за которымъ надо слѣдить и научить обращаться съ газомъ.

Брадлей скромно написалъ свою фамилію, не прибавля слово: «достопочтенный», какъ это дѣлали другіе члены конгресса. «Впередъ, наверхъ!» крикнулъ повелительно клеркъ. Брадлей вздрогнулъ, понимая, что онъ поступилъ не такъ, какъ слѣдуетъ.

---

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь 1901 г.

— Покажите господину № 30! Желаете ли вы обѣдать? Брадлей кивнулъ головой, вспомнивъ, что въ высшемъ обществѣ обѣдаютъ въ 6 часовъ.

— Черезъ десять минутъ все будетъ готово,—продолжалъ клеркъ, смотря на часы. Брадлей послѣдовалъ за мальчикомъ на элеваторъ. Онъ замѣтилъ, что негритенокъ оставилъ его одного, а самъ побѣжалъ по лѣстницѣ. Все время онъ мелькалъ на поворотахъ, придерживаясь перилъ и остановился у дверей элеватора со словами:

— Сюда пожалуйте, сударь.

Что то такое въ его тонѣ поразило Брадлея и, идя по комнатѣ, онъ думалъ о пушистомъ коврѣ, лежащемъ подъ ногами,—пальца въ два толщины по крайней мѣрѣ,—и о тонѣ голоса мальчика. Въ каминѣ горѣлъ каменный уголь, мальчикъ размѣшалъ его и сказалъ:

— Ничего болѣе не нужно?—Я сейчасъ принесу уголь.

Комната его носила характеръ всѣхъ нумеровъ въ гостинницахъ. Она имѣла очень неуютный видъ, несмотря на то, что въ ней стояла мебель съ претензіями на роскошь, коверъ и кресла. Брадлей сѣлъ передъ каминомъ и началъ обдумывать свое положеніе. Несомнѣнно онъ сюда пріѣхалъ, какъ членъ законодательнаго собранія. Теперь ему понятна почетная отвѣтственность его положенія. Сидя передъ огнемъ въ незнакомомъ ему домѣ, онъ начиналъ все болѣе и болѣе сознавать, насколько удивительно, что изъ всѣхъ его сограждань, его одного избрали на этотъ высокій постъ. Онъ глубоко вздохнулъ и сказалъ:

— Я постараюсь оправдать оказанное мнѣ довѣріе.

Онъ рѣшилъ держать себя степенно и съ большимъ достоинствомъ, чтобы не отличаться отъ другихъ членовъ конгресса. На стѣнѣ въ рамкѣ, висѣли правила гостиницы. Онъ началъ ихъ читать. Мальчикъ постучалъ въ дверь и Брадлей быстро повернулся къ огню, чтобы скрыть что онъ дѣлаетъ. Когда негритенокъ ушелъ, онъ снова принялся за чтеніе. Онъ прочелъ:—«Не тушите газъ», и не нашелъ въ этомъ предостереженіи ничего оскорбительнаго. Дальше слѣдовало: «звоните одинъ разъ, чтобы позвать мальчика, звоните дважды, чтобы спросить ледяной воды, звоните три раза, если начнется пожаръ, звоните четыре раза, если нужно позвать горничную». Онъ началъ думать о томъ, сколько могло выйдти смѣшныхъ совпаденій, если не исполнить этихъ правилъ. Что случится, если онъ позвонитъ три раза. Его воображеніе рисовало ему крики и суету во всѣхъ этажахъ дома. Потомъ онъ вспомнилъ, что мальчикъ не смѣлъ подниматься на элеваторѣ и въ первый разъ въ жизни, ему пришла въ голову мысль о различіи кастъ.

Положительно никогда сѣверяне не будутъ раздѣлять взглядъ жителей юга.

Онъ отправился обѣдать, (въ душѣ онъ называлъ это ужиномъ).

Столовая оказалась очень большой роскошною комнатой. Лакей въ ливреѣ (до сихъ поръ онъ еще никогда не видалъ живого человѣка въ ливреѣ) встрѣтилъ его въ дверяхъ и подозвавъ повелительнымъ тономъ другого лакея, негра, одѣтаго также въ ливрею, приказалъ ему показать мѣсто вошедшему. Второй негръ повелъ его дальше по натертому полу, (Брадлею было очень трудно и скользко идти). Отодвинувъ ему стулъ, негръ былъ принужденъ подхватить его подъ локоть и посадить на стулъ, такъ какъ Брадлей не сразу сообразилъ въ чемъ дѣло, но онъ сдѣлалъ это такъ вѣжливо и незамѣтно, что никто не обратилъ на это вниманія. Вѣроятно ему не разъ приходилось имѣть дѣло съ неопытными посѣтителями. Брадлей замѣтилъ, что несмотря на великолѣпно накрахмаленную рубашку, воротникъ, и фракъ, башмаки его были разорваны, хотя и сильно натерты ваксой. На противоположной сторонѣ стола сидѣлъ господинъ съ газетой въ рукахъ, попивая кофе; онъ привлекъ на себя вниманіе Брадлея своимъ нахмуреннымъ лицомъ и массою растрепанныхъ волосъ, падающихъ живописно на лобъ. Даже его усы имѣли какой-то растрепанный видъ. Брадлей съ удовольствіемъ уничтожалъ свой обѣдъ, а сосѣдъ читалъ газету и, попивая глотками кофе, не переставалъ хмуриться и произноситъ себѣ подъ носъ ругательства.

Наконецъ, онъ воскликнулъ громко:

— Чортъ побери,—и посмотрѣлъ на Брадлея, повидимому, ища случая заговорить съ нимъ.

— Эти дьявольскія желѣзныя дороги скоро закабалятъ всю страну.

— Что они сдѣлали?—сказалъ Брадлей.

— Они взяли себѣ лучшаго адвоката въ Соединенныхъ Штатахъ Джо Мандея. Не понимаю, какъ это могло случиться, вѣроятно на него было произведено такое давленіе, что онъ не могъ сопротивляться. Знаете ли вы, какимъ образомъ, эти адскіе синдикаты опутали всѣ штаты.

— Не знаю, но очень хотѣлъ бы знать, я и пріѣхалъ сюда, чтобы вести войну съ ними.

— Изъ какой мѣстности вы пріѣхали?—спросилъ незнакомецъ.

— Я представитель округа Рокъ-Риверъ, мое имя Талькотъ,—сказалъ Брадлей, воспользовавшись случаемъ себя назвать.

— Такъ, я старый воинъ на этомъ поприщѣ и хочу васъ предостеречь, такъ какъ знавалъ много честныхъ юношей, которые попадали въ сѣти интригановъ. Не пройдетъ недѣли послѣ вашего пріѣзда сюда, какъ желѣзнодорожный синдикатъ пришлетъ за вами. Вамъ объявятъ, что до нихъ дошли слухи, что вы одно изъ будущихъ свѣтилъ адвокатуры, наговорятъ вамъ много лестнаго для вашего самолюбія, начнутъ восхвалять вашу программу и, въ концѣ концовъ, скажутъ, что имъ нуженъ повѣренный по дѣламъ, которыя могутъ возникнуть въ вашемъ округѣ и что они будутъ безконечно польщены, если вы не откажетесь при-

нять на себя эту должность. Можетъ случиться, что работы будетъ не болѣе, какъ на одну недѣлю въ году, а можетъ быть и много и т. д., и т. д., и въ результатѣ предложатъ вамъ отъ 600—800 долларовъ. Положимъ, вы согласитесь, ѣдете назадъ въ Рокъ-Риверъ и хотя желѣзнодорожнаго дѣла мало, но вы все-таки получаете жалованье. Вначалѣ вы будете себѣ говорить, что если синдикатъ потребуетъ отъ васъ что-либо безчестное, вы всегда можете отказаться. Но увы, деньги получаются аккуратно. Разсчитывая на постоянные доходы, вы женитесь и тогда уже попадаете въ когти синдиката. Средства для жизни вамъ необходимы и вы начинаете находить, что въ сущности нѣтъ ничего особенно предосудительнаго въ томъ, что отъ васъ требуетъ желѣзнодорожный синдикатъ. Ваше чувство справедливости уже начинаетъ притупляться, притомъ вы себѣ говорите, что если вы не возьметесь за это дѣло, то всегда найдутся желающіе поступить на вашу должность, и потому вы ее сохраняете.

Послѣ выразительнаго молчанія, во время котораго онъ пристально смотрѣлъ въ лицо Брадлея, онъ продолжалъ:

— Между тѣмъ, возникаетъ яростная борьба синдиката съ народомъ: но, во-первыхъ, вы получаете отъ него плату, притомъ вы находите, что населеніе почему-то относится къ вамъ недовѣрчиво и что въ практическомъ отношеніи вы все равно безпомощны.

Старикъ говорилъ тихо, но было что-то въ его словахъ, производившее сильное впечатлѣніе. Брадлей пришелъ въ негодованіе отъ картины своего будущаго паденія. Воображаемая трагедія глубоко потрясла его.

— Неужели они такъ поступаютъ?—спросилъ онъ.

— Это ихъ всегдашнее правило. Чрезъ недѣлю вы навѣрное получите подобное предложеніе и тогда убѣдитесь въ правотѣ моихъ словъ.

Они всегда подыскиваютъ подобныхъ вамъ людей, въ особенности тѣхъ, которые пользуются довѣріемъ фермеровъ. И нашему штату, и всей странѣ предстоитъ война съ желѣзными дорогами.

— Вы такъ думаете? Я думалъ, что тарифы...

— Что такое тарифы въ сравненіи съ грабежомъ Гульда, Седжа и Вандербильта. Поистинѣ, молодой человѣкъ, синдикаты выпьютъ всѣ соки изъ нашей страны. Право этихъ трехъ соединиться, завладѣть народными привилегіями и своими соединенными усиліями создать четвертаго, за котораго они прячутъ свои планы—четвертаго, неосязаемаго, но самаго опаснаго и долговѣчнаго изъ нихъ всѣхъ, т.-е. синдикатъ,—это право погубитъ наше государство. Это противно конституціи. Не даромъ старый судья совершенно ясно сказалъ въ своемъ приговорѣ (произнесенномъ здѣсь, во время царства синдикатовъ), что они основаны на узурпаціи, ведущей свое начало еще со Стюартовъ или Георговъ, а мысль у него была та, что они совершенно противны духу американцевъ и духу конституціи.

Брадлей убѣждался, что предъ нимъ такой же реформаторъ, какъ и онъ самъ, и онъ себя спрашивалъ, неужели и онъ производитъ впечатлѣніе такого же чудака на другихъ людей. Лично его привлекали несомнѣнная честность и практичность этого человѣка и его искреннее сочувствіе интересамъ фермеровъ, несмотря на то, что онъ самъ былъ очевидно, городской житель.

— Слѣдовательно, вы присоединитесь къ намъ въ борьбѣ съ желѣзными дорогами,—сказалъ онъ.

Старикъ положилъ руку на спинку стула и смотря на Брадлея своими полузакрытыми глазами, сказалъ.

— Ну, разумѣется. Только извините меня, у васъ необыкновенно узкій кругозоръ. Вы не видите, что слѣдуетъ вести войну противъ всѣхъ синдикатовъ вообще, а не только противъ желѣзнодорожнаго. Всякій синдикатъ нарушаетъ права личности. Если трое людей создаютъ товарищество, то каждый изъ нихъ долженъ быть отвѣтственъ за всякій заключенный ими договоръ. Созданіе неуловимой собирательной личности—это просто уловка, чтобъ избѣжать законной отвѣтственности. Ведите войну противъ всей этой системы. Не занимайтесь пустяками вродѣ упорядоченія тарифовъ, а главное не создавайте никакихъ коммиссій. Объявите синдикаты незаконными учрежденіями и ознакомьте общество съ ихъ продѣлками.

Брадлей и его собесѣдникъ отправились вмѣстѣ въ ротонду. Электрическое освѣщеніе заливало яркимъ свѣтомъ богатыя мраморныя украшенія. Группы людей съ увлеченіемъ бесѣдовали, жестикулируя кулаками и локтями. Брадлей отмѣтилъ, что подобная жестикуляція свойственна политическимъ дѣятелямъ.

— Вотъ ваши коллеги со своими паразитами,—сказалъ старикъ, имя котораго оказалось Кергиль.—Знакомы ли вы съ кѣмъ-нибудь изъ нихъ?

— Нѣтъ, я никого не знаю.

Кергиль подвелъ Брадлея къ группѣ людей, окружающихъ высокаго старика, который опирался на трость и жестикулировалъ лѣвою рукою.

— Сенаторъ Вудъ, позвольте вамъ представить достопочтеннаго Брадлея Талькота, представителя округа Рокъ-Риверъ, сказалъ Кергиль.

— А! Очень радъ съ вами познакомиться,—отвѣтилъ сенаторъ.— Господа,—сказалъ онъ обращаясь къ другимъ,—рекомендую вамъ молодого человѣка, который одержалъ блестящую побѣду въ Рокъ-Риверѣ. Достопочтенный Джонсъ изъ Буна, Самъ Уэльсъ изъ Черро-Горда, одинъ изъ самыхъ безпощадныхъ насмѣшниковъ въ конгрессѣ.

Пожавъ всѣмъ руки, Брадлей сказалъ.

— Я не желаю прерывать вашего разговора. Пожалуйста, сенаторъ, продолжайте, я буду очень счастливъ васъ послушать.

Эти слова произвели очень благопріятное впечатлѣніе на Вуда, ко-

торый болѣе всего любилъ слышать звукъ своего собственнаго голоса. Онъ продолжалъ развивать свои планы государственой реформы штатовъ, конечно по понятіямъ демократической партіи. Изъ послѣдующаго разговора Брадлей убѣдился, что всѣ эти люди несравненно болѣе заботятся о сохраненіи вліянія своей партіи на правительство, нежели о принципахъ законодательства. Въ сущности всѣ они были не члены конгресса, а просто игроки, озабоченные выигрышемъ партіи.

— Теперь вотъ что я вамъ скажу,—продолжалъ Кергиль,—уводя Брадлея въ уголъ. Онъ поставилъ себѣ стулъ между ногъ, закурилъ сигару, сдвинулъ свою маленькую шапочку почти на носъ, засунулъ одинъ палецъ за жилетъ и продолжалъ сосредоточеннымъ голосомъ.

— Здѣсь въ дѣйствительности создаются законы, здѣсь и въ сенатѣ Айовы. Посмотрите на этихъ людей.

Онъ показалъ рукою на цѣлую группу бесѣдующихъ въ ротондѣ, которые громко смѣялись и разговаривали, собираясь въ кучку и по временамъ близко наклоняясь другъ къ другу.

— Вотъ люди, которые воображаютъ, что пишутъ законы въ штатахъ, — продолжалъ Кергиль.—Каково ваше мнѣніе о нихъ? Брадлей молчалъ. Новыя чувства и мысли такъ ошеломили его, что онъ не могъ говорить.

Кергиль задумался, потомъ сказалъ:

— Вѣроятно, все это вамъ кажется очень важнымъ и хорошимъ, а знаете ли вы, что большинство этихъ людей можно назвать, по ихъ умственному уровню, болѣе чѣмъ посредственными. По моей теоріи, законодательство нашей страны въ любое десятилѣтіе должно оставаться на уровнѣ посредственности, потому что мыслители и моралисты всегда служатъ представителями меньшинства, а законодателями являются представители большинства. Не находите-ли вы, что присутствующіе подтверждаютъ мою теорію.

Въ тонѣ его было много горечи и отъ этого слова его производили еще болѣе тяжелое впечатлѣніе. Въ его фразахъ слышались литературные обороты, свидѣтельствующіе объ его образованіи, очевидно болѣе серьезномъ, нежели у тѣхъ, съ кѣмъ Брадлей до сихъ поръ встрѣчался.

— Вы воображаете, что эти люди честные, но я увѣренъ, что во всѣхъ ихъ поступкахъ даже нѣтъ и мысли—о благѣ народа. У нихъ на первомъ планѣ собственное я, потомъ интересы партіи, а уже послѣ интересы справедливости. Я хорошо помню тяжелое впечатлѣніе, которое они на меня произвели, когда я въ первый разъ съ ними столкнулся. Совѣтую вамъ не растрачивать свои силы, восхищаясь ими и ставя на пьедесталъ тѣхъ, кто это не заслуживаетъ. Занимайте ваше мѣсто въ рядахъ и тщательно оберегайте себя. Вотируйте за вашу партію, но прежде устройте хорошенько ваши дѣла. Ахъ, да, я забылъ, вы дѣйствуете исключительно ради истинныхъ принциповъ, и вашъ

успѣхъ долженъ заключаться въ торжествѣ этихъ принциповъ. Пожалуй, вы и выиграете, дѣйствуя такимъ образомъ, вы выдвинетесь впередъ по сравненію съ другими и заставите обратить на себя вниманіе, хотя я сомнѣваюсь въ этомъ.

— Вы пессимистъ,—сказалъ Брадлей,—чувствуя въ тонѣ Кергиля что-то напоминающее эту мрачную философію.

— Несомнѣнно, я смотрю на всю эту дьявольщину, какъ на общественную болячку,—продолжалъ Кергиль.—Вы, вѣроятно, думаете иначе. Брадлей думалъ, что старикъ отчасти преувеличивалъ все зло, но все-таки эти горькія истины производили на него тяжелое впечатлѣніе. Міръ уже болѣе не казался ему такимъ прекраснымъ, за исключеніемъ только тропы, по которой шла миссъ Уильберъ.

Ему страстно хотѣлось ее повидать, но покуда онъ довольствовался только тѣмъ, что прогуливался взадъ и впередъ по улицамъ, которыя казались ему необыкновенно блестящими при яркомъ освѣщеніи въ окнахъ магазиновъ и множества публики, шумно двигающейся взадъ и впередъ. Наконецъ, онъ дошелъ до угла, гдѣ увидѣлъ названіе той улицы, гдѣ жила Ида, и имъ овладѣло непреодолимое желаніе ее видѣть. Онъ быстро пошелъ впередъ, сожалѣя, что не отправился раньше. Теперь уже 8 часовъ и онъ боялся, что не застанетъ ее дома. Онъ даже не остановился полюбоваться электрическими каретками, корыя быстро неслись мимо него съ невидимымъ двигателемъ, оставляя большія полосы свѣта. Улица становилась все тише по мѣрѣ того, какъ онъ поднимался на пригорокъ и, наконецъ, она стала совершенно напоминать Рокъ-Риверъ съ рядами маленькихъ деревянныхъ домиковъ, обсаженныхъ кленовыми деревьями.

Звѣзды блистали въ воздухѣ на подобіе яркихъ лампъ. Подвигаясь впередъ, онъ совершенно забылъ о вновь пріобрѣтенномъ почетѣ, о предполагаемой борьбѣ за гренджъ и блестящихъ надеждахъ на успѣхъ. Онъ началъ сознавать, что все, что онъ сдѣлалъ и впредь сдѣлаетъ, должно быть раздѣлено и прочувствовано вмѣстѣ съ женщиной и что для него единственная женщина во всемъ свѣтѣ — это Ида Уильберъ. Онъ поднялъ глаза къ небу и какъ бы умолялъ звѣзды помочь ему въ его обширномъ и опасномъ предпріятіи. Вся жизнь его поставлена была на карту, въ эту ночь онъ находился въ такомъ настроеніи, что готовъ былъ всѣмъ рисковать, ради успѣха, если бы только она была съ нимъ вмѣстѣ.

Странный городъ производилъ на него возбуждающее дѣйствіе.

Дойдя до дома, онъ увидѣлъ темноту во всѣхъ окнахъ, кромѣ подъѣзда и сердце его забилось, предчувствуя неудачу. Горничная вышла на его звонокъ. Все еще надѣясь, что онъ ошибся домомъ, онъ спросилъ:

— Можете ли вы мнѣ сказать, здѣсь ли живетъ миссъ Уильберъ.

— Здѣсь, но ея дома нѣтъ,—отвѣтила горничная съ норвежскимъ акцентомъ.

— Гдѣ же она,—спросилъ Брадлей.

— А право не знаю. Куда-то далеко уѣхала, а мать ея ушла въ церковь,—отвѣтила горничная.

Брадлей болѣе не смотрѣлъ на звѣзды. Всѣ его сомнѣнія, страхи и робость снова вернулись къ нему и ему казалось, что чувство радости покинуло его навсегда. Онъ боялся, что навсегда потерялъ Иду.

XIX.

Кергиль беретъ въ опеку Брадлея.

На другой день, когда Брадлей сошелъ внизъ, Кергиля еще не было въ столовой, онъ появился позднѣе и, поздоровавшись съ Брадлеемъ, бросилъ свою оборванную шапку на полъ.

— Ну, законодатель, что вы дѣлаете сегодня утромъ, могу ли я вамъ быть полезнымъ,—сказалъ онъ.

— Не знаю, едва ли, — отвѣчалъ Брадлей, — я собираюсь искать другую гостинницу.

— Почему, что случилось?—спросилъ Кергиль.

— Здѣсь слишкомъ дорого для моей незначительной особы.

— Повторите ваши слова.

— Не могу такъ дорого платить.

Кергиль налилъ сливокъ въ свою овсянку и отвѣтилъ:

— Вы ошибаетесь, ничто не можетъ быть слишкомъ дорого для представителя округа. Молодой человѣкъ, вы сами себя не умѣете цѣнить.

Всю субботу ротонда была переполнена народомъ. Ораторскія рѣчи, раздача мѣстъ, все здѣсь обсуждалось. Настоящая борьба происходила здѣсь и циническіе комментаріи Кергиля придавали совершенно особый характеръ всему происходящему вокругъ. Всѣ сидѣли на балконѣ, пили пиво и между ними порхали съ дюжину веселыхъ, самоувѣренныхъ женщинъ.

— Вы видите предъ собою самую опасную и безнравственную вещь,—сказалъ Кергиль.—Эти дѣвушки собрались со всѣхъ концовъ штата для того, чтобы выманить себѣ мѣстечко въ одномъ изъ различныхъ общественныхъ учрежденій. Вы видите всѣ ихъ продѣлки. Смотрите, вотъ эта молодая дѣвушка продѣваетъ цвѣтокъ въ бутоньерку каждаго изъ своихъ знакомыхъ или даже незнакомыхъ. Если бы вы принадлежали къ партіи республиканцевъ, то и вы бы испытали на себѣ натискъ той же погони за мѣстами.

Брадлею было очень грустно все это видѣть.

Его поражало то, что безъ подобныхъ происковъ не было возможности получить какое бы то ни было занятіе. Слѣдовательно, насколько велика нужда этихъ бѣдныхъ дѣвушекъ, если онѣ должны прибѣгать къ подобнымъ средствамъ.

— Скоро онѣ узнаютъ, въ чемъ заключается ихъ сила,— сказалъ Кергиль.—Хорошенькія и разбитныя дѣвушки одерживаютъ успѣхъ тамъ, гдѣ скромныя и некрасивыя ничего не могутъ сдѣлать. Всюду злоупотребленія, да и какъ же можетъ быть иначе при испорченныхъ нравахъ законодателей. Честный трудъ даетъ мало, а порокъ и развратъ, наоборотъ, очень много. Посмотрите на этихъ двухъ дѣвушекъ, которые вертятся около отвратительнаго паралитика Берхгейма. Если всѣ эти ломанія не приведутъ ихъ къ дурному концу, то только потому, что эти дѣвицы развращены еще болѣе, нежели самъ старикашка. Изъ года въ годъ дѣлается тоже самое и о чемъ думаютъ родители этихъ несчастныхъ, трудно себѣ представить.

Брадлей чуствовалъ отвращеніе ко всему окружающему. До сихъ поръ онъ смотрѣлъ съ полнымъ уваженіемъ на женщинъ и всѣ эти сцены разстроили и огорчили его.

Послѣ ухода Кергиля, онъ продолжалъ сидѣть на томъ же мѣстѣ, смотря на все угрюмыми глазами. Въ этомъ заманиваніи мужчинъ ради денегъ ему чудилась самая страшная трагедія. Онъ видѣлъ съ содроганіемъ, какъ эти веселыя хорошенькія дѣвушки льнули къ мужчинамъ, которые смотрѣли на нихъ особеннымъ отвратительнымъ взглядомъ.

Къ счастью, онѣ не знали, что Брадлей также членъ конгресса и потому оставляли его въ покоѣ, но вблизи его на балконѣ часто садились пары и онъ невольно слышалъ ихъ разговоры.

— Зачѣмъ вы заранѣе обѣщали мѣсто миссъ Джонсъ, почему вы не подумали обо мнѣ,—говорила барышня.

— Я не былъ съ вами знакомъ до сихъ поръ.

— А теперь, когда вы узнали меня, я надѣюсь, что вы откажете миссъ Джонсъ,—сказала она улыбаясь.

— Это невозможно. Она меня прибьетъ,—отвѣтилъ онъ.

— Пускай бьетъ, за то у нея нѣтъ родственниковъ-избирателей. А мои родственники ваши избиратели.

Брадлей удалился съ сердечною болью. Проходя мимо скамейки возлѣ лѣстницы, онъ увидѣлъ молодую дѣвушку съ совершенно дѣтскимъ лицомъ. Она смотрѣла умоляющими глазами на суроваго молодого человѣка и сложивъ руки, какъ для молитвы, съ грустью говорила:

— Я такъ надѣюсь, что вы исполните мою просьбу; если бы вы знали, до какой степени я нуждаюсь.

Воспоминаніе о ея нѣжномъ лицѣ долго преслѣдовала его, столько въ немъ было мольбы и беззащитности. Онъ возмущался до глубины души. Всюду погоня за мѣстами. Почему этотъ наплывъ людей изъ деревни въ городъ. А развѣ онъ самъ не играетъ той же роли. Не доказываетъ ли это, что деревня не удовлетворяетъ требованіямъ жизни.

Брадлей пошелъ въ церковь, потому что рѣшительно ему некуда было дѣваться, и чтобы ознакомиться съ мѣстными храмами, онъ отправился въ соборъ.

Гостинницы были переполнены людьми, мало заботящимися о святости дня.

Ротонда оглашалась нескончаемымъ смѣхомъ и топотомъ ногъ. Каждаго новаго члена конгресса всѣмъ представляли, но Брадлей не охотно себя называлъ. Его имя Б. Талькотъ, написанное на доскѣ у швейцара, было для всѣхъ совершенно неизвѣстно и онъ просидѣлъ цѣлый день вдали отъ толпы, отъ мужской и женской погони за мѣстами.

Согласно своему обѣщанію, онъ отправился на слѣдующій день въ контору Кергиля. Она находилась въ пятомъ этажѣ громаднаго шестиэтажнаго дома, построеннаго на одной изъ главныхъ улицъ города. Узкая длинная зала украшалась громадными зеркальными дверями, на которыхъ было написано: «Бергенъ и Кергиль. Частная коммерческая контора». Брадлей взошелъ въ дверь и увидалъ человѣка, работающаго у телеграфнаго аппарата. Онъ сидѣлъ безъ сюртука, въ клеенчатыхъ синихъ нарукавникахъ, шея была повязана платкомъ для того, чтобы не смять воротника. Онъ сидѣлъ возлѣ двухъ бюро, раздѣляющихъ комнату, въ концѣ которой находились еще нѣсколько человѣкъ, безпрерывно смотрящихъ на черную доску, разлинованную красными клѣтками, въ которыхъ были вписаны мѣломъ цѣлые ряды цифръ.

Кергиль, видимо, еще не приходилъ, а работавшій телеграфистъ не замѣтилъ посѣтителя. Бойкій молодой человѣкъ скандинавскаго типа прогуливался въ конторѣ съ кускомъ мѣла въ рукахъ. Онъ подошелъ къ бюро и вопросительно посмотрѣлъ на Брадлея, который собирался заговорить, когда звонкій голосъ телеграфиста прервалъ его.

— Предлагаютъ три восьмыхъ за пшеницу,—сказалъ онъ, передавая написанный клочокъ бумаги бойкому молодому человѣку съ бѣлобрысыми усами.

— Пшеница три восьмыхъ,—повторилъ тотъ увѣреннымъ тономъ и сдѣлалъ надлежащую надпись въ клѣточкѣ; обозначенной: «пшеница».

Когда онъ вернулся, Брадлей спросилъ о Кергилѣ.

— Онъ скоро придетъ, садитесь.

— Еще разъ три восьмыхъ за пшеницу. Снова усиленный спросъ,—повторялъ телеграфистъ.

Бергенъ снова прочитываетъ полученный бюллетень.

— Конечно, еще повысится цѣна,—сказалъ авторитетнымъ тономъ одинъ изъ клерковъ, такъ самоувѣренно, какъ будто бы никто лучше его не зналъ всего, что касается до пшеницы. Когда Брадлей сѣлъ у стола, Бергенъ снова пошелъ къ телефону и началъ говорить отчетливымъ монотоннымъ голосомъ:

— Вначалѣ спросъ на пшеницу по девяносто три и три четверти, продано по девяносто четыре, теперь девяносто три и три восьмыхъ. Спросъ на рожь 42, теперь сорокъ одинъ и семь восьмыхъ. Впродолженіи прошлой недѣли Брадстритъ потерпѣлъ два съ четвертью милліона убытка. Большой спросъ на канатъ.

Кергиль пришелъ немного позднѣе и, кивнувъ головою Брадлею, прошелъ чрезъ всю комнату къ доскѣ съ цѣнами.

— Вѣроятно, вамъ будетъ интересно познакомиться съ этимъ дѣломъ,—сказалъ онъ Брадлею.—Коммиссіонная контора также законно дѣйствуетъ, какъ если-бы она сама продавала и покупала, но на первый взглядъ нѣтъ никакой разницы между коммиссіоной конторой и торговымъ домомъ.

— Все это совершенно ново для меня,—сказалъ Брадлей,—я не понимаю разницы между торговымъ домомъ и конторой.

— Девяносто три и семь восьмыхъ, спросъ на пшеницу,—снова сказалъ Бергенъ, направляясь къ доскѣ и записывая вновь полученное извѣстіе.

— Разница есть, продолжалъ Кергиль. Мы просто покупаемъ и продаемъ въ качествѣ коммиссіонеровъ. Заказъ пшеницы передается въ Чикаго, заносится въ списки и производитъ колебаніе въ цѣнахъ, тогда какъ торговый домъ дѣйствуетъ на свой страхъ и если покупатель несетъ убытки, то продавецъ выигрываетъ. Иначе сказать, мы покупаемъ и продаемъ безъ всякаго риска, а торговый домъ есть ничто иное, какъ игорный домъ, гдѣ люди держатъ пари на то, что будетъ сдѣлано тѣмъ или другимъ покупателемъ. Но я совсѣмъ не для того пригласилъ васъ сюда, чтобы угощать подобными разговорами, лучше познакомьтесь съ Бергеномъ. Хрисъ, подите сюда, я хочу васъ представить достопочтенному Брадлею Талькотъ изъ Рокъ-Ривера. Подобно вамъ, онъ мечтаетъ о политическихъ переворотахъ. Я желалъ познакомить васъ съ Бергеномъ,—обратился онъ къ Брадлею,—потому что онъ большой любитель и знатокъ литературы и, вѣроятно, подобно вамъ, поклоняется классикамъ. Теперь онъ переводитъ Ибсена. Мы съ нимъ расходимся во взглядахъ на удовольствія.

— Нью-Іоркъ снова предъявляетъ требованія, извините меня,—сказалъ Бергенъ, удаляясь къ доскѣ.

— Не знаю, почему я васъ принялъ за поклонника литературы. Такъ рѣдко можно встрѣтить избирателя, у котораго въ головѣ найдутся какія-нибудь мысли, кромѣ голосованія. Считая васъ непохожимъ на другихъ, я почувствовалъ къ вамъ особое расположеніе. Я самъ литераторъ,—сказалъ онъ серьезно.—Я написалъ статью объ овцеводствѣ для земледѣльческой энциклопедіи въ Айова, такимъ образомъ я сталъ въ ряды литераторовъ Демуана. Въ нашемъ городѣ, два человѣка изъ ста занимаются литературой и потому меня считаютъ геніемъ. Остальные 98 человѣкъ совершенно равнодушны ко всему и даже Шекспира ни въ грошъ не ставятъ. Они только и признаютъ романы Мери Джонъ-Гольмсъ съ ея нескончаемыми приключеніями. Но литературная партія Демуана дѣйствительно заслуживаетъ этого названія. Они поклоняются Гомеру и Шекспиру и вообще отдаютъ

дань таланту. Кстати, Бергенъ,—сказалъ онъ, обращаясь къ своему деверю,—надо непремѣнно познакомить м-ра Брадлея съ нашей молодой писательницей.

— Спросъ на пшеницу, по девяносто четыре, Нью-Іоркъ, крѣпко,—раздалось снова. Невозможно было отвлечь Бергена отъ телеграфныхъ извѣстій и потому Кергиль снова обратился къ Брадлею.

— Въ нашемъ городѣ, есть молодая дѣвушка, обладающая большимъ литературнымъ талантомъ. Она расположила меня къ себѣ, признавъ мой талантъ, за что я ей приподнесъ мое сочиненіе объ овцеводствѣ.

Брадлей усмѣхнулся, а Кергиль продолжалъ, какъ будто не видя въ этомъ ничего смѣшного.

— Она прочла мою книгу и приводила изъ нея выдержки въ одной изъ своихъ рѣчей. Газетный репортеръ прямо глаза вытаращилъ и заявилъ, что только теперь замѣтилъ источникъ поэзіи въ рѣчахъ миссъ Уильберъ, что и вывело ее на необычную дорогу.

Услышавъ имя миссъ Уильберъ, Брадлей смутился, покраснѣлъ и болѣе не обращалъ вниманія на смѣшную сторону разсказовъ Кергиля. Впродолженіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ онъ ни отъ кого не слыхалъ имени миссъ Уильберъ и самъ не рѣшался его громко произнести. Кергиль продолжалъ:

— Она чертовски еретична и черезчуръ рѣчиста, но все-таки она сила. Имя ея Ида Уильберъ. Прежде она произносила много рѣчей по поводу гренджа, а теперь уже кажется занимается другими вопросами, а гренджъ по боку.

Нѣсколько человѣкъ взошли въ большую залу и начали громко и съ большимъ воодушевленіемъ говорить о рыночныхъ цѣнахъ и вниманіе Кергиля было отвлечено торговыми отчетами изъ Чикаго.

— Цѣны не устанавливаются. Извѣстія съ запада снова играютъ въ руку Джона Буля.

— Вы знакомы съ миссъ Уильберъ?—спросилъ Брадлей, возвращаясь къ прежнему разговору и боясь, что Кергиль забудетъ о немъ.

— Да, я иногда встрѣчаюсь съ нею въ клубѣ, гдѣ у насъ происходятъ горячіе диспуты по литературнымъ вопросамъ.

Брадлей постарался сказать какъ можно болѣе твердымъ голосомъ, что онъ слышалъ о миссъ Уильберъ, какъ хорошей ораторшѣ по вопросамъ гренджа, и что онъ былъ бы очень радъ поболѣе узнать о ней.

— Хорошо, я васъ представлю ей. Ее не легко понять. Она одна изъ этихъ передовыхъ женщинъ. Я люблю мыслителей, но совсѣмъ не дѣло женщинъ—думать. Это наша мужская прерогатива. Я согласенъ, что подчасъ мы пользуемся ею не лучше, чѣмъ нашимъ избирательнымъ правомъ, но чортъ съ ними, съ женщинами которыя умѣютъ размышлять.

Брадлей никакъ не могъ себѣ уяснить, когда Кергиль говоритъ

серьезно и когда шутитъ. Только что сказанныя имъ слова были безжалостнымъ сарказмомъ или безстыднымъ ханжествомъ.

Однако, Брадлей ничего не хотѣлъ ему отвѣчать, чтобы не завлечь его въ разсужденія, которыя могли далеко отвлечь разговоръ, именно въ ту минуту, когда ему такъ страстно хотѣлось что-нибудь узнать объ интимной жизни Иды Уильберъ.

Странное это было мѣсто для подобнаго разговора. Онъ сидѣлъ у стола, положивъ локти на столъ и со вниманіемъ слѣдилъ за выраженіемъ глазъ Кергиля. На другомъ концѣ комнаты, телеграфистъ лѣвой рукой пихалъ себѣ въ ротъ овощи, а правой принималъ телеграммы изъ самыхъ отдаленныхъ мѣстностей. Онъ громко ихъ выкрикивалъ и сообщалъ всевозможныя подробности о торговлѣ пшеницей, служа какъ бы эхомъ цѣлаго океана звуковъ и движенія въ большихъ городахъ. Всѣ были до того поглощены получаемыми извѣстіями, что Брадлей сидѣлъ съ Кергилемъ также одиноко какъ у себя въ гостинницѣ. Ни телефонъ, ни телеграфъ, ни суетливая озабоченность клерковъ, ничто не мѣшало Кергилю продолжать начатой разговоръ съ Брадлеемъ.

— Да, я зналъ ее еще совершенно дѣвочкой. Ея отецъ былъ старосвѣтскій фермеръ, помѣшаный на религіозныхъ вопросахъ, вѣроятно принадлежащій къ сектѣ универсалистовъ. У него была самая большая библіотека въ городѣ, даже можно сказать во всемъ штатѣ. Весь домъ былъ буквально заваленъ книгами. Откуда онъ ихъ доставалъ, никто не зналъ. Всѣ считали его очень образованнымъ человѣкомъ, но въ сущности никому онъ не приносилъ пользы своею ученостью. Жена его была красавица, она передала это единственное наслѣдство своей дочери. Дѣвочка ходила въ школу до 16 лѣтъ, тогда я былъ студентомъ, лѣтъ на шесть, семь старше ея. Я помню, какъ сейчасъ, какъ шестеро изъ насъ всегда стояли на ея дорогѣ изъ школы, мы предлагали ей нести книги, но она гордо проходила мимо насъ, даже головы не повертывала и, повидимому, не подозрѣвала нашего обожанія. Она всегда была одна изъ тѣхъ дѣвушекъ, которыми руководитъ разумъ, а не сердце. Я никогда не видѣлъ, чтобы она покраснѣла и, ея большіе черные глаза всегда леденили меня.

— Пшеница упала до девяносто трехъ съ четвертью. На биржѣ затишье. Опять заказъ изъ Нью-Іорка,—кричалъ телеграфистъ, запихивая себѣ въ ротъ кусокъ пирога.

Кергиль говорилъ столько же для себя, сколько и для Брадлея. Его глаза утратили свою суровость и въ голосѣ послышалась какая-то грустная нота.

— Миссъ Уильберъ здѣсь живетъ?—снова началъ Брадлей, чтобы опять возобновить разговоръ.

— Да, по окончаніи университета съ наградой, она примкнула къ грейнджу, когда ей минуло всего восемнадцать лѣтъ. Полагаю, что

она имѣла у васъ громадный успѣхъ, она мечтала произвести цѣлый революціонный переворотъ. По правдѣ сказать, я мало интересуюсь ея общественною дѣятельностью, но очень цѣню ея литературный вкусъ. Кергиль снова перешелъ въ свой шутливый тонъ.

— Хрисъ, когда будетъ слѣдующее собраніе въ Клубѣ?

— Кажется, въ пятницу.

— Хорошо, пойдемъ вмѣстѣ съ Брадлеемъ, мы представимъ его всему литературному кружку, который очень увлеченъ мыслью, что примыкаетъ къ самому современному движенію, хотя я лично ничего хорошаго не вижу въ этой современности.

Брадлей минуту постоялъ, смотря на странную сцену предъ своими глазами.

Она служила образцомъ той непрерывной борьбы, которая происходила въ торговомъ мірѣ.

Телеграфъ принесъ важныя извѣстія изъ Чикаго и Нью-Іорка. Телеграфистъ ихъ передавалъ подписчикамъ въ телефонъ, также какъ всѣ прочія условія торговли. Теперь онъ началъ немного вникать въ суть дѣла и, уходя, повторялъ кабалистическія изреченія:

— Въ Нью-Іоркѣ спросъ не прекращается, Пертриджъ упорно покупаетъ, чтобы покрыть убытки.

XX.

Зданіе сената.

Приглашеніе поступить въ члены Клуба четырехугольнаго стола сразу оттѣнило для Брадлея все значеніе и важность его вступленія въ общественную жизнь. Зданіе сената произвело на него сильное впечатлѣніе. Онъ прошелъ по заросшей луговинѣ, заваленной грудами известняка, и тутъ предсталъ предъ его глазами необыкновенно изящный фасадъ зданія.

Робкими шагами онъ взошелъ въ величественную ротонду, съ чуднымъ резонансомъ, и подумалъ, что наврядъ ли даже въ Вашингтонѣ могло быть болѣе прекрасное зданіе.

Кромѣ него, тамъ было еще нѣсколько юнцовъ, которые, попавъ сюда въ первый разъ, внимательно оглядывали все кругомъ. Онъ обошелъ всѣ комнаты и, наконецъ, попалъ въ библіотеку, очень обширную, залитую яркими солнечными лучами.

Въ залѣ сената и законодательнаго корпуса почти никого не было, кромѣ публики деревенскаго вида, осматривавшей зданіе, попадались иногда цѣлыя семьи съ бабушками и дѣдушками во главѣ. Онѣ одѣлись въ свои лучшія домотканныя сѣрыя платья или клѣтчатые кашемиры, а молодые люди нарядились въ широкія шляпы, сдвинутыя на затылокъ, и тщательно расчесали на лбу свои густые курчавые волосы. Брадлей зналъ, что всѣ эти люди родственники его товарищей Ед. Блекера, Шена Уатсона, Севера Андерсона и другихъ.

Скоро толпа увеличилась, нѣсколько группъ людей вошли, шумно разговаривая и смѣясь. Они чувствовали себя какъ дома, такъ какъ были старые опытные члены собранія. Они шумно здоровались съ знакомыми и крѣпко пожимали руки направо и налѣво.

— Здорово, Штилберъ! Я думалъ, что вы замерзли въ своихъ снѣгахъ, а вы опять сюда пожаловали.

— Чортъ побери, вы тоже здѣсь? Неужели въ вашемъ округѣ, никого не нашлось, кромѣ такого экземпляра, какъ вы.

Такого рода возгласы раздавались со всѣхъ сторонъ. Не зная никого, Брадлей чувствовалъ себя въ самомъ неловкомъ положеніи. Можетъ быть, нѣкоторые изъ присутствующихъ отнеслись бы къ нему привѣтливо, но все-таки онъ не рѣшался самъ подойти рекомендоваться.

Будучи новичкомъ въ политикѣ, онъ не зналъ ни одного человѣка своей партіи, а всѣ тѣ, съ которыми онъ познакомился въ отелѣ, куда-то скрылись. Онъ чувствовалъ себя совершенно одинокимъ и ненужнымъ въ этой веселой компаніи. Собраніе было объявлено открытымъ, однимъ изъ старѣйшихъ членовъ конгресса, и тогда приступили къ чтенію молитвъ.

Брадлей сидѣлъ неподвижно, слѣдя за ходомъ дѣла. Сначала избрали очередного спикера, секретаря и т. д. Брадлей былъ до того смущенъ новизною своего положенія, что совершенно машинально вотировалъ. Ему вспомнилось, какъ въ дѣтствѣ онъ испытывалъ такое же непріятное ощущеніе, когда его приводили къ парикмахеру и онъ ожидалъ, что ему будутъ стричь волосы, и боялся, что потерялъ деньги, данныя ему для уплаты за стрижку.

Вечеромъ онъ переѣхалъ въ меблированныя комнаты. Онъ поселился вблизи отъ Капитолія и отправился ужинать въ частный домъ, гдѣ столовая носила совершенно семейный характеръ. Кушанья по старинному ставили на столъ и другъ другу передавали.

Тертый картофель, чрезвычайно вкусный, былъ сложенъ горкой съ кусочками масла наверху, тоненькіе ломтики ростбифа аппетитно лежали на тарелкахъ. Кругомъ него за столомъ сидѣли судьи, генералы, сенаторы и законодатели, подобно ему.

Большинство изъ нихъ были люди грубаго, неотесаннаго вида, сильные и здоровые съ толстыми косматыми руками и громкими добродушными голосами. Невозможно было не подивиться на этихъ людей, которые гораздо лучше управлялись съ ножомъ, нежели съ вилкой, и выбирали изъ всего блюда куски картофеля съ особеннымъ причмокиваніемъ.

Брадлей убѣдился, что всѣ его сосѣди за столомъ принадлежали къ тому же слою общества, въ которомъ онъ провелъ всю свою жизнь, и онъ успокаивалъ себя мыслью, что если онъ и бѣднѣе ихъ и менѣе ихъ воспитанъ, зато онъ честнѣе.

Онъ писалъ судьѣ Брауну, что совершенно устроился, но мало при-

нималъ участія въ законодательныхъ работахъ. Онъ не хотѣлъ сознаться, что былъ уязвленъ сдѣланнымъ ему пріемомъ и что его самолюбіе сильно пострадало. Его программа привлекла ему много сторонниковъ въ демократической прессѣ и онъ ожидалъ, что его примутъ очень радушно. Ради демократовъ онъ покинулъ республиканскій лагерь и они должны были, по крайней мѣрѣ, интересоваться имъ. Ему не пришло въ голову, что такъ какъ его никто не знаетъ въ лицо, то никто не зналъ кто онъ. На другой день рано утромъ, онъ отправился въ Капитолій, гдѣ увидѣлъ то же, что и наканунѣ. Группы скромно одѣтыхъ фермеровъ сновали по корридорамъ, расторопные клерки бѣгали взадъ и впередъ и толпы людей шли въ залы законодательнаго корпуса. Брадлей вошелъ незамѣченнымъ и скромно сѣлъ въ заднихъ рядахъ на скамейкахъ, не рѣшаясь занять стулъ въ переднихъ рядахъ. Настала торжественная минута для Брадлея, когда его вызвали на эстраду, заставили поднять руку и произнести присягу, которую клеркъ читалъ громкимъ отчетливымъ голосомъ. Онъ торжественно клялся, что съ помощью Божьею будетъ поддерживать конституцію и служить на пользу народа, насколько у него хватитъ силы и умѣнья. Онъ произносилъ эти слова съ твердымъ намѣреніемъ сдержать свое обѣщаніе. Ему не пришло въ голову, что въ сущности это клятва довольно неопредѣленная и уклончивая. Зала какъ будто потемнѣла, своды потолка чудной работы стали еще величественнѣе и вмѣстѣ съ тѣмъ его роль законодателя стала еще болѣе значительной и священной. Но когда Брадлей возвращался на свое мѣсто, онъ услышалъ насмѣшливыя слова старыхъ членовъ.

— Вотъ еще новичекъ, мечтающій спасти отечество, а въ концѣ концовъ, также какъ и всѣ, прежде всего набьетъ себѣ карманы. Этотъ юнецъ похожъ на тѣхъ, которые мечтаютъ безотлагательно осчастливить весь міръ и кончаютъ ничѣмъ. Ихъ смѣхъ заставилъ Брадлея покраснѣть отъ негодованія.

Назначеніе мѣста для каждаго члена составило длинную процедуру. Всѣ имена были написаны на бумажкахъ, смѣшаны въ кучу и положены въ ящикъ, а тѣмъ временемъ присутствующіе со смѣхомъ и болтовнею удалились въ другую залу.

Мальчикъ вынималъ билетики, клеркъ громко читалъ ихъ имена и тогда каждый шелъ и садился на свое мѣсто. Брадлей былъ вызванъ десятымъ, онъ робко прошелъ впередъ и получилъ мѣсто въ самомъ центрѣ залы; онъ нисколько не желалъ пробраться впередъ и былъ нѣсколько смущенъ. Демократы пристально разсматривали его, когда онъ выдвинулся изъ темноты и прошелъ впередъ.

Молодой человѣкъ его возраста пошелъ ему на встрѣчу и протянулъ руку

— Я давно желалъ съ вами познакомиться; мое имя Нильсонъ Флойдъ.

Новый знакомый представилъ его нѣсколькимъ демократическимъ членамъ, но вообще Брадлей скромно сидѣлъ на своемъ мѣстѣ и мало интересовался рѣчами спикера. Онъ на-слово ему повѣрилъ, что въ коммиссіи не было никакихъ злоупотребленій и что онъ будетъ избирать членовъ, только руководствуясь ихъ личными качествами и т. д., потому былъ пораженъ словами Флойда, который увѣрялъ, что знаетъ навѣрное, что еще до открытія собранія, былъ сдѣланъ и подписанъ договоръ, по которому всѣ мѣста были розданы крайне лицепріятно.

Такимъ образомъ, Брадлей во второй разъ столкнулся съ оффиціальною ложью и притворствомъ. Насколько прежде никто не обращалъ на него вниманія, настолько теперь всѣ подходили къ нему.

— Вы м-ръ Талькотъ? Очень пріятно въ вами познакомиться, я слышалъ о вашей замѣчательной программѣ. Замѣчательная программа! Да, да, я восхищенъ вашими идеями. Кстати, мнѣ очень хотѣлось бы попросить васъ устроить мою дѣвочку помощницей Клерка въ Уэсъ и Минсъ.

А другой тоже просилъ мѣста для своего сына.

Брадлей отвѣчалъ, что ничего не можетъ обѣщать, такъ какъ числится въ партіи демократовъ но не имѣетъ никакого вліянія. Они его трепали по плечу, подмигивали и говорили: все это мы хорошо знаемъ, но все-таки ваши слова много значатъ.

Къ концу засѣданія, онъ встрѣтилъ Кергиля.

— Ну, законодатель, какъ дѣла?

— Право, не знаю. Я держусь болѣе въ сторонѣ и молчу.

— Это хорошо. Республиканцы совсѣмъ овладѣли всей этой сессіей.

— Здорово, Кергиль,—закричалъ молодой, веселый голосъ.

— А, Барней! Талькотъ, вотъ для васъ прекрасный случай. Рекомендую вамъ Барнея, великаго желѣзнодорожнаго туза. Барней, вотъ вамъ новая жертва. Талькотъ изъ Рокъ-Ривера.

— Очень радъ съ вами познакомиться, м-ръ Талькотъ.

Брадлей очень холодно пожалъ ему руку, внимательно разсматривая лицо своего собесѣдника.

Барней былъ полный представительный мужчина съ веселою улыбкою на губахъ.

Его усы висѣли книзу, а на подбородкѣ красовалась ямочка, его глаза, когда-то сѣрые, открытые и честные, теперь затуманились виномъ.

— Кергиль невозможный старый циникъ,—сказалъ Барней.—Онъ помѣшанъ на вредѣ, приносимомъ синдикатами, не вѣрьте ему.

Казалось невѣроятнымъ, что этотъ человѣкъ игралъ такую большую роль въ желѣзнодорожномъ мірѣ, а между тѣмъ, это было такъ, Кергиль злословилъ по поводу вновь появляющихся членовъ.

— Барней охотится за новыми членами. Вь каждую сессію разные новички, вродѣ васъ, являются сюда съ возвышенными идеями о

своемъ служеніи, мечтаютъ реформировать весь строй и кончаютъ тѣмъ что попадаютъ въ лапы Барнея и ему подобныхъ. Въ политической атмосферѣ есть что-то развращающее.

Брадлей слушалъ недовѣрчиво, ему казалось невѣроятнымъ, что бы это была правда. Неужели всѣ эти веселые, добродушные люди могутъ быть такими нравственными уродами, какъ ихъ описываетъ Кергиль. Ему казалось, что испорченные люди должны носить печать порока на лицѣ. Онъ еще не дошелъ до убѣжденія, что преуспѣвающій негодяй всегда имѣетъ благодушный видъ. Уходя изъ Капитолія вмѣстѣ съ Кергилемъ, онъ почувствовалъ, что начинаетъ, наконецъ, понимать значеніе его словъ.

— Теперь, молодой человѣкъ, послушайте меня. Главная борьба нынѣшней сессіи будетъ между народомъ и синдикатами. На двухъ стульяхъ сидѣть нельзя, а надо открыто стать на ту или другую сторону. Если вы будете за синдикаты, тогда вашъ успѣхъ обезпеченъ. Вы будете на чужой счетъ кататься, пировать, присутствовать на большихъ обѣдахъ, участвовать въ субботнихъ поѣздкахъ для осмотра города и вернетесь въ Рокъ-Риверъ съ небольшимъ доходомъ и съ обѣщаніемъ превозносить синдикаты. На все это вы можете смѣло разсчитывать. Или же вы свяжете свой успѣхъ съ дѣломъ народа.

— Я буду стоять за дѣло народа!

— Прекрасно. Но только не обманывайтесь. Народъ—вѣдь это теперь безсмысленная толпа. Онъ непостояненъ, какъ пламя, и часто самъ не знаетъ, чего хочетъ, но въ концѣ концовъ тотъ, кто стоитъ за народъ и руководитъ имъ, можетъ быть, увѣренъ въ успѣхѣ.

Возвращеніе домой изъ Капитолія было чрезвычайно пріятно. Солнце медленно садилось и лучи его освѣщали яркими тонами ротонду и придавали необыкновенно величественный видъ всей постройкѣ. Окружающія грязныя улицы, бѣдныя хижины, некрасивые кирпичи,—все измѣнилось при вечернемъ освѣщеніи и постепенномъ переходѣ къ сумеркамъ.

Брадлей залюбовался чуднымъ пейзажемъ и обратилъ на него вниманіе Кергиля.

— Ого!—воскликнулъ тотъ.—Можно пить и ругаться и быть политическимъ дѣятелемъ; но кто любитъ цвѣты и говоритъ о закатѣ солнца, тотъ конченый человѣкъ. Это политическая смерть!

XXI.

Брадлей и Кергиль отправляются къ миссъ Уильберъ.

Брадлей очень полюбилъ Кергиля; онъ не обращалъ вниманія на его рѣзкія манеры. Всѣхъ новыхъ знакомыхъ мужчинъ онъ сравнивалъ съ Редборномъ и судьей Брауномъ, а женщинъ съ Идой Уильберъ. Въ день, назначенный для визита, онъ отправился вечеромъ къ Кергилю

и нашелъ его сидящимъ на корточкахъ, засунувъ руки въ карманы. Его нелѣпая шапочка, съ которой онъ, кажется, никогда не разставался, была надвинута совсѣмъ на глаза и онъ казался еще болѣе раздражительнымъ и желчнымъ, чѣмъ всегда... На Брадлея онъ не обратилъ никакого вниманія.

— Нѣтъ, я не могу сочувствовать запретительнымъ законамъ. Если я буду за нихъ вотировать въ Айовѣ, правительство не должно поощрять людей, ведущихъ торговлю вопреки нашимъ правиламъ.

— Это право правительства,—кричалъ его собесѣдникъ, дрожа отъ ярости и возбужденія.

Кергиль всталъ и гнѣвно закричалъ:

— Оставьте меня, мнѣ некогда терять время на болтовню въ вами,— и, обращаясь къ Брадлею, сказалъ:

— Кажется, мы съ вами сегодня собираемся въ клубъ.—Онъ посмотрѣлъ на свои сапоги,—они вычищены, значитъ я во всемъ парадѣ,— сказалъ онъ.

Выйдя на улицу, онъ заговорилъ о миссъ Уильберъ.

— Хотя она и замѣчательная женщина, но все-таки я нахожу ее не вполнѣ нормальной,—сказалъ Кергиль.

— Почему?—сказалъ Брадлей.

— Посмотрите, какую жизнь она ведетъ: вѣчно въ вагонѣ и гостинницахъ. Подобный образъ жизни не по силамъ женщинѣ.

— Это зависитъ отъ женщины,—протестовалъ Брадлей, не желая ставить Иду на одинъ уровень съ другими.

Погода была морозная и ясная и звуки ихъ шаговъ раздавались въ ночной тишинѣ, точно они шли по льду. Они двигались впередъ молча. Брадлею очень хотѣлось сказать Кергилю, что онъ уже встрѣчался съ Идой, но онъ никакъ не могъ рѣшиться на это, а Кергиль былъ молчаливъ. Горничная-норвежка ввела ихъ въ хорошенькую гостиную, гдѣ въ каминѣ пылалъ каменный уголь. Они грѣли у огня свои озябшія руки, когда вошла Ида.

— Мистеръ Кергиль,—сказала она, — вотъ неожиданное удовольствіе.

— Не знаю, насколько оно искренне,—сказалъ Кернель.—Рекомендую моего пріятеля, м-ра Талькота.

Ида радушно протянула ему руку со словами:

— Кажется, мы съ вами встрѣчались.

— Я называю его пріятелемъ, потому что мы такъ недавно познакомились, что не успѣли еще стать врагами.

— Это очень хорошо, м-ръ Кергиль. Пожалуйста, садитесь, положите сюда ваши пальто.

Она двигалась съ тѣмъ изящнымъ гостепріимствомъ, которое такъ присуще женщинамъ. Кергиль сѣлъ въ кресло съ своимъ обычнымъ развинченнымъ видомъ

— Мы пришли, чтобы присутствовать на собраніи.

— Сегодня его не будетъ. Вы забыли, что мы собираемся черезъ недѣлю, по пятницамъ,—сказала Ида.

— Неужели? а я и забылъ, но все къ лучшему, слѣдовательно, мы одни воспользуемся вашимъ обществомъ.

Ида обратилась къ Брадлею:

— М-ръ Кергиль не часто бываетъ въ такомъ любезномъ расположеніи духа. Обыкновенно мы съ нимъ воюемъ насчетъ Теккерея, Скота и Хоуелля;

— Она предпочитаетъ меня во всеоружіи и на конѣ. — Ида засмѣялась.

— Ваши необыкновенно живописныя сравненія могли бы вамъ дать пальму первенства между символистами въ Парижѣ, —отвѣтила она.

Все происходившее казалось очень смѣшнымъ Брадлею и онъ не сводилъ глазъ съ Иды, которая въ качествѣ хозяйки дома показалась ему въ новомъ свѣтѣ еще болѣе привлекательной. Она была одѣта въ какое-то широкое, красивое платье, которое чрезвычайно къ ней шло.

— Когда вы вернулись домой?—спросилъ Кергиль немного любезнѣе.

— Вчера, и я теперь радуюсь, что сижу дома и не должна никуда ѣхать завтра! Ко мнѣ пришла пріятельница, и я хочу васъ съ ней познакомить,—сказала она вставая и выходя въ другую комнату.

Черезъ нѣсколько минутъ она вернулась съ высокой дамой въ нарядномъ туалетѣ. Фамилія ея была миссъ Касидей.

Миссъ Касидей разговорилась съ Кергилемъ объ упадкѣ современной литературы, а Брадлей могъ поговорить съ Идой. Это былъ лучшій день въ его жизни. Онъ говорилъ, какъ никогда. Разсказывалъ о своихъ занятіяхъ, чтеніяхъ и планахъ на будущее. Онъ сказалъ ей, что выбранъ представителемъ округа Рока-Ривера.

— Какъ это хорошо,—сказала она,—слѣдовательно у насъ есть еще союзникъ въ дѣлѣ женскаго вопроса въ Соединенныхъ Штатахъ.

— Да, я сдѣлаю все, что могу,—отвѣчалъ Брадлей.

— Я васъ услышу, потому что состою членомъ женскаго комитета.

Свѣтъ камина падалъ на нее и придавалъ такую красоту ея блѣдному лицу, что молодой фермеръ пришелъ въ полный восторгъ и забылъ весь свой страхъ и нерѣшительность. Они говорили о возвышенныхъ предметахъ; онъ сообщилъ ей, какъ изучалъ соціальные вопросы съ тѣхъ поръ, какъ слышалъ ея рѣчи въ Айовѣ. Онъ приводилъ цѣлые отрывки изъ тѣхъ книгъ, которыя она ему присылала, всегда вѣрно схватывая суть вопроса. Онъ говорилъ о своихъ надеждахъ на успѣхъ.

— Я желаю достигнуть своихъ цѣлей, для того, чтобы распространять новыя понятія о правахъ людей. Я хочу внести въ среду своей

партіи истинные принципы демократіи. Я надѣюсь, что въ нашей партіи наступитъ новая эра.

— Боюсь, что нѣтъ,—сказала она, задумчиво смотря на огонь. Мнѣ кажется, придется ждать до тѣхъ поръ, пока сила вещей не выдвинетъ новыхъ людей на подобіе того, какъ возникла партія для освобожденія рабовъ. Не увлекайтесь, не смотрите съ иллюзіями на положеніе вашей партіи въ нашемъ штатѣ; за исключеніемъ вопроса о раздачѣ должностей, она такова же, какъ и всюду. Ваши члены забавляются вопросами о налогахъ и запретительныхъ законахъ, потому что это имъ выгодно, но знайте, что отвернутся отъ всякаго человѣка поддерживающаго принципъ, который для нихъ не будетъ выгоденъ и отъ васъ отвернутся тоже, если найдутъ васъ слишкомъ радикальнымъ. Предупреждаю васъ,—сказала она съ улыбкой,—что я очень опасна, я всегда принадлежу къ меньшинству.

— Я не боюсь васъ,—сказалъ онъ, сознавая, съ какимъ глубокимъ чувствомъ говоритъ,—я не боюсь васъ, зная, что вы не можете принести мнѣ вреда, а, напротивъ, навели меня на новый путь, на новый рядъ мыслей, также какъ вы это сдѣлали на пикникѣ—благодаря вамъ я сдѣлался тѣмъ, чѣмъ я въ настоящую минуту.

— Неужели?—сказала она съ удивленіемъ. Онъ опустилъ глаза.— Какъ это странно, если я васъ подвинула на политическую дѣятельность.

Брадлей замолчалъ. Какъ могъ бы онъ высказать ей, чѣмъ она стала для него! Какъ могъ онъ выразить ей, что она составляетъ главный импульсъ во всемъ его существованіи.

— Вы научили меня мыслить,—сказалъ онъ, наконецъ.—Вы мнѣ дали первый толчокъ для развитія моего самолюбія.

— Очень рада,—сказала она искренне. Я часто произношу рѣчи, мнѣ аплодируютъ, но когда я ухожу, мнѣ кажется, что я ничего не сдѣлала и когда кто-нибудь ко мнѣ приходитъ или пишетъ мнѣ, какъ это вы сдѣлали, я безконечно счастлива. Это придаетъ мнѣ храбрости, а то иначе мнѣ думается, что меня слушаютъ просто ради забавы. Она пристально смотрѣла на огонь, который такъ красиво ее освѣщалъ, что она казалась чѣмъ то сверхъестественнымъ, недоступнымъ. Изящныя линіи ея фигуры были необыкновенно красивы, она казалась статуей, артистически задрапированной.

Рѣзкій голосъ Кергиля разрушилъ очарованіе, онъ слушалъ свою собесѣдницу и выходилъ изъ себя; онъ возмущался.

Вообще онъ плохо умѣлъ слушать, а предпочиталъ самъ говорить.

— Что такое успѣхъ,—кричалъ онъ, скажите-ка мнѣ, милая моя дѣвица.

— Пожалуйста не принимайте ироническаго тона. Я заступаюсь за миссъ Касидей, потому что она слишкомъ робка, чтобы самой защититься. Ничто меня такъ не сердитъ, какъ подобный тонъ. Назы-

вайте насъ товарищами, друзьями, но не говорите «милая моя дѣвица»,— сказала она съ улыбкой, но въ ея словахъ послышалась горечь.

Кергиль низко поклонился и продолжалъ, нахмуривъ брови и полузакрывъ глаза:

— Дорогіе мои товарищи на жизненномъ пути, помните ли вы двухъ лордовъ въ странѣ Лиллипутовъ, которые думали, что совершаютъ великое дѣло, поднимаясь на вышину веревки?

— Оставьте въ покоѣ Свифта,—сказала Ида и прибавила, обращаясь къ Брадлею:—м-ръ Кергиль своего рода американскій Свифтъ. Не позволяйте ему дурно вліять на вашъ оптимизмъ. Есть два сорта пессимизма, первый изъ нихъ въ сущности тотъ же оптимизмъ. Это тогда, когда человѣкъ считаетъ возможнымъ исправить все дурное и несправедливое. Такихъ людей называютъ пессимистами, потому что они рѣшаются говорить правду присутствующимъ, но м-ръ Кергиль боюсь, принадлежитъ ко второму разряду, который относится недовѣрчиво ко всему роду человѣческому.

Въ этихъ словахъ звучала горькая истина, поразившая прямо въ сердце Кергиля. Брадлею было пріятно видѣть, что Ида первенствуетъ надъ человѣкомъ, привыкшимъ, чтобы всѣ преклонялись предъ нимъ. Въ ея взглядѣ было что-то возвышенное, но она не измѣнила своей граціозной позы, только лицо ея сдѣлалось серьезно и строго.

Кергиль смотрѣлъ на нее съ большимъ вниманіемъ и небольшой румянецъ, покрывшій его лицо, доказывалъ, что Ида попала мѣтко.

Настала минута, имѣвшая громадный интересъ для Брадлея. Спорящіе такъ увлеклись, что даже не замѣчали присутствующихъ.

— Я очень уважаю вашего друга Кергиля, — продолжала Ида, обращаясь къ Брадлею, но должна сказать, что онъ производитъ дурное вліяніе на молодежь. Онъ всегда кричитъ, что на свѣтѣ все дурно, но нисколько не старается исправить зла. Что дѣлаете вы для исправленія зла?—обратилась она къ Кергилю.

— Я воюю съ нимъ,—отвѣчалъ онъ рѣзко.

— Это имѣетъ несомнѣнно хорошую сторону, но только зачѣмъ говорите вы, что безполезно стараться улучшить положеніе вещей. Не бойтесь, мы не разсоримся,—сказала она, обращаясь къ другимъ.— М-ра Кергиль я хорошо знаю и мы понимаемъ другъ друга. Мы такъ давно знакомы, что можемъ обо всемъ спорить безконечно.

— Въ первый разъ миссъ Ида такъ задѣла меня лично,—сказалъ Кергиль.—Обыкновенно мы воюемъ на почвѣ литературы, музыки или женскаго вопроса, но сегодня рѣчь зашла о моемъ личномъ вліяніи и я ухожу домой лѣчить свои раны.

Онъ всталъ со своими обычными манерами.

Ида не старалась его удерживать.

— Приходите меня навѣстить, м-ръ Талькотъ, и не поддавайтесь м-ру Кергилю, онъ васъ испортитъ.

Выйдя изъ дома, спутники шли молча; защищаясь отъ вѣтра, они подняли воротники своихъ пальто.

— Я люблю подобныхъ женщинъ,—сказалъ Кергиль, когда они завернули за уголъ и отчасти были защищены отъ вѣтра домами.—Бываютъ минуты, когда она забываетъ свой полъ и становится исключительно интеллектуальнымъ существомъ. Большинство женщинъ никакъ не могутъ отрѣшиться отъ правъ своего пола и не въ состояніи возвыситься до пониманія общечеловѣческихъ мыслей и вопросовъ.

Брадлей не рѣшался распространяться объ Идѣ, но Кергиль самъ продолжалъ:

— У нея было столько ухаживателей и столько лести и комплиментовъ она наслушалась, что легко могла бы обратиться въ свѣтскаго мотылька, но она слишкомъ умна для этого. По моему мнѣнію, женщинѣ нужно вовсе не право вотировать, а побольше мозговъ и поменьше чувственности.

— Она свободномыслящая женщина,—сказалъ Брадлей.

— Свободномыслящая, да онѣ всѣ были бы таковы, если бы у нихъ было побольше мозговъ.

— Не всегда, есть столько условій...

— Онѣ сами могли бы создавать условія жизни.

— Это правда. Все дѣло въ томъ, чтобы правильно смотрѣть на вещи.

Такое благопріятное разрѣшеніе вопроса положило предѣлъ ихъ разговору и они молча шли впередъ, хотя нѣсколько разъ Кергиль порывался высказать свое восхищеніе Идой.

— Никогда я не встрѣчалъ женщины такой возвышенной, какъ она. Вотъ съ такой особой нельзя соскучиться. Я не женился,—продолжалъ онъ откровенничать, потому что всякая жена мнѣ скоро надоѣстъ, но...

Онъ не кончилъ своей фразы, да и не могъ окончить, чувствуя, что зашелъ слишкомъ далеко. Они распростились и Брадлей возвращался домой, преисполненный новыми чувствами и мыслями.

Опять Ида удалилась отъ него. Какое безуміе съ его стороны мечтать, что она захочетъ на него посмотрѣть. Ее окружали блестящіе богатые люди, тогда какъ онъ былъ не болѣе, какъ скромный сельскій адвокатъ. Онъ вспоминалъ, какъ сидѣлъ у камина и разговаривалъ съ нею и теперь удивлялся своему дерзновенію. Онъ вспоминалъ ея страстный взглядъ, когда она спорила съ Кергилемъ. Неужели онъ ей нравился?

XXII.

Судья предпринимаетъ новый планъ кампаніи.

Первыя три, четыре недѣли законодательной жизни опротивѣли и привели въ отчаяніе Брадлея. Онъ научился не только презирать, но

прямо ненавидѣть многихъ. Воздухъ, которымъ онъ дышалъ, былъ пропитанъ испорченностью и развратомъ. Фальшъ и притворство большинства членовъ привели его въ отчаяніе. Онъ не вѣрилъ въ человѣчество и прочность республики.

Брадлей былъ человѣкъ простой, чистосердечный, и когда одинъ изъ вожаковъ общества умѣренности вмѣстѣ съ однимъ изъ сенаторовъ былъ найденъ пьянымъ и растерзаннымъ въ одномъ изъ самыхъ грязныхъ притоновъ города, сердце въ немъ упало и онъ готовъ былъ отказаться отъ своей должности и возвратиться домой. Недобросовѣстныя сдѣлки между различными комитетами постоянно доходили до его ушей, намеки на взятки слышались повсюду. Желѣзнодорожныя компаніи все болѣе и болѣе накладывали лапу на членовъ, употребляя для того всякаго рода лесть и угощеніе. И ему было не до смѣху, когда въ одной газетѣ въ видѣ шутки разсказывалось, какъ разсѣянный спикеръ, призывая собраніе къ порядку, сказалъ: «Агенты желѣзнодорожной компаніи, не угодно ли вамъ вотировать». Это было слишкомъ близко къ истинѣ, чтобы смѣяться надъ этимъ. Общество распространенія книгъ, университетъ, арсеналъ, всѣ поддѣлывались къ членамъ чрезъ посредство ловкихъ агентовъ. Онъ дошелъ до высшаго предѣла отвращенія, однажды ночью, послѣ разговора съ Лойди Смитомъ, бывшимъ клеркомъ, и нѣсколькими молодыми людьми, пришедшими его навѣстить. Лойдъ замѣтилъ, что онъ имѣетъ сумрачный видъ, и спросилъ, какая тому причина.

Брадлей откровенно отвѣтилъ, что чувствуетъ полное отвращеніе ко всему окружающему.

— О, это только сначала, а потомъ привыкнете. Когда я поступилъ въ сенатъ, подобно вамъ, я вѣрилъ въ искренность и честность, но когда окончился срокъ моей службы, я ушелъ съ увѣренностью, что вся шайка состоитъ изъ воровъ. Я пришелъ къ твердому убѣжденію, что американскіе законодатели считаютъ евангельской истиной право залѣзать въ правительственный сундукъ.

Всѣ начали смѣяться, принимая его слова за шутку, но Брадлей видѣлъ по выраженію его лица, что хотя, можетъ быть, онъ и преувеличиваетъ, но что онъ самъ съ грустью убѣдился въ правотѣ своихъ словъ.

— Члены готовы украсть всякаго рода вещи: плевальницы, пустыя корзины и т. д. и т. д. Они въ состояніи украсть все, что попадется подъ руку, и по окончаніи срока своего избранія они мучаются мыслью, нельзя ли еще что-нибудь стянуть. Въ утѣшеніе имъ я сказалъ, что еще можно украсть крестъ на соборномъ куполѣ.

Всѣ присутствующіе разразились хохотомъ. Брадлей также къ нимъ присоединился, хотя и видѣлъ, какое тяжелое чувство овладѣло Лойдомъ.

— Обратите вниманіе, какое воровство при раздачѣ жалованья. Они хотѣли получать и за воскресные дни. Когда я отказался, они

трашно разозлились. Я самъ далеко не ангелъ, но я не хотѣлъ приложить свою подпись къ ложному документу и не согласился, чтобы бумага прошла безъ моего имени. Да, сударь, все это записано въ протоколѣ. Возьмите кумовство. Члены помѣщаютъ на всевозможныя должности своихъ женъ и дочерей, а если ихъ нѣтъ, то находятся подставныя лица. Нѣтъ хитрости, нѣтъ ухищренія, которыя бы не употреблялись для того, чтобы залѣзть въ общественный сундукъ; для этой цѣли въ ихъ глазахъ все законно и заслуживаетъ всеобщаго одобренія. И при томъ замѣтьте, что наши законодатели самые честные во всѣхъ Соединенныхъ Штатахъ, потому что нашъ штатъ земледѣльческій и пьянство у насъ мало развито. Нашъ законодательный корпусъ не болѣе, какъ воскресная школа по сравненію съ негодяями, завладѣвшими Капитоліемъ въ Альбани или Спрингфильдѣ.

— Какъ вы думаете, какимъ образомъ можно исправить это положеніе? — спросилъ Брадлей, голова котораго постоянно была занята этими вопросами.

— Милосердный Боже! Такого средства нѣтъ, если не считать уничтоженіе формы правленія, съ которой связанъ подобный порядокъ вещей. И что же удивительнаго? Мы избираемъ голодныхъ, порочныхъ, необразованныхъ людей и потомъ удивляемся, что они воруютъ, пьянствуютъ и развратничаютъ, какъ сатиры. Надо удивляться, что они еще не соскоблили штукатурку со стѣнъ Капитолія.

— Вы преувеличиваете, законодатели не должны воровать плевальницъ.

— Они сами нѣтъ, но рекомендуемый ими клеркъ навѣрное украдетъ,—сказалъ Смитъ.

— Мнѣ думается, что немного найдется людей, которые согласятся брать взятки,—замѣтилъ Брадлей.

— Деньгами нѣтъ, но всѣ члены пользуются выгодами своего положенія. При существующихъ обстоятельствахъ, честность невозможна, самъ архангелъ Гавріилъ навѣрное сдѣлался бы прощалыгой при настоящемъ положеніи вещей. Единственное спасеніе, еще разъ повторяю, это уничтожить нашу форму правленія.

Это разрѣшеніе вопроса казалось Брадлею неудовлетворительнымъ, но, очевидно, ничего другого не могъ придумать его свирѣпый собесѣдникъ. Онъ находилъ, что надо или возвратиться обратно къ деспотизму, или остаться безъ всякой формы правленія.

Послѣ ухода гостей, Брадлей написалъ судьѣ Брауну письмо, въ которомъ передалъ весь свой разговоръ съ Лойдомъ. Онъ закончилъ письмо слѣдующими словами: «Все, что я вижу кругомъ себя, можетъ довести человѣка до полнаго отчаянія и заставить проклинать родину и Бога, который допускаетъ подобныя беззаконія. Я вполнѣ сознаю, что Лойдъ правъ, и я готовъ отказаться отъ всего, вернуться домой и никогда болѣе не заниматься политикой, которая сгнила до основанія».

Однако, чрезъ нѣсколько времени, Брадлей имѣлъ случай убѣдиться, что всѣ эти обвиненія справедливы только по отношенію къ меньшинству и что если есть съ полдюжины испорченныхъ взяточниковъ, то все-таки есть и члены, ратующіе за правду и справедливость. Общая масса стремилась быть честной и справедливой. Всѣ они были хорошими мужьями и отцами, но и на нихъ падала отвѣтственность за безчестныхъ законодателей, какъ бы выставляющихъ на показъ свою безнравственность и на глазахъ у всѣхъ валяющихся въ грязи и развратѣ.

Былъ, впрочемъ, одинъ пунктъ, въ которомъ согласны были почти всѣ законодатели: они не стѣснялись съ казеннымъ добромъ. Брадлей вспоминалъ, что такое же отношеніе онъ наблюдалъ на дорожныхъ работахъ въ своей мѣстности. Всякій считалъ чуть не добродѣтелью ничего не дѣлать, ибо плата шла изъ «города». Онъ вынужденъ былъ признать, что это была характерная американская черта: воровать общественныя деньги считалось пустякомъ.

Въ февралѣ пріѣхалъ судья Браунъ, чтобы присутствовать на засѣданіяхъ, гдѣ разсматривались желѣзнодорожные вопросы, и часто философствовалъ съ Брадлеемъ на эту тему. Судья удобно усаживался, клалъ ноги на подоконникъ и, сложивъ руки на груди, начиналъ свои безконечныя разсужденія.

— Надо смотрѣть на вещи съ другой точки зрѣнія,—говорилъ онъ.—Возможность преобразовать вещи находится въ рукахъ членовъ законодательнаго собранія, но понятно, что если они сами мошенники, то, конечно, они и будутъ покровительствовать мошенникамъ. Назначеніе нашей партіи вліять, преобразовывать и научить ихъ сдѣлаться честными людьми. На насъ лежитъ этотъ долгъ,—сказалъ Браунъ съ страстнымъ увлеченіемъ стараго демократа,—и мы не имѣемъ права толковать о томъ, чтобы оставить свой постъ и бросить политику. Мы должны стоять въ грязи и помогать ее выбрасывать, а если уходить съ поля брани, то положеніе еще болѣе ухудшится.—Судья привыкъ смотрѣть на Брадлея, какъ на своего союзника.

Когда они отправились вмѣстѣ на прогулку, Брадлей замѣтилъ, что судья носитъ шляпу съ чрезмѣрно большими полями и что его платье потерто на петлицахъ; до сихъ поръ ему не бросался въ глаза его старомодный видъ, ему и въ голову не приходило его стыдиться, но когда они вышли вмѣстѣ, у него явилось чувство нѣкоторой неловкости; онъ понялъ, что судья обращаетъ на себя вниманіе.

Когда Брадлей произносилъ свою большую рѣчь о желѣзнодорожныхъ вопросахъ, судья принялъ мѣры, чтобы ее стенографировали, такъ какъ онъ разсчитывалъ ее напечатать въ видѣ памфлета и всюду распространять при новыхъ конгрессіональныхъ выборахъ.

Ида сидѣла на балконѣ, въ то время когда Брадлей говорилъ о правѣ женщинъ вотировать и онъ не могъ лишить себя удовольствія

нѣсколько разъ посмотрѣть на нее во время своей рѣчи. Все способствовало эффекту его ораторскаго искусства. Наступалъ вечеръ и заходящее солнце лило потоки яркихъ лучей на большую комнату, погруженную въ молчаніе, посреди котораго раздавался мощный и свѣжій голосъ молодого оратора. Ида послала Брадлею букетъ цвѣтовъ, которые онъ положилъ на свой пюпитръ, на него палъ солнечный лучъ, а потомъ перешелъ на лицо оратора, окружая его какъ бы вѣнкомъ славы.

Но, какъ и всегда, вслѣдъ затѣмъ пришла неудача. Законодатели не видѣли въ солнечномъ лучѣ ничего, кромѣ небрежности слуги. Всѣ одобряли рѣчь Брадлея, но большинство, какъ и всегда, осталось равнодушно. Галлереи аплодировали, а женщины направились къ защитнику своихъ правъ и горячо благодарили его. Ида была между ними. Ея улыбка и пожатіе руки были для него самой большой наградой.

— Приходите ко мнѣ, я хочу васъ еще разъ поблагодарить,—сказала она.

Судья безконечно гордился Брадлеемъ.—Это великая рѣчь, Брадъ,—твердилъ онъ,—и не будь я такимъ старовѣромъ, непремѣнно обратился бы на путь истины. Съ глазу на глазъ, я признаю все, что ты говоришь, но не политично мнѣ выступать за это.

— Не политично!—воскликнулъ Брадлей, мнѣ опротивѣла политика. Пусть только это будетъ истина.

Судья перемѣнилъ разговоръ. Онъ всѣмъ сообщилъ въ гостинницѣ, что эта рѣчь не можетъ повредить Брадлею, никто не вправѣ нападать на него за свободно высказанныя убѣжденія.

— Можетъ быть, въ вашемъ округѣ таковы обычаи, но здѣсь я не желаю дѣлать опыты по женскому вопросу,—сказалъ маіоръ Рутъ изъ Мекинтоша.

— Не думаю, чтобы избиратели Айовы могли претендовать за то, что ихъ представитель говоритъ то, что думаетъ,—отвѣтилъ судья Браунъ.

— Совѣтую вамъ не слишкомъ увлекаться подобными надеждами—отвѣтилъ маіоръ.

Судья обѣдалъ за общимъ столомъ и Брадлей съ удовольствіемъ замѣтилъ, что онъ гораздо лучше справляется съ ножомъ и вилкой, нежели верховной судья и сенаторъ сидящіе, рядомъ съ нимъ.

Съ наслажденіемъ побесѣдовали они о старыхъ товарищахъ и, когда дошли до пуддинга, то судья положительно сіялъ.

Онъ увѣрялъ всѣхъ, что достопочтенный Талькотъ скоро будетъ ораторствовать въ союзномъ конгрессѣ. «Въ настоящее время мы торжествуемъ побѣду и будущее принадлежитъ намъ», закончилъ онъ свою рѣчь.

Всѣ весело разсмѣялись, но все-таки прибавили, что будущее неизвѣстно.

— Вы захватили насъ спящими, но мы проснулись и теперь мы во всеоружіи.

Судья очень наслаждался своимъ посѣщеніемъ Демуана, и только однажды Брадлей видѣлъ его немного на веселѣ, причемъ онъ всѣмъ объявлялъ, что совершенно измѣнился съ тѣхъ поръ, какъ имѣетъ пріемнаго сына.

Въ день отъѣзда, когда Брадлей отправился на желѣзную дорогу провожать судью, послѣдній ему сказалъ, что теперь надо предпринять битву для выборовъ въ союзный конгрессъ.

— Я думаю, лучше даже и не предпринимать этого дѣла,—сказалъ Брадлей.

— Почему?—спросилъ судья.

— По той простой причинѣ, что меня не выберутъ.

Браунъ задумчиво помолчалъ.

— Отчего не попробовать? Мнѣ кажется, ты произвелъ здѣсь большое впечатлѣніе,—наконецъ сказалъ онъ.

— Мнѣ не хочется рисковать. Я совсѣмъ не политиканъ, мнѣ опротивѣло это подлое дѣло. Я не хочу вести никакихъ интригъ.—возразилъ Брадлей.

— И не надо, я займусь этимъ. Твое дѣло ораторствовать, затѣмъ ты и попалъ въ члены конгресса штата.

Брадлей былъ въ дурномъ настроеніи.

— Зачѣмъ мнѣ стремиться въ союзный конгрессъ? Что тамъ дѣлать? Я и теперь не принесъ никакой пользы,—твердилъ онъ.

— Нѣтъ, ты многое сдѣлалъ. Ты произнесъ нѣсколько прекрасныхъ рѣчей по поводу желѣзнодорожнаго, экономическаго и банковскихъ вопросовъ. Это тебѣ зачтется. Твою вчерашнюю рѣчь я напечаталъ и цѣликомъ отправилъ въ Рокъ-Риверъ. Фостеръ будетъ настаивать на необходимости имѣть своего представителя въ конгрессѣ и согласиться на твой выборъ. Мы взойдемъ въ конвентъ съ двумя третями большинства и тогда твое избраніе будетъ обезпечено. Твоя молодость говоритъ за тебя, навѣрное тебя выберутъ и борьба будетъ только въ конвентѣ,—сказалъ судья.

— Сегодня совершенно весенній день,—возразилъ Брадлей, желая прекратить этотъ разговоръ.

— Прощай. Когда вернешься домой, Брадъ, все дѣло будетъ на мази.

Поѣздъ тронулся.

Когда насталъ февраль и снѣгъ началъ таять, Брадлея нестерпимо потянуло домой. Настало почти время сѣять, почва была уже совершенно готова, луга покрылись весело порхающими голубями, чирикающими воробьями, свистящими ржанками и вообще перелетными птицами. Ему пришла въ голову мысль о томъ, что природа несравненно выше и благороднѣе людей, нѣтъ въ ней хитрости, жестокости, и жизнь въ деревнѣ лучшая жизнь въ мірѣ.

Теперь онъ понялъ вполнѣ значеніе словъ Иды о жизни фермеровъ.

Брадлей согласился исполнить желаніе судьи Брауна. Онъ отправился домой въ апрѣлѣ съ радостью и вмѣстѣ съ тѣмъ и неохотно. Ему пріятно было покинуть пыльный, душный городъ и жаль потерять возможность встрѣтить Иду. Чувство разочарованія не покидало его. Во время своего пребыванія въ Демуанѣ, онъ видѣлъ ее всего два, три раза, а кто знаетъ когда, онъ увидитъ ее теперь.

Подъѣзжая къ дому, онъ овладѣлъ собою и жгучая боль по случаю разлуки съ Идою понемногу притуплялась, а хлопоты о предстоящихъ выборахъ совершенно изгладили изъ памяти его воспоминаніе о ней. Изрѣдка онъ писалъ Идѣ, хотя она ему отвѣчала безъ особаго поощренія, но и безъ неудовольствія.

Выборы были дѣломъ рукъ судьи, а Брадлей былъ только его помощникомъ.

Побѣда въ конвентѣ только предрѣшала предстоящую побѣду въ октябрѣ. Брадлей отказался отъ званія члена законодательнаго корпуса, чтобы сдѣлаться членомъ конгресса въ Вашингтонѣ.

XXIII.

Въ Вашингтонѣ.

На Западѣ въ глазахъ народа есть три типа великихъ людей: солдаты, политики и пасторы. Всѣ поклоняются храбрости солдата, мужчины отдаютъ дань справедливости успѣвающему въ козняхъ политики, а женщины восхищаются краснорѣчіемъ пасторовъ.

Эти три класса, конечно, смѣшиваются между собою, но въ сущности составляютъ отдѣльныя касты. Въ прежнія времена первое мѣсто занималъ пасторъ, второе—солдатъ, а политикъ—третье. Со временъ революціи солдатъ занялъ первое мѣсто въ тріумвиратѣ, а теперь политикъ и его органъ—газета отодвинули пастора на послѣднее мѣсто.

Подобное настроеніе умовъ на Западѣ производитъ отрадное впечатлѣніе, по крайней мѣрѣ поклоняются политическимъ успѣхамъ, а никакъ не исключительно деньгамъ, какъ на Востокѣ, гдѣ средній классъ общества благоговѣетъ только предъ богачами, тогда какъ на Западѣ не одно только богатство служитъ гарантіей уваженія и всеобщей поддержки.

Брадлей никогда не мечталъ о томъ, чтобы разбогатѣть, но подъ вліяніемъ Редборна и судьи, онъ жаждалъ ораторскихъ успѣховъ. Несмотря на свое отвращеніе къ безнравственнымъ поступкамъ нѣкоторыхъ членовъ, ему было пріятно сознаніе, что и онъ служитъ звеномъ политической жизни. Ему нравилось то уваженіе, которымъ окружали его товарищи и друзья.

Теперь онъ только и думалъ о Вашингтонѣ, и его сердце радостно билось при мысли, что онъ будетъ засѣдать въ тѣхъ же залахъ, гдѣ

когда-то раздавались могучіе голоса нынѣ умершихъ великихъ мыслителей и дѣятелей республики.

Судья восторгался, видя, какъ его любимецъ расправлялъ свои орлиныя крылья. Переходъ отъ наемнаго батрака на фермѣ до національнаго представителя придавалъ Брадлею чисто американскій типъ и ему оставалось только пользоваться всѣми выгодами своего положенія.

Юный ораторъ ожидалъ, что его избраніе въ конгрессъ будетъ сопряжено съ большими затрудненіями, но оно окончилось блестящей побѣдой. Онъ былъ избранъ, и въ то время, какъ демократы бѣсновались отъ восторга, Брадлей мирно спалъ въ своей комнатѣ подъ звуки музыки, которую устроили подъ его окнами.

Теперь всѣ мысли его были направлены къ Вашингтону. До открытія сессіи оставалось еще много времени, но, по совѣту судьи Брауна, онъ началъ укладывать свои вещи и въ январѣ рѣшилъ съѣздить въ Вашингтонъ, чтобы осмотрѣться по примѣру другихъ членовъ.

Путешествіе отъ Чикаго до Вашингтона составило эпоху въ его жизни. Во второй разъ онъ предпринялъ длинное странствованіе и такимъ образомъ еще болѣе расширилъ свой умственный кругозоръ. До сихъ поръ онъ не видѣлъ горъ, и чудные, дикіе Аллеганскіе хребты поразили его своимъ великолѣпіемъ и дикой красотой. По цѣлымъ часамъ онъ сидѣлъ у окна вагона, который тащили на самую вершину два локомотива. Онъ любовался паденіемъ горныхъ ручьевъ, стремительно несущихся внизъ, и вершинами горъ, покрытыхъ дремучимъ лѣсомъ. По мѣрѣ того, какъ несся поѣздъ, онъ восторгался громадными утесами, соснами, покрытыми снѣгомъ и рѣками, въ которыхъ струилась ледяная вода.

По обѣимъ сторонамъ вагона дикіе лѣса перемѣшивались съ вырубленными полянами и громадныя вершины какъ бы упирались въ небо. Аллеганскія горы вполнѣ удовлетворили его ожиданіямъ. По мѣрѣ того, какъ поѣздъ шелъ по изгибамъ спускаясь внизъ, долина все расширялась, а горы отодвигались на заднiй планъ. Рѣка протекала широкой лентой съ востока на югъ, она называлась Потомакомъ, ея имя напоминало историческія событія. Недалеко находился Вашингтонъ.

Подобно всѣмъ жителямъ запада, Брадлей поклонялся Вашингтону. Онъ считалъ его центромъ американской жизни, такъ какъ въ немъ создавались законы. Западники считаютъ Бостонъ центромъ искусства, которое они презираютъ, Нью-Іоркъ представляется имъ исключительнымъ жилищемъ милліонеровъ и ростовщиковъ, а Вашингтонъ считается центромъ національной жизни. Это нервный узелъ политическаго организма. Онъ дѣйствовалъ на романтическія чувства Брадлея. Это былъ историческій городъ; онъ дѣлалъ исторію.

Наступилъ вечеръ, стало смеркаться, и когда кондукторъ прокричалъ Вашингтонъ, было восемь часовъ. Погода была сырая, мрачная, ночь совершенно темная.

Брадлею очень хотѣлось поскорѣе увидать Капитолій и такъ какъ сидящій около него добродушный толстякъ увѣрялъ его, что онъ находится недалеко отъ желѣзнодорожной станціи, то онъ взялъ въ руки свой чемоданъ и отправился по указанію негра носильщика.

Въ воздухѣ стояла густая непроницаемая мгла, но когда онъ подошелъ къ Капитолію, сердце его радостно забилось. Предъ его глазами находилась самая большая постройка въ Америкѣ, массивная, какъ гора, но вмѣстѣ съ тѣмъ воздушная по изяществу своихъ формъ. Холодный бѣлый мраморъ, окруженный туманомъ, освѣщался лампами въ окнахъ, на подобіе лилій съ огненными сердцами и бѣгающими огоньками.

Долго онъ стоялъ предъ дивной постройкой, перебирая въ своей памяти всѣ совершившіяся въ ней историческія событія. Кругомъ раздавался шумъ колесъ, стукъ подковъ объ асфальтовую мостовую и крики кучеровъ. Недалеко отъ него слышалось журчаніе воды въ подземныхъ каналахъ. Наконецъ, онъ пришелъ въ себя, вслѣдствіе боли въ рукѣ отъ тяжести чемодана. Онъ пошелъ по улицамъ, наполненнымъ неграми, продающими газеты и выкрикивающими музыкальнымъ голосомъ: «Вечерняя газета», «Вечерняя газета!»

Экипажи сновали, особаго рода омнибусы съ надписью «Carette» тихо двигались по асфальтовой мостовой. Старикъ въ рабочемъ костюмѣ, но съ аристократическимъ видомъ, съ короткими бакенбардами, пробрался къ нему неся ручную сумку и особеннымъ образомъ выкрикивая: «Изобрѣтенія доктора Фергюсона концетрированное мясо. Филадельфійскія капли отъ кашля и простуды, больного горла, хрипоты и т. д. Пять центовъ коробка.

Безконечныя объявленія извѣщали о существованіи обѣдовъ по 15 и 25 центовъ, кофе по 10 цент. и т. д. Всевозможныя устрицы и т. д.

Рестораны, гдѣ продавались устрицы, привлекали его, но ему не нравился ихъ наружный видъ. Наконецъ, онъ отыскалъ чистенькій скромный ресторанчикъ, гдѣ и рѣшился спросить себѣ обѣдъ за 25 цент.

Пообѣдавъ, онъ снова вышелъ на улицу и началъ разыскивать скромную гостинницу, гдѣ можно достать комнату за 75 центовъ. Наконецъ, онъ разыскалъ объявленіе о комнатахъ отъ 50 цент. и выше. Онъ записался у швейцара, и негритенокъ, необыкновенно шустрый повелъ его во взятую имъ комнату.

Ему хорошо знакомъ былъ типъ дешевыхъ гостинницъ, гдѣ ютились люди съ небольшими средствами. Грязноватыя стѣны и потертые ковры становились все болѣе и болѣе мизерными, по мѣрѣ того, какъ они поднимались все выше и, наконецъ, достигли до комнаты, находящейся надъ самой крышей. Комната была нетопленная и безъ замка, но постель была чиста и удобна.

XXIV.

Редборнъ показываетъ Брадлею столицу.

На слѣдующее утро Брадлей проснулся послѣ ночи какъ бы въ туманѣ, не сознавая, гдѣ онъ находился. Было что-то дѣтское въ его крѣпкомъ снѣ. Онъ слышалъ крики разнощиковъ газетъ. Ихъ возгласы напомнили ему Демуанъ, по той причинѣ, что только тамъ онъ впервый разъ услышалъ подобные крики. Онъ вскочилъ съ постели и вспомнилъ о Редборнѣ. Онъ увидѣлъ съ удовольствіемъ, что ночью шелъ снѣгъ и всюду негры чистили тротуары. Прогуливаясь по городу, въ качествѣ никому неизвѣстнаго человѣка, онъ нисколько не чувствовалъ себя будущимъ свѣтиломъ и чѣмъ болѣе онъ удалялся отъ Рокъ Ривера, тѣмъ ниже ставилъ онъ себя, сознавая что величіе есть вещь относительная. На улицѣ онъ проходилъ мимо окна, за которымъ громадный негръ одѣтый въ бѣлоснѣжный фартукъ и бумажный колпакъ, пекъ пирожки.

Ресторанъ имѣлъ такой чистый и привлекательный видъ, что Брадлей рѣшился здѣсь позавтракать и, войдя въ комнату, усѣлся у одного изъ маленькихъ столиковъ. Негритенокъ подбѣжалъ къ входящему.

— Я хотѣлъ бы съѣсть пирожковъ,—сказалъ Брадлей.

— Поджарьте пшеничники! — закричалъ мальчикъ. — Сдобные? — спросилъ онъ обращаясь къ Брадлею.

Постепенно появилась ветчина, яйца, кофе, бифштексы и яичница.

Большинство окружающихъ людей были съ запада и южнаго типа. Многіе изъ нихъ носили бородки и мягкія шляпы.

Негры чрезвычайно интересовали Брадлея. Они были такъ необыкновенно безобразны, но полны веселости и добродушія.

На улицѣ онъ снова встрѣтилъ людей того же типа, онъ подумалъ, что можетъ быть это его сотоварищи, а они вѣроятно принимали его за жителя Бостона или Нью-Іорка, судя по его бѣлокурой большой бородѣ и свѣжему цвѣту лица. Негры постоянно привлекали его вниманіе, они страшно суетились и повидимому безцѣльно бродили по улицамъ. Ихъ лица по привычкѣ улыбались. Казалось, что они съ большимъ трудомъ зарабатывали себѣ кусокъ хлѣба. Они предлагали прохожимъ нести чемоданъ, чистить сапоги, газетчики догоняли гуляющихъ, шли рядомъ съ ними, въ надеждѣ, продать газету и такимъ образомъ сколько-нибудь получить денегъ. Далѣе Брадлею попадалось на глаза множество объявленій о сдачѣ комнатъ, обѣдовъ по двадцати и двадцати пяти центовъ, изъ чего онъ заключилъ, что ему нетрудно будетъ устроиться.

Войдя въ контору Редборна, онъ нашелъ молодую даму работающую на пишущей машинѣ. Она вставила себѣ въ ухо гутаперчивую трубку и не замѣтила, какъ вошелъ Брадлей, который увидѣлъ, что трубка

соединяется со столикомъ на подобіе швейной машины, въ которой помѣщался цилиндръ, очевидно фонографъ. У окна сидѣлъ Редборнъ, говоря размѣреннымъ монотоннымъ голосомъ въ трубу другого фонографа. Онъ сидѣлъ спиной къ Брадлею, который такимъ образомъ сдѣлался невольнымъ свидѣтелемъ его разговора. «Конгрессъ приноситъ Вашингтону такую полноту жизни, о которой можно судить только проведя здѣсь лѣто», говорилъ Редборнъ тихимъ мѣрнымъ голосомъ.

Эта манера разговора производила на Брадлея странное впечатлѣніе, какъ будто бы Редборнъ говорилъ самъ съ собою.

— Городъ какъ бы вымираетъ,—продолжалъ Редборнъ,—когда конгрессъ разъѣзжается. Политика есть главная цѣль жизни города и когда она стушевывается, то съ нею пропадаетъ главный импульсъ жизни. Улицы становятся мертвенно-тихи, извозчики медленно двигаются подъ палящими лучами солнца, а посыльные безцѣльно слоняются изъ угла въ уголъ. Лавочники продолжаютъ свою торговлю, но они поздно открываютъ магазины по утрамъ и рано ихъ закрываютъ. Весь городъ зѣваетъ, съ нетерпѣніемъ ожидая приближенія осени и конгресса. Какъ забавно и удивительно ознаменовывается приближеніе засѣданій. Начинается суета въ гостинницахъ и меблированныхъ комнатахъ, чтобы привлечь себѣ жильцовъ изъ числа членовъ конгресса. Тогда начинается»... Вошедшая горничная увидѣла стоящаго Брадлея и воскликнула:

— М-ръ Редборнъ, къ вамъ пришелъ гость.

Редборнъ отвернулся отъ цилиндра и поздоровался съ гостемъ, какъ съ совершенно незнакомымъ человѣкомъ.

Брадлей видѣлъ, что Редборнъ его не узнаетъ и сказалъ:

— Вѣроятно, вы меня не признали, я Брадлей Талькотъ.

Редборнъ вскочилъ съ радостью и пожалъ ему руку со словами:

— Ахъ, какъ я радъ васъ видѣть! Садитесь, мнѣ очень пріятно видѣть стараго товарища.

— Пожалуйста, не прерывайте для меня вашихъ занятій. Меня очень интересуетъ, какъ вы говорите въ эту машину—сказалъ Брадлей.

— О да, это очень любопытно я только что окончилъ свой недѣльный отчетъ въ газетѣ. Садитесь, разскажите мнѣ про себя. Я слышалъ, что васъ избрали сначала въ законодательный корпусъ, а потомъ въ союзный конгрессъ, но мнѣ пріятнѣе услышать отъ васъ лично всѣ подробности.

— Мнѣ нечего разсказывать, лично я не принималъ участія въ этомъ избраніи,—отвѣтилъ Брадлей.

Они сѣли у окна выходящаго на скверъ и на широкую пирамидальную египетскую постройку, которая возвышалась въ центрѣ площади, покрытой снѣгомъ, блескъ котораго увеличивался отъ лучей яркаго солнца.

Усѣвшись, они немного помолчали, Редборнъ положилъ голову на

руку и внимательно взглядывался въ лицо Брадлея. Онъ казался старше и печальнѣе, чѣмъ предполагалъ Брадлей. Онъ началъ разспрашивать о старыхъ знакомыхъ, медленно припоминая одно имя за другимъ. Такимъ образомъ они пробесѣдовали цѣлый часъ и наконецъ Редборнъ сказалъ:

— Какъ далеко я ушелъ отъ всѣхъ этихъ сценъ и людей, а между тѣмъ этотъ маленькій городокъ съ его обитателями имѣетъ для меня громадную притягательную силу. Конечно я туда никогда не вернусь. По правдѣ сказать, я даже боялся бы туда вернуться, навѣрное, я сошелъ бы съ ума отъ этой монотонной жизни, такъ какъ любовь къ городу у меня врожденная, и я люблю быть въ центрѣ движенія. Навѣрное, съ вами будетъ то же, когда здѣсь подольше поживете. Городъ полонъ людьми, которые пришли изъ деревни, чтобы зарабатывать себѣ кусокъ хлѣба и, привыкнувъ къ виду роскоши, хотя бы издали, они уже не хотятъ возвращаться домой; живутъ они, перебиваясь изъ-за куска хлѣба на 45 центовъ въ день, тѣснятся въ углахъ, перебиваясь со дня на день и все-таки предпочитаютъ подобную жизнь возвращенію домой. Впрочемъ, я и самъ сдѣлалъ бы то же самое.

Тутъ онъ круто перемѣнилъ разговоръ и, обратясь къ Талькоту, сказалъ:

— Итакъ, вы сдѣлались членомъ конгресса, Брадлей. Я душевно радуюсь вашему успѣху, который служитъ доказательствомъ, что и правыми путями можно достигнуть высокаго положенія, по крайней мѣрѣ, до извѣстной степени.

— Я старался руководствоваться вашими принципами,—отвѣтилъ съ улыбкой Брадлей.—Я прочелъ всѣ книги, которыя вы мнѣ прислали.

— Въ такомъ случаѣ, вы одинъ изъ самыхъ опасныхъ лунатиковъ конгресса,—сказалъ Редборнъ.—Неужели вы будете что-нибудь говорить по этому поводу?

— Да, я... надѣюсь имѣть возможность что-нибудь высказать до закрытія сессіи.

— Будетъ чудо, если это вамъ удастся. Конгрессъ управляется республиканскимъ царемъ и люди съ вашими идеями или вообще съ идеями немилосердно изгоняются. Хотите, я вамъ откровенно выскажу всю суть вещей. Если вы хотите успѣха, то хорошенько познакомьтесь и поухаживайте за спикеромъ. Въ его рукахъ истинное могущество. Вотъ причина, по которой положеніе спикера такъ важно, онъ рѣшаетъ самые животрепещущіе вопросы; въ рукахъ его назначеніе комитетовъ, которые въ сущности должны были бы избираться самими законодателями. Скоро вы убѣдитесь, что власть комитетовъ безгранична. Они могутъ заглушить всякій самый важный билль. Теоретически всѣ они слуги конгресса, а въ дѣйствительности они его повелители.

— Я не вполнѣ понимаю это,—сказалъ Брадлей.

— Едва ли большинство это понимаетъ. Предполагается, что это назначеніе комитетовъ спикеромъ производится для сокращенія времени, а въ сущности его вмѣшательство затягиваетъ дѣло на недѣли, иногда на мѣсяцы.

— Чѣмъ же помочь бѣдѣ!—спросилъ Брадлей.

— Попробуйте и увидите. Лучше пойдемте немного прогуляться по городу. Я вамъ покажу всѣ его достопримѣчательности. Гдѣ вы остановились?

Брадлей назвалъ свою гостинницу довольно неохотно, такъ какъ зналъ, что она одна изъ самыхъ дешевыхъ, а между тѣмъ онъ хорошо понималъ, что члены конгресса должны всюду занимать первенствующее положеніе, и потому ему необходимо было перейти въ болѣе роскошную гостинницу, нежели та, въ которой онъ до сихъ поръ помѣщался.

Они отправились вмѣстѣ, солнце ярко блестѣло, небо было ясно и чувствовалось приближеніе весны. Брадлей снова воодушевился мыслью, что онъ находится въ Вашингтонѣ и опять восхищался куполомъ Капитоля.

— Теперь для васъ самое важное быть въ хорошихъ отношеніяхъ съ такъ называемыми лидерами партій, легче всего познакомиться въ самомъ зданіи конгресса. Пойдемте туда.—Они взошли по ступенькамъ въ западный входъ зданія.

— Это лучшая часть постройки,—сказалъ Редборнъ, когда они достигли до площадки.—Здѣсь больше красоты и величія, нежели во всѣхъ зданіяхъ города.

Дѣйствительно оно было великолѣпно. Брадлей смотрѣлъ направо и налѣво восхищенными глазами. Бѣлизна снѣга еще болѣе возвышала красоту дома. Эспланада была громаднаго размѣра, вслѣдствіе чего какъ бы увеличивался наружный фасадъ.

Мраморные столбы поддерживали красиво изукрашенную стѣну, которая заканчивалась террасой, идущей къ капитальнымъ постройкамъ, вдоль которыхъ были разставлены громадныя вазы съ многолѣтними растеніями, уже поблекшими и уныло висящими вдоль мрамора. Бронзовый пьедесталъ вазъ изящной работы красиво выдѣлялся на блестящемъ фонѣ.

Подъ ногами гуляющихъ разстилался городъ. Редборнъ указывалъ на «Бѣлый домъ», казначейство на различныя казенныя учрежденія и другія постройки, имѣющія значеніе въ архитектурномъ отношеніи. Войдя въ домъ, они прошли мимо группы мужчинъ съ рѣзкими манерами и страннымъ выговоромъ, очевидно, законодателями маленькихъ городовъ.

— Вотъ нѣсколько вашихъ сотоварищей,—сказалъ Редборнъ, указывая на нихъ рукой.

Когда они проходили чрезъ залу, одинъ изъ бесѣдующихъ, краси-

вый молодой человѣкъ съ нафабренными усами и живыми черными глазами, говорилъ своимъ собесѣдникамъ:

— Наконецъ и я попалъ въ центръ міра.

Эти слова проникли въ сердце Брадлея, онъ тоже чувствовалъ, что былъ въ центрѣ міра.

Демуанъ съ своимъ Капитоліемъ совершенно отошелъ на задній планъ, по сравненію съ громадной столицею, которая всѣхъ привлекала къ себѣ, подобно тому, какъ къ сердцу человѣка стремится кровь чрезъ всѣ артеріи. Хорошо было сознавать себя членомъ конгресса, но еще лучше быть гражданиномъ міра. Они прошли чрезъ корридоръ въ нижній этажъ, гдѣ толпилось множество законодателей, клерковъ, представителей прессы и обыкновенные посѣтители. Редборнъ прошелъ къ мѣсту спикера и оттуда они обошли всѣ мѣста, предназначенныя для членовъ конгресса.

— Всюду масса посѣтителей. Югъ и западъ преобладаютъ. Замѣчательно, съ какимъ интересомъ негры слѣдятъ за ходомъ засѣданія.

Редборнъ указалъ Брадлею на галлерею, наполненную черными, серьезными, сосредоточенными лицами.

— Посмотрите на этого стараго негра,—сказалъ онъ,—бѣдный старикъ даже снялъ шляпу, какъ будто бы онъ въ церкви.

Брадлей посмотрѣлъ на добродушнаго согбеннаго негра и ему стало сердечно жаль его. Члены начали усаживаться на мѣсто и звать прислугу, хлопая руками.

Уборная и парикмахерскія наполнились веселымъ смѣхомъ. Редакторы газетъ осаждали Редборна съ вопросами о новостяхъ дня. При шумѣ толпы, какой-то безрукій человѣкъ подошелъ къ спикеру и сказалъ гнусавымъ голосомъ:

— Господа, по порученію пристава, прошу удалиться всѣхъ, не имѣющихъ права присутствовать здѣсь.

Брадлей вскочилъ, но Редборнъ ему сказалъ:

— Не торопитесь, можно остаться еще съ четверть часа. Въ качествѣ члена конгресса, вы имѣете право быть здѣсь, несмотря на то, что вы еще не внесены въ списки. Можетъ быть, вы желаете съ кѣмъ-нибудь повидаться.

— Нѣтъ, я хотѣлъ только посмотрѣть, что здѣсь дѣлается.

— Въ такомъ случаѣ, пойдемте на галлерею.

Они отправились и, смотря сверху внизъ на громадное количество публики, Брадлей могъ себѣ составить ясное понятіе о величинѣ залы и о ея резонансѣ.

— Теперь мнѣ кажется, что зданіе Капитолія въ Демуанѣ не болѣе какой-нибудь воскресной школы,—сказалъ Брадлей.

— Ровно въ девять раздался звонокъ и спикеръ заговорилъ яснымъ, отчетливымъ голосомъ:

— Покорнѣйше прошу возстановить порядокъ.

Члены начали неохотно вставать, нѣкоторые чинили карандаши, другіе читали газеты, въ то время, какъ пасторъ началъ читать молитву подробно и медленно перечисляя всѣ правительственныя учрежденія, на которыя распространялись его молитвы и благословенія.

Какъ только онъ произнесъ слово аминь, снова начался шумъ. Послышался смѣхъ, аплодисменты. Начали передвигать пюпитры, шелестить бумагою, топать ногами. Наконецъ, зазвучалъ однообразный голосъ клерка, совершенно какъ ручей, изъ котораго струится вода.

— Вы видите, какъ мало здѣсь обращаютъ вниманія на молитву,— сказалъ Редборнъ.

Далѣе дѣло пошло такъ же, какъ въ Демуанѣ.

Рѣшенія принимались двумя-тремя голосами безпрепятственно, тогда какъ другіе члены занимались чтеніемъ отчетовъ, газетъ или писемъ.

Наконецъ, одинъ вопросъ возбудилъ продолжительные дебаты и пришлось приступить къ общему голосованію.

— Однако, вы попали очень удачно, — сказалъ Редборнъ, — вся законодательная процедура пройдетъ предъ вашими глазами.

По мѣрѣ продолженія засѣданія, выяснилось присутствіе членовъ уже успѣвшихъ пріобрѣсти громадную извѣстность. Тутъ былъ Амосъ Б. Триппъ, котораго Редборнъ называлъ «китайскимъ божкомъ», громаднаго роста, расплывшійся, плѣшивый, съ дѣтскимъ лицомъ. Маіоръ Хейндрикъ, такъ называемая «сторожевая собака конгресса», у него были крошечные глаза и бородка, которая болталась во всѣ стороны, когда онъ выкрикивалъ своимъ рѣзкимъ теноромъ свои неизмѣнныя возраженія.

Старикъ, съ множествомъ бѣлыхъ волосъ на головѣ, всталъ и, облокотившись на темно-красную ширму, представлялъ необыкновенно красивое зрѣлище. Его манеры были изящны, мужественное лицо прекрасно, голосъ музыкальный, а слова глубоко прочувствованные.

— Вотъ нашъ самый блестящій ораторъ,—сказалъ Редборнъ.

— Его наружность мнѣ очень нравится, — возразилъ Брадлей, вслушиваясь въ краснорѣчивый потокъ его рѣчи, по окончаніи которой раздались громкія рукоплесканія.

Большинство членовъ подходили къ типу, давно знакомому Брадлею. Нѣкоторые говорили монотонно, оставаясь на законной почвѣ или съ удареніями, указывая пальцами, то угрожающимъ тономъ, то въ описательной формѣ. Другіе говорили однообразно, какъ прядильная машина, нѣкоторые не могли равнодушно даже перечислять цѣны шерсти или количества тюковъ бумаги, не впадая въ яростный горловой хрипъ, на подобіе дикаго звѣря.

Потомъ появился депутатъ клерикальнаго типа, который заунывнымъ голосомъ началъ оспаривать количество вывозимыхъ бумажныхъ тюковъ. Его голосъ и манера напоминали по своей торжественности типъ католическихъ монаховъ, которые, встрѣчаясь другъ съ другомъ,

всегда говорятъ: «Помни часъ смертный, братъ мой», и такимъ-то тономъ онъ перечислялъ число тюковъ бумаги, неправильно вычисленные членомъ изъ Алабама.

Сходя внизъ по лѣстницѣ, Редборнъ обратилъ вниманіе Брадлея на развѣшанныя по стѣнамъ картины, называя ихъ отвратительною мазнею, самоувѣренно считая себя дѣйствительнымъ знатокомъ живописи и притомъ реалистомъ въ искусствѣ, реалистомъ, не признающимъ аллегорическихъ сюжетовъ.

Каждую свободную минуту Редборнъ посвящалъ Брадлею, показывая ему городъ. Однако, Капитолій неотразимо привлекалъ Брадлея и, оставаясь одинъ, онъ пробирался въ галлерею для публики и со вниманіемъ слѣдилъ за неграми, которые напряженно слушали скучные и непонятные для нихъ рѣчи.

Онъ просидѣлъ тутъ нѣсколько часовъ и возвратился домой измученный и усталый. На слѣдующій день, Редборнъ познакомилъ его со многими членами, но они, повидимому, очень мало интересовались вновь избраннымъ членомъ и встрѣчали его равнодушнымъ пожатіемъ и съ холоднымъ выраженіемъ глазъ. Все это дѣйствовало на Брадлея удручающимъ образомъ. Его волновала мысль о томъ, что онъ проживаетъ много денегъ, хотя онъ самъ себя утѣшалъ, что въ качествѣ члена конгресса, онъ получаетъ 6.000 долларовъ жалованья. Онъ такъ привыкъ разсчитывать, что каждый излишній расходъ ему казался громаднымъ, и даже садясь въ наемный экипажъ, онъ думалъ, что неблагоразумно тратить деньги.

Онъ продолжалъ жить въ дешевомъ отелѣ, два раза былъ въ театрѣ, въ первый разъ онъ взялъ себѣ билетъ за одинъ долларъ и цѣлый вечеръ промучился находя, что зря израсходовалъ деньги и потому во второй разъ онъ поднялся наверхъ, заплативъ за билетъ пятьдесятъ центовъ, радуясь, что съэкономилъ сорокъ центовъ. Въ этотъ вечеръ, онъ много болѣе наслаждался представленіемъ нежели въ первый разъ и утѣшалъ себя мыслью, что никто не знаетъ, что онъ членъ конгресса.

Когда онъ уѣзжалъ, Редборнъ пришелъ провожать его на станцію, и Брадлей сказалъ ему, что остался чрезвычайно доволенъ своимъ пребываніемъ въ Вашингтонѣ.

Сѣвъ въ поѣздъ, онъ не переставалъ смотрѣть на куполъ Капитолія, не переставая восторгаться этимъ чуднымъ зданіемъ. Ему достаточно было закрыть глаза для того, чтобы ему ясно представилась эта величественная масса, съ громадной ротондой, безконечными корридорами и шумной залою засѣданія. Вотъ здѣсь стоитъ пожить. Брадлей началъ высчитывать, скоро ли ему придется сюда пріѣхать. Казалось, что ждать еще долго.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

*
* *

И ты, дорогая, сквозь грустныя слезы
Съ испугомъ на мрачныя тучи глядишь...
О, пусть надвигаются бурныя грозы,—
Такъ долго давила насъ мертвая тишь!

Мы жизни не знали, отдавшися думамъ—
Печальнымъ, какъ сумракъ осенняго дня...
И не было проблеска въ небѣ угрюмомъ,
И не было въ сердцѣ усталомъ огня.

Смотри—какъ вздымается пыль по дорогѣ,
Какъ листья кружатся, сорвавшись съ вѣтвей,
И лѣсъ неподвижный трепещетъ въ тревогѣ...
О, дождь благодатный,—о, буря, скорѣй!

Еще не заглохли въ насъ силы живыя,
Предъ грозною бурей онѣ устоятъ,
А послѣ заблещутъ лучи золотые —
И все на землѣ озарятъ!

А. Лукьяновъ.

ДАРВИНИЗМЪ и ГЕККЕЛИЗМЪ.

(ПО ПОВОДУ ОДНОЙ НОВОЙ КНИГИ).

(«Die Descendenztheorie. Gemeinverständliche Vorlesungen über den Auf- und Niedergang einer naturwissenschaftlichen Hipothese, gehalten vor Studierenden aller Fakultäten von D-r Albert Fleischmann, Professor der Zoologie und vergleichenden Anatomie in Erlangen». Leipzig. Arthur Georgi. 1901).

Всякому образованному человѣку извѣстно, хотя бы въ общихъ чертахъ, содержаніе того ученія, которое справедливо пріурочивается къ имени Дарвина, одного изъ величайшихъ естествоиспытателей XIX-го столѣтія. Извѣстно также, что ни одна естественно-научная теорія не возбудила такого всеобщаго интереса, не всколыхнула такъ глубоко духовнаго міра цѣлаго ряда поколѣній, не встрѣтила столь энергичнаго отпора въ однихъ элементахъ общества и столь горячихъ, самоотверженныхъ защитниковъ въ другихъ, какъ именно теорія Дарвина. Это настолько общепризнанный фактъ, что нѣкоторые обозрѣватели только-что отошедшаго вѣка не находятъ для него болѣе характернаго названія, какъ «Вѣкъ Дарвина».

Основная сущность ученія Дарвина распадается на двѣ части. Одна, болѣе общая часть — это теорія измѣняемости органическихъ формъ, теорія трансформизма, или дарвинизмъ въ болѣе широкомъ смыслѣ слова; другая, логически подчиненная первой, — ученіе о естественномъ отборѣ, селекціонизмъ или дарвинизмъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, пытающійся дать освѣщеніе и объясненіе процесса возникновенія новыхъ органическихъ видовъ. Эта послѣдняя часть теоріи уже съ самаго начала пользовалась далеко не такимъ всеобщимъ признаніемъ, какъ трансформизмъ вообще, а за послѣдніе годы въ научной литературѣ Западной Европы и Америки раздаются все чаще и чаще голоса, утверждающіе, что исходныя точки теоріи отбора нуждаются въ провѣркѣ, а область приложенія этого принципа должна быть значительно съужена. Это антиселекціонистское теченіе является очень характерной чертой въ развитіи біологическихъ наукъ конца вѣка и въ немъ намѣтилось уже нѣсколько различныхъ направленій. Однако, всѣ антиселекціонисты согласны между собой въ одномъ:

въ признаніи эволюціи органическихъ формъ, въ признаніи трансформизма. Они оспариваютъ лишь утвержденіе, что измѣненіе видовъ происходило путемъ естественнаго отбора, но что оно вообще имѣло мѣсто— этого они не подвергаютъ никакому сомнѣнію.

Тѣмъ болѣе неожиданной и заслуживающей нашего вниманія является названная книга профессора Флейшманна, утверждающаго, что и самый-то трансформизмъ отжилъ и долженъ быть оставленъ, какъ печальный предразсудокъ, не выдерживающій даже самой снисходительной научной критики.

Постараемся взглянуть безпристрастно на доводы автора и выяснить себѣ, точно ли его положенія достаточно обоснованы. Но для этого намъ нужно познакомиться прежде всего съ содержаніемъ самой книги, являющейся воспроизведеніемъ ряда лекцій, прочитанныхъ авторомъ въ зимній семестръ 1899—1900 года передъ студентами всѣхъ факультетовъ эрлангенскаго университета.

Прежде всего авторъ даетъ обзоръ главныхъ типовъ животнаго царства. Что не всѣ животныя формы построены по одному плану — это извѣстно всякому читателю популярныхъ книгъ; но популяризаторы недостаточно подчеркиваютъ эти различія въ строеніи большихъ группъ, недостаточно останавливаются на томъ фактѣ, что намъ совершенно неизвѣстны переходы между различными группами, напримѣръ, между типами иглокожихъ, членистоногихъ, позвоночныхъ и т. д. Смотря по тому, сколько такихъ основныхъ типовъ признаетъ тотъ или иной ученый, филогенетическая *) проблема распадается для него на большее или меньшее число такихъ проблемъ. Такъ, Гертвигъ признаетъ семь такихъ основныхъ типовъ, Боасъ — 9, Кеннель — 17 и Флейшманнъ — 16. Говоря о единой «филогенетической проблемѣ», популяризаторъ уже вводитъ читателя въ заблужденіе относительно дѣйствительныхъ затрудненій, съ которыми приходится бороться филогенетической наукѣ.

Но и въ предѣлахъ одного и того-же типа, даже такого цѣльнаго, какъ типъ позвоночныхъ, встрѣчаются коренныя различія въ планѣ строенія какой-нибудь системы органовъ, не связанныя переходами и не поддающіяся сведенію въ одну общую схему. Въ четвертой главѣ авторъ показываетъ, какая пропасть раздѣляетъ плавники рыбъ отъ пятипалыхъ конечностей всѣхъ остальныхъ позвоночныхъ. Большая часть компетентныхъ изслѣдователей, цитируемыхъ Флейшманомъ, приходитъ къ выводу, что вопросъ о переходѣ отъ рыбъ къ земноводнымъ долженъ считаться еще совершенно нерѣшеннымъ.

Такъ же мало положительныхъ данныхъ и для иллюстраціи перехода отъ двоякодышащихъ рыбъ къ земноводнымъ. Новѣйшіе авторы далеко не раздѣляютъ мнѣнія Геккеля, по которому двоякодышащія рыбы

*) *Филогенезисъ*—собственно исторія развитія племени; въ данномъ случаѣ исторія развитія того или иного типа животнаго царства. *Примѣч. ред.*

представляютъ искомую промежуточную стадію между рыбами и земноводными. Здѣсь еще меньше, чѣмъ въ вопросѣ о конечностяхъ, можно ожидать рѣшенія отъ ископаемыхъ остатковъ, такъ какъ рѣчь идетъ о внутреннемъ органѣ.

Если сознаніе невозможности найти переходъ отъ рыбъ къ земноводнымъ, есть результатъ болѣе детальнаго изслѣдованія живыхъ организмовъ, то, съ другой стороны, изученіе нѣкоторыхъ ископаемыхъ остатковъ послужило причиной разочарованія въ другой области филогенезиса позвоночныхъ: знаменитый Archeopteryx или первичный грифъ, найденый въ юрскихъ известнякахъ и такъ долго провозглашавшійся связующимъ звеномъ между пресмыкающимися и птицами, оказался по тщательномъ изученіи несомнѣнной птицей, боковой вѣтвью родословнаго дерева, которая никоимъ образомъ не могла служить исходнымъ пунктомъ для развитія нынѣшнихъ птицъ. Въ то же время вопросъ о томъ, отъ какого именно отряда пресмыкающихся могли произойти птицы, до того осложняется при болѣе всестороннемъ изученіи ископаемыхъ динозавровъ и птерозавровъ, что многіе компетентные изслѣдователи не видятъ возможности произвести птицъ отъ какого-нибудь опредѣленнаго отряда пресмыкающихся. Такимъ образомъ и вопросъ о происхожденіи птицъ долженъ быть отнесенъ къ области проблемъ пока еще недоступныхъ.

Не меньшее разочарованіе пришлось испытать тѣмъ узлекающимся послѣдователямъ филогенетической школы, которые поспѣшно провозгласили однопроходныхъ за промежуточныя формы, якобы связывающія пресмыкающихся съ высшими млекопитающими. Чѣмъ больше выясняется организація однопроходныхъ, тѣмъ больше спеціалисты склонны видѣть въ нихъ очень односторонне развитую, изолированную боковую вѣтвь того родословнаго дерева, одной изъ верхушечныхъ вѣтвей котораго явились высшія млекопитающія. Даже болѣе: за послѣднее время все чаще и чаще высказывается мнѣніе о полифилетическомъ, смѣшанномъ происхожденіи млекопитающихъ. Такимъ же побочнымъ родичемъ оказался многообѣщавшій Peripatus по отношенію къ членистоногимъ Въ качествѣ вѣроятныхъ прямыхъ предковъ насѣкомыхъ и ракообразныхъ у Геккеля фигурируютъ снабженные длинными латинскими именами гипотетическіе отряды «первичныхъ раковъ» и «первичныхъ трахеодышащихъ»—все безъ исключенія безплотныя созданія творческой фантазіи Геккеля, зачатыя и рожденныя въ кабинетѣ знаменитаго ученаго.

Въ предѣлахъ типа мягкотѣлыхъ наблюдается то же полное отсутствіе переходныхъ формъ между отдѣльными классами: головоногими, брюхоногими, пластинчатожаберными. Филогенезисъ мягкотѣлыхъ даже по признанію самого Геккеля еще полнѣйшая terra incognita.

Но зачѣмъ намъ всѣ эти связующія формы? спроситъ читатель, знакомый съ вопросами филогенезиса по популярнымъ сочиненіямъ.

Развѣ эмбріологія не даетъ намъ точныхъ указаній на всѣ этапы филогенетическаго развитія, развѣ послѣдовательныя стадіи индивидуальнаго развитія не являются какъ бы портретной галлереей, открывающей нашему взору всѣхъ предковъ наблюдаемой нами формы? Цѣлыхъ три лекціи посвящаетъ Флейшманнъ этому «основному біогенетическому закону» Геккеля, пытаясь доказать, отчасти даже цитатами изъ такихъ глубоко убѣжденныхъ эволюціонистовъ, какъ Гертвигъ и Гегенбауеръ, что біогенетическій законъ никоимъ образомъ не можетъ имѣть такого всеобъемлющаго значенія, какое приписываетъ ему Геккель, и что параллелизмъ между индивидуальнымъ и родовымъ развитіемъ не можетъ быть использованъ для дедуктивнаго опредѣленія филогенезиса.

Но пусть онтогенезисъ *) не даетъ достаточно твердой почвы для выводовъ, развѣ нѣтъ уже въ настоящее время такихъ родовыхъ группъ, генеалогія которыхъ вплоть до раннихъ третичныхъ предковъ установлена почти безъ пробѣловъ—спроситъ читатель, вспомнивъ радословное дерево лошади. Нашъ авторъ посвящаетъ цѣлую длинную главу этому роковому «почти». По его мнѣнію здѣсь еще столько нерѣшенныхъ вопросовъ, самыя рѣшающія «связующія формы», отъ которыхъ найдены только зубы (какъ напр. Merychippus), даютъ такъ мало права считать пробѣлы заполненными, что нужно только удивляться популярнымъ писателямъ съ Геккелемъ во главѣ, выѣзжающимъ на этомъ «парадномъ конѣ теоріи происхожденія» (выраженіе Геккеля «Das Paradepferd des Descendenztheorie»).

Мы закончили бѣглый обзоръ содержанія этой въ высшей степени интересной книги, кромѣ послѣдней главы, которую приходится разсмотрѣть отдѣльно. Отъ внимательнаго читателя не ускользнуло, что приводимые Флейшманномъ доводы противъ господствующихъ трансформистскихъ представленій далеко не одинаковаго калибра, что отрицательное рѣшеніе имъ того или иного изъ затронутыхъ вопросовъ далеко не въ одинаковой мѣрѣ гибельны для теоріи трансформизма. Судите сами: тамъ, гдѣ авторъ критикуетъ генеалогію лошади или генеалогію нѣкоторыхъ прѣсноводныхъ улитокъ, онъ разсматриваетъ частные вопросы филогенетической зоологіи и, во имя болѣе критическаго отношенія къ данному матеріалу, выступаетъ противъ общераспространеннаго, можетъ быть и нѣсколько поверхностнаго, взгляда. Но вѣдь это очень обыкновенная исторія: всякій разъ, когда какая-нибудь общая идея должна быть приложена къ частному ряду фактовъ, одни изслѣдователи болѣе склонны къ схематизаціи, другіе же больше помнятъ требованія строгой научной критики. Такіе вопросы рѣшаются не «студентами всѣхъ факультетовъ», къ которымъ обращается авторъ въ своихъ лекціяхъ, а спеціалистами, имѣющими возможность непосредственно ознакомиться съ

---

*) *Онтогенезисомъ* или *онтогенетическимъ развитіемъ* называется исторія развитія животнаго изъ яйца до взрослаго состоянія. *Примѣч. ред.*

матеріаломъ и взвѣсить всѣ pro и contra. Уже теперь однимъ изъ результатовъ болѣе основательнаго изученія ископаемыхъ предковъ лошади явилось раздѣленіе ихъ на три семейства: Hyracotherinae, Palaeotherinae и собственно лошадей—Equinae. Пробѣлъ между послѣдними двумя группами по мнѣнію однихъ заполняется Merychippus'омъ, что, судя по строенію его зубовъ, довольно вѣроятно. Но если бы даже оказалось, что это заключеніе было слишкомъ поспѣшно, значитъ ли это что трансформизмъ потеряетъ право на существованіе? Будетъ ли этимъ доказано, что органическіе виды неизмѣнны, что они не способны реагировать на воздѣйствія внѣшняго міра и приспособляться въ своемъ строеніи и отправленіяхъ, давая этимъ самымъ начало новымъ формамъ? Авторъ нашъ самъ прекрасно понимаетъ, что однихъ только этихъ доводовъ мало, чтобы поколебать наши трансформистскія представленія.

Но не болѣе сокрушительными являются и тѣ доводы, которые основываются на отсутствіи связующихъ звеньевъ между классами, и между типами животнаго царства. Большинство изслѣдователей согласятся съ Флейшманомъ въ томъ, что эти вопросы о генетической связи между классами, а еще болѣе между типами, лежатъ за предѣлами точнаго излѣдованія уже по той простой причинѣ, что въ отложеніяхъ древнѣйшихъ геологическихъ эпохъ мы находимъ всѣ нынѣ существующіе типы и даже почти всѣ классы уже раздѣльными. Если когда либо и существовали переходныя формы, и если ихъ бренные останки вообще даже были способны къ окамѣненію, то и тогда эти остатки никогда не сдѣлаются намъ извѣстными, такъ какъ отложенія тѣхъ отдаленныхъ докембрійскихъ временъ подверглись кореннымъ измѣненіямъ подъ вліяніемъ горообразующихъ процессовъ и превратились въ кристалическіе сланцы, не содержащіе и слѣда организмовъ. А между тѣмъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что чѣмъ основательнѣе изучаются отдѣльныя группы, тѣмъ все дальше и дальше въ глубь временъ отодвигаются гипотетическія исходныя и переходныя формы; тѣмъ слабѣе и слабѣе становится возможность вывести одинъ классъ изъ другихъ извѣстныхъ намъ классовъ живыхъ или вымершихъ существъ; тѣмъ больше интереса возбуждаетъ явленіе «схожденія» признаковъ, которое на ряду съ «расхожденіемъ признаковъ» имѣло мѣсто въ исторіи органическаго развитія и которое заставляетъ насъ быть очень осторожными при утвержденіи общности происхожденія большихъ группъ. Но значитъ ли это, что трансформизмъ въ основѣ своей не вѣренъ? Утверждать это — все равно, что сказать: мы не въ состояніи вывести закономѣрности распредѣленія безчисленныхъ небесныхъ тѣлъ, образующихъ млечный путь, изъ закона тяготѣнія,—ergo: законъ тяготѣнія не вѣренъ. Флейшманъ, имѣющій претензіи на философскій образъ мыслей, понимаетъ нелогичность такого вывода и выработалъ себѣ поэтому болѣе общій доводъ,

заключающійся въ томъ, что размышленія о родствѣ органическихъ формъ вообще, выходятъ изъ предѣловъ эмпирическаго изслѣдованія и должны быть оставлены, какъ ненаучный пріемъ. Эта мысль обосновывается авторомъ въ послѣдней главѣ, называющейся «идея развитія и логическіе законы». Здѣсь оказывается, что авторъ «только изъ вѣжливости» занимался въ своей книгѣ разсмотрѣніемъ столькихъ частныхъ вопросовъ филогенезиса, дѣлая видъ, что объ этихъ вещахъ вообще можно серьезно говорить. Но въ заключительной 16-й главѣ авторъ не хочетъ больше считаться съ этимъ требованіемъ вѣжливости. Эта глава является сплошнымъ обвинительнымъ актомъ противъ всѣхъ приверженцевъ трансформистскихъ идей, будто бы попирающихъ ногами не только правила точнаго наблюденія природы, но и основные логическіе законы мышленія.

Познакомимся же вкратцѣ съ аргументаціей автора.

Прежде всего коренная ошибка заключается уже въ самомъ фактѣ перенесенія понятія о развитіи изъ области формально-логическихъ построеній идеалистическо-философской школы въ область реальныхъ явленій природы. Путемъ сопоставленія ряда цитатъ изъ Шеллинга и Гегеля авторъ выясняетъ, что и понятіе о развитіи носило въ системахъ этихъ мыслителей чисто идеалистическій характеръ. По Гегелю: «Метаморфоза свойственна только понятіямъ, какъ таковымъ и лишь измѣненіе ихъ эсть развитіе». Но естествоиспытатели, рѣдко обладающіе достаточнымъ философскимъ образованіемъ, придали этому понятію чисто реальное значеніе. Объясняется эта ошибка еще и тѣмъ, что естествоиспытатели имѣли предъ собой реальный процессъ послѣдовательныхъ измѣненій въ индивидуальной жизни,—процессъ, который они, за неимѣніемъ другого слова, также окрестили «развитіемъ». Тутъ-то они и попались, какъ воробьи на мякинѣ! Вѣдь, что общаго было между гегелевской метаморфозой понятій и «развитіемъ» цыпленка. Но разъ сдѣлавъ ошибку, естествоиспытатели очутились какъ бы на наклонной плоскости: дальнѣйшимъ «логическимъ» шагомъ на этой наклонной плоскости было перенесеніе понятія о развитіи изъ области явленій органическаго микрокосмоса на органическій макрокосмосъ. Но были ли и здѣсь на лицо какія-нибудь реальныя данныя, которыя въ первомъ случаѣ могутъ служить хотя бы нѣкоторымъ оправданіемъ? Разумѣется нѣтъ! Вѣдь никто не былъ свидѣтелемъ филетическаго развитія. И вотъ, чтобы оправдать этотъ ложный шагъ, естествоиспытатели впали въ раціонализмъ: развитіе органическаго міра *мыслимо*, говорятъ они, слѣдовательно оно въ дѣйствительности имѣло мѣсто. Стать на такую точку зрѣнія значитъ измѣнить самымъ основнымъ требованіямъ эмпирическаго изслѣдованія природы, продать свою душу дьяволу раціонализма, безраздѣльно владѣвшему умами ученыхъ въ XVII столѣтіи. Раціонализмъ—это антиподъ эмпиризма, это способъ мышленія, опирающійся на вѣру въ предъустановленную гармонію между

человѣческимъ разумомъ и внѣшнимъ міромъ явленій; для него возможнымъ является не то, что въ дѣйствительности наблюдается, а то, что мыслимо для нашего ума. «Но какъ же я могу мыслить превращеніе плавника въ пятипалую конечность»? спрашиваетъ Флейшманнъ. Все, что мы можемъ «мыслить», это переходъ родового понятія «рыба» въ родовое понятіе «земноводное», родового понятія «обезьяна» въ родовое понятіе, «человѣкъ». Эта мыслимость перехода относится только къ родовымъ понятіямъ, а не къ самимъ предметамъ, изъ которыхъ эти понятія выведены. Родовыя понятія, получающіяся всегда путемъ болѣе или менѣе односторонняго подчеркиванія однихъ признаковъ и пренебреженія другими, всегда абстрактны и тѣмъ бѣднѣе содержаніемъ, чѣмъ обширнѣе ихъ объемъ. При условности и шаткости родовыхъ понятій нѣтъ ничего удивительнаго, что путемъ нѣкоторыхъ логическихъ операцій, измѣняющихъ ихъ содержаніе, можно превращать одно родовое понятіе въ другое. Вотъ примѣръ такой логической операціи. Представьте себѣ обезьяну, у которой хвостъ сократился до невидимыхъ размѣровъ, которая не сгибаетъ своего тѣла, а держится прямо, гортань которой способна производить членораздѣльные звуки и мозгъ которой одаренъ высшими умственными способностями — и родовое понятіе «обезьяна» превратилось въ понятіе «человѣкъ». Какъ далеко однако отъ такой логической операціи до реальнаго филогенетическаго процесса!

Но развѣ намъ неизвѣстны цѣлые ряды формъ, связанные столь постепенными переходами, что въ ихъ кровномъ родствѣ невозможно сомнѣваться? Но что такое кровное родство? спрашиваетъ Флейшманнъ. Не есть ли и это фантомъ, плодъ недоразумѣнія? Понятіе о систематическомъ родствѣ органическихъ формъ имѣло первоначально чисто формально-логическое значеніе. О систематическомъ родствѣ извѣстныхъ животныхъ формъ, относящихся къ одной группѣ, можно говорить въ такомъ же смыслѣ, какъ о родствѣ формъ одной и той же системы кристалловъ. Бѣдность и недостаточная гибкость языка заставила систематиковъ употребить слово «родство» тамъ, гдѣ имѣлось въ виду сходство; этимъ словомъ обозначался лишь тотъ фактъ, что въ содержаніе понятій двухъ формъ входятъ нѣкоторые общіе элементы. Но Ламаркъ и Дарвинъ и тутъ попались въ просакъ: придавъ понятію родства слишкомъ реальный смыслъ, они стали говорить о «кровномъ родствѣ» организмовъ. Какъ въ первомъ случаѣ эмбріологія, такъ на этотъ разъ анатомія оказала большое содѣйствіе этой логической ошибкѣ. Изслѣдуя котятъ шести послѣдовательныхъ пометовъ одной матери и констатируя сходство въ ихъ анатомическомъ строеніи, мы говоримъ: всѣ кошки, состоящія въ кровномъ родствѣ, имѣютъ сходное анатомическое строеніе; онѣ обладаютъ такими-то и такими-то общими признаками. Дѣлая то же наблюденіе у множества другихъ формъ мы обобщаемъ его, говоря: всѣ животныя, состоящія въ кровномъ родствѣ,

обладаютъ общими анатомическими признаками. Путемъ небольшихъ стилистическихъ измѣненій мы незамѣтно приходимъ къ утвержденію: въ кровномъ родствѣ состоятъ такія животныя, которыя обладаютъ общими анатомическими признаками, или, наоборотъ, когда нѣсколько животныхъ формъ обладаютъ общими анатомическими признаками, то онѣ состоятъ въ кровномъ родствѣ между собой. Но при такой постановкѣ мы дѣлаемъ утвержденіе, котораго не можемъ доказать: вѣдь должны же мы сознаться, что мы никогда не будемъ въ состояніи рѣшить даже такую задачу, какъ, напримѣръ, констатированіе факта кровнаго родства между двадцатью тиграми, пойманными на волѣ! Если даже такая проблема лежитъ за предѣлами эмпирическаго изслѣдованія, то тѣмъ болѣе это слѣдуетъ признать по отношенію къ кровному родству между органическими видами.

Дальше мы не послѣдуемъ за нашимъ авторомъ, читателю выяснилась его точка зрѣнія: полное отрицаніе приложимости дедуктивнаго метода къ естествознанію. Даже такого обобщенія, которое, какъ напримѣръ, идея параллелизма между анатомическимъ сходствомъ съ одной стороны и кровнымъ родствомъ съ другой, основывается на такихъ многочисленныхъ наблюденіяхъ, мы не можемъ примѣнять къ новому случаю безъ предварительнаго наблюденія. Ближайшимъ логическимъ выводомъ было бы разумѣется отрицаніе кровнаго родства особей одного и того же вида, но тутъ нашъ авторъ измѣняетъ своей ультраэмпирической точкѣ зрѣнія и на стр. 269 рѣшительно заявляетъ, что такъ далеко онъ и самъ не идетъ. Примѣръ съ тиграми былъ цитированъ только для назидательности. Итакъ «духъ отрицанья, духъ сомнѣнья» перевалилъ за кульминаціонный пунктъ; дальше уже идетъ область оговорокъ, ограниченій, уступокъ, признаній. Авторъ признается, что онъ не противникъ гипотезъ вообще, но что онъ считаетъ ихъ большимъ, хотя и неизбѣжнымъ зломъ, которое приходится терпѣть, чтобы запасаться новыми идеями, но что значеніе ихъ для науки совершенно ничтожно и т. д. Мы не станемъ здѣсь подробно разсматривать этого стараго спора о фактахъ и теоріяхъ, о томъ, что изъ двухъ важнѣе. Все, что можно сказать объ этомъ уже сказано и пересказано. Гораздо интереснѣе для насъ отмѣтить вообще самый фактъ появленія такого теченія, такой ультра-эмпирической реакціи, и попытаться отвѣтить на невольно поднимающіеся вопросы: чѣмъ объясняется такой фактъ и не представляетъ ли онъ хотя и слишкомъ односторонней, но въ основѣ своей правильной попытки дать отпоръ слишкомъ ужъ шаблонному примѣненію трансформистскихъ идей, подчасъ покупающему широту научно-философской конструкціи цѣною пренебреженія требованіями научной критики. Это тѣмъ болѣе необходимо въ виду того, что на этотъ разъ попытка исходитъ не изъ лагеря закоренѣлыхъ противниковъ дарвинизма, а отъ человѣка, который самъ принадлежалъ нѣкогда къ «восторженнымъ послѣдователямъ» эволюціоннаго ученія и опубликовалъ рядъ работъ

по исторіи развитія, стоящихъ вполнѣ на почвѣ трансформизма. Лишь зимой 1891 — 1892 года Флейшманъ впервые заявилъ въ публичной лекціи о своемъ «отпаденіи». Къ сожалѣнію мы не можемъ удовлетвориться тѣмъ простымъ объясненіемъ, которое даетъ этому факту Геккель, находящій причинную связь между этимъ «обращеніемъ» Флейшмана и приглашеніемъ его на каѳедру зоологіи въ «благочестивый» Эрлангенскій университетъ. Мы можемъ только сожалѣть о проявленіи такихъ пріемовъ критики въ научной сферѣ. Удовлетвориться такимъ «объясненіемъ», значитъ—отказаться отъ анализа фактическихъ доводовъ pro и contra, отъ критическаго сопоставленія двухъ столь діаметрально противоположныхъ точекъ зрѣнія; а между тѣмъ такое сопоставленіе бросаетъ свѣтъ на цѣлую эпоху въ исторіи нашей біологической науки, какъ я и попытаюсь показать въ послѣдующемъ.

Гдѣ же въ данномъ случаѣ та altera pars, на фонѣ которой только и становятся понятными разсужденія отщепенца Флейшманна? Читатель, нѣсколько знакомый съ біологической литературой уже догадался, кто такой эта altera pars; это—*Эрнстъ Геккель и его школа*.

Размѣры настоящей статьи не допускаютъ подробнаго разсмотрѣнія ученія Геккеля во всемъ его объемѣ. Да и къ тому же сочиненія Геккеля, особенно популярныя, пользуются такимъ широкимъ распространеніемъ, что излагать общія основы его ученія едва ли нужно *). Для рѣшенія поставленнаго здѣсь вопроса намъ необходимо уяснить себѣ лишь одну сторону ученій Геккеля, а именно: каково въ немъ количественное отношеніе между эмпирической и спекулятивной стороной, въ какой мѣрѣ основываются многочисленныя теоріи Геккеля на данныхъ непосредственнаго наблюденія. Это тѣмъ болѣе необходимо сдѣлать, что въ нѣмецкомъ ученомъ мірѣ установилось довольно странное отношеніе къ теоретическимъ частямъ Геккелевскаго ученія: въ то время, какъ одни совершенно игнорируютъ ихъ, другіе безраздѣльно и безъ критики принимаютъ ихъ за основу своего научнаго міросозерцанія. Чтобы понять эти крайности и оцѣнить ихъ происхожденіе, необходимо разсмотрѣть личность и научно-литературную дѣятельность Геккеля въ историческомъ освѣщеніи, т.-е. въ связи съ тѣми научными теченіями, которыя имѣли мѣсто до него и съ тѣмъ историческимъ моментомъ, когда онъ выступилъ на свое литературное поприще.

Всякій, кто сколько-нибудь знакомъ съ исторіей возникновенія и развитія трансформистскихъ ученій, знаетъ, что идеи о развитіи органическихъ видовъ проникли въ біологію съ двухъ совершенно различныхъ сторонъ. Въ обзорахъ до-дарвинскаго періода обыкновенно при-

*) На русскомъ языкѣ въ самое послѣднее время изданы: «Современное состояніе нашихъ знаній о филогенетическомъ развитіи человѣка». Переводъ В. Вихерскаго. Спб. 1899. «Трансформизмъ и дарвинизмъ». Популярное изложеніе общаго ученія о развитіи. «Міръ Божій» за 1900 г.

водятся Гёте, Тревиранусъ, Океиъ и Ламаркъ, какъ предшественники Дарвина. Но если вникнуть внимательнѣе въ сущность ученій этихъ предшественниковъ Дарвина, то намъ выясняется, что у всѣхъ у нихъ ни исходныя точки, ни методы изслѣдованія ничего общаго не имѣютъ съ дарвиновскими. Исходной точкой ихъ трансформистскихъ представленій было исканіе цѣльной и стройной картины міра, исканіе единой неизмѣнной сущности въ калейдоскопѣ смѣняющихся формъ видимаго и мыслимаго міра. Они исходили изъ общей идеи и, въ зависимости отъ большаго или меньшаго знакомства съ частными данными различныхъ дисциплинъ, старались приложить эту общую идею къ тому или иному частному ряду фактовъ. Многіе біологи, искавшіе у Гёте корней нашихъ эволюціонистскихъ идей, единогласно приходятъ къ тому заключенію, что у Гете идея эволюціи была не результатомъ эмпирическаго изслѣдованія, а формально-логической дедукціей, вращавшейся въ области отвлеченныхъ понятій. Правда, его «Метаморфозъ растеній» былъ попыткой перенести эту общую идею на область реальныхъ явленій; но перенесеніе это имѣло лишь то значеніе, что нѣкоторыя реальныя образованія соотвѣтствовали отдѣльнымъ стадіямъ логическаго процесса развитія, которому подвергалось понятіе «листъ». Какова связь между этими реальными представителями отдѣльныхъ этаповъ въ развитіи отвлеченнаго понятія,—это не подвергалось изслѣдованію *). Для Гете было достаточно найти въ мірѣ реальныхъ явленій нѣкоторое подтвержденіе той общей идеи, которою онъ пытался охватить весь мыслимый міръ и которая была для него скорѣе удовлетвореніемъ религіозно-эстетической, чѣмъ познавательной потребности. Тотъ же характеръ носили и его занятія остеологіей, результатами которыхъ явились: открытіе промежуточной челюсти у человѣка и позвоночная теорія черепа. И здѣсь Гете искалъ только подтвержденія своего a priori выработаннаго представленія — чисто абстрактнаго «первичнаго типа» животнаго.

Не болѣе реальный характеръ носятъ эволюціонистскія представленія Окена. Чтобы избѣгнуть неправильнаго взгляда на характеръ океновскаго эволюціонизма, стоитъ только вспомнить одинъ фактъ, подчеркнутый Арнольдомъ Лангомъ **) въ его статьѣ объ Океиѣ. Океиъ признавалъ безусловное постоянство, неизмѣняемость органическихъ видовъ. Но, скажутъ, вѣдь, Океиъ одинъ изъ первыхъ обратилъ вниманіе на біогенетическій законъ, на параллелизмъ между онтогенезисомъ и филогенезисомъ. Совершенно вѣрно. Но посмотримъ, какъ истолковалъ онъ этотъ параллелизмъ и какимъ образомъ воспользовался имъ для построенія своей «генетической» системы животнаго царства. Изъ того факта, что въ послѣдовательныхъ стадіяхъ эмбріо-

*) Cp. Haberlandt. «Über Erklärung in der Biologie». Graz. 1900.
**) Arnold Lang. «Lorenz Oken». «In der allg. deutschen Biographie».

нальнаго развитія высшихъ животныхъ повторяются состоянія организаціи, соотвѣтствующія ниже стоящимъ классамъ, онъ сдѣлалъ довольно неожиданный выводъ, что весь животный міръ представляетъ собою не что иное, какъ разобранное на части животное тѣло, органы котораго въ болѣе или менѣе совершенной комбинаціи ведутъ самостоятельную жизнь. Соотвѣтственно этому, одинъ типъ животной организаціи состоитъ изъ животныхъ, обладающихъ только желудкомъ — это полипы, у другихъ, какъ, напр., у раковинъ, къ желудку прибавляется еще печень, у улитокъ еще и слюнныя железы, далѣе членистыя ноги—у раковъ, кости—у рыбъ и т. д. На высшей ступени совершенства и сложности стоитъ человѣкъ и весь животный міръ по Окену лишь расчлененный по частямъ человѣкъ. Весь органическій міръ представляетъ собою одну лѣстницу изъ послѣдовательныхъ ступеней. Для того, чтобы образовался человѣкъ, необходимо, чтобы всѣ условія, при которыхъ вообще возникаютъ организмы, были на лицо въ самомъ совершеннѣйшемъ видѣ; при отсутствіи тѣхъ или иныхъ важныхъ элементовъ, возникаетъ лишь ниже стоящее животное, или даже только растеніе. Какъ и всѣ другіе органы, такъ и органы чувствъ возникаютъ поодиночкѣ, въ все большемъ и большемъ числѣ, чѣмъ выше классъ. Вотъ почему Окенъ классифицируетъ животное царство по органамъ чувствъ на 1. Осязающихъ (простѣйшія, полипы, улитки и насѣкомыя). 2. Язычныхъ (рыбы). 3. Носовыхъ (земноводныя). 4. Ушныхъ (птицы) и 5. Глазныхъ (млекопитающія). Нѣтъ возможности останавливаться здѣсь на образцахъ океновской натурфилософіи. Для насъ важно лишь вынести убѣжденіе въ томъ, что система Окена ничего общаго не имѣетъ съ результатами эмпирическаго изслѣдованія, что характеръ мышленія и изложенія у Окена чисто догматическій, доходившій до полнаго отрицанія фактическихъ наблюденій, если только они шли въ разрѣзъ съ его философской конструкціей *).

Кто знакомъ съ книгой Дарвина «О происхожденіи видовъ» и съ характеромъ всей научной работы его, знаетъ какая пропасть отдѣляетъ его отъ этихъ нѣмецкихъ предшественниковъ. Строго эмпирическій характеръ его изслѣдованія, осторожность въ выводахъ, доходящее почти до мелочности стремленіе доказать каждую посылку—все это такія общеизвѣстныя черты, характеризующія научную работу Дарвина, что распространяться здѣсь о нихъ нѣтъ надобности. Какъ мало воспользовался Дарвинъ духовнымъ наслѣдіемъ главы французскихъ трансформистовъ, доказываетъ отзывъ Дарвина о «Зоологиче-

---

*) Общая оцѣнка дѣятельности Окена не входитъ въ задачу настоящей статьи, но во избѣжаніе недоразумѣній слѣдуетъ замѣтить здѣсь, что Окенъ оказалъ огромную услугу дѣлу популяризаціи естествознанія—и какъ талантливый лекторъ, къ которому въ Іенѣ и въ Цюрихѣ стекалась масса слушателей, и какъ плодовитый писатель популяризаторъ, и какъ редакторъ журнала «Isis», и какъ иниціаторъ съѣздовъ нѣмецкихъ естествоиспытателей и врачей.

ской философіи» Ламарка, какъ о «жалкой» книгѣ! «Жалкій»—это самое сильное слово въ лексиконѣ добряка-Дарвина.

Дарвинъ, которому были чужды споры о пріоритетѣ, къ сожалѣнію, такъ часто позорившіе науку, который всѣми силами старался выдвинуть заслуги своихъ предшественниковъ и сотрудниковъ, Дарвинъ не могъ бы дать такого отзыва о книгѣ, автору которой онъ былъ бы обязанъ хотя бы одною мыслью.

Всякій кто читалъ «Зоологическую Философію» пойметъ почему эмпирикъ-Дарвинъ не могъ ничего найти въ ней. Самъ Martin, біографъ Ламарка, много содѣйствовавшій его реабилитаціи, говоритъ, что, «стараясь убѣдить не столько положительными фактами, сколько умозаключеніями, Ламаркъ шелъ по ложному пути нѣмецкихъ натурфилософовъ Гете, Окена, Каруса, Стеффена».

Мы видимъ, такимъ образомъ, что трансформизмъ Дарвина возникъ на совершенно иной, эмпирической почвѣ и ставилъ совсѣмъ иначе вопросъ. Въ то время, какъ у всѣхъ предшественниковъ Дарвина генетическая система животнаго міра строилась сверху внизъ, Дарвинъ приступилъ къ дѣлу съ противоположнаго конца: онъ началъ съ послѣднихъ таксономическихъ единицъ, съ органическихъ видовъ. Всѣ его предшественники исходили изъ того, что:

Alle Gestalten sind ähnlich, und keine gleichet der Andern;
Und so deutet das Chor auf ein geheimes Gesetz,
Auf ein heiliges Rätsel. O, könnt ich dir, lieblihe Freundin,
Ueberlifern sogleich glücklich das lösende Wort!

И всякій по своему пытался отыскать этотъ «тайный законъ», отгадать «священную загадку», найти это волшебное слово, которое бы сразу дало отвѣтъ, приложимый *ко всему цѣлому*. Широкая постановка вопроса была обратно пропорціональна наличному запасу эмпирическихъ наблюденій. Поэтому же съ самаго начала вопросъ переносился въ область чистой спекуляціи.

Дарвинъ, непричастный къ какой бы то ни было натурфилософской школѣ, свободный отъ предвзятыхъ идей общаго характера, вѣрилъ въ независимое сотвореніе и неизмѣняемость видовъ, пока прямое наблюденіе не познакомило его съ рядомъ частныхъ фактовъ, трудно согласимыхъ съ этимъ воззрѣніемъ. Онъ подвергнулъ это старое воззрѣніе основательной критикѣ, опять таки не выходившей изъ предѣловъ міра реальныхъ явленій (измѣняемость домашнихъ животныхъ), и нашелъ, что старый взглядъ недостаточно обоснованъ, чтобъ поколебать множество доводовъ, приведенныхъ въ пользу новаго. Но если съ одной стороны эмпирическій методъ у Дарвина одержалъ полную побѣду надъ спекулятивнымъ, то съ другой стороны и область приложенія всей идеи была значительно сужена: пока что рѣчь шла только о низшихъ таксонологическихъ группахъ, *о происхожденіи видовъ*. Фундаментъ былъ заложенъ прочно; но хватитъ ли матеріала, чтобъ

довести зданіе до конца? Неполнота геологической лѣтописи—это такой очевидный и такой фатальный фактъ, что стоитъ только постоянно помнить о немъ, чтобы проникнуться убѣжденіемъ, что болѣе или менѣе наглядно иллюстрировать возможность переходовъ удастся только въ предѣлахъ меньшихъ группъ: видовъ, родовъ. Уже между отрядами часто трудно найти переходы, а задача сведенія всѣхъ отрядовъ класса и всѣхъ классовъ типа къ одной общей формѣ должна считаться неразрѣшимой. Но теряетъ ли отъ этого трансформистская идея свою убѣдительность? По нашему мнѣнію, нисколько. Вѣдь основная сущность идеи трансформизма, эмпирически обоснованной Дарвиномъ, заключается въ томъ, что сложная цѣпь взаимодѣйствій между организмами и жизненными условіями, суммируясь въ теченіе достаточно долгаго времени, способна произвести столь крупныя перемѣны въ строеніи и отправленіяхъ данныхъ организмовъ, что отдаленные потомки первичныхъ особей должны быть отнесены, согласно нашей классификаціи, уже къ новому виду. Новый видъ не создается внезапно, а возникаетъ постепенно изъ раньше существовавшаго.

Это есть собственно актуализмъ, перенесенный въ область органическихъ формъ. Въ геологіи эта идея актуализма, положившая конецъ теоріи катастрофъ Кювье, была обоснована еще за 30 лѣтъ до появленія книги Дарвина Ляйеллемъ и Гоффомъ.

Воспитательное вліяніе актуализма лежитъ въ томъ, что цѣлая область явленій подводится подъ общій законъ причинности, освобождается отъ признанія безконтрольнаго вмѣшательства сверхъ-естественныхъ творческихъ силъ. Только въ этомъ смыслѣ нужно понимать Геккеля, если онъ говоритъ: «Благодаря Дарвину, мы пришли къ убѣжденію о единствѣ органической и неорганической природы». Но это воспитательное вліяніе актуализма гораздо больше зависитъ отъ очевидности его индуктивнаго обоснованія, чѣмъ отъ размѣровъ области его дедуктивной приложимости. Не имѣя логически предѣловъ приложимости, онъ практически наталкивается на таковые въ каждой отдѣльной области явленій.

Въ послѣдней лекціи своей «Естественной исторіи творенія» (Natürliche Schöpfungsgeschichte) Геккель, говоря о генеалогіи человѣческаго рода указываетъ на методологически очень важную сторону всякихъ вопросовъ филогенезиса. Онъ говоритъ: «Здѣсь, какъ при всѣхъ изслѣдованіяхъ объ генеалогическихъ отношеніяхъ организмовъ, вы должны отличать общую теорію происхожденія (Descendenz-Theorie) отъ частной гипотезы происхожденія (Descendenz-Hypothese). Общая теорія происхожденія останется въ силѣ навсегда и во всемъ объемѣ, такъ какъ она обосновывается индуктивно всѣми выше поименованными группами біологическихъ явленій и ихъ внутренней причинной связью. Напротивъ вѣрность всякой частной гипотезы происхожденія (десценденцъ-гипотезы) зависитъ отъ состоянія біологическихъ знаній

даннаго времени и отъ объема того объективнаго эмпирическаго основанія, на которомъ мы дедуктивно строимъ эту гипотезу путемъ субъективныхъ заключеній.

Можно было бы вполнѣ согласиться съ этимъ, если бы не нѣкоторая неясность въ опредѣленіи того, что такое Descendenz-Theorie, ученіе о происхожденіи. Такъ на стр. 7-й «Трансформизма и дарвинизма» Геккель называетъ теорію Дарвина ученіемъ объ измѣняемости видовъ, но тутъ же прибавляетъ: «Это ученіе утверждаетъ, что всѣ различные организмы происходятъ отъ одной или, по крайней мѣрѣ, отъ очень немногихъ чрезвычайно простыхъ формъ». Это не совсѣмъ вѣрно. Оставаясь на почвѣ логики, мы можемъ считать индуктивно обоснованнымъ только трансформизмъ въ тѣсномъ смыслѣ слова, т. е. измѣняемость органическихъ формъ. Приложеніе же этого общаго принципа трансформизма «къ выработкѣ того, что Геккель называетъ филогеніей т.-е. родословныхъ линій всѣхъ органическихъ существъ». *) мы должны разсматривать какъ дедуктивную «гипотезу происхожденія», которая въ зависимости отъ будущихъ палеонтологическихъ открытій можетъ получить то или иное толкованіе и которая *въ полномъ объемѣ* никогда не можетъ быть доказана. Въ самомъ дѣлѣ: происхожденіе человѣка отъ обезьянъ есть дедуктивное положеніе, вытекающее изъ индуктивно обоснованнаго положенія о трансформизмѣ. Вотъ почему и по мнѣнію самого Геккеля его «питекоидная теорія» пытающаяся ближе опредѣлить родословное дерево рода «Homo», есть только гипотеза, долженствующая точнѣе разъяснить это вполнѣ допустимое дедуктивное положеніе. Въ зависимости отъ обилія палентологическаго матеріала эта гипотеза будетъ измѣняться въ своемъ содержаніи и приближаться къ дѣйствительности. То же самое слѣдуетъ сказать и о родословномъ деревѣ всего органическаго міра. На основаніи индуктивнаго положенія объ измѣняемости органическихъ формъ можно высказать дедуктивное предположеніе, что всѣ формы нынѣ, населяющія землю и нѣкогда населявшія ее, произошли путемъ постепенныхъ измѣненій отъ одной или нѣсколькихъ прародительскихъ формъ. Это дедуктивное положеніе находитъ себѣ подтвержденіе въ данныхъ палеонтологіи, сравнительной анатоміи, эмбріологіи и въ географіи растеній и животныхъ. Но всякая попытка развить дальше это дедуктивное положеніе и выяснить дѣйствительный путь, по которому шла эволюція органическаго міра, т.-е. построить родословное древо его, должна считаться такою же частной десценденцъ—гипотезой, какою считаетъ Геккель филогенію человѣческаго рода. То обстоятельство, что эта гипотеза, охватываетъ цѣлый органическій міръ, не должно вводить насъ въ заблужденіе относительно того факта, что по своей логической цѣнности она все-

*) Въ ковычкахъ слова Дарвина. Ср. «Происхожденіе видовъ». Русск. изд. М. Филиппова. Стр. 481.

таки представляетъ только частное примѣненіе общаго принципа трансформизма.

На какомъ же пути долженъ былъ новый трансформизмъ искать себѣ подтвержденія: на пути дальнѣйшаго изслѣдованія тѣхъ эмпирическихъ данныхъ, которыя послужили для его индуктивнаго обоснованія, или на пути построенія все большаго числа дедуктивныхъ частныхъ десцендентъ-гипотезъ?

Современная общая біологія пошла по первому пути, Геккель со своей филогенетической школой—по второму. Что Геккель долженъ былъ избрать именно этотъ путь, это становится яснымъ для насъ, если мы присмотримся къ его личности, къ тому Геккелю, котораго намъ рисуетъ его талантливый біографъ Бельше. Молодой двадцатипятилѣтній Геккель, художникъ по натурѣ, воспитанный на Гете, стремившійся обнять весь міръ однимъ цѣльнымъ міросозерцаніемъ, не могъ найти удовлетворенія въ «трезвомъ эмпиризмѣ», столь характерномъ для естествознанія первой половины XIX столѣтія. Но натурфилософія въ духѣ Окена и Шеллинга потерпѣла слишкомъ позорное фіаско, чтобы Геккель, выросшій въ школѣ Іоганнеса Мюллера, могъ искать удовлетворенія и въ чистой натурфилософіи. Онъ находится въ поискахъ за научнымъ идеаломъ, въ борьбѣ за научное міросозерцаніе. Нѣкоторое удовлетвореніе даетъ ему тотъ міръ волшебной красоты, изученію которой онъ посвятилъ себя съ самаго начала—пелагическая фауна моря—радіоляріи, медузы, сифонофоры. Но, удовлетворяя эстетическую потребность, этотъ міръ волшебныхъ формъ съ другой стороны является источникомъ безчисленныхъ вопросовъ: почему? какъ? зачѣмъ? И вдругъ, подобно грому, раздается вѣсть о появленіи книги Дарвина «О происхожденіи видовъ».

Съ чисто пророческимъ жаромъ и самоотверженіемъ Геккель выступилъ на защиту этого новаго ученія, въ которомъ онъ нашелъ удовлетвореніе и отвѣтъ на терзавшіе его вопросы, которое открыло ему глаза на истинный смыслъ его науки. При первомъ же своемъ выступленіи на съѣздѣ естествоиспытателей Геккель рѣшительно заявляетъ: Дарвинъ—это міросозерцаніе!

Но не слишкомъ ли узки тѣ рамки, въ которыя Дарвинъ вдвинулъ свое ученіе? Не необходимо ли раздвинуть ихъ и набросать стройную картину развитія всего органическаго міра, отъ первичныхъ безъядерныхъ монеръ до вѣнца творенія—человѣка включительно? Этой задачѣ Геккель посвятилъ большую часть своихъ силъ. Если мы оставимъ въ сторонѣ его спеціальныя изслѣдованія, являющіяся огромнымъ вкладомъ въ зоологическую науку, и обратимся къ тѣмъ его сочиненіямъ, которыя, расходясь въ десяткахъ тысячъ экземпляровъ по всему цивилизованному міру, собственно и сдѣлали его имя такимъ популярнымъ, мы увидимъ, что они почти цѣликомъ посвящены разработкѣ формально генеалогическихъ вопросовъ, филогенетическихъ проблемъ,

обнимающихъ большіе или меньшіе группы органическаго міра. Введенный имъ въ зоологію пріемъ построенія родословныхъ деревъ былъ очень нагляденъ, но не мало содѣйствовалъ распространенію очень поверхностнаго взгляда на столь трудныя научныя проблемы, какими являются проблемы филогенезиса. Въ самомъ дѣлѣ, всякое родословное дерево имѣло смыслъ лишь при нѣкоторой законченности. Но многія промежуточныя формы, необходимыя для заполненія пробѣловъ, были еще не найдены и вотъ творческая фантазія являлась на помощь: гипотетическія промежуточныя формы цѣлыми десятками вносились въ генеалогическія схемы и счастливо заполняли самые роковые пробѣлы.

Не трудно убѣдиться въ томъ, что широкое примѣненіе этого способа являлось въ сущности въ значительной степени возвратомъ къ старому спекулятивному трансформизму. Правда, Геккель исходилъ изъ данныхъ новаго, эмпирическаго трансформизма. Но поставленная цѣль была несоизмѣрима не только съ наличнымъ запасомъ знанія того времени, но и съ размѣрами достижимаго вообще, какъ мы уже видѣли выше; а это роковымъ образомъ вело къ спекулятивнымъ пріемамъ. И вотъ въ результатѣ получилось вполнѣ охарактеризованное ученіе— «геккелизмъ», составляющій синтезъ стараго спекулятивнаго трансформизма съ новымъ, эмпирическимъ. Намѣтимъ кратко тѣ черты, въ которыхъ геккелизмъ сходится съ старымъ спекулятивнымъ трансформизмомъ.

Прежде всего заслуживаетъ вниманія тотъ фактъ, что Геккель самъ призналъ свое духовное родство съ эволюціонистами старой школы: онъ первый выдвинулъ Гете и Окена, какъ предшественниковъ Дарвина, придавъ ихъ натурфилософскимъ конструкціямъ слишкомъ реальное значеніе.

Вторымъ признакомъ геккелизма, приближающимъ его къ старой школѣ, является то обстоятельство, что у Геккеля трансформизмъ не есть законченное въ себѣ ученіе, касающееся нѣкоторой части природы, какъ, напримѣръ, у Дарвина, а только часть цѣлой картины міра, часть его системы монистической философіи. Уже съ самаго перваго шага ему пришлось поэтому заняться детальной разработкой такихъ вопросовъ, какихъ самъ Дарвинъ даже не коснулся и которые ничего общаго не имѣютъ съ эмпирическимъ трансформизмомъ послѣдняго: вопроса о началѣ органической жизни на землѣ, о происхожденіи психическихъ явленій и др. Являясь частью цѣлой философской системы, трансформизмъ Геккеля долженъ былъ вылиться въ форму немногихъ, точно формулированныхъ общихъ положеній. Но по нашему мнѣнію, позволительно еще поставить предварительный вопросъ: возможно ли при настоящемъ состояніи нашихъ знаній формулировать представленія объ эволюціи органическаго міра въ немногихъ общихъ положеніяхъ, которыми бы исчерпывался вопросъ. Мы сомнѣваемся въ этомъ и думаемъ, что еще много общихъ законовъ развитія можетъ быть установлено чисто индуктивнымъ путемъ.

Но въ чрезмѣрномъ примѣненіи дедуктивнаго метода и лежитъ дальнѣйшій недостатокъ ученій Геккеля, также приближающій его къ натурфилософамъ. Вчитываясь въ теоретическія сочиненія Геккеля мы съ изумленіемъ видимъ, что все зданіе его ученія, за исключеніемъ двухъ-трехъ индуктивныхъ положеній, построено на дедукціи. Но бѣда никогда не приходитъ одна и у Геккеля дедукція имѣетъ двухъ спутниковъ—раціонализмъ и догматизмъ. Рѣзко выступая во имя знанія противъ всякой вѣры, онъ въ сущности самъ глубоко вѣрующая натура—и какъ это часто бываетъ—крайне нетерпимая въ своей вѣрѣ.

Какъ ни странно это звучитъ, но именно эти недостатки помогли Геккелю сыграть огромную и важную роль въ дѣлѣ популяризаціи идей трансформизма. Чтобъ провести въ массу образованной публики, изъ которой, вѣдь, въ концѣ концовъ, рекрутируются и контингентъ научныхъ работниковъ, основныя идеи трансформизма, нужно было наряду со множествомъ выдающихся качествъ Геккеля обладать и всѣми его недостатками. Безъ этого нѣсколько вольнаго обращенія съ фактами Геккель не могъ бы развернуть передъ образованнымъ міромъ той увлекательной картины органическаго міра, которая привлекла столько умовъ къ вопросамъ эволюціи. Кто изъ начинающихъ естественниковъ всѣхъ странъ не испыталъ на себѣ чарующаго вліянія его «естественной исторіи творенія». Безъ этой глубокой вѣры онъ не могъ бы съ такимъ самоотверженіемъ защищать новую идею противъ старыхъ «хозяевъ исторической сцены», не охотно уступавшихъ позицію. А самоотверженіе—самый лучшій проводникъ гонимыхъ идей.

Но Геккель впалъ въ поразительную односторонность. Какъ совершенно справедливо замѣчаетъ Паульсенъ, Геккелю выпало на долю рѣдкое счастье: онъ нашелъ въ одной идеѣ рѣшеніе всѣхъ вопросовъ, избавленіе отъ всего «милліона терзаній». Ослѣпленный своей глубокой вѣрой, онъ не можетъ понять, какъ могутъ другіе искать еще другихъ объясненій кромѣ того, которое вполнѣ удовлетворило его. И непоколебимый никакими доводами, онъ продолжалъ развивать свой догматическій монизмъ и свой шаблонно - филогенетическій методъ. Вся несостоятельность его философіи особенно ярко выразилась въ его послѣднемъ сочиненіи «Міровыя загадки», шаблонность же его филогенетическаго метода достигла своего максимума въ его новой трехтомной «Систематической филогеніи»—сочиненіи разсчитанномъ уже не на большую публику, а на спеціалистовъ - естествоиспытателей, и содержащемъ несомнѣнно множество хорошихъ мыслей. Чтобы не быть голословными мы приведемъ лишь одно мѣсто изъ третьяго тома «Систематической филогеніи» стр. 619. Здѣсь слѣдующимъ образомъ формулируются основныя положенія исторіи развитія человѣка, истинность которыхъ, по мнѣнію автора, не нуждается въ дальнѣйшемъ доказательствѣ для всякаго приверженца основнаго біогенетическаго закона.

1. «Простыя свойства яйцевой клѣтки человѣка доказываютъ протистовую природу древнѣйшихъ предковъ человѣка.

2. «Образованіе обоихъ первичныхъ зародошевыхъ листовъ доказываетъ наше происхожденіе отъ Гастрэадъ.

3. «Стадія кружкообразнаго зачатка съ спинномозговой трубкой, желудочнымъ желобомъ, спинной струной и мезодэрмальными пластинками (такъ называемая стадія Хордула) доказываетъ, что предками человѣка были безпозвоночныя прохордоніи т.-е. черви.

4. «Слѣдующая стадія, такъ называемая спондула или вертебрелла, во время которой совершается раздѣленіе мезодэрмы на первичные позвонки и боковыя пластинки, доказываетъ, что человѣкъ первоначально происходитъ отъ безчерепныхъ (Acrania).

5. «Форма зародыша человѣка послѣ 21-дневнаго развитія, имѣющая въ длину около 5 mm., особенно важна: зародышъ уже обладаетъ зачатками трехъ первичныхъ мозговыхъ пузырьковъ, трехъ высшихъ органовъ чувствъ, жаберныхъ щелей и сердца, однако нѣтъ еще и слѣда конечностей.

«Мы можемъ изъ этого заключить о соотвѣтственной формѣ предковъ изъ класса циклостомъ.

6. «На слѣдующей стадіи показываются уже пять вторичныхъ мозговыхъ пузырьковъ, а также двѣ пары плавникообразныхъ конечностей: этимъ доказывается существованіе ряда (силурійскихъ) прародительскихъ формъ изъ класса рыбъ (селахій).

7. «Такъ какъ на слѣдующей стадіи развиваются легкія, между тѣмъ какъ жабры еще продолжаютъ существовать, то мы заключаемъ о соотвѣтственной (девонской) ступени предковъ изъ класса двоякодышащихъ (т.-е. легочныхъ рыбъ).

8. «По прошествіи перваго мѣсяца у человѣческаго зародыша начинаютъ закрываться жаберные щели и показываются зачатки пяти пальцевъ руки и ноги; зародышъ соотвѣтствуетъ на этой стадіи ряду предковъ изъ класса земноводныхъ (стегоцефала каменноугольнаго періода).

9. «Образованіе зародышевыхъ оболочекъ (амніонъ и хоріонъ), а также выростаніе аллантоиса и его дыхательныхъ кровяныхъ сосудовъ происходитъ у человѣка точно такимъ же образомъ, какъ у всѣхъ остальныхъ амніотъ; а такъ какъ мы для всей этой группы должны предположить монофилетическое происхожденіе, то изъ этого вытекаетъ существованіе (пермской) прародительской формы изъ группы Прорептилій.

10. «На слѣдующей стадіи человѣческій зародышъ пріобрѣтаетъ уже отличительныя черты класса млекопитающихъ; эта стадія повторяетъ ступень тріасовыхъ однопроходныхъ предковъ.

«На слѣдующихъ стадіяхъ человѣческій зародышъ проходитъ ступени сумчачатыхъ, первичныхъ плацентовыхъ полуобязьянъ, настоящихъ обезьянъ и наконецъ человѣкоподобныхъ обезьянъ!»

Мы можемъ воздержаться отъ дальнѣйшихъ комментаріевъ, предоставляя читателю самому судить о смѣлости и бездоказательности утвержденій, заключающихся въ этихъ десяти догматахъ филогенетической вѣры. Что поразительнѣе всего—это тонъ, по которому непосвященный могъ бы заключить, что здѣсь сообщаются голые факты. А книга-то написана для «посвященныхъ»!

Впрочемъ, какъ мало Геккель вообще уясняетъ себѣ разницу между фактомъ, теоріей, гипотезей и т. д., доказываетъ слѣдующее мѣсто изъ одного его доклада, прочитаннаго опять-таки не передъ «образованными неучами» а передъ международнымъ конгрессомъ зоологовъ

въ Кембриджѣ: *) «Мы можемъ теперь сказать съ полнымъ правомъ: происхожденіе человѣка отъ вымершей третичной цѣпи приматовъ (цѣпи обезьянъ) уже не шаткая гипотеза, а *историческій фактъ. Конечно, этого факта нельзя точно доказать*» и т. д.

Нужно ли удивляться тому, что эти послѣднія его сочиненія вызвали энергическій протестъ прежде всего со стороны философовъ, какъ Паульсенъ, Ремке, Адикесъ, Генигсвальдъ **) и др., доказавшихъ въ цѣломъ рядѣ полемическихъ статей, что «собственная» «монистическая» философія Геккеля, которую онъ навязываетъ публикѣ, какъ послѣднее слово «истинной» философіи, опирающейся на «точныя данныя» науки, представляетъ собою довольно жалкую смѣсь замаскированнаго матеріализма съ ложно-понятымъ спинозизмомъ и совершенно непонятымъ кантіанствомъ.

И разсмотрѣнная нами книга проф. Флейшмана представляетъ собой также протестъ противъ шаблонно-филогенетическаго метода геккелизма. Ближайшій выводъ, вытекающій изъ приводимыхъ Флейшманомъ фактовъ—отсутствіе связующихъ звеньевъ между классами и типами животныхъ; подъ этимъ выводомъ подпишется большинство зоологовъ, стоящихъ на почвѣ эволюціонизма съ Гегенбауромъ, Гертвигомъ, Видерсгеймомъ, Лангомъ и др. во главѣ. Въ этихъ предѣлахъ протестъ направленъ, слѣдовательно, исключительно противъ ортодоксальнаго и догматическаго геккелизма. Изъ Геккеля почерпнуты длинныя цитаты, занимающія въ общей сложности около 17 страницъ; къ Геккелю относятся всѣ тѣ образцы научной полемики, которые Флейшманъ сгруппировалъ въ вступительной главѣ, чтобъ показать, что не онъ одинъ придерживается такихъ еретическихъ взглядовъ и что «мы стоимъ у поворотнаго пункта въ исторіи ученія о происхожденіи». И если бы авторъ остался въ предѣлахъ критики односторонностей геккелизма, то его разсужденія имѣли бы несомнѣнный raison d'être, хотя онъ и тутъ подчасъ черезъ мѣру «критикуетъ».

Но, къ сожалѣнію, Флейшманъ впалъ въ другую крайность и въ своемъ увлеченіи дошелъ до односторонности, непростительной для мыслящаго представителя точной науки. На томъ основаніи, что наглядное доказательство дедуктивнаго положенія о родословномъ единствѣ всего органическаго міра невозможно, онъ беретъ смѣлость выступать противъ индуктивно доказаннаго положенія объ измѣняемости органическихъ формъ. Но такъ какъ онъ не приводитъ ни одного факта, который доказывалъ бы неизмѣняемость видовъ, то вся его критика трансформизма сводится на почву «общихъ» соображеній.

Не трудно доказать, что и «общія» или «философскія» соображе-

*) Современное состояніе нашихъ знаній о филогенетическомъ развитіи человѣка.

**) Paulsen. «Ernst Haeckel als Philosoph». Въ сборникѣ «Philosophia militans». Adickes. «Kant contra Haeckel»
Hönigswald. «Ernst Haeckel der monistische Philosoph».

нія Флейшмана не такъ сокрушительны, какими онѣ могли бы показаться на первый взглядъ. Что понятіе развитія было перенесено въ біологію изъ философіи—это еще небольшая бѣда. Флейшману должно быть извѣстно, что многія общія понятія, выведенныя той или иной изъ частныхъ дисциплинъ на основаніи болѣе или менѣе прочныхъ эмпирическихъ данныхъ, еще гораздо раньше обсуждались, опредѣлялись и обосновывались метафизиками, исходившими изъ общихъ соображеній.

И если признавать за метафизикой право существованія, какъ самостоятельной философской дисциплины, то такое предугадываніе общихъ понятій, является даже одной изъ важныхъ задачъ ея *). И если какое-нибудь обобщеніе, возникшее въ той или иной частной наукѣ достаточно обосновано, то оно нисколько не теряетъ отъ того, что оно уже раньше было предусмотрѣно философами.

Упрекъ въ неправильномъ примѣненіи понятія родства падаетъ самъ собой, такъ какъ нашъ авторъ отказывается примѣнить свою точку зрѣнія при первомъ же представившемся ему случаѣ. Если онъ не отрицаетъ родства особей въ предѣлахъ вида, то онъ признаетъ его и признаетъ его только на основаніи анатомическаго сходства. Если же такое сходство служитъ достаточной гарантіей за вѣрность нашего дедуктивнаго положенія о родствѣ въ предѣлахъ вида, то нѣтъ причинъ не признавать его таковымъ за предѣлами вида, разъ только изслѣдованіе произведено достаточно всесторонне.

Что же касается обвиненія въ раціонализмѣ, то оно тоже не болѣе, какъ плодъ недоразумѣнія. «Объективные факты плохо поддаются логической регистраціи,—говоритъ Флейшманъ. Наши понятія слишкомъ узки, а способы выраженія ограничены; вотъ гдѣ причины того, что понятіе вида, также какъ и другія высшія групповыя понятія зоологической системы такъ шатки. Дарвинъ же проглядѣлъ эти причины и изъ шаткости понятій «видъ» «родъ» и т. д. вывелъ заключеніе, что и сами-то виды находятся въ постоянномъ измѣненіи и что низшіе отряды животнаго царства переходили въ высшіе». Но вѣдь на самомъ дѣлѣ Дарвинъ исходилъ не изъ такого абстрактнаго разсужденія, а изъ фактовъ. О шаткости же понятія «видъ» ему пришлось столько распространяться лишь потому, что многіе придавали этому понятію слишкомъ рѣзко опредѣленное значеніе. Большинство естествоиспытателей того времени признавало возможность возникновенія разновидностей въ предѣлахъ одного вида, но не допускало мысли объ измѣненіи видовъ въ предѣлахъ рода. И вотъ Дарвину пришлось доказывать, что между логическими категоріями «видъ» и «разновидность» нѣтъ такого реальнаго различія, которое давало бы право считать неприложимымъ къ виду то, что допускалось для разновидности.

*) Ср. по этому пункту Кюльпе. «Введеніе въ философію» § 4 (7/8) и § 8 (9).

На этомъ мы можемъ закончить нашу статью, такъ какъ надѣемся, что читатель имѣетъ передъ собой достаточно данныхъ для сужденія объ этой новой—и будемъ надѣяться—не очень гибельной вылазки противъ трансфорфизма. Ученіе, охватывающее столь обширную область явленій и имѣющее столькихъ послѣдователей, всегда рискуетъ уклониться въ томъ или иномъ пунктѣ отъ первоначальнаго строго-индуктивнаго пути. Нужно критическое чутье, чтобъ различать въ позднѣйшихъ наслоеніяхъ пшеницу отъ плевелъ. Но основной фундаментъ ученія Дарвина такъ прочно обоснованъ, что оно не можетъ быть подорвано нѣсколькими сомнительными философскими соображеніями зоолога, впавшаго въ ультра-эмпиризмъ и признающагося намъ въ томъ, что онъ «не только носится по океану неразрѣшенныхъ вопросовъ, но и потерялъ свѣтъ изъ глазъ». Мы можемъ только пожалѣть объ авторѣ, съ которымъ приключилось такое горе, но послѣдовать за нимъ въ этотъ хаосъ описанія «особей нынѣ живущихъ и остатковъ вымершихъ видовъ, составляющихъ единственный источникъ и объектъ научной работы» мы рѣшительно отказываемся.

С. Чулокъ.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

На закатѣ.

За все тебя, Господь, благодарю!
Ты, послѣ дня тревоги и печали,
Даруешь мнѣ вечернюю зарю,
Просторъ полей и кротость синей дали.

Я одинокъ и нынче, какъ всегда...
Но вотъ закатъ разлилъ свой пышный пламень
И таетъ въ немъ вечерняя звѣзда,
Дрожа насквозь, какъ самоцвѣтный камень.

И счастливъ я печальною судьбой,
И есть отрада сладкая въ сознаньи,
Что я одинъ въ безмолвномъ созерцаньи,
Что всѣмъ я чуждъ и говорю—съ Тобой!

Въ старомъ городѣ.

Съ темной башни колоколъ уныло
Возвѣщаетъ, что закатъ угасъ...
Вотъ и снова городъ ночь сокрыла
Въ мягкій сумракъ отъ усталыхъ глазъ.

И нисходитъ кроткій часъ покоя
На дѣла людскія. Въ вышинѣ
Грустно свѣтятъ звѣзды. Все земное
Смерть, какъ стражъ, обходитъ въ тишинѣ.

Улицей бредетъ она пустынной,
Смотритъ въ окна, гдѣ чернѣетъ тьма...
Всюду глухо... Съ важностью старинной
Въ переулкахъ высятся дома.

А въ садахъ платаны зацвѣтаютъ,
Нѣжно пахнетъ раннею весной
И на окнахъ дѣвушки мечтаютъ,
Упиваясь свѣжестью ночной.

И въ молчаньи только имъ не страшенъ
Близкой смерти медленный дозоръ, —
Темный городъ, думы черныхъ башенъ
И часовъ задумчивый укоръ...

Ив. Бунинъ.

ИЗЪ ГИМНАЗИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ.

(ОЧЕРКИ НЕДАВНЯГО ПРОШЛАГО).

(*Продолженіе* *).

VII.

Гимназическій карцеръ совсѣмъ не походилъ на школьное узилище добраго стараго времени, — нетопленное, полутемное, съ маленькимъ окошечкомъ вверху. Это была свѣтлая, въ два окна, достаточной величины, комната съ обыкновенными партами и даже со старой, расколовшейся каѳедрой, которая, Богъ вѣсть зачѣмъ, попала сюда и теперь сиротливо и одиноко торчала въ углу, словно недоумѣвая, для чего она здѣсь, въ этомъ узилищѣ, гдѣ на нее садятся верхомъ расшалившіеся узники, испещряютъ ея бока безчисленными вензелями и надписями и даже употребляютъ ее въ качествѣ эшафота, загибая на ней салазки всѣмъ, преступившимъ правила товарищества. Впрочемъ, эшафотомъ каѳедра служила только до тѣхъ поръ, пока не раскололась ея верхняя доска и не расшатался до послѣдней степени ея остовъ. Затѣмъ гимназисты стали пользоваться ею только какъ мѣстомъ, гдѣ невозбранно можно было вырѣзывать ножемъ цѣлыя стихотворенія и дѣлать подчасъ весьма рискованныя надписи. Надписей было такъ много, что въ совокупности онѣ представляли собой цѣлую исторію минувшихъ гимназическихъ поколѣній. Тутъ были и эпиграммы на учителей, и каррикатуры на директора, и просто сентенціи, явившіяся плодомъ карцернаго сидѣнія, и, наконецъ, длинный рядъ эротическихъ восклицаній и замѣчаній. На самомъ видномъ мѣстѣ красовалась длинная надпись, вырѣзанная отчетливыми красивыми буквами:

„Странникъ! Возвѣсти товарищамъ, что мы всѣ сидѣли здѣсь 24 часа за то, что отказались быть предателями».

---

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь. 1901 г.

Подъ этой надписью въ греческомъ стилѣ виднѣлась другая, начертанная, очевидно, какимъ-то мечтателемъ:

«Если дѣти директора заболѣютъ дифтеритомъ, то всю гимназію распустятъ на двѣ недѣли".

Ниже, славянской вязью, было изображено:

„Кто не читалъ Добролюбова, тотъ не читалъ ничего!"

А сейчасъ же за Добролюбовымъ виднѣлось аляповатое изображеніе женской фигуры, и рядомъ пояснительная надпись: «Катя Козлова—адская женщина".

Надписи заканчивались довольно длиннымъ и чрезвычайно своеобразнымъ перечнемъ книгъ, недозволенныхъ къ обращенію среди гимназистовъ, съ обозначеніемъ таблицы взысканій, положенныхъ за каждую книгу въ отдѣльности. Перечень носилъ латинское названіе;

„Index librorum prohibitorum:"

За Бѣлинскаго—6 часовъ карцера.
За Шелгунова—10 (и болѣе).
За Добролюбова—въ первый разъ 12 ч. и во второй—24 ч.
За Писарева—аминь!
За Чернышевскаго—аминь!
За Герцена—аминь!
За Ренана—аминь!
За Толстого (рукописи)—аминь!

Обилію надписей въ карцерѣ нельзя было удивляться, такъ какъ заточенные сюда, строго говоря, не имѣли физической возможности заняться чѣмъ-нибудь болѣе подходящимъ. По странному промаху гимназическаго начальства, карцерное сидѣніе сопровождалось безусловной праздностью: ни книгъ для чтенія, ни бумаги, а при строгомъ арестѣ даже учебниковъ въ карцеръ не дозволялось вносить, и узники, прежде чѣмъ быть ввергнутыми въ темницу, подвергались тщательному осмотру однимъ изъ надзирателей. Учинивъ осмотръ и заперевъ затѣмъ на ключъ заключенныхъ, надзиратель обыкновенно сдавалъ ключъ швейцару или дежурному сторожу, а самъ уходилъ, и узники предоставлялись самимъ себѣ. Когда ихъ было нѣсколько, а время наказанія не велико, то въ карцерѣ бывало даже весело. Но когда срокъ заключенія доходилъ до 12, до 24 и даже до 36 часовъ, то лишеніе свободы, или какъ оффиціально выражалось гимназическое начальство, «арестъ", становился нестерпимымъ.

При Чеботаевѣ краткосрочные аресты отошли въ область преданій, его любимая цифра была 12 часовъ, причемъ наказанію этому подвергались не только отдѣльныя лица, но весьма часто и цѣлые классы, которые разбивались въ такихъ случаяхъ на группы въ 5—6 человѣкъ и поочередно отсиживали положенный срокъ.

Директорское воззрѣніе на карцеръ, само собой разумѣется, отразилось и на учителяхъ, которые, съ Харченкой во главѣ, немедленно же повысили прежнія нормы наказаній и стали назначать часы заключенія съ такой щедростью, что гимназисты взвыли.

Всѣхъ больше и всѣхъ чаще приходилось сидѣть шестикласснику Трубчевскому, который почти регулярно проводилъ въ карцерѣ не только всѣ праздники, но зачастую и будни. Насмѣшливый, живой, какъ ртуть, невоздержанный на языкъ, увлекающійся всѣмъ, кромѣ гимназіи, этотъ талантливый юноша до такой степени не подходилъ подъ тотъ типъ гимназиста, который стремилось сдѣлать преобладающимъ гимназическое начальство, что на него, какъ изъ рога изобилія, сыпались всевозможныя кары. Его давнымъ давно исключили бы совсѣмъ, если бы онъ не былъ счастливымъ обладателемъ восхитительнаго голоса, который составлялъ гордость и украшеніе гимназическаго хора и былъ извѣстенъ и губернатору, и архіерею и попечителю учебнаго округа, большому знатоку и любителю музыки. За голосъ Трубчевскаго терпѣли, но голосъ не мѣшалъ ему дежурить въ карцерѣ безчисленное количество часовъ. Онъ и сейчасъ сидѣлъ въ этомъ узилищѣ, за то, что прибилъ къ дверямъ карцера, точно къ своей квартирѣ, визитную карточку:

Николай Ильичъ
Трубчевскій.
Видѣть можно ежедневно.

Эта выходка обошлась ему въ 12 часовъ, такъ какъ Харченко, а за нимъ и директоръ усмотрѣли въ ней ту насмѣшливость и тотъ юморъ, который они всѣми силами вытравляли и выбивали изъ своихъ учениковъ, какъ деморализующее начало, какъ „сѣмена отрицанія и неуваженія къ власти“.

Но сегодня Трубчевскій, по крайней мѣрѣ, не былъ одинокъ: съ нимъ вмѣстѣ сидѣлъ Дорошенко, уличенный въ прогулкѣ по улицѣ послѣ 7-ми часовъ вечера, Савицкій, пойманный въ театрѣ безъ установленнаго разрѣшенія, которое, по правиламъ выдавалось класснымъ наставникомъ только въ праздники и только „успѣвающимъ и благонравнымъ“, и Кривцовъ, котораго учитель словесности, случайно увидѣлъ за воротами въ обществѣ цѣлаго сонма кухонныхъ богинь. Богини щелкали подсолнухи и поѣдали мармеладъ, галантно преподнесенный предпріимчивымъ „гимназистомъ-ухажеромъ“, а „ухажеръ„ въ это время смѣшилъ ихъ анекдотами.

Несмотря на то, что гимназисты сидѣли вчетверомъ, имъ все-таки было очень скучно. Они провели въ узилищѣ уже больше восьми часовъ и разговоры, вначалѣ оживленные и веселые,

*

уже давно изсякли сами собой: говорить больше было не о чемъ да и не хотѣлось—скука парализовала языкъ и сообщала всему тѣлу какую-то тяжелую сонливость. Раскисшіе, въ лѣнивыхъ позахъ, словно вареные, сидѣли гимназисты, блуждая осовѣвшими глазами по пустымъ стѣнамъ карцера и время отъ времени пекидываясь вялыми, односложными фразами, заглушаемыми протяжными сочными зѣвками.

— Н-ну, и скука же!..

— Н-да!.. Зѣвается такъ, что того и гляди ротъ пополамъ разорвешь.

— Чортъ бы побралъ всѣхъ „халдеевъ", придумавшихъ такое подлѣйшее наказаніе!

Не испытывалъ скуки только Кривцовъ: онъ обладалъ счастливой способностью—спать когда угодно, гдѣ угодно и при какихъ угодно обстоятельствахъ. И теперь, въ то время, когда такъ томились его товарищи, онъ, положивъ руку подъ голову и растянувшись во весь ростъ на партѣ, сладко похрапывалъ, какъ человѣкъ, не знающій за собой прегрѣшеній.

— Вотъ дрыхнетъ животное!—кивая въ сторону спящаго, позавидовалъ Савицкій.

— Чортъ проклятый!—съ озлобленіемъ процѣдилъ и Трубчевскій и, потянувшись такъ, что захрустѣли даже его пальцы, прибавилъ тономъ капризнаго, избалованнаго ребенка.

— Боже мой, господа, какая скука! Да говорите вы хоть что-нибудь, или я, право, повѣшусь съ тоски!

— Насчетъ послѣдняго могу составить компанію,—неразборчиво отъ зѣвоты протянулъ Савицкій и заразилъ зѣвкомъ Дорошенку, а потомъ и Трубчевскаго—они тоже зѣвнули протяжно, сочно, съ выступившими на глазахъ слезами, а Трубчевскій даже съ тѣмъ особеннымъ визгомъ, какой бываетъ у зѣвающей собаки.

Какъ юноша подвижной, живого, порывистаго темперамента, Трубчевскій больше всѣхъ томился отъ бездѣлья и хотя за всю свою гимназическую жизнь онъ отсидѣлъ въ карцерѣ, по его вычисленіямъ, ровно сто два раза, но и за всѣмъ тѣмъ не могъ привыкнуть къ монотонному, безцѣльному убиванію времени въ карцерѣ. Онъ то вставалъ, и быстро легкой походкой мѣрилъ узилище изъ конца въ конецъ, какъ запертый въ клѣтку волчонокъ, то весь отдавался набѣгавшей волнѣ апатіи и свѣсивъ голову, въ позѣ огороднаго чучела, сидѣлъ не шевелясь на скамейкѣ, то опять вскакивалъ, подбѣгалъ къ окну и глядѣлъ во дворъ, гдѣ ярко горѣло на снѣгу зимнее солнце, летали стаями голуби и ходилъ по дорожкамъ гимназическаго садика дворникъ въ старыхъ валенкахъ и черномъ тулупѣ.

— Черти! Вы не понимаете, какъ мнѣ тошно!—стоналъ Трубчевскій въ изнеможеніи.—Господи! Какое паршивое настроеніе духа!

— Экое у тебя воображеніе горячечное,—съ улыбкой замѣтилъ Савицкій,—даже „съ шампиньонами"!—Во всякомъ случаѣ, смотри, чтобъ „жаркое" не засадило тебя въ карцеръ и завтра.

— А ничего не можетъ быть проще,—приходя въ себя со слабой улыбкой промолвилъ Трубчевскій и оживившееся было лицо его такъ же быстро потухло, а блуждающіе глаза снова лѣниво забѣгали по двору, слѣдя за бродившимъ дворникомъ.

Черезъ пять минутъ Трубчевскій томился еще больше: уткнувъ голову въ плечи, сгорбившись и засунувъ глубоко въ карманы руки онъ опять бродилъ по карцеру, не зная, куда себя дѣвать.

— А это животное все храпитъ!—раздражительно бросилъ онъ въ сторону Кривцова.—Вотъ завидный характеръ: ручку подъ головку и бай-бай!

И неожиданно подойдя къ Кривцову, Трубчевскій сильно хлопнулъ его по спинѣ.

— Вставай!

Кривцовъ заворочался и замычалъ во снѣ, а Дорошенко и Савицкій запротестовали.

— На кой чортъ ты его будишь? Оставь его въ покоѣ.

— Раздражаетъ меня этотъ храпъ — не могу, слышать!.. Вставай, животное!—снова хлопая спящаго по спинѣ, раздражительно крикнулъ Трубчевскій.

— Да не тронь ты, его, Христа ради, вотъ привязался!—Пробовалъ было удержать Трубчевскаго Дорошенко, но Кривцовъ уже поднялся и, протирая глаза кулаками, взъерошенный, злой хриплымъ голосомъ пробурчалъ:

— Кой подлецъ разбудилъ? Ей—Богу рыло сворочу!

Заспанное, злое лицо Кривцова было такъ комично, что Трубчевскій расхохотался, какъ ребенокъ, и, быстро подсѣвъ къ Кривцову, обнялъ его за талію.

— Это я тебя разбудилъ, душечка. Развѣй ты нашу тоску, разскажи анекдотъ, что ли, для некурящихъ...

Кривцовъ возмутился.

— Мнѣ нравится такое нахальство! Разбудить—для анекдота! Прими руку, что ты обнимаешься, какъ первый любовникъ въ опереткѣ! Прими, тебѣ говорятъ, лапу! Убирайся отъ меня къ чорту!

Трубчевскій принялъ руку, но лишь для того, чтобы этой же рукой сдѣлать смазь Кривцову. Это уже переполнило чашу и Кривцовъ кинулся въ догонку за Трубчевскимъ, но послѣдній такъ ловко лавировалъ между партами и дѣлалъ такіе высокіе

прыжки, что Кривцовъ, въ концѣ концовъ, плюнулъ и, тяжело сопя, усѣлся въ углу.

Черезъ пять минутъ онъ, впрочемъ, уже смѣнилъ гнѣвъ на милость и самъ напрашивался разсказать анекдотъ объ учителѣ словесности, который будто бы потому только и донесъ на него, что приревновалъ его къ „горняшкѣ“.

— А анекдотъ будетъ для некурящихъ?—полюбопытствовалъ Трубчевскій.

— Даже больше!

— Въ такомъ случаѣ вали! Но помни, что анекдотъ долженъ быть такой, чтобъ стѣны покраснѣли!

— Что за идея?—вздернувъ плечами, съ презрительнымъ недоумѣніемъ подивился Дорошенко.

— Идея, братъ, самая подходящая! Для карцера—незамѣнимая вещь! Вали, кривая сорока, запузыривай!

— Не понимаю такихъ вкусовъ!

— Тѣмъ хуже для тебя. А я понимаю! Начинай, братъ!—обратился уже къ Кривцову Трубчевскій.—Начинай, не стѣсняйся: Дорошенко можетъ уйти въ дальній уголъ, чтобы не запачкать свою скромность, а мы съ Савицкимъ послушаемъ. Начинай же, кривой чортъ!

Кривцовъ попробовалъ было обидѣться на этотъ эпитетъ, но это у него не вышло, такъ какъ съ нимъ обращались пренебрежительно почти всѣ товарищи, Трубчевскій же въ особенности усвоилъ себѣ манеру не стѣсняться съ нимъ, а иногда, въ минуты досады и злости, переходилъ даже всякія границы.

— Начинай же, но помни, что ты долженъ мнѣ подать, анекдотъ подъ адскимъ соусомъ, понимаешь? А если это будетъ безъ перцу и безъ соли, то я за себя не ручаюсь — могу и побить... Я въ такомъ настроеніи...

И оборвавшись на полусловѣ, Трубчевскій вдругъ запѣлъ восхитительнымъ, бархатнымъ баритономъ.

Душа моя мрачна!..
Скорѣй, пѣвецъ, скорѣй,
Вотъ арфа золота-а-ая!..

— Ну, живо, сію минуту иначе я или околѣю, или до полусмерти отколочу, гаденышъ!..

Это уже было слишкомъ даже для самолюбія Кривцова: онъ весь вспыхнулъ и въ глазахъ его загорѣлась такая злость, что надо было ожидать драки. Но Трубчевскій даже не замѣтилъ этой злости и, спрыгнувъ съ парты, быстро нервной походкой прошелся взадъ впередъ по карцеру, потомъ остановился посрединѣ и во всю мочь своего громаднаго, совсѣмъ опернаго голоса

запѣлъ тотъ самый романсъ Рубинштейна, который онъ уже начиналъ.

Душа моя мрачна!..
Скорѣй, пѣвецъ, скорѣй,
Вотъ арфа золота-а-ая!..

Цѣлая волна тоски такъ и хлынула изъ его души, словно прорвалась какая-то громадная плотина, долго сдерживавшая напоръ наболѣвшаго чувства. Мощный, полный звукъ бархатнымъ серебромъ разлился по карцеру и, казалось, наполнилъ собой всю гимназію.

— Трубчевскій! Ты спятилъ? Директоръ услышитъ!—съ ужасомъ вскочивши съ мѣстъ, кинулись къ нему Дорошенко и Савицкій.—Ты забылъ, что за пѣніе въ карцерѣ полагается minimum 6 часовъ!

Но Трубчевскій даже не отвѣтилъ. Широкимъ жестомъ руки онъ отстранилъ отъ себя товарищей и съ загорѣвшимися глазами, съ румянцемъ на щекахъ, весь отдаваясь порыву, продолжалъ въ какомъ-то страстномъ увлеченіи:

Пусть будетъ пѣснь твоя дика. Какъ мой вѣнецъ,
Мнѣ тягостны веселья звуки.
Я говорю тебѣ: я слезъ хочу, пѣвецъ,
Иль разорвется грудь отъ муки!..

Въ послѣднихъ нотахъ было столько силы, столько захватывающаго драматизма, слышался такой крикъ отчаянія, что ни Дорошенко, ни Савицкій не посмѣли пошевелиться и, забывъ объ опасности, стояли молча, не дыша и чувствуя, какъ по всему тѣлу ихъ побѣжали мурашки, а сердце сдавило сладкой и вмѣстѣ невыносимой тоской.

А Трубчевскій тѣмъ временемъ продолжалъ:

Страданьями была упитана она,
Томилась долго и безмолвно;
И грозный часъ насталъ,—теперь она полна,
Какъ кубокъ смерти, яда полный.

Что-то грозное, властное и могучее почудилось гимназистамъ въ этихъ низкихъ нотахъ, предъ глазами ихъ, какъ живой, вставалъ угрюмый образъ раздавленнаго тоской израильскаго царя и разворачивалась его изстрадавшаяся, больная душа, трепетавшая отъ боли.

Какъ пришитые къ мѣсту, не шевелясь, стояли поблѣднѣвшіе Дорошенко и Савицкій, и не хотѣли вѣрить, что эти звуки, облитые тоской и полные страданья, выходили изъ груди того самаго Трубчевскаго, которому они столько разъ загибали салазки. Они не узнавали его—такимъ онъ показался имъ большимъ, необыкновеннымъ и совсѣмъ незнакомымъ. Даже лицо его, казалось имъ,

было совсѣмъ другое: его точно живой росой вспрыснули, такое оно сдѣлалось свѣжее, одухотворенное, красивое и совсѣмъ, совсѣмъ другое, незнакомое...

Пораженные этой перемѣной, гимназисты и не замѣтили, какъ по корридору, путаясь въ длинной ливреѣ, бѣжалъ по направленію къ карцеру гимназическій швейцаръ Трифонъ. Они увидѣли его только тогда, когда щелкнулъ замокъ узилища и запыхавшійся Трифонъ вошелъ въ карцеръ.

— Ихъ превосходительство г. директоръ приказали сію минуту прекратить пѣніе...

Гимназисты встрепенулись, а Трубчевскій громко и весело расхохотался.

— И еще ихъ превосходительство изволили приказать... хи-хи... — (швейцаръ замялся, застѣнчиво потупился и, прикрывая ладонью ротъ, прыснулъ). — Изволили приказать, чтобы „соловья" лишнихъ шесть часовъ продержать въ клѣткѣ, хи-хи-хи...

Трубчевскій, глядя на смѣющуюся, добродушную физіономію швейцара, тоже готовъ былъ прыснуть, но сдержался и словно подталкиваемый какимъ-то веселымъ бѣсомъ, вдругъ принялъ тонъ великосвѣтскаго фата и съ неподражаемымъ актерскимъ мастерствомъ процѣдилъ сквозь зубы:

— Хаашо, любезный. Ступай. Кланяйся его превосходительству и скажи, что приказали благодарить...

Швейцаръ прыснулъ, схватившись за ротъ обѣими руками, но, стараясь попасть въ тонъ, низко поклонился и, еле сдерживая смѣхъ, почтительно проговорилъ:

— Честь имѣю проздравить.

— Спасибо, братецъ, — небрежно бросилъ Трубчевскій, полѣзъ въ карманъ, и вынувъ двугривенный, подалъ его швейцару.

— По.. покорнѣйше благодаримъ, — уже не выдерживая тона какимъ-то нелѣпымъ басомъ захохоталъ швейцаръ и рысью, попрежнему путаясь въ длинной ливреѣ и придерживая ее рукой, словно юбку, побѣжалъ къ своему мѣсту.

Глядя ему вслѣдъ, долго хохотали и гимназисты, и только когда швейцаръ беззвучно юркнулъ въ дверь прихожей, Кривцовъ замѣтилъ Трубчевскому:

— Что, допѣлся?

— Дуракъ! — бросилъ ему Трубчевскій. — Ты не понимаешь, что я сто шесть часовъ согласился бы просидѣть, только бы выплеснуть изъ души ту мутную, поганую гущу, которая тамъ гніетъ... Вѣдь я до того дошелъ, что готовъ былъ слушать твой анекдотъ, пойми ты это, голова съ ушами!.. А теперь я освѣжился, готовъ пѣть и плясать...

И Трубчевскій, словно подталкиваемый какой-то невидимой

рукой, вдругъ пустился вплясъ, подпѣвая самъ себѣ забористый малороссійскій куплетъ.

Ой, три діды сывесеньки
Побюбылы бабу,
А въ четвертый малесенькій
Причепывся сзаду!

— Трубчевскій! да уймись ты — еще шесть часовъ заработаешь!—кричали ему Дорошенко и Савицкій.

— Плевать! Въ высокой степени начихать!..—съ какимъ-то ухарскимъ весельемъ крикнулъ Трубчевскій, не переставая носиться по карцеру и ловко выдѣлывая ногами самые замысловатые па.

Ой, три діды сывесеньки
Полюбылы бабу...

Его, наконецъ, усадили силой.

VIII.

Особенностью Трубчевскаго было то, что онъ всегда заражалъ своимъ настроеніемъ окружающихъ: если онъ былъ скученъ, то скучны были и товарищи, но за то, если онъ былъ веселъ, то всѣ смѣялись часто до упаду, до коликъ въ животѣ.

Теперь послѣ пѣнія и директорскаго „подарка", въ карцерѣ не осталось и тѣни той скуки, которая до верху наполняла его пять минутъ назадъ. Смѣхъ, дурачества, шутки не смолкали ни на минуту и прекратились только тогда, когда все тотъ же Трифонъ принесъ заключеннымъ ѣду съ директорскаго стола.

Обыкновенно карцерныхъ сидѣльцевъ не кормили вовсе и начальство даже не задавалось вопросомъ, какимъ образомъ молодые желудки могутъ оставаться безъ пищи на протяженіи 12 и болѣе часовъ. A priori предполагалось, что узники или сами о себѣ позаботятся, или же понесутъ наказаніе въ полной мѣрѣ и будутъ не ѣвши вплоть до часа освобожденія. При Чеботаевѣ отъ этого правила иногда допускались отступленія и, по личному распоряженію директора, заключеннымъ приносилась иногда ѣда съ его стола. Однако, это новшество встрѣчено было гимназистами чрезвычайно враждебно. И теперь, какъ только изъ стеклянныхъ дверей карцера узники замѣтили приближающагося съ блюдомъ Трифона, среди нихъ поднялся бурный протестъ.

— Что же, господа, неужели мы будемъ ѣсть „халдейскіе объѣдки"?—закричалъ Дорошенко.

— Ни за что!..

— Къ чорту дары данайцевъ!

— Отклонить и выразить презрѣніе!—заревѣлъ своимъ богатырскимъ голосомъ Трубчевскій, схватившись за ручку двери и не впуская швейцара въ карцеръ.

— Къ чорту, борода, проваливай!

— Поворачивай оглобли, не надо!

— Уноси эти объѣдки, пока цѣлъ!..

— Помилуйте, господа,—смѣясь, изъ-за двери убѣждалъ швейцаръ.—Какіе же объѣдки—котлеты марешаль.

— Къ чорту марешаль!

— Неси назадъ!

— Подавись марешалемъ!

Швейцаръ пожалъ плечами.

— Такъ не прикажете?

— Не прикажемъ! Не прикажемъ!..

— Ты лучше купи намъ чего-нибудь.

— Какой-нибудь колбасы.

— И буловъ!..

Швейцаръ оглядѣлся кругомъ и таинственнно шепнулъ сквозь дверь.

— Не для чего-съ. Покупать безъ надобности: харчей вамъ множество прислано, только сейчасъ передать, извините, не имѣю способа, такъ какъ ихъ превосходительство еще не уходили на прогулку—сейчасъ отъ стола изволили встать... Но черезъ 10 минутъ уйдутъ-съ и тогда все исполнимъ въ аккуратѣ-съ.

— Такъ принесешь?

— Будьте благонадежны...

У гимназистовъ было обыкновеніе, въ силу котораго всѣ узники, ввергаемые въ карцеръ больше чѣмъ на шесть часовъ, питались, такъ сказать, на общественный счетъ: всѣ товарищи по классу считали своимъ нравственнымъ долгомъ прислать кто что можетъ изъ съѣдобнаго и подкупить швейцара или сторожей, чтобы тѣ, подъ строжайшимъ секретомъ отъ начальства, передали все по назначенію. Этотъ обычай гимназисты поддерживали свято—считалось непростительной подлостью, почти предательствомъ оставить не ѣвши товарищей, и грѣха этого ничѣмъ нельзя было ни замолить, ни загладить. Сегодня, какъ и всегда, товарищи не забыли узниковъ, и такъ какъ въ карцерѣ сидѣли общіе любимцы, то приношеніе на этотъ разъ отличалось особенной роскошью и изобиліемъ. Когда по уходѣ директора швейцаръ внесъ въ карцеръ объемистую корзину, то въ ней оказалась цѣлая тьма всякой снѣди, которой, по замѣчанію Трубчевскаго, можно было накормить пять тысячъ человѣкъ и еще собрать двѣнадцать коробовъ остатковъ. Гимназисты, точно наперерывъ, постарались на-

полнить корзину до верху: Снигиревъ прислалъ громадный, прекрасно выпеченный пирогъ съ цыплятами и рисомъ, милліонеръ Хіонаки „препроводилъ“ жареную индѣйку, винограду, дорогихъ грушъ, коробку гаванскихъ сигаръ. Прочіе клали въ корзину что могли: сардинокъ, шоколаду, апельсиновъ, папиросъ и пр. и пр. Забыли только положить хлѣба. Когда Дорошенко извлекъ всѣ эти деликатесы на свѣтъ Божій и разложилъ ихъ на партахъ и на подоконникѣ, то Трубчевскій пришелъ въ такой восторгъ, что обхватилъ смущеннаго швейцара за талію, и при общемъ хохотѣ, насильно протанцовалъ съ нимъ три тура вальса.

— Что, Трифонъ, какіе у насъ товарищи-то, а? — съ гордостью спрашивалъ Дорошенко.

— Живете дружно, грѣхъ сказать, — переводя духъ послѣ вальса, улыбнулся швейцаръ.

— Еще бы не дружно! Мы, братъ, только тѣмъ и держимся: у насъ, какъ въ острогѣ,—артель!

— Помилуйте,—разсмѣялся швейцаръ,—зачѣмъ же острогъ-съ, чай вы благородныхъ родителей дѣти и, можно такъ выразиться, учащаяся молодежь...

— Ну, большой разницы, братъ, нѣту!—расхохотался Савицкій, ловко разрѣзывая своимъ перочиннымъ ножомъ пирогъ и неожиданно для себя и для прочихъ натыкаясь на конвертъ съ письмомъ, лежавшій подъ пирогомъ и весь пропитавшійся масломъ.

— Ну, какъ же не похоже на острогъ, когда вотъ и тайная записочка!—весело закричалъ онъ, показывая письмо.

— Снигиревъ не можетъ безъ таинственности!

— Хорошо еще, что не запекъ письма въ пирогѣ!

— Этакой шутъ гороховый!..

— Но сначала, господа, ѣсть! Будемъ ѣсть! Письмо потомъ!

Съ жадностью набросилась наголодавшаяся молодежъ на ѣду, а швейцаръ, стоя у двери, ласково посматривалъ на ея волчій апетитъ, и въ особенности на своего любимца Трубчевскаго. Онъ каждый праздникъ слушалъ его въ церкви и восхищался его богатымъ, блестящимъ голосомъ. Трифонъ вообще былъ большой пріятель гимназистовъ; гдѣ могъ выручалъ ихъ изъ бѣды, предупреждалъ объ опасности, и если находилъ нужнымъ и полезнымъ, то передавалъ содержаніе разговоровъ, подслушанныхъ въ кабинетѣ директора или въ учительской.

— Нонче, господа, насчетъ портсигаровъ опасайтесь—смотръ будетъ,—говаривалъ онъ курильщикамъ.

— Имѣйте въ виду, господа, насчетъ подстрочниковъ: строгій былъ разговоръ въ учительской.

Трубчевскому же Трифонъ дѣлалъ даже любящія, отеческія наставленія.

— Вы бы, господинъ Трубчевскій, хоть бы мало-мало поаккуратнѣй себя соблюдали насчетъ вашего поведенія. Ей-Богу-съ хорошо бы было.

— А что такое?

— Да опять нонче нехорошій разговоръ былъ — господинъ Харченко опять объ васъ его превосходительству докладывали. Право, вамъ бы теперь въ самый разъ хоть мало-мало попридержать свой характеръ. Чего хорошаго въ самомъ дѣлѣ—дня того нѣтъ, чтобъ вы не нарвались: то замѣчаніе вамъ, то въ журналъ васъ, то въ карцеръ. Сами извольте разсудить, хорошо ли? Ужъ потерпѣли бы до конца, а тамъ студенческій мундирчикъ надѣли— и никакихъ! Не будетъ надъ вами господъ больше!

— Да вѣдь ты же видишь, Трифонъ, что я ничего нехорошаго не дѣлаю: чортъ ихъ знаетъ, чего они отъ меня хотятъ.

— А хотятъ, чтобы вы изъ оглобель не выпрыгивали, а чтобы какъ и прочіе, бѣжали бы на возжахъ.

— Ну, осѣдлать себя я тоже не дамъ! Это, братъ, дудки!.. Не таковскій!

— Ахъ, господинъ Трубчевскій, господинъ Трубчевскій, такой вы молодой человѣкъ и такой отчаянной жизни: всегда у васъ щетина торчкомъ, а, между прочимъ, кто это любитъ?

За доброжелательность и ласку гимназисты очень любили своего швейцара, и можно смѣло сказать, что ни одинъ изъ педагоговъ не пользовался въ ихъ средѣ такимъ довѣріемъ и не заслужилъ такой искренней, теплой и нѣжной привязанности.

Когда узники насытились, а Трифонъ убралъ недоѣденное въ корзину, Савицкій, держа въ одной рукѣ бананъ, а въ другой насквозь просалившееся письмо Снигирева, сталъ читать это таинственное посланіе вслухъ товарищамъ. Вотъ содержаніе письма:

„Черти!

„Спѣшу передать Вамъ крупную новость. Сегодня, когда всѣ вы сидѣли въ карцерѣ, „баки“, говорили новую рѣчь, которая, какъ и всегда, начиналась очень либерально, а кончалось въ высшей степени консервативно: „Господа! Даже самымъ младшимъ изъ васъ нѣтъ надобности объяснять, какую громадную пользу приноситъ чтеніе книгъ“... Но (громадное „но“) чтеніе полезно только при строгой системѣ и тщательномъ выборѣ, а поелику гимназисты читаютъ по образцу гоголевскаго Петрушки, то отнынѣ они будутъ читать лишь изъ гимназической библіотеки и лишь подъ руководствомъ своихъ классныхъ наставниковъ. Чтеніе же въ публичной библіотекѣ и пользованіе книгами во всѣхъ частныхъ библіотекахъ строжайше и безусловно воспрещается. Журналы и газеты—тоже!

„Баки“, закончили рѣчь такъ: „Господа! Я считаю излиш-

нимъ прибавлять, что нарушители изложенныхъ правилъ будутъ подвергнуты строгому дисциплинарному взысканію!"

„Какъ вамъ нравится эта эфіопская логика?"

„P. S. Сегодня Харченко опять водилъ къ директору Ильина насчетъ неостриженныхъ волосъ..."

Содержаніе снигиревскаго посланія точно шиломъ укололо гимназистовъ.

— Вотъ это такъ фунтъ: чтеніе полезно, но книги изъ библіотекъ вредны—какой, съ Божьей помощью, оборотъ!..

— Не угодно ли читать изъ гимназической библіотеки, гдѣ ничего, кромѣ Смайльса да греческихъ словарей, нѣтъ и въ поминѣ...

— И подъ руководствомъ!..

— Мнѣ нравится это руководство, чортъ возьми!

— И потомъ, почему непремѣнно подъ руководствомъ классныхъ наставниковъ? Почему родители заранѣе считаются непригодными?

— Предположимъ, что отецъ у меня Гумбольдтъ, а въ классныхъ наставникахъ сивый меринъ,—язвительно прокричалъ Трубчевскій,—спрашивается, въ какомъ смыслѣ сивому мерину надо отдавать предпочтеніе?

Не волновался одинъ только Савицкій. Онъ спокойно сосалъ свой бананъ съ такимъ видомъ, какъ будто онъ былъ третьимъ лицомъ въ чужомъ для него дѣлѣ. Временами онъ даже пожималъ плечами и ухмылялся, при видѣ, какъ Дорошенко „лѣзъ на стѣну" и какъ Кривцовъ, пользуясь случаемъ, не переставая, источалъ изъ себя самую грубую брань.

— Я не понимаю, господа,—обратился Савицкій къ товарищамъ, принимаясь за новый бананъ,—какого чорта вы такъ взъерепенились? Вѣдь это все совершенные пустяки!..

— Что-о? Пустяки? По твоему это пустяки?—горячо наскочилъ на Савицкаго Кривцовъ.—Это пустяки?

— Абсолютные пустяки.

Кривцовъ раскрылъ ротъ. Удивились и Дорошенко съ Трубчевскимъ.

— Да ты шутишь?

— Нисколько. Но я думаю, что запрещеніе, которое виситъ въ воздухѣ и не можетъ проникнуть въ жизнь, есть пустяки.

— Почему не можетъ проникнуть? А если начнутъ выгонять за чтеніе?

— Черти вы! Да вѣдь прежде чѣмъ выгонять, надо доказать виновность, а чтобы доказать, нужно поймать! А ну-те-ка поймайте меня, докажите что я пользуюсь библіотекой!..

— Да ничего не можетъ быть проще,—тоненькой фистулой запищалъ Кривцовъ.—Ты идешь по улицѣ, подъ мышкой у тебя

книга изъ биліотеки.—Откуда у васъ эта книга?—тономъ начальника вопросилъ Кривцовъ и даже руки взялъ въ бока.

— Изъ библіотеки,—тономъ почтительнаго подчиненнаго отвѣчалъ Савицкій.

— А развѣ вы не знаете?..

— Знаю-съ, но это для мамаши: моя мамаша послала меня въ библіотеку обмѣнить ей книгу.—Кривцовъ нѣсколько осѣкся.

— Но вѣдь онъ по абониментному билету можетъ догадаться...

— Дура ты полосатая! Да вѣдь на абониментномъ листкѣ тоже значится—для мамаши.

— Наконецъ, по содержанію книги можетъ сообразить...

— Кривцовъ! ты глупъ, какъ сорокъ тысячъ тетеревовъ!—раздражительно вскричалъ на этотъ разъ уже Трубчевскій, который сразу схватилъ мысль Савицкаго и сразу же съ нимъ согласился.—Пойми, что мамаши бываютъ самыя разнообразныя—вѣдь и ты родился отъ женщины,—и не можетъ же директоръ запретить мамашѣ читать что угодно, даже литературу для некурящихъ.

— Идіотъ! ты не ругайся, а пойми, — огрызался Кривцовъ, большой любитель поспорить.—Пошевели мозгами и вообрази себѣ такой случай: директоръ или Харченко пожелалъ съ тобой „сближаться“ — пришелъ на домъ и въ твоей комнатѣ, на твоемъ письменномъ столѣ видитъ книгу изъ библіотеки. Тутъ ты что запоешь?

— Слушай, Кривцовъ! Есть дураки веселые и есть дураки изнурительные. Къ моему прискорбію, ты принадлежишь ко второй категоріи. Пойми ты, что мамаша вольна входить въ комнату своего сына, и никакой чортъ не запретитъ ей читать за его столомъ, что ей заблагоразсудится.

Кривцовъ хотѣлъ было еще что то возразить, но не успѣлъ и рта раскрыть, такъ какъ Трубчевскій съ быстротой молніи ухватилъ его пальцами за лицо и съ неподражаемымъ мастерствомъ сдѣлалъ вселенскую смазь.

Кривцовъ, при всей его нравственной нечистоплотности, былъ юноша чрезвычайно брезгливый и терпѣть не могъ, если къ его лицу прикасались чужіе пальцы.

— Идіотъ! бурсакъ! скотина!—набросился онъ на Трубчевскаго и въ свою очередь, улучивъ моментъ, сдѣлалъ и ему грандіознѣйшую смазь. Завязалась свалка, которая, можетъ быть кончилась бы дракой, если бы не вступился Савицкій.

— Да будетъ вамъ въ самомъ дѣлѣ!—разнимая ихъ, крикнулъ онъ, но и самъ едва удержался отъ искушенія сдѣлать Кривцову смазь, да и то лишь потому, что Дорошенко оттащилъ его въ уголъ и началъ таинственный разговоръ.

— Послушай, Савицкій,—шопотомъ началъ Дорошенко, и его каріе глаза съ длиннѣйшими рѣсницами, за которыя товарищи прозвали его „Віемъ“, загорѣлись какимъ-то вдохновеніемъ. Повидимому, ему сію минуту пришла въ голову какая-то особенно удачная мысль.—Хотя я и согласенъ съ тобой, что практическихъ результатовъ нынѣшнее распоряженьице имѣть не будетъ, но тѣмъ не менѣе безъ протеста оставлять этого факта нельзя.

— То-есть?

— Его надо огласить, и сдѣлать это долженъ ты.

— То-есть?

— Сегодня же прямо изъ карцера ты иди къ своему Бернштейну и напиши статейку.

Савицкій покрутилъ головой.

— Цен-зу-ра...

— Вздоръ!

— Статья не пройдетъ!—редакторскимъ тономъ, категорически отрѣзалъ Савицкій.

— Не пройдетъ, если будетъ по дурацки написана, а если написать съ умомъ, осторожненько, вѣжливенько, такъ пройдетъ! Все можно, но только осторожно—ты самъ это говорилъ.

— Но въ томъ-то и горе мое, что я еще не насобачился: не могу писать съ подходцемъ да съ оглядочкой. Я вообще, чуть заговорю о чемъ-нибудь погорячѣй—сейчасъ въ нецензурщину, какъ въ лужу сяду. Такой характеръ,—съ печальной улыбкой, разводя руками, прибавилъ Савицкій.

— Ну, если ты не можешь, такъ пусть Бернштейнъ, Эпштейнъ, чортъ, дьяволъ, но непремѣнно пишетъ, обязательно, во что бы то ни стало пишетъ!..

— Бернштейнъ, на мой взглядъ, можетъ! Онъ, братецъ, въ этомъ отношеніи девяносто девять собакъ съѣлъ! У него даже для такихъ случаевъ выраженіе фигуральное есть: „пройтись по канату надъ Ніагарой“.

— Ну, такъ и пусть пройдется!

Савицкій нѣсколько замялся и, кусая ногти, нерѣшительно проговорилъ:

— Пройтись-то онъ можетъ, но тутъ опять заковычка есть.

— Какая же еще?

— Когда Бернштейнъ ходитъ по канату надъ „Ніагарой“, никакъ не разберешь, что онъ кричитъ: ура, или караулъ! Слышно только, что человѣкъ кричитъ, а въ какомъ смыслѣ—самъ чортъ не разберетъ!

— Ну, такого добра намъ не нужно,—разочарованно протянулъ Дорошенко.—Но неужели же твой Бернштейнъ такое животное, что можетъ ура закричать?

— Онъ не животное, а прекрасный человѣкъ,—серьезно, даже строго поправилъ товарища Савицкій.—Но неразборчивость у него происходитъ не отъ подлости, а отъ страху. Согласись, что выкупаться въ Ніагарѣ не такъ-то пріятно. Во всякомъ случаѣ, я у него буду и, можетъ быть, мы вмѣстѣ что-нибудь состряпаемъ.

Изъ карцера узниковъ освободили въ восемь часовъ вечера, при чемъ Трубчевскому разрѣшено было его добавочные шесть часовъ отсидѣть на другой день, такъ какъ иначе его пришлось бы выпускать ночью.

Очутившись послѣ душнаго карцера (гдѣ было накурено такъ, что казалось, стоялъ туманъ) на улицѣ, вся компанія полной грудью стала глотать свѣжій морозный воздухъ и притомъ съ такою жадностью, точно это было самое рѣдкое, самое дорогое лакомство.

— Экая лунища, господа!—восторженно крикнулъ Савицкій, какъ бы приглашая товарищей полюбоваться тихой зимней ночью.

А ночь и на самомъ дѣлѣ была на удивленье хорошая: совсѣмъ свѣтлая, тихая, съ крѣпкимъ, покалывающимъ морозцемъ, который точно вливалъ во все тѣло какую-то бодрящую свѣжесть, какую-то упругость и ловкость. Въ чуткомъ рѣдкомъ воздухѣ словно расширялись и выростали всѣ звуки городской ночи. Откуда-то издалека и какъ будто сверху несся мелодичный перезвонъ извозчичьихъ бубенцовъ, рѣзалъ воздухъ пронзительный скрипъ полозьевъ и слышался веселый, радостный, захлебывающійся лай выпущенной погулять комнатной собаки, которая словно съ ума сошла и съ восторженнымъ визгомъ носилась по снѣгу, ныряя въ сугробахъ. Гимназисты испытывали приблизительно такое же настроеніе, какъ и эта почуявшая свободу собаченка. Имъ точно также хотѣлось и кувыркаться, и бѣгать, и прыгать въ самую середину высокихъ сугробовъ. Но близость гимназіи и возможность „нарваться“ на начальство, заставляла ихъ сдерживать себя и идти чинно, какъ полагалось хорошо выдрессированнымъ воспитанникамъ гимназіи.

На ближайшемъ углу компанія распрощалась: Кривцовъ свернулъ въ другую улицу, а Трубчевскій, неожиданно для всѣхъ и для себя самого, скоропостижно рѣшилъ ѣхать въ театръ.

— Да ты съ ума сошелъ—прямо изъ карцера, безъ разрѣшенія и въ курткѣ, вмѣсто мундира? — пробовали удержать его товарищи.

— Плевать! Извозчикъ, подавай!

— Трубчевскій, вѣдь ты идешь навѣрняка на рогатину, тебя поймаютъ, какъ пить дадутъ.

— Чихать! Извозчикъ!

— Да перестань же ты, наконецъ, самъ себѣ капканы разставлять!.. Вспомни, на какомъ ты счету—вѣдь тебя прямо „выкинуть“ могутъ.

— Я не могу не ѣхать! Я 12 часовъ высидѣлъ въ карцерѣ и, кажется—чортъ возьми!—заслужилъ право послушать оперу!

Дорошенко и Савицкій только плечами вздернули.

— Совсѣмъ невмѣняемый!

А Трубчевскій уже сидѣлъ на извозчикѣ и, подымая воротникъ, съ веселымъ возбужденіемъ говорилъ:

— Нынче „Русланъ и Людмила“ и я, можетъ быть, попаду еще на увертюру. Охъ, и люблю же я эту увертюру! Извозчикъ! рубль на чай, если не опоздаешь!..

IX.

Леонтій Борисовичъ Бернштейнъ представлялъ собой типъ замученнаго провинціальнаго писателя, который вѣчно проклиналъ свое газетное ремесло и который въ то же время, какъ курильщикъ безъ табаку, дня не могъ прожить безъ этого ремесла.

Не получивъ никакого образованія, если не считать убогаго еврейскаго хедера, въ который онъ ходилъ шестилѣтнимъ ребенкомъ, Бернштейнъ только благодаря капризу судьбы, попалъ въ писатели. Пятнадцатилѣтнимъ мальчикомъ онъ слонялся по одному изъ мерзѣйшихъ южныхъ городковъ, въ качествѣ „еврейчика“, ходившаго по домамъ набивать папиросы, и случайно столкнулся съ проживавшими въ томъ городѣ административно-ссыльными. Ихъ было нѣсколько человѣкъ и всѣхъ ихъ Бернштейнъ величалъ своими „кліентами“, такъ какъ они заказывали ему папиросы. Вначалѣ знакомство папиросами и ограничивалось, и хотя Бернштейнъ на всѣхъ перекресткахъ расточалъ комплименты и панегирики по адресу своихъ „политическихъ кліентовъ“, но происходило это только потому, что изъ всѣхъ заказчиковъ одни политическіе говорили ему „вы“, аккуратно платили деньги и не выражали никакихъ претензій по поводу его еврейскаго происхожденія.

Сравнительная короткость въ отношеніяхъ наступила совершенно случайно, съ того дня, когда Бернштейнъ пришелъ однажды къ политическимъ съ подбитымъ глазомъ и окровавленнымъ носомъ. Извинившись „за свою наружность“, еврейчикъ молча сѣлъ за столъ и, застѣнчиво отворачивая лицо въ сторону, тихонько сталъ набивать папиросы. Его жалкій видъ, смущеніе и робкій взглядъ подбитыхъ глазъ очень тронулъ политическихъ: въ немъ приняли участіе, разговорились, стали разспра-

шивать и Бернштейнъ, до слезъ тронутый лаской, передалъ имъ несложную исторію своего столкновенія съ однимъ изъ заказчиковъ.

— Изо всѣхъ моихъ кліентовъ нѣтъ хуже полковника Гвоздева. Это прямо ужасный кліентъ! Во-первыхъ, онъ каждый разъ сомнѣвается и обыскиваетъ меня, чтобы я не укралъ табаку. И сегодня тоже: какъ только я управился, такъ онъ сейчасъ говоритъ:

— А ну-ка, шельмецъ (онъ меня постоянно называетъ „шельмецъ") выворoти карманы.

Я, понятно, выворотилъ и опосля сказалъ насчетъ денегъ. А онъ мнѣ:

— Приди послѣ, шельмецъ.

— Когда же?

— Черезъ недѣльку.

— Можетъ быть, будетъ ваша милость хоть что-нибудь сегодня, хоть на хлѣбъ?

— Не могу, шельмецъ.

— Ну, я вижу, что онъ мнѣ уже два мѣсяца говоритъ „не могу, шельмецъ" и наконецъ спрашиваю: Могу ли я, по крайней мѣрѣ имѣть такую надежду, что вы мнѣ честно отдадите?— А онъ меня, замѣсто того, по мордѣ ляпнулъ и велѣлъ деньщику, чтобъ меня выкинули съ лѣстницы.

— А въ то же время,—всхлипывая, заключилъ Бернштейнъ,— онъ того не думаетъ, что „шельмецъ", можетъ быть, тоже кушать хочетъ, что „шельмецъ" не получаетъ товаръ безъ денегъ, что и „шельмецъ" имѣетъ на своей шеѣ домовладѣльца.

Этотъ эпизодъ изъ профессіональной дѣятельности Бернштейна послужилъ ближайшимъ поводомъ для его сближенія съ политическими. Мальчика обласкали, пригрѣли, стали зазывать въ гости, стали учить, давать для чтенія книги. Черезъ какихъ-нибудь три года Бернштейнъ такъ измѣнился, что не узнавалъ самъ себя, а еще черезъ три онъ уже помѣстилъ первый свой разсказикъ въ захудалой мѣстной газеткѣ, и это рѣшило его дальнѣйшую судьбу. Семь рублей, полученныхъ за разсказъ, подсказали Бернштейну, мысль навсегда оставить кліентовъ и папиросы и заняться литературой.

Съ тѣхъ поръ прошло 15 лѣтъ. Бернштейнъ изъ юноши превратился въ мужчину, женился и съ плодовитостью, свойственной однимъ только евреямъ да развѣ еще нашему духовенству, успѣлъ нарожать цѣлую стаю ребятишекъ.

Савицкій засталъ своего покровителя и крестнаго отца въ литературѣ за работой. Примостившись къ узенькому подоконнику и согнувъ на бокъ свою огромную лысую голову, Берн-

штейнъ сосредоточенно, весь углубившвсь въ дѣло, строчилъ что-то на длинныхъ узенькихъ листочкахъ, на которыхъ обыкновенно строчитъ вся газетная Русь. Онъ такъ ушелъ въ работу, что казалось, совсѣмъ не замѣчалъ того адскаго шума, визга, крика и плача, который несся изъ сосѣдней комнаты, гдѣ сквозь полуоткрытую дверь виднѣлась жена Бернштейна, полуодѣтая, съ засученными выше локтя рукавами и полдюжины рыжихъ и черномазыхъ ребятишекъ, которые принимали ванну и купались. Одни уже отбыли свой чередъ и съ мокрыми головами сидѣли, завернутые въ простыни, на кровати, другіе совсѣмъ голые съ раздутыми животами бѣгали по полу и шлепали босыми ногами по пролитой лужѣ воды, оглашая при этомъ комнату то радостнымъ хохотомъ, то громкимъ плачемъ, когда по голымъ тѣламъ ихъ отчетливо шлепала рука матери.

— Добрый вечеръ, Леонтій Борисовичъ!—поздоровался Савицкій, переступая высокій порогъ комнаты своего пріятеля.

— А-а! „Старый Литераторъ", мое почтеніе!

(Изъ всей редакціонной семьи Савицкій былъ самый младшій, и потому кто-то изъ членовъ редакціи придумалъ ему, шутки ради, этотъ псевдонимъ, которымъ Савицкій и подписывалъ свои статейки).

— Откуда Господь принесъ?

— Изъ карцера.

— Ха-ха!.. Тружениковъ печати и въ гимназіи, значитъ, гонятъ?.. Садитесь, коллега,—указалъ на кресло Бернштейнъ, притворяя въ то же время дверь въ сосѣднюю комнату. — Купаются сегодня мои жиденята.

Савицкій усѣлся, досталъ портсигаръ, попотчивалъ хозяина, закурилъ самъ и началъ съ мѣста въ карьеръ.

— Я къ вамъ, Леонтій Борисовичъ, собственно по дѣлу...

Бернштейнъ сощурилъ свои близорукіе сѣрые глаза и улыбнулся.

— Я вижу и даже догадываюсь, по какому дѣлу. На счетъ рѣчи вашего директора?

— А вы развѣ уже знаете? — изумился гимназистъ.

— Какой же я былъ бы газетчикъ, если бы не зналъ. Истинный газетчикъ, по настоящему, долженъ всегда идти на полшага впереди событій, онъ обязанъ знать даже то, что еще не случилось, но должно случиться... Но что же вы хотите сдѣлать изъ директорской рѣчи?

— Лично я ничего не хотѣлъ, я думаю, что мнѣ не справиться, но можетъ быть, вы... Для передовой статьи это такой богатый матеріалъ...

Бернштейнъ опять улыбнулся.

*

— Матеріалъ вкусный и можно бы приготовить его, какъ говоритъ нашъ редакторъ, „съ перчикомъ, съ гарнирчикомъ и съ провансальчикомъ...“ Знаете, есть такой пикантный соусъ... Но... Тутъ Бернштейнъ широко развелъ руками съ такимъ видомъ, точно хотѣлъ сказать: вы сами хорошо понимаете *).

Савицкій безъ труда постигъ смыслъ этого жеста и печально поникъ головой.

— А если попробовать „пройтись надъ Ніагарой“?

— Это другое дѣло — „Ніагара“ всегда въ нашей власти и къ нашимъ услугамъ.

— Такъ вы, Леонтій Борисовичъ, прошлись бы... Право, вѣдь въ сущности если разобрать, такъ это такое вопіющее дѣло... Въ нашихъ гимназіяхъ умственный уровень и такъ хромаетъ, а тутъ еще... Прежде мы знакомились съ русской литературой хоть самоучкой, намъ хоть не мѣшали изучать ее дома, а теперь все подъ замокъ... Право, Леонтій Борисовичъ, напишите объ этомъ... Это прямо вашъ публицистическій долгъ...

Проговоривъ послѣднюю фразу, Савицкій нѣсколько смутился и покраснѣлъ. А Бернштейнъ едва замѣтно улыбнулся въ бороду и, сильно затянувшись папиросной, промолвилъ:

— Сейчасъ я, ей-Богу, не могу—долженъ сегодня же сдать въ наборъ окончаніе романа. А мы сдѣлаемъ вотъ какъ. Пишите вы.

— Да ей-Богу, Леонтій Борисовичъ, мнѣ не справиться: я съ перваго же шага полечу внизъ головой въ „Ніагару“.

— Я васъ поддержу, не бойтесь. Я вамъ дамъ самую подробную инструкцію. Берите бумагу, садитесь къ столу.

— Честное слово, Леонтій Борисовичъ...

— Я вамъ говорю, садитесь. Справитесь. Надо же въ концѣ концовъ и вамъ привыкать къ „Ніагарѣ“.

Савицкій нерѣшительно подвинулъ къ столу свое кресло и нехотя, заранѣе неувѣренный въ успѣхѣ, взялъ бумагу.

— Чтобы прогнать головокруженіе и спокойно смотрѣть внизъ, — началъ свою инструкцію Бернштейнъ, расхаживая по комнатѣ,—требуется, чтобы идущій по канату, прежде чѣмъ сдѣлать первый шагъ, раскланялся, т.-е. произнесъ похвалу.

— Помилуйте, Леонтій Борисовичъ, какая же тутъ можетъ быть похвала? Чортъ съ ней и съ „Ніагарой“ въ такомъ случаѣ!— возмутился Савицкій.

— Вы не горячитесь, а слушайте дальше.

— Да, право, Леонтій Борисовичъ, я этого не могу. По мнѣ

*) Въ описываемое время участіе общей прессы въ обсужденіе педагогическихъ вопросовъ считалось преждевременнымъ.

Примѣч. автора.

лучше бултыхнуться на самое дно „Ніагары", чѣмъ кричать ура, вмѣсто караулъ.

Бернштейнъ нетерпѣливо поморщился и прищелкнулъ языкомъ.

— Экой упрямый. Поймите, что это только вначалѣ вы скажете ура, а въ концѣ можете и караулъ сказать...

— Но что-же это будетъ за статья, Леонтій Борисовичъ? Шагъ впередъ, шагъ назадъ—это совсѣмъ какъ солдатамъ командуютъ: бѣгъ на мѣстѣ!

— Ну-да, или какъ говорятъ поляки: „падамъ до нугъ, рувно стоя, цаламъ ренчки, али своя".

Савицкій внимательно поглядѣлъ на наставника своими умными синими глазами, задумчиво погрызъ кончикъ ручки и потомъ, положивъ ее на столъ, съ рѣшительнымъ видомъ всталъ съ кресла.

— Нѣтъ, Леонтій Борисовичъ, воля ваша, а я такъ не могу, да и не понимаю я вашей теоріи. Что-то уже больно тонко.

Тутъ ужъ разгорячился въ свой чередъ и Бернштейнъ.

— Да какой же вы журналистъ послѣ этого, если пишете только то, о чемъ можно писать! А еще „Старый Литераторъ", чортъ возьми. Ну что тутъ неяснаго, что васъ затрудняетъ? Ну, будемъ разбирать по пунктамъ: систематическое чтеніе полезнѣе безтолковаго?

— Полезнѣе.

— Ну и отмѣтьте это и порадуйтесь, что это вошло въ педагогическое сознаніе и похвалите. Потомъ дальше. Добрыя отношенія педагоговъ и гимназистовъ лучше, чѣмъ враждебныя?

— Лучше.

— Опять отмѣтьте и похвалите за идею, что педагоги хотятъ быть руководителями чтенія своихъ питомцевъ.

— Но, позвольте, позвольте, Леонтій Борисовичъ...

— Ничего не позволю. „Но" слѣдуетъ дальше. Библіотеки гимназическія годятся куда-нибудь?

— Ни къ чорту!

— Отмѣчайте и ругайте. Ругайте во всю, вдребезги! Высмѣивайте, оплевывайте, издѣвайтесь, но только не отходя ни на шагъ отъ библіотеки, понимаете? Потомъ дальше. Родителей хорошо устранять отъ воспитанія своихъ дѣтей? Нѣтъ? Отмѣчайте въ формѣ элегіи, тихонечко, вѣжливо и выразите пожеланіе, чтобы школа и семья слились воедино и чтобы развитіе дѣтей не составляло монополіи школы.

— А насчетъ запрещенія журналовъ и газетъ тоже элегію развести?

— Обязательно. Легкая арія на элегическій мотивъ, въ своемъ родѣ вальсъ „Невозвратное время"... Вотъ вамъ и вся статья. А въ заключеніе можете выразить какое-нибудь тепленькое пожеланіе, что-нибудь этакое воздушное, легковѣсное.

— Ну, Леонтій Борисовичъ, зачѣмъ же еще и легковѣсное?

— Бываетъ полезно,—улыбнулся Бернштейнъ.—А впрочемъ, можно и безъ легковѣснаго. Но только садитесь и работайте.

Савицкому очень не хотѣлось писать на такихъ условіяхъ, и онъ взялся за перо съ самой постной, скучающей физіономіей да и то лишь для того, чтобы не огорчать своего ментора и не мѣшать ему дописывать романъ.

— Дорошенко меня завтра съѣстъ, просто голову отгрызетъ, если я хоть одинъ комплиментъ отпущу,—думалъ онъ, сидя за столомъ и подбирая первую фразу будущей статьи.—Да и что тутъ скажешь,—кромѣ брани ничто и въ голову не лѣзетъ!

Минутъ десять выдавливалъ изъ себя первую фразу Савицкій: писалъ, зачеркивалъ, снова писалъ и опять зачеркивалъ.

— Начну-ка я лучше съ середины, рѣшилъ онъ,—отдѣлаю наши библіотеки на всѣ корки, а начало можно будетъ и потомъ придѣлать.

Середина далась несравненно легче. Первая фраза выпрыгнула сама собой, и мысль заработала ходко, отчетливо, гибко и ясно. Вскорѣ она стала даже обгонять руку, которая, какъ крестьянская телѣга, тряслась во слѣдъ промелькнувшему паровозу.

Савицкій не жалѣлъ красокъ, „раздѣлывая“ библіотеки. Матеріалъ это былъ очень благодарный, такъ какъ гимназическія библіотеки въ тѣ времена (да, кажется, и нынче) дѣйствительно, никуда не годились. На пополненіе ихъ отпускались гроши и, сверхъ того, выборъ книгъ былъ поставленъ въ такія узенькія рамки, былъ такъ немилосердно ограниченъ, что въ школьныхъ библіотекахъ почти единовластно царилъ мистеръ Смайльсъ, произведенія котораго всегда усердно рекомендовались подростающему юношеству.

Этотъ величайшій филистеръ земли англійской былъ, можно сказать, властителемъ гимназическихъ думъ. Правда, его читали мало, но за то когда нужно было написать классное сочиненіе—мистеръ Смайльсъ былъ незамѣнимъ: какъ бы ни было глупо заданное сочиненіе, но у мистера Смайльса всегда можно было найти руку помощи и надергать изъ него доказательствъ, фактовъ, примѣровъ и всего, чего душа пожелаетъ. Даже круглый дуракъ, при помощи Смайльса, могъ насочинять на три съ плюсомъ.

Это универсальное свойство англійскаго писателя гимназисты очень цѣнили и только немногіе изъ нихъ относились брезгливо къ его утиной философіи и узенькому буржуазному міросозерцанію.

Савицкій причислялъ себя къ „принципіальнымъ“ врагамъ Смайльса, и потому легко себѣ представить, какъ пострадалъ бѣдный англичанинъ отъ „принципіальной“ аттаки *Стараго Литератора*. Съ возбужденнымъ лицомъ, съ насмѣшливымъ

огонькомъ въ глазахъ, Савицкій раздѣлывалъ Смайльса изо всей мочи, что называется, подъ орѣхъ и только время отъ времени бросалъ Бернштейну тревожные вопросы.

— Леонтій Борисовичъ, вѣдь Смайльса можно смѣло ругать, не правда ли?

— Даже бить можно,—не отрываясь отъ рукописи и не поворачивая головы, наскоро бурчалъ Бернштейнъ.

Когда черезъ полчаса Бернштейнъ покончилъ со своимъ романомъ и сталъ просматривать писанія Савицкаго, то убѣдился, что отъ Смайльса остались только рожки да ножки, но за то ничего другого *Старый Литераторъ* не касался въ своей статьѣ.

— А гдѣ же директорская рѣчь, а гдѣ же все остальное?

— Этого я, право, не могъ, Леонтій Борисовичъ: вѣдь тутъ сплошная „Ніагара“... Это, можетъ быть, вы прибавите...

Бернштейнъ покрутилъ своей лысой головой, однако согласился.

— И если можно,—обрадовавшись живо подхватилъ Савицкій, такъ вы и „съ перчикомъ, и съ провансальчикомъ“!..

— Ну, при „Ніагарѣ“ не очень-то разлетишься съ „провансальчикомъ“...

X.

Въ семьѣ своего отца Дорошенко росъ, какъ растетъ огромное большинство нашей молодежи средняго круга—онъ всецѣло былъ предоставленъ самому себѣ. Семья давала ему все необходимое въ смыслѣ матеріальномъ: квартиру, одежду, учителей, карманныя деньги и пр., совершенно не входя въ то же время въ его духовную жизнь и даже не обнаруживая къ этой жизни ни малѣйшаго интереса.

Очень рано потерявъ мать, трехлѣтній Дорошенко былъ сданъ, вмѣстѣ съ грудной сестренкой, на руки нянекъ и мамокъ и проводилъ жизнь въ дѣтской, куда отецъ заглядывалъ урывками, на минутку, чтобы спросить, все ли благополучно и здоровы ли дѣти. Ни привыкнуть, ни полюбить отца мальчикъ не имѣлъ времени, и отецъ только задѣвалъ его дѣтское пытливое любопытство. Не разъ, прижавшись къ тяжелой портьерѣ, висѣвшей на двери отцовскаго кабинета, мальчикъ съ удивленіемъ и вмѣстѣ со страхомъ разсматривалъ этого огромнаго, грузнаго человѣка, сидѣвшаго за тѣмъ самымъ письменнымъ столомъ, къ которому и няня, и бонна ни за что и никогда не подпускали дѣтей. Этотъ столъ принадлежитъ этому большому мужчинѣ, думалъ мальчикъ, и только ему позволяютъ трогать эти хорошенькіе карандаши, эти блестящіе ножички, этотъ золотой колокольчикъ. Но мужчинѣ они

уже давно надоѣли, онъ на нихъ и не смотритъ, а только сидитъ и все что-то пишетъ, а самъ такой сердитый-сердитый.

— Няня, отчего нашъ баринъ всегда такой сердитый?—прижимаясь къ нянькѣ, робко спрашивалъ мальчикъ.

— Это, дѣточка, твой папа, онъ намъ баринъ, а тебѣ не баринъ, и совсѣмъ онъ не сердитый.

— А отчего его всѣ боятся: ты боишься, кухарка боится, дворникъ Николай боится?

Также мало вниманія удѣлялъ отецъ своимъ дѣтямъ и тогда, когда они выросли и стали учиться. Занятый своей инженерской службой (онъ былъ начальникомъ тяги и мастерскихъ мѣстной дороги), отецъ приходилъ домой только обѣдать да и то далеко не каждый день и, встрѣчаясь съ сыномъ, либо на ходу только перекидывался съ нимъ нѣсколькими фразами, либо искоренялъ тотъ „либерализмъ", которымъ, по его мнѣнію, былъ сильно заражонъ сынъ.

— Ну, что у васъ въ гимназіи—все реформы?

— Реформы, папа.

— И дѣло. Давно васъ, крамольниковъ, надо подтянуть. А тебя не собираются еще выгонять за либерализмъ?

— Нѣтъ, папа.

— Странно. На мѣстѣ твоего директора, я тебя перваго выгналъ бы... А Лассаля своего все читаешь, а?

— Читаю, папа.

— И увлекаешься, конечно?

— Да, онъ мнѣ очень нравится.

— Все еще, значитъ, не поумнѣлъ! Не понимаю, какъ это можно увлекаться такимъ жидкомъ—фанфаронишкой,—вскидывая плечами недоумѣвалъ отецъ.—Ну, какъ бы это я увлекался книгой, *заранѣе* зная, что ее писалъ жидишка, да еще надменный жидишка? Счастье его, что онъ родомъ изъ нѣмецкихъ жидковъ, а родись-ка онъ у насъ, гдѣ-нибудь въ западномъ краѣ—быть бы ему подрядчикомъ и ничего больше! Продавалъ бы жидокъ гнилыя шпалы, мошенничалъ бы, лгалъ, принималъ ложныя присяги, давалъ взятки и умеръ бы не на дуэли, а на Сахалинѣ... А въ Германіи, поди-жъ ты, какой-то рабочій вопросъ изобрѣлъ, и произведенъ жидами чуть не въ геніи. Жиды всегда другъ за дружку держатся и тянутъ своихъ...

Эти тирады сынъ обыкновенно оставлялъ безъ всякихъ возраженій, а отецъ, точно подталкиваемый какимъ-то бѣсомъ, не переставалъ дразнить его и до самаго конца обѣда не прекращалъ своего сквернословія, вымучивая и осмѣивая все то, чѣмъ увлекался сынъ и чѣмъ болѣла его юная душа. Чаще всего на сцену выдвигался рабочій ввпросъ. Въ качествѣ начальника ма-

стерскихъ, отецъ считалъ себя знатокомъ рабочаго люда и отъ души хохоталъ, когда сынъ назвалъ однажды рабочій классъ — надеждой Россіи.

— А у насъ нынче на службѣ получка была и „надежда Россіи" такъ перепилась и такой дебошъ учинила, что едва-едва конные полицейскіе плетьми разогнали.

Сынъ при этихъ словахъ блѣднѣлъ и низко-низко склонялся надъ своей тарелкой.

— Что, не нравится тебѣ, не либерально? — съ насмѣшливымъ огонькомъ въ глазахъ спрашивалъ отецъ. — Оно, конечно, не гуманно, да что прикажешь дѣлать, если „надежда Россіи" не желаетъ понимать другого разговора. Вѣдь она обыкновенной рѣчи не разумѣетъ, а словъ не слушаетъ. Поневолѣ нужно пускать въ ходъ казацкій „волапюкъ".

Сынъ еще ниже опускалъ голову, а отецъ еще насмѣшливѣе продолжалъ гвоздить его по больному мѣсту.

— Отчего ты никогда не зайдешь къ намъ въ мастерскія, чтобы посмотрѣть „надежду Россіи" au naturel? Много поучительнаго бы вынесъ, право. Я вотъ нынче только прошелся по задворкамъ мастерскихъ и такихъ пейзажей насмотрѣлся, что куда твоему жидку—Лассалю! Что ни шагъ, то пейзажъ! Пойдешь направо—лужа крови, пойдешь налѣво—лужа рвоты, и въ эту лужу уткнулась носомъ „надежда Россіи", раскинула врозь руки и храпитъ. А дальше смотришь — двѣ надежды ратоборствуютъ: другъ дружку по зубамъ дуютъ. А еще дальше два городовыхъ ведутъ пьяную „надежду" за рѣшотку... Посмотришь на эту „надежду" и диву дашься: морда отчасти въ крови, отчасти въ грязи, отчасти въ нечистотахъ, рубаха растерзана, картузъ и сапоги пропиты, но въ рукахъ „гармонь..." Въ такомъ видѣ эту розовую „надежду Россіи" кладутъ поперекъ извозчика, какъ бревно, утаптываютъ ее колѣнами и препровождаютъ въ участокъ, гдѣ „надежда" и встрѣтитъ розоперстую Аврору, какъ говаривалъ Щедринъ... Вотъ, братецъ, какихъ пейзажей я насмотрѣлся нынче! Твой жидишка—Лассаль, поди, все это разрисовалъ бы такими узорами, что ты только ротъ раскрылъ бы отъ восхищенія, а?..

Къ счастью Дорошенки, отецъ его имѣлъ слишкомъ мало времени, чтобы вколачивать въ голову сына правильныя понятія. А такъ какъ, сверхъ того, сынъ всегда превосходно учился—съ перваго и до шестого класса фамилія его неизмѣнно красовалась на такъ называемой золотой доскѣ, то это давало отцу поводъ сложить съ себя всякія заботы объ успѣхахъ сына и предоставить юношѣ полнѣйшую свободу въ распоряженіи своимъ временемъ и самимъ собой.

Не найдя ласки въ семьѣ, Дорошенко всѣмъ своимъ любящимъ, горячимъ сердцемъ прилѣпился къ товарищамъ. Товарищество было для него культомъ, онъ влюблялся въ своихъ товарищей, какъ дѣвушка, и кажется во всемъ свѣтѣ не было ничего такого, что Дорошенко затруднился бы пожертвовать „для артели“, какъ онъ любилъ говорить. Этимъ основнымъ свойствомъ объяснялась и другая черта въ характерѣ Дорошенки. Онъ всякій день видѣлъ, что товарищи его ведутъ вѣчную партизанскую войну съ учителями, а такъ какъ въ этой войнѣ гимназисты подчасъ терпѣли жесточайшія пораженія, то и Дорошенко ринулся въ сраженія, очертя голову, и, незамѣтно для самого себя, прорвался въ первые ряды самыхъ отчаянныхъ и непримиримыхъ враговъ гимназическихъ порядковъ, или, какъ называлъ этихъ враговъ Харченко,—„ушкуйниковъ“.

Всякое распоряженіе начальства, полезное, безразличное, или неудачное, онъ встрѣчалъ съ неизмѣнной злобной усмѣшечкой и спѣшилъ раскритиковать его, вышутить, осмѣять. Въ концѣ концовъ неуваженіе и недовѣріе къ учителямъ вошло у Дорошенки въ плоть и кровь и слово „халдеи“ онъ произносилъ съ гримасой безпредѣльнаго презрѣнія и съ убѣжденной, глубокой и навсегда непримиримой ненавистью. Дорошенко считалъ тотъ день потеряннымъ, въ который онъ не могъ сдѣлать учителямъ никакой пакости. Онъ даже свою круглую пятерку объяснялъ ничѣмъ другимъ, какъ все тѣмъ же нерасположеніемъ къ учителямъ.

— Я на зло хорошо учусь: я вижу, что это огорчаетъ „халдеевъ“. Въ душѣ они меня такъ ненавидятъ, что всякій бы изъ нихъ съ наслажденіемъ—о, съ упоеніемъ! залѣпилъ бы мнѣ колъ, а между тѣмъ руки коротки: меньше пятерки не смѣетъ поставить. Злится, бѣсится, а не смѣетъ!

Однажды задавшись мыслью все дѣлать на зло, Дорошенко видѣлъ въ этомъ свой гимназическій символъ вѣры: его всегда можно было видѣть въ рядахъ протестующихъ, въ рядахъ недовольныхъ, причемъ для протеста не требовалось достаточнаго основанія. Онъ *вообще* протестовалъ. Но если Дорошенкѣ представлялся основательный мотивъ для протеста, то тутъ ужъ ему просто удержу не было, онъ готовъ былъ на стѣну лѣзть. Разъ случилось, что учитель греческаго языка, чехъ Бѣлоглавекъ, носившій среди гимназистовъ кличку „утопленника“, разсердившись за что-то на пятиклассниковъ, назвалъ ихъ всѣхъ „ослами“. На слѣдующей же перемѣнѣ Дорошенко уже влетѣлъ въ пятый классъ и горячо, „бѣшено“ убѣждалъ пятиклассниковъ жаловаться директору.

— Если только вы посмѣете оставить это такъ, если вы смолчите, такъ я всѣхъ васъ назову трусами и подлецами! Ни

одинъ шестиклассникъ вамъ руки не подастъ—даю вамъ слово! Вы должны, вы не смѣете молчать, иначе вы будете не товарищи, а сволочь, о которую надо ноги вытирать! Слышите! Сію минуту маршъ къ директору!

Пятиклассники, и сами считавшіе себя глубоко обиженными, дѣйствительно пожаловались и „утопленникъ" получилъ головомойку. Послѣ этой удачи Дорошенко цѣлую недѣлю бредилъ пятиклассниками и превозносилъ ихъ до небесъ.

— Вотъ голубчики, вотъ миленькіе, вотъ родненькіе! Ужъ и молодцы же черти: всѣ какъ одинъ. Такъ и надо ребятушки, не давайте себѣ на голову плевать. А „душка-утопленникъ" впередъ будетъ осторожнѣе. Легче на поворотахъ, г. Бѣлоглавекъ: гимназисты вамъ не лакеи!

Въ средѣ учителей вѣчная оппозиція перваго ученика и „пятерочника" вызывала и досаду, и недоумѣніе. Они не могли взять въ толкъ, откуда шелъ этотъ духъ противленія, эти тяжелые взгляды изподлобья, этотъ „дерзкій вызывающій видъ". По ихъ мнѣнію, Дорошенко не имѣлъ никакихъ данныхъ для того, чтобы добровольно стать въ ряды „ушкуйниковъ": круглая пятерка, золотая доска, ежегодныя награды при переходѣ изъ класса въ классъ и въ перспективѣ золотая медаль — все это могло внушить только расположеніе и признательность. А между тѣмъ рѣдкій день проходитъ безъ „пакости", рѣдкое столкновеніе съ учителемъ не заканчивалось карцеромъ. Въ концѣ концовъ, учителя объясняли дурное поведеніе Дорошенки деморализующимъ вліяніемъ товарищей, и Харченко всячески старался его предостеречь.

Въ тѣсномъ корридорчикѣ, раздѣлявшемъ классы отъ учительской, классный наставникъ не разъ вступалъ съ Дорошенкой въ конфиденціальныя бесѣды на этотъ счетъ.

— Я вамъ удивляюсь, Дорошенко, искренно удивляюсь. Вы считаетесь однимъ изъ способнѣйшихъ учениковъ въ гимназіи, въ моемъ классѣ вы первый кандидатъ на золотую медаль и въ то же время лишаете меня возможности выставить вамъ полный балъ за поведеніе.

— Да что же я дѣлаю, Петръ Иванычъ?—пожимая плечами, задавалъ Дорошенко стереотипный гимназическій вопросъ. — Я веду себя, какъ и всѣ.

— Вотъ въ этомъ-то и горе ваше. Разъ вы головой выше всѣхъ по успѣхамъ, вы не можете вести себя *какъ всѣ*. Вы должны стоять выше всѣхъ! А, между тѣмъ, вы ничѣмъ не лучше какого-нибудь Трубчевскаго! Вы, Трубчевскій и Савицкій—это неразлучная тройка, это коноводы и зачинщики! Сознайтесь вы дружны съ Трубчевскимъ?

— Да мнѣ, Петръ Иванычъ, и сознаваться нѣтъ надобности — я никогда и не скрывалъ, что изъ всѣхъ товарищей Трубчевскій и Савицкій мнѣ ближе всѣхъ.

— Вотъ то-то и есть. Пеняйте же на себя, если ваши друзья вырвутъ у васъ изъ рукъ золотую медаль.

Само собой разумѣется, что всѣ такіе разговоры немедленно же дѣлались общимъ достояніемъ класса, и отношенія къ учителямъ, и безъ того въ конецъ испорченныя, пріобрѣтали окраску какого-то злобнаго презрѣнія.

— Харченко-то, Харченко-то нашъ каковъ, господа? И сегодня предлагалъ Дорошенкѣ тридцать серебренниковъ за Трубчевскаго и Савицкаго?

— Ну, Дорошенко, конечно, не такая скотина, чтобы прыгать за медалью черезъ такія лужи!

Нѣтъ надобности прибавлять, что послѣ наставленій въ корридорчикѣ дружба гимназистовъ только росла, а оппозиція „ушкуйниковъ", какъ цементомъ, скрѣплялась гоненіемъ.

Вначалѣ эта оппозиція имѣла характеръ полуребяческій. Однако, по мѣрѣ проведенія чеботаевскихъ реформъ и по мѣрѣ усиленія строгостей, переходившихъ зачастую въ жестокость, никому не нужную, вредную и деморализующую, оппозиція шестиклассниковъ незамѣтно пріобрѣла окраску принципіальную, вырождаясь въ убѣжденную, обоснованную вражду, въ желаніе бороться и защищать не только себя, но и всякаго, кто носилъ гимназическій мундиръ и кого этотъ мундиръ давилъ, мѣшалъ дышать.

На путь принципіальной вражды противъ чеботаевскихъ нововведеній первымъ выступилъ Дорошенко. Дня три спустя послѣ посѣщенія Савицкимъ Бернштейна, Дорошенко уже поджидалъ къ себѣ гостей—гимназистовъ, чтобы начать переговоры „объ организаціи кружка для самообразованія", или, говоря точнѣе, просто для переговоровъ о совмѣстномъ чтеніи Писарева. Эти переговоры были обставлены такой таинственностью, такой серьезностью, что можно было подумать, будто гимназисты имѣютъ въ виду, по крайней мѣрѣ ниспровергнуть всѣ европейскія и азіатскія государства.

Первымъ пришелъ къ своему другу Савицкій, совмѣстно съ которымъ Дорошенко и задумалъ впервые свой проектъ.

Запершись въ просторной свѣтлой комнатѣ Дорошенки, гдѣ на стѣнахъ и на столѣ висѣли и стояли въ рамкахъ карточки нашихъ наиболѣе извѣстныхъ писателей, пріятели долго и съ увлеченіемъ говорили. Вначалѣ разговоръ имѣлъ полемическій характеръ: Дорошенко съ ожесточеніемъ набросился на статью Савицкаго и не находилъ словъ, чтобъ достаточно сильно подчеркнуть ея полную несостоятельность.

— Чортъ васъ знаетъ, что вы тамъ такое насочиняли! Ты

называешь это „Ніагарой", а по моему это просто лужа, въ которую ты со своимъ Бернштейномъ съ размаху шлепнулся, такъ что только брызги сверкнули.

Савицкій, сканфуженный, обезкураженный, робко оправдывался.—Ты совсѣмъ не считаешься съ обстоятельствами...

— Оставь обстоятельства въ покоѣ: нельзя писать, такъ молчи, а людей смѣшить не зачѣмъ! Ты только вчитайся, всмотрись въ свою „передовицу", чортъ бы ее побралъ!—тыкая въ злополучную газету пальцемъ, кипятился Дорошенко.—Вѣдь это вышелъ какой-то памфлетъ противъ Смайльса: изволите-ли видѣть, все обстоитъ благополучно, да только, вотъ Смайльсъ, подлецъ, подгадилъ!

— Но Смайльсъ, дѣйствительно, скотина,—не глядя на товарища, попробовалъ было замѣтить Савицкій.—Ты почитай, что онъ о рабочихъ писалъ.

— Да чортъ съ нимъ, какое намъ дѣло до Смайльса, вѣдь ты не о Смайльсѣ хотѣлъ говорить! На кой же дьяволъ ты его осѣдлалъ и на протяженіи всей статьи ѣздишь на немъ?..

Долго, съ полчаса, кипятился Дорошенко, „раздѣлывая" статью товарища, и только когда Савицкій самъ призналъ, что статья вышла „паршивая", и что лучшее мѣсто для нея было бы въ корзинѣ редактора, Дорошенко постепенно сталъ охлаждаться, успокаиваться и нечувствительно переводить разговоръ на „настоящій протестъ", т.-е. на задуманныя имъ совмѣстныя чтенія. Этими чтеніями Дорошенко просто бредилъ, онъ видѣлъ въ нихъ несокрушимую силу, надежный оплотъ противъ запрета на книги и потому одинъ разговоръ на эту тему взвинчивалъ его и возбуждалъ до послѣдней степени. Высокій, стройный, но худой, съ мечтательными карими глазами и съ нервнымъ блѣднымъ лицомъ, онъ быстро бѣгалъ по комнатѣ, жестикулировалъ и развивалъ во всѣхъ подробностяхъ свой грандіозный планъ. Онъ мечталъ, что ихъ кружокъ будетъ только „первой ласточкой протеста", и что черезъ какой-нибудь годъ всѣ гимназисты разсыпятся на кружки. Онъ надѣялся, что „слово протеста" будетъ доступно каждому и придумалъ даже лозунгъ для всѣхъ имѣющихъ родиться кружковъ: „Чтеніе—наше спасеніе".

Сначала они съ Савицкимъ—грезилъ онъ—организуютъ первый кружокъ, а когда онъ окрѣпнетъ и станетъ на ноги, оба они выйдутъ изъ него и примутся за организацію второго, потомъ третьяго и т. д. до безконечности. Они съ Савицкимъ не будутъ останавливаться ни предъ чѣмъ, будутъ организовывать кружки даже изъ завѣдомыхъ дураковъ, потому что „протестующій дуракъ, во всякомъ случаѣ, лучше покорнаго генія".

На зло „халдеямъ", въ какихъ-нибудь десять минутъ, Доро-

шенко успѣлъ покрыть сѣтью кружковъ всѣ существовавшія въ городѣ гимназіи, какъ мужскія, такъ и женскія и только вознамѣрился было—Господи благослови—перешагнуть и въ другіе города, какъ въ это время въ запертую дверь комнаты послышался легкій стукъ и раздался мягкій, дѣвичій контральто.

— Можно?

Оборвавшись съ облаковъ, Дорошенко разсердился.

— Что тебѣ нужно?—нетерпѣливо съ оттѣнкомъ раздраженія спросилъ онъ, узнавъ голосъ своей 15-ти лѣтней сестры—гимназистки.

— Тебя папа зоветъ!

Съ гримасой человѣка, которому помѣшали на самомъ интересномъ мѣстѣ, Дорошенко пошелъ къ отцу, а въ комнату къ Савицкому вошла чрезвычайно хорошенькая гимназистка еще въ коротенькомъ платьѣ, съ черной толстой косой, въ которую была вплетена алая ленточка.

— Здравствуйте, monsieur Савицкій,—дѣланно-церемоннымъ тономъ прощебетала она, но каріе большіе, какъ у брата, глаза ея съ такими же длинными загнутыми рѣсницами, обдали Савицкаго ласковымъ, влюбленнымъ взглядомъ.

Савицкій молча поклонился и, не сводя глазъ съ двери, за которой скрылся товарищъ, поднесъ къ губамъ руку гимназистки и беззвучно поцѣловалъ.

Хорошенькое лицо дѣвушки зардѣлось и даже маленькія уши ея порозовѣли. Не подымая глазъ на гимназиста, она робко покосилась на дверь и, покраснѣвъ еще больше, протянула Савицкому и другую руку. Онъ также быстро и беззвучно поцѣловалъ и эту.

— Что это у васъ за конспираціи съ братомъ? О чемъ это вы?

Этотъ вопросъ засталъ Савицкаго въ расплохъ. Хотя онъ давно былъ влюбленъ въ сестру своего товарища и пользовался ея полной благосклонностью, но посвящать ее, „почти“ дѣвочку въ такіе серьезныя дѣла считалъ прямо невозможнымъ. Поэтому онъ отвѣчалъ очень уклончиво:

— Да такъ, знаешь, о разныхъ гимназическихъ дѣлахъ...

Гимназистка обидѣлась.

— Вы тоже не желаете мнѣ сообщить? Вы тоже?

— Да, право, Катя,—понизивъ голосъ до шопота, смущенно пролепеталъ Савицкій и виноватыми глазами посмотрѣлъ на свою повелительницу.—Согласись, что есть вещи, о которыхъ до времени...

— Это говоришь ты? Мнѣ?

Глаза Кати расширились и загорѣлись удивленіемъ и вмѣстѣ гнѣвомъ человѣка, котораго оскорбили.

— Ты, значитъ, не желаешь сказать пустого секрета любимой женщинѣ?

И быстро повернувшись на каблукахъ, дѣвочка стремительно юркнула въ дверь, что должно было обозначать верхъ обиды. Савицкій сдѣлалъ было шагъ, чтобы догнать ее, но передъ самымъ его носомъ хлопнула дверь, и онъ невольно остановился, разстроенный и смущенный этой неожиданной ссорой.

XI.

Однако, предаваться унынію было некогда и объясненіе волей-неволей пришлось отложить до другого раза, такъ какъ въ комнату возвратился Дорошенко, а вслѣдъ за нимъ одинъ за другимъ стали сходиться и приглашенные на совѣщаніе гимназисты. Собралось человѣкъ шесть. Пришелъ уже извѣстный читателю Мельниковъ, пришелъ Варшавчикъ, сынъ еврейки-акушерки застѣнчивый, болѣзненно-скромный юноша съ чрезмѣрно большими, вѣчно моргавшими, глазами, и его закадычный другъ Ливановъ, сынъ мѣстнаго протоіерея, извѣстнаго во всей гимназіи за чудака, который одинъ изъ всѣхъ родителей, съ уваженіемъ относился къ гимназическимъ правиламъ и требовалъ, чтобы сынъ исполнялъ ихъ въ полной мѣрѣ. Пришли и два гимназиста другихъ классовъ: пятиклассникъ Калининъ, смуглый, какъ цыганъ, брюнетъ, горячая голова и отчаянный спорщикъ, котораго именно ради пристрастія къ спорамъ и для оживленія будущихъ чтеній пригласилъ Дорошенко, и восьмиклассникъ Орловъ, высокій, прямой, какъ вѣха, блондинъ съ стальными сѣрыми глазами, которые у него какъ-то презрительно щурились всякій разъ, когда онъ начиналъ говорить.

Не явился только Трубчевскій, но онъ, по разъ навсегда усвоенной привычкѣ, вездѣ и всюду опаздывалъ, не исключая даже и тѣхъ случаевъ, когда являлся на свиданія съ барышнями, за которыми ухаживалъ, по его выраженію, какъ сорокъ тысячъ Донъ-Жуановъ.

Хотя всѣ собравшіеся были почти однокашники и знали другъ друга, какъ свои пять пальцевъ, если не считать Орлова, котораго знали меньше, но почти всѣ испытывали чувство нѣкоторой неловкости и тщательно спрятанной робости отъ сознанія, что вотъ-де они собрались какъ бы на конспирацію въ своемъ родѣ, будутъ читать не романчики, а критику, да еще какую и что если бы въ гимназіи обо всемъ этомъ узнали, то ой-ой-ой что́ бы изъ этого могло выйти!

Эта подавленная робость наружно выражалась только въ томъ,

что гимназисты приняли преувеличенно непринужденныя позы и небрежно развалились, кто гдѣ могъ.

Не испытывали робости развѣ Орловъ, Савицкій да Дорошенко. Послѣдній, въ качествѣ иниціатора чтеній, чувствовалъ себя обязаннымъ что-нибудь сказать, сдѣлать какое-нибудь введеніе, но все поджидалъ Трубчевскаго, и только когда прошло съ четверть часа сверхъ условленнаго срока, присѣлъ бокомъ на свой письменный столъ и, постукивая карандашомъ по колѣнкѣ, началъ:

— Господа! По правиламъ мнѣ нужно бы сказать вамъ хоть паршивенькую рѣчь, такъ сказать, предпослать нѣсколько теплыхъ и, по возможности, глубокомысленныхъ фразъ. Но я буду кратокъ и скажу просто: Черти! хотите ли оставаться идіотами, или желаете читать и работать башкой? Если первобытное состояніе вамъ не улыбается, и если идея Чеботаева вызываетъ васъ на протестъ, такъ давайте читать вмѣстѣ, если, конечно, вы ничего не имѣете противъ совмѣстнаго чтенія. Вотъ, въ сущности, и все, что я хотѣлъ представить вашему просвѣщенному вниманію!..

Столь упрощенная рѣчь вызвала невольную улыбку у слушателей, а пятиклассникъ Калининъ даже прыснулъ и дѣланнымъ басомъ закричалъ:

— Здорово, панъ гетманъ!

Не улыбнулся только восьмиклассникъ Орловъ, который, повидимому, хотѣлъ что-то сказать, такъ какъ его стальные глаза вдругъ сощурились.

— Я думаю, что это еще не совсѣмъ все,—спокойно, съ чуть замѣтной ироніей процѣдилъ онъ, не мѣняя своей непринужденной, полулежачей позы.—При чтеніи, напримѣръ, нѣкоторую роль играетъ выборъ книгъ.

Очень чуткій на насмѣшку, Дорошенко насторожился, но отвѣтилъ, повидимому, очень спокойно, даже весело.

— А читать мы будемъ по обычной системѣ: начнемъ съ Писарева, какъ съ водки передъ обѣдомъ, потомъ перейдемъ къ Бѣлинскому, а тамъ переберемъ всѣ выдающіяся произведенія русской литературы по десятилѣтіямъ. Вмѣстѣ читать будемъ, конечно, только критическій анализъ этихъ произведеній, а произведенія, кто не читалъ, прочтетъ самъ на дому. Такая постановка вопроса тебя удовлетворяетъ? — непосредственно уже къ Орлову обратился Дорошенко.

— О, нѣтъ, меня она нисколько не удовлетворяетъ, — спокойно и попрежнему не мѣняя своей полулежачей позы, небрежно бросилъ Орловъ.

Дорошенко осѣкся, точно наткнулся на гвоздь, присутствія котораго не подозрѣвалъ.

— Да? Это интересно! Ты, значитъ, имѣешь въ виду другую программу? Въ такомъ случаѣ, пожалуйста, говори.

— Да, я имѣю въ виду другую програму,—все также спокойно и словно нехотя промолвилъ Орловъ.

Гимназисты насторожились и съ нескрываемымъ любопытствомъ уставились на старшаго товарища. А онъ, все также полулежа на широкой оттоманкѣ, небрежно и не торопясь началъ:

— Я, господа, признаюсь, не понимаю кружковщины въ томъ видѣ, въ какомъ она у насъ привилась. Гимназисты ею всегда увлекались, но изъ этого никогда не выходило толку. Ну, соберемся мы, ну, начнемъ читать, ну, начнемъ спорить. Ну, а потомъ что?

— А ты чего же хотѣлъ бы „потомъ"?—не утерпѣлъ Савицкій.—Корабля съ мачтой, что ли, какъ говорятъ матросы?

Но Орловъ не удостоилъ его даже взглядомъ и, все также полулежа, спокойно продолжалъ:

— Я по опыту знаю, что будутъ безконечныя словопренія, безконечные диспуты и трехчасовые споры о выѣденномъ яйцѣ... И притомъ, что же мы будемъ читать? Жевать Писарева? пережовывать такъ называемыхъ классиковъ? Но, господа, это скучно,—право, по мнѣ, лучше чулки вязать...

Гимназисты совсѣмъ притихли и, переглядываясь между собой, какъ бы недоумѣвали, очень ли умны слова Орлова, или очень глупы и какъ къ этимъ словамъ надо относиться—со смѣхомъ, или съ почтеніемъ.

А Орловъ вдругъ всталъ и, выпрямившись во весь свой длинный ростъ, заговорилъ уже не прежнимъ лѣнивымъ, а энергичнымъ и убѣжденнымъ тономъ.

— Я понимаю только свободную литературу, я понимаю только литературу, которая говоритъ полнымъ голосомъ о томъ, что меня интересуетъ, что для меня дорого,—а копаться въ розовой душѣ тургеневскихъ либеральныхъ барышенъ, слѣдить, кого онѣ полюбили своимъ голубинымъ сердечкомъ и кто ихъ полюбилъ, или зарываться въ дебри толстовскихъ романовъ — это я предоставляю любителямъ, которымъ дѣлать нечего.

Орловъ былъ въ той порѣ своего умственнаго развитія, которую переживаютъ очень многіе изъ неоперившихся молодыхъ людей при первомъ знакомствѣ съ такъ называемой нелегальной литературой: прочтетъ юноша полторы нелегальныхъ брошюры, часто бездарныя, даже неумныя, и сразу же, что называется, въ одинъ прекрасный день, возьметъ да и похеритъ на смарку всю отечественную литературу. Еще вчера онъ вѣрилъ въ нее, еще вчера считалъ святыней, а сегодня взялъ да и плюнулъ на всѣхъ вообще и на каждаго въ частности.—Знать, молъ, васъ не желаю, постылые! Не хочу ни вашего рабьяго языка, ни вашей извилистой, разорванной въ клочки мысли, ни вашего заячьяго проте-

ста! Хороните вы своихъ мертвыхъ, мертвые писатели мертвой литературы, а я вашей гнилой водицы больше пить не стану!

На гимназистовъ слова Орлова произвели все тоже двойственное впечатлѣніе: съ одной стороны, мысль восьмиклассника показалась очень смѣлой, оригинальной, неслыханной, но съ другой—было какъ-то страшно и жутко повѣрить ей и сразу разбить всѣ прежніе кумиры.

Только Дорошенко, Савицкій да Мельниковъ отнеслись къ словамъ Орлова иначе и почувствовали ихъ грубую фальшь. Они всѣ трое быстро переглянулись между собой и словно выпрямились, подтянулись какъ-то, точно готовые броситься въ словесный бой. Первымъ нарушилъ молчаніе Савицкій. Собравъ все свое хладнокровіе, онъ съ кривой усмѣшечкой спросилъ Орлова:

— Короче говоря, ты, значитъ, отрицаешь не болѣе, не менѣе, какъ всю русскую литературу оптомъ?

Орловъ вздернулъ плечами.

— Я ее не отрицаю. Она существуетъ, значитъ она—фактъ. А фактовъ я не отрицаю. Но я только не придаю ей того значенія, какое придаешь ты. Отъ скуки, отъ нечего дѣлать—почему и не заняться ею? Но придавать ей „великое" общественное значеніе, а тѣмъ паче учиться по ней—слуга покорный! Я считаю, что насъ довольно морочили! Довольно мы съ священнымъ трепетомъ прислушивались къ гнусавому бормотанью и къ жалкому писку всѣхъ этихъ „маститыхъ" пигмейчиковъ!..

Это показалось уже слишкомъ, слова Орлова возмутили всѣхъ, и Мельниковъ съ потемнѣвшими отъ гнѣва глазами быстро подскочилъ къ Орлову.

— По твоему, значитъ, и Гоголь пищалъ, и Бѣлинскій, и Успенскій, и Салтыковъ—всѣ пищали и ничего больше?

Орловъ насмѣшливо вздернулъ плечами, сощурился и спокойно, безъ тѣни волненія, процѣдилъ.

— Да, я именно это и хотѣлъ сказать: и Гоголь пищалъ, и Успенскій пищалъ, и Салтыковъ пищалъ...

— А скажи,—подходя къ Орлову вплотную, съ раздувающимися отъ гнѣва ноздрями почти крикнулъ Мельниковъ,—кто изъ твоихъ, изъ „свободныхъ" такъ „пищалъ", какъ Салтыковъ? Чей еще „пискъ" такъ гремѣлъ по всей Россіи, что даже глухіе слышали? Назови, чей? А чей смѣхъ разворачивалъ цѣлые горы пошлости, топталъ цѣлыя кучи всевозможныхъ гадовъ? И ты... теперь ты называешь этого человѣка пигмеемъ? Ты, пигмей, плюешь на солнце нашей земли?

Сильный кашель помѣшалъ Мельникову продолжать. Весь красный отъ охватившаго его гнѣва, съ злыми глазами онъ махнулъ рукой и отошелъ къ сторонкѣ, все еще не будучи въ со-

стояніи подавить приступъ кашля. Орловъ, однако, хотя и видѣлъ, что возбужденіе противъ него возросло до послѣдней степени, тѣмъ не менѣе ни на секунду не терялъ своего презрительнаго спокойствія. Въ отвѣтъ Мельникову онъ только вскинулъ плечами и процѣдилъ сквозь зубы:

— Въ состояніи аффекта не слѣдуетъ спорить.

Это замѣчаніе, а главное олимпійское спокойствіе Орлова только подлило масла въ огонь, и схватка возгорѣлась снова.

— Господа!—выступая на середину комнаты, взволнованно воскликнулъ Дорошенко.—Я считалъ бы взглядъ Орлова только мальчишескимъ, если бы въ то же время онъ не былъ нехорошимъ, гадкимъ. Онъ гадокъ потому, что мы, русская молодежь, всѣмъ обязаны литературѣ, и тотъ же Орловъ обязанъ ей. Мы всѣ только литературой и дышимъ, только ею и живемъ. Она для насъ замѣняетъ и семью, и школу. Почему не вышелъ тотъ или другой человѣкъ мерзавцемъ, когда имѣлъ на то всѣ данныя? Литература удержала. Почему не захлебнулся въ грязи, когда въ грязи родился, въ грязи росъ, въ грязи учился? Литература вытащила! Она на сухое мѣсто поставила! Она не дала захлебнуться! Почему наконецъ человѣкъ не превратился въ идіота, когда и семья, и школа, и жизнь, не переставая, дули его по темени? Литература вывезла.

— А ты,—обращаясь уже непосредственно къ Орлову,—съ гнѣвомъ бросилъ Дорошенко, — ты смѣешь говорить, что литература „пищитъ“, что она что-то такое „бормочетъ подъ сурдинку“? Да ты самъ-то что за орелъ, самъ-то ты съ какихъ поръ такъ высоко взлетѣлъ, что даже великіе люди кажутся тебѣ пигмеями, даже „пигмейчиками?“

Орловъ и на этотъ разъ не обнаружилъ ни малѣйшихъ признаковъ волненія или нетерпѣнія. Чуть-чуть приподнявъ свою сухую, красивую голову и сощуривъ свои стальные глаза онъ, невозмутимо выслушалъ Дорошенку до конца и нисколько не оскорбляясь на вызывающій тонъ, съ которымъ возбужденный товарищъ бросилъ ему послѣднюю фразу, спокойно проговорилъ, округляя каждую фразу:

— Къ сожалѣнію, нашъ споръ, сталъ переходить на личную почву. Но все-таки я совершенно отчетливо уяснилъ себѣ, что мы стоимъ на разныхъ полюсахъ и говоримъ на разныхъ языкахъ. Вы все еще не вышли и, какъ я вижу, не желаете выходить изъ той кумирни, гдѣ стоятъ ваши старые, добрые, литературные боги. Что же, у всякаго свои вкусы! Но что касается меня, то я, грѣшный человѣкъ, пересталъ имъ молиться съ тѣхъ самыхъ поръ, когда увидѣлъ, что эти старички совсѣмъ не боги и что въ распоряженіи ихъ не перуны небесные, а простая клюка,

съ которой они гуськомъ бредутъ на богомолье... Впрочемъ, я кажется опять нажалъ чувствительную струну и потому умолкаю. До свиданія, господа! Я очень сожалѣю, что помѣшалъ вамъ заниматься вашимъ дѣломъ. Прошу меня извинить, что я не буду принимат участія въ вашихъ чтеніяхъ...

Проговоривъ свою длинную тираду такъ легко и свободно, точно молодой адвокатъ, щеголяющій округлостью и плавностью рѣчи, Орловъ сталъ прощаться. Товарищи молча, съ угрюмымъ видомъ, какъ медвѣжата, совали ему руки, а онъ безукоризненно вѣжливо, точно подчеркивая свою учтивость, раскланивался передъ каждымъ изъ нихъ. Одинъ только Дорошенко не далъ побѣдить себя на этомъ пунктѣ и простился съ восьмиклассникомъ съ любезностью совсѣмъ свѣтскаго человѣка. Онъ даже проводилъ его въ переднюю и сдѣлалъ попытку помочь ему надѣть пальто, чего любезно не допустилъ Орловъ.

— Я буду очень радъ, если ты какъ-нибудь заглянешь ко мнѣ вечерокъ скоротать, — пожимая руку Орлову, промолвилъ Дорошенко.

— Merçi, милости просимъ и ко мнѣ.

Когда вслѣдъ за тѣмъ Дорошенко возвратился въ свою накуренную комнату, тамъ стоялъ шумъ и гвалтъ. Возбужденные, все еще не переваривъ своего негодованія, гимназисты перемывали косточки ушедшаго.

— Ну и фррруктъ!..

— А величія сколько! Сколько пыли въ глаза напустилъ! Но Дорошенко его здорово отчиталъ!..

— И чего приходилъ, спрашивается, этотъ олимпіецъ?

— Коего чорта прилѣзъ, въ самомъ дѣлѣ, когда еще въ гимназіи ему русскимъ языкомъ сказали, что мы будемъ читать Писарева, а не что другое?

— Да плюньте на него господа: вѣдь извѣстно, что когда гимназистъ переходитъ въ восьмой классъ, онъ дѣлается геніальнымъ! Это ужъ фактъ!

— Какъ нехорошо, господа,—входя въ комнату промолвилъ Дорошенко,—что вы съ нимъ такъ сухо простились, вѣдь онъ намѣренно...

— А что же ему реверансъ дѣлать, этому попугаю?

— Въ ноги ему, что ли, кланяться?

— Нахватался верхушекъ, животное, и фордыбачитъ! Фу ты, ну ты, ножки гнуты!.. А здорово его Мельниковъ отбрилъ!

Дорошенко хотѣлъ было договорить свою мысль, но только махнулъ рукой—его явно не хотѣли слушать.

Прошло добрыхъ полчаса, прежде чѣмъ гимназисты успокоились и перешли, какъ выразился Варшавчикъ, къ очереднымъ

дѣламъ, т.-е. къ устройству чтеній. Тутъ на первый планъ выступилъ вопросъ о мѣрахъ, съ помощью которыхъ возможно было бы обезопасить чтенія отъ гимназическаго начальства. Всѣ знали, что въ случаѣ открытія тайны, дѣло можетъ принять самый нежелательный и чрезвычайно серьезный оборотъ; гимназисты даже думали, что всякій „пойманный" будетъ въ тотъ же день исключенъ, такъ какъ въ данномъ случаѣ составъ преступленія слагался изъ двухъ, равно тяжкихъ дѣяній: организація кружка и чтеніе Писарева, попавшаго въ „Index librorum prohibitorum". Къ тому же сочиненія Писарева считались въ тѣ времена запретнымъ плодомъ, не существовавшимъ даже въ продажѣ. „Влопаться" въ чтеніи Писарева было такимъ криминаломъ, предъ которымъ блѣднѣли самыя крупныя гимназическія шалости. Немудрено поэтому, что хотя гимназисты и храбрились, скрывая даже отъ самихъ себя чувство робости, но червякъ страха копошился въ душѣ у всякаго.

— Господа! — говорилъ Ливановъ, — мы всѣ, конечно, осуществимъ нашу идею и приступимъ къ чтеніямъ—это вопросъ рѣшенный, но не будемъ въ то же время скрывать отъ себя опасности. Къ чему храбриться, вмѣсто того, чтобы общими силами выработать цѣлую систему мѣръ безопасности?..

— Ну, ужъ и цѣлую систему! —скептически протянулъ пятиклассникъ Калининъ.

— А что-жъ? Къ чему намъ лѣзть на рогатину, когда мы можемъ пройти сторонкой? .

— Но какая же можетъ быть система?

Ливановъ задумался и принялся грызть ногти, очевидно и ему система не вырисовывалась во всей полнотѣ.

— Прежде всего никогда не собираться два раза въ одномъ и томъ же домѣ!—предложилъ Мельниковъ.

— Это идея!—поддержалъ Савицкій.—И никогда не носить съ собой книгъ въ гимназію!

— И дома держать въ надежномъ мѣстѣ!

— И не расходиться послѣ чтенія разомъ, а по одиночкѣ!

— И собираться надо бы, — оживленно подхватилъ Ливановъ,—только въ такихъ квартирахъ, гдѣ есть два хода, чтобы въ каждый данный моментъ—фю-ить!..

Гимназисты прыснули: имъ показалось это уже черезчуръ осторожнымъ. А Ливановъ обидѣлся.

— Я не понимаю, чего вы ржете? Вѣдь при одномъ ходѣ, въ случаѣ неожиданнаго появленія Харченки, мы всѣ попадемся, какъ телята!

— Никогда! Книжку подъ тюфякъ, а сами заняты пріятнымъ разговоромъ!—весело проговорилъ Дорошенко.

Но Ливановъ скептически улыбнулся.

— А по какому случаю сборище?

— По случаю именинъ двоюродной тетки Савицкаго!..

— Ха-ха-ха!—хоромъ разсмѣялись гимназисты и вдругъ сразу обернулись къ входнымъ дверямъ, которыя широко съ шумомъ распахнулъ опоздавшій Трубчевскій.

— Здорово, крамольники! — весело крикнулъ онъ и возбужденный, раскраснѣвшійся на морозѣ быстро сталъ пожимать товарищамъ руки и хлопать ихъ то по спинѣ, то по плечу.—Не сердитесь, братцы, что опоздалъ, ей-ей не могъ во время... Но за то какой со мной слу-чай! Околѣете со смѣху!.. Сейчасъ Харченку встрѣтилъ!..

Товарищи расцвѣли улыбкой отъ одного появленія своего любимца. Его и не подумалъ никто упрекать за большое опозданіе, и всѣ смотрѣли на него тѣми довольными, любящими и смѣющимися глазами, какими глядитъ театральная публика на любимаго актера, который и слова еще не успѣлъ сказать, но уже всѣхъ захватилъ и точно связалъ съ собой какими-то невидимыми нитями.

— Какой же еще случай?

— Опять накуралесилъ?

— Опять въ карцеръ на сутки?—посыпались со всѣхъ сторонъ вопросы.

— Вы только послушайте!—еле удерживаясь отъ смѣху, промолвилъ Трубчевскій. Онъ вышелъ на средину комнаты и его умное, совсѣмъ мефистофельское лицо, съ продолговатыми карими глазами сразу освѣтилось выраженіемъ хитрости и насмѣшки. —Иду я, братцы вы мои по улицѣ, лечу, конечно, на всѣхъ парусахъ! Глядь — „уважаемый“ (такъ гимназисты называли иногда Харченку). Чинно, не торопясь, „уважаемой“ походочкой идутъ и на личикѣ улыбочка. Какъ увидѣлъ я эту улыбочку—словно меня чортъ толкнулъ: въ головѣ, какъ молнія, мысль — подойти, поклониться и тутъ же на улицѣ „разыграть“. Какъ „разыграть“ и самъ еще не знаю, но надѣюсь на экспромптъ, была не была!

— Имѣю честь кланяться, Петръ Иванычъ“

Посмотрѣли удивленно и говорятъ: „Здравствуйте! Что это вы въ разстегнутомъ пальто? Не можете не нарушать правилъ?“— „Я прошу извиненія, Петръ Иванычъ, но я въ данный моментъ такъ растроенъ, такъ „афрапированъ“... Со мной такой неожиданный случай“. Кривая улыбочка и вопросъ: „Какой же это случай?“—„Я, Петръ Иванычъ, генерала встрѣтилъ“. Новая улыбочка.—„Это со всякимъ можетъ случиться“... Но тутъ я сразу дѣлаю идіотское лицо. Вотъ такое (Трубчевскій выпучилъ глаза,

оттопырилъ губы и въ самомъ дѣлѣ придалъ своему лицу выраженіе самое дурацкое). И говорю уже тѣмъ идіотскимъ, тягучимъ тономъ, которымъ всѣ мы говоримъ съ „уважаемымъ“ въ классѣ. „Я, конечно, генералу поклонился, какъ указано правилами“.— „Ну и что же?“ —„И онъ меня остановилъ“.—„Ну и что же, ну и что же?“—„И спросилъ, какъ моя фамилія“.—„Да не мотайте душу, Христа ради: говоритъ, точно возъ везетъ. Почему васъ спросили фамилію?“—„Потому что я поклонился“.—„Это вздоръ!“—„Нѣтъ, не вздоръ. Я ему кланяюсь, а онъ глаза раскарячилъ...“—„Послушайте, что у васъ за выраженія дикія!..“— Извините, Петръ Иванычъ, я хотѣлъ сказать, что онъ глаза растопырилъ и спрашиваетъ: „Почему вы мнѣ кланяетесь, не будучи со мной знакомы?“—„Потому что, отвѣчаю, этого требуютъ законы общественнаго приличія...“ А онъ мнѣ: „Вы, говоритъ, глупый мальчишка, вы меня приличіямъ не учите. Какъ ваша фамилія?“ Я фамилію-то назвалъ да и говорю: „Есть, молъ, такія правила, чтобы гимназисты генераламъ кланялись“. А онъ мнѣ: „Вы, говоритъ, по своей глупости, вѣроятно, не поняли своихъ правилъ. Такихъ правилъ отъ сотворенія міра не было...“

Смѣхъ гимназистовъ, то и дѣло сверкавшій, какъ далекая зарница, въ этомъ мѣстѣ разсказа перешелъ въ бурный взрывъ хохота и Трубчевскій долженъ былъ сдѣлать значительную паузу, пока гимназисты не успокоились настолько, что могли продолжать слушать.

— Лепечу я, братцы вы мои, эти турусы на колесахъ, — мѣняя глупый тонъ на обыкновенный, повѣствовалъ далѣе Трубчевскій,—и вижу, что „уважаемый“ смутился: личико у нихъ сконфуженное, а щечки какъ будто даже покраснѣли. „Вѣроятно, говорятъ, этихъ правилъ еще не успѣли сообщить въ войска“.

— Должно быть, говорю. Но не разрѣшите ли мнѣ впредь до сообщенія не снимать мой головной уборъ при встрѣчахъ съ генералами? Согласитесь, что это крайне неловкое положеніе: воспитанника средняго учебнаго заведенія останавливаютъ на улицѣ и называютъ дуракомъ. Даже въ смыслѣ самолюбія нѣсколько щекотливо...

Новый взрывъ хохота не далъ Трубчевскому договорить послѣдней фразы своего повѣствованія о мнимой встрѣчѣ съ генераломъ. Гимназисты смѣялись, какъ одурѣлые: дерзкая смѣлость товарища плѣняла ихъ даже больше, чѣмъ зрѣлище одураченнаго педагога, который, при всей привычкѣ къ гимназической лжи, не могъ допустить мысли, чтобы эта ложь облекалась въ такія подкупающія простотой и естественностью формы. Эта простота, очевидно, заставила педагога даже забыть, что предъ нимъ стоялъ

„профессоръ лжи“ и „маэстро мошенничества“ Трубчевскій, котораго, по его собственнымъ словамъ, въ разговорахъ съ начальствомъ осѣняла своимъ крыломъ „муза брехни“.

Когда смѣхъ нѣсколько поутихъ, а авторъ разсказа получилъ по спинѣ, по крайней мѣрѣ, десятокъ поощрительныхъ товарищескихъ тумаковъ, разговоръ самъ собой перепрыгнулъ на проектируемыя чтенія.

— А что же, господа, наша „крамола“, чортъ возьми? — спохватился Трубчевскій.—Черти! Вы мнѣ ни полслова не сказали еще о дѣлѣ!

— Да вотъ маленькая остановка за нѣкоторыми „крамольниками“,—разводя руками съ виноватой улыбкой промолвилъ Дорошенко.—Въ виду новыхъ правилъ, возникло сомнѣніе насчетъ безопасности.

Трубчевскій даже со стула привскочилъ.

— Безопасности? Ну это, господа, такое мѣщанство, такая подлость, такая... Чертъ васъ побери со всѣми потрохами послѣ этого!..

Казалось, Трубчевскій былъ искренно и до глубины души обиженъ и возмущенъ. Онъ нѣсколько разъ, ни на секунду не переставая ругаться, пробѣжался взадъ-впередъ по комнатѣ и вдругъ, остановившись крикнулъ всѣмъ:

— Идіоты! Вы забыли, что намъ, подневольнымъ людямъ, надо рѣшаться на что-нибудь одно изъ двухъ; надо или жить по правиламъ, или жить по-человѣчески!.. Выбирайте, что вамъ больше по душѣ!

Эта фраза такъ понравилась всѣмъ, что гимназисты бурно зааплодировали.

— Браво, браво, Трубчевскій!

— Именно, одно изъ двухъ, чортъ возьми!

— Другого выбора нѣтъ!

— Къ чорту сомнѣнья и да погибнутъ „халдеи“ и все ихъ нечестивое воинство!

Налетѣвшее оживленіе было такъ стремительно, что отъ души апплодировалъ даже Ливановъ, который, въ силу своего семейнаго положенія, имѣлъ основанія опасаться больше другихъ.

— Такъ твое мнѣніе,—весело тряхнувъ головой, спросилъ онъ Трубчевскаго,—разъ навсегда, категорически абсолютно и безповоротно наплевать на всѣ подводные камни?

— Ты хочешь знать мое мнѣніе? —вдругъ выпрямившись во весь ростъ съ загорѣвшимися глазами крикнулъ Трубчевскій. — Слушай!

И неожиданно для всѣхъ, онъ вдругъ, во всю силу своего

дивнаго мощнаго голоса, съ какимъ-то опьяняющимъ энтузіазмомъ запѣлъ:

То-ре-одоръ! Смѣ-лѣ-е въ бой
То-ре-о-доръ!..

Точно какимъ-то вихремъ, стремительнымъ и неудержимымъ, подхватило всѣхъ гимназистовъ. Какъ шальные ухватили они подъ руки пѣвца и въ тактъ размахивая руками, пьяные отъ молодого задора, всей гурьбой промаршировали въ гостиную, прямо къ роялю.

— Ливановъ! Аккомпанируй!

Но Ливанова не нужно было и просить: онъ, какъ помѣшанный, прыгнулъ къ клавишамъ и, весь блѣдный, охваченный волной общаго энтузіазма, аккомпанировалъ въ какомъ-то пароксизмѣ увлеченія:

То-ре-о-доръ, смѣ-лѣ-е въ бой!..

А. Яблоновскій.

(*Продолженіе слѣдуетъ*).

Любопытный обывательскій протестъ противъ школьнаго классицизма XVIII вѣка.

I. Школьный классицизмъ XVIII вѣка.

Въ настоящее время только обскуранты изъ безславной стаи маленькихъ Катковыхъ всей грудью хотятъ отстоять поколебавшуюся твердыню школьнаго классицизма. Врядъ ли имъ это удастся: въ области свѣтскаго образованія крайній классицизмъ второй половины XIX вѣка былъ въ Россіи не необходимымъ звеномъ органически выроставшаго учебнаго строя, а весьма искусственной казенной выдумкой съ плохо скрытою заднею мыслью политическаго свойства. Эта выдумка стала явною ненужностью теперь и, лишившись всякаго raison d'être, должна пойти на сломъ *). Но есть область русской учебной культуры, въ которой школьный классицизмъ имѣетъ болѣе длинную исторію и болѣе глубокія традиціи. Мы говоримъ о духовномъ образованіи, тѣсно связанномъ со всей умственною жизнью нашего духовенства и наложившемъ на нее своеобразныя черты. Это образованіе сыграло въ русской жизни довольно крупную обще-культурную роль, такъ какъ наши духовныя школы никогда не имѣли, да и до сихъ поръ не имѣютъ узкаго про-

---

*) Въ сущности несостоятельность толстовской учебной системы съ только-что указанной точки зрѣнія стала ясна и самому правительству еще въ началѣ 80-хъ гг. На это указалъ очень рѣзко графъ Лорисъ Меликовъ въ одномъ изъ своихъ «историческихъ» докладовъ Александру II; въ этомъ докладѣ, между прочимъ, подчеркивалось полное отсутствіе «сердечности» (подлинное выраженіе!) въ учебно-воспитательной практикѣ министерства Толстого и прямо говорилось, что учебное вѣдомство «возбудило противъ себя и государственныхъ сановниковъ, и духовенство, и дворянство, и ученое сословіе, и земство, и города, однимъ словомъ,—всѣхъ, кромѣ лично заинтересованныхъ въ продолженіи существующаго направленія». Біографія имп. Александра II (Татищева) въ «Русскомъ Біографическомъ Словарѣ», изданномъ Императорскимъ Русскимъ Историческимъ Обществомъ подъ наблюденіемъ предсѣдателя Общества А. А. Половцова, т. I стр. 882. Участь толстовской системы была бы рѣшена въ 80-хъ годахъ (тѣмъ болѣе, что Александръ III лично былъ несомнѣннымъ противникомъ этой системы), если бы по странному, хотя и вовсе не случайному, совпаденію гр. Д. А. Толстой черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ своего ухода изъ министровъ народнаго просвѣщенія не былъ назначенъ министромъ внутреннихъ дѣлъ и не сталъ руководящимъ государственнымъ дѣятелемъ всего царствованія.

фессіональнаго значенія. Въ XVIII же вѣкѣ онѣ безспорно являлись важнѣйшими разсадниками общаго образованія, главнѣйшими средними общеобразовательными школами въ нашей странѣ. Въ то же время въ средней школѣ духовнаго вѣдомства съ тѣхъ поръ, что она стала прочнымъ учрежденіемъ, привившимся къ жизни церкви и общества, царилъ классицизмъ, въ которомъ руководящую роль получила латынь. Кстати, когда въ настоящее время, время несомнѣнной и повсемѣстной ликвидаціи школьнаго классицизма, какъ монопольной системы средняго образованія, заводится длинный споръ о томъ, какому древнему языку въ русской средней школѣ отдать предпочтеніе при облегченіи учащагося юношества отъ пригнетающаго его классическаго груза, что̀ выбросить за бортъ: греческій языкъ или латынь, то препирающіеся бо̀льшею частью забываютъ, что ихъ споръ нѣкогда уже стоялъ на очереди и давно уже вырѣшенъ въ исторіи русской образованности. Въ сущности онъ рѣшался даже дважды: сперва на юго-западномъ форпостѣ русской культуры и затѣмъ въ самомъ Московскомъ государствѣ, разросшемся въ концѣ XVIII и началѣ XIX вѣка въ Россійскую имперію. На юго-западѣ православныя братства и ихъ школы организовавшись на борьбу за православіе противъ латынства, заимствовали свою школьную культуру изъ Греціи, создавъ при помощи такого заимствованія «еллино-славянское» образованіе съ безусловнымъ преобладаніемъ греческаго элемента. Но нашелся духовный сановникъ, который не поцеремонился замѣнить еллино-славянскую школьную культуру болѣе высокой, заимствованной не съ востока, а съ запада—польско-латинской. «Окруживъ себя дружиною молодыхъ ученыхъ, такихъ же воспитанниковъ латинскихъ западныхъ школъ, митрополитъ Петръ Могила преобразовалъ Кіевскую братскую школу по образцу іезуитскихъ коллегій и ввелъ въ нее преобладаніе латинскаго схоластическаго элемента. Всѣ представители юго-западнаго образованія и даже казаки и кіевское посполъство возстали противъ него за это антинаціональное дѣло, произвели шумное и грозное волненіе, поставившее въ опасность самое существованіе коллегіи и жизнь ея реформаторовъ, но Могила твердо отстоялъ свою реформу и мало-по-малу латинское образованіе сдѣлалось господствующимъ на всемъ западѣ» *).

Та же самая борьба повторилась на московской почвѣ, когда Москва вынуждена была пойти на выучку къ представителямъ юго-западной образованности. Сперва въ роли учителей явились питомцы прежнихъ до могилинскихъ школъ, принявшіеся за насажденіе «еллино-славянскаго» образованія. Но потомъ вслѣдъ за ними стали попадать въ Москву другіе кіевскіе учителя, несшіе съ собой латинскую богословскую и школьную культуру. Заподозрѣнные въ латинствѣ, они должны были уда-

*) Знаменскій «Духовныя школы въ Россіи до реформы 1808 года» (стр. 3—4).

литься и на ихъ мѣсто были призваны греки. Елинно-славянское образованіе торжествовало побѣду надъ латинскимъ, но не надолго. Сперва и оно само было взято подъ подозрѣніе, а потомъ петровская реформа, одно изъ самыхъ крупныхъ національныхъ и въ то же время западническихъ дѣлъ въ русской исторіи, поставила на очередь вопросъ о реформѣ духовнаго образованія. Со смертью послѣдняго патріарха западное вліяніе снова стало захватывать въ свою сферу русскую церковь и ея школу. Мѣстоблюститель патріаршаго престола Стефанъ Яворскій на основаніи особаго дозволительнаго указа царя сталъ вводить въ Московской академіи кіевскіе порядки и «латинскія ученія». Изъ Кіевской академіи стали призываться въ Москву преподаватели, а москвичи начали ѣздить для ученія въ Кіевъ. «Напрасно разные ревнители православія и эллинно-славянскаго ученія роптали на эти новые порядки и на разливъ латинскихъ ученій» *). Напрасно одинъ изъ восточныхъ патріарховъ Досиѳей Іерусалимскій съ горечью укорялъ Яворскаго за то, что онъ «еллинское училище въ конецъ стерлъ и токмо о латинскихъ старается, поставивъ учителей въ догматѣхъ строптивыхъ». Напрасно онъ доказывалъ самому царю, что еллинское ученіе несравненно превосходнѣе латинскаго и что «кто предпочтетъ латинскій языкъ есть еретикъ и отступникъ и еще яко на латинскомъ языкѣ написана суть толикая ереси, толикая шпынства, паче же безбожества». Но—какъ справедливо замѣчаетъ ученый историкъ духовнаго образованія въ Россіи—«мысли такого рода уже не принимались во вниманіе. Сама реформа всѣми силами своими поворачивала Россію отъ востока къ западу, отъ прежнихъ византійскихъ вліяній къ западной цивилизаціи, взросшей на латино-римской почвѣ. Борьба прежняго еллинославянскаго направленія тянулась, впрочемъ еще, долгое время и при Петрѣ, и даже послѣ него, и составляетъ одинъ изъ важныхъ основныхъ мотивовъ въ исторіи духовнаго образованія въ первой половинѣ XVIII вѣка».

Насажденіе классицизма въ русской духовной школѣ этого времени въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ напоминаетъ страдную эпопею покоренія русскаго юношества подъ иго той классической системы, духовными виновниками которой были московскіе редактора, властнымъ насадителемъ — петербургскій бюрократъ, а чиновниками по педагогической части—привозные чехи и нѣмцы. Разница, и очень существенная, въ томъ, что латинское наводненіе XVIII вѣка было до извѣстной степени своевременнымъ культурнымъ потокомъ, и среда, которую онъ залилъ, не могла противопоставить ему ничего лучшаго или даже сколько-нибудь равносильнаго, между тѣмъ какъ толстовско-чешскій классицизмъ былъ ненужнымъ и запоздалымъ насиліемъ надъ обществомъ, которое, будь у него развязаны руки для свободнаго творчества школьной культуры, создало бы школу и болѣе раціональную и

*) Знаменскій, стр. 9.

болѣе самобытную, чѣмъ отживающая восьмиклассная гимназія съ двумя древними языками. Если бы во вторую половину 60-хъ годовъ, во главѣ нашего вѣдомства народнаго просвѣщенія сталъ не графъ Димитрій Толстой, съ такими помощниками, какъ Георгіевскій и прочіе, а Пироговъ, окруженный такими педагогами, какъ выдвинувшіеся въ 60-е годы, но оттертые на задній планъ въ 70-е гг. Ушинскій, Резенеръ, Стоюнинъ и другіе, то мы бы, навѣрное, имѣли въ настоящее время достойную великаго культурнаго народа національную среднюю школу, вполнѣ отвѣчающую потребностямъ времени. Но судьба рѣшила иначе: русская школа и русское юношество стали жертвою политическаго эксперимента властнаго министра, и теперь, черезъ 30 лѣтъ послѣ его школьной революціи сверху, страна стоитъ въ сущности безъ всякихъ руководящихъ педагогическихъ идей и безъ крупныхъ педагогическихъ дѣятелей передъ новой реформой. Общественное сознаніе смутно чувствуетъ, что для плодотворнаго преобразованія школы нужны новыя условія общественной жизни, въ которыхъ могъ бы вновь зажечься педагогическій и общегражданскій энтузіазмъ, подобный одушевленію 60-хъ гг., такъ сильно пошедшему на пользу, напримѣръ, Милютинскимъ военнымъ гимназіямъ. Безъ такого энтузіазма не поднять на плечи и не провести крупной школьной реформы, которая только возможна въ связи съ общимъ подъемомъ общественнаго творчества, какъ часть цѣлой программы дѣйствительнаго національнаго возрожденія...

Мы сказали, что завоеваніе нашей духовной школы XVIII вѣка классицизмомъ нѣкоторыми своими чертами напоминаетъ вторженіе толстовскаго классицизма въ свѣтскую школу послѣдней трети XIX вѣка. Роль чеховъ въ великорусской духовной школѣ XVIII вѣка сыграли до извѣстной степени малоруссы, явившіеся носителями новой латинской богословско-школьной культуры. Эти «черкасы», сосредоточившіе на себѣ столько ненависти со стороны своихъ велирусскихъ учениковъ и выучениковъ, ставшихъ ихъ соперниками, были для великорусской школы, «люди въ собственномъ смыслѣ, чужіе, наѣзжіе изъ какой-то чужой страны, какой тогда представлялась Малороссія, съ своеобразными привычками, понятіями и самой наукой, съ своей малопонятною, странною для великаго русскаго ума рѣчью». Они «не только не хотѣли приноровиться къ просвѣщаемому ими юношеству и къ призвавшей ихъ странѣ, но даже явно презирали великоруссовъ, какъ дикарей, надъ всѣмъ смѣялись и все порицали, что было не похоже на ихъ малороссійское, а все свое выставляли и навязывали какъ единственно хорошее. Сдѣлавшись преподавателями въ великорусскихъ школахъ они не оставили даже своего провинціальнаго нарѣчія, вслѣдствіе чего по замѣчанію одного изъ изслѣдователей по исторіи нашихъ семинарій ни учителя учениковъ, ни ученики учителей не понимали. Преданность ихъ своему нарѣчію доходила до такой степени, что они даже въ классѣ осмѣи-

вали формы великорусскаго нарѣчія и принуждали учениковъ объясняться такъ, какъ они сами говорили, напр. запрещали говорить: «въ Кіевѣ» и требовали, чтобъ говорили: «у Кіеви»... «Самая наука, которую принесли съ собой учителя-малороссы, стоила многихъ мученій великорусскому юношеству и долго возбуждала въ немъ непреодолимое отвращеніе, пока кое-какъ не привилась на новой непривычной къ ней почвѣ».

Противодѣйствіе этой наукѣ, очень медленно ослабѣвая, наблюдается во всѣ первыя 6 десятилѣтій XVIII вѣка. За исключеніемъ одного Ѳеодосія Яновскаго, сдѣлавшаго въ свое время попытку приспособить новое латинское образованіе къ мѣстнымъ великорусскимъ преданіямъ, другіе архіереи-черкасы дѣйствовали прямо въ подрывъ этимъ преданіямъ. Семинарскіе курсы повсюду являлись точною копіей курса Кіевской академіи, сложившагося подъ западнымъ вліяніемъ по латинско-католическимъ образцамъ *).

Единственное, напоминавшее въ семинарскомъ курсѣ старое еллино-славянское образованіе, было преподаваніе въ низшемъ классѣ «словено-россійскаго ученія» и церковнаго пѣнія, но это преподаваніе со временемъ выдѣлилось изъ общаго семинарскаго курса, образовавъ особый, приготовительный къ семинаріи классъ, а въ нѣкоторыхъ семинаріяхъ и вовсе упразднилось съ отнесеніемъ его предметовъ не къ школьному, а къ частному и домашнему обученію.

Послѣ славяно-россійскаго класса ученики семинаріи непосредственно переходили къ изученію латинскаго языка, считавшагося основою всѣхъ знаній и главнымъ орудіемъ ихъ пріобрѣтеній. Въ первомъ классѣ, носившемъ названіе «фары» или «аналогіи», семинаристы учились читать и писать по «элементарю». Часто это трудно дававшееся ученіе продолжалось нѣсколько лѣтъ. Осиливъ «элементарь», ученики переходили въ дальнѣйшіе классы, именовавшіеся «инфимой», «грамматикой» и «синтаксимой» и посвященные спеціальной грамматической выучкѣ. Въ «инфимѣ» преподавались первоначальныя этимологическія правила, ученики пріучались къ грамматическому разбору и начинали писать небольшія переводныя упражненія (экзерциціи). Здѣсь ученики сталкивались впервые съ мудростью великаго Альвара, т.-е. съ толстой латинской грамматикой Альвара, перешедшей изъ Польши въ Малороссію. Альваръ давался съ большимъ трудомъ семинаристамъ того времени, и не мудрено: Кюнеры и Ходобаи—сущая бездѣлица по сравненію съ этимъ толстымъ учебникомъ. Онъ пользовался необыкновеннымъ уваженіемъ въ семинаріи. На первомъ листкѣ книги грамматика эта изображалась въ видѣ плодовитаго дерева съ тремя отдѣлами сучьевъ, соотвѣтствовавшими тремъ грамматическимъ классамъ. Въ предисловіяхъ, сочинявшихся преподавателями, это древо Альварово сравнивалось съ древомъ въ видѣніи пророка Даніила, досягающимъ до

---

*) Знаменскій, стр. 435—436.

неба и укрывающимъ своими вѣтвями и звѣрей земныхъ, и птицъ небесныхъ. «Высоко это древо,—говорилось тамъ,—и досягаетъ до неба, ибо Творецъ Неба, самъ сый Премудрость, любитъ ищущихъ полезной мудрости. Весь міръ осѣняетъ это древо, ибо всюду имѣетъ мѣсто мудрость. Чудесенъ плодъ его, ибо питаетъ души смертныхъ въ учителяхъ и проповѣдникахъ церкви. Витаютъ звѣри подъ этимъ древомъ, ибо мудрость заграждаетъ уста невѣрныхъ и еретиковъ. На вѣтвяхъ этого древа укрываются птицы небесныя, т.-е. ангелы — любители мудрости. Пріиди и виждь это древо, восходи по нему умомъ и духомъ и вкушай плоды его, пребуди подъ его тѣнью и, усладившись, воскликнешь съ поэтомъ: exigit ad coelum radiis felicibus arbor... Высоко это древо, но вотъ три класса, какъ бы лѣствица о трехъ ступеняхъ: низшій, средній и высшій: восходи по нимъ и рви плоды грамматики». Однако семинаристы не очень восхищались этимъ древомъ мудрости и своихъ учителей малороссовъ ругательно прозвали «альварями».

Въ слѣдующемъ классѣ, называвшемся «грамматикой», проходились главнѣйшія синтаксическія правила. Ученики вооружались знаменитымъ «Кнапіушемъ» — такъ называли латинскій лексиконъ, первоначально изданный тоже для польскихъ школъ и на польскомъ языкѣ. Тутъ же начинались упражненія въ разговорѣ на латинскомъ языкѣ и выступалъ на сцену т. н. Calculus. Это былъ длинный, помѣщавшійся въ футлярѣ листъ, на которомъ записывались имена учениковъ, проговорившихся во время латинскихъ разговоровъ по-русски и вообще провравшихся въ латыни. «Calculus этотъ сопровождалъ учениковъ изъ класса и въ ихъ бурсацкія комнаты; провинившійся противъ латыни таскалъ его съ собою до тѣхъ поръ, пока не успѣвалъ самъ подловить въ латинской ошибкѣ или въ русскомъ словѣ другого, которому и спѣшилъ передать опасный футляръ; у кого Calculus переночевывалъ, тотъ подвергался на другой день ударамъ пали или ферулы». При подачѣ письменныхъ работъ учителю учениками послѣдніе заявляли certamina или споры на сидящихъ въ классѣ выше ихъ, надписывая на тетради: Certo de loco, de erratis, de diligentia cum domino NN. Иногда призомъ спора являлись матеріальные предметы, и тогда писалось: Certo de pane, de candella и т. д. Наказанія за неисправности были столь суровыя, что, по словамъ одной оккупаціи (ученической письменной работы), «должно заболѣти на сердцу и сотрепетати по рукамъ и ногамъ, кто хощетъ въ интихъ Афинахъ радоватися душею съ честнаго ученія, ибо Екклезіастій глаголи: «Всякаго ученія корень горекъ». Упражненія въ латинскомъ разговорѣ считались обязательными и въ классѣ, и дома. Число учебныхъ часовъ латинскаго языка въ «грамматикѣ» и въ послѣднемъ грамматическомъ классѣ «синтаксимѣ» доходило до 5 въ день. Такого завиднаго раздолья или такой «концентраціи» нашему новѣйшему классицизму, конечно, не удалось достигнуть. И не смотря на это, многіе ученики бились годы и годы въ одномъ классѣ, лѣтъ по

6—8, хотя курсъ каждаго класса былъ разсчитанъ на одинъ годъ. Въ 1760 году синодъ сдѣлалъ выговоръ ректору Московской академіи за то, что тамъ оказался юноша, просидѣвшій въ «синтаксимѣ» цѣлыхъ десять лѣтъ.

Высшими классами семинаріи являлись: піитика, реторика, философія и богословіе («богословія»). Здѣсь немногими счастливцами, забравшимися на эти ступени семинарской мудрости, пожинались плоды долговременной и мучительной латинской выучки: всѣ предметы старшихъ классовъ преподавались на латинскомъ языкѣ. Въ піитикѣ и реторикѣ изучали разнообразнѣйшія и мельчайшія формы рѣчи стихотворной и прозаической, изощрялись въ разнаго рода красивыхъ и звонкихъ оборотахъ, придумывали амплификаціи и «полные симметрическіе, плавные періоды». Философія и «богословія», преподаваніе которыхъ въ первой половинѣ XVIII вѣка было организовано далеко еще не во всѣхъ семинаріяхъ, читались тоже на латинскомъ языкѣ и въ томъ же стилѣ.

Результаты школьнаго классицизма XVIII вѣка, гораздо болѣе своевременнаго и здороваго, чѣмъ отмирающій теперь (хотя первый представляется намъ еще болѣе дикимъ чѣмъ второй), нельзя охарактеризовать одной формулой. Несомнѣнно, что семинарская латынь была въ свое время важнымъ орудіемъ общаго образованія, а высшіе семинарскіе курсы піитики, реторики, философіи и богословія сообщали слушателямъ значительный для того времени общеобразовательный матеріалъ. «Какова бы ни была семинарская реторика и философія, — справедливо говоритъ г. Знаменскій,—онѣ сообщали ученику не одну ремесленную выучку, а въ собственномъ словѣ образованіе, развитіе. Ихъ изучалъ одинъ семинаристъ. Оттого онъ и имѣлъ огромное преимущество передъ воспитанниками всѣхъ другихъ заведеній, гдѣ этихъ наукъ не было; оттого такъ и дорожили имъ въ университетахъ Петербургскомъ академическомъ и Московскомъ; оттого такъ много замѣчательныхъ людей изъ духовныхъ воспитанниковъ встрѣчаемъ въ XVIII вѣкѣ и на всѣхъ родахъ государственной и ученой службы». Но, съ другой стороны, семинарская наука была насквозь проникнута формализмомъ. «Ученикъ въ теченіе своего многолѣтняго курса вращался въ однѣхъ формахъ,—говоритъ тотъ же г. Знаменскій,— отъ формъ языка переходилъ къ формамъ піэтической и ораторской рѣчи, отъ формъ рѣчи къ разнымъ формамъ мысли. Наконецъ, всѣ эти формы стремился прилагать къ богословскимъ положеніямъ, которыя затѣмъ и оставались почти единственнымъ ихъ содержаніемъ. Кое-какія положительныя знанія только и попадались ему, что въ разныхъ subsidia poëseos или въ источникахъ изобрѣтенія мыслей, въ разныхъ реторическихъ супеллексахъ eruditionum, sententiarum и проч., или, наконецъ, въ философской физикѣ; но само собой понятно, что всѣ подобные обрывки разнообразныхъ свѣдѣній по разнымъ наукамъ безъ правильнаго изученія этихъ наукъ, только могли служить развѣ въ качествѣ пособій

для украшенія ораторскихъ рѣчей, для придаванія имъ извѣстнаго рода занимательности къ увеселенію слушателей, или въ качествѣ примѣровъ и свидѣтельствъ для усиленія діалектической аргументаціи. Недостатокъ положительныхъ знаній вредно отзывался на самомъ богословіи. Формальная, исключительно діалектическая ученость, при всемъ своемъ самомнѣніи, была слишкомъ довѣрчива и наивна. Обращая все свое вниманіе только на формальную правильность своихъ силлогизмовъ, она вовсе не отличалась критикой и простодушно набивала свои богословскіе трактаты всякими средневѣковыми бреднями, апокрифами, легендами объ ангелахъ и демонахъ, росказнями о ложныхъ чудесахъ, важными рѣшеніями пустыхъ и мелочныхъ вопросовъ, которые человѣку вѣрующему и не тронутому схоластикой не могутъ придти и въ голову и т. п.» *).

Латинская дрессировка давала поразительные результаты, которые и не снились новѣйшимъ насадителямъ классицизма. Лучшіе семинаристы начинали чуть что не мыслить по-латыни. «Когда имъ случалось что-нибудь записывать по-русски, или, напримѣръ, послѣ въ высшихъ классахъ составлять про себя на бумагѣ планъ какого-нибудь русскаго сочиненія, они невольно пересыпали свою рѣчь латинскими фразами, а нѣкоторые знатоки такъ и все сочиненіе писали первоначально на языкѣ латинскомъ, а потомъ уже переводили съ него на русскій» **).

Но зато такая превосходная латинская дрессировка давала у не малаго числа учениковъ и весьма плачевные плоды. Имѣя это въ виду, одна семинарская инструкція такъ прямо и рекомендовала соблюдать нѣкоторую мѣру въ начиненіи головъ семинарскихъ учениковъ латынью, дабы не причинить «какого повреждения ихъ мозгамъ».

Любопытно также, что крайнее увлеченіе латынью приводило къ забвенію родного языка. Нѣкоторые ученики, дойдя до высшихъ классовъ, разучивались даже... читать по-русски. Въ 1768 году смоленскій епископъ писалъ въ одномъ указѣ: «Разсуждали мы, что многіе изъ учениковъ семинаріи, будучи уже отпущены съ аттестатами... для производства въ причтъ церковный, въ чтеніи книгъ церковныхъ и гражданскихъ, а также и въ церковномъ пѣніи являются весьма неисправны, а нѣкоторые крайне невѣжи и во всемъ, и притомъ не только ученики низшихъ школъ (т.-е. классовъ), но тѣмъ же недостаткамъ подвержены и ученики высшихъ реторики, философіи и богословіи». Причину этого невѣжества епископъ видѣлъ въ томъ, что «они долгое время проводили во ученіи латинскихъ школъ» ***).

Слѣдуетъ указать и особливо подчеркнуть, что семинарскій клас-

---

*) Тамъ же, стр. 463—464.

**) Тамъ же, стр. 740.

***) Тамъ же, стр. 736.

сицизмъ XVIII вѣка былъ латинскимъ по преимуществу. Греческій языкъ былъ оттѣсненъ на задній планъ вмѣстѣ съ паденіемъ «еллино-славянскаго» образованія: до 1780 года, когда правительство, увлекавшееся «греческимъ проектомъ» (изгнаніе турокъ изъ Европы, завоеваніе Константинополя и возстановленіе Византійскаго царства) обратило на греческій языкъ свое вниманіе, преподаваніе его оставалось даже необязательнымъ для семинарій. Ставъ въ этомъ году обязательнымъ для школы, греческій языкъ остался номинально до 1798 года, а фактически и до болѣе поздняго времени необязательнымъ для учащихся. Охотниковъ учиться ему было немного, хотя въ 1784 году именнымъ указомъ было предписано: «предпочтительнѣе другихъ языковъ преподавать въ семинаріи греческій языкъ, какъ въ разсужденіи, что книги священныя и учителей нашей греко-россійской церкви на немъ написаны, такъ и потому, что знаніе сего языка многимъ другимъ наукамъ пособствуетъ», и впредь при замѣщеніи церковныхъ должностей отдавать преимущество лицамъ, знающимъ этотъ языкъ. На основаніи этого указа, синодъ приказалъ ввести изученіе греческаго языка во всѣхъ семинаріяхъ въ самомъ скоромъ времени съ тѣмъ, чтобы учились на немъ «не только читать, но писать, говорить и переводить совершенно, для чего и учителей опредѣлять достойныхъ и знающихъ» *). Но, конечно, никакія мѣры не могли вернуть греческому языку утраченнаго вмѣстѣ съ Петровской реформой былого первенствующаго значенія въ русской духовной и, въ частности, школьной культурѣ.

Вопросъ о преподаваніи высшихъ семинарскихъ наукъ на русскомъ языкѣ былъ поставленъ еще въ 1731 году въ грамотѣ Харьковскому коллегіуму, въ которой было выражено пожеланіе, чтобы «высшія науки старались вводить на собственномъ россійскомъ языкѣ». Но эта мысль не привилась: ея осуществленіе разбивалось о школьную традицію, по которой употребленіе латинскаго языка въ преподаваніи было дѣломъ педагогическаго приличія. Въ 1759 году въ Кіевской академіи митрополитъ Арсеній распорядился читать богословамъ по-русски православное исповѣданіе Петра Могилы. Но «эта уступка требованіямъ жизни допущена была академіей, такъ сказать ради человѣческой слабости»: русскія чтенія являлись въ видѣ прибавленія къ настоящему богословскому курсу, который все-таки предписывалось читать, «сохраняя чистый латинскій штиль и оберегаясь грубаго, простого нарѣчія». Первый, болѣе рѣшительный опытъ разрыва съ традиціоннымъ преподаваніемъ на латинскомъ языкѣ былъ произведенъ, повидимому, въ Твери. Починъ этому дѣлу положилъ ректоръ Тверской

---

*) Тамъ же, стр. 768.

духовной семинаріи, извѣстный въ свое время богословъ, сербъ Макарій Петровичъ, который ввелъ въ семинарское преподаваніе въ половинѣ 60-хъ годовъ XVIII вѣка «въ высшей степени важное и полезное новшество»: сталъ преподавать «богословію» на россійскомъ языкѣ» *). Примѣръ ректора, перешедшаго въ дѣлѣ преподаванія отъ чуждаго языка къ родной для учениковъ рѣчи,—говоритъ историкъ Тверской духовной семинаріи,—имѣлъ заразительное вліяніе и на другихъ учителей семинаріи. Новшество Макарія Петровича было воспринято и укрѣплено однимъ изъ его ближайшихъ преемниковъ —ректоромъ Арсеніемъ Верещагинымъ. Но съ 1770 года, когда тверскимъ архіепископомъ былъ назначенъ Платонъ Левшинъ, позже знаменитый митрополитъ московскій, произошла обратная перемѣна. Архіепископъ разошелся въ педагогическихъ воззрѣніяхъ съ ректоромъ семинаріи и возстановилъ прежнее значеніе латинскаго языка въ семинарскомъ преподаваніи. Когда же въ 1775 году послѣ Платона на епископскую каѳедру въ Тверь былъ назначенъ Арсеній Верещагинъ, онъ ввелъ во всѣхъ классахъ семинаріи преподаваніе на русскомъ языкѣ и, такимъ образомъ, еще полнѣе осуществилъ новшество Макарія Петровича.

Однако, видно, такова ужъ судьба всѣхъ благихъ русскихъ реформъ Къ реформированной Тверской семинаріи подкрадывалась снова контръреформа. Арсеній былъ въ 1783 году переведенъ въ Ростовъ, а въ Тверь былъ назначенъ епископомъ Іоасафъ Заболотскій. Этотъ іерархъ, не отличавшійся, по словамъ историка Тверской семинаріи, самостоятельнымъ умомъ и оставившій по себѣ, между прочимъ, письменный памятникъ въ видѣ свирѣпой надписи на одной книгѣ семинарской библіотеки: «сія книга достойна огня геенскаго», безцеремонно посягнулъ на дѣло своего предшественника. Въ 1784 году онъ отмѣнилъ преподаваніе на рускомъ языкѣ. Любопытно, что этотъ возстановитель крайняго классицизма держался принципа—выбрасывать изъ воспитанниковъ семинаріи бѣдняковъ, присуждая ихъ къ отправкѣ въ «свѣтскую команду», т.-е. приравнивая бѣдность къ неспособности къ ученію. Экономически-педагогическая доктрина пресловутаго деляновскаго циркуляра была, такимъ образомъ, за 100 лѣтъ предвосхищена въ практикѣ нашей духовной школы. Эта практика вносила много ненужнаго горя въ и безъ того невеселую жизнь неимущихъ семинаристовъ. Въ дѣлахъ тверской консисторіи «находится много прошеній бѣдныхъ учениковъ семинарій, присужденныхъ суровымъ владыкою къ отправкѣ въ свѣтскую команду и просившихъ оставить ихъ въ семинаріи или опредѣлить на какое-либо церковно-служительское мѣсто» **).

*) В. И. Колосовъ. Исторія тверской духовной семинаріи, Тверь, 1889 г. стр. 132—133.

**) «Исторія тверской семинаріи», стр. 220.

*

Возстановленное въ 1784 году въ Тверской семинаріи преподаваніе высшихъ наукъ на латинскомъ языкѣ оказалось очень живучимъ и перешло, какъ и въ Твери, такъ и въ другихъ мѣстахъ Россіи, изъ XVIII-го въ XIX столѣтіе.

Тѣмъ не менѣе, въ екатерининское царствованіе крайній семинарскій классицизмъ, прочно утвердившійся въ русской духовной школѣ и переживщій господство черкасъ, сталъ постепенно изнутри шататься и ослабѣвать. Мы знаемъ уже, что радикальная реформа Макарія Петровича не была одобрена Платономъ Левшинымъ. Этотъ авторъ первой написанный на русскомъ языкѣ системы богословія считалъ все-таки нужнымъ преподавать богословіе въ прежнихъ школьныхъ формахъ и непремѣнно на латинскомъ языкѣ, и обращалъ большое вниманіе на діалектическое развитіе учениковъ богословскаго класса въ духѣ прежней схоластики, требуя «чтобы диспуты бывали чаще и чтобы они способствовали къ большему поощренію ума учениковъ». Онъ крѣпко стоялъ за латынь и въ 1802 году писалъ своему петербургскому коллегѣ митрополиту Амвросію, отличавшемуся въ этомъ вопросѣ большимъ свободомысліемъ: «чтобы на русскомъ языкѣ у насъ въ училищѣ предметы вреподавать я не совѣтую. Наши духовные и такъ отъ иностранцевъ почитаются почти неучеными, что ни по-французски, ни по-нѣмецки говорить не умѣютъ. Но еще нашу поддерживаетъ честь, что мы говоримъ по-латыни и переписываемся. Если же латинскому учиться такъ, какъ греческому, то и послѣднюю честь потеряемъ, поелику ни говорить, ни переписываться не будемъ ни на какомъ языкѣ; прошу сіе оставить. На нашемъ языкѣ и книгъ классическихъ мало. Знаніе Латинскаго языка совершенно много содѣйствуютъ краснорѣчію россійскому. Сіе пишу съ общаго совѣта ректоровъ академическаго и троицкаго, и префектовъ и преосвященнаго Серафима» *). «Учителю,—внушалось въ одной инструкціи Платона,—и при началѣ, и часто внушать ученикамъ, какая польза отъ ученія грамматики и сколько и чѣмъ различествуетъ знающій сію науку отъ не знающаго. И что безъ нея ни ораторомъ, ни стихотворцемъ, ни философомъ, ни богословомъ быть нельзя. Даже не можно ничего ни писать, ни прочесть порядочно, ни выразумѣть основательно». Тѣмъ не менѣе и этотъ стражъ латыни еще въ 1766 году въ одномъ распоряженіи, относившемся къ преподаванію наукъ въ Троицкой семинаніи указывалъ: «Упражненія должно задавать (ученикамъ реторики) дѣлать на томъ, и на другомъ языкѣ, латинскомъ и русскомъ попеременно, ибо нелѣпо пріучать къ языку латинскому, а родную рѣчь бросать» **).

*) Знаменскій, стр. 746.

**) Тамъ же, стр. 744.

Въ царствованіе Екатерины рядомъ съ латинской піитикой и реторикой во всѣхъ семинаріяхъ введено было изученіе и русской. Философскіе и богословскіе уроки стали также переводиться на русскій языкъ. Ученическія упражненія писались тоже уже отчасти на русскомъ языкѣ. На немъ же преподавались экстраординарныя свѣтскія науки (новые языки, ариѳметика, географія съ исторіей, позднѣе медицина). И все-таки, какъ мы знаемъ, послѣ отмѣненной тверской попытки ни одинъ изъ главныхъ руководителей семинаріи, епархіальныхъ архіереевъ, не рѣшился ввести преподаваніе высшихъ наукъ на русскомъ языкѣ и по русскимъ учебникамъ. Любопытно, что даже тамъ, гдѣ русское руководство Платона (богословіе) было главнымъ учебникомъ, ученики изучали его все-таки не въ русскомъ подлинникѣ, а въ латинскомъ переводѣ.

Въ екатерининское время началось движеніе воды въ области свѣтской школы. Въ 80-хъ годахъ Екатерина, отказавшись отъ воспитательныхъ цѣлей и задачъ, въ осуществленіи которыхъ ея помощникомъ являлся Бецкой, увлеклась постановкой обученія, и трудами серба Янковича де-Миріево стала насаждать общеобразовательную «австрійскую» систему, или, вѣрнѣе, австрійскій сколокъ съ прусскаго образца *). Къ этой учебной реформѣ Екатерина привлекла и духовныя школы. Съ одной стороны, изъ духовныхъ семинарій вербовался человѣческій матеріалъ для подготовки въ учителя новыхъ школъ съ другой стороны новые методы проникли въ духовную школу: въ 1785 г., исполняя желаніе императрицы, синодъ издалъ указъ о введеніи въ духовныя школы «австрійскаго» метода. Хотя методъ этотъ, расчитанный преимущественно на низшія школы, былъ мало пригоденъ для преподаванія семинарскихъ «наукъ», хотя онъ и усваивался, главнымъ образомъ, изъ угожденія императрицѣ **), тѣмъ не менѣе, онъ несомнѣнно оказалъ извѣстное благотворное вліяніе на семинарское преподаваніе. Благодаря этому методу, въ духовныхъ школахъ стало развиваться обученіе на русскомъ языкѣ и преподаваніе русскаго языка и упрочилось преподаваніе общеобразовательныхъ предметовъ (физики, географіи, исторіи ***), ариѳметики), до тѣхъ поръ не

---

*) См. Милюковъ «Очерки по исторіи русской культуры», ч. II, стр. 299—302.

**) Такъ, митрополитъ Платонъ, который вовсе не сочувствовалъ новому методу, въ 1787 г., когда пришли извѣстія изъ Смоленска, что императрица сама узнавала, введенъ-ли новый методъ въ тамошней семинаріи, счелъ нужнымъ на всякій случай справиться въ своей семинаріи, какъ обстоятъ въ ней дѣла излюбленнаго императрицей метода и что слѣдуетъ подготовить «для могущаго случиться высочайшаго прибытія». Любопытно, что новый методъ по тому значенію, какое онъ придавалъ въ школѣ русскому языку, казался семинарскимъ латынникамъ чрезвычайно опаснымъ для успѣховъ въ латинскомъ языкѣ.

***) Какой первобытный взглядъ господствовалъ въ тѣ времена на преподаваніе исторіи явствуетъ изъ одной инструкціи даже такого просвѣщеннаго іерарха, какъ

прививавшіеся къ чуждой ему традиціонной и спеціальной школьной культурѣ семинарій.

Наконецъ, въ 1803 г. по почину петербургскаго митрополита Амвросія была сдѣлана попытка учредить нѣчто въ родѣ особыхъ и законченныхъ «русскихъ» семинарій для подготовленія сельскихъ священниковъ изъ лицъ, оказавшихся неспособными къ усвоенію латинской премудрости. Но эти довольно широко задуманныя «русскія» школы въ дѣйствительности частью слились съ приготовительнымъ классомъ семинарій (аналогіей, или по болѣе позднему названію—инфарматоріей), частью же опустились до уровня школъ причетническихъ.

Мы сказали въ самомъ началѣ, что духовная семинарія въ XVIII вѣкѣ была главной средней школой въ Россіи. Несмотря на тенденцію духовнаго начальства—придать семинаріи характеръ сословно-профессіональнаго учебнаго заведенія, заградивъ ея воспитанникамъ выходъ въ другія профессіи и сословія, это никогда ему не удавалось. Государство и общество уже настолько нуждались въ людяхъ со среднимъ образованіемъ, что, за неимѣніемъ другихъ источниковъ, удовлетворяли своей потребности въ такихъ людяхъ, отвлекая семинаристовъ отъ ихъ традиціонной профессіи. О томъ же, чтобы въ семинаріи не попадали дѣти иныхъ сословій, кромѣ духовнаго, гораздо больше церковнаго начальства заботилось свѣтское, требовавшее дворянъ къ своевременному отбыванію обязательной службы, а лицъ тяглыхъ не выпускавшее изъ «оклада». Съ другой стороны и сама духовная школа, какъ сословно-профессіональное учрежденіе, не была заинтересована въ томъ, чтобы тратить свои силы и средства на такихъ учениковъ, которые, въ силу сословнаго уклада государственно-общественной жизни, имѣли мало шансовъ сдѣлаться служителями церкви. Впрочемъ, достаточно извѣстно, что русское общество того времени въ значительной мѣрѣ относилось къ ученію, какъ къ государственной повинности, отъ которой оно всячески уклонялось. Чрезвычайно яркій примѣръ этого отношенія представляетъ одинъ любопытный эпизодъ изъ исторіи духовной школы Когда вятскій епископъ Лаврентій Горка вздумалъ въ 1733 году набирать въ архіерейскую школу дѣтей лицъ гражданскаго вѣдомства, то канцелярскіе подъячіе и посадскіе устроили противъ него формонный бунтъ, взяли въ плѣнъ архіерейскихъ служителей, а его самого держали въ архіерейскомъ домѣ въ регулярной осадѣ, о которой онъ писалъ въ доношеніи на высочайшее имя: «...мое смиреніе въ домѣ архирейскомъ, яко въ осадѣ доселѣ содержусь, и нельзя изъ дому архирейскаго никому вонъ вытить. Понеже изъ оной канцеляріи дому нашего

митрополитъ Платонъ: «ученикамъ (реторики) изучать краткую исторію всесвѣтную и россійскую, а учителя долгъ есть только наблюдать, чтобъ они сіе твердо знали, ибо знаніе исторіи состоитъ наипаче въ чтеніи и памятованіи ея, а толкованія много не требуетъ» (Знаменскій, стр. 793—794).

учителей и служителей хватать различно похваляются, а нѣкоторыхъ служителей содержать въ той канцеляріи другую недѣлю» *).

II. Тверской «вопль».

Во второй половинѣ XVIII вѣка отношеніе русскихъ обывателей къ школѣ начало, повидимому, мѣняться. Они стали живѣе интересоваться школой и образованіемъ, и любопытнымъ памятникомъ этого интереса служитъ анонимный «вопль купецкихъ и разночинческихъ малолѣтнихъ дѣтей», поданный въ 70-хъ гг. XVIII вѣка тверскому архіепископу Платону Левшину, отмѣнившему, какъ мы знаемъ, преподаваніе высшихъ семинарскихъ наукъ на русскомъ языкѣ. Тверской вопль интересенъ и знаменателенъ еще потому, что это, если не ошибаемся,—первый въ Россіи сознательный и, я бы сказалъ, проникнутый духомъ новой европейской культуры, не нуждающейся въ помочахъ классической системы, протестъ противъ принудительнаго классицизма и его крайностей въ средней школѣ. Авторомъ «вопля», представляющаго нѣчто среднее между частнымъ мнѣніемъ и коллективной петиціей, является, кажется, Діомидъ Ивановичъ Кармановъ, сынъ тверского посадскаго и впослѣдствіи первый публичный нотаріусъ города Твери **). Если этотъ самоучка-археологъ, бывшій вольнослушатель Тверской семинаріи и ученикъ въ богословіи Макарія Петровича, дѣйствительно—авторъ тверского вопля, то онъ положительно обладалъ недюжиннымъ публицистическимъ талантомъ и выразительнымъ стилемъ. Приведемъ наиболѣе существенныя и характерныя мѣста изъ этого своеобразнаго произведенія.

«Хотя ваше преосвященство отеческою къ намъ будучи тронуто пользою,—говорится въ «воплѣ»,—и повелѣли насъ въ вашихъ училищахъ обучать, за что мы и приносимъ всенижайшее наше благодареніе, но, къ великому сожалѣнію, родители наши для обученія наукамъ насъ въ школы не посылаютъ, разсуждая, что науки преподаются обыкновенно на латинскомъ языкѣ, черезъ что мы понесемъ двойной трудъ и должны будемъ обучаться долгое время, оставляя между тѣмъ обученіе того, что къ знанію нашему особенно нужно. Къ тому-жъ, говорятъ они, что латинскій языкъ можетъ въ нѣкоторыхъ изъ насъ умы утрудить, и чрезъ то охоту къ дальнѣйшему въ наукахъ упражненію попортить, и

*) Знаменскій, стр. 294.

**) Таково предположеніе почтеннаго историка Тверской семинаріи г. Колосова (см. его «Исторію», стр. 150). «Вопль» напечатанъ въ изданномъ подъ редакціей г. Колосова «Собраніи сочиненій Д. И. Карманова, относящихся къ исторіи тверского края» (Тверь, 1893 г., изданіе Тверской ученой архивной коммиссіи). О Кармановѣ см. во вступительной статьѣ къ этому собранію и въ «Исторіи тверской семинаріи», стр. 447—448. Любопытно, что, по предположенію г. Колосова, въ составленіи вопля соучаствовалъ ректоръ тверской семинаріи Арсеній Верещагинъ, который, какъ мы уже знаемъ, въ значительной мѣрѣ осуществилъ пожеланія, высказанныя въ воплѣ.

сдѣлать насъ къ тому неспособными, что де примѣчено и во многихъ семинаристахъ, которые, обучаясь латинскому языку и наукамъ, вдругъ почувствовали въ себѣ скуку, и оттоль лишась къ наукамъ охоты, по довольномъ упражненіи выходятъ не столь знающими, какъ бы желать должно. Справедливо ли родители наши разсуждаютъ, мы разобрать не можемъ, только сожалѣнія достойными себя признаемъ, что лишаемся драгоцѣнныхъ наукъ бисеровъ, и сію потерю на всю нашу жизнь чувствовать принуждены будемъ».

Мы видимъ, такимъ образомъ, что архіепископъ Платонъ открылъ въ духовныя школы своей епархіи доступъ дѣтямъ купцовъ и разночинцевъ,—знакъ, что въ этихъ слояхъ уже проявилась потребность въ образованіи. Конечно, Кармановъ преувеличивалъ, когда отъ имени купецкихъ и разночинческихъ малолѣтнихъ дѣтей заявлялъ: «Мы ясно понимаемъ, что науки просвѣщаютъ разумъ, руководствуютъ къ добродѣтели и къ небесамъ, приносятъ почтеніе и пользу и дѣлаютъ насъ истинно счастливыми». Это ясно понимала лишь небольшая кучка, но она уже научилась говорить и выражать свои желанія. Содержаніе этихъ желаній въ данномъ случаѣ весьма характерно и интересно. Давъ только что приведенную, проникнутую вольнымъ и невольнымъ юморомъ и мѣткую характеристику латинской учебы, «вопль» проситъ не болѣе, не менѣе, какъ объ ея отмѣнѣ:

«...Осмѣливаемся припасть вашей святительской особѣ, зная особенное ваше о просвѣщеніи нашемъ стараніе, со всенижайшею нашею просьбою. Отверзите намъ врата наукъ; изведите насъ изъ нашего несчастія, повелите въ учрежденныхъ въ епархіи вашей училищахъ науки преподавать на нашемъ природномъ россійскомъ языкѣ, дабы чрезъ то родители наши были побуждены отдавать насъ въ училище, не видя уже никакого препятствія, и къ тому ихъ вашимъ архипастырскимъ увѣщаніемъ склонять не оставьте. Латинскій же языкъ повелите преподавать особо, какъ нынѣ гретческой и прочіе преподаются, и къ тому употребить прикажите острѣйшихъ изъ семинаристовъ, ибо и для нихъ не для всѣхъ латинской языкъ необходимо нуженъ. А и мы, увидя самою вещію пріятность и пользу наукъ, и бо́льшое получа къ нимъ расположеніе, будемъ всемѣрно старатца, чтобъ и въ знаніи языковъ отъ семинаристовъ не отстать, къ чему одно желаніе читать латинскія книги побудитъ насъ довольно».

Но этимъ радикальнымъ требованіемъ не ограничиваются реформаторскія пожеланія «вопля». Онъ хочетъ, чтобы и самая программа преподаванія была расширена, «чтобъ къ нынѣшнимъ частямъ философіи, которыя здѣсь преподаются, прибавить физику, а если можно будетъ, то и натуральную исторію, въ чемъ мы особую пріятность и пользу признаемъ, и кажется, что мы, получа обстоятельное познаніе въ свѣтѣ находящихся существъ и ихъ причинъ, силъ и дѣйствій, гораздо живою любовію воспламенятца будемъ къ премудрому Создателю

міра. Такое учрежденіе, какъ намъ кажется, многія принесетъ пользы, какъ намъ и всему обществу, такъ изъ семинаристовъ многимъ, которые, получа облегченіе, тѣмъ большее вниманіе и прилежность къ самимъ наукамъ имѣть будутъ.

«Сего давно желаетъ россійское общество. Сіе произведетъ истинныхъ христіанъ и добрыхъ гражданъ. Сіе вертоградъ Россійскій больше украситъ».

Любопытны и мотивы, которые «вопль» приводитъ въ подкрѣпленіе своихъ пожеланій. «Къ сему (т.-е. къ предлагаемымъ реформамъ),— говорится въ «воплѣ»,—видится намъ, подаетъ способъ и руководство Премудрая и Великая наша Самодержица, истинная отечества Матерь, повелѣніемъ переводить многія съ иностранныхъ языковъ на нашъ природной книги, коихъ мы имѣемъ уже нѣсколько и впредь больше имѣть будемъ. Ибо для чего бы столько о переводѣ книгъ Ея Величество старанія прилагала, если бы не имѣла предметъ, чтобы Ея вѣрноподданные могли почерпать изъ собственныхъ своихъ кладезей науки и просвѣщенія, не утруждая себя, кому нѣтъ нужды и способа, ученіемъ другихъ языковъ? Не симъ ли путемъ науки перешли отъ Грековъ къ Римлянамъ, а потомъ и по всей Европѣ распространились въ которой просвѣщеніе сдѣлалось почти всеобщимъ? Не сомнѣваемся мы, чтобы и ваше преосвященство сего же не желали, ибо и Вы можете удобнѣе руководить къ небесамъ паству вашу просвѣщенную, Вы всю Вашу жизнь посвятили просвѣщенію нашему и пользѣ общества. И когда такая удобность въ пріобрѣтеніи просвѣщенія сдѣлается, то и возрастные и должностями занятые мужи, не оставятъ свободное отъ должности своей время въ слушаніи наукъ упражняться, каковыхъ мы и нонѣ видимъ, которые, увидѣвши нѣкоторыя ученія, изданныя на россійскомъ языкѣ, съ великою охотою въ нихъ устремились и нѣкоторое пріобрѣли просвѣщеніе».

На «вопль купецкихъ и разночинческихъ малолѣтнихъ дѣтей» Платонъ положилъ слѣдующую резолюцію: «Мнѣ кажется, давно бы могло, если бы только хотѣло, гражданство завести на собственномъ своемъ содержаніи порядочное преподаваніе наукъ природнымъ языкомъ; а для сего потребными учителями семинарія, конечно бы, не отреклась снабдить». Эта резолюція не заключала въ себѣ вовсе отвѣта по существу на заявленіе просителей. Обыватели въ лицѣ автора «вопля» хотѣли поддержанія и продолженія реформы существующей средней школы, въ которую они искали и нашли себѣ доступъ, и указаніе на возможность открытія особыхъ школъ по почину самого «гражданства» не могло ихъ удовлетворить. Такая возможность въ самомъ дѣлѣ была чисто теоретической: основаніе школъ, а тѣмъ болѣе среднихъ было для нашего полумужицкаго «гражданства» XVIII вѣка во всѣхъ отношеніяхъ непосильно.

Нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что тверской «вопль» не

имѣлъ прочнаго успѣха. Онъ былъ для своего времени слишкомъ радикаленъ. Въ самомъ дѣлѣ, вѣдь этотъ вопль въ той части его, которая относилась къ «натуральной исторіи» или къ «обстоятельному познанію въ свѣтѣ находящихся существъ и ихъ притчинъ, силъ и дѣйствій», перешелъ по наслѣдству даже къ намъ, въ XX вѣкъ.

Только въ началѣ XX вѣка, съ осуществленіемъ готовящейся реформы средней школы, преподаваніе естественныхъ наукъ, быть можетъ, окажется поставленнымъ окончательно на прочную почву въ нашемъ среднемъ образованіи.

Одного этого—думалось автору настоящей замѣтки,—достаточно для того, чтобы и широкая публика нашего времени съ интересомъ и, пожалуй, признательностью, узнало о выразительномъ протестѣ тверскихъ обывателей послѣдней трети XVIII вѣка противъ школьнаго классицизма ихъ времени.

Петръ Струве.

ФРАУ БЕРТА ГАРЛАНЪ.

Романъ Артура Шницлера.

Переводъ съ нѣмецкаго Л. Гуревичъ.

(*Окончаніе*) *).

Она стоитъ на перекресткѣ нѣсколькихъ улицъ. Здѣсь вѣтеръ дуетъ съ невыносимою силою. Пора уже подумать объ обѣдѣ. Но сегодня ей не хочется возвращаться въ свою маленькую гостинницу. Она направляется къ центру города. Ей приходитъ въ голову, что она можетъ встрѣтить кузину, но теперь это ей совершенно безразлично. Или вдругъ ея деверь пріѣхалъ въ Вѣну вслѣдъ за нею? Но и эта мысль ни мало не смущаетъ ее. Она чувствуетъ себя въ правѣ располагать собою и своимъ временемъ; никогда еще она не испытывала въ такой степени этого чувства независимости. Она тихо бродитъ по улицамъ, и ей пріятно разсматривать выставки товаровъ въ окнахъ магазиновъ. На площади св. Стефана ей приходитъ мысль зайти на минутку въ церковь. Въ полумракѣ и прохладѣ огромнаго зданія ее охватываетъ ощущеніе покоя и отрады. Она никогда не была особенно набожной, но входя въ домъ Божій она всегда невольно проникалась чувствомъ благоговѣнія и, не облекая своихъ молитвъ въ какую либо опредѣленную форму, такъ или иначе возсылала къ небу свои завѣтныя желанія. Теперь она обходитъ церковь, какъ чужестранка, осматривающая прекрасное сооруженіе. Потомъ садится на скамью передъ маленькимъ алтаремъ одного изъ предѣловъ.

День ея свадьбы вспомнился ей, и она представила себя, со своимъ покойнымъ мужемъ, стоящей передъ пасторомъ,—но все это было такъ далеко и такъ слабо задѣвало ея душу, какъ если бы она думала о какихъ-то совершенно постороннихъ ей людяхъ. Но вдругъ — словно картина перемѣнилась въ волшебномъ фонарѣ—она увидѣла на мѣстѣ своего покойнаго мужа, рядомъ съ собою, Эмиля, и совершенно помимо ея воли картина эта продолжала стоять въ ея воображеніи, какъ

*) См. «Міръ Божій», № 6, іюнь 1901 г.

если бы это было какое-то предчувствіе, ниспосланное ей небомъ предвѣщаніе. Она невольно сложила руки и тихо проговорила: «Сдѣлай такъ, чтобы это исполнилось!» И желаніе ея какъ будто еще возросло отъ этого; нѣсколько минутъ она неподвижно сидѣла на скамьѣ, стараясь удержать видѣніе. Потомъ она вышла на улицу, и яркій свѣтъ и шумъ показались ей чѣмъ-то такимъ новымъ, давно неиспытаннымъ, какъ если бы она провела въ церкви нѣсколько часовъ. Она чувствовала себя спокойной, и въ душѣ ея витали свѣтлыя надежды.

Она пообѣдала въ роскошномъ ресторанѣ на Керитнерштрассе. Она не ощущала ни малѣйшаго стѣсненія и подумала, что это было настоящимъ ребячествомъ съ ея стороны—не остановиться въ первоклассномъ отелѣ.

Вернувшись, наконецъ, къ себѣ въ комнату, она раздѣлась; отъ непривычно обильнаго обѣда съ виномъ она почувствовала вдругъ такое утомленіе, что растянулась на диванѣ и заснула. Когда она проснулась было уже пять часовъ. Но подниматься ей не хотѣлось. При другихъ условіяхъ... что стала бы она дѣлать въ эти часы, если бы не поѣхала въ Вѣну? Если бы онъ не отвѣтилъ ей—если бы она ему не написала? Если бы онъ не получилъ этого ордена? Если бы она не увидѣла въ иллюстрированной газетѣ его портрета? Если бы мысль о немъ вовсе не возникла въ ея памяти? Если бы онъ былъ маленькимъ, никому неизвѣстнымъ скрипачомъ въ какомъ-нибудь пригородномъ оркестрѣ? Что за дикія мысли! Развѣ она любитъ его за то, что онъ знаменитъ? Какое значеніе имѣетъ для нея все это?.. Не было ли бы лучше для нея, если бы онъ вовсе не былъ знаменитъ, не вызывалъ всеобщихъ восторговъ? Конечно, она чувствовала бы себя тогда гораздо ближе, гораздо роднѣе ему, не было бы у нея этой неувѣренности по отношенію къ нему, и онъ относился бы къ ней иначе.— Правда, онъ и такъ очень милъ, однако... теперь она ясно сознаетъ это... что-то все-таки стояло между ними сегодня, какъ настоящая преграда. Да. И это есть не что другое, какъ то, что онъ человѣкъ, извѣстный всему свѣту, а она просто маленькая глупенькая провинціалка. И она вдругъ ясно представляетъ себѣ, какъ онъ стоялъ тамъ, въ залѣ Рембрандта, глядя въ окно, въ то время, когда она разсказывала ему о себѣ, какъ онъ простился съ нею, какъ онъ ушелъ, чуть ни убѣжалъ отъ нея. Но чувствовала ли она сама по отношенію къ нему то, что чувствуютъ, когда дѣйствительно любятъ? Ощущала ли она себя счастливой, когда онъ говорилъ съ нею? Хотѣлось ли ей поцѣловать его, когда онъ стоялъ подлѣ нея?.. Ничего подобнаго. И теперь—радуетъ ли ее мысль о предстоящемъ вечерѣ? Рада ли она, что черезъ какіе-нибудь два часа вновь увидитъ его? И если бы она могла теперь перенестись, куда ей вздумается, не предпочла ли бы она быть теперь дома, со своимъ мальчикомъ, гулять съ нимъ среди виноградниковъ, безъ страха, безъ волненія, съ спокойною совѣстью, какъ

подобаетъ хорошей матери и порядочной женщинѣ, вмѣсто того, чтобы лежать здѣсь на скверномъ диванѣ, въ неуютномъ номерѣ гостинницы, въ безпокойномъ, но безрадостномъ ожиданіи назначеннаго часа? Она думаетъ о томъ времени, которое было еще такъ недалеко, когда ничто не занимало ея, кромѣ ея мальчика, хозяйства и уроковъ. Не была ли она тогда довольна, почти счастлива?.. Она смотритъ вокругъ. Этотъ убогій номеръ гостинницы, со стѣнами, безобразно размалеванными голубой и бѣлой краской, съ пятнами пыли и грязи на потолкѣ, съ полу-открытымъ шкафомъ, страшно противенъ ей. Нѣтъ, это все не для нея. Мысль объ обѣдѣ въ роскошномъ отелѣ, объ этой бѣготнѣ по городу, объ охватившемъ ее утомленіи, о вѣтрѣ и пыли—также непріятна ей; теперь все это представляется ей какимъ-то безцѣльнымъ бродяжничествомъ. И къ тому же ей приходитъ мысль: а вдругъ дома случилось что-нибудь! Ея мальчикъ могъ заболѣть, ей телеграфируютъ въ Вѣну по адресу ея кузины или даже пріѣдутъ за нею, и не найдутъ ее; и тогда обнаружится, что она солгала, какъ послѣдняя женщина, имѣющая къ тому особенныя основанія... Ужасно! Какъ покажется она имъ на глаза—невѣсткѣ, деверю, Элли, взрослому племяннику... всему городу, который скоро узнаетъ объ этомъ... господину Рупіусу! Нѣтъ, въ самомъ дѣлѣ, она не создана для такихъ вещей! До чего по ребячески, до чего неловко взялась она за это, малѣйшая случайность можетъ выдать ее. Какъ могла она не обдумать всего этого? Или мысль о свиданіи съ Эмилемъ настолько завладѣла ею, что она рѣшилась все поставить на карту—свое доброе имя, можно сказать все свое будущее?! Ибо кто знаетъ, не отвернется ли отъ нея семья, не потеряетъ ли она своихъ уроковъ, если все обнаружится?.. Все?.. Но что же именно обнаружится?.. Что собственно случилось? Въ чемъ она можетъ упрекнуть себя?—И съ радостнымъ ощущеніемъ чистой совѣсти должна она отвѣтить себѣ: ни въ чемъ. И она можетъ сегодня же... теперь же, съ семичасовымъ поѣздомъ, оставить Вѣну, чтобы къ десяти часамъ быть уже дома, въ своей квартирѣ, въ своей уютной комнатѣ, со своимъ дорогимъ мальчикомъ... Конечно, можетъ; правда, онъ теперь не дома... но можно было бы послать за нимъ... Нѣтъ, она не сдѣлаетъ этого, не уѣдетъ... нѣтъ, вѣдь, ничто не даетъ ей ни малѣйшаго повода къ этому, можно уѣхать и завтра утромъ. А сегодня вечеромъ она простится съ Эмилемъ... да, она сейчасъ же сообщитъ ему, что утромъ уѣзжаетъ домой, что вообще она пріѣхала только для того, чтобы пожать ему руку... Да, такъ будетъ всего лучше. О, разумѣется, онъ можетъ проводить ее сюда до гостинницы,—ахъ, Господи!—ничто не мѣшаетъ ему и поужинать съ ней гдѣ-нибудь въ саду, въ ресторанѣ... но она уѣдетъ отъ него, какъ пріѣхала. Къ тому же изъ самаго обращенія его можно будетъ видѣть, какъ собственно онъ къ ней относится; она будетъ очень сдержанна, даже холодна, и это удастся ей тѣмъ легче, что она чувствуетъ себя вполнѣ

спокойной. Какъ будто всѣ ея желанія снова уснули, и она сознаетъ, что истинное назначеніе ея состоитъ въ томъ, чтобы остаться вполнѣ порядочной женщиной. Она сумѣла устоять противъ искушенія, будучи молоденькой дѣвушкой, она была вѣрна своему мужу, все время ея вдовства протекало до сихъ поръ безъ единаго пятнышка... Ну, словомъ сказать, если онъ хочетъ жениться на ней, она будетъ очень рада, но всякую болѣе смѣлую попытку съ его стороны она отвергнетъ съ такою же суровостью, какъ... какъ... двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, когда онъ, остановившись съ нею подлѣ церкви св. Павла, показалъ ей свое окно.

Она встаетъ, потягивается, подходитъ къ окну. Небо совсѣмъ заволокло, со стороны горъ несутся тучи, но буря стихла. Она начинаетъ собираться.

Едва Берта отошла отъ гостинницы на нѣсколько шаговъ, какъ пошелъ дождь. Раскрытый зонтикъ защищалъ ее отъ нежелательныхъ встрѣчъ. Въ воздухѣ распространилось теперь какое-то благоуханіе, словно, вмѣстѣ съ дождемъ, запахъ окрестныхъ лѣсовъ пронесся и пролился надъ городомъ. Берта была вся поглощена удовольствіемъ этой прогулки; самая цѣль, къ которой она шла, стояла передъ ней какъ бы въ туманѣ. Полнота и быстрая смѣна испытанныхъ ею ощущеній, въ концѣ концовъ, до того утомили ее, что она уже ничего больше не ощущала. У нея не было ни страха, ни надежды, ни какихъ-либо опредѣленныхъ намѣреній. Она шла опять по Рингштрассе, мимо садовъ, наслаждаясь влажнымъ ароматомъ сиреней. Утромъ она и не замѣтила, что все было разубрано кистями блѣдно-лиловыхъ цвѣтовъ. Одна мелькнувшая у нея мысль вызвала на ея уста улыбку: она зашла въ цвѣточную торговлю и купила букетикъ фіалокъ. Она поднесла фіалки къ губамъ, и вдругъ ее охватила глубокая нѣжность; она думала: теперь въ семь часовъ отходитъ этотъ поѣздъ,—и вдругъ ей стало весело, словно ей удалось перехитрить кого-то. Она стала медленно переходить черезъ мостъ, и вдругъ вспомнила, какъ она шла здѣсь же нѣсколько дней тому назадъ, направляясь въ сторону его бывшаго жилья, чтобы взглянуть на то окно. На мосту была страшная давка: два человѣческихъ потока—одинъ изъ предмѣстья къ центру, другой изъ центра къ предмѣстью—стремились навстрѣчу другъ другу, экипажи всѣхъ родовъ катились одинъ за другимъ, раздавались звонки, свистки, окрики кучеровъ. Берта пробуетъ остановиться, но приходится податься впередъ. Вдругъ она слышитъ, совсѣмъ по близости, легкій свистъ. Передъ ней останавливается карета, изъ окна выглядываетъ голова... это онъ. Онъ дѣлаетъ ей знаки глазами; нѣсколько человѣкъ сейчасъ же обратили вниманіе на это и, очевидно, хотѣли бы слышать, что скажетъ этотъ молодой человѣкъ подходящей къ его экипажу дамѣ. Онъ говорилъ тихонько:

— Хочешь войти?

— Войти?..

— Ну да, вѣдь дождь идетъ.

— Я предпочла бы пѣшкомъ.

— Какъ хочешь!

Эмиль быстро вылѣзаетъ, расплачивается съ извозчикомъ и Берта почти съ ужасомъ замѣчаетъ, что около полудюжины людей уже собрались вокругъ, напряженно ожидая дальнѣйшаго развитія столь достопримѣчательныхъ происшествій. Эмиль говоритъ Бертѣ: Пойдемъ. Оба быстро переходятъ черезъ улицу и такимъ образомъ скоро спасаются отъ зѣвакъ. Теперь они неторопливо идутъ вдоль русла Вѣны, по менѣе оживленной улицѣ.

— У тебя вѣдь нѣтъ зонтика, Эмиль!

— Можетъ быть, ты прикроешь меня своимъ? Подожди, такъ неудобно.

Онъ беретъ зонтикъ, поднимаетъ его надъ обоими и предлагаетъ ей руку. Теперь она чувствуетъ, что это его рука, и это наполняетъ ее радостью.

— За городъ, къ сожалѣнію, не придется поѣхать,—говоритъ онъ.

— Жаль.

— Ну, а какъ же ты провела день?

Она разсказываетъ ему объ обѣдѣ въ роскошномъ ресторанѣ.

— Вотъ какъ! А я и не зналъ! Я думалъ, что ты обѣдаешь у своей кузины; мы могли бы отлично позавтракать вмѣстѣ, по крайней мѣрѣ.

— Да вѣдь у тебя было столько дѣлъ!—говоритъ она, и не безъ гордости думаетъ о томъ, что ей удалось найти этотъ легкій шутливый тонъ.

— Да, послѣ обѣда главнымъ образомъ; пришлось прослушать половину оперы.

— Какъ это?

— У меня былъ одинъ молодой композиторъ—очень талантливый человѣкъ.

Она довольна; такъ вотъ какъ онъ проводитъ послѣобѣденные часы!

Онъ остановился и, не выпуская ея руки, заглянулъ ей въ лицо:

— Знаешь, вѣдь ты стала еще красивѣе! Право, совсѣмъ въ серьезъ. Однако, разскажи же мнѣ совсѣмъ откровенно, какимъ образомъ ты набрела на мысль написать мнѣ?

— Я же сказала тебѣ.

— Развѣ ты все это время думала обо мнѣ?

— Очень много.

— Даже тогда, когда была замужемъ?

— Конечно, я постоянно думала о тебѣ. А ты?

— Часто, очень часто.

— Но...

— Что же?

— Вѣдь ты мужчина!

— Да, но что ты хочешь сказать этимъ?

— Ты, конечно, многихъ любилъ...

— Любилъ... любилъ... о, да, и это было.

— Но я,—проговорила она съ живостью, какъ будто правда могущественно прорвалась наружу,—я никого, кромѣ тебя, не любила.

Онъ взялъ ея руку и поднесъ къ губамъ. Потомъ онъ сказалъ:

— Ну, не будемъ углубляться въ этотъ вопросъ!

— Я вѣдь принесла тебѣ фіалки.

Онъ улыбнулся.

— И онѣ должны быть доказательствомъ? Ты такъ сказала это, какъ будто за все время, пока мы не видѣлись, ты только и дѣлала, что собирала или, по крайней мѣрѣ,. покупала для меня фіалки. Во всякомъ случаѣ, благодарю тебя. Почему ты не хотѣла войти въ карету?

— Да вѣдь это такъ пріятно идти пѣшкомъ.

— Но въ концѣ концовъ... мы вѣдь поужинаемъ вмѣстѣ?

— Да, съ большимъ удовольствіемъ. Вонъ тамъ, кажется, есть гостинница,—прибавила она поспѣшно.

Они шли теперь по тихому переулку. Начинало смеркаться.

Онъ засмѣялся.

— Ну нѣтъ, мы устроимся немножко покомфортабельнѣе.

Она опустила глаза, потомъ сказала:

— Но вѣдь мы не сядемъ за общій столъ—съ чужими!

— Разумѣется, нѣтъ. Мы пойдемъ куда-нибудь, гдѣ вовсе не будетъ постороннихъ.

— Вотъ выдумалъ!—сказала она.—Этого я не сдѣлаю.

Онъ пожалъ плечами:

— Какъ тебѣ угодно! Ты уже проголодалась?

— Нѣтъ, нисколько.

Оба помолчали. Потомъ онъ сказалъ:

— А не покажешь ли ты мнѣ какъ-нибудь своего мальчугана?

— Конечно!—отвѣтила она обрадовавшись.—Какъ только ты пожелаешь.

Она начала разсказывать о немъ, потомъ заговорила опять о своихъ родственникахъ. Время отъ времени, Эмиль задавалъ ей тотъ или другой вопросъ и скоро онъ былъ уже освѣдомленъ относительно всего, что творилось въ городкѣ, не исключая изъясненій Клингеманна, о которыхъ Берта сообщила со смѣхомъ, но не безъ чувства нѣкотораго удовлетворенія.

На улицѣ уже горѣли фонари и свѣтъ ихъ отражался на влажныхъ каменьяхъ мостовой.

— Послушай, милое дитя мое, не можемъ же мы, однако, бродить по улицамъ цѣлую ночь!—сказалъ вдругъ Эмиль.

— Да... но вѣдь я же не могу пойти съ тобою... въ ресторанъ... Подумай только: вдругъ я встрѣчусь тамъ съ кузиной или еще съ кѣмъ-нибудь.

— Не безпокойся, никто насъ не увидитъ.

Онъ быстро вошелъ въ ворота и спустилъ зонтикъ.

— Что это?

— Они были въ большомъ саду. За накрытымъ столомъ, подлѣ стѣнъ, отъ которыхъ шли парусиновые навѣсы, сидѣли люди.

— Ты хочешь здѣсь?

— Нѣтъ пойдемъ. Неподалеку отъ воротъ виднѣлась небольшая притворенная дверь.—Сюда.

Они очутились въ узкомъ, освѣщенномъ проходѣ, по обѣимъ сторонамъ котораго былъ рядъ дверей. Подошедшій кельнеръ поклонился и повелъ ихъ мимо всѣхъ этихъ дверей; дойдя до послѣдней двери, онъ открылъ ее, впустилъ ихъ и снова закрылъ ее за ними. Посреди небольшой комнаты стоялъ столикъ, накрытый на три прибора, у стѣны голубой бархатный диванъ, напротивъ висѣло зеркало въ золоченой овальной рамѣ, на которомъ Берта, снимая шляпу, прочла нацарапанныя на стеклѣ имена «Ирма» и «Руди». Въ то же самое время она увидѣла въ зеркалѣ, что Эмиль подошелъ къ ней. Онъ положилъ руки ей на щеки, отклонилъ ея голову назадъ и поцѣловалъ ее въ губы. Потомъ онъ молча отошелъ и позвонилъ въ колокольчикъ. Молоденькій кельнеръ сейчасъ же появился въ комнатѣ, какъ будто онъ ждалъ у самой двери. Выслушавъ заказъ, онъ удалился, а Эмиль сѣлъ.

— Ну что же, Берта?

Она подошла къ нему, онъ тихонько взялъ ея руку и не выпустилъ ее даже тогда, когда Берта сѣла подлѣ него въ уголъ дивана. Другою рукой она невольно коснулась его волосъ.

Вошелъ старшій кельнеръ, и Эмиль составилъ меню. Берта только соглашалась со всѣмъ, что онъ предлагалъ. Когда кельнеръ скрылся, Эмиль сказалъ:

— Развѣ не приходится спросить себя: почему только теперь?

— Что именно?

— Почему ты не написала мнѣ раньше?

— Да... если бы ты раньше получилъ этотъ орденъ!

Онъ держалъ ея руку въ своей и поцѣловалъ ее.

— Вѣдь ты такъ часто бываешь въ Вѣнѣ.

— О, нѣтъ!

Онъ взглянулъ на нее:

— Ты же сама написала мнѣ что-то въ этомъ родѣ.

Она вспомнила теперь и покраснѣла.

— Конечно... то-есть иногда... не далѣе, какъ въ этотъ понедѣльникъ я была здѣсь.

Кельнеръ принесъ сардинки и икру и ушелъ.

— Впрочемъ, можетъ быть, это и къ лучшему, что какъ разъ теперь,—сказалъ онъ.

— Въ какомъ смыслѣ?

— Что мы встрѣтились именно теперь.

— О, я такъ часто стремилась къ тебѣ!

Онъ какъ будто задумался. Потомъ сказалъ:

— И то, что тогда все это сложилось именно такъ, а не иначе, тоже къ лучшему, быть можетъ. Потому-то и воспоминаніе обо всемъ этомъ такъ прекрасно!

— Да, дивно-прекрасно!

Оба замолчали. Потомъ она сказала: «А помнишь»... и начала говорить объ этомъ уже далекомъ времени, о прогулкахъ по городскому парку и о его первомъ публичномъ дебютѣ въ консерваторіи. Онъ только кивалъ головою въ отвѣтъ на все это, положивъ руку вдоль спинки дивана и тихонько касаясь ея вьющихся на затылкѣ волосъ. Время отъ времени онъ вставлялъ отъ себя какое-нибудь слово. Онъ также все помнилъ; онъ напомнилъ ей даже объ одной поѣздкѣ въ Пратеръ, въ воскресное утро, о которой она сама забыла.

— А помнишь еще...—сказала Берта,—какъ мы...—она запнулась,— ...чуть не рѣшили жениться...

— Да! — сказалъ онъ. — И кто знаетъ... — вѣроятно, онъ хотѣлъ сказать: это было бы самое лучшее для меня, если бы я женился на тебѣ,—однако, онъ такъ и не сказалъ этого.

Эмиль велѣлъ принести шампанскаго.

— Я еще совсѣмъ недавно пила шампанское въ послѣдній разъ,— сказала Берта.—Всего полгода тому назадъ, когда праздновался день пятидесятилѣтія моего деверя.

Она вспомнила общество, собиравшееся у ея деверя, и ей самой показалось страннымъ, какъ далеко все это теперь было: весь маленькій городокъ и всѣ, жившіе въ немъ. Молодой кельнеръ принесъ въ сосудѣ со льдомъ бутылку шампанскаго. Въ эту минуту Бертѣ почему-то подумалось, что навѣрное, Эмиль, бывалъ здѣсь и съ другими женщинами. Но ей было это почти безразлично.

Они чокнулись и выпили. Эмиль обнялъ Берту и поцѣловалъ ее. Этотъ поцѣлуй напомнилъ ей что-то... но что именно?.. Его прежніе поцѣлуи, когда она была молодой дѣвушкой?.. Поцѣлуи ея мужа?.. Нѣтъ... И вдругъ она догадалась: точно такъ поцѣловалъ ее, еще на этихъ дняхъ, ея племянникъ.

Кельнеръ принесъ фрукты и печенье. Эмиль положилъ Бертѣ на тарелку нѣсколько финиковъ и винограду.

— Почему ты ничего не говоришь?—спросила Берта.—Почему ты заставляешь говорить меня одну? Вѣдь ты могъ бы такъ много разсказать мнѣ!

— Я?..

Онъ медленными глотками пилъ вино.

— Ну да, о своихъ путешествіяхъ.

— Ахъ, Господи! Одинъ городъ такъ похожъ на другой. Ты не должна забывать, что я очень рѣдко путешествую для собственнаго удовольствія.

Да, конечно.—Она совсѣмъ не думала это время о томъ, что она сидитъ здѣсь съ знаменитымъ скрипачомъ Эмилемъ Линдбахомъ, и почувствовала себя обязанной сказать:—На дняхъ, вѣдь, ты выступаешь здѣсь. Я такъ хотѣла бы послушать тебя.

— Никто въ мірѣ не помѣшаетъ тебѣ въ этомъ! — возразилъ онъ сухо.

Она подумала, что собственно ей было бы гораздо пріятнѣе слышать его не въ концертѣ, а гдѣ-нибудь, гдѣ онъ игралъ бы для нея одной. Она уже готова была сказать это, но вдругъ сообразила, что это было бы то же, что сказать: я хочу къ тебѣ. Однако, кто знаетъ быть можетъ, она очень скоро будетъ у него.

Ей какъ-то особенно легко, какъ всегда, когда она выпила немножко вина... Но нѣтъ, это что-то другое: не обычное легкое опьяненіе, отъ котораго она становится только немножко веселѣе, а что-то лучшее болѣе прекрасное. И не отъ нѣсколькихъ капель вина творится съ ней это, а отъ прикосновенія этой милой руки, ласкающей ея лобъ и ея волосы. Онъ сѣлъ рядомъ съ нею и склонилъ ея голову на свое плечо Хорошо было бы такъ заснуть... да, въ самомъ дѣлѣ, ничего другого ей и не хочется... Но вотъ она слышитъ, какъ онъ прошепталъ: «Милая»... Она чуть-чуть вздрагиваетъ. Почему только теперь? Вѣдь все это могло бы быть и раньше. И какой смыслъ былъ во всей той жизни, какую она вела? Развѣ въ томъ, что она дѣлаетъ теперь, есть что-нибудь худое?.. И какъ это сладко—чувствовать дыханіе молодого человѣка на своихъ вѣкахъ... Нѣтъ, нѣтъ... не молодого человѣка... любимаго человѣка... Она закрыла глаза. Она даже не пробовала снова открыть ихъ, не хотѣла знать, гдѣ и съ кѣмъ она... Кто же это, однако?.. Рихардъ?.. Нѣтъ... дремлетъ она, что ли?.. Вѣдь она здѣсь съ Эмилемъ!.. Съ кѣмъ?.. Кто такое этотъ Эмиль?.. Какъ трудно сообразить!.. Это дыханье, которое она чувствуетъ на своихъ вѣкахъ,—дыханье возлюбленнаго ея молодости и въ то же время знаменитаго артиста, который на этихъ дняхъ даетъ концертъ... и въ то же время человѣка, котораго она не видѣла много тысячъ дней... и въ то же время господина, съ которымъ она сидитъ, наединѣ, въ ресторанѣ и который можетъ сдѣлать съ ней все, что захочетъ... Она чувствуетъ его поцѣлуй на своихъ глазахъ... Какъ онъ нѣженъ и какъ прекрасенъ... Какое же у него, однако, лицо?.. Если бы только можно было открыть глаза... А!.. Она пошевелилась такъ рѣзко, что чуть не оттолкнула Эмиля, и широко открыла глаза.

Эмиль, улыбаясь, смотритъ на нее и спрашиваетъ:

*

— Любишь меня?

Она привлекаетъ его къ себѣ и сама, въ первый разъ сегодня, цѣлуетъ его, и въ то же время чувствуетъ, что дѣлаетъ нѣчто, противорѣчащее ея сегодняшнимъ намѣреніямъ... Но въ чемъ состояли эти намѣренія?.. Не поддаваться, не сдаваться... Да, конечно, былъ моментъ, тогда она имѣла такія намѣренія, но почему же? Вѣдь она любитъ его, и вотъ наступила минута, которую она такъ ждала цѣлыми днями,—нѣтъ, не днями, а цѣлыми годами!.. Губы ея все еще покоятся на его губахъ... Ахъ! ей хотѣлось бы, чтобы онъ взялъ ее въ свои объятія, чтобы вся она была его! Онъ не долженъ больше ни о чемъ говорить... онъ долженъ увести ее съ собою... онъ почувствуетъ, что никто не можетъ такъ любить его, какъ она...

Эмиль встаетъ, прохаживается по комнатѣ. Она снова подноситъ стаканъ ко рту. Эмиль говоритъ тихонько: «Довольно Берта». Да, онъ правъ! Что она дѣлаетъ? Развѣ она ищетъ опьяненія? Развѣ она нуждается въ этомъ? Вѣдь она никому не должна отдавать отчета,— она свободна, молода, и хочетъ быть, наконецъ, счастливой!

— Не пойдемъ ли мы?—говоритъ Эмиль.

Берта утвердительно киваетъ головою. Онъ помогаетъ ей надѣть жакетку, она стоитъ передъ зеркаломъ и прикалываетъ иглою шляпу Они идутъ. У дверей стоитъ, раскланиваясь, молодой кельнеръ. У воротъ ожидаетъ карета; Берта входитъ въ нее, она не слышитъ того, что Эмиль говоритъ извозчику. Эмиль садится подлѣ нея. Оба молчатъ, тѣсно прижавшись другъ къ другу. Карета катится—долго, долго. Гдѣ бы это онъ могъ жить? Можетъ быть, впрочемъ, онъ нарочно приказалъ извозчику ѣхать дальнимъ путемъ: вѣдь онъ знаетъ, какъ это пріятно—ѣхать такъ, вмѣстѣ, темною ночью.

Карета останавливается. Эмиль выходитъ. «Дай мнѣ твой зонтикъ», говоритъ онъ. Она подаетъ ему его изъ кареты, онъ раскрываетъ его. Она сходитъ. Оба стоятъ подъ зонтомъ, по которому барабанитъ дождь. Это и есть тотъ переулокъ, гдѣ онъ живетъ? Дверь подъѣзда открывается; они входятъ; Эмиль беретъ у швейцара свѣчу. Прекрасная, широкая лѣстница. Въ первомъ этажѣ Эмиль останавливается и отпираетъ дверь. Они входятъ, черезъ переднюю, въ гостиную. Эмиль зажигаетъ свѣчу, которую держитъ въ рукѣ, двѣ другія свѣчи на столѣ. Потомъ онъ подходитъ къ Бертѣ, которая все еще, словно ожидая, стоитъ въ дверяхъ, вводитъ ее въ комнату, вынимаетъ булавку у нея изъ шляпы, и кладетъ шляпу на столъ. При колеблющемся свѣтѣ двухъ слабо горящихъ свѣчей Берта видитъ только, что на стѣнѣ развѣшено нѣсколько картинъ—портретовъ императорской фамиліи, насколько можно разобрать,—что у другой стѣны стоитъ широкій диванъ съ персидскимъ ковромъ, а по близости отъ окна маленькое піанино съ множествомъ фотографій въ рамкахъ на крышкѣ. Надъ всѣмъ этимъ виситъ картина, содержанія которой она, однако,

не можетъ разсмотрѣть. Тамъ, напротивъ красныя портьеры ниспадаютъ по сторонамъ полуоткрытой двери, за которою свѣтится что-то бѣлое. Она не можетъ болѣе удержаться отъ вопроса:

— Здѣсь ты и живешь?

— Какъ видишь.

Она опять смотритъ кругомъ. На столѣ стоитъ графинчикъ съ ликеромъ и двѣ рюмочки, небольшая ваза съ фруктами и печеньемъ.

— Здѣсь ты и занимаешься?

Глаза ея невольно ищутъ пульта, какъ это естественно въ комнатѣ скрипача. Онъ подводитъ ее, обнявъ рукой за талію, къ піанино; тамъ онъ садится, привлекая ее къ себѣ на колѣни.

— Лучше я ужъ признаюсь тебѣ,—говоритъ онъ просто и почти сухо.—Собственно я живу не здѣсь. Только на этотъ случай... я нанялъ... на время... я подумалъ, что это будетъ благоразумнѣе... Вѣна настоящая провинція, и я не хотѣлъ привести тебя ночью въ свою квартиру.

Она понимаетъ его и, однако, что-то не нравится ей во всемъ этомъ. Она поднимаетъ глаза. Теперь она можетъ различить очертанія картины, висящей надъ піанино: это какая-то нагая женщина. Берта испытываетъ непреодолимое желаніе разглядѣть картину поближе.

— Что это?—спрашиваетъ она.

— Въ художественномъ отношеніи—ничего интереснаго,—отвѣчаетъ Эмиль. Онъ зажигаетъ спичку и приподнимаетъ ее, освѣщая картину. Она замѣчаетъ, что картина совсѣмъ дрянная, но въ то же время ей кажется, будто изображенная на ней женщина съ наглыми, смѣющимися глазами, смотритъ прямо на нее, и она рада, что спичка, наконецъ, потухла.

— Не сыграешь ли ты мнѣ что-нибудь?—говоритъ Эмиль.

Она удивляется, что онъ такъ холоденъ. Словно онъ и не помнитъ, что она у него... Но развѣ сама она ощущаетъ что-нибудь особенное?.. Нѣтъ... что-то до странности грустное разливается здѣсь изъ всѣхъ угловъ... Зачѣмъ не привелъ онъ ее лучше въ свою квартиру?.. Что бы это могъ быть за домъ?... Она сожалѣетъ теперь, что не выпила побольше вина... Ей хотѣлось бы не чувствовать себя въ такой степени трезвою...

— Ну что-жъ? Развѣ ты не хочешь сыграть мнѣ что-нибудь?—говоритъ Эмиль.—Подумай, сколько времени я не слыхалъ тебя.

Она придвигается и беретъ аккордъ.

— Я все забыла...

— Ну, попробуй...

Она играетъ тихонько вещицу Шумана, и ей вспоминается, какъ нѣсколько дней тому назадъ она фантазировала у себя на роялѣ, позднимъ вечеромъ, а Клингеманъ ходилъ взадъ и впередъ подъ ея окномъ; слухи о непристойной картинѣ въ его комнатѣ тоже приходятъ ей

на память. Она опять невольно поднимаетъ глаза на обнаженную женщину надъ піанино, которая смотритъ теперь куда-то въ пустоту.

Эмиль придвинулъ свой стулъ совсѣмъ близко къ ней. Онъ привлекаетъ къ себѣ и цѣлуетъ ее, въ то время, какъ пальцы ея все еще продолжаютъ играть—и вдругъ замираютъ на клавишахъ. Берта слышитъ, какъ дождь ударяетъ по стекламъ окна,—словно она дома. Но вотъ ей кажется будто Эмиль несетъ ее куда-то въ высоту; не выпуская ее изъ своихъ объятій, онъ всталъ и медленно повелъ ее... Глаза ея закрыты. На своихъ волосахъ она чувствуетъ дыханіе Эмиля...

Когда они вышли на улицу, дождь прекратился, но въ воздухѣ была разлита необычайная мягкость и влажность. Большая часть фонарей была уже потушена,—только тамъ на углу свѣтится еще одинъ фонарь. Небо было все еще покрыто тучами, и на улицѣ царила глухая темнота. Эмиль подалъ Бертѣ руку, они шли молча. Часы на колокольнѣ пробили часъ. Берта удивилась. Она думала, что было уже близко къ утру; но ей было такъ пріятно безмолвно идти съ нимъ ночью, опираясь на его руку, въ этомъ тихомъ, мягкомъ воздухѣ, потому что она вся была проникнута любовью къ нему.

Они вышли на площадь; передъ ними была церковь св. Карла.

Эмиль кликнулъ извозчика, который совсѣмъ заснулъ было, сидя на подножкѣ своей коляски.

— Такъ хорошо теперь!—сказалъ Эмиль.—Мы можемъ еще прокатиться немножко, прежде чѣмъ я отвезу тебя въ твой отель. Хочешь?

Коляска тронулась. Эмиль снялъ шляпу, Берта положила ее себѣ на колѣни. И это было ей пріятно. Время отъ времени она поглядывала на Эмиля; глаза его, казалось, были устремлены куда-то вдаль.

— О чемъ ты думаешь?

—Я?.. По правдѣ сказать, я думаю объ одной мелодіи изъ оперы, которую игралъ мнѣ сегодня послѣ обѣда этотъ господинъ. Но она превращается уже въ какую-то другую.

— Неужели ты думаешь теперь о мелодіяхъ?—сказала Берта улыбаясь, но съ легкимъ упрекомъ въ голосѣ.

Опять наступило молчаніе. Коляска катилась по совершенно пустынной теперь Рингштрассе, мимо Оперы, Музея, Публичнаго сада,

— Эмиль!

— Что, голубка?

— Когда же я услышу твою игру?

— Я же играю въ концертѣ на этихъ дняхъ!

Онъ сказалъ это какъ бы шутя.

— Нѣтъ, Эмиль. Когда ты сыграешь что-нибудь для меня лично? Вѣдь, ты же сдѣлаешь это когда-нибудь? Да? Я прошу тебя.

— Да, да.

— Это такъ серьезно для меня. Мнѣ хочется, чтобы ты зналъ, что одна я слушаю тебя.

— Ну, да. Однако, оставимъ это пока.

Онъ сказалъ это такъ твердо, словно ему приходилось защищать отъ нея что-то. Она не понимала, почему ея просьба могла быть непріятна ему, и продолжала:

— Итакъ, мы, значитъ, условились: завтра въ пять—у тебя?

— Да. Хотѣлось бы мнѣ знать, понравится ли тебѣ у меня?

— О, конечно! У тебя, вѣдь, навѣрное, лучше, чѣмъ тамъ, гдѣ мы были. А вечеръ мы тоже проведемъ вмѣстѣ? Знаешь, я думаю только, что относительно моей кузины...

— Послушай, милая, не будетъ лучше составлять никакихъ опредѣленныхъ программъ!..—съ этими словами онъ положилъ ей руку на затылокъ, словно желая выразить ей этимъ нѣжность, которой не хватало въ его голосѣ.

— Эмиль!

— Ну?

— Сыграемъ завтра Крейцерову сонату, по крайней мѣрѣ Andante.

— Но, милое дитя мое, перестанемъ, наконецъ, говорить о музыкѣ. Ты, кажется, невѣроятно, интересуешься ею.

Онъ сказалъ это опять какимъ-то неопредѣленнымъ тономъ, изъ котораго она не могла понять, шутитъ ли онъ или говоритъ серьезно но она не рѣшилась спросить его. Однако въ эту минуту ей до того хотѣлось слышать его игру, что ей стало почти больно.

— Ахъ, да! Вѣдь, мы теперь какъ разъ недалеко отъ твоего отеля!—воскликнулъ Эмиль, и, словно позабывъ, что онъ хотѣлъ прокатиться съ нею, крикнулъ извозчику адресъ отеля.

— Эмиль!

— Что, милая?

— Ты еще любишь меня?

Вмѣсто всякаго отвѣта онъ прижалъ ее къ себѣ и поцѣловалъ въ губы.

— Скажи мнѣ, Эмиль...

— Что именно?

— Но, вѣдь, ты не любишь, когда тебя разспрашиваютъ...

— Да спроси же, дитя мое.

— Что ты будешь... что ты обыкновенно дѣлаешь утромъ?

— О, это весьма различно. Завтра, напримѣръ, я играю въ Lerchenfelderkirche скрипичное соло въ мессѣ Гайдна.

— Правда? Значитъ, я могу слышать тебя завтра же утромъ?

— Если ты такъ гонишься за этимъ! Но, собственно говоря — право, не стоитъ... То-есть, самая месса, конечно, превосходна.

— Какъ это случилось, что ты играешь въ Lerchenfelderkirche?

— Да это... просто... любезность съ моей стороны.

— Любезность къ кому?

— Ну... къ Гайдну, разумѣется!

У Берты что-то дрогнуло въ душѣ. Въ эту минугу она чувствовала, что участіе его въ мессѣ Lerchenfelderkirche стоитъ въ связи съ какимъ-то особеннымъ, неизвѣстнымъ ей обстоятельствомъ. Быть можетъ, тамъ пѣла какая-нибудь... Въ сущности, что она знала?.. Но, конечно, она пойдетъ туда. Она не отдастъ его другой! Онъ принадлежитъ ей, ей одной... вѣдь, онъ самъ сказалъ это... И она сумѣетъ удержать его... Вѣдь она полна такой безпредѣльной нѣжности... и она сберегла ее для него одного... и она со всѣхъ сторонъ обовьетъ, окутаетъ его этою нѣжностью... Его и не потянетъ больше къ другой... Она переселится въ Вѣну, каждый день будетъ приходить къ нему, постоянно будетъ съ нимъ.

— Эмиль.

— Что же, голубка?

Онъ обернулся и взглянулъ на нее съ выраженіемъ какой-то озабоченности.

— Ты любишь меня?.. Ахъ, Боже мой! Мы ужъ пріѣхали!

— Неужели? — спросилъ Эмиль съ удивленіемъ.

— Да, видишь, вонъ тамъ я живу. Ну, пожалуйста, Эмиль, скажи же мнѣ еще разъ...

— Да, завтра въ пять, голубка. Я буду радъ отъ всего сердца.

— Нѣтъ, не то... Любишь ли...

Коляска остановилась, Эмиль подождалъ, сидя рядомъ съ нею, пока швейцаръ открылъ дверцу, потомъ поцѣловалъ ей руку самымъ формальнымъ образомъ, сказалъ: «До свиданья, сударыня», и уѣхалъ.

Въ эту ночь она спала крѣпко и глубоко.

Когда она проснулась, было уже совсѣмъ свѣтло. Вчерашній вечеръ вспомнился ей, и она съ радостью почувствовала, что въ душѣ ея вовсе не было тягостно и мрачно, какъ она представляла себѣ ранѣе, а легко и даже весело. Потомъ она не безъ гордости вспомнила о своихъ поцѣлуяхъ, въ которыхъ не было ни тѣни робости, столь естественной въ первомъ приключеніи. Она не ощущала ни малѣйшаго раскаянія, хотя сознавала, что обыкновенно, послѣ всего того, что она пережила вчера, люди испытываютъ раскаяніе. Слова—грѣхъ, любовная связь промелькнули у нея въ головѣ и сейчасъ же безслѣдно расплылись, потому что, казалось, лишены были всякаго смысла. Она чувствовала и была увѣрена, что отвѣчаетъ на нѣжность Эмиля, какъ опытная въ любви женщина, и была счастлива при мысли, что все, пріобрѣтенное другими женщинами опытомъ бугарныхъ ночей, у нея исходило только изъ глубины ея собственныхъ ощущеній. Казалось, будто она открыла въ себѣ вчера какой-то даръ, о существованіи котораго сама ничего не знала до сихъ поръ, и въ ней пробудилось легкое сожалѣніе о томъ, что она не пользовалась имъ ранѣе. Она

вспомнила вопросъ Эмиля касательно ея прошедшаго, который и тогда не такъ задѣлъ ее, какъ это должно было бы быть, и при воспоминаніи объ этомъ на губахъ ея появилась та же улыбка, съ которой она завѣряла Эмиля въ томъ, что было чистой правдой и чему онъ не хотѣлъ вѣрить. Потомъ она стала думать о предстоящемъ свиданіи съ нимъ и живо представила себѣ, какъ онъ встрѣтитъ и поведетъ ее по комнатѣ. Самое лучшее будетъ, подумалось ей, вести себя такъ, какъ если бы ничего еще не произошло. Онъ не долженъ прочесть въ ея глазахъ ни малѣйшаго напоминанія о вчерашнемъ вечерѣ; чтобы обладать ею въ дальнѣйшемъ, онъ долженъ еще разъ, по новому завоевать ее—не словами только, но и своей музыкой... Да... но, вѣдь, она хотѣла слышать его сегодня же утромъ... Конечно, въ церкви!

Она медленно встаетъ, начинаетъ одѣваться. Мысль о домѣ шевельнулась въ ней, но эта мысль не имѣла въ себѣ никакой силы. Ей положительно трудно думать о своихъ. Но и это не вызываетъ въ ней никакого раскаянія, она скорѣе гордится этимъ. Она чувствуетъ себя какъ бы созданіемъ Эмиля; все, что было до него, словно и не существуетъ. Если бы онъ вздумалъ потребовать отъ нея: проживи со мною этотъ годъ, проживи со мной только это лѣто, а потомъ умри, она сдѣлала бы это.

Распущенные волосы разсыпались по ея плечамъ. Снова охватываютъ ее воспоминанія, отъ которыхъ голова идетъ у нея кругомъ... О, Господи! Почему такъ поздно, такъ поздно? Но, вѣдь, впереди еще много времени—еще лѣтъ пять, лѣтъ десять она можетъ быть красива... о, и даже дольше—для него, если они не разстанутся, потому что, вѣдь, и онъ будетъ постепенно старѣть вмѣстѣ съ нею. И опять проносится у нея въ сознаніи эта надежда: если бы онъ женился на ней, если бы они вмѣстѣ жили, вмѣстѣ путешествовали, вмѣстѣ спали, ночь за ночью? Но вдругъ ей становится немножко стыдно: зачѣмъ все тѣ же и тѣ же мысли? Жить вмѣстѣ, вѣдь, это значитъ также имѣть общія заботы, говорить другъ съ другомъ обо всемъ на свѣтѣ. Да, его другомъ должна она быть прежде всего. И это, это именно скажетъ она ему сегодня.

Она вышла на свѣтлую, залитую солнцемъ улицу. Ей сейчасъ же бросилось въ глаза, что на тротуарахъ попадалось больше народу, чѣмъ обыкновенно, что многіе магазины были закрыты. Да, вѣдь, сегодня воскресенье! Она и забыла! И это тоже было ей пріятно. Скоро встрѣтился ей высокій, стройный господинъ въ незастегнутомъ пальто, рядомъ съ которымъ шла молодая дѣвушка съ темными смѣющимися глазами. Берта невольно подумала: вѣдь и мы составляемъ такую же пару. И ей представилось, какъ это было бы прекрасно—быть съ нимъ вмѣстѣ не только во мракѣ ночи, но и на свѣтлой улицѣ, бродить такъ рука съ рукой, съ смѣющимися, счастливыми глазами. Время отъ времени какой-нибудь проходящій мимо господинъ

заглядывалъ ей въ лицо, и тогда ей казалось, что она по новому понимаетъ теперь языкъ человѣческихъ взглядовъ. Одинъ посмотрѣвшій на нее съ нѣкоторою серьезностью, какъ будто сказалъ: да, вѣдь, и ты—точь въ точь, какъ другія! Потомъ прошли два молодыхъ человѣка, которые, увидавъ ее, вдругъ замолчали. Ей почудилось, что они знаютъ все, что случилось сегодня ночью. И у нея было такое ощущеніе, словно вчера еще въ это самое время она была исключенной изъ человѣческаго общества и всѣ прочіе имѣли тайны отъ нея, тогда какъ теперь она принадлежала къ нимъ и могла говорить съ ними.

Теперь она замѣтила, что шла тою же дорогою, какъ вчера. Взглядъ ея остановился на столбѣ съ наклееннымъ на немъ объявленіемъ о концертѣ, въ которомъ принималъ участіе и Эмиль. Полная внутренняго удовлетворенія, она остановилась. Какой-то господинъ стоялъ рядомъ съ нею. Она улыбалась, думая про себя: если бы онъ зналъ, что глаза мои устремлены теперь на имя того самаго человѣка, который былъ вчера ночью моимъ возлюбленнымъ... Она почувствовала внезапный приливъ гордости. То, что она сдѣлала, казалось ей чѣмъ-то необычайнымъ. Она съ трудомъ могла представить себѣ, чтобы у другихъ женщинъ хватило смѣлости на что-либо подобное. Она снова пошла черезъ публичный садъ, въ которомъ сегодня было еще больше народу, чѣмъ вчера. Опять передъ нею бѣгали, играя дѣти, гувернантки и няньки болтали, читали или сидѣли съ вязаньемъ въ рукахъ. Какой-то совсѣмъ старый господинъ бросился ей въ глаза: онъ сидѣлъ на скамейкѣ, на солнцѣ и, посмотрѣвъ на нее покачалъ головою и продолжалъ смотрѣть жесткимъ, словно неумолимымъ, взглядомъ. Это непріятно задѣло ее, вызвало въ ней смутное чувство какой-то виноватости передъ этимъ старикомъ. Но, когда она невольно обернулась, то замѣтила, что онъ смотрѣлъ на освѣщенный солнцемъ песокъ и попрежнему покачивалъ головою. Она поняла, что все это зависитъ отъ его старости, и спросила себя, неужели и Эмиль будетъ когда-нибудь такимъ дряхлымъ старикомъ, сидящимъ на солнцѣ и покачивающимъ головою. И вдругъ ей представилось, что она идетъ подлѣ него—тамъ, дома, по каштановой аллеѣ, но она еще молода, какъ теперь, а его везутъ въ подвижномъ креслѣ. Она содрогнулась... Если бы Руніусъ зналъ. Нѣтъ, никогда бы онъ не повѣрилъ... И она съ удивленіемъ подумала о томъ, до чего полна и сложна была ея жизнь. Казалось, ни у какой другой женщины не могло быть такого сложнаго существованія. И это ощущеніе опять вызвало въ ней нѣкоторую гордость. Проходя мимо группы дѣтей, изъ которыхъ четверо были одѣты совершенно одинаково, она вдругъ сказала себѣ: какъ странно, что она ни на минуту не задумалась даже о возможныхъ послѣдствіяхъ вчерашняго приключенія. Но между всѣмъ тѣмъ, что произошло вчера и существомъ, которое когда-нибудь назвало бы ее матерью, казалось, не могло быть рѣшительно никакой связи.

Наконецъ, она подошла къ церкви. Звуки органа доносились на улицу. Передъ входомъ стоялъ экипажъ съ лакеемъ на козлахъ. Кто бы это могъ быть? Бертѣ стало вдругъ ясно, что эта карета имѣла какое-то отношеніе къ Эмилю, и она сейчасъ же рѣшила выйти изъ церкви до окончанія мессы, чтобы посмотрѣть, кто сядетъ туда. Она вошла въ переполненную народомъ церковь и стала подвигаться между рядами скамеекъ впередъ, къ главному алтарю, гдѣ стоялъ священникъ. Звуки органа переливались въ воздухѣ, къ нимъ присоединился вдругъ струнный оркестръ. Она подняла голову по направленію къ хорамъ. Какъ странно, что Эмиль играетъ здѣсь, въ Lerchenfelderkirche и, такъ сказать, инкогнито, solo въ гайдновской мессѣ... Она стала всматриваться въ облики женщинъ, сидѣвшихъ на переднихъ скамьяхъ. Она замѣтила двухъ-трехъ-четырехъ молодыхъ женщинъ и много старыхъ дамъ; двѣ изъ нихъ сидѣли въ первомъ ряду; одна была въ великолѣпномъ черномъ шелковомъ платьѣ, другая казалась ея камеристкой. Берта подумала, что экипажъ долженъ былъ принадлежать, во всякомъ случаѣ, этимъ знатнымъ старымъ дамамъ, что очень успокоило ее. Она опять отошла назадъ, но продолжала, наполовину безсознательно, искать глазами красивыхъ женщинъ. Нѣкоторыя были, дѣйствительно, недурны собою; всѣ, казалось, были объяты благоговѣніемъ, и ей стало стыдно при мысли, что она одна бродитъ здѣсь, не думая ни о чемъ, подобающемъ этому святому мѣсту. Теперь она замѣтила, что скрипичное solo уже началось. Это онъ игралъ, онъ, онъ!.. Она слышала его теперь впервые по прошествіи болѣе, чѣмъ десяти лѣтъ, но, казалось, это былъ тотъ же сладостный тонъ, какъ и тогда; она узнавала его, какъ узнаютъ по прошествіи многихъ лѣтъ человѣческіе голоса. Къ скрипкѣ присоединилось сопрано. Если бы можно было видѣть пѣвицу! Это былъ ясный, свѣжій, не особенно обработанный голосъ, и Берта почувствовала между игрою скрипки и этимъ пѣніемъ что-то вродѣ личныхъ отношеній. Что Эмиль зналъ эту дѣвушку, которая поетъ тамъ, было весьма естественно... но не таилось ли во всемъ этомъ что-нибудь иное?.. Голосъ смолкъ, но скрипка продолжала пѣть, какъ бы обращаясь теперь только къ ней и желая успокоить ее. Зазвучалъ оркестръ, но скрипичное solo рѣяло надъ всѣми другими инструментами, какъ бы окрыленное однимъ только желаніемъ—найти отзвукъ въ ея душѣ. Я знаю, говорило оно, знаю, что ты тамъ и я играю для одной тебя!.. Снова заигралъ органъ, но первенство по прежнему принадлежало скрипкѣ. Берта была до того взволнована, что слезы выступили у нея на глазахъ. Наконецъ, solo замерло, волна другихъ инструментовъ поглотила его, и оно уже болѣе не всплыло надъ ними. Берта почти не слушала, но музыка напоила ея душу дивнымъ успокоеніемъ. Минутами ей казалось, что она различаетъ скрипку Эмиля среди другихъ звуковъ оркестра, и тогда такой странной, почти сказочной представлялась ей мысль, что она стоитъ здѣсь, подлѣ колонны, а онъ си-

дитъ на хорахъ, передъ своимъ пультомъ и что сегодня ночью они держали другъ друга въ объятіяхъ, и никто изъ всѣхъ этихъ сотенъ людей, наполняющихъ церковь, не знаетъ объ этомъ... Скоро она увидитъ его,—да! Она хотѣла дождаться его тамъ, у лѣстницы... она не хотѣла говорить съ нимъ, нѣтъ, она хотѣла только видѣть его, а также и другихъ, которые пройдутъ вмѣстѣ съ нимъ, также и эту пѣвицу, къ которой она приревновала его. Но это уже прошло, она знала, что онъ не могъ обманывать ее.

Музыка смолкла. Берта чувствовала, что ее оттѣсняютъ впередъ, прямо къ выходу; ей хотѣлось пробраться къ лѣстницѣ, но она была такъ далеко отъ нея. Впрочемъ, это и лучше!.. Нѣтъ, она не должна дѣлать этого—стоять и ждать его: что бы онъ могъ подумать? Безъ сомнѣнія, это не было бы пріятно ему. Нѣтъ, она должна исчезнуть вмѣстѣ съ другими, а вечеромъ сказать ему, что она слышала его. Она даже боялась теперь, чтобы онъ не замѣтилъ ее. Она стояла у самаго выхода и, сойдя по ступенькамъ, прошла мимо экипажа какъ разъ въ то время, когда старая дама со своей камеристкой садилась въ него. Она невольно улыбнулась, вспомнивъ о томъ безпокойствѣ, въ которое она впала при видѣ этой кареты, и ей подумалось, что вмѣстѣ съ этимъ подозрѣніемъ должны разсѣяться и всѣ остальныя. Казалось, будто, перейдя черезъ какое-то необычайное приключеніе, она стояла теперь на порогѣ совершенно новаго существованія. Въ первый разъ въ жизни представлялось ей, что все прочее было лишь какимъ-то вымысломъ, ничѣмъ—по сравненію съ тѣмъ счастьемъ, которое билось теперь во всѣхъ ея пульсахъ въ то время, какъ она медленно шла изъ церкви къ себѣ домой. Только придя въ отель, она замѣтила, что всю дорогу она была какъ во снѣ; она едва могла отдать себѣ отчетъ, какимъ путемъ шла и попадались ли ей навстрѣчу какіе-нибудь люди или нѣтъ.

Когда она подошла взять ключъ отъ своей комнаты, швейцаръ передалъ ей записку и букетъ фіалокъ и сиреней... О, зачѣмъ и она не догадалась послать ему цвѣтовъ? Но что онъ могъ писать ей? Она раскрыла письмо съ нѣкоторымъ страхомъ и прочла:

«Милая! Я долженъ еще разъ поблагодарить тебя за чудесный вечеръ. Сегодня намъ, къ сожалѣнію, не удастся видѣться. Не сердись на меня, моя дорогая Берта, и не забудь своевременно увѣдомить меня когда ты въ слѣдующій разъ пріѣдешь въ Вѣну.

Весь твой

Эмиль».

Она пошла, побѣжала вверхъ по лѣстницамъ въ свою комнату... Почему онъ не могъ видѣть ее сегодня? Почему онъ не объяснилъ ей по крайней мѣрѣ причины? Правда, она совсѣмъ не была посвящена въ его разнородныя обязанности—артистическія, общественныя!.. Было бы, конечно, слишкомъ пространно, если бы онъ сталъ подробно объяс-

нять ей, что именно помѣшало ему видѣть ее, и притомъ могло бы показаться пустой отговоркой. Но все-таки... И почему онъ написалъ: «когда ты въ слѣдующій разъ пріѣдешь въ Вѣну»... Развѣ она не сказала ему, что она останется здѣсь еще нѣсколько дней? Онъ позабылъ, очевидно. Она сейчасъ же сѣла и написала ему:

«Мой дорогой Эмиль! Я очень сожалѣю, что сегодня тебѣ пришлось отказать мнѣ въ свиданіи, но, къ счастью, я еще не уѣзжаю. Прошу тебя, милый, напиши мнѣ какъ можно скорѣе, въ какое время ты можешь видѣть меня завтра или послѣзавтра.

«Посылая тебѣ тысячу поцѣлуевъ, остаюсь твоя Берта».

«*P.* S. Совершенно неизвѣстно еще, когда я опять буду въ Вѣнѣ, и я никоимъ образомъ не могу уѣхать, не повидавъ тебя еще разъ».

Она перечла письмо. Потомъ приписала: «Я непремѣнно должна видѣть тебя еще разъ».

Поспѣшно вышла она на улицу, отдала письмо посыльному и настоятельно повторила ему, чтобы онъ не возвращался безъ отвѣта. Потомъ она вернулась и стала къ окну. Она не хотѣла думать, она хотѣла только смотрѣть на улицу. Она сосредоточила все свое вниманіе на проходящихъ людяхъ, и игра изъ временъ дѣтства вспомнилась ей,—когда она и ея братья, стоя у окна, наблюдали, на кого изъ знакомыхъ похожъ тотъ или другой прохожій. Улавливать такое сходство было теперь затруднительно, потому что комната ея находилась въ третьемъ этажѣ, но за то отдаленіе оставляло большую свободу фантазіи. Сначала прошла женщина, похожая на кузину Агату, потомъ появился господинъ, напоминавшій ея преподавателя музыки въ консерваторіи, подъ руку съ какой-то особой, которая была точь-въ-точь, какъ кухарка ея невѣстки. Одинъ молодой человѣкъ былъ похожъ на ея брата, актера, а вслѣдъ за нимъ, въ формѣ полковника, перешелъ черезъ улицу ея покойный отецъ; онъ остановился на минутку передъ отелемъ, посмотрѣлъ вверхъ, словно искалъ ее, затѣмъ скрылся въ воротахъ. Она испугалась на одно мгновеніе, какъ если бы это былъ дѣйствительно ея отецъ—привидѣніе, вышедшее изъ могилы. Она громко, но нѣсколько искусственно засмѣялась и попробовала продолжать игру, но это ей больше не удавалось. Она искала глазами только посыльнаго. Наконецъ, чтобы скоротать какъ-нибудь время, она рѣшилась спросить обѣдъ. Заказавъ его, она снова подошла къ окну. Но теперь она уже не смотрѣла по тому направленію, откуда долженъ былъ придти посыльный, а стала слѣдить за омнибусами и переполненными народомъ конками, катившимися изъ городскихъ предмѣстій. За спиною ея послышался шумъ: вошелъ келльнеръ. Берта почти не ѣла, но поспѣшно принялась пить вино. Потомъ ей захотѣлось спать, и она сѣла въ уголъ дивана. Мысли ея расплывались, въ ушахъ все еще тихо гудѣли звуки органа, который игралъ въ церкви. Она закрыла глаза, но въ ту же минуту, словно по какому-то

волшебству, увидѣла вчерашнюю комнату. Она сидѣла опять у піанино, но тотъ, кто обнималъ ее, былъ племянникъ ея Рихардъ. Она быстро открыла глаза, полная безпредѣльнаго отвращенія къ себѣ, и вдругъ на нее напалъ страхъ: ей показалось, что ее ждетъ какое-то возмездіе за эти сонныя видѣнія. Опять подошла она къ окну. Цѣлая вѣчность прошла съ тѣхъ поръ, какъ она отправила посыльнаго! Еще разъ перечла она письмо Эмиля. Взглядъ ее устремился на эти послѣднія слова: «весь твой»,—она произнесла ихъ вслухъ, съ выраженіемъ нѣжности и вспомнила подобныя же слова этой ночи. И она представила себѣ письмо, которое она теперь уже скоро получитъ отъ него и въ которомъ онъ скажетъ: «Дорогая моя Берта, слава Богу, что ты пробудешь здѣсь и завтрашній день. Жду тебя ровно въ три часа, у себя дома», или: «Завтра мы проведемъ вмѣстѣ цѣлый день», или даже: «Я отказался отъ условленнага дѣла, о которомъ писалъ тебѣ, мы увидимся сегодня же. Приходи скорѣе ко мнѣ, жду тебя съ величайшимъ нетерпѣніемъ».

Почему же онъ такъ медлитъ съ отвѣтомъ?.. Конечно, онъ обѣдаетъ гдѣ-нибудь внѣ дома, вѣдь у него нѣтъ хозяйства! Значитъ, раньше трехъ онъ не можетъ быть дома... А вдругъ онъ не вернется до самаго вечера?.. Часы тянутся такъ безконечно долго!.. Она готова плакать отъ нетерпѣнія, отъ этой мучительной неопредѣленности. Уже четыре часа: почти три часа прошло съ тѣхъ поръ, какъ она ждетъ. Но вотъ стучатъ въ дверь; посыльный входитъ и вручаетъ ей письмо. Она срываетъ конвертъ и совершенно невольно, чтобы скрыть отъ посторонняго человѣка выраженіе своего лица, отворачивается къ окну.

«Дорогая моя Берта,—читаетъ она.—Чрезвычайно мило съ твоей стороны, что ты предоставляешь мнѣ выборъ между ближайшими днями, но, какъ я уже, впрочемъ, сказалъ тебѣ въ моемъ первомъ письмѣ, я совершенно не могу располагать ближайшими днями. Ты, конечно, повѣришь мнѣ, что я по меньшей мѣрѣ столь же сожалѣю объ этомъ, какъ и ты. Еще разъ тысячу благодарностей и тысячу привѣтовъ, а затѣмъ до радостнаго свиданія въ слѣдующій разъ. Не забывай меня. Твой Эмиль».

Прочитавъ это письмо, она вдругъ успокоилась, заплатила посыльному, сколько онъ требовалъ, и подумала при этомъ, что по ея обстоятельствамъ—это не мало. Потомъ она сѣла къ столу и попробовала собраться съ мыслями. Она сейчасъ же сказала себѣ, что оставаться въ Вѣнѣ она дольше не можетъ и сожалѣла только о томъ, что не было поѣзда, съ которымъ она могла бы ѣхать сейчасъ же. На столѣ стояла наполовину пустая бутылка вина, подлѣ тарелки валялись хлѣбныя крошки, на постели была брошена ея лѣтняя жакетка и цвѣты, которые онъ прислалъ ей утромъ. Что могло означать все это? Что все между ними было кончено?.. Смутно, но въ какомъ-то соотношеніи съ тѣмъ, что было только что пережито ею, вспомнилась ей вычитанная

гдѣ-то фраза о мужчинахъ, которые не хотятъ ничего другого, какъ только «достигнуть своей цѣли»... Но она всегда считала, что это не болѣе, какъ фраза изъ романа. Конечно, письмо это, которое она держитъ въ рукѣ, совсѣмъ не похоже на прощальное... Однако, на самомъ-то дѣлѣ?.. Развѣ эти сердечныя слова не могутъ быть просто ложью?.. Да, ложь—вотъ что это!.. Впервые произноситъ она въ мысляхъ это рѣшительное слово: ложь... Ибо не подлежитъ сомнѣнію, что уже ночью, когда онъ провожалъ ее домой, для него было рѣшено, что онъ не увидится больше съ нею, и всѣ его слова о сегодняшнемъ свиданіи, о его желаніи видѣть ее у себя—были ложью... Она возстанавливаетъ въ своей памяти вчерашній вечеръ и спрашиваетъ себя, чѣмъ она могла разстроить, расхолодить его?.. Все было такъ прекрасно и, казалось, онъ былъ такъ счастливъ,—столь же счастливъ, какъ она... Неужели и это была ложь?.. Какъ знать!.. Можетъ быть, все-таки она разстроила, непріятно задѣла его чѣмъ-нибудь, сама того не подозрѣвая... Вѣдь всю свою жизнь она была не болѣе, какъ порядочной женщиной... Какъ знать,—можетъ быть, она сдѣлала какую-нибудь неловкость или глупость... Можетъ быть, въ тотъ самый моментъ, когда, отдаваясь ему, она была полна нѣжности, чувствовала себя вдохновленной и способной вдохновить его, она была на самомъ дѣлѣ смѣшна или противна ему?.. Что она знаетъ о всѣхъ этихъ вещахъ?.. И она ощутила вдругъ что-то вродѣ раскаянія въ томъ, что пошла на это приключеніе, не будучи къ нему подготовленной, въ томъ, что до вчерашняго дня была такъ сдержанна и чиста... Теперь ей вспоминается также, какъ онъ отклонялъ всѣ ея робкіе вопросы и просьбы, касающіеся его игры, — какъ будто онъ вовсе не хотѣлъ подпустить ее къ этой области. Итакъ онъ остался чуждымъ, преднамѣренно чуждымъ ей какъ разъ въ томъ, что составляло глубочайшее содержаніе его жизни... Она вдругъ поняла, что между ними не было ничего общаго, кромѣ удовольствія одной ночи, и что утромъ сегодняшняго дня они были такъ же далеки другъ отъ друга, какъ во всѣ эти годы, оставшіеся позади... И вновь загорается въ ней ревность... Но теперь ей кажется, что и ревность, и всѣ другія чувства всегда, постоянно мучили ее... любовь и недовѣріе, и надежда, и раскаяніе, и страсть, и ревность; и въ первый разъ въ жизни чувствуетъ она, что все, до самой глубины глубинъ, кипитъ въ ней, такъ что она понимаетъ теперь людей, которые, терзаясь сомнѣніями, бросаются изъ окна... И она видитъ, что не вынесетъ этого, что только та или другая опредѣленная правда можетъ облегчить ее... Она должна пойти къ нему, спросить его... но такъ спросить, какъ если бы она держала ножъ у самой его груди...

Она спѣшитъ на улицу, которая теперь почти совсѣмъ пуста, словно вся Вѣна выбралась за городъ... Застанетъ ли она его дома?.. Или, можетъ быть, онъ не одинъ,—впустятъ ли ее въ такомъ случаѣ?.. Или вдругъ она застигнетъ его въ объятіяхъ другой... что она тогда ска-

жетъ ему?.. Но развѣ онъ обѣщалъ ей что-нибудь? Развѣ онъ клялся въ вѣрности? И развѣ она, со своей стороны, требовала отъ него этого? Неужели она воображала, что онъ будетъ ждать здѣсь въ Вѣнѣ, пока она поздравитъ его съ этимъ испанскимъ орденомъ?.. Да развѣ не въ правѣ онъ будетъ сказать ей: ты сама бросилась мнѣ на шею, ты сама не желала ничего другого, какъ только, чтобы я взялъ тебя, какова ты есть... И если спросить у самой себя, развѣ онъ не былъ бы правъ? Развѣ не для того пріѣхала она сюда, чтобы сдѣлаться его возлюбленной... развѣ не для того только? Всѣ другія желанія и надежды лишь мимолетно вились подлѣ этого страстнаго ея желанія, и она не была достойна ничего лучшаго, чѣмъ то, что случилось съ нею... И, однако, говоря самой себѣ истинную правду, она все-таки должна сказать: изъ всего, что было когда-либо пережито ею, это было самое лучшее...

На перекресткѣ она остановилась; кругомъ нея тихо; знойный воздухъ душенъ и насыщенъ влагою. Она повернулась и пошла обратно къ отелю. Она очень утомлена и новая мысль шевелится въ ней: не потому ли онъ отказался отъ свиданія съ нею, что и онъ утомленъ?... Эта мысль кажется ей доказательствомъ ея опытности... И еще нѣчто мелькаетъ въ ея сознаніи: вѣдь и другую онъ можетъ любить только такъ, какъ ее—не иначе... И вдругъ она задается вопросомъ: останется ли сегодняшняя ночь единственнымъ, что она могла бы пережить въ этомъ смыслѣ—не будетъ ли она сама принадлежать еще кому-нибудь, кромѣ него? И она радуется собственному сомнѣнію, какъ если бы оно уже заключало въ себѣ какую-то месть его сострадательному взгляду, его насмѣшливымъ губамъ.

Но вотъ она снова въ третьемъ этажѣ гостинницы, въ своей неуютной комнатѣ. Остатки обѣда все еще не убраны, и на постели все еще лежатъ жакетка и цвѣты. Она беретъ цвѣты въ руку и подноситъ ихъ къ губамъ—словно желая поцѣловать ихъ. Но вдругъ весь ея гнѣвъ опять прорывается наружу, и она съ неистовствомъ швыряетъ ихъ на полъ. Потомъ закрывъ лицо руками она бросается на постель.

Пролежавъ такъ нѣсколько времени она успокаивается, чувствуетъ себя все спокойнѣе и спокойнѣе. Въ сущности это хорошо, что она сегодня же будетъ дома. Она представила себѣ своего мальчика лежащимъ въ постелькѣ и смѣющимся во все лицо, какъ это бывало обыкновенно, когда мать склонялась надъ его рѣшеткой. Ее такъ и потянуло къ нему... Поздно уже, пора собираться къ отъѣзду...

Она сидитъ въ купэ, на колѣняхъ ея лежатъ цвѣты, которые она опять подняла съ полу... Да, вотъ она ѣдетъ домой, оставляетъ городъ, гдѣ она... нѣчто пережила, такъ вѣдь это называется?.. И въ сознаніи ея мелькаютъ слова, которыя она когда-то читала или слышала въ соотношеніи съ подобными обстоятельствами—такія слова,

какъ: наслажденіе... упоеніе любви... опьяненіе... и легкая гордость шевелится въ ней при мысли, что она сама на себѣ испытала, что означаютъ эти слова. И еще одна мысль приходитъ ей, и удивительно успокаиваетъ ее: если, быть можетъ, онъ уже состоитъ въ связи съ другою женщиною... то, вѣдь, она отняла его у этой женщины... не надолго, конечно, но за то вполнѣ, настолько, насколько вообще можно отнять мужчину у женщины.

Теперь она была рада, что не послѣдовала своему рѣшенію сейчасъ же бѣжать къ нему. Она намѣревалась даже написать ему холодное письмо, которое вызвало бы въ немъ маленькую досаду, пококетничать, полукавить съ нимъ... Но, одно было ясно ей: она должна овладѣть имъ... въ самомъ скоромъ времени и, если возможно, навсегда!.. Итакъ, по мѣрѣ того, какъ поѣздъ мчалъ ее домой, мечты ея уносились все дальше... становились тѣмъ смѣлѣе, чѣмъ глубже пѣли для нея, въ полуснѣ, жужжащія и гудящія колеса...

Когда она вернулась, маленькій городокъ былъ уже объятъ глубокимъ сномъ. Придя домой, она велѣла служанкѣ какъ можно раньше привести отъ невѣстки мальчика. Потомъ она медленно раздѣлась. Взглядъ ея упалъ на портретъ ея покойнаго мужа, висѣвшій надъ кроватью. Она спросила себя, должна ли она оставить его тутъ и теперь? Когда она подумала затѣмъ, что есть женщины, которыя, возвращаясь отъ любовника, ложатся спать бокъ о бокъ со своимъ мужемъ, она такъ и содрогнулась... Никогда не сдѣлала бы она ничего подобнаго при жизни мужа!.. А ужъ если бы сдѣлала, то никогда не вернулась бы больше домой.

На слѣдующее утро ее разбудилъ ея мальчуганъ. Онъ взобрался къ ней на постель и тихонько дулъ ей на вѣки. Берта сѣла, обняла и расцѣловала его, и онъ сейчасъ же принялся разсказывать, какъ хорошо было ему у дяди и тети, какъ Элли играла съ нимъ, а Рихардъ одинъ разъ подрался съ нимъ и не могъ побороть его. А вчера онъ научился играть на фортепіано и скоро будетъ играть такъ же хорошо, какъ мама. Берта молча слушала его. Если бы Эмиль могъ слышать эту милую болтовню, думала она, и соображала, нельзя ли взять его съ собой и въ слѣдующій разъ, когда она поѣдетъ къ Эмилю въ Вѣну; при такихъ условіяхъ она могла бы заѣхать къ нему, не вызывая рѣшительно никакихъ подозрѣній. Она думала теперь только о томъ, что пережила въ Вѣнѣ прекраснаго, а отъ письма съ отказомъ у нея почти ничего не осталось, кромѣ словъ, относящихся къ предстоящему свиданію.

Было еще совсѣмъ раннее утро, когда она отправилась къ роднымъ. Проходя мимо дома Рупіуса, она подумала на минуту, не зайти ли къ нимъ. Но какое-то смутное опасеніе опять попасть къ нимъ въ тягостную для нихъ минуту заставило ее отложить это посѣщеніе на послѣ-

обѣда. Въ домѣ деверя ей попалась прежде всего Элли, которая встрѣтила ее такъ бурно, какъ если бы она возвратилась изъ долгаго путешествія. Деверь еще издали шутливо погрозилъ ей пальцемъ и сказалъ:

— Ну что? Какъ провела время?

Берта почувствовала, что по лицу ея разлилась яркая краска.

— Да,—продолжалъ онъ,—славныя исторіи мы про тебя слышали!

Онъ не замѣтилъ однако смущенія Берты и здороваясь съ нею передъ самой дверью, посмотрѣлъ на нее взглядомъ, въ которомъ ясно можно было прочесть: то-то же! отъ меня развѣ что укроется!

— Папа всегда шутитъ такимъ манеромъ,—сказала Элли,—мнѣ это совсѣмъ не нравится въ немъ.

Берта знала, что въ сущности деверь болталъ все это такъ, зря, а на самомъ дѣлѣ не повѣрилъ бы даже и въ томъ случаѣ, если бы она сама сказала ему всю правду.

Вошла невѣстка и Бертѣ пришлось разсказывать о томъ, какъ она проводила время. Къ ея собственному удивленію, ей удалось весьма искусно перемѣшать вымыселъ съ правдой. Она была вмѣстѣ съ кузиною въ публичномъ саду и картинной галлереѣ, въ воскресенье слушала мессу въ Stephanskirche, на улицѣ встрѣтила одного преподавателя консерваторіи и, наконецъ, она описала комичную чету супруговъ, которыя будто бы ужинали у ея кузины. И чѣмъ больше она углублялась въ это лганье, тѣмъ болѣе охватывало ее желаніе разсказать что-нибудь и про Эмиля, сообщить, что она встрѣтила на улицѣ знаменитаго скрипача Линдбаха, ея бывшаго товарища по консерваторіи, и говорила съ нимъ. Но смутное опасеніе не остановиться во время удержало ее отъ этого. Фрау Альбертина Гарланъ сидѣла съ видомъ тяжкаго утомленія на диванѣ и только кивала головой, а Элли стояла по обыкновенію у рояля, подпирая голову руками, и смотрѣла на тетку во всѣ глаза.

Отъ невѣстки Берта пошла къ Мальманамъ и дала урокъ музыки близнецамъ; упражненія и гаммы, которыя ей приходилось выслушивать, были ей сначала нестерпимы, но потомъ она уже не слушала ихъ, давъ волю своимъ мыслямъ. Пріятное настроеніе этого утра разсѣялось. Вѣна, казалось, была такъ далеко отъ нея, какое-то необъяснимое безпокойство охватило ее, и вдругъ на нее напалъ страхъ, что немедленно послѣ концерта Эмиль уѣдетъ. Это было бы просто ужасно. Нельзя ли, однако, устроить какъ-нибудь такъ, чтобы быть въ Вѣнѣ въ день этого концерта? Она не могла не сознавать правды: слышать его игру ее вовсе не тянуло,—да, она чувствовала теперь, что ей было бы гораздо пріятнѣе, если бы онъ вовсе не былъ скрипачемъ, если бы онъ вообще не былъ артистомъ, если бы онъ былъ самымъ обыкновеннымъ смертнымъ—какимъ-нибудь бухгалтеромъ или чѣмъ-нибудь въ этомъ родѣ. Если бы она могла сознавать, что онъ весь принадлежитъ ей, ей одной... Между тѣмъ, близнецы продолжали

разыгрывать свои гаммы. Что за несносная участь — торчать при этомъ, давать уроки музыки этимъ безталаннымъ ребятишкамъ! И почему это она была такъ хорошо настроена утромъ?

На улицѣ Берта встрѣтила фрау Мартинъ. Фрау Мартинъ спросила ее, хорошо ли она провела время въ Вѣнѣ, причемъ взглядъ ея совершенно ясно говорилъ: ужъ, во всякомъ случаѣ, ты не можешь такъ хорошо проводить время, какъ я съ моимъ мужемъ. Берту охватило невыразимое желаніе крикнуть прямо въ лицо этой особѣ: мнѣ было гораздо лучше, чѣмъ ты можешь вообразить себѣ! И я понимаю все такъ же хорошо, какъ ты! И у тебя вѣдь только мужъ, а у меня есть возлюбленный, возлюбленный, возлюбленный!.. Но, разумѣется, она не сказала ничего подобнаго, а, напротивъ того, разсказала, что она гуляла съ кузиною и ея дѣтьми въ публичномъ саду.

Встрѣтились ей и другія женщины, съ которыми она была знакома лишь отдаленно. Она чувствовала себя по отношенію къ нимъ совсѣмъ иначе, чѣмъ прежде: свободнѣе, значительнѣе; вѣдь, она была единственная женщина во всемъ городѣ, которая испытала что-нибудь, и ей было почти жаль, что никто не зналъ объ этомъ, ибо, вѣдь, онѣ только для виду стали бы выражать свое презрѣніе, а на самомъ дѣлѣ страшно завидовали бы ей. И если бы онѣ еще знали кто... Впрочемъ, въ этой дырѣ мало кому знакомо даже его имя. Если бы былъ хотя одинъ человѣкъ на свѣтѣ, передъ которымъ она могла бы высказаться!.. Фрау Рупіусъ, да, фрау Рупіусъ!.. Но, вѣдь, она уѣзжаетъ, отправляется путешествовать!.. И, собственно говоря, какое ей дѣло до всего этого? Главное, знать, какъ все это будетъ съ Эмилемъ. Необходимо было бы знать, въ чемъ тутъ дѣло... Ужасное безпокойство мучитъ ее... Можно ли сказать, что она находится «въ связи» съ нимъ?..

Но вотъ она опять у родныхъ. Рихардъ, при встрѣчѣ съ нею, хочетъ, какъ всегда, полушутливо обнять ее, она отталкиваетъ его. Дерзкій мальчишка! думаетъ она. Знаю я теперь, къ чему это клонится, хоть и онъ самъ этого не знаетъ; я-то вѣдь понимаю эти вещи, у меня есть возлюбленный въ Вѣнѣ!.. Между тѣмъ, урокъ идетъ своимъ порядкомъ. Въ заключеніе Элли и Рихардъ разыгрываютъ въ четыре руки увертюру Бетховена—это должно быть сюрпризомъ ко дню рожденія отца.

Берта не переставала думать объ Эмилѣ. Она готова была просто съ ума сойти отъ этого несноснаго брянчанья... Нѣтъ, невозможно больше тянуть это существованіе, ни въ какомъ смыслѣ... Вѣдь она еще такъ молода... Да, въ этомъ-то и заключается вся суть, въ этомъ... она не можетъ больше жить такъ... а полюбить кого-нибудь другого... Нѣтъ, какъ она могла допустить это хотя бы въ мысляхъ!.. Вѣдь это значитъ, что она просто испорченная женщина? Кто знаетъ, можетъ быть, Эмиль, какъ опытный человѣкъ, сейчасъ же замѣтилъ въ ней

это, можетъ быть, оттого-то онъ и не захотѣлъ болѣе видѣть ее... Ахъ, какъ легко, должно быть, живется тѣмъ женщинамъ, которыя ничего не принимаютъ въ серьезъ, которыя готовы, сейчасъ же послѣ того какъ ихъ бросили... Но что это опять за мысли такія? Развѣ онъ «бросилъ» ее?.. Черезъ какихъ-нибудь три, четыре дня она опять будетъ въ Вѣнѣ, у него, въ его объятіяхъ...

Входитъ невѣстка и проситъ, чтобы она пришла сегодня отужинать съ ними... Что-жъ, вѣдь, это единственное развлеченіе: поужинать не дома, а за какимъ-нибудь другимъ столомъ! Но если бы здѣсь былъ хоть одинъ человѣкъ, съ которымъ она могла бы говорить!.. И фрау Рупіусъ уѣзжаетъ, оставляетъ своего мужа!.. Можетъ быть, и здѣсь замѣшана какая-нибудь любовная исторія?.. Урокъ конченъ, Берта прощается. И по отношенію къ невѣсткѣ она ощущаетъ теперь свое превосходство, чувствуетъ даже нѣчто вродѣ состраданія къ ней. Да, говоритъ она себѣ, на цѣлую жизнь, какую ведетъ эта женщина, не промѣняла бы она одного того часа... А, между тѣмъ, думаетъ она, идя къ себѣ домой, тогда она совсѣмъ не сознавала своего счастья, и все такъ скоро кончилось. И потомъ — эта комната, все это помѣщеніе, эта ужасная картина... Нѣтъ, нѣтъ, все это было просто гадко. Одно только было дѣйствительно прекрасно: когда онъ провожалъ ее въ коляскѣ домой и положилъ ея голову себѣ на грудь... О, да, онъ любилъ ее—не такъ, какъ она его, конечно, но, вѣдь, и это удивительно! Какъ онъ жилъ все это время!.. Она думала теперь объ этомъ уже безъ ревности, а скорѣе съ легкимъ сожалѣніемъ къ нему; о чемъ только не приходится вспоминать ему. А что онъ относился къ жизни не легкомысленно, это сейчасъ же можно было видѣть... Веселымъ человѣкомъ трудно было бы его назвать... Всѣ тѣ часы, которые она провела съ нимъ, были проникнуты въ ея воспоминаніи какой-то неизъяснимой грустью... Если бы только она могла узнать все, что его касается!.. Онъ такъ мало... ничего, ничего не разсказалъ онъ ей о себѣ... Да, впрочемъ, развѣ это было возможно—въ первый же день?.. О, если бы онъ по настоящему узналъ ее! Если бы она не была такъ робка, такъ неспособна проявить себя... Она должна еще разъ написать ему—прежде чѣмъ увидитъ его... Да, она сдѣлаетъ это сегодня же. Письмо, которое она послала ему вчера,—до чего оно было глупо! Онъ просто и не могъ отвѣтить на него иначе, чѣмъ онъ это сдѣлалъ. Она должна написать ему не вызывающе, конечно, но и безъ лишняго самоуничиженія... нѣтъ, вѣдь, она же его возлюбленная! Она, та самая, которая идетъ по этимъ улицамъ, среди этихъ людей, которые при встрѣчѣ съ нею глядятъ на нее, какъ на равную себѣ, она—возлюбленная этого удивительнаго человѣка, котораго она обожала съ самой ранней юности... И какъ смѣло, безъ всякаго ломанья, она отдалась ему, ни одна изъ всѣхъ извѣстныхъ ей женщинъ не была бы способна на это. Ахъ, она сдѣлала бы больше! О, да! Она пошла бы

на то, чтобы жить вмѣстѣ съ нимъ, не будучи его женой, и ей было бы совершенно безразлично, что стали бы говорить о ней люди... Она даже гордилась бы этимъ. А впослѣдствіи онъ женился бы на ней... навѣрное. Вѣдь, она такая хорошая хозяйка... И какъ отрадно было бы ему, послѣ годовъ безпорядочнаго скитальчества, жить въ благоустроенномъ домѣ, имѣть подлѣ себя хорошую жену, которая никогда никого не любила, кромѣ него.

Она была опять дома и, прежде чѣмъ подали обѣдъ, приготовила все нужное, чтобы сѣсть за письмо. Она ѣла съ лихорадочнымъ нетерпѣніемъ, торопливо накладывала и рѣзала кушанье своему мальчику, потомъ приказала дѣвушкѣ раздѣть и положить его въ кроватку, что она обыкновенно дѣлала сама, сѣла къ столу, и слова безостановочно полились у нея изъ-подъ пера, какъ если бы все письмо заранѣе сложилось въ головѣ ея.

«Мой Эмиль, мой возлюбленный, мое сокровище! Съ тѣхъ поръ, какъ я вернулась сюда, я вся полна неодолимаго желанія писать тебѣ, сказать тебѣ еще и еще разъ, до чего я счастлива, до чего я безконечно счастлива благодаря тебѣ. Сначала я была зла на тебя за то, что въ воскресенье ты отказался видѣть меня—я должна признаться тебѣ и въ этомъ, потому что у меня есть потребность высказывать тебѣ все, что происходитъ во мнѣ. Къ сожалѣнію, мнѣ не удавалось это, пока я была съ тобою; это вообще не дается мнѣ, но теперь я нахожу всѣ нужныя слова и тебѣ уже придется помириться съ тѣмъ, что я буду докучать тебѣ своимъ писаньемъ. Мой милый, мой единственный—да, вѣдь, ты единственный для меня, хотя ты, повидимому, былъ не настолько убѣжденъ въ этомъ, насколько было бы нужно. Прошу тебя, вѣрь мнѣ въ этомъ. Видишь ли, вѣдь у меня же нѣтъ ничего, кромѣ этихъ словъ, чтобы тебѣ это высказать. Эмиль, я никогда никого не любила кромѣ тебя и никогда не полюблю другого. Дѣлай со мной, что хочешь, ничто не привязываетъ меня къ этому городку, въ которомъ я теперь живу, да, иногда мнѣ становится просто жутко при мысли, что я принуждена жить здѣсь. Я хочу переѣхать въ Вѣну, чтобы быть по близости отъ тебя. О, не бойся, я вѣдь не буду тревожить тебя. Вѣдь я не одинока, у меня есть мое дитя, которое я просто боготворю. Мнѣ придется стѣсниться, но, въ концѣ концовъ, развѣ мнѣ не удастся точно такъ же, какъ и здѣсь,—а въ такомъ большомъ городѣ, какъ Вѣна, быть можетъ, еще легче—найти себѣ уроки, которыми я могла бы улучшить свои обстоятельства? Впрочемъ, это не существенно; переселиться въ Вѣну—это было моимъ давнишнимъ намѣреніемъ хотя бы уже ради моего обожаемаго мальчика, когда онъ подростетъ. Ты не можешь представить себѣ, до чего глупы здѣшніе люди! И вообще я просто не могу смотрѣть ни на кого съ тѣхъ поръ, какъ испытала счастье быть съ тобою. Дай мнѣ совѣтъ, дорогой мой! Впрочемъ, ты не долженъ утруждать себя

обстоятельнымъ письмомъ, я, во всякомъ случаѣ, на этой же недѣлѣ буду въ Вѣнѣ, мнѣ, во всякомъ случаѣ, пришлось бы сдѣлать это по нѣкоторымъ неотложнымъ надобностямъ, тогда ты можешь сказать мнѣ все, что ты объ этомъ думаешь и что считаешь за лучшее. Ты долженъ только обѣщать мнѣ, что когда я буду жить въ Вѣнѣ, ты будешь время отъ времени навѣщать меня; если же это будетъ тебѣ непріятно, то никому не должно быть никакого дѣла до этого. Но ты повѣришь мнѣ, что всякій день, въ который я смогу видѣть тебя, будетъ для меня истиннымъ праздникомъ, и что во всемъ мірѣ нѣтъ ни одной живой души, которая была бы болѣе вѣрна тебѣ и любила бы тебя такъ, до гробовой доски, какъ я.

«Будь здоровъ, мой возлюбленный. «Твоя Берта».

Она не рѣшилась перечитывать письмо и сейчасъ же вышла изъ дому, чтобы отнести его на вокзалъ. Тамъ, въ нѣсколькихъ шагахъ впереди отъ себя, она увидѣла фрау Рупіусъ, которую провожала служанка съ небольшимъ саквояжемъ въ рукѣ. Что бы это могло значить? Она догнала фрау Рупіусъ какъ разъ въ ту минуту, когда та входила въ станціонный залъ. Дѣвушка положила саквояжъ на большой столъ, посреди комнаты, поцѣловала барынѣ руку и ушла.

— Фрау Рупіусъ!—воскликнула Берта полувопросительно.

Фрау Рупіусъ дружески протянула ей руку:

— Я слышала, что вы уже вернулись! Ну, какъ провели время?

— Прекрасно, о, прекрасно, но...

— Вы смотрите на меня съ такимъ ужасомъ; нѣтъ, фрау Берта, я вернусь — завтра же. Большое путешествіе не состоится; я должна была... рѣшиться на нѣчто другое.

— На что же именно?

— Ну да,—остаться. Завтра я опять буду здѣсь. Ну, какъ же вы провели время?

— Я же сказала вамъ: очень хорошо.

— Да, вѣдь и правда—вы уже сказали. Но вѣдь вы хотите опустить это письмо, не правда ли?

Теперь только Берта спохватилась, что все еще держала письмо къ Эмилю въ рукѣ. Она посмотрѣла на него такимъ восхищеннымъ взглядомъ, что фрау Рупіусъ усмѣхнулась.

— Можетъ быть хотите, чтобы я взяла его съ собой? Оно вѣдь должно идти въ Вѣну?

— Да,—сказала Берта и, словно обрадовавшись возможности высказаться, прибавила:—это ему!

Фрау Рупіусъ кивнула головою, какъ бы въ знакъ удовольствія, но даже не взглянула на Берту и ничего не отвѣтила.

— Какъ я рада сказала Берта,—что встрѣтила васъ. Вѣдь вы здѣсь единственный человѣкъ, къ которому я питаю довѣріе, единственный человѣкъ, способный понять что-нибудь.

— О, нѣтъ,—отозвалась фрау Рупіусъ, какъ сквозь сонъ.

— Я такъ завидую вамъ, что вы сегодня же, черезъ какіе-нибудь нѣсколько часовъ, увидите Вѣну. Какъ вы счастливы!

Фрау Рупіусъ сѣла въ одно изъ кожаныхъ креселъ подлѣ стола, подперевъ подбородокъ рукою и взглянувъ на Берту, проговорила:

— А мнѣ бы казалось скорѣе, что вы сами счастливы!

— Нѣтъ, я принуждена остаться здѣсь.

— Почему?—спросила фрау Рупіусъ.—Вѣдь вы свободны. Однако бросьте же ваше письмо въ ящикъ, а то я увижу адресъ и узнаю больше, чѣмъ вы сами хотите сказать мнѣ.

— Не потому, а только... я хотѣла бы, чтобы оно пошло съ этимъ же поѣздомъ...

Она поспѣшила къ выходу, опустила письмо въ ящикъ, потомъ сейчасъ же вернулась къ Аннѣ и продолжала:

— Вамъ-то я все могла бы сказать,—и даже больше,—хотѣла сказать вамъ все еще до того, какъ поѣхала туда... но можете себѣ представить, какъ странно!—почему-то не рѣшилась тогда.

— Тогда, можетъ быть, и разсказывать было нечего,—сказала фрау Рупіусъ, не глядя на Берту.

Берта была поражена. Какъ она умна, эта женщина! Она видитъ людей насквозь!

— Нѣтъ, тогда дѣйствительно нечего было разсказывать!—повторила она, глядя на фрау Рупіусъ съ какимъ-то благоговѣніемъ.—Представьте себѣ, это просто невѣроятно, что я вамъ скажу, но мнѣ кажется, что я была бы какой-то лгуньей, если бы умолчала объ этомъ.

— Ну?

Берта сѣла въ кресло подлѣ фрау Рупіусъ и заговорила тихонько, такъ какъ двери были открыты:

— Я хотѣла сказать вамъ, Анна, что я совсѣмъ не чувствую себя такъ, какъ будто сдѣлала что-нибудь дурное, что-нибудь недозволительное.

— Это было бы не особенно умно!

— Ну да, вы совершенно правы... я хотѣла сказать нѣчто большее: я чувствую себя такъ, какъ будто сдѣлала что-нибудь хорошее, что-нибудь совсѣмъ особенное. Да, фрау Рупіусъ, я могла даже сказать, что я просто горжусь этимъ.

— Ну, для этого, положимъ, тоже нѣтъ основаній!—сказала фрау Рупіусъ, причемъ она, задумавшись, тихонько поглаживала руку Берты, лежавшую на столѣ.

— Я и сама знаю, но всетаки я горжусь, и мнѣ кажется, что я совсѣмъ не похожа на другихъ извѣстныхъ мнѣ женщинъ. Видите ли... если бы вы только знали... если бы вы были знакомы съ нимъ—это такая удивительная исторія! Вы, можетъ быть, думаете, что это какое-нибудь новое знакомство?.. Напротивъ, вы должны знать, я была влюб-

лена въ него еще совсѣмъ молоденькой дѣвочкой, уже двѣнадцать лѣтъ какъ это тянется, но мы долгое время не видѣлись, а теперь—развѣ это неудивительно?—теперь онъ сталъ моимъ... моимъ... моимъ... возлюбленнымъ.

Наконецъ, она высказала это. Все лицо ея сіяло. Фрау Рупіусъ посмотрѣла на нее взглядомъ, въ которомъ можно было прочесть едва уловимую насмѣшку и вмѣстѣ съ тѣмъ большую сердечность.

— Я очень рада, что вы счастливы!—сказала она.

— Вы, право, такъ добры! Но видите ли, съ другой стороны, это просто ужасно: мы живемъ такъ далеко другъ отъ друга; онъ живетъ въ Вѣнѣ, я—здѣсь; я думаю, что не выдержу. И притомъ у меня вовсе нѣтъ сознанія, что я дѣйствительно имѣю что-нибудь общее съ этимъ городомъ и особенно съ моими родными. Если бы они знали... нѣтъ, еслибъ только они знали! Да они бы просто не повѣрили. Такая женщина, какъ моя невѣстка, напримѣръ,—да, я думаю, она не допускаетъ даже и возможности чего-либо подобнаго!

— Однако вы удивительно наивны!—сказала вдругъ фрау Рупіусъ, словно выведенная изъ терпѣнія, и вслѣдъ затѣмъ стала прислушиваться.—Мнѣ показалось, что поѣздъ уже свиститъ...

Она встала и подошла къ большой стеклянной двери, которая вела на платформу. Вошедшій служитель потребовалъ билетъ, который онъ долженъ былъ отмѣтить.

— Поѣздъ въ Вѣну придетъ съ опозданіемъ на двадцать минутъ,—сказалъ онъ.

Берта тоже встала и подошла къ фрау Рупіусъ.

— Почему вы сказали, что я наивна?—спросила она робко.

— Да вы совершенно не знаете людей!—отозвалась фрау Рупіусъ съ нѣкоторымъ раздраженіемъ.—Вы не имѣете ни малѣйшаго представленія даже о людяхъ, среди которыхъ живете. Увѣряю васъ, вамъ совершенно не приходится гордиться.

— Да я знаю, что это глупо съ моей стороны.

— Ваша невѣстка—нѣтъ, это великолѣпно!—ваша невѣстка!

— Что вы хотите сказать?

— Да то, что ваша невѣстка тоже имѣла любовника.

— Что за идея!

— Да и не она одна въ этомъ городѣ!

— Ну, конечно, есть женщины, которыя... Но Альбертина!

— И знаете, кто это былъ? Это презабавно! Господинъ Клингеманнъ!

— Нѣтъ, быть не можетъ!

— Правда, это было ужъ давно, лѣтъ десять или одиннадцать тому назадъ.

— Но въ то время вы и сами не жили здѣсь, фрау Рупіусъ!

— О, я знаю это изъ наилучшаго источника! Господинъ Клингеманнъ самъ мнѣ разсказывалъ!

— Самъ Клингеманъ? Да неужто же возможно, чтобы человѣкъ до такой степени...

— Во всякомъ случаѣ, это вполнѣ достовѣрно.

Она сѣла опять на скамью подлѣ двери, Берта стояла около нея, слушая съ глубочайшимъ изумленіемъ.

— Какъ же! господинъ Клингеманъ!.. Вѣдь, когда я сюда пріѣхала, онъ сдѣлалъ мнѣ честь, ухаживалъ за мною самымъ настоятельнымъ образомъ, что называется не на жизнь, а на смерть. Вы сами знаете, что это за противный субъектъ. Я его высмѣяла, это, вѣроятно, разозлило его, и тогда онъ, очевидно, возымѣлъ мысль доканать меня разсказами о своихъ побѣдахъ и о своей неотразимости.

— Но, быть можетъ, онъ разсказывалъ вамъ то, чего на самомъ дѣлѣ не было?

— Относительно многаго — можетъ быть, но эта исторія, во всякомъ случаѣ несомнѣнна... Ахъ, да что! Люди—вѣдь, это такая гадость! —она сказала это съ выраженіемъ глубочайшей ненависти.

Берта смутилась. Никогда бы она не допустила, что фрау Рупіусъ способна такъ думать.

— Да, какъ это, право, вы совсѣмъ не знаете между какими людьми вы живете!

— Нѣтъ, этого я бы никогда не могла себѣ представить... Если бы деверь узналъ объ этомъ!..

— Если бы узналъ? Онъ такъ же прекрасно знаетъ это, какъ и вы, какъ я.

— Какъ? Нѣтъ, нѣтъ!

— Да онъ ихъ поймалъ... понимаете?.. Господина Клингемана съ Альбертиной! Такъ, что и при всемъ желаніи, сомнѣваться было невозможно.

— Господи, помилуй! Что же онъ сдѣлалъ?

— Да, вѣдь, вы сами видите, что онъ не прогналъ ее.

— Ну, да, дѣти... конечно!

— Ахъ, какія тамъ дѣти! Простилъ ее ради собственнаго удобства,—главное, потому, что послѣ этого и самъ онъ могъ дѣлать все, что хотѣлъ. Вѣдь, вы сами видите, какъ онъ съ ней обращается. Она для него немногимъ развѣ выше его служанки. Вѣдь, вы видите, какая она вѣчно ходитъ пришибленная и несчастная. Онъ довелъ ее до того, что она разъ навсегда стала чувствовать себя помилованной, и я думаю, ее грызетъ вѣчный страхъ, что въ одно прекрасное мгновеніе онъ еще накажетъ ее. Но только это совсѣмъ глупый страхъ— вѣдь, онъ ни за какую цѣну не найдетъ себѣ другой такой хозяйки... Ахъ, милая моя фрау Берта, и мы, конечно, не ангелы, какъ вы знаете изъ собственнаго опыта, но мужчины просто подлы, поскольку...—она запнулась, какъ бы не рѣшаясь окончить свою фразу,—поскольку они мужчины.

Берта была совершенно подавлена—не столько тѣмъ, что разсказывала ей фрау Рупіусъ, сколько манерою ея сообщеній. Казалось, она стала какой-то совершенно другой, и Берта чувствовала щемящую боль въ сердцѣ.

Дверь на платформу была открыта и оттуда слышался тихій, непрерывный звонъ телеграфа. Фрау Рупіусъ медленно поднялась, выраженіе ея лица смягчилось, она протянула Бертѣ руку и сказала:

— Извините меня, я была немножко раздражена. Все это можетъ быть также и прекраснымъ, вѣдь, есть же и порядочные люди... О, конечно, это можетъ быть прекрасно!..

Она устремила взглядъ на рельсы, какъ бы слѣдуя за этими убѣгающими вдаль желѣзными линіями. Потомъ она сказала опять своимъ нѣжнымъ благозвучнымъ голосомъ, который Берта такъ любила въ ней:

— Завтра вечеромъ я буду уже дома... Ахъ, да, мой несессеръ!— Она поспѣшно подошла къ столу и взяла свой саквояжъ.—Вотъ было бы ужасно! Вѣдь, безъ моихъ десяти флакончиковъ я просто не могу двинуться съ мѣста. Итакъ, до свиданья! И не забывайте, что все это ужъ десять лѣтъ, какъ прошло.

Поѣздъ подошелъ, она поспѣшила въ купэ, взошла и привѣтливо кивнула Бертѣ изъ окна. Берта попробовала отвѣтить ей такъ же весело, но почувствовала, что движеніе руки, которымъ она хотѣла выразить привѣтъ уѣзжающей, вышло натянутымъ и искусственнымъ.

Медленно побрела она опять домой. Напрасно пыталась она убѣдить себя, что ей не было никакого дѣла до всего этого: ни до прошедшей связи невѣстки, ни до низости деверя, ни до пошлости Клингемана, ни до причудливыхъ настроеній этой загадочной фрау Рупіусъ. Она сама не могла понять, почему это, но ей казалось, что все слышанное ею имѣло какое-то таинственное соотношеніе съ ея приключеніемъ. И вдругъ снова охватили ее грызущія сомнѣнія... Почему онъ не хотѣлъ еще разъ видѣть ее? Ни на слѣдующій день, ни даже черезъ два, черезъ три дня? Почему? Онъ достигъ своей цѣли и ему было довольно... И какъ могла она написать ему это сумасшедшее, безстыдное письмо? На нее нашелъ страхъ... А если онъ вдругъ покажетъ его другой женщинѣ, будетъ вмѣстѣ съ ней потѣшаться надъ этимъ письмомъ... Нѣтъ, что это ей взбрело въ голову! Придутъ же, право, такія мысли!.. Возможно, что онъ ничего не отвѣтитъ на это письмо, броситъ его подъ столъ въ корзину, но допустить что-либо такое... нѣтъ... Впрочемъ, вѣдь, нужно только потерпѣть, черезъ два, три дня все выяснится окончательно.

Передъ вечеромъ она совершила со своимъ мальчикомъ обычную прогулку между виноградниками, но не заходила на кладбище. Потомъ она медленно спустилась съ холма и стала прохаживаться подъ каштанами. Она болтала съ Фрицемъ, разспрашивала его о томъ и о другомъ, заставляла его разсказывать себѣ разныя исторіи, потомъ по-

пробовала объяснить ему, какъ далеко отстоитъ отъ земли солнце, какъ облака превращаются въ дождь, какъ выростаютъ виноградныя лозы и образуется виноградъ, изъ котораго дѣлаютъ вино. Она не раздражалась, какъ бывало прежде, когда мальчикъ былъ невнимателенъ, такъ какъ сама отлично сознавала, что говоритъ только для того, чтобы отвлечься отъ своихъ мыслей. Скоро увидѣла она Клингеманна, но это не произвело на нее ни малѣйшаго впечатлѣнія; онъ заговорилъ съ нею въ тонѣ какой-то принужденной вѣжливости, держа въ рукѣ свою соломенную шляпу и стараясь изобразить на лицѣ глубокую, почти мрачную серьезность. Онъ казался сильно постарѣвшимъ, и ей бросилось въ глаза, что платье его было отнюдь не элегантно, а, напротивъ, довольно-таки потрепано. Она вдругъ невольно представила его себѣ въ нѣжныхъ объятіяхъ со ея невѣсткой, и ей стало противно.

Вечеръ проводила она у родныхъ. Теперь ей казалось, что и раньше она угадывала все, что касалось прошлаго этихъ людей, ибо какъ могла бы она не обратить вниманія на характеръ отношеній между деверемъ и невѣсткой! Деверь снова подшучивалъ по поводу ея путешествія въ Вѣну, спрашивая, когда она опять поѣдетъ туда и скоро ли они услышатъ объ ея помолвкѣ. Берта отшучивалась, разсказывая, что, по меньшей мѣрѣ, дюжина разныхъ господъ просили ея руки, въ томъ числѣ одинъ министръ. Но она чувствовала при этомъ, что только губы ея говорятъ и улыбаются, между тѣмъ какъ душа ея оставалась серьезной и молчаливой.

На слѣдующее утро шелъ тихій, теплый дождь. При этой погодѣ Бертѣ было легче справляться со своимъ мучительнымъ нетерпѣніемъ, чѣмъ когда палило солнце. Казалось, что за время сна что-то смягчилось въ ней. Въ сѣренькой кротости этого утра все представлялось такимъ простымъ и не привлекающимъ никакого особаго вниманія. Завтра придетъ ожидаемое письмо, а сегодня — такой же день, какъ сотни другихъ дней.

Послѣ обѣда ей пришла въ голову одна мысль, показавшаяся ей самой въ высшей степени похвальною. Уже давно собиралась она учить своего мальчика читать. Сегодня должно быть положено начало этому. И она пробилась цѣлый часъ, втолковывая ему особенности нѣкоторыхъ буквъ.

Дождь не прекращался; жаль, что нельзя идти гулять. Послѣобѣденное время будетъ тянуться долго, очень долго. Но нужно же, наконецъ, пойти къ Рупіусу. Какъ это скверно, что она еще не была у него съ самаго возвращенія. Можетъ быть, ему немножко стыдно передъ нею, потому что онъ наговорилъ ей тогда разныхъ страшныхъ словъ, а между тѣмъ Анна остается.

Она вышла изъ дому. Несмотря на дождь, она направилась сначала за городъ. Давно уже она не чувствовала себя такой спокойной, какъ сегодня, и ей былъ пріятенъ этотъ день — безъ волненій, безъ страха, безъ ожиданій. Если бы всегда такъ было! Это просто удивительно, съ какимъ равнодушіемъ думаетъ она объ Эмилѣ. Кажется, всего лучше было бы никогда о немъ больше не слышать и навсегда сохранить въ душѣ это спокойствіе... Да, вѣдь, такъ хорошо ей теперь!.. Казалось, шумъ большого города, который нисколько не разстраивалъ ее въ послѣдній разъ, теперь только началъ отдаваться у нея въ ушахъ, и она радовалась окружавшей ее прекрасной тишинѣ.

Итакъ, ощущеніе глубокой усталости, въ которое была погружена ея душа, казалось ей какимъ-то окончательнымъ успокоеніемъ... А между тѣмъ, уже черезъ самое короткое время, когда она шла обратно къ городу, это внутреннее спокойствіе снова постепенно исчезало, и опять пробуждались въ ней смутныя предчувствія какихъ-то новыхъ волненій и страданій.

День уже склонялся къ вечеру, когда Берта вошла въ комнату господина Рупіуса. Онъ сидѣлъ у стола, разложивъ передъ собою папку съ картинами. Надъ столомъ горѣла висячая лампа. Онъ взглянулъ на нее и отвѣтилъ на ея привѣтствіе. Потомъ онъ сказалъ:

— Вы, вѣдь, вернулись уже третьяго дня вечеромъ.—Въ словахъ его прозвучалъ упрекъ, и Берта почувствовала себя виноватой.—Ну, садитесь,—продолжалъ онъ,—и разскажите, что вы пережили въ Вѣнѣ?

— Что же я могла пережить! Была въ музеѣ, узнала нѣкоторыя изъ вашихъ картинъ.

Онъ не отвѣтилъ.

— Ваша жена возвращается сегодня же вечеромъ!

— Не думаю.

Онъ помолчалъ, потомъ сказалъ съ какой-то преднамѣренной сухостью:

— Я долженъ извиниться передъ вами за то, что разсказывалъ вамъ надняхъ вещи, которыя никоимъ образомъ не могли быть интересны вамъ... Вообще же говоря, я не думаю, чтобъ моя жена возвратилась сегодня вечеромъ.

— Однако... вѣдь она сама сказала мнѣ.

— И мнѣ также. Она просто хотѣла избавить меня отъ прощанья, вѣрнѣе сказать, отъ комедіи прощанія. Я подразумѣваю при этомъ не какое-нибудь комедіанство, а, напротивъ,—то, что сопровождаетъ всякое прощаніе: трогательныя слова, слезы... Ну, довольно объ этомъ. Вы не откажетесь составить мнѣ компанію время отъ времени? Вѣдь я буду довольно-таки одинокъ, когда моей жены не будетъ со мною.

Рѣзкій тонъ, какимъ онъ говорилъ все это, такъ мало соотвѣтствовалъ содержанію его рѣчей, что Берта тщетно искала какихъ-нибудь словъ для отвѣта. Но Рупіусъ сейчасъ же вслѣдъ за тѣмъ продолжалъ:

— Ну, а кромѣ Музея, что вы видѣли?

Берта начала дѣловитѣйшимъ образомъ разсказывать о своей поѣздкѣ въ Вѣну, между прочимъ сообщила и объ одномъ другѣ своей юности, котораго она встрѣтила послѣ долгой разлуки, и притомъ гдѣ?—вотъ что всего удивительнѣе!—какъ разъ передъ картиною Фалькенберга. И въ то время, какъ она говорила такимъ образомъ объ Эмилѣ, не называя его имени, въ ней выростало безпредѣльное стремленіе къ нему, и она думала о томъ, что сегодня же напишетъ ему еще разъ.

Вдругъ она замѣтила, что глаза Рупіуса остановились, взглядъ его приковался къ двери. Возвратившаяся жена его съ улыбкою подошла къ нему, сказала: «Вотъ я и здѣсь», поцѣловала его въ лобъ и протянула руку Бертѣ.

— Здравствуйте, фрау Рупіусъ,—проговорила Берта, въ высшей степени обрадованная.

Рупіусъ не сказалъ ни слова, но на лицѣ его отразилось глубочайшее волненіе. Фрау Рупіусъ, еще не снявшая шляпы, на минуту отвернулась; тогда Берта увидѣла, что Рупіусъ закрылъ лицо обѣими руками и зарыдалъ.

Берта ушла. Она была рада, что фрау Рупіусъ возвратилась, и это казалось ей хорошимъ предзнаменованіемъ. Завтра утромъ можетъ уже придти письмо, которое рѣшитъ ея участь. Спокойствія ея опять какъ не бывало; но теперь все существо ея было проникнуто другимъ желаніемъ, не похожимъ на прежнее. Ей хотѣлось только имѣть его подлѣ себя, по близости, видѣть его, идти съ нимъ рядомъ. Вечеромъ, уложивъ своего мальчика въ постель, она долго еще оставалась одна въ столовой; она поиграла немножко на роялѣ, потомъ подошла къ окну и стала смотрѣть въ мракъ вечера. Дождь прекратился, земля впивала въ себя влагу, на небѣ еще висѣли тяжелыя тучи. Все существо Берты было полно однимъ страстнымъ стремленіемъ, все въ ней взывало къ нему, глаза ея какъ бы искали его во тьмѣ, губы ея тянулись къ нему съ поцѣлуемъ, словно могли приникнуть къ его губамъ, и безсознательно, какъ если бы самыя желанія ея неслись въ высоту, прочь отъ всего, что окружало ее, прошептала она, глядя на небо: «Дай мнѣ его!..» Никогда еще она не принадлежала ему въ такой степени, какъ въ эту минуту. Казалось, будто она теперь только впервые полюбила его. Ничто другое не примѣшивалось болѣе къ ея чувству, не затемняло его: ни страхъ, ни заботы, ни сомнѣнія; все было въ ней полно чистѣйшей нѣжности, и когда подулъ легкій вѣтерокъ, шевельнувшій ея волосы на лбу, она словно ощутила въ этомъ дуновеніи его самого.

На слѣдующее утро письма не было. Берта была нѣсколько разочарована, но не встревожилась. Вскорѣ появилась Элли, на которую вдругъ напала охота играть съ Фрицемъ. Служанка принесла съ базара извѣстіе, что отъ Рупіуса очень спѣшно послали за докторомъ, но она не могла сказать, заболѣлъ ли самъ Рупіусъ или его жена. Берта

рѣшила какъ можно скорѣе, еще до обѣда, пойти справиться. Она очень разсѣянно и нервно дала свой урокъ у Мальмановъ, затѣмъ отправилась къ Рупіусамъ. Служанка сказала ей, что заболѣла барыня, которая и лежитъ въ постели, что опасности нѣтъ, но докторъ Фридрихъ строжайше запретилъ всякія посѣщенія. Берта испугалась. Ей хотѣлось поговорить съ самимъ Рупіусомъ, но она побоялась быть навязчивой.

Послѣ обѣда она попробовала продолжать занятія со своимъ мальчикомъ, но это ей не удавалось. Опять ей почудилось, будто болѣзнь Анны могла отразиться на ея собственныхъ надеждахъ; если бы Анна была здорова, то пришло бы и письмо. Она сознавала, что это было нелѣпо, но тѣмъ не менѣе не могла побѣдить въ себѣ этого ощущенія.

Въ пять часовъ она опять пошла къ Рупіусамъ. Дѣвушка впустила ее. Господинъ Рупіусъ самъ хотѣлъ поговорить съ нею. Онъ сидѣлъ въ своемъ креслѣ, у стола.

— Ну? — проговорила Берта.

— Какъ разъ теперь у нея докторъ. Можетъ быть, вы подождете нѣсколько минутъ...

Берта не рѣшалась разспрашивать. Оба молчали. Черезъ нѣсколько секундъ вышелъ докторъ Фридрихъ.

— Ничего опредѣленнаго нельзя еще пока сказать,—проговорилъ онъ медленно и, какъ бы съ внезапной рѣшимостью прибавилъ:— извините, сударыня, но мнѣ безусловно необходимо поговорить съ господиномъ Рупіусомъ наединѣ.

Рупіусъ вздрогнулъ.

— Въ такомъ случаѣ я не буду мѣшать,—сказала Берта совершенно безсознательно и сейчасъ же вышла.

Но она была въ такомъ волненіи, что рѣшительно не могла пойти домой и направилась по дорогѣ между виноградниками, которая вела къ кладбищу. Она чувствовала, что въ этомъ домѣ происходитъ что-то таинственное. Ей пришла, было, мысль не было ли это попыткой къ самоубійству со стороны Анны. Только бы она не умерла! думала она. И въ то же самое время въ ней шевелилась другая мысль: только бы пришло хорошее письмо отъ Эмиля! Ей казалось, будто со всѣхъ сторонъ она окружена какими-то опасностями. Она вошла на кладбище. Стоялъ прекрасный, теплый лѣтній день, и цвѣты послѣ вчерашняго дождя благоухали сильнѣе обыкновеннаго. Берта пошла привычною дорогою къ могилѣ своего мужа. Но она чувствовала, что ей было совершенно нечего дѣлать здѣсь. Съ какимъ-то почти тягостнымъ чувствомъ прочла она на памятникѣ эти слова—ничего болѣе не выражающія для нея: «Викторъ Матіасъ Гарланъ, умеръ 6-го іюня 1895 г.» Теперь любая изъ прогулокъ съ Эмилемъ десять лѣтъ тому назадъ, казалось, была ближе къ ней, чѣмъ годы проведенные ею съ мужемъ. Этого совсѣмъ не существовало болѣе... Она не вѣрила въ то, что это вообще существовало когда-либо, если бы на свѣтѣ не было

Фрица.... Вдругъ у нея мелькнула мысль: да развѣ Фрицъ его сынъ?. Въ сущности онъ сынъ Эмиля... Развѣ такія вещи, въ концѣ концовъ, невозможны?... Но она сама сейчасъ же испугалась нелѣпости этой мысли. Она взглянула на широкую прямую дорогу, которая шла отъ кладбищенскихъ воротъ, упираясь въ противоположную стѣну, и вдругъ съ полною отчетливостью сказала себѣ, что черезъ нѣсколько дней по этой дорогѣ понесутъ гробъ съ тѣломъ Фрау Рупіусъ. Она хотѣла прогнать эту мысль, но она стояла передъ нею, какъ совершенно отчетливое видѣніе: у воротъ остановились погребальныя дроги; вотъ та могила, которую только что копали два человѣка, была приготовлена для нея, для Фрау Рупіусъ, и самъ Рупіусъ дожидался у этой открытой могилы. Онъ сидѣлъ въ своемъ подвижномъ креслѣ, съ пледомъ на колѣняхъ и смотрѣлъ широко раскрытыми глазами на гробъ, который несли черные люди... Это было болѣе, чѣмъ предчувствіе, она знала это навѣрное... Но откуда? Вдругъ она услышала позади себя человѣческіе голоса; двѣ женщины прошли мимо; одна изъ нихъ была вдова недавно умершаго оберъ-лейтенанта, другая—дочь его. Обѣ поклонились ей и медленно пошли дальше. Берта подумала, что обѣ эти женщины сочтутъ ее за вѣрную вдову, которая все еще оплакиваетъ своего мужа; она показалась себѣ вдругъ какой-то лицемѣркой и поспѣшила удалиться. Быть можетъ, тамъ можно уже узнать что-нибудь, или, быть можетъ, пришла телеграмма отъ Эмиля—въ этомъ не было бы ничего неправдоподобнаго. И быстро спустившись съ покрытаго виноградниками холма, она направилась домой... Нѣтъ! Ничего: ни письма, ни телеграммы... Фрицъ съ дѣвушкой ушли. Ахъ, до чего она одинока! Опять она спѣшитъ къ Рупіусамъ. Дѣвушка открываетъ ей дверь. Больной нехорошо. Говорить съ господиномъ Рупіусомъ нельзя...

Вечеромъ она пробуетъ разсказывать разныя исторіи своему мальчику, потомъ читаетъ газету, въ которой, между прочимъ, опять находитъ оповѣщеніе о концертѣ съ участіемъ Эмиля. Ей кажется такъ странно, что концертъ все еще только состоится, а не состоялся уже давнымъ давно.

Она не можетъ лечь, не справившись еще разъ у Рупіуса. Въ передней она встрѣчаетъ сидѣлку. У нея веселое лицо и успокоительный взглядъ.

— Нашъ докторъ ужъ выходитъ Фрау Рупіусъ!—говоритъ она. И хотя Берта знаетъ, что эта сидѣлка всегда дѣлаетъ замѣчанія такого рода, она чувствуетъ себя нѣсколько успокоенной. Она идетъ домой, ложится въ постель и спокойно засыпаетъ.

На слѣдующее утро она пробуждается поздно. Она хорошо выспалась и чувствуетъ себя свѣжей. На ночномъ столикѣ лежитъ письмо. Теперь только она отдаетъ себѣ отчетъ во всемъ: Фрау Рупіусъ тяжело больна, а это письмо отъ Эмиля. Она схватываетъ его такъ поспѣшно, что опрокидываетъ маленькій ночникъ, срываетъ конвертъ и читаетъ:

«Моя милая Берта! Сердечное спасибо за твое прекрасное письмо. Оно очень меня порадовало. Но мысль свою—навсегда переѣхать въ Вѣну—ты должна еще очень и очень обдумать. Положеніе вещей здѣсь совершенно не таково, какимъ ты, повидимому, представляешь его себѣ. Даже для здѣшнихъ, хорошо поставленныхъ музыкантовъ отысканіе сносно оплачиваемыхъ уроковъ связано съ величайшими трудностями, для тебя же—особенно въ началѣ—это было бы совершенно невозможно. Тамъ, дома, ты имѣешь обезпеченное существованіе, свой кругъ родныхъ и друзей, свой уголъ и, наконецъ, вѣдь тамъ ты жила со своимъ мужемъ, тамъ явилось на свѣтъ твое дитя,—и тамъ твое настоящее мѣсто. Отказаться отъ всего этого, чтобы броситься въ изнурительную борьбу за существованіе въ большомъ городѣ, значило бы совершить истинное безуміе. Я намѣренно умалчиваю о той роли, какую играетъ въ твоихъ соображеніяхъ симпатія ко мнѣ (ты знаешь, что я отвѣчаю на нее всѣмъ сердцемъ), но это значило бы перенести весь вопросъ на другую почву, что отнюдь не желательно. Я не приму отъ тебя никакой жертвы, ни подъ какимъ условіемъ. Что я хотѣлъ бы видѣть тебя, и притомъ по возможности скорѣе, это не требуетъ, кажется, никакихъ завѣреній, ибо ничего я не желалъ бы такъ страстно, какъ вновь пережить съ тобою тѣ часы, какіе ты недавно подарила мнѣ (за что я тебѣ очень и очень благодаренъ). Устройся же какъ-нибудь такъ, дитя мое, чтобъ ты могла пріѣзжать въ Вѣну на одинъ день и одну ночь разъ въ мѣсяцъ или въ шесть недѣль. Я надѣюсь, что намъ еще много разъ предстоитъ наслаждаться счастьемъ. Въ ближайшіе дни я, къ сожалѣнію, лишенъ возможности тебя видѣть; къ тому же немедленно послѣ моего концерта я уѣзжаю, я долженъ играть въ Лондонѣ (сезонъ), оттуда я проѣду въ Шотландію. Итакъ, до радостнаго свиданья осенью. Шлю тебѣ свои лучшія пожеланія и цѣлую тебя въ сладкое мѣстечко за твоимъ ушкомъ, которое мнѣ особенно мило.

Твой Эмиль».

Дочитавъ это письмо до конца, Берта нѣкоторое время неподвижно сидѣла въ постели. Легкій трепетъ пробѣгалъ по всему ея тѣлу. Она не была поражена, ей казалось, что собственно она и не ждала никакого другого письма. И однако теперь ее била лихорадка... Какъ! Разъ въ мѣсяцъ или въ шесть недѣль... Превосходно! На одинъ день и одну ночь... Пфуй, низость какая!.. И какъ онъ боится, чтобы она не пріѣхала въ Вѣну... И притомъ еще эти слова въ самомъ концѣ, словно онъ хотѣлъ и издали еще разъ затронуть въ ней чувственность,—вѣдь это былъ единственный способъ его общенія съ нею... О, что за роль она сыграла... Ей мерзко, мерзко!.. Она вскакиваетъ съ постели, одѣвается... Что же теперь, однако? Вѣдь все кончено, кончено, кончено!.. У него нѣтъ времени для нея, ни часа времени!.. Начиная съ осени—одну ночь разъ въ шесть недѣль!.. Что жъ, конечно, къ вашимъ услугамъ, господинъ мой, я исполню ваше почтенное приказаніе съ полнымъ удовольствіемъ—я вѣдь и не желаю ничего лучшаго! Я

буду попрежнему прозябать здѣсь, давать уроки, дурѣть въ этомъ безлюдьѣ... Вы же будете играть на скрипкѣ, кружить головы женщинамъ, путешествовать, жить, наслаждаясь богатствомъ, славой и счастьемъ, а разъ въ мѣсяцъ или въ шесть недѣль я буду являться къ вамъ въ какую-то грязную комнату, куда вы приводите уличныхъ женщинъ... Пфуй, гадко, гадко, гадко... Скорѣе прочь—къ фрау Рупіусъ... Вѣдь она больна, Анна, тяжело больна. Какое мнѣ дѣло можетъ быть до всего остальнаго?

Прежде чѣмъ выйти, она приласкала своего мальчика, и одно мѣсто изъ письма вспомнилось ей: тамъ, гдѣ родилось на свѣтъ твое дитя,—тамъ домъ твой... Да, это правда, но вѣдь онъ сказалъ это не потому что это правда, а потому только, что хотѣлъ отстранить угрожающую ему опасность—видѣться съ нею чаще, чѣмъ разъ въ шесть недѣль.

Скорѣе, скорѣе!.. Почему не трепещетъ она за фрау Рупіусъ?.. Ахъ да, вѣдь вчера вечеромъ ей стало лучше...

Балконная дверь открыта. На перилахъ виситъ красная бархатная покрышка отъ рояля. Значитъ, очевидно, опять все въ порядкѣ, зачѣмъ бы иначе вывѣсили сюда эту покрышку?

Дѣвушка открываетъ дверь. Бертѣ не приходится разспрашивать ее: въ широко открытыхъ глазахъ ея она читаетъ выраженіе изумленнаго ужаса, какой вызываетъ обыкновенно только близость смерти Берта входитъ сначала въ гостиную; дверь въ спальню открыта настежъ.

Посреди комнаты стоитъ отодвинутая отъ стѣны кровать. У ногъ больной сидѣлка, совершенно истомленная, съ склонившейся на грудь головой, у изголовья—господинъ Рупіусъ въ своемъ подвижномъ креслѣ Въ комнатѣ такъ темно, что только подойдя совсѣмъ близко, Берта можетъ разглядѣть лицо Анны. Она, повидимому, спитъ. Берта подходитъ еще ближе. Она слышитъ дыханіе Анны, равномѣрное, но поразительно частое; никогда не слышала она у людей такого дыханія. Теперь она чувствуетъ, что на нее устремленъ взглядъ обоихъ присутствующихъ. На одно мгновеніе она удивляется тому, что ее впустили безъ всякихъ разговоровъ, потомъ она соображаетъ, что значитъ всякія мѣры предосторожности стали излишними. Все уже рѣшено.

Еще два глаза устремились вдругъ на нее. Сама фрау Рупіусъ открыла теперь глаза и внимательно смотритъ на свою пріятельницу. Сидѣлка уступила Бертѣ свое мѣсто и вышла въ сосѣднюю комнату. Берта сѣла и придвинулась. Она увидѣла, что Анна медленно протягиваетъ ей свою руку, и взяла эту руку.

— Милая фрау Рупіусъ,—сказала она.—Вѣдь вамъ теперь лучше, не правда ли?

Она почувствовала, что опять говоритъ что-то неловкое, но поправить этого было уже нельзя. Еще разъ, даже и въ этотъ послѣдній часъ, ей было суждено проявить себя по отношенію къ этой женщинѣ такимъ образомъ!

Анна улыбнулась; она была блѣдна и выглядѣла теперь совсѣмъ молоденькой дѣвушкой.

— Благодарю васъ, милая Берта,—сказала она.

— Но, милая, милая Анна, что же это?

Она съ величайшимъ трудомъ сдерживала слезы.

Наступило долгоэ молчаніе. Анна опять закрыла глаза и, казалось, заснула, господинъ Рупіусъ сидѣлъ, не шевелясь; Берта глядѣла то на него, то на больную. Она думала: во всякомъ случаѣ, я должна подождать... А что сказалъ бы Эмиль, если бы *она* вдругъ умерла? О, это все-таки было бы ему больно, вѣдь, онъ подумалъ бы: та, которую я всего нѣсколько дней тому держалъ въ своихъ объятіяхъ, стала разлагающимся трупомъ... Онъ даже заплакалъ бы. Да, въ этомъ случаѣ заплакалъ бы — онъ, этотъ жалкій эгоистъ... Ахъ, куда же это опять уносятся ея мысли? Вѣдь, она все еще держитъ руку своего умирающаго друга. О, если бы она могла спасти ее!.. Чья участь была тяжелѣе? Той, которая должна умереть, или ея, которую такъ позорно обманули? И неужели это было нужно — ради одной ночи... Нѣтъ, и это слишкомъ много сказать... ради одного часа—такъ унизить, такъ истерзать ее! Развѣ это не безсовѣстность, не наглость?.. Какъ она его ненавидѣла! Какъ она его ненавидѣла!.. Если бы онъ вдругъ сорвался въ слѣдующемъ концертѣ такъ, чтобы всѣ люди смѣялись надъ нимъ, и ему было бы стыдно, и во всѣхъ газетахъ было бы напечатано: господинъ Эмиль Линдбахъ провалился, окончательно провалился. И всѣ его возлюбленныя сказали бы тогда: очень онъ мнѣ нуженъ! Скрипачъ, который сорвался!.. Да, тогда онъ вспомнилъ бы о ней, единственной женщинѣ, которая съ самаго дѣтства, которая въ самомъ дѣлѣ любила его... и съ которой онъ теперь такъ подло поступилъ!.. Тогда онъ спохватился бы и пришелъ бы просить прощенія у нея, а она сказала бы ему: вотъ видишь, Эмиль! Вотъ видишь, Эмиль... Ничего болѣе умнаго она теперь не могла придумать... И опять, опять она думаетъ о немъ, все о немъ, а эта женщина умираетъ, и она сидитъ у ея постели, и эта молчаливая фигура—мужъ ея... Такакая глубокая тишина царитъ въ домѣ, только съ улицы черезъ балконныя двери доносится смутный гулъ, человѣческіе голоса, грохотъ колесъ, сигнальный звонокъ велосипедиста, звукъ сабли, которая волочится по тротуару, порою щебетанье птицъ, но все это такъ далеко, такъ чуждо тому, что происходитъ здѣсь.

Анна становится безпокойнѣе; она поворачиваетъ голову то туда, то сюда—часто, быстро, все быстрѣе и быстрѣе... Чей-то голосъ за спиною у Берты тихо произноситъ: «теперь начинается». Берта обернулась. Это сидѣлка съ веселымъ лицомъ; но Берта понимаетъ теперь, что это выраженіе ея лица вовсе не означаетъ веселости, а лишь застывшее стараніе не выказать разстройства, и это лицо, кажется ей теперь неизъяснимо страшнымъ... Какъ она сказала?.. Теперь начинается... Словно концертъ или театральное представленіе... И ей вспом-

нилось, что когда-то и у ея постели произнесены были эти слова... тогда, когда начались ея родовыя муки...

Анна вдругъ широко открыла глаза, устремила ихъ на своего мужа и, безсильно стараясь приподняться, совершенно внятно проговорила:

— Одного тебя, одного тебя... повѣрь мнѣ, одного тебя я...

Послѣдняго слова нельзя было разобрать, но Берта угадала его.

— Я знаю,—сказалъ Рупіусъ. Потомъ онъ наклонился и поцѣловалъ умирающую въ лобъ. Она обвила его шею руками, губы ея долго не отрывались отъ его глазъ. Сидѣлка опять вышла. Вдругъ Анна оттолкнула своего мужа,—она не узнавала его болѣе, сознаніе ея померкло. Берта встала, совершенно перепуганная, но не отходила отъ постели. Господинъ Рупіусъ сказалъ ей:

— Теперь идите.

Она запнулась.

— Идите,—сказалъ онъ еще разъ, строго.

Берта поняла, что должна уйти. Она вышла изъ комнаты на цыпочкахъ, какъ будто шумъ шаговъ могъ обезпокоить Анну. Выйдя въ переднюю, она увидѣла доктора Фридриха, который, снимая пальто, говорилъ съ другимъ молодымъ докторомъ, младшимъ врачемъ больницы.

Онъ не замѣтилъ Берты, и она слышала, какъ онъ сказалъ:

— Во всякомъ другомъ случаѣ я счелъ бы необходимымъ дать знать, но при данныхъ обстоятельствахъ... Вѣдь это вызвало бы страшнѣйшій скандалъ и несчастный Рупіусъ пострадалъ бы больше всѣхъ... — Въ эту минуту онъ увидѣлъ Берту: — Мое почтеніе, фрау Гарланъ.

— Но что же это такое собственно, господинъ докторъ?

Докторъ Фридрихъ быстро переглянулся съ младшимъ врачемъ, потомъ произнесъ:

— Зараженіе крови. Вы, вѣдь, знаете, сударыня, иногда можно обрѣзать себѣ палецъ и умереть отъ этого. Пораненіе не всегда удается открыть. Да, это ужасное несчастье, да, да.

Онъ пошелъ въ комнаты, ассистентъ послѣдовалъ за нимъ.

Выйдя на улицу, Берта чувствовала себя словно оглушенной. Что могли означать эти слова, которыя она слышала? «Дать знать?» «Скандалъ?..» Что же это, неужели Рупіусъ самъ хотѣлъ убить свою жену?.. Нѣтъ, что за безсмыслица! Но что то надъ ней сдѣлали, во всякомъ случаѣ... И это было въ какой-то связи съ ея поѣздкою въ Вѣну, потому что она заболѣла въ слѣдующую же ночь по возвращеніи.. И вдругъ слова умирающей вспомнились ей: одного тебя, одного тебя я любила!.. И не звучало ли это, какъ просьба о прощеніи?.. Одного тебя любила, но съ другимъ... Очевидно, у нея былъ любовникъ въ Вѣнѣ... Но что же дальше?

Зачѣмъ она ушла оттуда?.. Что ей теперь дѣлать?.. Она вся была полна безпокойства. Она не могла идти ни домой, ни къ роднымъ, — лучше вернуться...

*

Опять поспѣшно взошла она по ступенькамъ лѣстницы. Не прошло еще и четверти часа съ тѣхъ поръ, какъ она вышла отсюда. Наружная дверь была открыта. Въ передней стояла сидѣлка.

— Кончилось,—сказала она.

Берта пошла дальше. Рупіусъ сидѣлъ у стола совершенно одинъ. Дверь въ комнату покойной была закрыта. Онъ неподвижно смотрѣлъ, какъ Берта подошла къ его креслу, потомъ схватилъ ея руку, и проговорилъ:

— Зачѣмъ она это сдѣлала? Зачѣмъ она это сдѣлала?

Берта молчала.

Рупіусъ продолжалъ:

— И совсѣмъ не нужно этого было... Богъ мой милосердный! совсѣмъ не нужно! Какое мнѣ дѣло до другихъ людей, ну, не правда развѣ?

Берта утвердительно качнула головой.

— Вѣдь дѣло шло о жизни—жизнью рисковать для этого! Зачѣмъ она это сдѣлала?

Въ словахъ его прозвучало какое-то сдержанное рыданье, хотя на видъ онъ казался спокойнымъ. Берта плакала.

— Не нужно, совсѣмъ не нужно это было! Вѣдь я воспиталъ бы, воспиталъ бы его, какъ собственное дитя.

Берта быстро взглянула на него. Сразу поняла она теперь все случившееся, и безумный страхъ пронизалъ все существо ея. Она подумала о самой себѣ. Если и она... въ эту единственную ночь, въ этотъ единственный часъ?.. Страхъ ея былъ такъ великъ, что ей показалось, что она мѣшается въ умѣ... Это не могло быть иначе: смерть Анны была предзнаменованіемъ, перстомъ Божіимъ... И въ ту же минуту всплыло у нея воспоминаніе о той прогулкѣ по берегу Вѣны, двѣнадцать лѣтъ тому назадъ, когда Эмиль поцѣловалъ ее, и она впервые ощутила горячее желаніе имѣть ребенка. Почему не ощущала она ничего подобнаго теперь, когда лежала въ его объятіяхъ? Да, теперь все было ясно: она не искала ничего другого, кромѣ минутнаго наслажденія, она была не лучше любой уличной женщины, и это было бы только справедливымъ возмездіемъ неба, если бы и она погибла, какъ эта несчастная, которая теперь лежитъ тамъ.

— Я хотѣла бы еще разъ взглянуть на нее,—сказала она.

Рупіусъ указалъ на дверь. Берта открыла ее, медленно приблизилась къ постели, на которой лежала покойница, долго глядѣла на нее потомъ поцѣловала ее въ глаза. Тогда душа ея переполнилась неизъяснимымъ покоемъ. Цѣлыми часами стояла бы она такъ, у этого тѣла, подлѣ котораго всѣ ея собственныя разочарованія и страданія, казалось, утрачивали всякій смыслъ Она преклонила колѣни и сложила руки, но не молилась.

Вдругъ все завертѣлось у нея передъ глазами, знакомая ей вне-

запная слабость напала на нее, головокруженіе, которое, однако, скоро прошло. Сначала она еще вздрагивала тихонько, потомъ глубоко вздохнула, словно освобожденная, потому что въ эту минуту, при охватившей ее усталости, она почувствовала также, что не только всѣ ея прежнія опасенія стали быстро разсѣиваться, но и все безуміе этихъ горячечныхъ дней, всѣ эти послѣднія содраганія женской страстности,—все, что она принимала за любовь. И стоя на колѣняхъ передъ этимъ смертнымъ ложемъ, она сознавала что не принадлежитъ къ тѣмъ, которыя умѣютъ легкомысленно и безбоязненно вкушать радости жизни. Съ отвращеніемъ думала она теперь о томъ единственномъ часѣ страстныхъ наслажденій, который выпалъ на ея долю, и какой-то невѣроятной ложью казалось ей это испытанное ею безстыдное упоеніе по сравненію съ тѣмъ невиннымъ и страстнымъ поцѣлуемъ, одно воспоминаніе о которомъ скрасило всю ея жизнь. Въ ясномъ свѣтѣ чудесной, дивной чистоты предстали передъ нею отношенія между этимъ разбитымъ параличомъ человѣкомъ и этой женщиною, которая умерла изъ-за измѣны ему. И глядя на блѣдное чело покойницы, она невольно думала также о томъ неизвѣстномъ, по винѣ котораго она умерла и который безнаказанно и, быть можетъ, даже безраскаянно будетъ жить дальше и бродить тамъ, въ этомъ большомъ городѣ, также какъ и тотъ, другой... нѣтъ, какъ тысячи и тысячи другихъ, которые, проходя мимо нея, касались ея платья и съ вожделѣніемъ смотрѣли на нее. И она постигала теперь эту великую міровую несправедливость, въ силу которой женщина, также какъ и мужчина, стремится къ наслажденію, хотя для нея, для женщины, оно является грѣхомъ и влечетъ за собою возмездіе, если стремленіе къ нему не связано съ стремленіемъ имѣть ребенка.

Она поднялась, бросила послѣдній прощальный взглядъ на тѣло этой милой ей женщины и вышла. Господинъ Рупіусъ сидѣлъ въ сосѣдней комнатѣ въ совершенно той же позѣ, какъ она его оставила. Глубокая потребность сказать ему какія-нибудь утѣшительныя слова охватила ее. На минуту ей показалось даже, что вся ея собственная судьба имѣла только одинъ смыслъ: подготовить ее къ пониманію того горя, которое постигло этого человѣка. Ей хотѣлось выразить ему это, но она чувствовала, что онъ принадлежитъ къ тѣмъ, которые должны пережить свои страданія въ одиночествѣ. Она молча сѣла напротивъ него.

КОНЕЦЪ.

СПИНОЗА.

(Рѣчь, произнесенная въ Цюрихскомъ университетѣ проф. Виндельбандомъ, по поводу 200-лѣтней годовщины смерти Спинозы *).

Сегодня во многихъ мѣстахъ соберутся болѣе или менѣе многочисленные кружки лицъ, чтобы съ благоговѣйной серьезностью провести праздникъ науки и почтить память человѣка, который поразительнымъ обаяніемъ своихъ идей покорилъ столько умовъ и сердецъ. Человѣкъ этотъ—Барухъ Спиноза, одинокій мыслитель, мученикъ науки. Сегодня исполнилось ровно двѣсти лѣтъ съ того дня, когда въ небольшой, тихой комнатѣ одиноко погасъ его духъ,—и почти столѣтіе протекло съ того времени, когда міръ его идей возсталъ въ полной славѣ изъ могилы забвенія, возбуждая удивленіе. Сегодня люди всѣхъ націй и самыхъ различныхъ направленій собираются недалеко отъ того мѣста, гдѣ презираемый мыслитель столько выстрадалъ, чтобы присутствовать при закладкѣ памятника, который призванъ напоминать о немъ благодарному потомству. Правда, нѣкоторымъ покажется страннымъ, что именно этотъ человѣкъ, такъ любившій скромность и уединеніе, выставляется на показъ посреди шумной площади многолюдной столицы въ центрѣ столкновенія повседневныхъ интересовъ, которые онъ такъ глубоко понималъ и презиралъ; но этотъ день для всѣхъ безъ исключенія долженъ служить радостнымъ поводомъ для того, чтобы снова оживить въ памяти величественныя черты образа, возникавшаго передъ взоромъ каждаго, кто созерцалъ борьбу человѣческаго духа за полное и высшее познаніе.

Подобно всѣмъ другимъ великимъ мыслителямъ, Спиноза является яркимъ доказательствомъ того, что истинная геніальность и высшее развитіе духовныхъ силъ невозможны безъ величія характера. Если исторія философіи постоянно останавливается съ извѣстной торжествен-

---

*) Эта рѣчь взята нами изъ готовящагося къ печати русскаго перевода классическаго сборника рѣчей и статей Виндельбанда «Präludien». Для читателей «Міра Божія», которые хотѣли бы ознакомиться болѣе подробно съ ученіемъ и жизнью Спинозы, мы укажемъ на книгу о немъ *Болина*, переведенную и на русскій языкъ («Образ. Библіотека»). *Прим. ред.*

ностью на имени Спинозы, то это происходитъ прежде всего потому, что въ немъ насъ привлекаетъ въ равной степени какъ человѣкъ, такъ и философъ—первый покоряетъ наше сердце, второй—нашъ умъ, и этотъ всеобщій интересъ къ его личности объясняется не столько трагичностью его жизни, которая въ этомъ отношеніи не выдѣляется изъ многихъ другихъ жизней, сколько сильнымъ впечатлѣніемъ, производимымъ его истиннымъ внутреннимъ величіемъ. Прозрачная ясность его мыслей превзойдена развѣ только незапятнанной чистотой его характера въ этомъ характерѣ нѣтъ уголка, въ которомъ скрывалась бы ложь, и вся его жизнь, всѣ его поступки и ученіе проникнуты чистой правдивостью и глубокимъ убѣжденіемъ. Внутренняя увѣренность, выразившаяся въ «математической достовѣрности» его философскихъ убѣжденій, вытекаетъ также изъ его характера, прочно обоснованнаго на внутреннемъ фундаментѣ и сохранившаго въ теченіе всей жизни Спинозы свою прозрачную мягкость. Эта внутренняя прочность опредѣляется тѣмъ, что всѣ силы и весь жизненный трудъ Спинозы были съ полнымъ сознаніемъ направлены къ одной великой цѣли, а указанная выше правдивость, проявлявшаяся во всѣхъ сферахъ его дѣятельности, коренится въ той серьезности, съ которой онъ еще въ молодости относился къ истинѣ. Умственная работа была для него одновременно и долгомъ и, блаженствомъ, наука была для него религіей. Всѣ мотивы его размышленій носили религіозный характеръ въ собственномъ смыслѣ этого слова; глубокая религіозная потребность, не удовлетворенная положительными религіями, служила психологическимъ основаніемъ его научныхъ стремленій. И какъ все его мышленіе представляетъ исканіе Бога, точно такъ же его философія, взятая въ цѣломъ, есть величественное представленіе о Божествѣ; самъ Спиноза — это упоенный Богомъ человѣкъ.

Здѣсь лежитъ центральный пунктъ существа Спинозы,—тотъ пунктъ, въ которомъ сходятся всѣ нити его развитія и соединяются всѣ элементы его мысли. Здѣсь сказывается также его происхожденіе отъ націи, которая въ теченіе вѣковъ сохранила, какъ драгоцѣннѣйшее сокровище, страстную напряженность религіознаго сознанія. Однако, теологическая культура еврейскаго народа, воспринятая молодымъ Спинозой въ равинской школѣ, основанной въ Амстердамѣ португальскими евреями, смѣшалась съ рядомъ историческихъ вліяній и съ разнообразными чуждыми элементами. Когда онъ рядомъ съ изученіемъ пятикнижія, пророковъ и талмуда пускался въ запутанные закоулки каббалистической мудрости, то онъ встрѣчался съ тѣмъ мистически-экстатическимъ стремленіемъ къ безконечному Божеству, которое перешло отъ неоплатониковъ въ мистическія ученія трехъ монотеистическихъ религій средневѣковья; когда онъ изучалъ великихъ еврейскихъ схоластиковъ среднихъ вѣковъ—Маймонида, Герзонида, Шасдей Кресказа, то онъ встрѣчался отчасти съ тѣми же вліяніями, но еще бо-

лѣе съ ясными мыслями Аристотеля; и какъ ни расходились между собой эти ученія, они были согласны въ одной основной идеѣ,—въ томъ, что единство съ Богомъ, которое есть цѣль любви къ Богу, можетъ быть достигнуто лишь познаніемъ Божества, умственнымъ погруженіемъ въ тайны Его существа. Эта *созерцательная любовь къ Богу* стала основной чертой характера Спинозы; она образуетъ мистическій фонъ его философскаго мышленія. Она съ ея неукротимымъ страстнымъ стремленіемъ удалила его отъ застывшаго въ своихъ формахъ религіознаго культа и заставила его выйти изъ узкаго круга традиціонныхъ представленій. А время, въ которомъ жилъ Спиноза, давало достаточно пищи для ума, разбивавшаго оковы традиціонной мысли и желавшаго выйти въ широкій свѣтъ. Это было для европейскихъ народовъ весеннее время, называемое ренесансомъ,—время, породившее повсюду свѣжіе жизнеспособные ростки; особенно въ Нидерландахъ—родинѣ нашего философа—замѣчалось плодотворное оживленіе; свободное соприкосновеніе противорѣчивыхъ мыслей дало здѣсь сильный толчокъ скрытымъ до того силамъ, и всѣ движенія той эпохи нашли здѣсь могучій откликъ. Новое естествознаніе, воодушевлявшее всю эпоху, нашло въ Нидерландахъ благодарную почву. Блестящее остроуміе математическихъ изысканій, равно какъ тихая серьезность наблюдательнаго и экспериментирующаго естествознанія нашли себѣ здѣсь живыхъ выразителей и объединяющая и стремящаяся къ высшему фантастическая смѣлость философскаго созерцанія привлекла и покорила себѣ лучшіе умы. Жажда истины стучалась также въ недоступныя дотолѣ двери природы—и навстрѣчу ей со всѣхъ сторонъ открылись свѣжіе ключи знанія; познаніе природы—таковъ былъ общій идеалъ, къ которому стремились, не смотря ни различіе своихъ путей, три великихъ мыслителя, начинающихъ собою новую философію: Бруно, Беконъ и Декартъ. Когда Спиноза, побуждаемый своимъ стремленіемъ къ истинѣ, вошелъ въ этотъ богатый міръ изслѣдованій и уловилъ его внутреннюю сущность, то для него стремленіе къ познанію природы необходимо должно было слиться воедино съ религіозной идеей познанія Бога; и по мѣрѣ того, какъ онъ проникался этими двумя духовными стремленіями, въ немъ все болѣе и болѣе укрѣплялась пантеистическая идея всеединства, стремящаяся обнять однимъ полнымъ воодушевленія взоромъ Бога и природу. Пантеизмъ, который онъ уже встрѣчалъ въ нѣкоторыхъ теологическихъ размышленіяхъ, являлся теперь для него примиреніемъ между его личной потребностью въ Богѣ и царившей въ его время страстью къ познанію природы.

Мы не можемъ указать теперь въ точномъ хронологическомъ порядкѣ тѣ послѣдовательныя вліянія эпохи, которыя опредѣляли собой необыкновенно быстрое развитіе Спинозы; изъ опубликованныхъ лишь въ настоящемъ столѣтіи раннихъ произведеній Спинозы—т. наз. краткаго трактата и особенно изъ заключающихся въ немъ открывковъ

діалоговъ, относящихся къ еще болѣе раннему времени—вполнѣ явствуетъ однако, что въ молодости на нашего философа сильное вліяніе оказалъ Джіордано Бруно, который по своему внутреннему складу долженъ былъ казаться особенно близкимъ Спинозѣ съ его юношескимъ горячимъ стремленіемъ къ истинѣ *). Съ другой стороны, установлено, что свое классическое образованіе Спиноза получилъ уже въ Амстердамѣ въ кружкѣ гумманиста, Франца фанъ-Энде, и слѣдовательно, философскія воззрѣнія этого кружка, свободомысліе котораго пользовалось широкой извѣстностью, не могли не оказать на него вліянія. Здѣсь всѣ находились цѣликомъ подъ вліяніемъ движенія, получившаго толчокъ отъ Декарта и нашедшаго въ Нидерландахъ, какъ извѣстно, наиболѣе горячихъ послѣдователей; врачъ Людвигъ Мейеръ—ярый картезіанецъ и, вѣроятно, Ольденбургъ, которые позже находилось въ личномъ общеніи и перепискѣ со Спинозой, стояли близко къ этому кружку; первый ввелъ Спинозу въ изученіе естествознанія и особенно механики, оптики и физіологіи, знакомство съ которыми—хотя Спиноза никогда не выставлялъ на показъ своихъ знаній—проскальзываетъ во всѣхъ его произведеніяхъ; мы имѣемъ право предположить, что людямъ подобнаго направленія не были чужды ученія Бэкона и—что гораздо важнѣе—появившіяся около 1650 г. произведенія Гоббса подверглись здѣсь живому обсужденію. Каковы бы ни были вліянія и какъ бы они ни воздѣйствовали на развитіе собственныхъ убѣжденій Спинозы—одно несомнѣнно, что Спиноза скоро переросъ узкія рамки національной вѣры и, благодаря этому, обрушилъ на свою голову тѣ столкновенія, которыя повели къ отлученію его отъ синагоги. Первое облако приближавшейся грозы было вызвано завистливымъ недоброжелательствомъ товарищей Спинозы, отъ которыхъ не могло ускользнуть его духовное превосходство, и раздражительной подозрительностью учителей. А послѣ того, какъ онъ отвергъ унизительныя предложенія, разразился громовой ударъ ненависти и фанатизма, выразившійся въ форменномъ отлученіи. Изъ протеста, написаннаго тогда двадцати-четырехъ-лѣтнимъ философомъ, позже, вѣроятно выросъ теолого-политическій трактатъ, въ которомъ Спиноза сводитъ свои счеты съ обѣими основными силами, властвовавшими въ его внутренней жизни—религіей и наукой—и устанавливаетъ ихъ взаимныя границы. Нельзя, конечно, отрицать того, что въ этомъ произведеніи Спиноза воспользовался многими мыслями великихъ еврейскихъ теологовъ, изученіе которыхъ положено въ основаніе трактата; справедливо и то, что въ понятномъ раздраженіи противъ нарушителей своего спокойствія онъ пошелъ дальше, чѣмъ имѣлъ право, въ отрицаніи своей, правда, слабой зависимости отъ еврейской теологіи, подъ вліяніемъ которой онъ все еще находился. Но въ основныхъ идеяхъ

*) О Джіордано Бруно см. лекцію А. Риля въ декабрской книжкѣ «Міра Божія» за 1900 г. *Прим. ред.*

этой книги онъ выступаетъ передъ нами какъ независимый мыслитель, во всемъ своемъ оригинальномъ величіи, и глубокая черта, проводимая имъ между религіей и наукой, при чемъ онъ отрицаетъ за религіозной догмой какую бы то ни было познавательную цѣнность, чтобы тѣмъ безпрепятственнѣе открыть для нея область нравственнаго воздѣйствія,— принадлежитъ всецѣло ему. Для евангелія той религіи, которая не стремится давать познанія, которая можетъ лишь нравственно воспитывать людей, для евангелія моральной религіи, провозглашеннаго Лессингомъ и Кантомъ, Спиноза является Іоанномъ — голосомъ въ пустынѣ.

Однако, указывая истинныя рамки религіи и противопоставляя ее наукѣ, Спиноза имѣлъ въ виду лишь положительную религію съ ея догмой. Истинная и глубоко религіозная потребность въ чистомъ и достовѣрномъ познаніи оставалась всегда побудительнымъ мотивомъ его научной дѣятельности, и человѣкъ, который отдѣлилъ вѣру отъ знанія съ небывалой до тѣхъ поръ рѣшительностью, являлъ собой живой примѣръ того, какъ эти двѣ стороны духа могутъ имѣть общій корень въ истинной и чистой религіозности. Лучшимъ тому доказательствомъ можетъ служить оставшееся неоконченнымъ сочиненіе о правильномъ воспитаніи мышленія; сочиненіе это, которое должно было служить введеніемъ въ его философію и по внѣшнему виду напоминало «Размышленія» Декарта, вскрываетъ въ формѣ исповѣди конечные мотивы мышленія Спинозы. Наше размышленіе, подымаясь отъ отдѣльныхъ благъ жизни, которыя уже своимъ непостоянствомъ указываютъ на свою малую цѣнность, подымается къ высшему и единственно истинному благу—къ вѣчному все-единству Бога. Оно показываетъ, что человѣкъ можетъ достигнуть этого высшаго блага только посредствомъ правильнаго метода познанія. «Мысли правильно и ты достигнешь блаженства въ познаніи Бога»—такова мудрость Спинозы. Поэтому онъ имѣлъ право назвать законченную систему свою, которая въ рукописи была извѣстна амстердамскому кружку его знакомыхъ на тридцатомъ году его жизни, «Этикой», хотя она не имѣла ничего общаго съ нравоучительными размышленіями, которымъ обыкновенно старались придать этимъ названіемъ научную цѣнность. Истинное познаніе Бога, которое Спиноза хотѣлъ дать въ своемъ произведеніи, было для него разрѣшеніемъ высшихъ нравственно-религіозныхъ проблемъ. Его философія была—какъ позже назвалъ свою философію Фихте—наставленіемъ къ блаженной жизни.

Однако, эта потребность, послужившая для Спинозы побудительнымъ мотивомъ къ его философіи, еще нисколько не объясняетъ своеобразной и нѣсколько чуждой для насъ формы, въ которую вылилось его ученіе; объясненіе этой своеобразной формы требуетъ точнаго историческаго изслѣдованія. Ученые и пытались самымъ различнымъ обра-

зомъ отвѣтить на этотъ вопросъ *). Любви къ Божеству, являющейся несомнѣнно основнымъ мотивомъ, на которомъ покоится вся система Спинозы недостаточно для объясненія его «Этики»; поэтому, для насъ не важно, считать ли эту основная мысль заимствованной Спинозой у христіанъ или у евреевъ, или же видѣть въ ней общее достояніе обѣихъ религій — что само по себѣ совершенно вѣрно. Для того направленія историко-философской мысли, которое пытается конструировать или возсоздавать ея развитіе при помощи руководящей идеи, естественнѣе всего казалось выводить философію Спинозы изъ картезіанской системы, и ученіе обоихъ философовъ о субстанціи давало для такого толкованія желанную опору. Декартъ признавалъ рядомъ съ абсолютной субстанціей еще отдѣльныя субстанціи—мыслящую и протяженную,—Спиноза превратилъ послѣднія въ модусы всеединой субстанціи, а мышленіе и протяженіе—въ ея атрибуты; промежуточнымъ членомъ, казалось, служило ученіе окказіонализма, которое уже отняло у отдѣльныхъ субстанцій существенныя свойства субстанціальности— именно, причинное воздѣйствіе, перенесенное имъ на Божество. Однако, оказалось, что первый набросокъ «Этики» значительно старше самыхъ раннихъ произведеній окказіоналистовъ, и такимъ образомъ промежуточное звено между теизмомъ Декарта и пантеизмомъ Спинозы выпалъ. А пантеизмъ казался настолько опредѣляющимъ самое существо ученія Спинозы, что для многихъ и до сихъ поръ спинозизмъ и пантеизмъ являются синонимами. Въ виду этого начали искать источниковъ пантеизма Спинозы, и одни находили его въ Каббалѣ, другіе въ философіи Бруно. Но и этихъ указаній недостаточно: «пантеизмъ» Спинозы является не столько рѣшеніемъ проблемы, сколько новой проблемой Если для обычнаго сознанія мысль, что міръ и Богъ суть едино, и кажется отвѣтомъ, то для философа она возбуждаетъ вопросъ о томъ, какъ должно быть мыслимо это единство; поэтому пантеизмъ самъ по себѣ вовсе не представляетъ категоріи, удобной для классификаціи метафизическихъ системъ, а становится таковой лишь послѣ того, какъ данъ отвѣтъ на вопросъ, какъ онъ понимаетъ отношеніе мірового единства къ множественности вещей. Но ученіе Спинозы не имѣетъ ничего общаго съ эманаціоннымъ пантеизмомъ Каббалы, которое оно заимствовало у неоплатониковъ, и то обстоятельство, что оба ученія являются пантеизмомъ, имѣетъ само по себѣ совершенно второстепенное значеніе, И потому мы имѣемъ право признать—заимствованія изъ Каббалы по сравненію съ другими составными элементами философіи Спинозы—самыми малоцѣнными для нея. Точно также, соединеніе пантеизма съ натурализмомъ, связь идеи Бога съ мыслью о все-единой дѣйствующей силѣ

*) Здѣсь нужно замѣтить разъ навсегда, что въ виду цѣли, преслѣдуемой этою рѣчью, авторъ не указываетъ той обширной литературы, на которую она опирается, или же знаніе этой литературы уже предполагается.

природы, хотя является значительнымъ факторомъ въ образованіи его системы, но все-таки не исчерпываетъ ея характеристики; та же самая связь существуетъ и у Бруно, откуда она, по всей вѣроятности, главнымъ образомъ, и заимствована Спинозой, и тѣмъ не менѣе между обѣими системами—цѣлая пропасть.

Такимъ образомъ можно доказать или показать вѣроятность связи Спинозы съ разнообразными направленіями мысли того времени; но тѣмъ не менѣе всѣ эти элементы, даже такъ громко и гордо провозглашенный синтезъ западнаго философскаго духа (окцидентализма) съ восточнымъ (оріентализмомъ), не объясняютъ специфическихъ особенностей его ученія. Созерцательная любовь къ Богу, мистическое ученіе о все-единствѣ, натуралистическій взглядъ Бруно на Бога и ученіе о субстанціяхъ Декарта—все это, конечно, служило матеріаломъ, переработаннымъ въ ищущемъ умѣ Спинозы; но эти элементы слишкомъ рано заняли мѣсто въ его сознаніи, для того, чтобы предположить, что Спиноза былъ когда-либо вѣрнымъ и исключительнымъ послѣдователемъ какого-либо изъ названныхъ направленій, хотя несомнѣнно, что временно тотъ или другой элементъ игралъ преобладающую роль въ его развитіи. Спинозизмъ больше, чѣмъ простая сумма этихъ элементовъ; для своего возникновенія онъ нуждался еще въ новомъ ферментѣ, подъ воздѣйствіемъ котораго всѣ эти матеріалы, перебродивъ въ его сознаніи, могли бы превратиться въ ясное вино его «Этики». Этотъ ферментъ становится намъ только тогда понятнымъ, когда мы обратимъ вниманіе на отличительный признакъ пантеизма Спинозы. И этотъ тончайшій запахъ спинозизма,—этотъ своеобразный признакъ, дѣлающій его пантеизмъ единственнымъ въ своемъ родѣ, говоря коротко есть его математическій характеръ. Проблема пантеизма объ отношеніи все-единаго Божества къ отдѣльнымъ вещамъ разрѣшается Спинозой по аналогіи математическаго отношенія, и отсюда вытекаютъ основныя черты его системы; въ этомъ—характерное отличіе его ученія отъ другихъ формъ пантеизма. *Спинозизмъ—это математическій пантеизмъ.*

Если мы, однако, будемъ искать источникъ этого математическаго характера ученія Спинозы, то намъ придется опять обратиться къ Декарту, потому что не подлежитъ сомнѣнію, что изъ всѣхъ вліяній, которымъ подвергался Спиноза, только вліяніе картезіанства дало его мышленію математическое направленіе. Такъ какъ сущность реформы въ философіи, къ которой стремился Декартъ, заключалась въ томъ, что онъ хотѣлъ превратить философію въ универсальную математику, и такъ какъ, съ другой стороны, отличительнымъ признакомъ пантеизма Спинозы является его математическое направленіе, то не можетъ быть сомнѣнія въ томъ, что Спиноза пришелъ къ убѣжденію въ важности математики для философіи прежде всего подъ вліяніемъ Декарта. Но чѣмъ болѣе мы размышляемъ о глубокихъ различіяхъ въ существенныхъ пунктахъ между міровоззрѣніями этихъ философовъ и о томъ,

что математика играетъ въ обоихъ системахъ совершенно различную роль, тѣмъ сомнительнѣе становится предположеніе, что вліяніе Декарта на Спинозу пошло далѣе только что указанныхъ нами предѣловъ. Въ самомъ дѣлѣ, математическое мышленіе имѣетъ для спинозизма не только болѣе широкое, но также совершенно иное значеніе, чѣмъ для картезіанства; и поэтому, если несомнѣнно, что первый толчокъ математическіе направленіе Спинозы получило отъ картезіанства, то творческая оригинальность Спинозы заключается въ томъ, что исходя изъ математическаго принципа, онъ далъ совершенно новое и единственное въ своемъ родѣ разрѣшеніе глубочайшей проблемы, занимавшей его мышленіе при помощи математическаго принципа.

Декартъ мало помышлялъ о непосредственномъ примѣненіи математическаго метода къ философіи; онъ видѣлъ скорѣе въ научномъ характерѣ математики идеалъ, къ которому должны стремиться другія науки, въ томъ числѣ, философія; ясность и точность математическаго познанія, достовѣрность и несомнѣнность его доказательствъ должны были служить образцами для всякаго мышленія вообще. Къ схематическому копированію геометрическаго метода, употребленному позже Спинозой, онъ относился отрицательно, и лишь однажды, случайно и по просьбѣ своихъ друзей, сдѣлалъ опытъ съ его примѣненіемъ; съ одной стороны, Декартъ хорошо сознавалъ различіе между оперированіемъ съ абстрактными понятіями и математической дедукціей и ясно видѣлъ опасность ихъ смѣшенія; съ другой стороны, какъ его мышленіе, такъ и способъ изложенія носили существенно аналитическій характеръ, что и соотвѣтствуетъ его положенію въ развитіи математики и поэтому они могли быть лишь насильственно вылиты въ форму синтетическаго метода доказательства. Какъ отличается отъ этого мышленіе Спинозы, видно уже изъ того, что онъ не только воспользовался синтетическимъ методомъ при изложеніи картезіанской философіи, но и свои собственныя мысли втискивалъ въ эту тяжеловѣсную форму. Ибо не подлежитъ никакому сомнѣнію, что все тяжелое вооруженіе опредѣленій, аксіомъ, леммъ, предложеній, доказательствъ, королларіевъ и схолій даже у Спинозы не представляетъ первоначальной формы изслѣдованія и нахожденія истины, но является лишь поздней, нарочито придуманной формой изложенія и доказательства, подобно тому, какъ это было правильно подмѣчено у геометровъ уже Декартомъ. Но такое чрезмѣрное значеніе, придаваемое Спинозой внѣшней формѣ геометрическаго метода, имѣло болѣе глубокое основаніе въ томъ тѣсномъ отношеніи, которое существовало для него между математическими представленіями и метафизическимъ мышленіемъ. И въ этомъ заключается истинное ядро его оригинальности, центральный и рѣшающій пунктъ его системы. Въ нижеслѣдующемъ намъ, можетъ быть, удастся въ нѣсколькихъ словахъ дать набросокъ наиболѣе существенныхъ сторонъ этой системы.

Высшее благо, къ которому стремится Спиноза,—это истинное познаніе Бога; но Богъ есть все-единство, обнимающее всю природу съ отдѣльными вещами. Эту основную пантеистическую идею онъ воспринялъ изъ всѣхъ многочисленныхъ элементовъ его развитія, указанныхъ отчасти выше. Система отдѣльныхъ вещей лежитъ въ Богѣ, согласно извѣстному порядку, т.-е. въ вѣчныхъ условіяхъ природы. Если, слѣдовательно, существуетъ о Богѣ, понимаемомъ въ этомъ пантеистическомъ смыслѣ, истинная точно отражающая его идея, то она должна заключать въ себѣ всѣ идеи, подобно тому, какъ Богъ заключаетъ въ себѣ всѣ вещи, и эти идеи должны происходить изъ идеи Бога въ томъ же порядкѣ, въ которомъ вещи проистекаютъ изъ Божества. Этотъ идеалъ познанія, представляющій наиболѣе рѣзкую формулировку пантеистической проблемы, когда-либо данную, Спиноза развиваетъ въ своемъ трактатѣ о правильномъ развитіи мышленія. Его страстное пантеистическое исканіе познанія Бога требуетъ такой формы мышленія, которая выводитъ всѣ знанія изъ единой идеи Бога, подобно тому какъ въ дѣйствительности всѣ вещи проистекаютъ изъ Божества. Спиноза стремился къ идеалу всей платоновской философіи: къ *системѣ* идей, проистекающихъ изъ одной высшей идеи Божества. Въ то же время проблема, которую пытается разрѣшить Спиноза, представляетъ абсолютное выраженіе дедуктивной философіи, которая полагаетъ, что все знаніе можетъ быть построено при помощи: 1) все содержащей въ себѣ одной основной идеи и 2) формальныхъ пріемовъ мышленія. Проблема пантеизма поэтому превратилась у Спинозы въ вопросъ, въ чемъ состоитъ такой пріемъ мышленія, посредствомъ котораго все знаніе можетъ быть выведено изъ идеи Бога. Здѣсь Спиноза воспользовался очень оригинально картезіанской идеей реформированія философіи посредствомъ математики. Интересную аналогію этому процессу мы встрѣчаемъ въ послѣднихъ фазахъ развитія мышленія Платона; какъ ни смутны наши свѣдѣнія объ этомъ вопросѣ, тѣмъ не менѣе достовѣрно, что Платонъ въ своемъ стремленіи развить дедуктивно систему идей отказался отъ чисто абстрактныхъ операцій съ понятіями и обратился къ схематизму пиѳагорейской теоріи чиселъ, которую онъ хотѣлъ слить воедино со своей теоріей идей. Спиноза также не могъ надѣяться на разрѣшеніе своей проблемы съ помощью силлогистическаго метода: безплодность его была очевидна послѣ Бруно, Санхеца, Бэкона, Декарта. Такимъ образомъ, ему оставался лишь синтетическій методъ математики, посредствомъ котораго можно было еще надѣяться разрѣшить проблему пантеизма дедуктивнымъ путемъ. Въ соотвѣтствіе съ различнымъ характеромъ античной и новой математики Спиноза воспользовался для своей цѣли не ариѳметической схемой пифагорійцевъ, какъ это сдѣлалъ Платонъ, а геометрическимъ методомъ. Въ математикѣ пространства онъ нашелъ аналогію, по которой онъ создалъ свой пантеизмъ. Въ этомъ тайна его философія; «геометрическій методъ»

для него больше, чѣмъ простое названіе, больше также чѣмъ внѣшній механизмъ доказательства; это самое существо характернаго для него— и только для него—пантеизма. Такъ какъ Спиноза — этотъ наиболѣе типичный догматикъ въ Кантовомъ смыслѣ—исходилъ изъ того убѣжденія, что порядокъ и связь идей тождественны съ порядкомъ и связью вещей, то для него, когда онъ посредствомъ математическаго синтеза хотѣлъ вывести изъ идеи Божества идеи всѣхъ вещей, реальная связь все-единаго Божества съ отдѣльными вещами превращалась также въ геометрическое отношеніе, и *математическій методъ превращался для него въ метафизическое міропониманіе*. «Математическое слѣдствіе» — вотъ лозунгъ спинозизма и связь математическихъ предложеній eo ipso имѣетъ въ его глазахъ силу и для реальныхъ отношеній между вещами.

Въ этомъ специфическій признакъ философіи Спинозы; въ этомъ своеобразный и чуждый намъ духъ, проникающій его «Этику». Для насъ этотъ геометрическій пантеизмъ Спинозы представляется столь же призрачнымъ, какъ нѣкогда Аристотелю послѣдняя фаза въ развитіи платоновской философіи. И странность его еще увеличивается тѣмъ рѣжущимъ противорѣчіемъ, въ которомъ онъ находится съ мистическими стремленіями, составлявшими побудительный мотивъ мышленія Спинозы. Глубокія движенія духа, полнаго любви къ Богу, выливаются въ наиболѣе сухую форму, нѣжная религіозность является закованной въ стальную броню цѣпи логическихъ умозаключеній и горячая любовь къ Богу связывается съ міровозрѣніемъ, для котораго міръ потерялъ плоть и кровь и существуетъ лишь какъ царство туманныхъ призраковъ. Индивидуальность мышленія Спинозы заключается именно въ томъ, что особенность его міровоззрѣнія вытекаетъ изъ его метода. Пантеистическое ученіе о Богѣ — Природѣ, раздѣляемое Спинозой со многими мыслителями вообще и въ особенности со многими современниками, соединяется у него съ геометрическимъ методомъ, который онъ нашелъ у Декарта. Додумывая этотъ методъ съ безпощадной послѣдовательностью до конца, Спиноза создаетъ свою метафизику.

Это своеобразное сліяніе различныхъ идей объединяетъ всѣ черты ученія Спинозы, благодаря которымъ этотъ философъ рѣзко выдѣляется изъ всѣхъ мыслителей до и послѣ него. Всѣ остальные элементы его ученія можно встрѣтить въ исторіи мысли, но общій геометрическій характеръ міросозерцанія принадлежитъ исключительно ему.

Этотъ методъ опредѣляетъ прежде всего своеобразную форму понятія, служащаго исходнымъ пунктомъ для его мышленія. Богъ Спинозы по отношенію къ міру представляетъ то же, что пространство по отношенію къ геометрическимъ фигурамъ. Поэтому, подобно геометру, исходящему изъ представленія пространства и выводящему изъ послѣдняго всѣ свои познанія, Спиноза начинаетъ съ представленія о Богѣ. Интуиція, непосредственно связывающая свой объектъ, представляетъ, по его мнѣнію, высшій и единственно достойный созерцанія Бога спо-

собѣ познанія. Далѣе, подобно тому какъ геометрическія формы обусловливаются единымъ пространствомъ и возможны только въ немъ, точно также отдѣльныя вещи являются для Спинозы формами единой божественной субстанціи. Она есть единственное существо (субстанція) и условіе всѣхъ остальныхъ существованій (экзистенцій), и подобно тому, какъ пространственныя формы и законы—ничто безъ пространства, которое является его носителемъ, точно также вещи—ничто безъ Божества, въ которомъ онѣ существуютъ и посредствомъ котораго онѣ постигаются. И совершенно подобно тому, какъ въ геометрическомъ пространствѣ единство тождественно съ единственностью пространства, точно такъ же у Спинозы субстанціальность Бога исключаетъ субстанціальность всѣхъ остальныхъ вещей. Спинозовская субстанція—это метафизическое пространство для вещей. Но геометрическое пространство, какъ таковое, есть пустота; точно также спинозовская божественная субстанція это—абсолютная пустота, она не имѣетъ ни содержанія, ни качества; это простое гипостазированіе логической категоріи—метафизическое ничто. Вотъ критика спинозизма, которая лежитъ въ основаніи діалектической игры знаменитаго начала гегелевской логики. Прообразомъ для Божества Спинозы служитъ пространство; по вычетѣ чувственныхъ опредѣленій остаются лишь пустыя формы его субстанціи, и спинозовская субстанція представляетъ столь же мало метафизическую дѣйствительность, какъ пространство — матеріальную дѣйствительность.

Изъ этого лишеннаго содержанія Бога должно проистекать «по образу математическаго слѣдствія» все разнообразіе качествъ и вещей; Спиноза является типомъ, а также пробнымъ камнемъ чистой дедукціи, и это направленіи его мысли оправдываетъ сравненіе Спинозы съ паукомъ, ткущимъ изъ себя свою паутину, сравненіе, сдѣланное однажды, съ явнымъ намекомъ на одну подробность его біографіи*).

При ближайшемъ разсмотрѣніи, однако, оказывается, что это «тканье изъ самого себя» и здѣсь лишь кажущееся. Послѣ того, какъ въ ученіи о безконечныхъ атрибутахъ выставлено лишь утвержденіе, что безконечное Божество содержитъ въ себѣ всѣ качества, оба доступные человѣческому познанію атрибута—мышленіе и протяженность—выводятся не изъ природы субстанціи, потому что это совершенно невозможно, но эмпирически и исторически. Презрительно отброшенный опытъ мститъ тутъ представителю чисто дедуктивной философіи тѣмъ, что заставляетъ философа, помимо его собственнаго желанія, ввести эмпирическія данныя въ такъ гордо начатый синтетическій процессъ. Такимъ образомъ, нить дедукціи прервана. Установивъ оба атрибута, Спиноза послѣдовательно выводитъ изъ идеи о вездѣсущей абсолют-

*) Разсказываютъ, что Спиноза любилъ слѣдить за тѣмъ, какъ пауки ловятъ мухъ въ свою паутину. *Прим. ред.*

ной субстанціи ученія о параллелизмѣ атрибутовъ, сыгравшее такую большую роль въ исторіи мысли. Та же идея повторяется въ философіи Лейбница, въ которой Богъ Спинозы раздробляется на безконечное множество монадъ; а въ новѣйшее время отношеніе между Спинозой и Лейбницемъ удивительнымъ образомъ повторяется въ отношеніи между основнымъ воззрѣніемъ философіи тождества, которая хотѣла вывести реальное и идеальное, какъ два параллельные ряда, изъ абсолютнаго, и современными натуръ-философскими спекуляціями, которыя находятъ въ каждомъ пунктѣ вселенной параллельные процессы движенія и ощущенія. Впрочемъ, уже Спиноза сознавалъ трудности, связанныя съ теоріей параллелизма, именно въ примѣненіи ея къ психологіи (для объясненія самосознанія) и это повело его, какъ можно догадываться изъ его переписки, въ послѣдніе годы его жизни къ въ высшей степени интересному преобразованію ученія объ атрибутахъ; центральнымъ пунктомъ этого преобразованія, кажется, является то, что онъ хотѣлъ представить протяженность, какъ первоначальный атрибутъ Божества и возвести на немъ безконечный рядъ остальныхъ атрибутовъ такимъ образомъ, что каждый послѣдующій процессъ долженъ былъ лишь иначе, такъ сказать, отражать и содержать въ усиленномъ видѣ предшествующій процессъ; это построеніе должно было объяснить параллелизмъ всѣхъ атрибутовъ.

Однако, атрибуты служатъ у Спинозы лишь промежуточнымъ звеномъ между субстанціей и ея модусами—отдѣльными вещами, въ отношеніи которыхъ къ Божеству заключается тотъ главный мотивъ, которымъ опредѣляется геометрической характеръ спинозовскаго пантеизма. Если вещи на самомъ дѣлѣ не существуютъ, то онѣ могутъ лишь *становиться* (werden), и поэтому отъ Платона до Гегеля главной проблемой монистической и дедуктивной философіи является объясненіе становленія (Werdens), происхожденія вещей изъ Бога. У Спинозы метафизическое происхожденіе (Geschehen) замѣняется «математическимъ слѣдствіемъ». Какъ изъ существа пространства слѣдуютъ всѣ геометрическія формы и отношенія, точно также изъ существа Бога «*слѣдуетъ*» весь міръ вещей и ихъ законовъ; онъ слѣдуетъ съ абсолютной неизбѣжной непроизвольной необходимостью и поэтому, свобода, случай, цѣлесообразность отпадаютъ для Спинозы, какъ призраки; то, что міръ «слѣдуетъ» изъ Бога, не есть послѣдовательность въ времени, но вѣчная обусловленность, и такимъ образомъ Спиноза требуетъ отъ истиннаго познанія, что-бы оно понимало вещи, какъ вѣчное слѣдствіе существа Бога, что-бы оно было мышленіемъ sub specie aeternitatis. Но спинозовская божественная субстанція не представляетъ реальной, дѣйствующей причины вещей, какъ пространство не представляетъ дѣйствующей причины треугольника или равенства его угловъ двумъ прямымъ. И здѣсь, опять у Спинозы исчезаетъ живая сущность причинности и остается лишь ея пустая схема; его

natura naturans не является уже дѣйствующей природной силой Бруно но лишь пустымъ пространствомъ, въ которомъ—неизвѣстно, какимъ образомъ—создаются и стираются линіи, плоскости и тѣла. Въ этомъ пунктѣ Лейбницъ рѣзко возсталъ противъ Спинозы и противопоставилъ его мертвому схематизму свое понятіе субстанціи, какъ дѣйствующей силы. Однако, если мы спросимъ Спинозу, какъ же происходятъ вещи изъ существа Бога, то онъ оставитъ насъ безъ отвѣта; онъ постоянно утверждаетъ въ своей «Этикѣ», что всѣ вещи представляютъ необходимое и вѣчное слѣдствіе изъ существа Божія,—но не показываетъ въ чемъ собственно состоитъ этотъ процессъ «слѣдованія» Аналогія съ геометріей объясняетъ намъ, почему онъ не можетъ этого показать: какъ и невозможно развить геометрію изъ представленія о пустомъ пространствѣ безъ помощи живущаго въ каждомъ человѣкѣ эмпирическаго знанія пространственныхъ формъ, точно также невозможно построить міръ индивидуальныхъ вещей изъ пустого понятія все-единства. Здѣсь лежитъ глубокое основаніе упрека въ «акосмизмѣ», дѣлаемаго Спинозѣ, упрека въ томъ, что онъ своей метафизикой уничтожилъ міръ; въ пустомъ пространствѣ его субстанціи безслѣдно исчезли индивидуальныя вещи, изъ которыхъ состоитъ дѣйствительный міръ, или космосъ.

Поэтому, вмѣсто того, чтобы на самомъ дѣлѣ объяснить, какъ дѣйствительныя вещи происходятъ изъ существа Бога, Спиноза ограничивается тѣмъ, что указываетъ строгую необходимость, съ которой въ рамкахъ міровой системы отдѣльныя вещи взаимно другъ друга обусловливаютъ, причемъ онъ исключаетъ всякую телеологію и послѣдовательно проводитъ свой принципъ математическаго слѣдствія. Съ этой точки зрѣнія Спиноза набрасываетъ общія черты своей физики аффектовъ и страстей, а также физику государства,—первую подъ вліяніемъ Декарта, вторую подъ еще большимъ вліяніемъ Гоббса. Однако, и его представленіе о взаимной обусловленности вещей имѣетъ сильный математическій привкусъ; въ понятіи «детерминаціи», которое играетъ при этомъ главную роль, представленіе причиннаго опредѣленія и воздѣйствія незамѣтно переходитъ въ представленіе о геометрическомъ ограниченіи, и подобно тому, какъ геометрическая фигура опредѣляется своими границами, отдѣляющими ее отъ другихъ фигуръ, точно такъ же взаимная обусловленность вещей имѣетъ для Спинозы, главнымъ образомъ, тотъ смыслъ, что каждая вещь представляетъ именно то, что она есть, благодаря суммѣ остальныхъ вещей, т.-е. благодаря тому, что она сама не есть. Такимъ образомъ, метафизическій законъ: «Omnis determinatio negatio» *), и вообще вся въ высшей степени своеобразная теорія отрицанія (Negationstheorie), спинозизма, которая встрѣчается, впрочемъ, въ полномъ расцвѣтѣ еще въ «Теодицеѣ» Лейбница и окончательно разрушена лишь Кантомъ въ его про-

*) Всякое опредѣленіе есть отрицаніе.

изведеніи объ отрицательныхъ величинахъ—вся она коренится въ геометрической аналогіи.

Опираясь на это ученіе, спинозизмъ получаетъ этически-религіозное завершеніе, общее всѣмъ мистическимъ системамъ. Все конечное недостаточно и несовершенно, потому что оно есть отрицаніе; каждая конечная вещь положительна, поскольку она носитъ въ себѣ субстанцію; она отрицательна, поскольку она не есть субстанція, но «детерминирована» другими вещами. Эти понятія положительнаго и отрицательнаго (позитивнаго и негативнаго), заимствованныя изъ ученія Аристотеля, Спиноза соединяетъ съ понятіями активности и пассивности и развиваетъ изъ нихъ въ примѣненіи къ этикѣ и психологіи свою изящную теорію подчиненія страстей посредствомъ мышленія. Но такъ какъ совершенствованіе конечнаго состоитъ въ искорененіи отрицательныхъ элементовъ и развитіи положительныхъ и такъ какъ только Богъ лишенъ отрицательныхъ элементовъ, то спинозовскій идеалъ совершенствованія есть полное сліяніе (Aufgehen) духа съ Богомъ. Такъ возникло ученіе объ amor intellectualis quo deus se ipsum amat, о томъ сліяніи мыслящаго духа съ Богомъ, въ которомъ духъ обрѣтаетъ свободу и блаженство и которое есть не что иное, какъ дѣйствіе въ немъ Бога. Поразительное и трогательное зрѣлище представляетъ этотъ переходъ Спинозы отъ безцвѣтныхъ и призрачныхъ абстракцій математической системы къ жгучему, его одушевляющему чувству Бога; поразительно, какъ онъ въ послѣднемъ «слѣдствіи» своего геометрическаго метода выдаетъ тайну своего сердца и даетъ систематическое выраженіе самому сильному мотиву своего мышленія. Послѣднимъ «слѣдствіемъ его мудрости» является мысль, что стремленіе созерцать Бога есть не что иное, какъ сила Бога, скрытая въ насъ, и въ этомъ смыслѣ Спиноза, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ чуждый своей эпохѣ, является ея вѣрнымъ дѣтищемъ, раздѣляя ея философскія и религіозныя стремленія; а если мы прослѣдимъ источники этой мысли, то найдемъ въ безчисленныхъ видоизмѣненіяхъ—все тотъ же платоновскій ἔρως. Эта мысль, высказанная Платономъ съ юношескимъ воодушевленіемъ, превращенная Аристотелемъ въ спокойное созерцаніе νοῦς ποιητικός,—мысль, которой эпоха религіознаго возбужденія и особенно умозрѣнія нео-платониковъ придали характеръ религіознаго экстаза, доходящаго до опьяненія,—въ различныхъ формахъ проходитъ чрезъ всю средневѣковую философію и вновь разгарается съ новымъ воодушевленіемъ во всѣхъ раннихъ мистическихъ проявленіяхъ новой философіи. Ее мы встрѣчаемъ въ «Искрѣ» мейстера Экгарта въ «Богоподобіи» (Gottebenbildlichkeit) Якова Беме, въ «Eroico furore» Джіордано Бруно. Наконецъ, у Спинозы въ его «Amor intellectualis» эта самая мысль принимаетъ спокойную форму яснаго созерцанія.

Такимъ образомъ, спинозовская философія заканчивается глубокимъ и благоговѣйнымъ постиженіемъ той самой идеи, которая въ формѣ

невиннаго стремленія стояла въ началѣ всего его мышленія и готовила его судьбу. Основной тонъ симфоніи его идей—это религіозное чувство; наиболѣе зрѣлымъ продуктомъ его философіи является созерцательная любовь къ Міру-Богу (Weltgott); она же является ея основаніемъ и источникомъ. И вмѣстѣ съ тѣмъ мы возвращаемся къ исходному пункту нашего изслѣдованія, которое началось съ установленія тождества между духомъ и характеромъ Спинозы и которое приходитъ къ установленію такого же тождества между его жизнью и его философіей. Спиноза жилъ такъ, какъ онъ училъ; глубокая любовь къ Богу, которая лежитъ въ основаніи его мыслей, составляетъ также сущность его жизни. Онъ мыслитъ Бога—и міръ превращается для него въ несущественную иллюзію; онъ хочетъ Бога—и вещи міра сего перестаютъ его интересовать. Онъ ничего отъ нихъ не требуетъ, кромѣ одного: «Noli turbare circulos meos!» *). Правда, въ этомъ есть эгоизмъ мысли, недостатокъ реальной жизненной силы. Но онъ проистекаетъ у Спинозы изъ глубокаго познанія того, что мірскія желанія и страсти могутъ лишь затемнить взоръ, стремящійся къ созерцанію Божества, и что духъ, ищущій чистой любви къ Богу, долженъ освободиться отъ всѣхъ другихъ желаній. «Блаженны чистые сердцемъ, ибо они узрятъ Бога»—такова основная тема жизни этого «атеиста»; съ ней гармонируетъ отсутствіе потребностей у Спинозы, его беззаботная независимость, чистое безкорыстіе, поэзія тихой голландской жизни, обвѣвающія его внѣшнее и внутреннее существованіе. Поэтому, его практическая дѣятельность ограничивалась безусловно необходимымъ; онъ пугливо сторонился отъ шумной жизни; онъ отклонялъ предложеніе читать свою философію съ каѳедры, и послѣ перваго печальнаго опыта, показавшаго ему малодушіе даже тѣхъ, кто называлъ себя его друзьями, онъ отодвигалъ въ будущее даже вліяніе своихъ произведеній, не опубликовывая ихъ. Въ этой чистой самоудовлетворенности нѣтъ ни слѣда страстной торопливости реформатора, потому что онъ нисколько не воображаетъ «проповѣдывать что-либо, могущее исправить и обратить свѣтъ»; въ немъ нѣтъ ни слѣда дешеваго стремленія къ общеполезности, которое было бы, можетъ быть, естественно въ условіяхъ времени и страны; этотъ человѣкъ, который, твердо стоя на прочномъ фундаментѣ религіи, такъ свободно относился къ религіямъ, былъ чуждъ тому незрѣлому прозелитизму безвѣрія, съ которымъ познакомились послѣдующія поколѣнія. Онъ былъ свободенъ отъ фарисейскаго безвѣрія, процвѣтающаго въ наше время и произносящаго, бія себя въ грудь съ ребяческимъ самоупоеніемъ: «Благодарю тебя, матеріализмъ, что я не таковъ, какъ тѣ святоши!» Ничего подобнаго нѣтъ у Спинозы, и его настроеніе—не гордость и презрѣніе къ людямъ, но глубокое чувство полнаго одиночества. Оторванный отъ семьи и народа,

*) «Не стирай моихъ круговъ»—слова Архимеда.

безъ друзей, безъ родины и конфессіональной религіи—онъ является истиннымъ образомъ той судьбы, которая ожидаетъ въ этомъ мірѣ генія. Царство его не отъ міра сего—это царство науки; оно его Богъ, его свобода, его искупленіе и такимъ образомъ, ученіе Спинозы есть не что иное, какъ апоѳеозъ науки и онъ самъ—герой научнаго духа. Отсюда тихая серьезность, которую носятъ черты его лица. Едва ли можно назвать эту серьезность тоской, потому что для него покорность не представляетъ страданія. Это не утомленныя отъ наслажденія искаженныя черты современнаго пессимизма, но истинное выраженіе античной атараксіи; это также не великій трагизмъ мученичества, потому что никто, за исключеніемъ, пожалуй, Сократа, не переносилъ непризнанія и преслѣдованія съ меньшимъ паѳосомъ, чѣмъ Спиноза. До самой смерти онъ былъ полонъ кротости и мягкости, и указанная черта—серьезность—проистекаетъ лишь изъ глубокой правдивости, передъ которой исчезаетъ игра и суета жизни, ибо истина есть серьезность. Къ этому выраженію спокойствія примѣшивается еще другая черта—любовь къ работѣ, правда, не той работѣ, которая покрываетъ руки мозолями, но къ самой тяжелой всетаки и утомительной—къ работѣ мысли. Жизнь этого мыслителя была вся посвящена истинѣ, и въ этомъ заключается ея возвышенное величіе. Ибо если говорятъ, что трудно умереть за истину, то еще труднѣе жить ради нея.

ИЗЪ К. ТЕТМАЙЕРА.

(Съ польскаго).

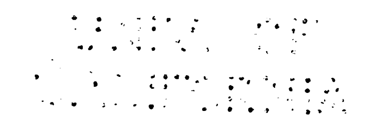
I.

О, море, безбрежное, темное море!
Мнѣ кажется, только глаза я открою,
Увижу бездонную глубь подъ собою,
Пустыню, разлитую въ мертвомъ просторѣ.
Я вижу, какъ край твой зарей золотится...
Вотъ синія волны она зарумянитъ,
Закружится чайка и снова поманитъ
Мысль вдаль за собою и съ нею умчится.
О, море, какъ часто мнѣ слышится нѣжный
Прибой твоихъ волнъ и тяжелые вздохи—
То отзвукъ таинственной дальней эпохи.
О, море, какъ властно владѣешь ты мною!
Я словно скольжу надъ твоей глубиною
Куда-то, все къ вѣчности ближе безбрежной.

II.

Ярко блестящая свѣта волна
Темную зелень деревьевъ покрыла.
Даль голубая надъ нами застыла,
Неуловимыхъ оттѣнковъ полна.
Въ дикомъ ущельи, уступами горъ,
Вспѣненный мчится потокъ горделиво.
Голосъ раздастся—уже прихотливо
Вторитъ ему необъятный просторъ.
Тихо. Порою съ таинственнымъ звономъ
Стадо мелькнетъ на откосѣ зеленомъ;
Съ шорохомъ камень сорвется въ оврагъ.
Снова покой, тишина тутъ такая,
Словно далекій свой путь совершая,
Счастье на мигъ здѣсь замедлило шагъ.

А. Калин—скій.



КРИТИЧЕСКІЯ ЗАМѢТКИ.

Изъ текущей беллетристики—«Семья Варавиныхъ», ром. В. Свѣтлова.—Удачно задуманные типы и ихъ крайне неудачное выполненіе.—Характерныя черты нашего времени въ этомъ романѣ.—Поэтъ-лауреатъ и поэтъ просто.—По поводу полныхъ собраній сочиненій Майкова и Фета. — Реторика Майкова и искренность Фета. — Странное мнѣніе о «философскомъ» значеніи Фета.—Фетъ меньше всего философъ.— Ограниченность поэзіи Майкова.—Поэты изъ «Міра Искусства».

Въ трехъ послѣднихъ книгахъ «Вѣстника Европы» появился романъ г. Свѣтлова «Семья Варавиныхъ», представляющій интересъ, какъ еще одна попытка дать картину того разлада, какой давно уже наблюдается между поколѣніемъ шестидесятыхъ годовъ, сходящимъ со сцены исторіи, и новымъ, которому суждено его замѣнить. Хотя самый вопросъ о смѣнѣ этихъ поколѣній, понимая подъ этой смѣной измѣненіе идейныхъ настроеній и практическихъ задачъ, рѣшенъ жизнью давно, но освѣщеніе его въ литературѣ только теперь наступаетъ, и потому всякая попытка въ этомъ родѣ несомнѣнно заслуживаетъ вниманія, независимо отъ художественной цѣнности самого произведенія. Г. Свѣтловъ авторъ далеко не новый, но своей литературной физіономіи у него нѣтъ. Писалъ онъ много и въ разныхъ мѣстахъ, но врядъ ли многіе изъ его читателей помнятъ, что именно было имъ написано. Въ такомъ положеніи чувствуемъ себя и мы, и настоящее его произведеніе является для насъ полной новинкой. И, признаемся, мало даетъ оно для характеристики автора, какъ художника. Задуманное въ общемъ очень удачно и широко, оно, по мѣрѣ развитія, все блѣднѣетъ и умаляется, пока не становится совсѣмъ нехудожественной вещью, обнаруживая въ авторѣ не только отсутствіе хотя бы небольшого художественнаго дарованія, но и полную путаницу идей и представленій о тѣхъ новыхъ людяхъ, которыхъ авторъ выводитъ, какъ представителей вступившаго въ жизнь новаго поколѣнія. Отчего происходитъ у автора такая путаница, увидимъ дальше, такъ какъ этотъ коренной недостатокъ его романа зависитъ отъ многихъ причинъ, и прежде всего отъ того, что авторъ взялся за непосильную задачу—въ одной картинѣ вмѣстить все,—и семейный разладъ между отцами и дѣтьми, и раздоры дѣтей, и провинціальную тину съ ея чиновничествомъ, и новый типъ администратора, и многое другое, чего никакъ не уложить за одну скобку.

Судя по начальнымъ главамъ, вообще гораздо больше отдѣланнымъ и обдуманнымъ, планъ автора былъ очень удаченъ. Предъ нами семья одного изъ дѣятелей эпохи великихъ реформъ, состоящая изъ старика-отца и матери съ одной стороны, съ другой—троихъ дѣтей. Весь интересъ сосредоточивается на старшемъ сынѣ, который, быстро создавъ себѣ въ Петербургѣ репутацію ума и дѣловитости, назначается въ родныя палестины на главный административный постъ. Старикъ Варавинъ играетъ здѣсь тоже очень видную роль, какъ земскій дѣятель и предводитель дворянства, проводящій въ своей дѣятельности тѣ прин-

ципы, которымъ служилъ и раньше, въ дни своей молодости. Онъ ревностный борецъ за народное просвѣщеніе и рьяный поборникъ земства. На этомъ-то поприщѣ и происходитъ конфликтъ между старикомъ, котораго сынъ презрительно величаетъ «ослабѣвшимъ помѣщикомъ» и «выжившимъ изъ ума идеалистомъ-шестидесятникомъ», — и новымъ администраторомъ. Такая постановка родственныхъ отношеній представляетъ нѣчто новое, а типъ сына-администратора, противопоставляемый отцу-идеалисту и общественному дѣятелю, даетъ очень интересный и благодарный мотивъ для романиста-бытописателя. Главы, посвященныя первымъ шагамъ новаго администратора, очень живы и производятъ впечатлѣніе, какъ несомнѣнно выхваченныя изъ жизни. Сергѣй Петровичъ Варавинъ — это администраторъ послѣдней, самоновѣйшей школы. Онъ сухъ, дѣловитъ, весь проникнутъ сознаніемъ «миссіи», которая возложена на него и которую онъ понимаетъ, какъ задачу «подтянуть» ввѣренную ему губернію и водворить въ ней «твердую власть». Идея власти въ немъ чрезвычайно сильна, и онъ въ высшей степени чутокъ ко всему, что такъ или иначе сталкивается и не подчиняется этой идеѣ, понимаемой имъ весьма своеобразно. Власть въ его глазахъ олицетворяется въ его личности, велѣнія коей должны быть принимаемы, какъ законъ, безпрекословно и съ глубочайшимъ почтеніемъ. Поэтому ничто такъ не выводитъ его изъ себя, какъ ссылка на законъ и хотя бы робкое упоминаніе о законности. Всѣ эти ненужныя и тягостныя формальности, требуемыя закономъ, онъ хотѣлъ бы замѣнить личнымъ усмотрѣніемъ, и потому никому не довѣряетъ, ни съ кѣмъ не желаетъ совѣщаться, всѣ дѣла хотѣлъ бы рѣшать самъ. «Сергѣй Петровичъ входилъ буквально во всѣ мелочи, во всѣ мельчайшія детали, желая все знать, все видѣть, все передѣлать, такъ что чиновники превращались при немъ въ простыхъ и безмолвныхъ исполнителей указаній. Словомъ, онъ жаждалъ «объять необъятное», проникнуть во всѣ сферы, вездѣ проявить свою иниціативу и вложить свою личность... Онъ нагналъ такого страха на служащихъ, что они долго не могли опомниться. Нельзя сказать, чтобы это не отражалось на текущихъ дѣлахъ. Всѣ жили точно на вулканѣ и опасались ежеминутнаго взрыва. При прежнихъ начальникахъ чиновники обсидѣлись, служили и дѣлали свое дѣло «медленно спѣша», и темпъ въ дѣлахъ выработался медленный, ровный, спокойный. Теперь все пошло ускореннымъ темпомъ, во все внесена была какая-то безпокойная нервность, и что всего хуже — неувѣренность въ завтрашнемъ днѣ». Но и эта суета, яко бы чрезвычайно дѣловитая, не удовлетворяла новаго администратора. «Дѣятельность, къ которой онъ такъ стремился, начинала тяготить его своей узкостью, ограниченностью. Онъ представлялъ ее себѣ шире, могущественнѣе. Въ его порывистой натурѣ было желаніе властвовать, диктаторствовать, повелѣвать, а на дѣлѣ оказывалось, что онъ собственной властью не можетъ даже смѣнить, пожалуй, волостного старшину, не только чиновника. И всѣ толкуютъ о преданіи суду, всѣ даютъ ему понять, что его власть ограничена, и что надъ нимъ есть нѣчто высшее—законъ. Какъ будто онъ не знаетъ этого самъ! Но это ограниченіе стѣсняетъ его, связываетъ его по рукамъ и ногамъ».

Понимая власть, какъ личный произволъ, молодой Варавинъ не можетъ допустить, чтобы рядомъ были люди, даже цѣлыя учрежденія, которыя дѣйствуютъ по своей иниціативѣ, а не по его указанію. Онъ не отрицаетъ, напр., просвѣтительной дѣятельности земства, но не терпитъ его самостоятельности. Точно также онъ не противъ идей въ принципѣ, но не допускаетъ другихъ идей, кромѣ имъ одобренныхъ. Отсюда гнѣвъ на земство и столкновеніе съ отцомъ, шестидесятникомъ, яро отстаивающимъ земскую иниціативу.

До сихъ поръ предъ нами живая фигура, списанная съ дѣйствительности. Можно даже подумать, что авторъ просто изобразилъ одного изъ многихъ дѣятелей, «оживлявшихъ» провинцію за послѣднія десять лѣтъ. Но далѣе авторъ

пускается сочинительствовать. Казалось бы, жизнь дала ему прекрасный матеріалъ. Отецъ, идеалистъ и насадитель культуры, постепенно долженъ сдать всѣ свои позиціи реалисту-сыну, который съ жаромъ и трескомъ уничтожаетъ все, что тотъ насадилъ. Автору показалось этого мало и онъ вздумалъ дополнить своего героя такими чертами, которыхъ, конечно, въ жизни онъ самъ не встрѣчалъ. Его администраторъ оказывается въ послѣднемъ итогѣ человѣкомъ съ особой идеей, нѣчто въ родѣ «сверхъ-администратора», который желаетъ расчистить себѣ поле для какой-то невиданной пока новой работы. Свое profession de foi онъ излагаетъ въ разговорѣ съ братомъ. Послѣдній тоже якобы «новый человѣкъ», презирающій практическую дѣятельность, толкующій что-то о новой красотѣ и т. п. Эта грубо-неудачная фигура еще усиливаетъ своей аляповатой глупостью неестественность такихъ рѣчей, которыя авторъ влагаетъ въ уста своего новаго администратора. Надо замѣтить, что братъ его, отчасти писатель, отчасти просто мечтательный россіянинъ, какихъ много бременитъ землю, влюбленъ и желаетъ жениться на замужней женщинѣ. Разводъ ея уже фактъ совершившійся, но изъ-за какихъ-то проволочекъ бумаги ея еще не пришли. Администраторъ, пользуясь этимъ и неизвѣстно ради какихъ цѣлей, предписываетъ выслать ее изъ города, какъ не имѣющую узаконеннаго вида на жительство, хотя прекрасно сознаетъ всю глупость такого распоряженія. Братья объясняются, и нашъ мечтательный россіянинъ уходитъ посрамленнымъ, услышавъ слѣдующую исповѣдь «сверхъ-администратора».

— Какіе вы всѣ «мѣщане», какъ посмотрю я на васъ... Вы связаны по рукамъ и ногамъ, васъ гнететъ все къ землѣ. Вы толкуете о свободѣ, о какой-то свободѣ, которой не понимаете, о свободѣ, ограниченной... съ одной стороны—традиціями прошлаго, съ другой—буржуазностью, а съ третьей—сантиментальностью, вскормленной и вспоенной вѣками... Вы все еще кающіеся дворяне, безплодные мечтатели, сантиментальные буржуа. Въ васъ нѣтъ настоящаго аристократизма духа... Вы противны мнѣ всѣ. Я ненавижу васъ, вы—путы, изъ которыхъ, клянусь, я найду силы и средства вырваться. Я не хочу этого слезливаго, ноющаго и тоскливаго антуража. Я хочу свободы и одиночества, которое одно даетъ силу. Но моя должность—только ступень. И у насъ въ Россіи можно быть сильнымъ и независимымъ только на службѣ...»

Много еще такихъ же словесъ источаетъ администраторъ г. Свѣтлова, къ великому удивленію и изумленію читателя, который нѣсколькими страницами выше познакомился съ его дѣятельностью по части разрушенія и съ его сотоварищемъ, выписаннымъ имъ изъ Петербурга, нѣкіимъ Доринымъ. Послѣдній изображенъ чѣмъ-то въ родѣ шута гороховаго. Онъ и декадентъ, и прихвостень сильныхъ міра сего, и проповѣдникъ новой красоты. Наединѣ съ такимъ другомъ герой отводитъ свою смятенную душу, для умиротворенія которой его пріятель совѣтуетъ разные пикантные романы французскихъ авторовъ. Фигура Дорина такъ дополняетъ героя, что его рѣчи о свободѣ и аристократизмѣ духа болѣе чѣмъ комичны. Видимо, у автора все перемѣшалось въ головѣ, когда онъ сталъ дорисовывать своего героя. Изобразивъ типичную фигуру новаго администратора, упразднившаго законность и всякую общественную дѣятельность, авторъ сталъ втупикъ, что же дальше? Долженъ же его герой выставить нѣчто положительное на своемъ знамени, что бы дало смыслъ и опору его упразднительной работѣ. Но такъ какъ въ жизни авторъ не могъ почерпнуть этого положительнаго содержанія, то и сталъ сочинять, и въ этомъ обнаружилъ грубое непониманіе имъ же вырисованнаго типа. Главная отличительная черта послѣдняго въ томъ именно и заключается, что такой типъ не вноситъ въ жизнь ничего *положительнаго*. Его значеніе чисто отрицательное: не нужно общественной иниціативы, не нужно законности, не нужно народнаго просвѣщенія, и т. д. Но, все расточивъ, ниспровергнувъ, разрушивъ, та-

*

кой типъ и долженъ оставаться въ полномъ недоумѣніи, что же на мѣсто всего этого поставить? Положительной программы у него нѣтъ, потому что она вырабатывается не въ одиночествѣ, а въ совмѣстной работѣ съ тѣми, для кого должна служить, т.-е. именно тѣмъ путемъ, который такъ ненавистенъ представителю новаго, или вѣрнѣе—старѣйшаго принципа—единоличнаго произвола. Самъ провозвѣстникъ его не знаетъ, во имя чего онъ борется, все сокрушаетъ и всѣхъ расточаетъ. Когда его отецъ, какъ предводитель дворянства и предсѣдатель коммиссіи по народному просвѣщенію, громко выражаетъ протестъ и заявляетъ, что будетъ лично жаловаться на произволъ въ дѣйствіяхъ сына, послѣдній ничего не можетъ придумать и предлагаетъ отцу сдѣлать кое-какія уступки для соблюденія внѣшнихъ приличій, чтобы не было такъ явно для всѣхъ столкновеніе двухъ главныхъ принциповъ—престижа власти и дворянства. Новый администраторъ не понимаетъ по существу, ни зачѣмъ ему самый престижъ, ради котораго онъ готовъ утопить въ ложкѣ воды родного отца, ни дворянство и земство, въ которыхъ онъ видитъ непонятное ему упорство. Одинъ только разъ мы замѣчаемъ въ немъ какъ бы нѣкоторую цѣлесообразность дѣйствій, когда онъ сталкивается съ крупнымъ мѣстнымъ капиталистомъ-кулакомъ, ловко обдѣлывающимъ свои дѣлишки на почвѣ общаго оскудѣнія деревни. Онъ требуетъ, чтобы тотъ уничтожилъ очень ужъ невыгодную для крестьянъ сдѣлку, но и тутъ мы не видимъ въ немъ интереса къ обнищавшему крестьянству, а лишь недовольство, что во ввѣренной ему губерніи можетъ быть какой-то кулакъ, который ни мало отъ него не зависитъ и дѣйствуетъ самостоятельно.

Не меньшую путаницу понятій обнаруживаетъ авторъ и въ изображеніи другихъ лицъ романа. Его идеалистъ-шестидесятникъ, старикъ Варавинъ, проповѣдующій принципы эпохи великихъ реформъ, защитникъ личной иниціативы и общественной дѣятельности, оказывается вдругъ поклонникомъ старины, грозитъ возбудить дѣло противъ другого сына за то, что тотъ желаетъ жениться безъ его разрѣшенія. Кстати, не всѣмъ, вѣроятно, извѣстно, что у насъ существуетъ архаическій законъ, согласно которому взрослые и вполнѣ самостоятельные люди не могутъ жениться безъ согласія родителей: преступившій его брачущійся карается восьмимѣсячнымъ заключеніемъ. Представимъ себѣ человѣка, пропитаннаго насквозь духомъ шестидесятыхъ годовъ, который грозилъ бы сыну примѣненіемъ подобнаго закона,—и мы поймемъ всю нелѣпость идейнаго представленія о шестидесятыхъ годахъ, какое сложилось у г. Свѣтлова. Именно въ тѣ времена съ особой свободой люди относились къ семейнымъ вопросамъ, подчасъ слишкомъ далеко заходя въ требованіяхъ свободы чувства. Такой, повидимому, убѣжденный шестидесятникъ, какъ старикъ Варавинъ, органически не можетъ прибѣгать къ помощи закона, да еще такого нелѣпаго по своей устарѣлости, въ борьбѣ съ своимъ сыномъ, который въ массѣ другихъ вопросовъ очень къ нему близокъ. Всю эту несообразность надо цѣликомъ возложить на нехудожественность автора и его идейную путаницу, что еще сильнѣе сказывается въ обрисовкѣ другого представителя молодого поколѣнія, именно этого виновнаго сына, Дмитрія, который по замыслу долженъ изображать новомодныя вѣянія, увлеченія ницшеанствомъ, новой красотой и т. п. Никакихъ ни новыхъ, ни старыхъ идей у этого молодца мы не видимъ на всемъ протяженіи романа, кромѣ послѣдняго его разговора съ своимъ старшимъ братцемъ, когда тотъ увлекаетъ его изложеніемъ своихъ «принциповъ» объ аристократизмѣ духа. Даже для каррикатуры не годится этотъ неудачный персонажъ, какъ и всѣ женскіе типы, нарисованные до нельзя аляповато и нежизненно, почему и не будемъ останавливаться на нихъ.

«Какъ мы одиноки! Дѣти наши ничего не чувствуютъ къ намъ!»—такъ съ глубокимъ сокрушеніемъ заявляетъ старуха Варавина, видя острый разладъ

между ея мужемъ и сыномъ-администраторомъ съ одной стороны, и другимъ сыномъ, якобы ницшеанцемъ и поклонникомъ новой красоты. осмѣивающимъ старые завѣты отца объ общественной дѣятельности, долгѣ народу, о трудѣ и т. п. Какъ ни плохъ въ художественномъ отношеніи романъ г. Свѣтлова, но въ немъ дѣйствительно намѣченъ и рѣзко подчеркнутъ идейный разладъ во многихъ и многихъ семьяхъ. Сплошь и рядомъ приходится наталкиваться на странное явленіе, что дѣятели новаго поколѣнія съ какимъ-то азартомъ подчеркиваютъ свою крайнюю враждебность къ дѣятельности и всему направленію своихъ отцовъ. Такое столкновеніе, какъ между старикомъ Варавинымъ и его старшимъ сыномъ, одно изъ весьма обычныхъ явленій, въ особенности рѣзко бросавшееся въ глаза лѣтъ десять тому назадъ, когда произошелъ знаменательный переломъ въ жизни нашихъ земствъ. Многимъ старымъ земцамъ приходилось тогда видѣть, какъ ихъ родныя дѣти, въ лицѣ новыхъ администраторовъ, явились уничтожать то, надъ чѣмъ годами трудились они, насаждая безкорыстно сѣмена новой культуры въ дикихъ еще русскихъ палестинахъ. И вотъ эти еще слабые и не окрѣпшіе всходы стали быстро вянуть, попавъ въ руки тѣхъ, кто, казалось бы, по естественному теченію вещей долженъ былъ бы явиться продолжателемъ дѣла своихъ отцовъ. Это было печальное и скверное время, когда натискъ разрушителей стараго земскаго и общественнаго дѣла былъ особо яростенъ и силенъ. Но отцы и тогда уже могли найти утѣшеніе въ сознаніи, что дѣти ничего, кромѣ идеи разрушенія, не принесли съ собой, а такая идея, какъ бы она ни была сильна въ данную минуту, не прочна. Жизнь была за отцовъ, что больше всего и злило реакціонныхъ дѣтей, и дѣйствительность если не во всемъ, то въ очень многомъ подтвердила старую истину, что разъ добытое жизнью, нельзя отнять. Съ любовью посѣянныя сѣмена просвѣщенія не поддались искорененію; да и не они одни. Земскій и общественный принципъ, защищаемый въ романѣ старикомъ Варавинымъ, устоялъ, хотя и сильно ограниченный, не смотря на всю силу натиска новыхъ людей въ родѣ Сергѣя Петровича. Эта—неотвлеченная, а жизненная—стойкость завѣтнаго принципа могла до извѣстной степени утѣшить ихъ въ томъ одиночествѣ, которое они должны были испытывать, видя, какъ старикъ Варавинъ, уклоненіе въ сторону однихъ дѣтей и злобное стремленіе другихъ—уничтожить все ради торжества личнаго произвола. Въ романѣ старикъ Варавинъ умираетъ, пораженный ударомъ во время спора съ сыномъ-администраторомъ,—еще одна черта, подчеркивающая нехудожественность автора, который не сумѣлъ выпутать своихъ героевъ изъ созданнаго имъ положенія и прибѣгнулъ къ обычному въ такихъ случаяхъ пріему—уморить героевъ. Въ жизни, къ счастью, дѣло обстоитъ много лучше, и защитникамъ общественнаго принципа вовсе не приходится сходить со сцены такъ скоропалительно и безславно. Созданное ими дѣло само ихъ поддержало и двигаетъ,—правда, не такъ быстро и планомѣрно развивается оно, но все же оно «вертится» вопреки всѣмъ усиліямъ остановить и уничтожить его.

Намъ кажется, что г. Свѣтловъ сдѣлалъ ошибку, введя въ свой романъ много разныхъ усложняющихъ элементовъ. Для разносторонней и полной картины современной провинціи нужна сила первокласснаго художника и глубокое пониманіе многообразныхъ современныхъ теченій, идейныхъ, политическихъ и общественныхъ. Ограничивъ свою задачу только столкновеніемъ двухъ представителей—человѣка шестидесятыхъ годовъ и новаго администратора, онъ далъ бы очень живую и яркую картину изъ современной жизни, правда, довольно узкую, но за то цѣльную и очень поучительную. Всѣ элементы для такой картины даны въ его романѣ, къ сожалѣнію, затемненные и перепутанные съ разными привходящими явленіями, которыя не сложились въ одно

цѣлое, отчего получилась непріятная пестрота, мѣстами поражающая своей непродуманностью и рѣжущей неправдой.

Одновременный выходъ полныхъ собраній сочиненій двухъ послѣднихъ большихъ поэтовъ русской литературы, Майкова и Фета, былъ пріятнымъ сюрпризомъ для читателей, для которыхъ здоровая и глубокая поэзія названныхъ поэтовъ можетъ служить прекраснымъ противоядіемъ противъ больной, вычурной и растлѣвающей музы декадентовъ. Дѣйствительно, трудно представить себѣ что-либо болѣе противоположное декадентамъ, какъ строгая, пластическая муза Майкова и прелестная легкая и нѣжная—Фета. И тотъ, и другой такъ различны, такъ не похожи другъ на друга, но оба вмѣстѣ они составляютъ одно, необыкновенно гармоничное цѣлое. Мало родственныхъ чертъ въ поэзіи обоихъ, и если что ихъ объединяетъ, то именно вдохновенность ихъ поэтическаго творчества. Нѣтъ ни вычурности, ни дѣланности настроенія, а свѣжесть и непосредственность, чѣмъ въ особенности отличается Фетъ, по нашему мнѣнію, какъ поэтъ непосредственнаго чувства, гораздо выше стоящій, чѣмъ Майковъ.

Послѣдній недаромъ является въ русской литературѣ своего рода поэтомъ-лауреатомъ, какъ бы оффиціально удостоеннымъ званія поэта. Тогда какъ Фетъ—поэтъ и только, поэтъ «милостію божіей» не знающій и органически неспособный признавать какое бы то ни было принужденіе, чью-либо волю надъ собой. Мы говоримъ, конечно, только о тѣхъ его произведеніяхъ, въ которыхъ Фетъ является самимъ собой и которыя только одни достойны вниманія, какъ великолѣпные образцы русской лирики. Есть и у Фета всякія «Оды» и «Посвященія», и «Поздравленія», и т. п. искажающія его образъ, какъ поэта, и рисующія мало привлекательный образъ его, какъ человѣка. Въ нихъ встаетъ передъ нами льстивый, непріятно угодливый сильнымъ міра сего—не Фетъ, а Шеншинъ, торгующій великимъ даромъ Фета ради весьма ясныхъ и низменныхъ цѣлей. Редакторъ настоящаго изданія очень хорошо сдѣлалъ, выдѣливъ эту стихотворную макулатуру въ концѣ второго тома въ особый отдѣлъ, который слѣдуетъ оставлять неразрѣзаннымъ, чтобы не портить чарующаго впечатлѣнія лирики «вечернихъ огней», «мелодій», «сновидѣній» и пр. Вотъ гдѣ надо искать Фета, пѣвца чудныхъ мгновеній, которымъ онъ отдается съ неудержимымъ порывомъ, властно захватывая васъ съ собой и унося отъ всего житейскаго и прозаическаго. Фетъ представляетъ въ этомъ отношеніи замѣчательный примѣръ раздвоенія личности. Какъ Шеншинъ, онъ крайне не интересенъ, неуменъ и глубоко прозаиченъ. Огромное большинство его стиховъ «на случай», продиктованныхъ соображеніями, не имѣющими ничего общаго съ поэзіей, напоминаетъ одописцевъ «временъ Очакова и покоренія Крыма». Просто нельзя повѣрить, что одинъ и тотъ же человѣкъ—авторъ «одъ» и «мелодій», не только не имѣющихъ ничего общаго по настроенію, но даже формою рѣзко отличныхъ и прямо-таки враждебныхъ другъ другу. Не говоря уже о такихъ устарѣлыхъ формахъ, какъ «пою тебѣ», «не воспѣвай, не славословь», «воспой, о муза», и т. п., въ «одахъ» банальность эпитетовъ и образовъ напоминаетъ канцелярскія прошенія съ обязательными титулами и обращеніями. Чтобы не утомлять читателя, приводимъ самую коротенькую «оду», написанную, какъ поздравленіе, королевѣ эллиновъ Ольгѣ Константиновнѣ въ день ея именинъ, 11 іюля 1887 г.:

Когда-бъ дерзалъ, когда-бъ я славилъ
Сей день подъ звуки райскихъ лиръ,
То-бъ съ кроткимъ ангеломъ поздравилъ
Я не ее, а Божій міръ.

Здѣсь, конечно, нѣтъ и тѣни того Фета, который, какъ лирикъ, поэтъ неуловимыхъ и не выразимыхъ ощущеній въ природѣ и сердцѣ, не знаетъ себѣ

равнаго въ нашей литературѣ. Его именно и нужно брать такимъ, какимъ онъ проявляется въ своихъ, дивныхъ по нѣжности и безконечному разнообразію оттѣнковъ, по богатству внезапныхъ вспышекъ чувства и искрящихся образовъ, стихахъ, выливающихся у него подъ вліяніемъ охватившаго его мгновенія безсознательно, иногда неровно и всегда чарующе хорошо. Мелькнувшая тучка или звукъ, невѣдомо откуда долетѣвшій, сверкнувшая въ глазахъ слеза или мимолетная улыбка дѣвушки—вдругъ будятъ въ немъ рой образовъ и звуковъ, которые неудержимо льются, увлекая за собой поэта, видимо не отдающаго даже отчета, откуда и какъ налетѣлъ на него этотъ порывъ вдохновенія. По непосредственности чувства и впечатлительности, Фетъ — единственный и несравненный лирикъ въ нашей поэзіи, который

Хватаетъ на лету и закрѣпляетъ вдругъ
И темный бредъ души и травъ неясный запахъ,—

который такъ «богатъ въ безумныхъ стихахъ», что, кажется, исчерпалъ до дна всѣ сокровища звуковъ и образовъ, разсѣянныхъ въ природѣ.

Тѣмъ страннѣе и непонятнѣе характеристика Фета, которую далъ редакторъ настоящаго изданія, г. Б. Никольскій, во вступительной статьѣ «Основные элементы лирики Фета». Въ ней онъ силится представить Фета, какъ поэта-философа прежде всего и потомъ уже поэта-лирика, такъ сказать отдающаго лишь невольную дань своему поэтическому дарованію. «Этотъ философъ-поэтъ, говоритъ авторъ, до такой степени поэтъ философъ, что его произведенія неизбѣжно станутъ современемъ настольною книгою каждаго мыслителя, каждаго ученаго, наконецъ, каждаго философски мыслящаго человѣка, если только онъ не безусловно лишенъ чувства изящнаго». Для всѣхъ любителей поэзіи Фета эти слова г. Никольскаго явятся своего рода откровеніемъ. Наслаждаясь чистой, непосредственной поэзіей Фета, мы всѣ, «толпа», какъ насъ величаетъ новоявленный великій критикъ, прозѣвали въ Фетѣ философа, да еще какого!— который самого Шопенгауэра заткнулъ за поясъ, «многое въ его ученіи упростилъ, а многое за него договорилъ до конца». До г. Никольскаго всѣ цѣнили музыкальность и свѣжесть стиховъ Фета,—оказывается, и въ этомъ «толпа» ошибалась. Все это чистые пустяки, такъ какъ «вопреки площаднымъ сужденіямъ о великихъ, будто-бы, достоинствахъ художественной формы Фета, позволительно утверждать, напротивъ, что превозносить форму Фета въ ущербъ сущности его поэзіи могутъ искренно только тѣ, кому послѣдняя недоступна». Далѣе изъ всего высокопарнаго этюда г. Никольскаго мы узнаемъ, что Фетъ— пантеистъ, въ которомъ гармонично соединялась любовь къ природѣ и красотѣ съ любовью къ Богу и равнодушіемъ къ смерти. Вотъ и вся характеристика. Въ ней г. Никольскій не столько разъяснилъ Фета, сколько превознесъ самого себя, дѣйствуя старымъ, но вѣрнымъ средствомъ, которое еще у Гл. Успенскаго рекомендуетъ волостной писарь всѣмъ ухаживающимъ за барышнями. Средство это просто и очень удобно: надо говорить все «напротивъ». Такъ поступаетъ и г. Никольскій: вы думаете, что поэзія Фета есть чистѣйшая лирика, меньше всего претендующая на размышленіе и логическія умозаключенія, подчасъ совершенно не логическая и даже не поддающаяся никакому анализу,—«а я говорю совсѣмъ напротивъ». Вы убѣждены, что прелесть стихотвореній Фета заключается въ полной гармоніи ихъ формы и содержанія, которыхъ также нельзя раздѣлить, какъ въ пѣснѣ соловья,—«а я говорю совсѣмъ напротивъ». Вы считаете Фета меньше всего философомъ, такъ какъ и въ его стихахъ, и въ его прозаическихъ писаніяхъ меньше всего можно найти глубины мысли, а часто онъ проявлялъ себя чуть что не пошлякомъ,—«а я говорю напротивъ»,— и т. д. И чтобы окончательно вознестись надъ нами, простыми смертными, которые, не мудрствуя лукаво, наслаждаются этой поэзіей *теперь*, г. Никольскій завершаетъ свою характеристику напыщенными словами:

«Фетъ въ этомъ смыслѣ (т.-е. какъ философъ-поэтъ») до такой степени поэтъ будущаго, что съ полнымъ правомъ могъ-бы во главѣ своихъ стихотвореній поставить знаменитыя слова Шопенгауэра: «черезъ головы современниковъ передаю мой трудъ грядущимъ поколѣніямъ!» Будущія поколѣнія только оцѣнятъ Фета, а нынѣ только «я, Б. Никольскій» вознесся на достаточную высоту, чтобы понять Фета,—таковъ смыслъ всей этой велерѣчивой и мало основательной характеристики.

Положимъ, и послѣ г. Никольскаго поэзія Фета останется тѣмъ, что она есть—поэзіей мгновенія, непередаемыхъ ощущеній, нѣжнѣйшихъ оттѣнковъ красоты природы и человѣческихъ чувствъ. Или, какъ прекрасно его опредѣляетъ Н. Страховъ, «онъ пѣвецъ и выразитель отдѣльно взятыхъ настроеній души, или даже минутныхъ, быстро проходящихъ впечатлѣній. Онъ не излагаетъ какого-нибудь чувства въ его различныхъ фазисахъ, не изображаетъ какой-нибудь страсти съ ея опредѣлившимися формами, въ полнотѣ ея развитія; онъ улавливаетъ только одинъ моментъ чувства или страсти, онъ весь въ настоящемъ, въ томъ быстромъ мгновеніи, которое его захватило и заставило изливаться чудными звуками. Каждая пѣсня Фета относится къ одной точкѣ бытія, къ одному біенію сердца и потому неразложима, нераздѣлима; это—аккордъ, въ которомъ на звукъ мгновенно тронутой струны вдругъ гармонически отозвались другія струны... Онъ не выбираетъ предметовъ, а ловитъ каждый, часто самый простой случай жизни; онъ не составляетъ мозаичныхъ картинъ и не развертываетъ цѣлаго ряда мыслей, а останавливается на одномъ поворотѣ чувства». Въ этой характеристикѣ даны главнѣйшія основныя черты поэзіи Фета, котораго можно какъ угодно возносить и восхвалять, но меньше всего—какъ философа, на званіе котораго едва-ли претендовалъ и самъ Фетъ. Если г. Никольскому понадобилось приклеить Фету философскій ярлыкъ для защиты поэта отъ «глумленія» и т. п., то именно теперь Фетъ въ этомъ не нуждается. Никто надъ нимъ не глумится, скорѣе напротивъ,—его слишкомъ превозносятъ, благодаря оскудѣнію русской поэзіи вообще. Къ Фету пора отнестись вполнѣ объективно, оцѣнивая въ немъ то, что дѣйствительно прекрасно и что навсегда останется въ русской поэзіи образцомъ непосредственнаго вдохновенія и рѣдкой чуткости въ красотѣ, въ чемъ-бы она ни проявлялась въ данное мгновеніе. «Вечерніе огни», которые г. Никольскій ставитъ выше всего въ поэзіи Фета, далеко уступаютъ его «Мелодіямъ» и другимъ произведеніямъ перваго періода его творчества, въ которыхъ несравненно больше непосредственнаго чувства, свободы и искренности, чѣмъ въ «Вечернихъ огняхъ», часто темныхъ, неясныхъ и даже дѣланныхъ по неестественности паѳоса. Въ нихъ мѣстами чувствуется старческая усталость, и безсиліе—найти настоящее слово для выраженія того, что волнуетъ поэта. Конечно, это справедливо лишь по сравненію съ «Мелодіями», антологическими стихотвореніями и элегіями, такъ какъ взятые сами по себѣ и «Вечерніе огни» прекрасны и могутъ служить источникомъ глубокаго и возвышеннаго наслажденія. Но все же славу Фета увѣковѣчатъ не они, а тѣ чудныя стихотворенія, въ которыхъ Фетъ, по словамъ того же Страхова, «какъ чародѣй, преобразуетъ въ чистѣйшую поэзію всевозможныя черты нашей жизни. Ночь и день и всѣ часы ночи и дня, ведро и ненастье, дождь, снѣгъ, всѣ времена года и всѣ высоты солнца, мѣсяцъ и звѣзды, сады и степи, море и горы,—все отозвалось въ душѣ поэта; здоровье и болѣзнь, бдѣніе и сонъ, любовь и музыка, надежды и воспоминанія, бредъ и сновидѣнія во всѣхъ ихъ степеняхъ и формахъ—словомъ, всѣ переливы нашего существованія, отъ самыхъ будничныхъ состояній до самыхъ возвышенныхъ, нашли себѣ поэтическое выраженіе».

Когда отъ Фета переходишь къ Майкову, испытываешь нѣчто въ родѣ дуновенія холоднаго вѣтра,—такимъ холодкомъ вѣетъ отъ его строгихъ, отдѣ-

ланныхъ до послѣдней степени стиховъ, всегда законченныхъ по мысли и заключающихъ ясный, хотя почти всегда не сложный и не глубокій образъ. У Фета иногда одно небрежно оброненное слово раскрываетъ страшныя глубины чувства, даетъ какъ бы разгадку цѣлаго явленія, мимо котораго мы часто проходили, даже не замѣчая его. Ничего подобнаго у Майкова нѣтъ: онъ весь прозраченъ и—не глубокъ. Къ нему не примѣнимъ эпитетъ «задушевности», чего такъ много у Фета, который, между прочимъ, очень остроумно подмѣтилъ этотъ недостатокъ въ поэзіи Майкова, какъ видно изъ любопытнаго письма Фета къ Полонскому, приведеннаго въ очеркѣ г. Бородкина о «поэтическомъ творчествѣ Майкова»: «Ты говоришь, что, помня наизусть мои стихи, не помнишь ни одного Майковскаго; я говорю то же самое по отношенію къ тебѣ. Что же касается до Майкова, то онъ несомнѣнно трудолюбивый, широко образованный и искусный русскій писатель, онъ не то, что иной нашъ братъ-самоучка, въ родѣ Кольцова—раздобылся карандашомъ да клочкомъ бумаги, и ну рисовать. Нѣтъ, студія Майкова снабжена всевозможными матеріалами и приспособленіями. Это скорѣе оптовый магазинъ, чѣмъ переносная лавочка, но въ этомъ магазинѣ не найдешь той бархатной наливки, какою подчасъ угоститъ русская хозяйка не претендующая ни на какія отличія. Если музъ слѣдуетъ титуловать, такъ нашимъ слѣдуетъ писать: ваше благородіе, а майковскую надо титуловать—ваше высокостепенство». Эта «высокостепенность» Майкова отразилась въ блестящей отдѣлкѣ его стиховъ, не знающей равной себѣ, и въ холодной логичности ихъ содержанія. Въ одномъ стихотвореніи «Двойникъ» онъ рисуетъ своего двойника, и эту характеристику цѣликомъ можно примѣнить къ его музѣ: «безъ сердца, безъ страсти и съ вѣчно-холодной логической рѣчью». Въ Майковѣ художникъ всецѣло побѣдилъ человѣка, и все, что онъ видитъ или переживаетъ самъ, ему интересно лишь какъ объектъ для искусства. Рисуетъ ли онъ родной пейзажъ, или римскую Кампанію, онъ равно спокоенъ, объективенъ и изященъ, а его стихъ такъ же блестящъ, выточенъ, «отчеканенъ», по опредѣленію Фета,—и также холоденъ. Въ цѣломъ томѣ его лирическихъ произведеній намъ не запомнилось ни одного страстнаго крика, рѣзкаго, гнѣвнаго движенія души, — все время образъ поэта рисуется холоднымъ, спокойнымъ и уравновѣшеннымъ. Форма слишкомъ тяготѣетъ надъ Майковымъ, который и самъ признаетъ свою слабость къ формѣ, и потому «полировалъ и шлифовалъ» свои стихи до того, что отъ непосредственности вдохновенія и слѣда не оставалось.

Холодность поэіи Майкова зависитъ, конечно, не только отъ пристрастія его къ формѣ, а лежитъ гораздо глубже, въ его натурѣ, лишенной горячаго темперамента, и въ его преобладающей надъ всѣмъ разсудочности. Онъ избралъ себѣ поэтому тотъ отдѣлъ, въ которомъ не имѣетъ себѣ равнаго,—его стихотворенія «въ антологическомъ родѣ» и «подражанія древнимъ» производятъ впечатлѣніе древнихъ мраморныхъ изваяній по недосягаемому совершенству и блеску формы. Какъ время оказалось безсильно предъ вѣчными произведеніями античной скульптуры, такъ безсильно оно и предъ этими, поистинѣ, безсмертными стихотвореніями Майкова. Древній міръ, такой далекій и чуждый намъ, привлекалъ Майкова прежде всего своей законченностью, все въ немъ представлялось ему вылитымъ въ тѣ удивительныя формы, въ какихъ онъ сохранился для грядущихъ поколѣній, которымъ нечего прибавлять къ нимъ, остается только любоваться и подражать имъ. Для двухъ лучшихъ своихъ вещей онъ взялъ сюжетъ изъ древности. Поэма «Три смерти» и трагедія «Два міра», безспорно, лучшее и наиболѣе содержательное наслѣдство, оставленное намъ Майковымъ, и въ обоихъ произведеніяхъ все та же античность, такъ приковавшая къ себѣ Майкова. И въ этихъ произведеніяхъ опять-таки блестяще и сильно изображена античность языческая, такъ какъ христіане въ «Двухъ

мірахъ» гораздо слабѣе въ художественномъ отношеніи чѣмъ Децій или Люцій и Луканъ въ «Трехъ смертяхъ». Чтобы представить древнее христіанство, надо проникнуть сердцемъ въ духъ его, недостаточно понимать его умомъ, а Майковъ былъ «великимъ язычникомъ», которому понятенъ и близокъ духъ

Олимпа грознаго властителей священныхъ,
Весталокъ дѣвственныхъ, вакханокъ изступленныхъ,
Брадатыхъ риторовъ и консульскихъ мужей,
Толпѣ вѣщающихъ съ простертыми руками.

Впервые онъ почувствовалъ всю обаятельность этихъ образовъ и грезилъ о нихъ еще въ дни юности, о которыхъ говоритъ въ томъ же стихотвореніи («Послѣ посѣщенія Ватиканскаго музея»):

Еще въ младенчествѣ любилъ блуждать мой взглядъ
По пыльнымъ мраморамъ потемкинскихъ палатъ.
Тамъ, въ залѣ царственномъ, межъ пышными столбами,
Увитыми кругомъ сребристыми листами,
Какъ часто я стоялъ и съ думой, и безъ думъ,
И съ строгой красотой дружилъ свой юный умъ.

Съ тѣхъ поръ эта «строгая красота» стала единственнымъ его кумиромъ, и все, что имъ написано въ честь этой богини, дѣйствительно прекрасно. А христіанство, отрицавшее именно эту красоту, не вдохновило его, и насколько блестящи и художественны образы римлянъ, представителей умирающаго Рима, настолько же блѣдны, шаблонны, можно сказать трафаретны его христіане. Его Лида и Марцеллъ, при сравненіи съ такимъ законченнымъ и художественнымъ образомъ, какъ Децій,—безплотны и мертвы. Это схемы, а не живые люди, также какъ и остальные христіане, чего никакъ нельзя сказать о гетерахъ, сенаторахъ, философахъ, выведенныхъ въ сценѣ пира. Здѣсь каждое лицо живетъ, каждое—индивидуально, тогда какъ въ сценѣ въ Катакомбахъ только по ярлыкамъ отличаешь дѣйствующихъ лицъ. Язычники говорятъ у Майкова языкомъ истинно классическимъ по силѣ выраженія, сжатости, образности и внутренней энергіи, а христіане—чуть ли не прописной моралью отвѣчаютъ на глубокія и чудныя по красотѣ рѣчи Деція. «Для нихъ вѣдь камни эти нѣмы», замѣчаетъ о нихъ послѣдній,—эти слова можно примѣнить къ самому Майкову, для котораго катакомбы тоже были нѣмы, по крайней мѣрѣ, не вдохновили его такъ, какъ форумъ и Капитолій. Вдохновленный красотой величавыхъ преданій, связанныхъ съ античной культурой, Майковъ оживляетъ представителей этой культуры, облекая ихъ въ такіе чудные образы, что всѣ симпатіи наши на ихъ сторонѣ, когда, напр., Люцій говоритъ въ «Трехъ смертяхъ»:

Бываютъ точно времена
Совсѣмъ особеннаго свойства.
Себя не трудно умертвить,
Но жизнь понявъ, остаться жить—
Клянусь, не малое геройство!

Этотъ героическій духъ вызываетъ невольное волненіе въ читателѣ и восхищеніе поэтомъ, такъ глубоко постигшимъ лучшія стороны античности. А вотъ для сравненія одно изъ особо важныхъ мѣстъ въ рѣчи христіанина Марцелла въ «Двухъ мірахъ», обращенной къ собравшимся въ катакомбахъ христіанамъ, чтобы выслушать эдиктъ Нерона о преслѣдованіи. Кажется, моментъ достаточно сильный и возвышенный, и какъ слабо выраженъ онъ у поэта:

Зоветъ
Насъ нынѣ Богъ на преставленье
Его любви, Его щедротъ,
И на свидѣтельство предъ міромъ,
Что онъ есть духъ, и Онъ одинъ
Земли и неба властелинъ,
Что честь ему, а не кумирамъ,
Кумиръ же, чей бы ни былъ онъ,
Рукою смертной сотворенъ.
Идемъ предъ кесаря. Поставленъ
Отъ Бога—онъ царемъ племенъ.

Во всемъ, чѣмъ можетъ быть прославленъ
Онъ на землѣ и вознесенъ—
Побѣдой надъ неправдой, славой
Въ защитѣ сирыхъ, торжествомъ
Хотя-бъ меча и мзды кровавой
Надъ буйной силой, надъ врагомъ
Ему повѣреннаго царства,—
Служить ему намъ Богъ судилъ
Всѣмъ сердцемъ, до послѣднихъ силъ,
Безъ лжи, безъ всякаго коварства,—и т. д.

Словомъ, настоящая проповѣдь на текстъ «нѣсть власть, аще не отъ Бога». Но гдѣ же здѣсь поэзія, гдѣ вдохновеніе, которымъ долженъ пламенѣть Марцеллъ, возбуждающій христіанъ на казнь и муки?

И такъ вездѣ, какъ только Майковъ удаляется отъ античности, отъ «строгой красоты» ея, его покидаетъ духъ поэзіи, и онъ впадаетъ въ реторику. Таковы его всѣ патріотическія произведенія, историческія и религіозныя. Въ нихъ онъ «искусный русскій писатель», даже слишкомъ искусный, такъ какъ въ гладкихъ вылощеныхъ стихахъ пишетъ передовицы на заданную тему. Это особенно замѣтно въ его произведеніяхъ послѣдняго двадцатипятилѣтія, когда онъ выступаетъ какъ почти оффиціальный бардъ, звономъ лиры привѣтствующій разнообразныя торжества. Таковы эти «Отзывы исторіи», «Юбилеи», и проч. Даже родина мало занимаетъ его, и если исключить нѣсколько всѣмъ извѣстныхъ по хрестоматіямъ стихотвореній, посвященныхъ роднымъ пейзажамъ, да, пожалуй, «Рыбную ловлю», то въ четырехъ компактныхъ томахъ его стихотвореній не найдется ничего «родного». Въ этомъ отношеніи Майковъ представляетъ любопытный примѣръ поэта, который уединился душой отъ окружающаго міра и ушелъ всецѣло въ міръ отдаленный и чуждый для всѣхъ, кромѣ него. Въ мірѣ античности онъ свой человѣкъ, ему все говоритъ здѣсь на родномъ языкѣ, вызывающемъ отклики въ сердцѣ. Окружающую живую дѣйствительность онъ понимаетъ только умомъ, но не воспринимаетъ сердцемъ. Онъ сознательно, по здравомъ размышленіи беретъ изъ нея ту сторону, которая ему представляется болѣе разумной, здѣсь онъ трезвенный, разсчетливый человѣкъ, и какъ «искусный русскій писатель», пользуется своимъ даромъ стихотвовторца, какъ опытный чиновникъ пользуется своимъ умѣньемъ писать хорошо требуемыя въ данную минуту бумаги. Но поэтъ Майковъ стоитъ въ сторонѣ отъ этой работы дня, ревниво оберегая тотъ чудный уголокъ, который населенъ въ его воображеніи не меркнущими образами древней Эллады и Рима.

Вотъ почему Майковъ—поэтъ для немногихъ избранныхъ, раздѣляющихъ съ нимъ его вкусъ и чуткихъ къ его господствующему настроенію. Онъ все дальше и дальше уходитъ отъ насъ въ ряды классическихъ авторовъ, весьма чтимыхъ, но мало читаемыхъ. Въ то время какъ Фетъ становится современному читателю все болѣе близкимъ, расширяетъ свое вліяніе и увлекаетъ все больше интимностью, свѣжестью и разнообразіемъ своего настроенія,—Майковъ все больше и больше каменѣетъ, какъ бы превращаясь въ одну изъ тѣхъ великолѣпныхъ статуй, что еще въ дѣтствѣ неотразимо приковывали къ себѣ его вниманіе, когда онъ бродилъ по заламъ потемкинскихъ палатъ, гдѣ

Антики пыльные живыми мнѣ казались,
Какъ будто бы и мысль, и чувство въ нихъ скрывались...

А декадентская муза не унываетъ и, несмотря на общее къ ней пренебреженіе, продолжаетъ на страницахъ «Міра Искусства» удивлять міръ новыми и новыми потѣшными образчиками своего творчества. Послѣдній номеръ въ этомъ отношеніи особенно любопытенъ. Здѣсь собрались вкупѣ всѣ представители «новаго» искусства, всѣ офиціозные жрецы «новой красоты». Во главѣ ихъ идетъ «самъ» г. Мережковскій, сей неустрашимый архистратигъ декадентскаго воинства, подъявшій свое копіе необорное на антихриста, и поучаетъ вѣрныхъ:

Не плачь о неземной отчизнѣ,
И помни—болѣе того,
Что есть въ твоей мгновенной жизни,
Не будетъ въ смерти ничего...

И далѣе заканчиваетъ:

Ты самъ—свой Богъ, ты самъ—свой ближній.
О, будь же собственнымъ Творцомъ,
Будь бездной верхней, бездной нижней,
Своимъ началомъ и концомъ.

Можетъ быть, кому-нибудь это покажется не совсѣмъ христіанскимъ, но не слѣдуетъ забывать, что г. Мережковскій—нынѣ архистратигъ, а потому и позволяетъ себѣ нѣкое кокетство съ «бездной верхней, бездной нижней», какъ въ другомъ стихотвореніи, страницей выше, онъ обращается съ Богомъ совсѣмъ за панибрата:

Душа моя и Ты, съ Тобой одни мы оба,
Всегда лицомъ къ лицу, о мой послѣдній Врагъ.
Къ Тебѣ мой каждый вздохъ, къ Тебѣ мой каждый шагъ,
Въ мгновенномъ блескѣ дня и въ вѣчной тайнѣ гроба,
И въ буйномъ ропотѣ Тебя за жизнь кляня,
Я все же знаю—Ты и я одно и то же.

Вдохновленный, должно быть, такимъ настроеніемъ г. Мережковскаго, вопіетъ за нимъ г. Соллогубъ:

Быть съ людьми—какое бремя!
О, зачѣмъ же надо съ ними жить!
Отчего нельзя все время
ары дѣять, тихо ворожить...

Разстроенный такимъ «бытіемъ» и невозможностью все время «чары дѣять, тихо ворожить», злополучный г. Соллогубъ начинаетъ «тихо бредить»:

Мой ландышъ бѣдный вянетъ,
Но его смерть не больная.
Его ничто не обманетъ,
Потому что онъ хочетъ, не зная,—
И чего хочетъ, то будетъ,
Чего не будетъ, не надо.
Ничто его не принудитъ,
И увяданье ему отрада.
Единая Воля повсюду,
И къ чему мои размышленья!
Надо повѣрить чуду
Единаго въ мірѣ хотѣнья.

Отказавшись отъ размышленія, г. Соллогубъ, тѣмъ не менѣе, не безъ претензій, заявляетъ на слѣдующей страницѣ, что «гдѣ сознанью возникнуть, тамъ—я». Обращаетъ на себя вниманіе въ этихъ произведеніяхъ новой музы отсутствіе размѣра, то, что прежде нѣмцы называли «Knietelverse», или—дубовыми стихами. Такими же стихами пишетъ и г-жа Гиппіусъ, замѣнивъ стихъ тоническій—стихомъ безъ размѣра:

Тебя привѣтствую, мое пораженіе,
Тебя и побѣду я люблю равно;
На днѣ моей гордости—лежитъ смиреніе,
И радость, и боль—всегда одно.

Эта новая безформенная форма больше всего подходитъ къ принципу декадентства—никакихъ ограниченій для моего «я», которое каждый изъ поэтовъ этого направленія воспѣваетъ на всѣ лады. Вездѣ фигурируетъ это «я» во всѣхъ видахъ и положеніяхъ. Пальму первенства въ этомъ отношеніи отбилъ у г-жи Гиппіусъ и другихъ г. Бальмонтъ, который, ни мало не смущаясь, рекомендуетъ себя такъ:

Я—изысканность русской медлительной рѣчи,
Предо мною другіе поэты—предтечи;
Я впервые открылъ въ этой рѣчи уклоны,
Перепѣвные, гнѣвные, нѣжные звоны.

Я—внезапный изломъ,
Я—играющій громъ,
Я—прозрачный ручей,
Я—для всѣхъ и ни чей.
Переплескъ многопѣнный, разорванно-слитный,
Драгоцѣнные камни земли самобытной,
Переклички лѣсные зеленаго мая,
Все пойму, все возьму, у другихъ отнимая.
Вѣчно-юный, какъ сонъ,
Сильный тѣмъ, что влюбленъ
И въ себя, и въ другихъ,
Я—изысканный стихъ.

Свойственное г. Бальмонту «щегольство» и «необычайная развязность», по мѣткому опредѣленію г. Андреевскаго, достигли, кажется, предѣла, дальше котораго едва ли сможетъ подняться и самъ г. Бальмонтъ, не смотря на все свое «рѣзвое глубокомысліе» и безграничное шутовство.

Вся эта стихотворная чепуха, стихотворческое бѣснованіе и стихоплетная графоманія, дѣйствительно, могли внушить г. Андреевскому отчаянную мысль, что «шалунья» риѳма выродилась на землѣ и улетѣла навсегда въ заоблачный Парнасъ. На эту тему г. Андреевскій прочелъ лекцію въ пользу литературнаго фонда (давшую, увы!—рубль чистаго убытка) и затѣмъ помѣстилъ какъ статью въ томъ же «Мірѣ Искусства». Въ ней онъ силится доказать, что старая «метрическая лирика» отжила свое время, но «поэзія не омертвѣла». Только «прежняя лирика атрофировалась, обратилась въ рудиментарный отростокъ». Его доказательства сводятся къ двумъ положеніямъ: отсутствію большихъ поэтовъ за послѣднюю четверть вѣка и неудачности новыхъ попытокъ выразить современныя настроенія въ стихотворной формѣ. И то, и другое несомнѣнно справедливо, но отсюда еще далеко до «вырожденія риѳмы» вообще. Разъ поэзія, по его словамъ, «болѣе чѣмъ когда-либо снова вступаетъ въ свои права», то и форму, подходящую для себя, она найдетъ, отнюдь не отказываясь отъ метра и риѳмы, какъ не отреклись отъ нихъ всѣ до сего бывшіе поэты, которые въ своихъ произведеніяхъ отражали измѣненія въ поэтическихъ настроеніяхъ и направленіяхъ. Каждый изъ нихъ совершенствовалъ старыя формы, сохраняя отъ старыхъ то, что въ нихъ было хорошаго и вѣчнаго, и прибавляя нѣчто новое, свое. Конечно, дубовыя вирши, образчики которыхъ приведены выше, не замѣнятъ пушкинскаго ямба, и не офиціознымъ поэтамъ изъ «Міра Искусства» создать это новое. У нихъ нѣтъ ни таланта, ни содержанія, нѣтъ оригинальности прежде всего, а оригинальничаніе и кривляніе убили и то, что, быть можетъ, было въ каждомъ изъ нихъ въ зародышѣ. Такъ, по крайней мѣрѣ, случилось съ гг. Минскимъ и Мережковскимъ. Но не на нихъ вѣдь кончается свѣтъ. Они—давно уже умершіе; но мы въ правѣ ожидать, что долженъ прійти настоящій поэтъ, великій и новый, который дастъ міру,—не «Міру Искусства», сколько бы его ни субсидировали,—образцы новаго творчества, оригинальнаго по формѣ и содержанію, который выразитъ «тайны» современнаго поколѣнія, пойметъ его «слезы и муки» и выльетъ ихъ, по слову Фета, въ твореньи,

Гдѣ слово нѣмѣетъ, гдѣ царствуютъ звуки,
Гдѣ слышишь не пѣсню, а душу пѣвца,
Гдѣ духъ покидаетъ ненужное тѣло,
Гдѣ внемлешь, что радость не знаетъ предѣла,
Гдѣ вѣришь, что счастью не будетъ конца...

А. Б.

Опечатка. Въ статьѣ на «Разныя темы», іюнь, отд. II, стр. 12, въ первой строкѣ снизу *примѣчанія* напечатано: «англійскаго *экономиста*»; слѣдуетъ читать: «англійскаго *позитивиста*».

РАЗНЫЯ РАЗНОСТИ.

На родинѣ.

Изъ воспоминаній о Л. Н. Толстомъ. Интересныя свѣдѣнія о дѣятельности гр. Л. Н. Толстого, занимавшаго въ 1861—1862 гг. должность мирового посредника, сообщаетъ въ «Недѣлѣ» г. Д. У. Л. Н. Толстой горячо отстаивалъ интересы только что освобожденныхъ крестьянъ.

При этомъ Толстой всегда дѣйствовалъ самостоятельно и прямо, не обращая вниманія на то, что онъ своими распоряженіями можетъ возбудить противъ себя недовольство помѣщиковъ.

Постановляя рѣшеніе по какому-либо дѣлу не въ пользу помѣщика или помѣщицы, Толстой не любилъ оправдываться предъ ними или вообще входить съ ними въ какія-либо разсужденія.

— Если вамъ не нравится мое рѣшеніе,—обыкновенно заявлялъ Толстой недовольной сторонѣ,—то вы имѣете право жаловаться въ мировой съѣздъ и въ губернское присутствіе, я же по этому предмету объясняться не буду.

Когда помѣщикъ или помѣщица начинали волноваться и старались сказать съ своей стороны что-нибудь обидное Толстому, послѣдній спокойно отвѣчалъ:

— Всѣ лица, имѣющія дѣло съ мировымъ посредникомъ, обязаны ему уваженіемъ, а потому не должны ни говорить въ его присутствіи неприличныхъ вещей, ни писать ему по дѣламъ неприличныхъ писемъ. Въ противномъ случаѣ виновные подвергаются штрафу.

Какой-то помѣщикъ обратился къ Толстому съ просьбой не утверждать одного крестьянина въ должности волостного старшины. Въ отвѣтъ на эту просьбу Толстой писалъ: «До назначенія и смѣны волостного старшины помѣщикамъ нѣтъ никакого дѣла».

Конечно, симпатіи Толстого къ крестьянамъ были крайне непріятны для помѣщиковъ. Помѣщики заявили, что Толстой бросилъ между крестьянами и помѣщиками «сѣмя раздора» и окончательно разрушилъ «патріархальныя» отношенія между ними; что онъ производитъ волненіе среди крестьянъ, которые допускаютъ массу незаконныхъ дѣйствій по его внушенію и приказанію; будто бы и должностныя лица крестьянскаго управленія, съ цѣлью пріобрѣсти благоволеніе Толстого, не исполняютъ обязанностей, возложенныхъ на нихъ закономъ, и поэтому въ деревнѣ воцаряется совершенное безначаліе и развитіе безпорядковъ въ видѣ воровства, своеволія и т. п.

По какому-то имѣнію въ участкѣ Толстого возникъ вопросъ о перенесеніи крестьянскихъ усадьбъ, Толстой защищалъ интересы крестьянъ, но прочіе члены мирового съѣзда держали сторону помѣщика. Къ опредѣленному соглашенію Толстой и прочіе члены съѣзда не пришли, и потому окончательнаго по дѣлу постановленія, по словамъ самого Толстого, не состоялось. Между тѣмъ, черезъ

нѣкоторое время въ имѣніе является становой приставъ для приведенія въ исполненіе рѣшенія, состоявшагося, будто бы, именно въ то засѣданіе. Въ слѣдующее затѣмъ засѣданіе Толстой потребовалъ по этому поводу объясненій отъ съѣзда. Предсѣдатель и другіе мировые посредники стали напоминать о бывшихъ по дѣлу разсужденіяхъ и утверждали, что это рѣшеніе постановлено въ его же присутствіи. Толстой ушелъ изъ засѣданія, не подписавъ постановленій съѣзда; кромѣ того, онъ подалъ подробный докладъ по этому дѣлу губернскому начальству и просилъ, чтобы въ засѣданія крапивенскаго съѣзда назначали особаго чиновника отъ правительства, который слѣдилъ-бы за порядкомъ дѣйствій членовъ съѣзда. Съѣздъ же, въ свою очередь, просилъ, чтобы губернское начальство обязало Толстого не оставлять засѣданій, не подписавъ состоявшихся постановленій.

Гр. Л. Н. Толстой недолго оставался мировымъ посредникомъ. 26-го мая 1862 года указомъ Сената опредѣлено: артиллеріи поручика графа Льва Толстого по болѣзни уволить отъ предоставленной ему, по утвержденію Правительствующаго Сената, должности мирового посредника Крапивенскаго уѣзда.

Общество взаимопомощи рабочихъ въ Москвѣ. Въ Москвѣ возникаетъ Общество взаимопомощи лицъ, занимающихся въ механическомъ производствѣ. Проектъ устава этого Общества, выработанный группой рабочихъ-учредителей подъ руководствомъ прив.-доц. И. X. Озерова и В. Е. Дена, представленъ былъ мѣстной власти, со стороны которой встрѣтилъ полное одобреніе, послѣ чего былъ отправленъ на утвержденіе въ С.-Петербургъ. Въ настоящее время учредители Общества получили разрѣшеніе на устройство, въ теченіе нынѣшняго лѣта, совѣщательныхъ собраній для дальнѣйшаго ознакомленія съ разными сторонами предстоящаго имъ дѣла, подъ руководствомъ компетентныхъ лицъ, и вотъ какія свѣдѣнія о двухъ такихъ совѣщаніяхъ сообщаетъ московскій корреспондентъ «Торгово-Промышл. Газеты»: 27-го мая состоялось въ аудиторіи чайной Общества содѣйствія устройству общеобразовательныхъ народныхъ развлеченій, первое такое собраніе, на которомъ приглашенный рабочими А. Э. Вормсъ бесѣдовалъ съ ними по поводу содержанія посланнаго на утвержденіе устава перваго у насъ Общества взаимопомощи. Выяснивъ главную идею, положенную въ основу Общества и заключающуюся во взаимномъ страхованіи его членовъ путемъ образованія изъ ежемѣсячныхъ взносовъ извѣстной суммы для выдачи изъ нея пособія въ случаѣ болѣзни, смерти или безработицы, г. Вормсъ изложилъ въ краткихъ чертахъ историческое происхожденіе подобной идеи на Западѣ и главнымъ образомъ въ Англіи, гдѣ она примѣняется на практикѣ уже двѣсти лѣтъ, соотвѣтственно сравнительно болѣе раннему развитію въ этой странѣ обрабатывающей промышленности, вызывающей образованіе необезпеченнаго землею рабочаго класса. Въ Германіи, гдѣ та же идея примѣняется уже въ теченіе 60-ти лѣтъ, она вылилась въ формѣ государственнаго страхованія, которое, собирая съ рабочихъ всякихъ профессій обязательные взносы, выполняетъ тѣ же функціи, кромѣ, впрочемъ, одной—вознагражденія на случай безработицы. Отсутствіе этой послѣдней функціи объясняется, впрочемъ, невозможностью опредѣлить въ каждомъ частномъ случаѣ причину, по которой человѣкъ остался безъ работы, а также по отсутствію средствъ. По мнѣнію г. Вормса, Московское Общество взаимопомощи, уставъ котораго предусматриваетъ возможность вознагражденія членовъ, оставшихся также и безъ работы, находится въ особенно благопріятномъ положеніи, такъ какъ оно, объединяя лицъ одной и той же профессіи, даетъ имъ полную возможность выяснить въ каждомъ частномъ случаѣ истинную причину этого несчастія. То же единство профессіи создаетъ, кромѣ того, и другія важныя преимущества для будущей дѣятельности Общества. Такъ, одной изъ чрезвычайно трудныхъ его задачъ явится неизбѣж-

ная необходимость составленія точныхъ статистическихъ таблицъ о количествѣ несчастныхъ случаевъ всякаго рода съ членами Общества, о количествѣ смертей въ ихъ средѣ и т. д. Коснувшись далѣе значенія Обществъ взаимопомощи, г. Вормсъ указалъ, что при полномъ и удачномъ развитіи ихъ дѣлъ, подобныя организаціи, вліяютъ, во-первыхъ, на повышеніе заработной платы, такъ какъ даютъ возможность рабочему человѣку не спѣшить съ предложеніемъ своихъ рукъ (въ этомъ отношеніи иногда могутъ имѣть большое значеніе даже два—три дня); во-вторыхъ, тѣ же Общества содѣйствуютъ и уменьшенію числа самыхъ несчастныхъ случаевъ съ рабочими отъ неосторожнаго обращенія съ машинами. Объясняется подобный результатъ тѣмъ, что, замѣчая какую-либо опасную для жизни и здоровья деталь въ устройствѣ машинъ, рабочіе, если они состоятъ членами Общества, настойчиво укажутъ своему хозяину на необходимость огражденія опаснаго мѣста предохранительными приспособленіями, или же внимательно предупредятъ неопытнаго сотоварища объ ожидающей его опасности и научатъ его быть осторожнымъ. Сдѣлаютъ такъ они потому, что въ противномъ случаѣ расплачиваться за послѣдствія несчастія придется кассѣ ихъ же Общества.

Второе совѣщаніе рабочихъ механическаго производства, собравшихся въ воскресенье, 3-го іюня, въ количествѣ болѣе 100 человѣкъ, было посвящено бесѣдѣ о потребительныхъ Обществахъ, которую велъ по приглашенію рабочихъ секретарь бюро московскаго союза потребительныхъ Обществъ, В. И. Анофріевъ. Въ своей бесѣдѣ онъ остановился прежде всего на выясненіи тѣхъ причинъ, которыя вызываютъ къ жизни подобныя Общества и затѣмъ разсказалъ поучительную исторію иниціаторовъ потребительныхъ Обществъ роудэльскихъ рабочихъ (въ Англіи) и дальнѣйшаго блестящаго развитія этого дѣла какъ въ Англіи, такъ и въ другихъ странахъ Запада. Переходя къ Россіи, г. Анофріевъ отмѣтилъ значительное развитіе подобныхъ Обществъ со времени утвержденія правительствомъ нормальнаго ихъ устава (13-го мая 1897 г.) и затѣмъ подробнѣе остановился на условіяхъ, способствующихъ успѣху потребительскихъ начинаній. Въ концѣ бесѣды лекторъ познакомилъ слушателей съ главными принципами, положенными въ основу нормальнаго устава и въ заключеніе предложилъ слушателямъ избрать изъ своей среды небольшую коммиссію для предварительнаго изученія слѣдующихъ вопросовъ: 1) слѣдуетъ ли рабочимъ открыть одно центральное Общество для всей Москвы, или же удобнѣе открыть цѣлый рядъ подобныхъ Обществъ по разнымъ фабричнымъ районамъ столицы; 2) въ какихъ именно продуктахъ нуждаются болѣе всего рабочіе механическаго производства; 3) съ какимъ капиталомъ возможно было бы приступить къ открытію дѣйствій Общества; 4) какого размѣра долженъ быть паевой взносъ членовъ, а также и вступная плата. Свои заключенія по всѣмъ этимъ вопросамъ коммиссія должна будетъ затѣмъ представить собранію въ одно изъ воскресеній и тогда уже можетъ послѣдовать обсужденіе самаго вопроса о возможности открытія Общества потребителей.

Вторая половина совѣщанія была посвящена обсужденію двухъ интересныхъ вопросовъ, касавшихся явленій внутренней жизни рабочихъ механическаго производства и возбужденныхъ по иниціативѣ нѣкоторыхъ изъ рабочихъ. Прежде всего поставленъ былъ вопросъ о такъ называемыхъ «вспрыскахъ» новичковъ. Дѣло въ томъ, что, согласно укоренившемуся въ рабочей средѣ обычаю, каждый вновь принятый въ мастерскую новичекъ-рабочій вынуждается товарищами затратить отъ двухъ до трехъ рублей на угощеніе ихъ водкой. Отрицательныя стороны этого, по выраженію нѣкоторыхъ ораторовъ, «позорнаго» обычая, заключаются, во-1-хъ, въ томъ, что новичекъ чаще всего до полученія мѣста пробылъ безъ мѣста болѣе или менѣе долгое время и потому, не имѣя денегъ, долженъ въ подобныхъ случаяхъ прибѣгать къ невыгодному для себя займу;

во-2-хъ, пробывъ недѣлю или двѣ въ мастерской, онъ можетъ быть хозяиномъ уволенъ, какъ не подходящій работникъ и затѣмъ, поступая на новое мѣсто, долженъ снова тратиться на тѣ же «вспрыски»; въ-3-хъ, къ подобнымъ непроизводительнымъ и тяжелымъ затратамъ привлекаются безъ разбору также и люди, обремененные семьями, что является особенно возмутительнымъ, и наконецъ, въ-4-хъ, выпивая стаканъ вина по случаю «вспрысковъ» новичка, старые рабочіе нерѣдко кстати продолжаютъ выпивать и на свои собственныя деньги. Во время преній выяснилось, что обычай этотъ начинаетъ уже исчезать понемногу изъ нѣкоторыхъ мастерскихъ; по выраженію одного изъ говорившихъ, причину его слѣдуетъ искать въ «низкомъ уровнѣ нравственнаго и умственнаго развитія рабочей среды». Предложеніе, сдѣланное однимъ изъ рабочихъ о томъ, чтобы, не пропивая 2—3 рублей, взысканныхъ съ новичковъ, класть эти деньги въ особую кружку, ключъ отъ которой поручать выборному старостѣ, и выдавать затѣмъ наиболѣе нуждающимся изъ товарищей (хотя въ видѣ безпроцентной ссуды) и чтобы самое взысканіе денегъ происходило лишь послѣ первой получки заработка — собраніемъ было единогласно отвергнуто. Принимая затѣмъ во вниманіе, что никакихъ офиціальныхъ мѣръ со стороны администраціи мастерскихъ, фабричной инспекціи или полицейской власти противъ этого обычая, какъ таковаго, не можетъ быть принято, собраніе единогласно постановило: въ настоящемъ своемъ составѣ на будущее время никакого личнаго участія въ несправедливомъ обычаѣ «спрысковъ» не принимать, брать подъ свою защиту новичковъ, не соглашающихся платить вспрыски, и кромѣ того—дѣятельно пропагандировать среди товарищей мысль о вредѣ, несправедливости и позорности названнаго обычая.

Второй вопросъ касался другого обычая, но уже не зависящаго осъ воли самихъ рабочихъ, а издавна установившагося на фабрикахъ и заводахъ. Это—обыски рабочихъ при выходѣ ихъ изъ предѣловъ заведенія по окончаніи работы. Судя по высказаннымъ многими изъ участниковъ совѣщанія замѣчаніямъ подобные обыски признаются глубоко унижающими честь и достоинство рабочихъ, которыхъ всѣхъ поголовно какъ бы признаютъ ворами. Во время оживленныхъ преній по настоящему вопросу указывалось, что обыски прежде всего практикуются только надъ рабочими (но имъ не подвергаются служащіе), что на дѣлѣ они обыкновенно ни къ чему не ведутъ, такъ какъ наиболѣе крупныя кражи совершаются на фабрикахъ иными путями (напримѣръ, черезъ заборы и по большей части при помощи тѣхъ сторожей, которые обыски производятъ), что кражи совершаются нерѣдко самими же служащими, причемъ подозрѣніе падаетъ всегда на рабочихъ, что на нѣкоторыхъ фабрикахъ и заводахъ обычай этотъ уже отмѣненъ. Была высказана также и мысль о необходимости собрать статистическія данныя о числѣ кражъ и ихъ характерѣ, а также о матеріальномъ положеніи лицъ, изобличенныхъ уже въ этомъ преступленіи; подобныя данныя могли бы быть съ наибольшимъ удобствомъ собраны, напримѣръ, фабричными инспекторами.

Члены настоящихъ совѣщаній, несмотря на нѣкоторую тѣсноту помѣщенія и происходящую отъ того духоту, сохраняютъ образцовый порядокъ, терпѣливо выслушиваютъ своихъ ораторовъ-сотоварищей, собирающихся сюда изъ разнообразныхъ районовъ Москвы и съ напряженнымъ и серьезнымъ вниманіемъ относятся къ обсуждаемымъ вопросамъ.

Перерожденіе артели. Въ то время, какъ, при энергичномъ содѣйствіи «артельныхъ дѣлъ мастера» Н. В. Левитскаго, нашъ югъ покрывается сѣтью новыхъ артелей, прежнія либо совсѣмъ погибаютъ, либо превращаются въ учрежденія, ничего общаго съ идеальнымъ типомъ артели не имѣющія. Такъ

случилось въ послѣднее время, по словамъ «Южнаго Обозрѣнія», съ артелями, насаженными въ г. Николаевѣ. Большинство изъ нихъ, около десяти, лишенныя живительной силы общественнаго сочувствія и содѣйствія, совершенно завяли, и прахъ ихъ вѣтеръ развѣялъ, а тѣ, что остались въ живыхъ и прочно принялись, переродились въ синдикаты, задавшіеся цѣлью давить всякаго мастера однороднаго съ ними ремесла; въ особенности же объявили войну другимъ артелямъ той же отрасли производства. Я коснусь на этотъ разъ, пишетъ корреспондентъ названной газеты, одного лишь такого синдиката заготовщиковъ, сплотившихся, подъ видомъ артельщиковъ. Уже одинъ паевой взносъ членовъ этой якобы артели въ 200 руб. даже недальновидному челоловѣку говоритъ ясно, что тутъ не артелью пахнетъ: гдѣ же въ самомъ дѣлѣ видано у насъ, чтобы рабочіе могли вносить по 200 руб., гдѣ у нихъ взялись такія деньги? Соединилось ихъ 8 челов. съ капиталомъ въ 1.600 руб., но они могли бы собрать среди себя же капиталъ вдвое и втрое больше, если бы не боязнь, что тогда ихъ и люди довѣрчивые сразу разберутъ. А недовѣрчивые, какъ, напр , гг. Ш. и Р., давшіе первый толчокъ зарожденію у насъ артелей, раскусили ихъ съ первыхъ словъ и въ содѣйствіи своемъ подобной артели отказали, не то что Н. В. Левитскій, пріѣхавшій сюда на моментъ.

Подкупленный полнымъ благополучіемъ этой якобы артели—огромнымъ числомъ машинъ и кипѣвшей тамъ работой, а главное—бѣлыми фартухами на заправилахъ и названіемъ «артель», Н. В. Левитскій поспѣшилъ санкціонировать эту артель въ николаевскую семью артелей, а попечителя ихъ, котораго тоже подобрали себѣ по масти, ввелъ въ попечительный совѣтъ однимъ изъ членовъ этого совѣта. Не успѣлъ еще Н. В. Левитскій уѣхать, какъ артель синдикатъ проявила свои синдикатскіе когти: мальчики эксплуатировались самымъ безцеремоннымъ образомъ и вдобавокъ получали, какъ выразился сынъ одного изъ сочленовъ синдиката, довольно «мягкія» пощечины, так какъ онѣ наносились пухлой рукой одного изъ членовъ синдиката. Съ момента отъѣзда Н. В. Левитскаго началась борьба артели-синдиката съ 2-ой дѣйствительной артелью заготовщиковъ, не имѣвшей, къ несчастью, ни одного дипломированнаго сочлена, хотя въ составъ ея вошли лучшіе знатоки этого мастерства. Чтобы избавиться отъ преслѣдованій ремесленной управы, науськиваемой 1-ой артелью-синдикатомъ, лучшій во 2-ой артели мастеръ, въ то же время лучшій почти знатокъ этого дѣла во всемъ городѣ, рѣшилъ подвергнуться экзамену на званіе мастера, дабы этимъ избавить 2-ую артель отъ преслѣдованій ремесленной управы. Но не тутъ то было: оказалось, что одного знанія ремесла недостаточно для полученія аттестата, а требуется еще благоволеніе заправилъ ремесленныхъ управъ, которое важнѣе еще всякаго знанія. Несчастнаго подмастерья Н—ва стали жать и всячески прижимать,—заставили его принести въ управу ремесленную, гдѣ производился экзаменъ, весь необходимый инструментъ, начиная съ машины и кончая мраморнымъ камнемъ, заставили купить самый дорогой матеріалъ *шавро*, который не всегда и въ магазинахъ у насъ найдешь, а ботинокъ изъ этого матеріала въ Николаевѣ врядъ ли кому и видѣть приводилось, такъ какъ обувь эта обходится крайне дорого и имѣетъ сбытъ развѣ въ богатѣйшихъ центрахъ. Но это дѣлалось лишь съ цѣлью ввести въ большіе расходы и увеличить *шансы порчи*: товаръ этотъ такой нѣжный что малѣйшая случайность, чуть-чуть сильное приколачиваніе, и все дѣло испорчено. Экспертами въ данномъ случаѣ избраны были члены 1-ой артели-синдиката и заклятые враги второй артели, къ которой принадлежалъ экзаменовавшійся Н—овъ. Послѣдній не могъ не предвидѣть пристрастія со стороны первыхъ, а потому просилъ ремесленнаго старшину о назначеніи ему другихъ экспертовъ. Тутъ «ремесленная власть» посмѣялась надъ наивностью Н—ва и совершенно добродушно открыла передъ нимъ свои карты, заявивъ: «да зачѣмъ

вамъ себѣ голову морочить, васъ, все равно, не признаютъ мастеромъ, пойдите лучше работать въ первую артель заготовщиковъ».

Но Н—овъ все еще полагалъ, что можно отстаивать свое право въ нашихъ сгнившихъ, прокисшихъ ремесленныхъ управахъ. Онъ проситъ о назначеніи другихъ экспертовъ и ему назначаютъ опять таки членовъ синдиката. Долго боролся со всякими невзгодами Н—овъ, отстаивая интересы 2-ой дѣйствительной артели заготовщиковъ, но, не встрѣчая ни откуда поддержки слабымъ своимъ силамъ, палъ подъ тяжестью этихъ нравственныхъ мукъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ распалась и артель. Возникаетъ передъ членами 2 ой артели заготовщиковъ вопросъ: куда дѣться? Отвѣтъ одинъ—пойти *съ повинной* къ синдикату. Послѣдній милостиво беретъ ихъ въ число своихъ членовъ, на правахъ получленовъ съ восьмушкой, безъ права участія въ прибыляхъ и убыткахъ, какъ это занесено въ одинъ изъ синдикатскихъ протоколовъ, за № 10 отъ 12-го мая; этимъ хитросплетеніемъ получлена съ восьмушкой безъ участія въ прибыли и убыткахъ синдикатъ добился затаенныхъ своихъ цѣлей: заполучить трудъ работниковъ дешевле, чѣмъ они его имѣли до образованія синдиката. А мальчики? каково положеніе мальчиковъ въ этомъ синдикатѣ? Достаточно сказать, что тѣ изъ нихъ, которымъ 2-ая артель платила по 3 руб. въ мѣсяцъ, сознавая, что эта оплата все-же ниже ими заслуживаемой, приняты въ синдикатъ якобы на пробу и лишены всякой платы.

Къ характеристикѣ «Губернскихъ Вѣдомостей». Въ виду того, что вопросъ о преобразованіи «Губернскихъ Вѣдомостей» поставленъ на ближайшую очередь, интересъ къ органамъ прессы этого типа въ послѣднее время особенно оживился. И вотъ какую любопытную характеристику «Курскимъ Губернскимъ Вѣдомостямъ» даютъ С.-Петербургскія Вѣдомости». Послѣ того, какъ прекратилъ свое существованіе «Курскій Листокъ» вслѣдствіе придирокъ къ издателю, остались «Курскія Губерн. Вѣдом.» — маленькая и ничтожная газетка, имѣющая всего нѣсколько сотенъ подписчиковъ, добытыхъ полицейскими мѣропріятіями и редактируемая фельдшеромъ-массажистомъ, не написавшимъ за два года редактированія ни одной строчки для печати.

Подписчики на «Вѣдомости» добываются довольно страннымъ путемъ. Исправникамъ посылаются циркулярныя посланія «собрать подписчиковъ» въ уѣздѣ въ возможно большемъ количествѣ. Но такъ какъ обыватель, обыкновенно, очень туго поддается увѣщанію о подпискѣ на «Курскія Губернскія Вѣдомости» и исправникамъ приходится мало «давать подписчиковъ», то затѣмъ препровождаются новыя циркулярныя посланія съ требованіемъ разъяснить обывателю, что «Курскія Губернскія Вѣдомости» теперь издаются хорошо и что газета эта очень интересна, а по сему, въ интересахъ же обывателя, побудить его подписаться на вышеупомянутую газету. Для поощренія въ этомъ отношеніи однихъ исправниковъ и въ назиданіе другимъ ежемѣсячно печатаются и разсылаются вѣдомости о числѣ подписчиковъ въ уѣздѣ, причемъ тѣ уѣзды, которые дали сравнительно достаточное количество подписчиковъ на «Вѣдомости», отмѣчаются въ пику другимъ исправникамъ красивымъ, крупнымъ и краснымъ шрифтомъ, а уѣзды съ малымъ числомъ подписчиковъ обозначаются обыкновеннѣйшимъ мелкимъ и чернымъ шрифтомъ. «Вѣдомости» эти также расклеиваютъ на видныхъ мѣстахъ при полицейскихъ участкахъ среди разныхъ другихъ дѣловыхъ объявленій. Но на этомъ еще не кончается просвѣтительная дѣятельность курскихъ исправниковъ. Имъ еще вмѣняется въ обязанность какъ самолично писать корреспонденціи изъ уѣздовъ, такъ равно и находить «тихихъ и благонравныхъ» обывателей «на предметъ» писанія корреспонденцій въ «Курскія Губернскія Вѣдомости», — по возможности безплатно или же по условію съ редакціей (условія же очень простыя — по 1 копѣйкѣ за строку

избраннымъ сотрудникамъ). Нѣкоторые исправники доносили своему начальству, что таковыхъ обывателей, т.-е. «тихихъ и благонравныхъ», при самыхъ тщательныхъ розыскахъ, въ уѣздѣ не оказалось!.. Такимъ исправникамъ предписывается самимъ не менѣе одного раза въ мѣсяцъ присылать корреспонденціи въ «Губернскія Вѣдомости», причемъ имъ посылаются конверты съ отпечатанными адресами и подробнѣйшія, на нѣсколькихъ страницахъ, инструкціи, что должно составлять «предметъ» корреспонденцій «Курскихъ Губернскихъ Вѣдомостей». О добровольномъ отношеніи курянъ къ этой газетѣ можетъ свидѣтельствовать розничная продажа: газета расходится не болѣе 5—6 экземпляровъ въ день.

Среди голодающихъ. «Южное Обозрѣніе» сообщаетъ довольно-таки странныя подробности о поѣздкѣ г-жи Успенской въ Елизаветградскій уѣздъ, стяжавшій въ нынѣшнемъ году слишкомъ громкую извѣстность.

Получивъ 1.000 р. пожертвованій, г-жа Успенская поспѣшила отправиться въ злосчастную Злынку, о которой такъ много писалось. Въ Злынкѣ г-жа Успенская предприняла обходъ всѣхъ хатъ, для провѣрки нужды. «Я была уже въ нѣкоторой степени подготовлена,—пишетъ г-жа Успенская,—встрѣтить здѣсь нужду, но такого разоренія, какое мнѣ пришлось увидѣть при обходѣ, я не ожидала. Въ большинствѣ случаевъ на дворахъ—полная пустота, не видно ни хозяйственнаго инвентаря, ни малѣйшаго признака какого-либо топлива-кизяка, соломы или курая; у нѣкоторыхъ раскрыты крыши, не видно никакихъ живыхъ существъ этой обычной принадлежности каждаго двора—свиней, куръ, кошекъ, собакъ. Въ хатахъ та же пустота; не покрытые столы, голыя лавки, на кроватяхъ, вмѣсто постелей, набросано кое-какое тряпье. Такое же впечатлѣніе вынесли и другія лица, обходившія остальныя три части Злынки. Большихъ помѣщичьихъ имѣній, куда требовались бы кустари, по близости нѣтъ, единственнымъ мѣстомъ, гдѣ можно заработать 20 коп. въ день, являются свекловичныя поля сосѣдняго, въ 5 верстахъ, сахарнаго завода; но туда изъ всѣхъ окрестныхъ деревень сбѣгается такая масса желающихъ получить работу, что большинству приходится возвращаться домой ни съ чѣмъ.

Выбирались для продовольственной помощи, прежде всего, конечно, самые бѣдные, не имѣющіе никакого скота, и такихъ оказалось 772 двора. Затѣмъ безлошадные, имѣющіе одну корову или одну лошадь безъ коровы. Надъ обладателями одной лошади и одной коровы приходилось уже задумываться, но при первой же попыткѣ исключить ихъ изъ списка начинался такой плачъ, что рука не поднималась вычеркнуть записанный дворъ. Еще больше приходилось задумываться надъ двухлошадными и особенно тщательно разсматривать ихъ семейное положеніе. Оставлены только большія семьи съ 5—7 малолѣтними, съ хозяиномъ, не имѣющимъ посторонняго заработка. Нѣкоторые изъ такихъ хозяевъ продали корову, единственную кормилицу дѣтей, и купили вторую лошадь; другіе съ той же цѣлью заложили свои и женины шубы, праздничныя одежды.

Въ средней полосѣ Россіи крестьянину съ одною лошадью еще кое-какъ можно прожить, здѣсь же на югѣ, благодаря болѣе тяжелой почвѣ, требующей для обработки пару лошадей или пару воловъ, по мѣткому замѣчанію одного изъ крестьянъ, остаться съ одной лошадью все равно, что остаться человѣку съ одной ногой. Такимъ образомъ, пришлось записать 38 дв. двухлошадныхъ.

Осмотрѣно и записано 1.265 дворовъ: изъ нихъ 772 оказались безъ всякаго скота; безъ лошади, но съ одной коровой—144 двора, съ одной лошадью—206, съ одной лошадью и одной коровой—105 дворовъ. Пайковъ было роздано на 2.950 человѣкъ. Такъ какъ у большинства не было топлива, то имъ выдавался уже печеный хлѣбъ.

Благодаря этой помощи, пишетъ г-жа Успенская, получившіе паекъ будутъ недоѣдать въ теченіе 12 — 15 дней, а безъ нея они голодали бы, и я смѣло могу сказать, что большой грѣхъ берутъ себѣ на душу тѣ, кто увѣряетъ, что здѣсь нѣтъ голода. Земскій начальникъ Долинскій, узнавъ о пріѣздѣ г-жи Успенской, допрашивалъ у крестьянина, у котораго г-жа Успенская остановилась, и у поставщика провизіи, зачѣмъ эта дама пріѣзжала.

Наконецъ, земскій начальникъ лично свидѣлся съ г-жей Успенской и между ними произошелъ, такой разговоръ:

— Позвольте узнать цѣль вашего пріѣзда сюда?

— Пріѣхала кормить голодныхъ.

— Имѣете на это разрѣшеніе?

— Нѣтъ, не имѣю никакого разрѣшенія, и считаю его лишнимъ въ такомъ дѣлѣ, какъ кормленіе голоднаго; это—право и обязанность каждаго человѣка.

— Но развѣ вамъ не извѣстно, что въ нашей губерніи это запрещено для частныхъ лицъ?

— Мнѣ извѣстно, что нѣтъ закона, запрещающаго кормить голоднаго. Въ Самарской губерніи и въ Бессарабіи я кормила безъ всякаго разрѣшенія; если же въ Херсонской губерніи запрещаютъ это на основаніи какихъ-то временныхъ правилъ, то слѣдовало опубликовать эти правила для всеобщаго свѣдѣнія.

— Были вы у исправника или уполномоченнаго Краснаго Креста Реутскаго? Быть можетъ, они дали бы вамъ словесное разрѣшеніе?

— Нѣтъ, не была.

— Затѣмъ я долженъ еще спросить у васъ: до насъ дошло извѣстіе, что вы—уполномоченная отъ великаго князя. Правда-ли это?

— Нѣтъ неправда: никто изъ великихъ князей никакихъ мнѣ полномочій не давалъ.

— Но, въ такомъ случаѣ, вы подрываете всю правительственную систему?

— Не понимаю, какимъ образомъ такое скромное дѣло, какъ кормленіе голоднаго, можетъ подрывать правительственную систему.

— Скажите совершенно откровенно, не скрывайте того, что вы — уполномоченная великаго князя: въ такомъ случаѣ мы будемъ оказывать вамъ всякое содѣйствіе.

— Говорю совершенно откровенно, что ни отъ кого никакихъ полномочій не получала.

— Такъ я долженъ буду телеграфировать о васъ губернатору.

— Сдѣлайте одолженіе.

— Отвѣтъ можетъ получиться, самое большее, дня черезъ три. Обѣщайте мнѣ не уѣзжать отсюда въ теченіе трехъ дней для дальнѣйшей помощи голодающимъ.

— Охотно обѣщаю, такъ какъ меньше, чѣмъ въ 3—4 дня, мнѣ едва ли удастся покончить здѣсь съ дѣломъ.

— А затѣмъ?

— Затѣмъ поѣду дальше.

— На какія средства вы кормите?

— На средства добрыхъ людей.

— Кого же именно?

— Это будетъ помѣщено въ моемъ отчетѣ и напечатано въ газетахъ.

— Такъ вы серьезно не отъ великаго князя?

— Совершенно серьезно.

На этомъ мы разстались.

Адскія машины. Въ предстоящую іюльскую сессію екатеринбургскаго окружного суда съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей предстоитъ, по словамъ

«Урала», разборъ крайне интереснаго для всего края дѣла, по которому обвиняются нѣсколько жителей баранчинскаго завода изъ числа послѣдователей секты «іеговистовъ» за убійство и покушеніе на убійство путемъ подметыванія адскихъ машинъ, начиненныхъ жидкимъ динамитомъ.

Въ прошломъ году уже сообщалось о найденныхъ на улицахъ Кушвинскаго и Нижне-Тагильскаго заводовъ адскихъ машинахъ и о полученіи ихъ разными лицами, въ томъ числѣ и однимъ православнымъ священникомъ. Адскія машины эти представлялись въ видѣ обыкновеннаго ящика-футляра отъ карманныхъ часовъ или въ видѣ деревяннаго портсигара, съ кнопкой для открыванія. Внутри ящичка былъ заключенъ сильнѣйшій зарядъ жидкаго динамита, надъ которымъ былъ помѣщенъ ударникъ, сдерживавшійся сильной пружиной. При желаніи открыть ящикъ необходимо нажать кнопку, которая соединена съ пружиной. Пружина соскакивала и происходилъ страшнѣйшій взрывъ, могшій сразу убить нѣсколько человѣкъ. Всѣхъ патроновъ было найдено 8: изъ нихъ часть въ Нижнемъ-Тагилѣ, часть въ Кушвѣ, причемъ одни были доставлены на квартиры разныхъ лицъ, другіе брошены на людныхъ улицахъ. По счастію, въ виду циркулировавшихъ слуховъ о чемъ то недобромъ, замышляемомъ іеговистами, никто изъ получившихъ или нашедшихъ адскія машины не пробовалъ ихъ открыть и одинъ лишь сельскій сотскій, приведшій въ Тагилъ арестанта и нашедшій патронъ у волостного правленія, сдѣлался жертвой своей неосторожности и любопытства—его убило наповалъ. Послѣ этого убійства всѣ хранившіеся у разныхъ лицъ динамитные патроны были препровождены судебными властями и начались розыски и слѣдствіе, нынѣ уже законченное, коимъ удалось обнаружить всѣхъ виновныхъ въ составленіи адскаго плана, исполненіи машинокъ, подбрасываніи ихъ на улицахъ, а также получить сознаніе въ совершеніи этихъ дѣяній и мотивировку таковыхъ. Главнѣйшіе виновные содержатся въ екатеринбургской тюрьмѣ въ числѣ четырехъ человѣкъ.

Вскрытіе адскихъ машинокъ было произведено въ Кушвѣ и Екатеринбургѣ и сопровождалось большими предосторожностями. Въ Кушвѣ патроны эти были вскрыты тремя спеціалистами минныхъ работъ—горными инженерами: кнопка не трогалась и съ помощью особаго инструмента удалось вскрыть верхнюю часть патрона и вынуть динамитъ. Желая удостовѣриться въ силѣ дѣйствія адской машины, одинъ патронъ былъ взорванъ, причемъ взрывъ былъ произведенъ такъ: машинка была помѣщена въ вырѣзкѣ древеснаго пня и надъ ней помѣстили ударную балду на веревкѣ; совершители взрыва отошли на 60 саженей и пустили веревку. Взрывъ былъ ужасенъ—балда и пень разлетѣлись въ щепки.

За мѣсяцъ. 5 іюня Ея Императорское Величество Государыня Императрица Александра Θеодоровна благополучно разрѣшилась отъ бремени рожденіемъ дочери, нареченной *Анастасіей.*

Этотъ радостный для царской семьи день ознаменованъ былъ слѣдующимъ Высочайшимъ повелѣніемъ, разрѣшавшимъ *судьбу студентовъ, отданныхъ въ солдаты* на основаніи «временныхъ правилъ»:

«Государь Императоръ въ неизреченной Своей милости и въ любвеобильномъ снисхожденіи къ увлеченіямъ учащейся молодежи, 5 іюня 1901 года, Высочайше повелѣть соизволилъ:

«1) Студентовъ Императорскихъ университетовъ, уволенныхъ изъ сихъ заведеній за участіе въ безпорядкахъ, и отбывающихъ въ настоящее время воинскую повинность въ видѣ наказанія, которые имѣютъ по семейному положенію льготу 1 разряда или имѣютъ тѣлесные недостатки, дѣлающіе ихъ неспособными къ службѣ въ строю, нынѣ же уволить отъ обязательной службы.

«2) Всѣхъ остальныхъ студентовъ, отбывающихъ нынѣ воинскую повинность

въ видѣ наказанія, возстановить въ правахъ по отбываніи сей повинности, безъ отношенія къ назначенному имъ сроку службы въ войскахъ.

«3) Въ видѣ изъятія изъ закона считать срокъ службы всѣмъ студентамъ, отбывающимъ нынѣ воинскую повинность въ видѣ наказанія, съ перваго числа мѣсяца, слѣдующаго за ихъ поступленіемъ на службу».

— Университетскіе совѣты, которымъ было поручено высказаться *о преобразованіи высшей школы*, успѣли уже обсудить предложенные имъ вопросы и придти по нимъ къ опредѣленнымъ рѣшеніямъ. Насколько можно судить о результатахъ этихъ совѣщаній по свѣдѣніямъ, проникшимъ въ газетную прессу, планъ реформы, въ основныхъ ея положеніяхъ, можетъ считаться выработаннымъ и предрѣшеннымъ, причемъ въ общемъ, какъ этого и слѣдовало ожидать, онъ повторяетъ принципы университетскаго устава 1863 г. Вотъ, напримѣръ, главныя основанія реформы, намѣченныя совѣтомъ московскаго университета: 1) деканъ, ректоръ, точно также какъ и всѣ профессора занимаютъ свои мѣста по выборамъ, а не по назначенію; 2) отмѣна «гонорарной» системы вознагражденія и введеніе опредѣленнаго жалованія; 3) отмѣна государственныхъ экзаменовъ; 4) введеніе какъ университетскаго суда, такъ и товарищескаго суда чести; 5) широкое развитіе приватъ-доцентуры. Всѣ эти положенія еще точно не формулированы, но въ общемъ къ нимъ сводятся принципіально всѣ мнѣнія, высказанныя въ совѣтѣ большинствомъ лицъ.

Попутно совѣтъ университета посвятилъ рядъ особыхъ засѣданій на разсмотрѣніе доклада университетской коммиссіи, работавшей надъ выясненіемъ причинъ послѣднихъ частыхъ безпорядковъ въ средѣ студенческой молодежи. Совѣтъ остановился на томъ мнѣніи что, помимо внѣшнихъ причинъ, однимъ изъ существенныхъ поводовъ къ возникновенію разныхъ неурядицъ, осложненій и безпорядковъ надо признать отсутствіе открытыхъ студенческихъ организацій. Поэтому для устраненія зла совѣтъ университета рекомендуетъ какъ можно скорѣе разрѣшить подобныя организаціи, установивъ, конечно, живую, сердечную связь между каѳедрой и аудиторіей не только въ стѣнахъ университета, но и внѣ его.

Институтъ *студенческой инспекціи* въ большинствѣ случаевъ встрѣчаетъ безусловное осужденіе. И насколько жалкую и некрасивую роль приходилось играть представителямъ этого института, объ этомъ съ достаточной убѣдительностью говоритъ слѣдующее «разоблаченіе», напечатанное на столбцахъ «Южнаго Края» однимъ изъ инспекторовъ, который прослужилъ въ этой полицейской должности двадцать лѣтъ и пережилъ «девять безпорядковъ».

«Одинъ попечитель,—разсказываетъ этотъ откровенный чиновникъ,—пригласивъ меня къ себѣ, конфиденціально приказалъ, чтобы я отъ себя разрѣшилъ студентамъ въ сборномъ залѣ поставить два, три шкафа съ книгами для чтенія. Я повиновался. Но когда пріѣхалъ министръ народнаго просвѣщенія и, обозрѣвая учрежденіе, увидалъ шкафы съ книгами и сдѣлалъ замѣчаніе попечителю, этотъ всю вину взвалилъ на меня и тутъ же сдѣлалъ мнѣ выговоръ. Когда же уѣхалъ министръ, попечитель вновь приказалъ мнѣ дозволить студентамъ имѣть библіотеку для чтенія въ сборномъ залѣ зданія.

Другой попечитель настоятельно требовалъ, чтобы я взялъ въ педеля одного сыщика, котораго порекомендовали ему. Я повиновался, но скоро узналъ отъ студентовъ, что сыщикъ беретъ взятки отъ студентовъ, и сообразно съ суммою гонорара аттестуетъ ихъ. Три раза я доносилъ объ этомъ попечителю и каждый разъ получалъ отъ него упорный отказъ въ дозволеніи мнѣ уволить педеля отъ должности.

— Какой вы наивный!—говорилъ мнѣ попечитель.—Студенты потому наговариваютъ вамъ на него, что имъ нежелательно, чтобы онъ былъ педелемъ.

Окончилось тѣмъ, что этотъ педель былъ уличенъ самими студентами, и тогда только уволенъ отъ должности.

Третій попечитель во время безпорядковъ пріѣхалъ въ учрежденіе. Студенты черезъ меня просили его, чтобы онъ подарилъ имъ четверть часа времени, такъ какъ они хотятъ на словахъ передать ему свои желанія и выслушать отъ него его мнѣніе. Три раза студенты просили его объ этомъ, и онъ отказывалъ имъ. Наконецъ, онъ приказалъ мнѣ объявить имъ, что онъ пріѣдетъ къ нимъ въ понедѣльникъ и тогда поговоритъ съ ними.

Студенты немедленно и тихо, безъ всякаго шума разошлись.

Это было въ четвергъ; пятница, суббота и воскресенье прошли тихо. Лекціи были полны студентами, и безпорядковъ какъ бы и не было.

Въ понедѣльникъ до 12 часовъ дня все было тихо. Съ полудня студенты собрались въ сборный залъ и начали ожидать пріѣзда попечителя. Но уже было около двухъ часовъ, а попечитель не пріѣзжалъ. Студенты заподозрили, что инспекторъ имъ солгалъ, почему настойчиво начали требовать, чтобы я съ тремя студентами поѣхалъ къ попечителю и попросилъ бы его исполнить обѣщаніе. Но когда мы пріѣхали къ попечителю, онъ, не стѣсняясь, объявилъ студентамъ въ моемъ присутствіи, что онъ ничего подобнаго не обѣщалъ имъ».

— Вопросы, касающіеся *реформы средняго образованія*, сосредоточены въ особой коммиссіи, которая, подъ предсѣдательствомъ министра народнаго просвѣщенія, П. С. Ванновскаго, открыли свои дѣйствія въ концѣ мая. Вотъ главныя намѣченныя въ коммиссіи основанія реформы:

Уже на предстоящій 1901—1902 учебный годъ намѣчено росписаніе уроковъ какъ для гимназій, такъ и для реальныхъ училищъ, причемъ предположено въ гимназіяхъ упразднить уроки латинскаго языка въ первомъ и во второмъ классахъ, греческаго—въ третьемъ и четвертомъ классахъ, замѣнивъ ихъ соотвѣтствующимъ числомъ уроковъ по одному изъ новыхъ языковъ, а гдѣ окажется возможнымъ, по исторіи, географіи, естествознанію, черченію и рисованію. Въ 1902—1903 учебномъ году предполагается преобразовать первые пять классовъ гимназій, въ 1903 — 1904 гг. ввести преобразованныя программы въ трехъ старшихъ классахъ, причемъ первые пять классовъ будутъ дѣйствовать уже по вполнѣ новому плану, и, наконецъ, въ маѣ 1905 года будутъ сдѣланы одновременно два выпуска седьмого и восьмого классовъ, и преобразованіе закончится. Программы первыхъ трехъ классовъ гимназій, реальныхъ училищъ, а также всякаго рода промышленныхъ и техническихъ школъ предположено сравнять въ видахъ облегченія перехода изъ одной школы въ другую. Обучаясь въ теченіе трехъ первыхъ лѣтъ въ школѣ одного общаго типа однимъ и тѣмъ же предметамъ, учащіеся переходятъ затѣмъ, въ зависимости отъ обнаруженныхъ ими индивидуальныхъ склонностей, въ классы, болѣе спеціализированные, причемъ собственно министерская средняя школа будетъ состоять (начиная съ 4-го класса) изъ двухъ отдѣленій. Перешедшіе въ классическое отдѣленіе будутъ изучать древніе языки, а идущіе по реальному отдѣленію будутъ проходить усиленный курсъ естествознанія и обучаются черченію и рисованію. При этомъ изучавшимъ греческій и латинскій языки предположено предоставить право поступать на всѣ факультеты университетовъ безъ повѣрочныхъ экзаменовъ; изучавшимъ только латинскій языкъ можно будетъ поступать на филологическій факультетъ съ провѣрочнымъ экзаменомъ по греческому языку; не изучавшимъ совсѣмъ древнихъ языковъ и занимавшихся вмѣсто нихъ естественными науками и графическимъ искусствомъ предполагается предоставить право поступать безъ экзаменовъ на физико-математическій факультетъ и съ провѣрочнымъ экзаменомъ по латинскому языку— на юридическій факультетъ.

Для проектируемой средней школы коммиссіей выработана уже и таблица

учебныхъ часовъ, по которой предполагается вести преподаваніе. По этой таблицѣ, число всѣхъ учебныхъ часовъ въ новой школѣ въ недѣлю составляетъ 209, которые по предметамъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ. Законъ Божій будетъ преподаваться во всѣхъ классахъ всего 14 часовъ въ недѣлю. Русскій со словесностью и логикой также во всѣхъ классахъ 30 часовъ. Латинскій языкъ будетъ начинаться съ IV кл. и будетъ продолжаться до конца, занимая въ недѣлю 16 часовъ; первый новый языкъ будетъ находиться во всѣхъ классахъ при 20 часахъ въ недѣлю, второй новый начинается въ III классѣ при 16 часахъ. Географія съ отечествовѣдѣніемъ преподается въ I—IV классахъ при 15 часахъ въ недѣлю. Космографіи отведено въ VII кл. 2 часа; законовѣдѣнію въ VI и VII кл. всего 4 часа; математикѣ въ I—VII классахъ 28 часовъ; физикѣ, начиная съ V кл., всего 9 часовъ; естествовѣдѣнію, начиная съ I кл., всего 9 часовъ; черченію и рисованію 17 и чистописанію 3 часа. Изъ 16 часовъ, которые отведены изученію латинскаго въ классическомъ отдѣленіи, въ реальномъ—6 часовъ идутъ на усиленіе преподаванія естествовѣдѣнія и 10 часовъ на усиленіе—черченія и рисованія. По классамъ число учебныхъ часовъ распредѣляется слѣдующимъ образомъ: въ первомъ, во второмъ и третьемъ классахъ ученики будутъ заняты 26 часовъ въ недѣлю; въ четвертомъ 32 часа, а въ пятомъ 33 часа. Сверхъ этого, 20 часовъ въ недѣлю отводится на занятія ручнымъ трудомъ, военными и физическими упражненіями и гимнастикой.

Работа коммиссіи далеко еще не закончена и этимъ, вѣроятно, объясняется неполнота и отрывочность свѣдѣній о ея дѣятельности, проникающихъ въ печать. Во всякомъ случаѣ, можно думать что та крупная задача, которой занято сейчасъ министерство народнаго просвѣщенія, не будетъ разрѣшена окончательно, прежде чѣмъ проектъ реформы не подвергнется во всѣхъ ея деталяхъ свободной критикѣ русскаго общества (въ лицѣ печати, общественныхъ и сословныхъ представителей), такъ какъ въ дальнѣйшихъ судьбахъ школы это же общество Высочайшимъ манифестомъ призвано принимать живое и дѣятельное участіе.

Пока въ «единой школѣ» еще проектируется сравнять въ правахъ реалистовъ и классиковъ, военное министерство въ своемъ вѣдомствѣ уже осуществило этотъ проектъ. На дняхъ разрѣшенъ, въ видѣ опыта на пять лѣтъ, *пріемъ въ Императорскую Военно-Медицинскую академію* молодыхъ людей, окончившихъ семилѣтній курсъ въ реальныхъ училищахъ, по выдержаніи ими дополнительнаго испытанія по латинскому языку въ объемѣ курса четырехъ классовъ гимназіи, причемъ испытанію этому они должны будутъ подвергаться при вступленіи въ академію. Желающимъ предоставлено право отсрочить экзамены латинскаго языка на одинъ годъ, но съ тѣмъ однако, что не выдержавшіе испытанія въ теченіе перваго года пребыванія въ академіи будутъ уволены. Новая мѣра будетъ введена съ будущаго (1902 г.) года, а въ нынѣшнемъ 1901 году пріемъ будетъ производиться на прежнихъ основаніяхъ.

— Реформаторскія вѣянья коснулись и нашего *коммерческаго образованія*. 9-го іюня, въ присутствіи министра финансовъ, состоялось заключительное собраніе особой, созванной съ этою цѣлью комиссіи, однимъ изъ наиболѣе интересныхъ вопросовъ которой былъ вопросъ о расширеніи общеобразовательнаго курса коммерческихъ училищъ. Особенно горячо настаивалъ на расширеніи общеобразовательной программы училищъ нижегородскій городской голова г. Меморскій, указывавшій на то, что купеческое сословіе избѣгаетъ общеобразовательныхъ учебныхъ заведеній и отдаетъ своихъ дѣтей преимущественно въ коммерческія училища, почему и самыя эти училища необходимо преобразовать такъ, чтобы они могли подготовлять не только спеціалистовъ-счетоводовъ,

не вообще интеллигентныхъ людей, которые должны внести лучъ свѣта въ купеческую среду.

— Широкаго круга *собственно народнаго образованія* пока еще практически не коснулось преобразовательное настроеніе текущаго момента, но есть признаки, что вопросъ о реформѣ народной школы уже выдвинутъ и лишь дожидается своей очереди. Къ этому мнѣнію склоняютъ насъ во первыхъ слова министра народнаго просвѣщенія П. С. Ванновскаго, сказанныя имъ въ Москвѣ по поводу желательнаго объединенія учебнаго и духовнаго вѣдомства въ народной школѣ и во вторыхъ появившаяся въ послѣдней книгѣ «Журнала Министерства Народн. Просвѣщенія» на ту-же тему статья вице-директора департамента того-же министерства Н. Г. Дебольскаго. По мнѣнію г. Дебольскаго, одновременное существованіе церковно-приходскихъ школъ и министерскихъ не содѣйствуетъ интересамъ дѣла. Изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы все дѣло народнаго образованія перешло въ руки духовенства. «Передача всѣхъ начальныхъ школъ для православнаго населенія во власть духовнаго вѣдомства—говоритъ г. Дебольскій—равносильна запрещенію учить православныхъ дѣтей въ начальной школѣ не иначе, какъ подъ исключительнымъ надзоромъ духовенства. На какомъ основаніи можетъ быть предоставлена духовенству такая исключительная власть? Духовенству присвоено безъ сомнѣнія право учить; но чтобы это право исключало такое же право всякаго, кто не принадлежитъ къ духовенству или не состоитъ у него во внѣшнемъ служебномъ подчиненіи, ни изъ чего не видно. Если принять такое положеніе, то придется все дѣло обученія православнаго юношества и въ высшихъ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ подчинить духовному вѣдомству, распространивъ также власть его и на домашнее обученіе не только сельскаго, но и всего православнаго населенія. Очевидно, что такая власть только потрясла бы внутренній авторитетъ церкви, замѣнивъ естественную и законную мѣру свободнаго вліянія ея іерархіи на прихожанъ внѣшнимъ, полицейскимъ надзоромъ».

Въ итогѣ этихъ разсужденій г. Дебольскій предлагаетъ сосредоточить всѣ школы въ министерствѣ народнаго просвѣщенія, но отвести въ нихъ духовенству болѣе активную роль. По уставу каждая школа должна имѣть попечителя. Такъ вотъ въ роли этихъ попечителей г. Дебольскій и желалъ-бы видѣть священниковъ, снабженныхъ при этомъ опредѣленнымъ окладомъ жалованія отъ учебнаго вѣдомства и преобразованныхъ такимъ способомъ въ министерскихъ чиновниковъ. По мнѣнію автора, «благодаря этому, лежащая теперь на духовенствѣ обязанность наблюденія за школами, потеряетъ присущій ей внѣшній полицейскій характеръ, а произойдетъ гармоничное сліяніе двухъ враждующихъ теперь типовъ школъ, которыя взаимно дополнятъ другъ друга».

Если принять во вниманіе, что въ настоящее время попечители школъ не только не получаютъ жалованья, но даже, наоборотъ, часто сами являются постоянными и наиболѣе крупными жертвователями на школы, ввѣренныя ихъ заботамъ, то окажется, что проектъ г. Дебольскаго сводится къ тому, чтобы за счетъ народной школы, и безъ того обездоленной и нуждающейся, улучшить матеріальное положеніе духовенства. И за всѣмъ тѣмъ, священникъ, подчиненный суровымъ требованіямъ іерархической дисциплины, которая существуетъ въ духовномъ вѣдомствѣ, все-таки никогда не сдѣлается послушнымъ министерскимъ чиновникомъ, на что разсчитываетъ г. Дебольскій, награждая его жалованьемъ. «Гармоническаго сліянія, такимъ образомъ, несмотря на крупныя денежныя жертвы, проектъ г. Дебольскаго не дастъ, и вопросъ о реформѣ народной школы остается открытымъ.

— Правительствующимъ сенатомъ опредѣлено, что изъ общаго, установленнаго 9 ст. уст. сл. прав. т. III св. зак. изд. 1896 г. *запрещенія принимать въ гражданскую службу евреевъ*, дѣйствующими законоположеніями допуска-

ются изъятія лишь для слѣдующихъ категорій евреевъ: 1) имѣющихъ ученыя степени доктора, магистра, кандидата (или окончившихъ курсъ наукъ съ дипломомъ первой степени), а равно ученыя степени доктора медицины и хирургіи или доктора медицины; 2) имѣющихъ дипломы на званіе лѣкаря, причемъ евреи эти допускаются на службу лишь по медицинской части; 3) имѣющихъ степень инженеръ-технолога, коимъ предоставлены права на государственную службу только по технической части и 4) окончившихъ курсъ наукъ въ землемѣротаксаторскихъ классахъ только по губернскому межевому вѣдомству.

— Министры внутреннихъ дѣлъ, народнаго просвѣщенія и юстиціи и оберъ-прокуроръ Святѣйшаго Синода, на основаніи примѣчанія къ ст. 148 уст. о ценз. и печ., св. зак. т. XIV, изд. 1890 г., въ совѣщаніи 8 іюня постановили: совершенно прекратить изданіе журнала «Жизнь», выходящаго въ свѣтъ въ С.-Петербургѣ.

— Во второй половинѣ мая въ Москвѣ сошли со сцены жизни двѣ крупныя фигуры, существенно различныя по типу, но обѣ принадлежавшія къ одному и тому-же купеческому міру.

— *Г. Г. Солодовниковъ*—обладатель милліоновъ, стяжавшій себѣ въ Москвѣ славу анекдотическаго скряги. Всю свою жизнь онъ посвятилъ одной исключительной цѣли—пріобрѣтенія и накопленія, и ради этой цѣли онъ не щадилъ ни другихъ, ни себя. Черствый хищникъ, онъ не упускалъ ни одного случая, который давалъ ему возможность увеличить свою толстую мошну и въ то же время онъ отказывалъ себѣ не только въ комфортѣ, но даже въ необходимомъ,—ютился въ плохо обставленномъ домикѣ и всей своей внѣшностью напоминалъ скорѣе обездоленнаго бѣдняка, чѣмъ милліонера, державшаго въ рукахъ судьбу тысячи людей. Правда, онъ числился въ спискѣ извѣстныхъ московскихъ благотворителей, но всѣ его пожертвованія истекали, повидимому, изъ его огромнаго честолюбія — страсти, которая вмѣстѣ съ алчною скаредностью, цѣликомъ заполняла душу московскаго богача. И вотъ онъ умеръ, и обнаруженный теперь посмертной волей изумилъ всѣхъ знавшихъ его и примирилъ ихъ съ собой. Огромное, по меньшей мѣрѣ въ 30 милліоновъ, состояніе онъ завѣщалъ реализировать въ теченіе 10—15 лѣтъ и полученную такимъ образомъ сумму, раздѣливъ на три равныя части, обратить на благотворительныя цѣли. Одна треть предназначена на устройство женскихъ гимназій по типу демократической женской гимназіи въ г. Орловскѣ, Вятской губ.; одна треть— на мужскія и женскія профессіональныя школы, устройство которыхъ будетъ предоставлено земствамъ и, наконецъ, послѣдняя треть завѣщана на устройство дешевыхъ квартиръ для бѣдныхъ.

— *К. Т. Солдатенковъ*, вышедшій изъ суровой старообрядческой семьи, принадлежалъ къ иному типу. По словамъ близко знавшаго его г. М. Щепкина, это былъ *«человѣкъ* въ полномъ смыслѣ этого слова—со многими слабостями и крупными недостатками, присущими людской природѣ, но и съ рѣдкими достоинствами, выпадающими на долю немногихъ, отмѣченныхъ перстомъ Божіимъ избранниковъ. Рѣзкая печать этого избранія сказалась прежде всего въ стихійномъ влеченіи его къ высшимъ идеаламъ жизни, котораго не могла подавить въ немъ самая неприглядная обстановка, сплетенная изъ густой сѣти чуждыхъ этимъ идеаламъ денежныхъ разсчетовъ. И чѣмъ больше приходилось ему прилагать заботы о преумноженіи своего богатства и предаваться изысканнымъ удовольствіямъ личной жизни, тѣмъ потомъ рѣзче выступали высшія потребности разумнаго бытія и тѣмъ настоятельнѣе они требовали отъ него широкаго удовлетворенія. Онъ смѣло шелъ навстрѣчу этому благородному влеченію и беззавѣтно отдавался ему весь, всѣмъ существомъ своимъ: такіе дни исполненія своего человѣческаго долга онъ считалъ особенно счастливыми

въ своей жизни, радуясь, что могъ послужить великому дѣлу народнаго образованія и общественнаго развитія и сотворить добро. Никогда никому не было отъ него отказа въ этомъ служеніи, если только подъ личиной общественности не скрывались недостойныя побужденія личнаго свойства» *).

Самъ учившійся на мѣдные гроши онъ оказалъ дѣлу русскаго просвѣщенія неоцѣнимыя услуги, какъ идейный и безкорыстный издатель множества русскихъ и иностранныхъ авторовъ, которые, помимо него, едва ли могли бы появиться на нашемъ книжномъ рынкѣ. Имъ изданы сочиненія Бѣлинскаго, Кавелина, «Всеобщая исторія» Вебера (въ переводѣ Чернышевскаго), «Исторія упадка Римской Имперіи» Гиббона, «Исторія англійскаго народа» Грина, «Очерки первобытной экономической культуры» Зибера, «Искусство въ связи съ развитіемъ культуры» Карьера и много другихъ цѣнныхъ сочиненій. Солдатенковъ завѣщалъ продолжать его издательскую дѣятельность на доходы отъ существующихъ уже его изданій и, кромѣ того, имъ завѣщана городу Москвѣ представляющая цѣнность свыше милліона рублей картинная галлерея, въ которой собрано не мало шедевровъ русскаго и иностраннаго искусства; затѣмъ имъ оставлены средства: Императорской академіи наукъ, для изслѣдованія исторіи востока, комитету для пособія нуждающимся студентамъ, богадѣльнямъ и пріютамъ. Московскому купеческому обществу завѣщано 1.300.000 рублей, съ тѣмъ, чтобы на 300.000 было построено, а на милліонъ рублей содержалось профессіональное училище. Деньги на больницу имени Солдатенкова оставлены съ тѣмъ, чтобъ больница была устроена городомъ для всѣхъ жителей безъ различія сословій, живущихъ въ Москвѣ.

— 3-го іюня въ С.-Петербургѣ скончался, на 71-мъ году жизни, извѣстный этнографъ-беллетристъ, академикъ *С. В. Максимовъ*. Обладая большой наблюдательностью, Максимовъ рано сталъ присматриваться къ народной жизни, изучать ее и результаты своихъ наблюденій передавать въ очеркахъ, отчасти научнаго, отчасти беллетристическаго характера. Первыя же его работы обратили на него вниманіе Тургенева, по иниціативѣ котораго онъ въ 1855 г. предпринялъ свою первую этнографическую экскурсію—странствованіе пѣшкомъ по Владимірской губерніи. Съ этого времени Максимовъ уже не перестаетъ странствовать по Россіи, которую въ теченіе своей жизни онъ исколесилъ вдоль и поперекъ. Авторъ «Бродячей Руси», онъ самъ принадлежалъ къ ней всѣми своими симпатіями и черпалъ свое знаніе родины изъ непосредственнаго источника наблюдаемой жизни. Уроженецъ Костромской губерніи, онъ посвятилъ ей свои первые очерки, а затѣмъ, неустанно передвигаясь, онъ знакомитъ насъ съ природой и бытомъ губерній Владимірской, Нижегородской и Вятской; дальше онъ переходитъ, по порученію морского вѣдомства, на крайній сѣверъ вплоть до Ледовитаго океана; затѣмъ мы видимъ его уже на дальнемъ Востокѣ, въ только что пріобрѣтенной Россіей Амурской области. Исколесивъ Сибирь, онъ попадаетъ на юго-востокъ, къ побережьямъ Каспійскаго моря, оттуда на Донъ, въ Черноморье, затѣмъ въ Бѣлоруссію и т. д. Перекочевывая съ мѣста на мѣсто, онъ всюду является не случайнымъ только гостемъ, но добросовѣстнымъ наблюдателемъ, который тутъ же заноситъ въ свой путевой дневникъ интересные факты, впечатлѣнія и въ живой, увлекательной формѣ передаетъ ихъ читателю. Ни широкихъ обобщеній, ни глубокаго проникновенія въ народную жизнь, подобныхъ тѣмъ, которыми блещутъ произведенія Гл. И. Успенскаго, у Максимова нѣтъ, но, не претендуя на это, онъ даетъ рядъ картинъ, жизненныхъ и правдивыхъ, въ которыхъ чувствуется тонкій наблюдательный умъ и любящее сердце.

Далеко еще не всѣ многочисленные очерки покойнаго писателя, разбросан-

---

*) «Русск. Вѣд.» № 138.

ные въ разныхъ періодическихъ изданіяхъ, собраны въ отдѣльныя книги, но тѣ, какія имѣются, пользуются или, вѣрнѣе, пользовались въ свое время большимъ и заслуженнымъ успѣхомъ. Назовемъ, напримѣръ: «Годъ на Сѣверѣ», «Лѣсная Глушь», «Сибирь и каторга» и др. Совершенно особо отъ перечисленныхъ произведеній Максимова слѣдуетъ поставить книгу его «Крылатыя слова», изданную въ 1890 г. Здѣсь приведены авторомъ съ любовью въ теченіе многихъ лѣтъ собиравшіяся имъ чисто народныя обиходныя слова и выраженія, съ объясненіемъ ихъ первоначальнаго значенія, которое для большинства совершенно теперь затеряно.

Московское Общество взаимопомощи лицъ интеллигентныхъ профессій.

Въ концѣ 1895 года въ небольшомъ кружкѣ московской интеллигенціи былъ поднятъ вопросъ о необходимости какой-либо организаціи, которая могла бы составить противовѣсъ тѣмъ тяжелымъ условіямъ, въ какихъ обыкновенно находится интеллигентный работникъ. Вслѣдствіе разрозненности представителей интеллигентнаго труда, каждый изъ нихъ предоставленъ собственнымъ силамъ, а принимая во вниманіе ту массу неблагопріятныхъ случайностей, которыя могутъ встрѣтиться въ его жизни, и въ общемъ скудное матеріальное обезпеченіе, эти собственныя силы очень недостаточны для того, чтобы онъ могъ не опасаться быть въ любой моментъ выбитымъ изъ колеи, чтобы онъ могъ быть спокойнымъ за себя и свою семью. Но даже если не брать во вниманіе случайностей, то и обычныя условія, въ какихъ находятся интеллигентные труженики,—постоянно увеличивающаяся тяжесть борьбы за существованіе, бѣдность въ способахъ удовлетворенія духовныхъ потребностей, слабое развитіе самодѣятельности, даютъ достаточно стимуловъ, чтобы подумать, какъ парализовать вредныя имъ стороны, объясняющіяся, кромѣ многихъ другихъ причинъ, разрозненностью интеллигенціи и ея обособленностью отъ другихъ слоевъ нашего общества.

Въ первое время этотъ вопросъ обсуждался на частныхъ собраніяхъ, при случайномъ и часто мѣняющемся составѣ лицъ, безъ опредѣленной программы. Чтобы не затягивать начало практическаго примѣненія зародившейся идеи — организаціи общественнаго дѣла во имя интересовъ нуждающихся въ помощи интеллигентныхъ работниковъ — на первый разъ было предположено заняться благотворительною дѣятельностью въ этомъ направленіи, именно собираніемъ денегъ для выдачи стипендій учащимся дѣтямъ бѣдныхъ интеллигентныхъ родителей. Это намѣреніе однако скоро было оставлено и замѣнено другимъ, болѣе широкимъ—устроить дѣло вообще матеріальной помощи интеллигентнымъ работникамъ и для этого создать соотвѣтствующее Общество. Не мало времени ушло на выясненіе, въ какомъ видѣ должна существовать предположенная организація: въ видѣ ли частнаго кружка, въ видѣ ли коммиссіи при какомъ-либо уже существующемъ офиціальномъ учрежденіи, напр. попечительствѣ, или, наконецъ, самостоятельнаго Общества. Въ этотъ періодъ подготовительной, такъ сказать, работы, одновременно съ вопросомъ о формѣ организаціи, на собесѣдованіяхъ кружка вырабатывался въ общихъ чертахъ ея уставъ, тѣ задачи, которыя должно взять на себя предположенное Общество, и выяснялись трудности той или другой формы дѣятельности. Лишь весной 1896 года окончательно было рѣшено создать самостоятельное офиціальное Общество и притомъ не на благотворительныхъ началахъ, а Общество взаимопомощи среди интеллигентныхъ работниковъ, и для выполненія этой задачи была сформирована орга-

низаціонная коммиссія изъ 12 человѣкъ, которой собраніемъ заинтересованныхъ дѣломъ лицъ были предоставлены слѣдующія полномочія: 1) выработать въ окончательной редакціи проектъ устава Общества; 2) предпринять всѣ необходимыя хлопоты для утвержденія его въ установленномъ порядкѣ и 3) по утвержденіи устава созвать первое офиціальное общее собраніе. Выработка устава было очень не легкое дѣло, такъ какъ организаціонной коммиссіи предстояло сохранить въ немъ то, что составляло существенныя стороны задуманнаго учрежденія и его оригинальность, а затѣмъ облечь его въ такую форму, которая гарантировала бы его утвержденіе и практическую пригодность. Выработанный проектъ устава былъ просмотрѣнъ проф. московскаго университета А. И. Чупровымъ и въ февралѣ 1897 года представленъ, чрезъ мѣстную администрацію, въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ. Въ ноябрѣ 1897 года проектъ устава министерствомъ былъ возвращенъ съ нѣкоторыми измѣненіями и дополненіями. Обсудивъ ихъ и найдя, что они не измѣняютъ характеръ предположеннаго Общества, организаціонная коммиссія пересоставила уставъ и препроводила его вторично, въ февралѣ 1898 года, въ министерство.

3-го іюня 1898 года уставъ «Общества взаимопомощи лицъ интеллигентныхъ профессій» былъ утвержденъ. Цѣль Общества—оказывать помощь нуждающимся членамъ и ихъ семействамъ. Для достиженія этой цѣли Общества: а) выдаетъ своимъ членамъ денежныя безвозвратныя пособія и ссуды; б) пріискиваетъ имъ мѣста и занятія; в) оказываетъ безплатную медицинскую помощь и т. п. Съ увеличеніемъ средствъ Обществу предоставлено открывать, съ надлежащаго разрѣшенія, дешевыя квартиры, столовыя и т. п., дѣтскія общежитія, лѣтнія колоніи, выдавать стипендіи учащимся дѣтямъ и пріобрѣтать, на общихъ основаніяхъ, необходимыя для его цѣлей недвижимыя имущества.

15-го октября 1898 года Московское Общество взаимопомощи лицъ интеллигентныхъ профессій открыло, на основаніи устава, свои дѣйствія первымъ общимъ собраніемъ въ составѣ 47 человѣкъ, на которомъ былъ избранъ совѣтъ, кандидаты къ членамъ его и члены ревизіонной коммиссіи (въ послѣднюю вошли, между прочими лицами, А. И. Чупровъ и В. А. Гольцевъ). Оставалось перейти къ практическимъ начинаніямъ по оказанію помощи нуждающимся членамъ Общества и ихъ семействамъ, но тутъ Общество рѣзко раздѣлилось на двѣ партіи по такому принципіальному вопросу, безъ разрѣшенія котораго нельзя было и думать о какой бы то не было практической дѣятельности, такъ какъ отъ того или иного рѣшенія зависѣли не только направленіе этой дѣятельности, но и самый характеръ Общества.

Расколъ возникъ на почвѣ программы, представленной совѣтомъ второму общему собранію, имѣвшему мѣсто 18-го декабря 1898 года. Въ виду того, что причины, вызвавшія этотъ расколъ, довольно любопытны, какъ являющіяся показателемъ тѣхъ тенденцій, которыя характеризуютъ нашу интеллигенцію, мы познакомимъ вкратцѣ читателя съ ними.

Обществу предстояло высказаться по слѣдующимъ тремъ вопросамъ:

1) Какими основными началами должны руководствоваться въ своей дѣятельности какъ все Общество, взятое въ цѣломъ, такъ и его исполнительный органъ—совѣтъ?

2) Изъ какихъ источниковъ Общество должно черпать свои матеріальныя средства и каковъ долженъ быть размѣръ членскаго взноса *).

3) Каковъ долженъ быть планъ дѣятельности Общества на ближайшее время?

Совѣтъ, опираясь на одну часть Общества, предлагалъ программу, которая основывалась на слѣдующемъ рѣшеніи этихъ вопросовъ.

Въ настоящее время интеллигентный труженикъ ведетъ одинокую борьбу

*) По уставу не менѣе трехъ рублей.

за матеріальное существованіе свое и своей семьи и этимъ экономическимъ одиночествомъ объясняются его *хозяйственные* недочеты: при недостаточномъ заработкѣ онъ принужденъ производить такіе расходы, которые не соотвѣтствуютъ суммѣ получаемыхъ имъ удобствъ. Кромѣ того, въ трудныхъ или несчастныхъ случаяхъ онъ оказывается безпомощнымъ, такъ какъ среди лицъ интеллигентныхъ профессій имѣется немного сравнительно такихъ счастливцевъ, *хозяйственное* существованіе которыхъ не будетъ окончательно подорвано какимъ-нибудь труднымъ обстоятельствомъ, напр., болѣзнью, безработицей и т. п. Во избѣжаніе этого, интеллигентные труженики должны устранить свое *экономическое* одиночество, т.-е. бороться за *матеріальное* существованіе свое и своей семьи соединенными силами, товарищески поддерживая другъ друга. Послѣдовательнымъ проведеніемъ этого начала и должна опредѣляться стоящая предъ Обществомъ цѣль. Такъ какъ въ основу дѣятельности союза кладется *взаимная* поддержка въ дѣлѣ борьбы за матеріальное положеніе, то онъ можетъ оказывать свою поддержку только такимъ лицамъ, которыя фактически принимаютъ участіе въ дѣлѣ товарищеской взаимопомощи, а наиболѣе правильная постановка дѣла взаимной поддержки выразится не въ оказываніи спорадической помощи наиболѣе нуждающимся членамъ Общества въ наиболѣе острые моменты нужды, а въ прочной организаціи извѣстныхъ постоянныхъ учрежденій, задача которыхъ—предохранить отъ возможности впаденія въ состояніе острой нужды; забота о процвѣтаніи такихъ предпріятій должна быть поставлена во главѣ дѣятельности Общества и тогда оно приблизится къ своему идеалу — идеалу товарищескаго союза интеллигентныхъ тружениковъ, взаимно помогающихъ другъ другу вести борьбу за матеріальное существованіе. Но нужно имѣть въ виду, что такія предпріятія могутъ существовать и развиваться лишь при полномъ объединеніи затѣявшихъ дѣло лицъ и умѣніи работать для общаго дѣла планомѣрно и систематически, подчиняясь установленнымъ въ Обществѣ правиламъ и слѣдуя разъ намѣченнымъ путямъ, и такъ какъ составъ Общества имѣетъ первенствующее значеніе, то оно можетъ допускать въ свою среду только такихъ лицъ, «которыя желаютъ и умѣютъ трудиться для другихъ и вмѣстѣ съ другими, поставляя интересы, волю и честь Общества выше своихъ личныхъ тяготѣній и хотѣній». Такимъ образомъ, первый и основной пунктъ программы долженъ быть изложенъ слѣдующимъ образомъ: «Общество и совѣтъ должны руководствоваться принципомъ взаимопомощи, который въ практическомъ осуществленіи требуетъ, чтобы члены Общества образовали изъ себя *товарищество*, борющееся соединенными силами за матеріальное существованіе входящихъ въ ряды его интеллигентныхъ тружениковъ. Распространяя свои заботы только на тѣхъ, кто фактически принадлежитъ къ его составу, это товарищество должно разрѣшать свои задачи исключительно на почвѣ *коллективной самопомощи* и для достиженія своей цѣли устраивать постоянныя учрежденія, какъ напр., бюро по пріисканію мѣстъ и занятій, кассу ссудъ, основанную на страховыхъ началахъ, кассу пособій, дешевыя квартиры и столовыя и т. п.».

Прежде чѣмъ перейти ко второму пункту программы, т.-е. къ вопросу, изъ какихъ источниковъ Общество должно черпать свои матеріальныя средства и каковъ долженъ быть размѣръ членскаго взноса, совѣтъ ставилъ на видъ, что вышеуказанныя постоянныя учрежденія могутъ быть поставлены на прочную почву лишь въ томъ случаѣ, если ко времени ихъ открытія у Общества образуется болѣе или менѣе солидный капиталъ. Такъ какъ привлеченіе какихъ бы то ни было пожертвованій, какъ со стороны членовъ, такъ и стороннихъ лицъ, не можетъ быть допущено, иначе въ Общество вкрался бы благотворительный элементъ, а сборы съ концертовъ, спектаклей и тому подобныхъ предпріятій не могутъ играть видной роли въ дѣлѣ образованія нужнаго капитала, то его

можно составить лишь изъ членскихъ взносовъ и только съ ними связывать возможность тѣхъ или другихъ начинаній. Но образованіе значительнаго капитала изъ однихъ членскихъ взносовъ возможно лишь тогда, если размѣръ взноса будетъ значителенъ, а поэтому слѣдуетъ установить ежегодный взносъ въ размѣрѣ 12 руб. при 25 рубляхъ вступного взноса. Изъ предыдущаго само собой вытекало рѣшеніе третьяго вопроса программы—о планѣ дѣятельности на ближайшее время. Денегъ нѣтъ, а безъ нихъ никакого солиднаго предпріятія не создашь, слѣдовательно, о какихъ бы ни было практическихъ начинаніяхъ пока что не думать, а направить свои заботы на количественное увеличеніе Общества, на привлеченіе въ его ряды желательныхъ для него представителей интеллигенціи, и, въ ожиданіи образованія солиднаго капитала, заняться приведеніемъ въ ясность плана организаціи тѣхъ учрежденій, которыя необходимы для Общества, и установленіемъ между его членами полнаго соглашенія по вопросамъ о задачахъ и цѣляхъ, такъ чтобы Общество представляло стройную армію, дѣйствующую какъ одинъ человѣкъ. Когда все это будетъ, т. е. будетъ много членовъ, будутъ деньги, будетъ ясно, чего Общество хочетъ, тогда и можно будетъ начать дѣлать то, чего оно хочетъ.

Другая часть Общества съ этой программой не нашла возможнымъ согласиться. Оппозиція указывала, что предполагаемая программа крайне суживаетъ задачи Общества, не соотвѣтствуетъ утвержденному уставу и интересамъ лицъ, для которыхъ оно основано.

Какъ явствуетъ изъ 1-й и 2-й статьи Устава, Общество взаимопомощи лицъ интеллигентныхъ профессій учреждено съ цѣлью оказывать нуждающимся членамъ и ихъ семействамъ именно «спорадическую» помощь въ наиболѣе острые моменты нужды—пріискивать имъ мѣста, когда они остаются безъ работы, лѣчить ихъ, когда они заболѣютъ, наконецъ выдавать ссуды и пособія въ случаѣ денежнаго кризиса, а никакъ не для устройства разнаго рода кооперативныхъ предпріятій, которыя, какъ бы они ни были желательны сами по себѣ, поставлены уставомъ на второй планъ, какъ допускаемыя лишь съ особаго разрѣшенія. Дѣло, о которомъ думали составители устава и которое Общество должно постараться осуществить немедленно, заключается не въ томъ, чтобы содѣйствовать поднятію хозяйственнаго уровня его членовъ, при этомъ сравнительно обезпеченныхъ, игнорируя массу наиболѣе нуждающагося интеллигентнаго люда, а въ томъ, чтобы, объединивъ интеллигентныхъ людей различныхъ профессій и различныхъ степеней достатка сознаніемъ равенства всѣхъ предъ возможной бѣдой, равенства, вытекающаго изъ свойствъ труда, какъ источника ихъ дохода, примѣнить идею взаимопомощи къ удовлетворенію элементарнѣйшей потребности рабочаго человѣка — его увѣренности, что онъ не погибнетъ, когда очутится въ нуждѣ, а поэтому главной цѣлью Общества должно быть объединеніе интеллигентныхъ работниковъ, располагающихъ энергіей, образованіемъ, умѣньемъ трудиться и культурными привычками для взаимной поддержки въ трудныя минуты жизни. Признавая однако, что кооперативныя предпріятія, конечно, желательны и что въ средѣ обширнаго круга лицъ, связанныхъ общимъ интересомъ, могутъ оказаться группы, для которыхъ желательны тѣ или иныя спеціальныя учрежденія, опозиція предлагала дать возможность такимъ группамъ составлять, съ одобренія общихъ собраній и подъ флагомъ Общества, товарищескіе союзы на спеціальныхъ взносахъ, допуская даже поддержку Общества, какъ таковаго, если это спеціальное начинаніе будетъ имѣть общекультурную цѣнность

Если признать, что цѣлью Общества должно быть не накопленіе солиднаго капитала, хотя бы и въ первый періодъ его существованія, организаціонный, и такъ какъ высокій членскій взносъ можетъ закрыть доступъ многочисленному слою малообезпеченной трудящейся интеллигенціи, которая именно нуж-

дается въ организаціи взаимопомощи, то понятно, что членскій взносъ долженъ долженъ быть минимальный изъ допускаемыхъ уставомъ, т.-е. 3 р, въ годъ. При значительномъ числѣ энергичныхъ и готовыхъ пожертвовать на дѣло взаимопомощи свой трудъ лицъ и незначительный членскій взносъ дастъ возможность покрыть расходы, связанные съ такими на первый разъ самыми необходимыми предріятіями, какъ устройстро бюро по пріисканію мѣстъ и занятій, медицинская помощь, выдача хотя бы небольшихъ ссудъ и пособій и т. п. Что касается другихъ источниковъ дохода, то, кромѣ дохода отъ концертовъ, вечеровъ и спектаклей, оппозиція допускала возможность пожертвованій не только со стороны членовъ Общества на его нужды, но и со стороны постороннихъ лицъ, не усматривая въ такихъ пожертвованіяхъ ничего для Общества унизительнаго. «Что найдутся лица,—читаемъ въ запискѣ пр. Чупрова,—которыя пожелаютъ поддержать Общество своими жертвами, въ этомъ нѣтъ ничего удивительнаго и ничего несовмѣстимаго съ честью его и вспомоществуемыхъ имъ лицъ. Интеллигентный трудъ есть условіе матеріальнаго и духовнаго благосостоянія современныхъ народовъ. Отъ дѣятельности лицъ, принадлежащихъ къ этому классу, зависитъ обогащеніе, обученіе, лѣченіе и развлеченіе прочихъ классовъ. По особымъ условіямъ нашего историческаго развитія интеллигентныя профессіи пополняются у насъ преимущественно изъ недосточныхъ слоевъ нашего населенія, вслѣдствіе чего въ ихъ средѣ чаще, чѣмъ въ другихъ слояхъ, случится нужда. Что же мудренаго и ненормальнаго въ томъ, что прочіе классы Общества, сознавая великую роль интеллигентнаго труда въ жизни нашей страны, дѣлятся съ его нуждающимися представителями своимъ достаткомъ, а часто избыткомъ. Это представляется естественнымъ и вполнѣ симпатичнымъ проявленіемъ общественной солидарности, которое никогда не можетъ быть чуждо всякой здоровой націи. Отчего не принимать подобныхъ жертвъ? Нельзя же считать, что казна или университетъ унижены тѣмъ, что группа богатыхъ москвичей соорудила на свои средства клиническій городокъ? Не могутъ такія жертвы унижать и тѣхъ, кто ими пользуется. Эта унизительность, дѣйствительно, могла бы имѣть мѣсто при обычной личной формѣ благотворенія, когда нуждающійся протягиваетъ руку къ отдѣльному лицу. Но ея нѣтъ, когда помощь оказывается безличнымъ Обществомъ, когда пособіе поступаетъ изъ общей кассы, гдѣ всѣ жертвы, и большія и малыя, сливаются въ одинъ совокупный фондъ». По третьему пункту программы оппозиція высказалась за то, чтобы немедленно приступить къ оказанію помощи тѣмъ изъ своихъ сочленовъ, которые въ данное время въ ней нуждаются.

Такихъ взглядовъ держалось большинство Общества. Но была еще оппозиціонная группа, крайне, правда, малочисленная, которая, не соглашаясь признать программу совѣта, въ то же время не сходилась со взглядомъ большинства на характеръ Общества, видя въ его основѣ не взаимопомощь, а благотворительность, и находя желательнымъ выдвинуть эту послѣднюю на первый планъ. Положенія ея сводились къ слѣдующему: 1) такъ какъ въ число членовъ Общества входятъ и такія лица, которыя, можно думать, никогда не будутъ нуждаться въ его поддержкѣ, то значитъ есть благотворители и благотворимые; 2) на его благотворительный характеръ указываетъ и допущеніе пожертвованій; 3) приданіе Обществу этого характера привлекло бы въ его кассу несравненно больше суммъ, чѣмъ теперь, когда въ немъ видятъ Общество взаимопомощи, и больше дѣятельныхъ лицъ въ его ряды для оказанія помощи людямъ нуждающимся; 4) благотворительный характеръ далъ бы возможность Обществу оказывать поддержку нуждающимся интеллигентнымъ работникамъ, кто бы и гдѣ бы они ни были, а не только членамъ Общества. Такъ какъ эта опозиціонная группа усматривала главную задачу Общества лишь въ матеріальной поддержкѣ входящихъ въ его составъ лицъ, не обративъ достаточ-

наго вниманія на то, что Общество преслѣдуетъ еще улучшеніе культурныхъ условій существованія интеллигентнаго работника вообще, устраненіе чувства моральнаго одиночества, въ чемъ можетъ нуждаться не только человѣкъ, получающій денежную помощь, но и дающій свои средства на эту помощь, и что вспомоществуемый членъ Общества можетъ оказаться очень полезнымъ для него въ разныхъ начинаніяхъ, гдѣ требуются не средства, а трудъ или способности, то первыя два положенія не давали достаточныхъ основаній для приданія Обществу благотворительнаго характера. Что касается послѣднихъ двухъ, то они не могли быть приняты въ разсчетъ вслѣдствіе того, что они были предложены въ крайне неразработанномъ видѣ и, кромѣ того, не обнимались уставомъ. Прослѣдивъ борьбу взглядовъ на задачи Общества, легко замѣтить, что обнаружившіяся въ немъ направленія являются отраженіемъ борьбы классовыхъ интересовъ. Съ одной стороны выступили интересы «хозяйственнаго интеллигента», съ другой—интеллигентнаго пролетарія, чувствующаго свое одиночество въ борьбѣ съ хозяйственными интересами вообще и пожелавшаго сгруппироваться въ дружескій союзъ для взаимной поддержки на случай бѣды, руководствуясь тѣмъ, что бѣда не постигаетъ всѣхъ сразу, и предполагавшаго, что въ Обществѣ себѣ подобныхъ онъ найдетъ не только матеріальную помощь, но и такую обстановку, которая поддержитъ его энергію и его достоинство. Такъ какъ большинство Общества оказалось на сторонѣ оппозиціи, то совѣтъ, видя, что предложенная имъ программа не можетъ создать направленія, сложилъ съ себя полномочія и вслѣдъ затѣмъ 16 членовъ, для которыхъ участіе въ Обществѣ не представлялось полезнымъ, вышли изъ его состава.

16-го марта 1899 года былъ избранъ новый совѣтъ (въ него вошли Н. Я. Гротъ и Н. И. Тимковскій), который выработалъ слѣдующую одобренную общимъ собраніемъ инструкцію совѣту, являющуюся въ то-же время программой дѣятельности Общества:

I. **Цѣли Общества.** Московское Общество взаимопомощи лицъ интеллигентныхъ профессій основано съ слѣдующими цѣлями:

1. Оказывать помощь нуждающимся членамъ Общества и ихъ семействамъ въ наиболѣе острыя минуты нужды чрезъ выдачу пособій и ссудъ, чрезъ пріисканіе мѣстъ и занятій, оказаніе медицинской помощи и т. п.

2. Организовать различныя учрежденія, клонящіяся къ предупрежденію нужды, а именно: дешевыя квартиры, столовыя, дѣтскія общежитія, лѣтнія ученическія колоніи, совмѣстное подготовительное обученіе дѣтей и т. п.

3. Способствовать улучшенію культурныхъ условій существованія интеллигентнаго работника путемъ устройства совмѣстныхъ развлеченій, лекцій, курсовъ, вечеровъ и другими способами.

II. **Основной принципъ дѣятельности.** Въ основу дѣятельности Общества долженъ лечь принципъ взаимопомощи. Члены Общества, соединяя свои разрозненныя силы, коллективными усиліями поддерживаютъ и облегчаютъ другъ друга въ борьбѣ съ неблагопріятными условіями жизни, разсчитывая прежде всего и больше всего на свою энергію и на свои матеріальныя и нравственныя силы. Взаимная помощь осуществляется лишь въ предѣлахъ Общества, другими словами, право на нее имѣютъ лишь члены Общества и ихъ семейства.

III. **Составъ Общества.** Членомъ Общества можетъ быть каждый интеллигентный работникъ, сочувствующій идеѣ взаимопомощи и готовый отдать часть своего времени, труда, энергіи и денежныхъ средствъ на общее дѣло.

IV. **Членскіе взносы.** Членскій взносъ назначается въ 3 р. въ годъ. Все, что поступаетъ отъ члена при уплатѣ взноса сверхъ этой суммы, считается пожертвованіемъ, которое можетъ имѣть и спеціальное назначеніе. Членскій взносъ можетъ уплачиваться въ разсрочку по соглашенію съ казначеемъ Общества.

V. **Пожертвованія.** Денежныя и иныя пожертвованія принимаются отъ членовъ Общества или въ полное распоряженіе Общества, или съ спеціальнымъ назначеніемъ, не противорѣчащимъ цѣлямъ Общества.

VI. **Разные доходы.** Концерты, лекціи, вечера и т. п. начинанія Общества, служа однимъ изъ средствъ духовнаго объединенія членовъ, устраиваются также и съ цѣлью увеличенія средствъ Общества, при чемъ всѣ подобныя предпріятія должны привлекать средства не благотворительною цѣлью, а своимъ содержаніемъ.

VIII. **Спеціальныя предпріятія.** Денежныя средства Общества, составляющіяся изъ членскихъ взносовъ, пожертвованій и доходовъ съ концертовъ, спектаклей и т. п., назначаются на общія нужды Общества, каковы, напр., бюро труда, касса ссудъ и пособій, медицинская помощь, библіотека и т. п.; что же касается учрежденій, отвѣчающихъ потребностямъ не всѣхъ членовъ, а только нѣкоторыхъ, какъ. напр., столовыя или дѣтскія общежитія, то организація ихъ является возможной наособыхъ условіяхъ и съ особыми денежными средствами, составляемыми изъ спеціальныхъ взносовъ членовъ, нуждающихся въ данномъ предпріятіи.—Лишь въ концѣ 1899 года Общество могло считать себя съ организованнымъ и приступить къ практической работѣ. Въ виду сложности задачъ, которыя возложены на совѣтъ уставомъ и инструкціей, Общество нашло необходимымъ образовать, въ помощь совѣту, особыя исполнительныя коммиссіи, предусмотрѣнныя § 24 устава, для выполненія отдѣльныхъ функцій, и общими собраніями были намѣчены слѣдующія коммиссіи:

1) по выдачѣ ссудъ и пособій;
2) по пріисканію мѣстъ и занятій;
3) по оказанію медицинской помощи;
4) по оказанію юридической помощи;
5) по устройству вечеровъ и лекцій;
6) по сношенію съ иногородними членами;
7) по организаціи учрежденій на спеціальныхъ взносахъ.

Такъ какъ каждое изъ намѣченныхъ предпріятій представляло значительныя трудности и требовало детальной разработки, то совѣтомъ были образованы предварительно совѣщательныя коммиссіи по всѣмъ указаннымъ вопросамъ, которыя взяли на себя разработку организаціи каждой отдѣльной исполнительной коммиссіи, плана ея дѣятельности и, въ зависимости отъ этого, инструкціи для нихъ. Въ декабрѣ 1899 года совѣщательныя коммиссіи были организованы и съ этимъ Общество вступило во второй годъ своего существованія при 188 членахъ *) и съ капиталомъ 384 р. 36 коп. **Я.**

Изъ русскихъ журналовъ.

Избирательная борьба въ Америкѣ. Г. *П. Тверской.* («Вѣстникъ Европы», іюнь) дѣлаетъ характеристику послѣднихъ президентскихъ выборовъ въ Америкѣ (въ ноябрѣ прошлаго года). Какъ извѣстно, кандидаты республиканской партіи—въ президенты Макъ-Кинлей и въ вице-президенты Рузевель одержали небывалую въ политической исторіи Америки побѣду, именно, получили большинство въ 800.000 голосовъ. Между тѣмъ, соперникъ Макъ-Кинлея, кандидатъ демократической партіи, Брайянъ, со времени предыдущихъ выборовъ 1896 года, потерялъ огромное количество избирателей. Торжество республиканцевъ надъ демократами, означаетъ въ сущности торжество оппортунизма. За по-

*) На 4-е февраля 1901 года число членовъ равняется 1.093.

слѣднія двадцать лѣтъ избирательныя кампаніи въ Штатахъ, совершенно перемѣнили характеръ: организаціи партій доведены до изумительнаго совершенства, буквально ни одинъ избиратель не минуетъ ихъ рукъ и подвергается самой настойчивой обработкѣ. Прежде старались дѣйствовать на чувства и воображеніе избирателей, покорить ихъ эффектными ораторскими пріемами, ошеломить чудовищной клеветой противниковъ, и столь-же неумѣренными восхваленіями своихъ кандидатовъ. На теперешняго избирателя эти лубочные пріемы уже не дѣйствуютъ, его можно захватить только доводами и убѣжденіями, и настоящая избирательная борьба ведется логическими средствами—разсужденіями, доказательствами, публичными спорами. Это съ несомнѣнностью доказываетъ, что политическое развитіе массъ сдѣлало огромные успѣхи, и главнымъ образомъ благодаря избирательнымъ компаніямъ; дѣйствительно, политическая агитація въ Америкѣ необыкновенно агрессивна, она волей-неволей выводитъ избирателя изъ пассивнаго состоянія, за цѣлые полгода до выборовъ, всячески тормошитъ его, убѣждаетъ, заставляетъ думать и разбираться въ массѣ противорѣчивыхъ доводовъ. Въ результатѣ этой наступательной системы количество подаваемыхъ голосовъ быстро росло, и въ 1896 г. достигло до небывалаго отношенія: число не принимавшихъ участія въ голосованіи составляло менѣе 1°/о всѣхъ зарегистрованныхъ избирателей. Въ прошломъ году эта пропорція вдругъ сильно мѣняется: около милліона избирателей воздержались отъ подачи голоса. Этотъ фактъ является очень важнымъ для опредѣленія политическаго настроенія массъ и бросаетъ серьезныя сомнѣнія на рѣшительную побѣду республиканской партіи. Дѣло въ томъ, что въ послѣдніе президентскіе выборы программы обѣихъ враждебныхъ партій были гораздо сложнѣе, чѣмъ прежде; напр., въ 1896 г. основное различіе между кандидатурами сводилось къ вопросу о валютѣ—золотой или серебряной, и третьяго рѣшенія быть не могло. Въ прошломъ же году, такихъ коренныхъ вопросовъ было до полу-дюжины, и естественно, что въ этомъ случаѣ положеніе избирателя было гораздо болѣе трудное—ему приходилось разбираться между отдѣльными пунктами, взвѣшивать, входить въ компромиссъ, и голосованіе явилось такимъ образомъ не простымъ и яснымъ актомъ, а разультатомъ сложнаго разсчета и сдѣлокъ съ совѣстью. Положеніе было затруднено еще и тѣмъ, что въ то время, какъ республиканская партія представила точную и ясную программу, демократическая—многіе вопросы оставляла въ тѣни и туманѣ. Главные пункты республиканской «платформы» состояли въ проведеніи золотой валюты, въ поддержаніи трёстовъ, въ защитѣ покровительственныхъ внѣшнихъ тарифовъ, въ одобреніи правительственной политики по отношенію къ Филиппинскимъ островамъ и вообще имперіалистическихъ тенденцій и др. Кандидатъ республиканской партіи Макъ-Кинлей, не смотря на свою безспорную репутацію государственнаго человѣка, вооружилъ противъ себя наиболѣе интеллигентные круги, своимъ безразборчивымъ оппортунизмомъ; руководящимъ началомъ своей политики онъ ставитъ «злобу дня», интересамъ минуты и требованіямъ толпы онъ жертвуетъ основными принципами общественнаго блага. Демократическая партія выставила на своемъ знамени прежде всего борьбу съ имперіализмомъ и вообще осужденіе колоніальной политики послѣдняго времени, затѣмъ протестъ противъ милитаризма, противъ трёстовъ и всякаго рода монополій, свободную чеканку серебра и т. п. Личность кандидата демократической партіи Брайяна, не могла объединить вокругъ себя всѣхъ партизановъ; многими промахами онъ успѣлъ обнаружить свою недальновидность, а упрямымъ настаиваніемъ на серебряной валютѣ, когда вопросъ этотъ и теоретически и практически потерпѣлъ полное пораженіе, Брайянъ дискредитировалъ себя какъ государственнаго человѣка. Этимъ отношеніемъ къ Брайяну въ значительной степени объясняется то, что около милліона избирателей-демократовъ уклони-

лись отъ голосованія; кромѣ того, серебряная валюта оттолкнула отъ него и большую группу республиканцевъ-анти-имперіалистовъ, которые готовы были примкнуть къ нему во имя осужденія колоніальной политики правительства. Впрочемъ, и въ походѣ противъ имперіализма, демократы подорвали къ себѣ довѣріе непослѣдовательностью; отстаивая дарованіе независимости филиппинцамъ, они въ тоже самое время лишили права голоса негровъ въ южныхъ штатахъ. Само собой разумѣется, это серьезно ослабило ихъ позицію и содѣйствовало побѣдѣ республиканцевъ. Перевѣсъ республиканской программѣ данъ былъ главнымъ образомъ промышленными классами. За послѣдніе четыре года, въ Штатахъ наблюдается поразительный ростъ промышленнаго и коммерческаго развитія. Американскіе товары дѣлаютъ быстрыя завоеванія на всѣхъ міровыхъ рынкахъ, перебивая и англійскую и германскую конкуренцію. Этотъ широкій универсальный сбытъ, само собой разумѣется, поднялъ въ странѣ лихорадочное промышленное возбужденіе, расшевелилъ грюндерскіе инстинкты,—и покровительственная политика Макъ-Кинлея пришлась какъ нельзя болѣе по вкусу этому «духу времени»; отвлеченные принципы отступили на задній планъ, интересы кармана сыграли рѣшающую роль въ выборѣ Макъ-Кинлея. Колоніальную политику Макъ-Кинлея ошибочно называютъ «имперіализмомъ», ибо собственно политическихъ тенденцій въ ней нѣтъ и слѣда; она основана исключительно на торговыхъ, чисто купеческихъ интересахъ. Въ связи съ колоніальной политикой стоитъ очень важный вопросъ, волнующій въ настоящее время американское общество: по духу американской конституціи во всѣ вновь завоеванныя земли вводится государственный строй Штатовъ, между тѣмъ эксплуататорская колоніальная система современнаго правительства отступаетъ отъ этого правила, и вводитъ въ вновь присоединенныя страны особое, «временное» положеніе, предоставляющее метрополіи свободу безнаказаннаго хищенія. Такъ, Филиппины и Порто-Рико управляются въ настоящее время военными властями; на Филиппинахъ уже около двухъ лѣтъ усмиряетъ возстаніе семидесятитысячная армія и большая половина всего американскаго флота, усмиреніе ведется энергично, ибо и до сихъ поръ появляются еженедѣльные списки убитыхъ и раненыхъ. Однимъ изъ основныхъ вопросовъ, раздѣляющимъ политическія партіи, является вопросъ о трёстахъ. Хотя трёсты уже давно подвергаются упорной аттакѣ съ разныхъ сторонъ, хотя вредъ широкихъ монопольныхъ союзовъ безспорно установленъ, однако борьба съ трёстами и ихъ защитниками не имѣетъ до сихъ поръ никакого успѣха. Съ одной стороны, представители науки оправдываютъ существованіе трёстовъ, какъ вполнѣ естественной фазы экономической эволюціи, съ другой—они же находятъ и практическія преимущества за такими объединяющими организаціями въ ихъ способности предупреждать промышленные кризисы и понижать цѣны. Однако, трудящіеся классы, испытывающіе на себѣ всѣ тягости этихъ привилегированныхъ союзовъ, энергично протестуютъ противъ трёстовъ. Но не только отдѣльныя усилія—само законодательство Штатовъ не въ силахъ справиться съ этою все растущею властью монополій: ради этого необходимо преобразовать и общее національное законодательство, и мѣстное законодательство отдѣльныхъ штатовъ, такъ какъ теперь нерѣдко промышленныя корпораціи получаютъ хартіи въ какомъ-нибудь маленькомъ штатѣ, а сѣти свои раскидываютъ на широкое пространство—по всему Союзу, въ тѣхъ штатахъ, гдѣ подобныя корпораціи не разрѣшаются. Въ заключеніе авторъ высказываетъ опасеніе, что при продолжающейся быстротѣ промышленнаго развитія Америки въ недалекомъ будущемъ долженъ вспыхнуть острый конфликтъ между Европой и Америкой; американскіе товары побѣдятъ другіе своими качествами и дешевизной, и наводнятъ собою всѣ европейскіе рынки. Ввозные тарифы Франціи, Германіи и Австріи противъ Америки уже и теперь ненормально вы-

соки, такъ что дальнѣйшее повышеніе ихъ едва-ли возможно. Въ Англіи и Австріи многіе провидятъ опасность, и англійская печать полна самыми тревожными предостереженіями на счетъ близкаго промышленнаго завоеванія Европы Америкой.

Къ реформѣ учебнаго дѣла. Вопросъ о реформѣ учебнаго строя послѣдніе мѣсяцы не сходитъ со столбцовъ газетъ и журналовъ. Относительно университетовъ, можно, кажется, считать уже достаточно натверженными основные принципы ихъ переустройства. Академикъ *А. Фаминцынъ* въ послѣдней книжкѣ «Вѣстника Европы» касается этого вопроса съ новой стороны. До сихъ поръ обсужденіе вопросовъ образованія грѣшило односторонностью: все, что относилось къ учебному дѣлу, разсматривалось въ тѣсныхъ предѣлахъ учебнаго вѣдомства, за этотъ рѣзко очерченный кругъ вопросы образованія почти не выносились. Само собой разумѣется, жизнь не знаетъ искусственныхъ границъ и, быть можетъ, готовитъ въ будущемъ серьезныя разочарованія сторонникамъ этой узко-профессіональной точки зрѣнія. Г. Фаминцынъ раздвигаетъ эти искусственныя границы и вставляетъ учебный вопросъ въ болѣе широкія рамки общественной жизни. Онъ задается спеціальной темой о причинахъ студенческихъ волненій. «Въ настоящее время, говоритъ онъ, особенно большія надежды возлагаются на реформу университетскаго строя. Никто, конечно, не сомнѣвается, что эта мѣра необходима, но этимъ не устраняется, однако, еще невольно напрашивающійся вопросъ: можетъ ли она одна служить вѣрной гарантіей прекращенія волненій». На этотъ вопросъ авторъ отвѣчаетъ словами Пирогова: «Не многіе знаютъ, что университетъ выражаетъ современное общество, въ которомъ онъ живетъ болѣе, чѣмъ всѣ другія учрежденія. Взглянувъ на университетъ глубже, можно вѣрно опредѣлить и духъ общества, и всѣ общественныя стремленія, и духъ времени... Университетъ есть лучшій барометръ общества»... Исходя изъ этихъ положеній, Пироговъ не видитъ возможности однѣми регламентаціями направить университетъ на желанный путь. По мнѣнію г. Фаминцына, безсиліе министерства народнаго просвѣщенія въ борьбѣ со студенческими безпорядками происходитъ отъ неправильнаго пониманія сути студенческихъ волненій. «Ошибка заключается въ томъ, что не въ университетскихъ волненіяхъ кроется недугъ общества, что онъ коренится гораздо глубже, и что волненія молодежи не что иное, какъ одинъ изъ оченъ ясныхъ и мучительныхъ симптомовъ недуга, охватившаго все наше общество,—а не самый недугъ». Поэтому министерство, направлявшее всѣ усилія на подавленіе симптома, а не самого общественнаго недуга, не могло достигнуть успѣшнаго умиротворенія университетскихъ безпорядковъ. Въ чемъ же состоитъ недугъ общества, особенно сильно сказавшійся на строѣ нашего учебно-воспитательнаго дѣла? «Корень всего зла практиковавшейся системы воспитанія есть до крайней степени развившееся въ послѣднее время огульное заподозриваніе и недовѣріе со стороны министерства, какъ учащихся, такъ и учащаго персонала, со включеніемъ сюда и ученой профессорской коллегіи. Если принять во вниманіе обязательное для наставниковъ выслѣживаніе учениковъ внѣ школы, принудительные обыски на квартирахъ учениковъ, не исключая живущихъ съ родителями, и, въ довершеніе всего, обязательное шаблонное преподаваніе по рекомендованному министерствомъ учебнику, съ угрозой кары за малѣйшее отъ него отступленіе въ сторону, то становится понятнымъ безъ дальнѣйшихъ объясненій, на какое жестокое положеніе оказывались обреченными какъ учителя, такъ и ученики, при господствовавшемъ въ министерствѣ режимѣ. Руководясь убѣжденіемъ, что только при непосредственномъ контролѣ съ его стороны дѣло просвѣщенія можетъ идти правильно, министерство изощрялось главнымъ образомъ въ изобрѣтеніи средствъ контроля и въ возможно большемъ ограниченіи личной иниціативы».

Какъ извѣстно, въ новомъ университетскомъ строѣ предполагается введеніе корпоративныхъ организацій студенчества. По этому вопросу находимъ обстоятельныя разъясненія во внутреннемъ обозрѣніи той же книжки «Вѣстника Европы». Авторъ перечисляетъ и характеризуетъ всевозможные типы студенческихъ союзовъ—землячества, курсовыя, факультетскія и общеуниверситетскія собранія, научные и литературные кружки—и находитъ, что всѣ они должны быть разрѣшены, ибо каждый изъ нихъ удовлетворяетъ какой-нибудь особой, и вполнѣ законной, потребности студенческой жизни. Всѣ эти виды коллективной студенческой жизни могутъ идти рука объ руку, дополняя, а не исключая другъ друга, и выборъ между ними долженъ быть предоставленъ самимъ студентамъ. «Землячества, основанныя на общности гимназическихъ воспоминаній, на давно сложившейся и окрѣпшей товарищеской связи, имѣютъ въ виду преимущественно взаимопомощь, матеріальную и нравственную; они облегчаютъ начинающему студенту первые шаги на новомъ поприщѣ, служатъ для него точкой опоры въ незнакомомъ городѣ, мѣстомъ отдыха отъ занятій». Но землячества, въ которыхъ участвуютъ представители разныхъ учебныхъ заведеній, и мужскихъ и женскихъ, въ которыхъ смѣшиваются всѣ курсы и всѣ факультеты, конечно, не могутъ служить выразителями профессіональныхъ нуждъ и желаній какой-нибудь одной группы—курса или факультета. Поэтому организація курсовыхъ и факультетскихъ собраній является существенно-необходимой: отсутствіе узаконенной формы для выраженія желаній и потребностей студенчества не разъ служило первоисточникомъ волненій. Курсовыя и факультетскія собранія имѣютъ спеціальную цѣль—они пріобщаютъ студента къ университетскимъ интересамъ, дѣлаютъ его активнымъ участникомъ университетской жизни. Завершеніемъ и объединеніемъ этихъ союзовъ могло бы служить собраніе выборныхъ отъ курсовъ или факультетовъ, какъ представительство интересовъ всего студенчества. «Научные и литературные кружки удовлетворяютъ совершенно другой потребности, растущей параллельно съ умственной зрѣлостью студентовъ,—потребности въ обмѣнѣ мыслей, въ повѣркѣ слагающихся взглядовъ, въ примѣненіи пріобрѣтенныхъ знаній». Само собою разумѣется, что всѣ поименованныя корпоративныя студенческія организаціи должны находиться исключительно въ вѣдѣніи университетскаго совѣта.

О патріотизмѣ и національзмѣ. Хроникеръ внутренней жизни «Русскаго Богатства» (май) характеризуетъ особый видъ нездороваго патріотизма, громко кричащаго о себѣ въ послѣднее время. Истинный, нормальный патріотизмъ рождается естественно, изъ неизбѣжной связи нашей со всѣмъ роднымъ: «Наши недостатки намъ ближе и больнѣе, а наши достоинства, когда они проявляются въ дѣйствіи,—тоже ближе и пріятнѣе. И все вмѣстѣ—и достоинства и недостатки—чувствуется нами непосредственнѣе и интенсивнѣе, чѣмъ свойства другихъ народовъ... Но это не должно заставлять насъ любить и прославлять недостатки лишь потому, что они наши, и отрицать чужія достоинства, потому что они чужія...» Истинное сознаніе національнаго достоинства незамѣтно проникаетъ собой наши чувства, мысли, поступки и не выставляется на площади съ барабаннымъ боемъ, какъ это дѣлаютъ ультра-русскіе, сугубо-русскіе патріоты. Они демонстративно заявляютъ свои патріотическія пристрастія, вызывающе озираясь на сосѣдей. Этотъ видъ нездороваго, воинствующаго, наступательнаго патріотизма называется въ послѣднее время націонализмомъ. Съ одной стороны національное самовозвеличеніе и самохвальство: «мы рррусскіе люди!» съ другой шовинистическая травля: «долой жидовъ, долой нѣмцевъ, долой поляковъ!..» «А такъ какъ, разумѣется, перваго утвержденія никто не опровергаетъ, то, по самой логикѣ вещей, вся суть явленія, его центръ тяжести переходитъ на вторую половину формулы. Такимъ образомъ, реальное содержаніе національзма сводится на «отрицаніе» другихъ

національностей». Само собою разумѣется, что націоналистъ не можетъ удовлетвориться той формулой патріотизма, по которой мы особенно сильно чувствуемъ отрицательныя свойства нашей жизни именно потому, что они наши,—что ими болѣютъ и отъ нихъ страдаютъ именно и прежде всего люди намъ наиболѣе близкіе. «Бреттерствующій патріотизмъ не можетъ признать своихъ недостатковъ, и опять по логикѣ вещей, очень скоро всѣ *особенности* нашей жизни, уже потому, что онѣ наши, признаются добродѣтелями, а чужія отличія—обращаются сплошь въ пороки...» Любопытно, что національзмъ всегда сопровождается большей или меньшей склонностью къ ретроградству; вездѣ прогрессивныя теченія вступаютъ въ конфликтъ съ воинствующимъ націонализмомъ. Такъ, Катковъ въ началѣ своей публицистической дѣятельности былъ либераломъ и даже конституціонистомъ, но затѣмъ, подъ вліяніемъ болѣзненно задѣтаго національзма, быстро и рѣшительно поворотилъ въ сторону реакціи. Также и Суворинъ, нѣкогда либеральный публицистъ, какъ только перешелъ къ вульгарному національзму, немедленно отправился на поклонъ къ Каткову, открытому врагу всякого прогресса въ русской жизни. Еще черезъ нѣсколько лѣтъ того же Суворина принимаетъ въ свои объятія уже даже не Катковъ, а князь Мещерскій... Такъ сильно тяготѣніе національзма къ обскурантизму. Дѣйствительно, переходъ въ реакціонный лагерь представляетъ у насъ соблазнительныя перспективы: вмѣсто того, чтобы упорнымъ трудомъ и часто безплодно бороться съ темнымъ наслѣдіемъ прошлаго, съ закоренѣлыми предразсудками, публицистъ сразу можетъ стать силой, добиться блестящаго успѣха,—ради этого стоитъ только перемѣнить фронтъ и вмѣсто борьбы съ темными инстинктами массы—начать потакать имъ, вмѣсто осужденія предразсудковъ и мертвящихъ остатковъ старины—ихъ поддерживать и поощрять. Нѣтъ болѣе требованія тяжелой работы надъ собой, обузданія слѣпыхъ страстей во имя «братства всѣхъ людей»,—и толпа довольна, даетъ волю грубымъ инстинктамъ человѣконенавистничества противъ евреевъ, поляковъ и др. и рукоплещетъ публицисту.

За Пиринеями. Г. *П. Головачевъ* описываетъ свои путевыя впечатлѣнія отъ поѣздки въ Испанію и Португалію. Автора поражаетъ необычайная архаичность, бросающаяся въ глаза всюду и во внѣшнемъ видѣ городскихъ улицъ, и при знакомствѣ съ внутреннимъ бытомъ. Португальскіе города, напр. Лиссабонъ, Коимбра, лежатъ на нѣскольвихъ холмахъ, улицы, узкія, извилистыя, то взбираются на крутые подъемы, то прерываются каменными лѣстницами, то внезапно заканчиваются обрывомъ, съ котораго открывается превосходный видъ. Зигзаги улицъ то окружены каменными стѣнами, то украшены пальмами, между ними тамъ и сямъ съ холмовъ пробиваются и журчатъ ручейки. Во многія улицы не могутъ въѣзжать повозки—тамъ могутъ расхаживать только нагруженные ослики. Особенность построекъ, придающая городу средневѣковой характеръ, состоитъ въ нѣсколькихъ ярусахъ тѣсныхъ, низенькихъ мансардъ, устроенныхъ на крышахъ домовъ, обыкновенно надъ четвертымъ этажомъ. До землетрясенія 1755 года этотъ лабиринтъ мансардъ съ ихъ переходами и лѣсенками былъ еще запутаннѣе, и потому можно себѣ представить ужасныя опустошенія, которыя должно было произвести здѣсь землетрясеніе. Уличная жизнь въ Лиссабонѣ очень оживленная, толпа шумная и экспансивная; въ португальскомъ національномъ типѣ рѣзко отложились негритянскія, арабскія, еврейскія черты. Мѣстный колоритъ уличной жизни придаетъ время отъ времени, то тамъ то здѣсь, скучивающаяся публика: посреди господинъ въ цилиндрѣ усердно рекламируетъ разныя патентованныя средства отъ всѣхъ болѣзней въ баночкахъ и скляночкахъ. Публика убѣждается больше всего дешевизной чудодѣйственныхъ лѣкарствъ и охотно раскупаетъ ихъ. Португальскія церкви не изящны снаружи и не нарядны внутри: вдоль стѣнъ разставлены грубыя изображенія святыхъ, одѣтыя въ полный костюмъ, въ башмакахъ, съ

кольцами на рукахъ. Единственный португальскій университетъ находится въ Коимбрѣ,—въ Лиссабонѣ и Опорто существуютъ лишь неполныя высшія школы. Коимбра, старинный городъ, всецѣло поглощенъ университетомъ: тамъ все «академическое»,—улица Наукъ, Математики и т. п., есть академическія фотографіи, магазины, есть академическіе портные, сапожники, парикмахеры. Университетъ очень древній, основанъ еще въ 1290 году. До сихъ поръ средневѣковыя традиціи еще очень живучи въ университетѣ. Каждый годъ 1-го октября профессора должны являться въ университетскую капеллу, давать тамъ присягу и произносить исповѣданіе католической вѣры, какъ установлено папой Піемъ IV въ 1564 году, Докторскіе диспуты происходятъ при соблюденіи правилъ и церемоній, установленныхъ еще въ 1451 году. Во время торжественнаго акта профессора являются во всемъ средневѣковомъ парадѣ. Лекціи они читаютъ въ тогахъ, особыхъ пелеринахъ и докторскихъ беретахъ. Студенты обязаны носить черный костюмъ, похожій на сутану католическихъ священниковъ, только покороче, могутъ выходить на улицу и посѣщать университетъ только въ длинной черной тогѣ и съ непокрытой головой. Въ октябрѣ прошлаго года ректоръ объявилъ войну лакированнымъ ботинкамъ, накрахмаленнымъ манишкамъ и перчаткамъ, въ которыхъ начали было щеголять богатые студенты, нарушая этимъ средневѣковые обычаи. Любопытную особенность мѣстной студенческой жизни представляютъ «республики». Это группы студентовъ человѣкъ отъ 9 до 15, заводящихъ ради экономіи артельное хозяйство. Они нанимаютъ помѣщеніе (квартира въ 10 комнатъ стоитъ въ Коимбрѣ 130 руб. въ годъ), прислугу, заводятъ хозяйственный инвентарь и ежемѣсячно вносятъ извѣстную очень небольшую сумму (около 9 р.) на содержаніе. Женщинамъ входъ въ «республики» строго запрещенъ обычаемъ. Ежедневно зимой въ 6, а лѣтомъ въ 7 часовъ вечера раздается звонокъ съ университетской башни, означающій, что студенты не имѣютъ права показываться на улицахъ, и за нарушеніе этого предписанія старшіе студенты обрѣзываютъ у виновнаго усы или волосы. Есть въ Коимбрѣ студенческіе клубы, въ которыхъ процвѣтаютъ карты, есть масонская ложа; масонскихъ ложъ въ Португаліи до 150, онѣ состоятъ въ сношеніяхъ и съ русскими ложами, изъ которыхъ одна или двѣ имѣются въ Москвѣ. Такой же архаическій характеръ носятъ и испанскіе университеты; возьмемъ для примѣра программу историко-филологическаго факультета: латинскій, греческій и еврейскій языки, всеобщая исторія, всеобщая литература, метафизика и «критическая» исторія Испаніи. Библіотеки испанскихъ университетовъ составлены почти исключительно изъ библіотекъ упраздненныхъ монастырей,—это опредѣляетъ, разумѣется, составъ книгъ; вотъ почему такія библіотеки почти не посѣщаются даже студентами, которые предпочитаютъ публичныя библіотеки, съ ихъ болѣе свѣжими каталогами.

Къ характеристикѣ Клейнмихеля. Г. *В. Панаевъ.* («Русская Старина», іюнь) передаетъ случай проявленія общественнаго негодованія противъ Клейнмихеля въ 1843—1844 году. Поводомъ послужила жестокая расправа Клейнмихеля съ выпускными воспитанниками института инженеровъ путей сообщенія. Въ послѣднемъ классѣ инженеры подчинялись двоякому начальству: военному и учебному. Отъ 2 до 5 часовъ дежурилъ офицеръ по фронтовой части, а съ 5 его смѣнялъ дежурный инженеръ. Однажды инженерный офицеръ опоздалъ на дежурство на четверть часа, офицеръ по фронтовой части вошелъ въ это время въ классъ и сдѣлалъ какое-то грубое замѣчаніе одному воспитаннику. Тотъ отвѣтилъ ему, что онъ не имѣетъ права теперь не только дѣлать какія бы то ни было распоряженія, но даже входить въ классъ. Многіе товарищи поддержали своего и стали кричать, чтобы офицеръ ушелъ изъ класса. Въ результатѣ пять человѣкъ были арестованы, разжалованы въ солдаты и жестоко наказаны розгами. Этотъ фактъ произвелъ подавляющее впе-

чатлѣніе, какъ оскорбленіе всего корпуса инженеровъ. Слухъ объ этомъ быстро разнесся по всему Петербургу, и когда вскорѣ Клейнмихель показался въ итальянской оперѣ, то немедленно поднялся въ театрѣ крикъ: «Живодеръ, тиранъ! Вонъ отсюда, живодеръ!» и многіе указывали руками на ложу, гдѣ появился Клейнмихель. Конечно, онъ немедленно скрылся. Въ этомъ порывѣ негодованія приняли участіе всѣ и преимущественно дамы, поэтому и не было предпринято разслѣдованія объ иниціаторахъ этой демонстраціи.

Борьба имп. Николая I съ канцелярскою рутиною. Въ той же книжкѣ «Русской Старины» г. В. Вешняковъ сообщилъ резолюціи императора Николая I на бумагахъ департамента государственныхъ имуществъ въ 1837 г. Интересуясь задуманнымъ имъ въ это время преобразованіемъ управленія государственныхъ крестьянъ, имп. Николай потребовалъ, чтобы всѣ бумаги этого департамента, прежде чѣмъ поступить на разсмотрѣніе министра, пересылались къ нему, и онъ самъ по нимъ будетъ постановлять рѣшенія. Такихъ бумагъ съ замѣчаніями имп. Николая хранится въ департаментѣ общихъ дѣлъ 31. Большая часть царскихъ помѣтъ на этихъ документахъ относится къ способу составленія бумагъ и указываетъ на безполезность слишкомъ длиннаго изложенія, на излишнія повторенія. Такъ, на одномъ предписаніи, подписанномъ уже министромъ гр. Канкриномъ, Николай писалъ: «Я полагаю, что прописка всѣхъ сихъ обстоятельствъ въ отвѣтной бумагѣ совершенно лишнее... можно было сказать ясно и коротко». Иногда онъ отмѣчалъ чертой нѣсколько строкъ и надписывалъ: «лишнее», или: «начать нужно было тутъ». Когда подъ вліяніемъ этихъ замѣчаній. бумаги стали писать короче, императоръ надписывалъ одобрительныя замѣчанія: «правильно, но прибавить должно было №». Помимо канцелярской формы, нѣкоторыя бумаги обращали на себя его вниманіе и по существу. Такъ, по поводу одного проекта онъ потребовалъ: «Представить дѣло; а начальника отдѣленія, въ которомъ бумагу писали, за поднесеніе ко мнѣ бумаги со скобленными именами, посадить, въ примѣръ другимъ, на 8 дней на Сенатскую гауптвахту». Въ результатѣ этого разсмотрѣнія исходящихъ бумагъ департамента государственныхъ имуществъ, имп. Николай пригласилъ къ себѣ графа П. Д. Киселева и завелъ съ нимъ рѣчь объ устройствѣ казенныхъ крестьянъ: «Я давно убѣдился,—говорилъ императоръ,—въ необходимости преобразованія ихъ положенія; но министръ финансовъ, отъ упрямства или неумѣнья, находитъ это невозможнымъ. Я его знаю и потому настаивалъ на необходимости заняться пристально и, увидѣвъ, что съ нимъ это дѣло не пойдетъ, рѣшился приступить къ нему самъ и положить основаніе подъ личнымъ своимъ руководствомъ... Мнѣ нуженъ помощникъ, и какъ я твои мысли на этотъ предметъ знаю, то хочу тебя просить принять все это дѣло подъ свое попеченіе и заняться со мною». А гр. Канкрину «я доказалъ, по прочтеніи входящихъ и исходящихъ бумагъ за цѣлую недѣлю, что они пишутъ вздоръ, что онъ бумагъ этихъ не видитъ и что все дѣло идетъ безъ толку». Любопытно, что эта строгая царская критикака нцелярскихъ порядковъ разбилась о канцелярскую рутину и не привела ни къ какимъ практическимъ результатамъ. Когда гр. Канкрину представленъ былъ докладъ, въ которомъ объяснялось, что бумаги, вызвавшія замѣчанія императора, составлялись по принятому въ дѣлопроизводствѣ порядку, и вмѣстѣ испрашивалось распоряженіе, какъ поступить съ этими бумагами и какъ дѣйствовать на будущее время,—то была положена слѣдующая резолюція: «Г. министръ финансовъ отозвался, что всѣ оныя бумаги слѣдуетъ, переписавъ въ томъ же видѣ, прислать къ подписанію его сіятельства, а тѣ, на коихъ высочайшія отмѣтки, хранить въ департаментѣ; что упомянутыя отмѣтки приняты будутъ въ руководство при составленіи новаго образованнаго департамента и что, впредь, надлежитъ съ оными сообразоваться, *поколику установленный порядокъ дозволитъ*».

За границей.

Французскіе конгрессы. По иниціативѣ двухъ молодыхъ французскихъ поэтовъ, Пуансо и Норманда, еще неуспѣвшихъ, впрочемъ, стяжать себѣ всемірную извѣстность, въ Парижѣ состоялся первый конгрессъ поэтовъ. Программа этого конгресса обѣщала быть интересной; для обсужденія предложены были слѣдующіе три вопроса: 1) литературная децентрализація; 2) соціальная роль поэзіи и поэта, распространеніе поэзіи; 3) поэтика; классическая поэзія и новыя школы, послѣдній вопросъ, касающійся новыхъ формъ поэзіи, конечно, долженъ былъ возбудить наиболѣе горячія пренія и всѣ ожидали, что главный интересъ конгресса сосредоточится именно на этомъ пунктѣ. Но пренія съ самаго начала приняли довольно бурный характеръ и съ первыхъ же шаговъ можно было убѣдиться, что сохранить единодушіе среди поэтовъ, пожалуй, еще труднѣе, чѣмъ въ европейскомъ концертѣ въ Пекинѣ.

Конгрессъ открылся въ залѣ «Ecole libre des sciences sociales» въ присутствіи трехсотъ приглашенныхъ, среди которыхъ собственно поэты оставляло меньшинство, притомъ же, къ огорченію организаторовъ конгресса, изъ крупныхъ французскихъ поэтовъ лишь очень немногіе отозвались на приглашеніе. Огромное большинство публики составляли просто любопытные и, главнымъ образомъ, дамы, блиставшія своими туалетами.

Предсѣдателемъ конгресса былъ избранъ хорошо извѣстный французской публикѣ Леонъ Дирксъ, но онъ долго не соглашался занять президентское кресло, ссылаясь на свое слабое здоровье. Наконецъ, его уговорили, и засѣданіе было объявлено открытымъ.

Въ залѣ было нестерпимо жарко и эта удушливая атмосфера, вѣроятно, была причиною крайней раздражительности членовъ конгресса. Съ самаго перваго момента начались ожесточенные споры. Перваго докладчика еще кое какъ слушали, но когда началъ читать свой рефератъ второй докладчикъ Рене Доръ, то въ залѣ послышались протесты. «Мы сюда пришли вовсе не для того, чтобы слушать длинныя разсужденія, а чтобы поговорить о поэзіи!»—раздавалось со всѣхъ сторонъ. Наконецъ, шумъ сдѣлался такъ силенъ, что докладчикъ волей-неволей долженъ былъ прервать нарединѣ свою рѣчь. Третій докладчикъ, смѣнившій его и наученный его примѣромъ, сократилъ свой докладъ до минимума, торопясь поскорѣе кончить. Тогда приступили къ преніямъ. Одинъ изъ членовъ только что началъ развивать свои взгляды на счетъ новыхъ формъ поэзіи и свободнаго стиха, какъ уже другой, найдя, что онъ говоритъ слишкомъ долго, сдѣлалъ ему по этому поводу довольно рѣзкое замѣчаніе. Поднялся шумъ, и ораторъ, лишенный возможности продолжать свою рѣчь, сошелъ съ трибуны. Послѣ того, какъ предсѣдателю удалось возстановить нѣкоторую тишину въ залѣ, рѣчь слѣдующаго оратора, правда очень короткая и незначительная, была выслушана при относительномъ спокойствіи. Но затѣмъ новую бурю вызвалъ одинъ изъ организаторовъ конгресса, предложившій обратиться въ академію съ просьбою выдавать денежныя преміи только не имѣющимъ средствъ къ жизни. Со всѣхъ сторонъ послышались слѣдующія восклицанія: «Это смѣшно! Унизительно! Съ какой стати мы будемъ принимать милостыню отъ академіи! Власть академіи надо подавить!» Этотъ послѣдній возгласъ вызвалъ всеобщій энтузіазмъ. Всѣ стали требовать вотированіе резолюціи въ этомъ духѣ. Голосованіе было произведено посредствомъ поднятія рукъ, и почти единогласно рѣшено «подавить академію».

Новый взрывъ негодованія вызвало Теофиль Ферре своимъ протестомъ противъ свободнаго стиха. Онъ указалъ на то, что Метерлинкъ и другіе приверженцы такой формы поэзіи—все это были не французы. «Пусть ужъ они производятъ реформу поэзіи у себя дома, а не во Франціи!» сказалъ онъ. Конечно,

на него посыпались возраженія и опять понадобились звонки предсѣдателя, чтобы возстановить спокойствіе. Но бѣдный предсѣдатель, измученный жарой и шумомъ, попросилъ послѣ этого разрѣшеніе передать бразды правленія другому. Катюллъ Мандесъ любезно согласился занять его мѣсто и пренія продолжались столь же шумнымъ образомъ. Наконецъ, и Катюллъ Мандесъ не выдержалъ и потихоньку удалился вмѣстѣ съ большинствомъ болѣе серьезныхъ поэтовъ, оставивъ прочихъ яростно кричать и спорить между собой.

Конгрессъ закрылся поздно вечеромъ, когда зала совсѣмъ уже почти опустѣла и остались только самые неистовые члены конгресса, не перестававшіе о чемъ-то ожесточенно спорить. Продолженіе конгресса происходило уже въ сосѣднихъ съ залою конгресса кафе-ресторанахъ, гдѣ собрались ужинать члены конгресса и долго разсуждали о благихъ результатахъ согласія, которое можетъ быть «достигнуто путемъ такихъ ежегодныхъ собраній» и о необходимости возобновленіи конгресса на будущій годъ и т. д.». Однако, организаторы конгресса, также какъ и лица, избранныя предсѣдателями, не раздѣляли, повидимому, этого мнѣнія насчетъ «согласія и единодушія», которыя могутъ быть достигнуты путемъ обмѣна мнѣній, происходящаго на конгрессѣ, и поэтому на другой же день, послѣ того, какъ поэты еще пошумѣли немного, конгрессъ былъ объявленъ закрытымъ и всѣ мірно разошлись по домамъ.

Вскорѣ послѣ этого юмористическаго конгресса, въ Парижѣ состоялся ежегодный конгрессъ общества соціальной экономіи. Этотъ конгрессъ дѣйствительно можно назвать блестящимъ, какъ по своимъ докладамъ, такъ и по качеству ораторовъ, принимавшихъ въ немъ участіе. Всѣ вопросы, мотивированные въ резолюціяхъ конгресса, безъ исключенія, касались положенія женщины и почти всѣ наиболѣе извѣстные феминисты парижскаго общества присутствовали на этомъ конгрессѣ. Пренія носили серьезный характеръ, хотя не обошлось все-таки безъ курьезовъ. Одна изъ самыхъ молодыхъ феминистокъ на этомъ конгрессѣ предложила выразить порицаніе молодымъ людямъ, ухаживающимъ за молодыми замужними дамами, а не за дѣвушками. «Въ Парижѣ вообще замужнія женщины пользуются большимъ успѣхомъ», заявила она съ негодованіемъ, но ея крикъ души не нашелъ, однако, отклика въ членахъ конгресса, и резолюція осталась не вотированной.

Этотъ эпизодъ нѣсколько нарушилъ серьезность засѣданій конгресса, но затѣмъ онъ продолжался въ прежнемъ порядкѣ. Только вопросъ о брачномъ контрактѣ вызвалъ нѣкоторое волненіе въ аудиторіи. Кто-то замѣтилъ, что законы издаются мужчинами и въ интересахъ мужчинъ, на это одинъ изъ членовъ бюро возразилъ, что «мужчины, изобрѣтавшіе брачные законы, въ то же время были и отцами, которые могли желать выдать замужъ своихъ дочерей съ соблюденіемъ ихъ интересовъ». Эти слова нѣсколько успокоили аудиторію.

На конгрессѣ очень много рѣчей было произнесено женщинами. Одна изъ нихъ расхвалила прошлый режимъ. Она изложила исторію генеральныхъ штатовъ и въ особенности остановилась на ихъ подготовленіи, указавъ на ту роль, которую играли въ этомъ дѣлѣ женщины. Она говорила, что женщины всѣхъ классовъ, «grandes dames и bourgeoises» и даже аббатисы, были приглашены участвовать въ общей работѣ. Ея докладъ возбудила пренія, въ которыхъ принимали участіе нѣкоторые изъ депутатовъ палаты.

Другая ораторша объявила, что женщинамъ нѣтъ никакого смысла добиваться теперь правъ голоса на общихъ выборахъ. «Suffrage universel» значенія не имѣетъ при существующихъ законахъ и только когда будутъ произведены реформы въ системѣ выборовъ, женщины могутъ, въ свою очередь, заявить требованія; теперь же это преждевременно.

Французскіе законы, лишающіе замужнюю женщину правъ на заработанныя ею деньги, подверглись, разумѣется, серьезной критикѣ со стороны членовъ

конгресса и огромное большинство мужчинъ оказалось въ данномъ случаѣ на сторонѣ женщинъ. Вотированныя резолюціи указываютъ на полное единодушіе конгресса въ главныхъ вопросахъ.

Рѣшено, между прочимъ, что каждый такой конгрессъ ежегодно будетъ посвященъ лишь одному какому-нибудь вопросу, который подвергнется самому всестороннему и по возможности безпристрастному разсмотрѣнію на конгрессѣ. Такая система дастъ возможность конгрессу высказаться окончательно по данному вопросу и можно будетъ достигнуть болѣе положительныхъ результатовъ, замѣнивъ подчасъ безплодную болтовню и упражненія въ ораторскомъ искусствѣ, на которыя уходитъ большая часть времени на конгрессахъ, серьезною работой, которая должна принести плоды. Программа будущаго года еще не установлена окончательно, но полагаютъ, что конгрессъ будетъ, также какъ и теперь, посвященъ какому-либо одному вопросу; вѣроятно, это будетъ вопросъ о налогахъ, либо о земельной собственности.

Двѣ смерти. Англія почти одновременно лишилась двухъ выдающихся писателей: Вальтера Безанта и Роберта Буханана. Вальтеръ Безантъ умеръ въ воскресенье, 9 іюня, а Робертъ Бухананъ въ понедѣльникъ, 10 іюня. Между обоими писателями ровно ничего не было общаго, кромѣ того лишь, что они были почти ровесники (Безантъ родился въ 1838 г., а Бухананъ въ 1841 г.) и оба одновременно сошли съ жизненной сцены.

Имя Вальтера Безанта хорошо извѣстно русской публикѣ. Это былъ одинъ изъ любимыхъ англійскихъ писателей, романы котораго всегда можно было встрѣтить на страницахъ нашихъ періодическихъ журналовъ. На своей родинѣ онъ также пользовался большою популярностью. Его произведенія проникнуты теплымъ чувствомъ и глубокимъ состраданіемъ къ «пасынкамъ судьбы», къ бѣднѣйшимъ классамъ лондонскаго населенія, которыхъ онъ описываетъ въ своихъ романахъ и другихъ произведеніяхъ, посвященныхъ Лондону. Его писательская дѣятельность можетъ служить самымъ нагляднымъ доказательствомъ великой соціальной роли и вліянія литературы. Народный дворецъ, возвышающійся въ одномъ изъ бѣднѣйшихъ кварталовъ Лондона Кетъ-Эндѣ, всецѣло обязанъ своимъ существованіемъ Вальтеру Безанту. Своимъ соціальнымъ романомъ (переведенъ въ «М. Б.»—подъ заглавіемъ «Тайна богатой наслѣдницы») Вальтеръ Безантъ далъ могучій толчокъ движенію, которое уже назрѣвало и начало которому было положено Арнольдомъ Тойнби и др. Результатомъ этого движенія явилось сооруженіе народнаго дворца и устройство университетскихъ поселеній. Мечта, которая и самому автору казалась необычной—онъ далъ подзаглавіе своему роману: «An impossibli «Story» (невозможная исторія)—осуществилась необыкновенно быстро, и Вальтеръ Безантъ, какъ нравственный иниціаторъ великаго дѣла, участвовалъ въ торжествѣ открытія народнаго дворца, созданнаго по идеѣ героини его романа Анджелы. Вальтеръ Безантъ говорилъ потомъ, что это былъ одинъ изъ счастливѣйшихъ дней его жизни и дѣйствительно онъ былъ баловнемъ судьбы въ данномъ случаѣ, такъ какъ рѣдко кому изъ писателей удается такъ быстро достигнуть подобныхъ яркихъ и плодотворныхъ результатовъ своей литературной дѣятельности.

Вальтеръ Безантъ въ молодости предназначался къ духовной карьерѣ, но онъ не чувствовалъ къ ней ни малѣйшаго влеченія, а потому отказался отъ нея, какъ только получилъ свободу выбора. Онъ часто говаривалъ потомъ, что «церковь избавилась отъ плохого пастыря». Но за то міръ пріобрѣлъ въ немъ хорошаго писателя и соціальнаго проповѣдника. Отказавшись отъ духовной карьеры, Вальтеръ Безантъ изобрѣлъ сначала профессорскую дѣятельность и въ теченіе шести лѣтъ занималъ каѳедру математики въ университетѣ на островѣ Маврикія. Климатъ острова оказался для него нездоровымъ и онъ вы-

шелъ въ отставку. Во время пребыванія на островѣ Маврикія онъ изучилъ французскій языкъ и литературу и вскорѣ по возвращеніи на родину, въ 1868 году, издалъ свою первую книгу по исторіи французской поэзіи «Studies in Early French Poetry». Хотя успѣхъ этой книги былъ невеликъ и Вальтеръ Безантъ едва покрылъ расходы по ея изданію, но тѣмъ не менѣе онъ уже вступилъ на литературное поприще и это рѣшило его судьбу. Онъ сдѣлался постояннымъ сотрудникомъ газеты «Daily News» и маленькаго литературнаго журнала «Once a Week», издаваемаго Джемсомъ Райсомъ, съ которымъ Безантъ очень подружился и написалъ вмѣстѣ нѣсколько романовъ, изъ которыхъ наибольшею извѣстностью пользуется «The Golden Batterfly» (Золотая бабочка). Сотрудничество это продолжалось вплоть до смерти Райсъ и оно окончательно опредѣлило призваніе Безанта, ставшаго беллетристомъ, хотя онъ и дебютировалъ въ литературѣ нѣсколькими критическими трудами, и даже вначалѣ не чувствовалъ, повидимому, стремленій къ беллетристикѣ.

Послѣ смерти Райса извѣстность и популярность Безанта продолжала расти и дошла до апогея послѣ его соціальнаго романа «All sorts and Conditions of men» и открытія народнаго дворца.

Другое хорошее общественное дѣло, съ которымъ связано имя Вальтера Безанта—это учрежденіе «Общества авторовъ». Зная по опыту, какъ часто молодые, неопытные и несвѣдущіе въ дѣлахъ авторы попадаютъ въ руки недобросовѣстныхъ издателей, которые эксплуатируютъ ихъ неопытность, Вальтеръ Безантъ рѣшилъ придти на помощь своимъ братьямъ и сестрамъ по литературѣ и послужить имъ своимъ опытомъ и своею энергіей. Съ этою цѣлью Безантъ и учредилъ свое общество, въ которое онъ втянулъ многихъ изъ современныхъ ему выдающихся писателей; Теннисонъ, Мередита, Гэрда. Общество пользуется вполнѣ заслуженнымъ успѣхомъ и многимъ изъ молодыхъ начинающихъ авторовъ оно помогло выбраться на дорогу.

Вальтеръ Безантъ былъ популяренъ не только какъ писатель, но и какъ человѣкъ. Его любили всѣ, кто только имѣлъ съ нимъ какія-либо сношенія и по общему отзыву это былъ человѣкъ съ необыкновенно добрымъ и благороднымъ сердцемъ. Онъ всегда готовъ былъ придти на помощь и кошелекъ его былъ открытъ для всѣхъ нуждающихся. Семья Безанта состояла изъ жены, двухъ дочерей и двухъ сыновей, которые до сихъ поръ сражаются въ рядахъ южно-африканской арміи.

Совершенно иная судьба была другого писателя, смерть котораго совпала со смертью Вальтера Безанта,—Роберта Буханана. Въ его лицѣ сошелъ въ могилу одинъ изъ самыхъ ярыхъ полемистовъ современной Англіи. Вся его жизнь представляла не что иное, какъ постоянную борьбу, борьбу за существованіе и борьбу изъ-за славы. Англійскіе безпристрастные литературные критики, впрочемъ, признавали въ немъ выдающійся талантъ, но первые шаги его на литературномъ поприщѣ возбудили противъ него бурю негодованія. Онъ напечаталъ въ 1871 году, въ «Contemporary Review» критическую статью о Россетти, озаглавленную «The Fleshly School of Poetry» (Мясная школа поэзіи) и подписанную псевдонимомъ. Пристрастные и несправедливые нападки на Россетти возбудили противъ Буханана чуть ли не всю литературу и впослѣдствіи ему очень трудно было поправить эту ошибку. Очевидно, онъ и самъ сознавалъ потомъ несправедливость своихъ нападокъ на Россетти, такъ какъ посвятилъ ему нѣкоторыя изъ своихъ произведеній, какъ «своему старому врагу».

Когда произошелъ этотъ инцидентъ, такъ вредно отразившійся на литературной карьерѣ Буханана, репутація его, какъ поэта, была уже довольно значительна и многіе предсказывали ему блестящую будущность. Онъ посвятилъ свою первую книгу стиховъ памяти своего несчастнаго друга Давида Грея. Отецъ Роберта Буханана былъ въ своемъ родѣ замѣчательный человѣкъ, мис-

сіонеръ, соціалистъ и журналистъ и отъ него Робертъ Бухананъ наслѣдовалъ многія стороны своего характера. Онъ имѣлъ очень скромныя средства и поэтому молодой Бухананъ довольно-таки нуждался первое время своего пребыванія въ Лондонѣ, куда онъ переѣхалъ по окончаніи Глазговскаго университета, вмѣстѣ со своимъ другомъ Давидомъ Греемъ. Оба юноши мечтали о литературной славѣ, но только Буханану суждено было испытать ее. Грей умеръ въ молодыхъ годахъ, отъ чахотки, развившейся вслѣдствіе лишеній, не успѣвъ создать ничего замѣчательнаго. Его первая поэма, однако, встрѣтила сочувственный отзывъ литературной критики, и еслибъ не преждевременная смерть, то талантъ его, быть можетъ, достигъ бы своего развитія.

Выдающеюся чертою Буханана было постоянное недовольство міромъ, которое, онъ, быть можетъ, также наслѣдовалъ отъ своего отца. Это недовольство особенно ярко выразилось въ послѣдніе годы его жизни, и, разумѣется, отражалось также и во всѣхъ его произведеніяхъ. Пессимистическая нота особенно сильно звучитъ въ его лондонскихъ поэмахъ, стяжавшихъ ему громкую извѣстность и явившихся прямымъ отраженіемъ одинокаго и печальнаго существованія, которое онъ велъ, проживая въ Лондонѣ, на чердакѣ. Конецъ Буханана былъ также печаленъ. Всѣ его небольшія сбереженія погибли въ одной несчастной спекуляціи, и когда его разбилъ параличъ, и онъ не въ состояніи былъ работать, то ему пришлось бы плохо, еслибъ его прежніе друзья не пришли на помощь. Они поддерживали его до самой смерти.

Робертъ Бухананъ, также какъ и Вальтеръ Безантъ, былъ очень добръ и никогда никому не отказывалъ въ помощи, но Вальтеру Безанту не пришлось самому нуждаться въ чьей-нибудь помощи, судьба же Буханана сложилась совсѣмъ иначе.

Итальянскіе крестьянскіе союзы. Въ Италіи можно наблюдать теперь любопытное крестьянское движеніе. Еще сравнительно очень недавно о крестьянскихъ союзахъ ничего не было слышно, но теперь эти «Legue» (лиги) становятся самымъ обычнымъ явленіемъ и скоро покроютъ своею сѣтью всю страну. Итальянскіе земледѣльцы начинаютъ сознавать силу кооперацiи, и союзы растутъ, какъ грибы. Въ одномъ только округѣ Мантуа насчитывается въ настоящее время до 40.000 членовъ такихъ союзовъ, вносящихъ по пяти сантимовъ ежемѣсячно. Число этихъ союзовъ еще нельзя опредѣлить съ точностью, но судя по нѣкоторымъ свѣдѣніямъ, оно должно быть очень велико. По словамъ одной изъ итальянскихъ газетъ, только въ одной Павіи существуетъ 44 союза съ 8.000 членовъ. Статуты этихъ союзовъ отличаются въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ почти идиллическою простотой. Такъ, напримѣръ, они вмѣняютъ въ обязанность своимъ членамъ хорошее обращеніе съ животными, вѣжливость по отношенію къ хозяевамъ и проповѣдуютъ братство и солидарность всѣхъ. Но, разумѣется, эти союзы преслѣдуютъ и практическія цѣли, т.-е. повышеніе заработной платы и добиваются этихъ цѣлей всѣми зависящими отъ нихъ средствами. Къ сожалѣнію, сельское хозяйство въ Италіи находится въ очень плохомъ состояніи и поэтому нѣтъ ничего удивительнаго, что, несмотря на всѣ эти союзы, экономическое положеніе крестьянъ очень печальное, да и положеніе самихъ помѣщиковъ подчасъ бываетъ нисколько не лучше.

Народныя собранія въ Швейцаріи. Въ концѣ апрѣля и въ началѣ мая ежегодно въ Швейцаріи происходятъ очень любопытныя собранія. Это такъ называемыя «Landsgemeinde»—собранія всѣхъ гражданъ нѣкоторыхъ кантоновъ, съ цѣлью вотированія законовъ и избранія судей. Какъ извѣстно, подобныя собранія существовали у многихъ первобытныхъ народовъ, напр., у древнихъ германскихъ племенъ и въ исторіи Швейцаріи о нихъ въ первый разъ упо-

минается въ концѣ тридцатаго вѣка, но, повидимому, обычай этотъ установленъ былъ гораздо раньше. Какъ бы тамъ ни было, но до конца XVIII вѣка одиннадцать «Landsgemeinde» собирались регулярно каждый годъ, но съ основаніемъ «единой и нераздѣльной республики Гельвеціи» они всѣ были упразднены. Въ 1815 г., однако, семь изъ нихъ были опять возобновлены, теперь же осталось только шесть, которыя собрались въ этомъ году въ Антксцелѣ, Гундвилѣ, въ Унтервальдѣ въ Гларисѣ и Бецлингенѣ, недалеко отъ Альторфа.

Въ тѣхъ кантонахъ, гдѣ сохранился этотъ обычай, всѣ граждане собираются вмѣстѣ разъ въ годъ, въ назначенное время и въ опредѣленномъ мѣстѣ, освященномъ традиціей, на какой-нибудь лужайкѣ или площади, и въ нѣсколько часовъ рѣшаютъ всѣ законодательныя дѣла и выбираютъ представителей исполнительной власти. По словамъ корреспондента «Journal des Débats», присутствовавшаго на этихъ собраніяхъ въ нынѣшнемъ году, «Landsgemeinde» представляютъ очень любопытное зрѣлище. Собранія отличаются серьезностью, члены его держатъ себя съ большимъ достоинствомъ и противники соблюдають самую изысканную вѣжливость по отношенію другъ къ другу. «Landsgemeinde» кантона Ури предстояло, на этотъ разъ обсудить вопросъ объ открытіи коллегіи. Пренія были продолжительныя и очень оживленныя, но изъ 1.800 присутствующихъ на собраніи, ни одинъ не покинулъ своего поста раньше окончанія дебатовъ. Всѣ рѣчи слушались съ большимъ вниманіемъ, ораторовъ никто не прерывалъ; каждая партія апплодировала своему оратору, но никогда не прерывала оратора противной партіи. Собранія эти соблюдаютъ съ величайшею точностью правила и традиціи старины и нѣкоторые изъ этихъ старинныхъ обычаевъ, сохранившіеся въ полной неприкосновенности, носятъ весьма внушительный характеръ. Корреспондентъ французской газеты присутствовалъ, напримѣръ, при очень торжественной церемоніи, двойной присяги: только что избранный «Landsmann» (глава правительства) приносилъ присягу народу, избравшему его, а затѣмъ народъ, въ свою очередь, присягалъ ему хоромъ.

На нѣкоторыхъ собраніяхъ граждане сохранили обычай являться при оружіи. Швейцарскій крестьянинъ приходитъ на собраніе украшенный какою-нибудь саблей, къ которой онъ, нисколько не стѣсняясь, присоединяетъ зонтикъ, если только погода сколько-нибудь сомнительна и можно опасаться дождя, и шествуя съ саблей на боку и подъ зонтикомъ, швейцарскій гражданинъ сохраняетъ свой степенный видъ, преисполненный собственнаго достоинства и сознанія важности той отвѣтственности, которая лежитъ на немъ.

Собраніе «Landsgemeinde» почти вездѣ начинается чтеніемъ общей молитвы и пѣніемъ священныхъ гимновъ. Въ нѣкоторыхъ же мѣстахъ, кромѣ того, сохранились еще многіе старинные обычаи и церемоніи. Въ Альторфѣ, напримѣръ, во главѣ офиціальнаго кортежа шествуютъ два человѣка, одѣтые въ костюмъ начала XVII вѣка, наполовину желтый и наполовину черный. Избранный «Landsmann» является народу въ сопровожденіи свиты, также одѣтой въ средневѣковые костюмы, съ сѣкирою и жезломъ, на верхушкѣ котораго находится шаръ, въ рукахъ. Выборные подносятъ «Landsmann'у» государственную печать, которая хранится въ большой сумкѣ. Все это обставляется весьма торжественно, но при этомъ надо прибавить, что, такъ какъ всѣ эти народныя собранія происходятъ на открытомъ воздухѣ, то имъ особенную красоту и торжественность придаетъ окружающая обстановка и въ особенности—величественныя горы, составляющія какъ бы декорацію ко всей этой картинѣ, напоминающей давно исчезнувшія времена.

Въ Швейцаріи, въ 3.047 общинахъ насчитываются ни болѣе, ни менѣе, какъ 5.965 женскихъ союзовъ. Изъ нихъ особеннымъ вліяніемъ пользуется «La société des Dames de la Fédération», поставившій своею задачею нравственное развитіе женщины. Этотъ союзъ оказываетъ также и матеріальную помощь и

борется съ организованными пороками. Онъ имѣетъ 95 филіальныхъ отдѣленій въ разныхъ кантонахъ. Другой союзъ, также пользующійся значеніемъ въ Швейцаріи, «L'Union des femmes», посвящаетъ свое вниманіе исключительно только труду женщинъ и ихъ правамъ, стараясь доставлять своимъ членамъ работу, когда они въ ней нуждаются, и дешевыя помѣщенія. Но кромѣ того союзъ этотъ заботится также и объ умственномъ развитіи своихъ членовъ и устраиваетъ курсы, собранія для обсужденія разныхъ вопросовъ и читальни. «L'Union des femmes» имѣетъ также филіальныя отдѣленія, число которыхъ достигаетъ 3.000. Кромѣ этихъ двухъ главныхъ союзовъ, центръ которыхъ находится въ Бернѣ, еще существуетъ множество второстепенныхъ женскихъ ассоціацій въ Женевѣ, Цюрихѣ и Невшателѣ. Въ Невшательскомъ кантонѣ особенною популярностью пользуется «Union des Amies de la jeune fille», учредившее нѣсколько общежитій для одинокихъ швейцарокъ, проживающихъ за границей.

Монастырскій вопросъ въ Испаніи. Испанскимъ монастырямъ рѣшительно не везетъ въ послѣднее время. Не успѣлъ затихнуть громкій скандалъ, возбужденный побѣгомъ дѣвицы Убло изъ родительскаго дома въ монастырь, какъ уже возникаетъ новое дѣло такого же рода, но носящее еще болѣе драматическій характеръ. Конечно, мѣстомъ дѣйствія этого новаго скандала служитъ снова Барселона—этотъ центръ антиклерикальнаго и каталанскаго движенія. Въ капеллѣ монастыря св. Іеронима произошелъ слѣдующій случай. Какая-то монахиня, забравшись тайкомъ на хоры въ монастырской капеллѣ, бросилась внизъ. Несмотря на полученные ею ушибы отъ паденія на каменныя плиты, она всетаки имѣла настолько силъ, чтобы подняться на ноги и дотащиться до выходной двери. Но тутъ ей преградилъ дорогу капланъ монастыря и, схвативъ ее, хотѣлъ насильно тащить въ монастырь. Однако раненая монахиня защищалась, какъ бѣшеная, и даже укусила его. «Лучше умереть, нежели вернуться въ монастырь!» кричала она и ей удалось все-таки вырваться изъ его рукъ и убѣжать на улицу. Чувствуя, что силы оставляютъ ее, монахиня бросилась за помощью въ ближайшую аптеку. Но, къ ея несчастью, аптекарь оказался отъявленнымъ клерикаломъ и онъ рѣшилъ, вмѣстѣ съ капланомъ, явившимся вслѣдъ за монахиней, отправить бѣдняжку назадъ въ монастырь.

Монахиня, узнавъ объ этомъ, подняла такой неистовый крикъ, что на улицѣ стали останавливаться прохожіе и скоро собралась изрядная толпа, которая, узнавъ въ чемъ дѣло, приняла тотчасъ же сторону монахини, такъ что капланъ, желавшій вернуть заблудшую овцу въ ея стадо, счелъ за лучшее потихоньку улизнуть по добру, по здорову, зная, какъ недолюбливаетъ толпа монаховъ. Былъ вызванъ судья, который и распорядился отправить раненую монахиню въ госпиталь.

Разумѣется, этотъ случай подлилъ только новаго масла въ огонь. Начались снова антиклерикальныя демонстраціи. Монастырь, откуда бѣжала монахиня, подвергся нападенію, такъ что на защиту его были отправлены жандармы. Газеты опять зашумѣли по поводу этого новаго факта монастырскаго самоуправства. Напоминали громкій процессъ 1888 года, когда въ одномъ изъ барселонскихъ монастырей была брошена въ колодецъ живая монахиня.

Бѣжавшая монахиня называется Нарциза Ляосера; ей 31 годъ и, какъ увѣряютъ испанскія газеты, она замѣчательно хороша собой. Въ монастырѣ она находится уже семь лѣтъ и поступила туда противъ воли своихъ родителей. Въ госпиталѣ, куда ее перевезли изъ аптеки, она объявила, что только на судѣ объяснитъ причины своего поступка. Барселонскія газеты полагаютъ, что она бѣжала отъ жестокаго обращенія въ монастырѣ. Въ Испаніи не проходитъ и мѣсяца безъ того, чтобы не случился побѣгъ изъ какого-нибудь монастыря или самоубійство монахини или чтобы не было сдѣлано попытки къ побѣгу и

покушенія на самоубійство. За послѣдніе три года такихъ случаевъ было 200, но судъ никогда не разслѣдовалъ этихъ дѣлъ, такъ какъ власть его кончалась у воротъ монастыря. Монастырскія власти заявляли, что монахиня, покушавшаяся на самоубійство или на побѣгъ, психически больна, и тѣмъ дѣло кончалось. Хотя судъ обыкновенно довольствовался этимъ объясненіемъ, но общественное мнѣніе относилось ко всѣмъ такимъ фактамъ иначе и волненіе, которое они вызывали, все возрастало, негодованіе усиливалось и теперь никого не должна удивлять та буря, которая разразилась противъ монастырей.

Но не одни только монастырскіе скандалы привлекаютъ вниманіе и волнуютъ испанскую печать и общество. Много толковъ возбуждаютъ открывающіяся злоупотребленія и неблаговидные поступки высокопоставленныхъ чиновъ католической церкви. Недавно большую сенсацію произвелъ случай съ мадридскимъ епископомъ, монсиньоромъ Косъ, который переводится теперь въ Вальядолидъ. Это, конечно, пониженіе, такъ какъ мадридская епархія самая богатая въ странѣ и въ общемъ доходъ ея равняется 60.000 пезетъ въ годъ. Монсиньоръ Косъ пользовался вліяніемъ при дворѣ и правительствѣ и еще недавно благочестивый Сильвела, въ бытность свою министромъ президентомъ, горячо восхвалялъ его дѣятельность. Но почтенный епископъ сдѣлалъ одинъ промахъ и... поплатился своимъ положеніемъ и тепленькимъ мѣстечкомъ, благодаря остроумію одного изъ своихъ противниковъ. Въ Мадридѣ только и говорятъ объ этомъ и даже въ клерикальномъ обществѣ, гдѣ сочувствуютъ епископу, все-таки порицаютъ его легкомысліе. Дѣло это дѣйствительно смахиваетъ на водевиль: священникъ Іозе Феррандицъ, одинъ изъ умнѣйшихъ и образованнѣйшихъ людей Испаніи, навлекъ на себя ненависть мадридскаго епископа, который подозрѣвалъ его въ авторствѣ рѣзкихъ клерикальныхъ статей, напечатанныхъ въ республиканской газетѣ «País». За это у него было отнято право служить мессу. Также было поступлено и съ другимъ священникомъ, Рамономъ Сарміенто, который былъ лишенъ своихъ правъ по той же причинѣ. Но Феррандицъ имѣлъ состояніе и могъ прожить безъ церковныхъ доходовъ, тогда какъ у Сарміенто не было ни гроша и, лишенный права исполнять требы, онъ былъ, такъ сказать, осужденъ на нужду и всякія лишенія. Феррандицъ, узнавъ о его отчаянномъ положеніи, пригласилъ его къ себѣ и Сарміенто принялъ его дружеское гостепріимство, разсчитывая вскорѣ найти какую-нибудь работу. Но проходили мѣсяцы, а работы не находилось, такъ какъ никто не хотѣлъ давать работу священнику, лишенному своего достоинства. Бѣдный Сарміенто долго боролся, но, наконецъ, рѣшилъ сдѣлать послѣднюю отчаянную попытку вернуться въ лоно церкви. Онъ отправился къ секретарю мадридскаго епископа, который обѣщалъ ему переговорить съ епископомъ и дать ему отвѣтъ черезъ три дня. Когда Сарміенто пришелъ за отвѣтомъ, то секретарь сказалъ ему: «Все идетъ прекрасно. Епископъ готовъ снова открыть вамъ двери церкви и дать вамъ хорошее назначеніе, но предварительно вы должны будете провести три мѣсяца въ покаяніи въ монастырѣ траппистовъ». Сарміенто съ радостью поблагодарилъ его и сказалъ, что онъ готовъ выполнить какое угодно покаяніе. Онъ уже собрался уходить, какъ вдругъ секретарь, словно спохватившись, сказалъ: «Ахъ, я и забылъ! Епископъ ставитъ условіемъ вашего возвращенія въ лоно церкви, чтобы вы написали брошюру противъ проклятаго Феррандица, котораго надо, во что бы то ни стало, обезчестить».

— Противъ Феррандица!—воскликнулъ ошеломленный Сарміенто.—Да этотъ человѣкъ спасъ меня отъ голодной смерти и я цѣлыми мѣсяцами пользовался его гостепріимствомъ!—На это секретарь-каноникъ возразилъ ему внушительно-торжественнымъ тономъ: «Ни одинъ христіанинъ не долженъ чувствовать благодарности къ человѣку, который проклятъ церковью и осужденъ въ адъ. Испытывать благодарность къ такому человѣку—грѣхъ!»—«Согласенъ,—

замѣтилъ на это Сарміенто.—Но я все-таки не знаю, какъ можно опозорить его, когда во всю свою жизнь онъ не совершилъ ни одного, сколько-нибудь дурного и предосудительнаго поступка».—«Это не бѣда,—отвѣтилъ спокойно каноникъ.—Если вы не знаете за нимъ никакихъ поступковъ, то выдумайте что-нибудь; противъ врага церкви всякое оружіе дозволительно. Во всякомъ случаѣ, это будетъ богоугодное дѣло. Какъ бы тамъ ни было, но вамъ надо выбирать: либо сдѣлайте это, и церковь откроетъ вамъ свои двери, либо нѣтъ! Даю вамъ нѣсколько дней на размышленіе».

Сарміенто, вернувшись домой, разсказалъ все Феррандицу. Тотъ посовѣтовалъ ему исполнить требованіе епископа и написать клеветническую брошюру. Ему, Феррандицу, терять вѣдь нечего! Все равно, онъ навсегда изгнанъ изъ церкви. Но Сарміенто не хотѣлъ и слышать объ этомъ и сказалъ: «Если я долженъ такою цѣной заплатить за право снова вступить въ церковь, то лучше ужъ я останусь вдали отъ нея!»

Оба пріятеля разсказали объ этомъ дѣлѣ своему другу, главному редактору республиканской еженедѣльной газеты «El Matin» и онъ посовѣтовалъ имъ воспользоваться этимъ случаемъ для того, чтобы доказать самымъ неопровержимымъ образомъ всю низость проживающихъ въ епископскомъ дворцѣ людей. Рѣшено было, что Феррандицъ самъ сочинитъ противъ себя брошюру, а Сарміенто передастъ ее секретарю епископа, выдавъ ее за свое произведеніе. Сказано—сдѣлано. Когда брошюра была готова, то Сарміенто отправился въ епископскій дворецъ. Брошюра заключала въ себѣ самую гнусную клевету и Феррандицъ не поскупился сгустить краски. Сарміенто пригласили въ пріемный залъ дворца, гдѣ епископъ возсѣдалъ на высокомъ креслѣ, вродѣ трона, надъ которымъ возвышалось огромное распятіе. По правую руку находился его секретарь, а по лѣвую—его повѣренный священникъ Гонзалецъ Парейя. Передъ этимъ ареопагомъ Сарміенто долженъ былъ прочесть вслухъ свою брошюру. Всѣ трое слушали его чтеніе съ величайшимъ вниманіемъ и по временамъ одобрительно поддакивали и потирали руки отъ удовольствія, когда клевета принимала особенно возмутительный характеръ. Когда чтеніе было кончено, то епископъ спустился съ своего трона и съ величайшею нѣжностью обнялъ Сарміенто. «Браво, браво! Молодецъ!» говорилъ онъ и радость свѣтилась въ его глазахъ. Рѣшено было тотчасъ же напечатать эту брошюру въ какой-нибудь маленькой неизвѣстной типографіи. Епископъ вручилъ своему повѣренному Гонзалецу Парейя требуемую для этого сумму денегъ и Сарміенто отправился вмѣстѣ съ нимъ. На прощаніе епископъ еще разъ пожалъ ему руку и обѣщалъ немедленно вернуть его въ лоно истинной церкви! Сарміенто почтительно поблагодарилъ епископа, хотя онъ узналъ подъ рукой, что епископъ намѣренъ сплавить его куда-нибудь въ монастырь подальше, какъ только брошюра будетъ напечатана.

Выйдя изъ епископскаго дворца, Сарміенто повелъ своего спутника въ маленькую типографію безъ всякой вывѣски и они скоро уговорились относительно цѣны и срока печатанія. Когда первый листъ былъ отпечатанъ, то Сарміенто отнесъ его, по приказанію епископа, прокуратору при духовномъ верховномъ судѣ. Тотъ прочелъ, собственноручно прокорректировалъ и, похваливъ клеветническое произведеніе, далъ разрѣшеніе печатать, затѣмъ Сарміенто читалъ первые листы этой брошюры знаменитому іезуитскому патеру Монтана, который въ то время былъ законоучителемъ короля. Тотъ одобрилъ брошюру. Передъ самымъ ея выходомъ Сарміенто объявилъ епископу, что онъ удаляется въ монастырь трапистовъ, чтобы тамъ предаться покаянію, но главнымъ образомъ, чтобы избѣжать гнѣва Феррандица.

Въ епископскомъ дворцѣ съ нетерпѣніемъ ждали появленія брошюры и вдругъ, вмѣсто этого, въ газетѣ «Pais» появилась статья, разоблачающая всю

*

эту исторію. Въ доказательство газета напечатала даже первыя страницы брошюры, затѣмъ въ «El Matin» тоже появилась статья, разсказывающая ту же самую исторію, но добавляющая еще одну любопытную подробность, что «маленькая, неизвѣстная типографія, въ которой печаталась брошюра, была типографіей газеты «El Motin»! Скандалъ въ мадридскомъ обществѣ поднялся невообразимый. Сконфуженный епископъ, конечно, не рѣшился преслѣдовать судомъ ни ту, ни другую газету и вся клерикальная печать ни словомъ не обмолвилась объ этомъ инцидентѣ, но тѣмъ не менѣе епископъ Косъ не могъ долѣе оставаться въ Мадридѣ, да и патеръ Монтана долженъ былъ оставить свой постъ законоучителя короля.

Антиклерикалы, разумѣется, ликуютъ. Случай съ мадридскимъ епископомъ даетъ имъ новый поводъ заговорить объ испорченности католическаго духовевства и порядкахъ, господствующихъ въ католической церкви. Противъ этой испорченности и этихъ порядковъ возстаютъ даже многіе изъ духовенства, проникнутые чисто-религіозными взглядами и скорбящіе объ упадкѣ католической церкви. Въ Испаніи существуютъ нѣсколько такихъ органовъ, издаваемыхъ самими же священниками, которые ведутъ пропаганду противъ католическаго духовенства, въ томъ видѣ, въ какомъ оно теперь находится. Самый замѣчательный изъ этихъ проповѣдниковъ, священникъ Пей Ордейксъ, ведетъ ожесточенную войну противъ іезуитизма въ своемъ органѣ «El Urbion» Кромѣ него, есть много другихъ священниковъ, которые не стѣсняясь восклицаютъ: «Мы католики, но мы не клерикалы, мы антиклерикалы!»

Вообще въ самыхъ нѣдрахъ католической церкви въ Испаніи начинается какое-то движеніе, котораго игнорировать нельзя. Публичные проповѣдники говорятъ о заблужденіяхъ церкви, объ упадкѣ христіанскихъ добродѣтелей и любостяжаніи. Эти проповѣди невольно напоминаютъ времена Саванароллы и др. реформаторовъ церкви. Испанскій народъ толпами стекается слушать такихъ проповѣдниковъ и, въ виду настроенія толпы, духовныя власти боятся поступать съ ними слишкомъ строго. О смѣлости этихъ противниковъ іезуитовъ и ихъ ученія можно судить по тѣмъ статьямъ, которыя появляются на страницахъ республиканскихъ газетъ и въ газетѣ Пей Ордейкса, опубликовавшаго въ одномъ изъ послѣднихъ нумеровъ программу реформъ, которыя неотложно должны быть произведены въ средѣ католическаго духовенства.

Такимъ образомъ кризисъ въ Испаніи продолжается, усложняясь все болѣе, благодаря тому, что въ немъ, какъ въ гордіевомъ узлѣ, смѣшиваются самыя разнообразныя теченія, политическія, національныя и религіозныя. Все до такой степени перепуталось, что испанское министерство, безсильное придумать какой-нибудь выходъ, ограничивается только тѣмъ, что принимаетъ палліативныя мѣры, посылаетъ жандармовъ для защиты монастырей, объявляетъ осадное положеніе, а между тѣмъ движеніе все растетъ.

Артуръ Шницлеръ передъ судомъ чести и др. дѣла въ Австріи. Въ германской и австрійской печати вызвало ожесточенную полемику рѣшеніе австрійскаго военнаго совѣта чести, приговорившаго извѣстнаго вѣнскаго писателя, Артура Шницлера, къ лишенію званія запасного полкового врача. Рѣшеніе это въ высшей степени характерно для австрійскаго военнаго сословія, такъ какъ вся вина доктора Шницлера заключалась лишь въ томъ, что онъ напечаталъ разсказъ, подъ заглавіемъ «Поручикъ Густль», который вышелъ теперь отдѣльнымъ изданіемъ. Разсказъ этотъ впервые появился въ фельетонахъ «Neue Freie Presse» въ концѣ прошлаго года и австрійскіе военные сочли себя обиженными тѣмъ портретомъ, который набросилъ талантливый художникъ. Тогда защитникомъ военнаго сословія явился австрійскій военный журналъ «Qeichswelvi», напечатавшій крайне грубую по формѣ и содержанію статью

противъ Артура Шницлера. Талантливый авторъ не счелъ даже нужнымъ возражать на эти грубыя нападки на него, и единственнымъ его отвѣтомъ было появленіе «Поручикъ Густля» отдѣльнымъ изданіемъ. Противъ такой неслыханной дерзости запасного полкового врача вооружилось все военное сословіе, въ военныхъ кружкахъ только и было разговоровъ, что объ этомъ возмутительномъ поступкѣ Шницлера и о необходимости «проучить этого нахала». Въ особенности молодые поручики считали себя оскорбленными изображеніемъ внутренняго міра и похожденій героя произведенія Шницлера. Въ этомъ произведеніи также фигурируетъ дерзкій докторъ, который осмѣлился въ разговорѣ съ героемъ разсказа, поручикомъ Густлемъ, заявить, что далеко не всѣ поручики выбираютъ военную службу, съ цѣлью защищать свое отечество». Вообще австрійскіе военные находили, что разсказъ Шницлера явно направленъ къ тому, чтобы дискредитировать военное сословіе. Однимъ словомъ, буря разыгралась не на шутку, но такъ какъ самъ Шницлеръ находился въ отсутствіи, то военный совѣтъ постановилъ заочное рѣшеніе и по возвращеніи дерзновеннаго его постигнетъ заслуженная кара—исключеніе изъ военной среды.

Обида военнаго сословія еще усиливается тѣмъ обстоятельствомъ, что Шницлеръ не удостоилъ отвѣтомъ рѣзкую статью австрійскаго военнаго органа. Такое пренебреженіе къ своимъ взглядамъ военные не могутъ стерпѣть и Шницлеру придется это почувствовать. Такъ или иначе, но ближайшимъ результатомъ всей этой «бури въ стаканѣ воды» было то, что все изданіе «Поручика Густля» разошлось въ нѣсколько дней.

Въ Вѣнѣ открыто первое женское поселеніе, по образцу лондонскихъ университетскихъ поселеній; на Фридрихъ кайзерштрасе нанято помѣщеніе съ садомъ, гдѣ члены поселенія предполагаютъ организовать игры для дѣтей, матери которыхъ неимѣютъ возможности посвящать свое время своимъ дѣтямъ. Кромѣ того члены поселенія предполагаютъ устроить клубы для учениковъ и ученицъ разныхъ школъ и мастерскихъ, гдѣ бы они могли собираться для игръ и совмѣстнаго чтенія. Въ поселеніи будутъ организованы по извѣстнымъ днямъ собранія матерей для совмѣстнаго обсужденія съ членами поселенія различныхъ вопросовъ, касающихся воспитанія и ухода за дѣтьми.

Недавно организованный въ Вѣнѣ женскій союзъ соціальной помощи пока еще исключительно ограничивается только помощью дѣтямъ, устройствомъ дѣтскихъ столовыхъ для школьниковъ и снабженіемъ ихъ одеждой. Въ послѣднее время нѣсколько членовъ этого союза устроили вспомогательные курсы для помощи отсталымъ ученикамъ въ наукахъ и мастерствахъ. Въ будущемъ году союзъ предполагаетъ открыть школу хозяекъ. Въ Вѣнѣ то и дѣло происходятъ собранія женщинъ для обсужденія различныхъ вопросовъ общественнаго характера. Вліяніе австрійскихъ женщинъ на общественныя дѣла настолько уже сдѣлалось замѣтнымъ, что даже мужчины считаютъ нужнымъ съ ними считаться и во время послѣднихъ муниципальныхъ выборовъ либеральные кандидаты излагали свою программу на общемъ собраніи женскаго союза, съ цѣлью заручиться его поддержкою. Вообще вѣнскія женщины обнаруживаютъ стремленіе къ энергичной дѣятельности и постоянно организуютъ новыя общества и союзы. Послѣднею новинкою этого рода является учрежденный въ Вѣнѣ женскій союзъ трезвости (Verein der abstinenten Frauen), поставившій себѣ цѣлью борьбу съ алкоголизмомъ и воздѣйствіе собственнымъ примѣромъ.

Въ вѣнской газетѣ «Oester. Volksgeitung», одной изъ самыхъ старыхъ и популярныхъ газетъ либеральнаго образа мыслей объявленъ конкурсъ на слѣдующую тему: «Чѣмъ должны быть наши сыновья?» За лучшую работу на эту тему назначена премія въ 400 кронъ. Результаты конкурса будутъ объявлены въ іюлѣ.

Изъ иностранныхъ журналовъ.

«Enquête» относительно образа мыслей французской молодежи.—Первые шаги Эмиля Золя на литературномъ поприщѣ.—Умственное переутомленіе школьниковъ.—Защита врачей.—Лиссабонскія колдуньи.

«Revue des Revues», желая опредѣлить образъ мыслей французской молодежи XX вѣка, обратился къ предсѣдателямъ различныхъ студенческихъ ассоціацій и главныхъ политическихъ союзовъ молодежи, а также къ наиболѣе выдающимся изъ молодыхъ писателей, съ приглашеніемъ высказать свой взглядъ въ политическомъ, соціальномъ и религіозномъ отношеніи. Такого рода «enquêtes» не разъ уже устраивались этимъ журналомъ по разнымъ общественнымъ и политическимъ вопросамъ дня. И на этотъ разъ лица, къ которымъ обратилась редакція журнала, охотно отвѣчали на ея призывъ и такимъ образомъ читатели журнала получили возможность ознакомиться съ главными направленіями, господствующими среди французской современной молодежи. Надо отдать справедливость, что «enquête» произведена была съ полнѣйшимъ безпристрастіемъ и редакція обратилась къ самымъ различнымъ партіямъ, чтобы узнать ихъ взгляды и направленіе. Каждый предсѣдатель ассоціаціи или отдѣльной группы молодежи резюмировалъ, насколько могъ, взгляды своей партіи. Такъ, напримѣръ, предсѣдатель кружка католическихъ студентовъ, какъ и слѣдовало ожидать, прислалъ настоящій обвинительный актъ противъ французскаго правительства, который съ честью могъ бы фигурировать на столбцахъ любой націоналистской газеты. Но за то предсѣдатель демократической лиги прислалъ антиклерикальную статейку—однимъ словомъ, тутъ можно встрѣтить всѣ взгляды и направленія и убѣдиться, что французская школьная молодежь, также какъ и остальные французы, дѣлится на монархистовъ, республиканцевъ разныхъ оттѣнковъ, соціалистовъ и т. д. Но «enquête» не указываетъ намъ, какое изъ этихъ направленій пользуется наибольшимъ успѣхомъ среди молодежи, и только можно предполагать, что республиканскія идеи имѣютъ, повидимому, наибольшее число приверженцевъ среди французской молодежи. «Это можетъ успокоить насъ насчетъ будущаго», говоритъ «Revue des Revues». Затѣмъ, другое любопытное явленіе, которое выступаетъ изъ этой «enquete», это—присущее большинству молодежи исканіе новой вѣры, новой религіи. Почти всѣ молодые писатели, къ которымъ обратился журналъ, выразили въ своихъ отвѣтахъ особенный интересъ къ религіозному вопросу, который, повидимому, озабочиваетъ ихъ больше всего. Они всѣ ищутъ новой религіи, новыхъ соціальныхъ идеаловъ и такое стремленіе, преобладающее у французской молодежи, нельзя не считать характернымъ знаменіемъ времени.

Въ этомъ же номерѣ «Revue des Revues» сообщаетъ интересныя свѣдѣнія о первыхъ шагахъ Эмиля Золя на литературномъ поприщѣ. Въ ноябрѣ 1859 года Золя, которому было тогда 19 лѣтъ, во второй разъ провалился на экзаменѣ на степень баккалавра и эта неудача, закрывшая для него служебную карьеру, рѣшила, можетъ быть, его судьбу и принесла ему счастье. Два раза его отсылали назадъ «за недостаточное знаніе французскаго языка» и такъ какъ чиновническая карьера оставалась для него закрытой, то Золя, волей-неволей, долженъ былъ обратиться къ литературной профессіи, о которой онъ все-таки вѣроятно, мечталъ въ глубинѣ души, такъ какъ еще въ бытность свою въ коллегіи написалъ историческій романъ изъ временъ крестовыхъ походовъ и комедію изъ тысячи стиховъ.

Трудно пришлось молодому Золя первое время. Средствъ у него не было никакихъ и онъ тогда позналъ полностью, что такое жизнь бѣднаго начинающаго писателя. Голодать приходилось часто. Тогда-то одинъ изъ знакомыхъ его

семьи, нѣкто Будэ, желая помочь ему, но такъ, чтобы онъ этого не подозрѣвалъ, поручилъ ему разносить визитныя карточки и платилъ ему за это двадцать франковъ. Эти двадцать франковъ пришлись какъ нельзя болѣе кстати и спасли Золя отъ горькой нужды. Въ это же самое время Золя дебютировалъ во французской печати. Въ Латинскомъ кварталѣ издавался тогда маленькій журнальчикъ «Le Travail» (Трудъ). Этотъ журнальчикъ печаталъ въ заголовкѣ слѣдующее оригинальное заявленіе: «Le Travail parait quand il peut» (Трудъ выходитъ, когда можетъ), и это одно уже указывало, что финансовыя средства журнала были не блестящи. Въ немъ-то и была напечатана первая поэма Золя, озаглавленная «Le Doute», но журналъ этотъ вообще не платилъ своимъ сотрудникамъ, такъ что Золя не могъ разсчитывать существовать на литературные доходы. По счастью, Будэ нашелъ для него скромное мѣстечко въ «Librairie Hachette», на сто франковъ жалованья. Конечно, это было немного, но это было спасеніе. Золя былъ счастливъ, что, наконецъ, у него былъ опредѣленный ежемѣсячный доходъ, онъ могъ нанять комнату и имѣть ежедневный обѣдъ. Это было уже роскошью, о которой онъ до этого времени не смѣлъ и мечтать. Но на литературномъ поприщѣ онъ все-таки не дѣлалъ никакихъ успѣховъ, несмотря на то, что со свойственнымъ ему упорствомъ стучался во всѣ двери. Къ несчастью, онъ никакъ не могъ избавиться отъ своей маніи писать стихи. У него не было ни малѣйшаго тщеславія, и безчисленные отказы, которые встрѣчали его произведенія въ редакціяхъ, куда онъ ихъ направлялъ, не обезкураживали его. Онъ писалъ въ 1863 году редактору «Revue Comtemporaine», посылая ему свое новое произведеніе и заранѣе предвидя отказъ: «Я твердо рѣшился не унывать. Если нужно, чтобы войти—создать мастерское произведеніе, то я его создамъ!» (S'il faut pour entrer faire un chef d'oeuvre, je le ferai). Такая увѣренность въ себѣ молодого писателя могла показаться смѣшной тогда, но дальнѣйшій успѣхъ и литературная слова, достигнутые имъ, вполнѣ оправдываютъ ее.

Въ этомъ же году Эмиль Золя написалъ еще одну поэму и потихоньку положилъ ее на письменный столъ своего патрона. Гашеттъ прочелъ его произведеніе, нашелъ его неинтереснымъ, но автора сдѣлалъ все-таки своимъ секретаремъ и завѣдующимъ отдѣломъ объявленій и отзывовъ.

Однажды—это было въ серединѣ 1864 г.—къ издателю Лякруа, очень покровительствовавшему молодымъ писателямъ, явился молодой человѣкъ, очень скромный и застѣнчивый, который принесъ ему рукопись, перевязанную голубою ленточкой. Съ необыкновенною простотой и откровенностью, далеко не часто встрѣчающеюся, этотъ молодой человѣкъ сознался Лякруа, что его рукопись перебывала у разныхъ издателей (онъ назвалъ ихъ имена), но никто не хотѣлъ ее принять. Очень удивленный и заинтересованный такимъ вступленіемъ, Лякруа взялъ рукопись, прочелъ и угадавъ талантъ автора, напечаталъ его книгу. Это была «Conte à Ninon» — первая книга, не имѣвшая особеннаго успѣха и разошедшаяся всего лишь въ 300—400 экземплярахъ.

Въ это время Золя началъ сотрудничать въ «Petit Journal» и въ «Vie Parisienne», продолжая. однако, попрежнему служить у Гашеттъ. Вторая книга Золя «Confession de Claude», также изданная Лякруа, имѣла уже гораздо большій успѣхъ и критика встрѣтила ее довольно благосклонно. Конечно, Золя не могъ и мечтать тогда о такомъ успѣхѣ на книжномъ рынкѣ, какой имѣютъ теперь его книги, расходящіяся въ баснословномъ количествѣ экземпляровъ, но тѣмъ не менѣе «Confession de Claude» принесъ ему все-таки доходъ, который показался ему тогда цѣлымъ богатствомъ и онъ даже рѣшился исполнить свою мечту—освободиться отъ канцелярской работы у Гашетта. Наконецъ, онъ выбрался на истинный путь и изъ дебютанта скоро превратился въ настоящаго писателя; слава не заставила себя ждать!

Вопросъ объ умственномъ переутомленіи дѣтей въ школахъ давно уже интересуетъ и педагоговъ, и врачей. Многіе педагогическіе и медицинскіе авторитеты высказывались по этому вопросу и въ школахъ введены нѣкоторыя — правда, очень незначительныя—реформы, съ цѣлью облегчить ученіе и предупредить такимъ образомъ переутомленіе школьниковъ. Въ одномъ изъ послѣднихъ номеровъ англійскаго медицинскаго журнала «Lancet» докторъ Жозефъ Беллеи, изъ Болоньи, сообщаетъ свои опыты и наблюденія въ школахъ, имѣющія цѣлью выясненіе этого вопроса. Докторъ Беллеи находитъ, что лучшимъ способомъ для опредѣленія мозговаго переутомленія у дѣтей служитъ диктовка. Онъ произвелъ свои опыты надъ 320 мальчиками и 140 дѣвочками, возрастъ которыхъ въ среднемъ равнялся 11½ лѣтъ. Эти дѣти раздѣлены были на девять классовъ. Шесть разъ въ теченіе дня производилась диктовка: первая, при началѣ уроковъ, вторая—послѣ перваго урока, третья—послѣ второго урока, четвертая—вскорѣ послѣ обѣденнаго перерыва, пятая—при началѣ послѣобѣденныхъ занятій, шестая—въ концѣ послѣдняго урока. Опытъ этотъ повторялся нѣсколько разъ и въ разныя дни и такимъ образомъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ собрано было 2.760 диктовокъ. Разсматривая диктовки дѣтей, докторъ Беллеи приходитъ къ слѣдующему выводу: лучше всего мозгъ дѣтей работаетъ непосредственно послѣ обѣденнаго перерыва, и хуже всего во время послѣдняго урока. Плохо работаетъ также мозгъ и на первомъ урокѣ. Это происходитъ отъ того, что дѣти еще не овладѣли своимъ вниманіемъ, поэтому первый урокъ служитъ для нихъ хорошимъ упражненіемъ вниманія. Вообще предъобѣденные уроки не вызываютъ особеннаго переутомленія. Послѣ обѣденной паузы, результатъ утренняго упражненія вниманія сказываются яснѣе и дѣти всего лучше работаютъ вначалѣ послѣобѣденныхъ уроковъ, но затѣмъ, несмотря на то, что дѣти легче усвоиваютъ уроки послѣ обѣда и значитъ мозгъ ихъ находится въ хорошемъ состояніи, онъ все-таки очень быстро утомляется и отъ этого во время послѣдняго урока мозговая работа дѣтей бываетъ всего хуже. Итакъ, хотя предобѣденные уроки и не дѣйствуютъ утомляющимъ образомъ на мозгъ дѣтей, но они все-таки заставляютъ ихъ затрогивать мозговую энергію для управленія вниманіемъ, такъ какъ всѣ дѣти являются въ школу разсѣянными,—и это напряженіе энергіи отражается на дальнѣйшихъ занятіяхъ такъ, что уже малѣйшая умственная работа вызываетъ утомленіе.

Сэръ Микаэль Фостеръ печатаетъ въ «Nineteenth Centuru and After» статью, подъ названіемъ «The sciantific use of Hospitals» (Научное пользованіе госпиталя), въ которой выступаетъ горячимъ защитникомъ врачей и госпитальной практики. Онъ не отрицаетъ многихъ темныхъ сторонъ госпитальнаго лѣченія и подтверждаетъ необходимость реформъ, но въ то же время сѣтуетъ на отношеніе публики къ больницамъ. Недостаточно свѣдущая и введенная въ заблужденіе публика громко заявляетъ протестъ противъ опытовъ въ госпиталяхъ, хотя бы и имѣющихъ цѣлью расширеніе познаній въ медицинѣ и хирургіи. Возражая на эти эти протесты, авторъ статьи говоритъ, что каждый врачъ и хирургъ, даже въ частной практикѣ, не можетъ избѣжать экспериментовъ со своими паціентами. Подвергая ихъ тому или иному способу лѣченія, врачъ все-таки дѣлаетъ опытъ надъ ними, такъ какъ прописывая лѣкарство, онъ далеко не всегда можетъ ручаться за его дѣйствіе. Съ другой стороны, врачъ, примѣняя тотъ или другой мятодъ лѣченія къ скоему паціенту, конечно, всегда имѣетъ въ виду воспользоваться полученными результатами какъ научнымъ матеріаломъ, на основаніи котораго онъ составляетъ свое сужденіе о способахъ лѣченія и ихъ дѣйствительности. Такимъ образомъ больной и въ частной практикѣ служитъ все-таки объектомъ для научнаго опыта. Но въ такомъ опытѣ не можетъ быть ничего предосудительнаго, такъ

какъ врачъ при этомъ исключительно только имѣетъ въ виду благо паціента. Нельзя ставить въ вину врачу, что онъ желаетъ, съ самыми благими цѣлями, воспользоваться, при случаѣ, познаніями, которыя онъ пріобрѣлъ на опытѣ провѣрить ихъ. Нападки на врачей въ данномъ случаѣ стали ходячимъ мѣстомъ, и никому не приходило въ голову, что врачи заключены въ заколдованный кругъ, изъ котораго нѣтъ выхода. Не испытывая на практикѣ своихъ теоретическихъ познаній, врачъ никогда не сдѣлается настоящимъ опытнымъ и знающимъ врачомъ, а между тѣмъ публика запрещаетъ ему дѣлать опыты, искать, и требуетъ, чтобы онъ дѣйствовалъ только навѣрняка.

Въ Испаніи и Португаліи средневѣковыя суевѣрія сохранились еще въ полной силѣ. Одинъ изъ нѣмецкихъ журналистовъ, прожившій долго въ Лиссабонѣ, говоритъ, что нигдѣ такъ не распространена вѣра въ колдовство, какъ въ этихъ странахъ. Колдовство составляетъ тамъ настоящую профессію, и притомъ довольно выгодную. Онъ описываетъ въ «Tägliche Rundschau» кварталъ, населенный колдуньями, въ Лиссабонѣ. «Лучшую обстановку трудно придумать говоритъ онъ. Узкіе, грязные переулки перекрещиваются въ разныхъ направленіяхъ. Они такъ узки, что дневной свѣтъ съ трудомъ проникаетъ въ въ нихъ, нищета, праздность и всевозможные пороки свили тамъ себѣ постоянное гнѣздо и ни одинъ уважаемый и мирный гражданинъ Лиссабона не рѣшается, безъ крайней нужды, отправиться въ эту часть города, гдѣ такъ легко заблудиться въ лабиринтѣ узкихъ, кривыхъ улицъ. Даже полицейскіе неохотно заходятъ туда, да и то не иначе, какъ вдвоемъ или втроемъ. Такимъ образомъ, внѣшнія условія покровительствуютъ колдуньямъ и они могутъ тутъ спокойно заниматься своими темными дѣлами. А сколько тутъ совершается темныхъ дѣлъ—это даже опредѣлить трудно. Колдуньи сохраняютъ въ своихъ жилищахъ весь средневѣковый декорумъ: скелеты, совы, помело и т. п. утварь составляютъ необходимую принадлежность ихъ квартирной обстановки. Но, быть можетъ, они и сами вѣрятъ въ свою сверхъестественную силу? Недавно въ Лиссабонѣ обнаружился слѣдующій возмутительный фактъ. Народное повѣрье приписываетъ чудодѣйствующую силу крови изъ ладоней ребенка моложе пяти лѣтъ. Одна изъ колдуній, желая достичь этой крови заманивала къ себѣ малютокъ, запирала ихъ у себя и надрѣзывала имъ ладони острымъ ножемъ, чтобы собрать чудодѣйственной крови. Теперь эта женщина находится подъ арестомъ и ее скоро будутъ судить».

Возрожденіе католицизма во Франціи.

(Письмо изъ Парижа).

I.

По поводу громадной картины Давида «Коронованіе Наполеона I» разсказываютъ характерный анекдотъ. Видѣвшіе эту картину помнятъ, что между присутствующими на коронованіи лицами находится и папа Пій VII. Онъ почти незамѣтенъ; онъ сидитъ въ креслѣ на заднемъ планѣ и благословляетъ Наполеона въ то время, какъ послѣдній возлагаетъ корону на голову Жозефины. На первомъ проектѣ картины папа былъ изображенъ просто сидящимъ въ креслѣ, безъ жеста благословенія. Этотъ жестъ былъ прибавленъ по указанію Наполеона, который иронически замѣтилъ Давиду: «Я позвалъ *его* сюда, въ такую даль, не для того, чтобы онъ ничего не дѣлалъ!» Это было не первое униженіе, которому корсиканскій авантюристъ подвергнулъ преемника св. Петра.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ коронаціи Наполеонъ заточилъ папу, какъ плѣнника въ Фонтенбло, въ окрестностяхъ Парижа.

Вообще въ началѣ XIX столѣтія папская власть переживала тяжелый кризисъ. Даже во время реставраціи, въ царствованіе фанатика Карла X, французское правительство принимало репрессивныя мѣры противъ ордена іезуитовъ. Этотъ антиклерикальный духъ былъ особенно силенъ во время іюльской монархіи, при Луи-Филиппѣ, когда, по словамъ одного католическаго писателя, «проявленіе религіознаго чувства считалось безуміемъ на улицѣ и признакомъ дурного вкуса въ салонахъ» [1]).

Но какая разница, если мы сравнимъ ту отдаленную эпоху съ тѣмъ, что мы видимъ теперь! Въ началѣ XX столѣтія католическая церковь встаетъ передъ нами, какъ большая нравственная, общественная и политическая сила. Она не только снова заняла бо́льшую часть позицій, съ которыхъ ее согнали революціонныя бури, но стала завоевывать и другія страны. Въ продолженіе XIX столѣтія она пріобрѣла 20 милліоновъ неофитовъ и теперь 60.000 миссіонеровъ разносятъ по всѣмъ концамъ земного шара, по материкамъ и островамъ, среди дикарей, варваровъ или цивилизованныхъ, слово католицизма [2]). Въ число этихъ миссіонеровъ, зависящихъ непосредственно отъ верховной организаціи «Пропаганды», въ Римѣ, не входитъ мѣстное духовенство, которое въ однихъ только Соединенныхъ Штатахъ насчитываетъ 11.000 членовъ [3]). Никакая другая религія не даетъ пропорціонально такого числа миссіонеровъ и не можетъ похвалиться такими значительными успѣхами.

«Апостольство,—это католическая добродѣтель»,—говорилъ Лакордеръ, знаменитый доминиканскій проповѣдникъ. Но вѣрнѣе было бы сказать, что это—добродѣтель французскаго народа, къ которому принадлежатъ $^4/_5$ всѣхъ миссіонеровъ, мужчинъ и женщинъ. По странному на первый взглядъ совпаденію, клерикальное возрожденіе—сильнѣе всего именно въ республиканской Франціи. Уничтоженные при революціи и первой Имперіи монашескіе ордена не только возобновились, но основалось и много новыхъ. Члены ихъ достигаютъ теперь 200.000, тогда какъ въ 1880 г. ихъ было всего 158.000 а до революціи—только 50.000 [4]). А стоимость однихъ только недвижимыхъ ихъ имуществъ, доходившая въ 1851 г. до 43 милліоновъ франковъ, теперь поднялась до 1.070 милліоновъ. Движимыя ихъ имущества, относительно которыхъ не имѣется точныхъ свѣдѣній—въ нѣсколько разъ превышаютъ стоимость недвижимыхъ. Кромѣ того во Франціи 42.000 постоянныхъ священниковъ, на содержаніе которыхъ государство опредѣлило ежегодный бюджетъ въ 50 милліоновъ франковъ. Но ни на чемъ нельзя такъ хорошо прослѣдить сильное вліяніе духовенства во Франціи, какъ на успѣхахъ его въ школьномъ дѣлѣ. Въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ духовенства учится 68.000 мальчиковъ и дѣвочекъ, т.-е. столько же, сколько и въ государственныхъ учебныхъ заведеніяхъ. По сравненію съ 1850 годомъ, число учениковъ въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ духовенства увеличилось втрое, а число самихъ заведеній удвоилось. Но помимо этихъ заведеній, въ которыхъ воспитываются будущіе міряне, духовенство содержитъ еще 140 маленькихъ и большихъ семинарій съ 2.400 учениками, предназначающимися для духовнаго званія [5]).

---

[1]) Tanernier, «La Presse (Статья изъ католическаго сборника: «Un siècle, le Mouvement du Monde de 1800 à 1900» стр. 282).

[2]) A. D. Sertillanges, («L'expansion de l'Eglise catholique» «Un siècle» etc., p. 809).

[3]) Vicomte de neaux, «Les peuples nouveaux» (idem, p. 169).

[4]) Рѣчь члена Trouillot, докладчика законопроекта объ ассоціаціяхъ. (Засѣданіе въ палатѣ 17-го января 1901 г.).

[5]) См. статью іезуита Burnichon: «Les Cinquantenaire de la loi de 1850», напечатанную въ «Le Etudes» журналѣ іезуитскаго общества, 1900, стр. 404.

Католическому духовенству, наконецъ, принадлежатъ четыре университета, изъ которыхъ парижскій—представляетъ наилучшую организацію; онъ празднуетъ теперь свое двадцатипятилѣтіе *). Объ успѣхахъ его можно судить по числу окончившихъ курсъ; на одномъ юридическомъ факультетѣ окончили 1.120 студентовъ.

Вышеупомянутыя заведенія предназначаются для дѣтей аристократіи и буржуазіи. Но сила католицизма заключается въ темныхъ крестьянскихъ и городскихъ массахъ. Чтобы нейтрализировать дѣйствіе свѣтскаго образованія, духовенство открываетъ свои собственныя народныя школы, въ которыхъ и учится до 1.618.000 дѣтей**).

Мы не будемъ пускаться въ описанія другихъ католическихъ учрежденій. Достаточно сказать, что въ пріютахъ для бѣдныхъ и больницахъ католическаго духовенства содержится ежегодно до 108.000 человѣкъ, изъ которыхъ до 83.000 дѣтей.

Необходимо упомянуть еще и о могуче-организованной католической прессѣ.

Вообще не существуетъ поля общественной дѣятельности, къ которому конгрегаціи не приложили бы рукъ. Кромѣ школъ, пріютовъ для бѣдныхъ, прессы, нужно указать на торговыя и промышленныя предпріятія и множество другихъ крупныхъ и мелкихъ учрежденій, которыя, какъ крѣпчайшей сѣтью, опутываютъ французскій народъ тысячью видимыхъ и невидимыхъ связей.

Но нужно быть въ самой Франціи, чтобы получить, такъ сказать, физическое ощущеніе клерикальнаго всемогущества. На каждомъ шагу: на улицахъ, въ конкахъ, въ вагонахъ желѣзныхъ дорогъ вы наталкиваетесь на армію доминиканцевъ, іезуитовъ и францисканцевъ, кармелитовъ и кармелитокъ, одѣтыхъ въ самые разнообразные костюмы, босыхъ или обутыхъ, съ обнаженною или покрытою головой, съ четками и молитвенниками въ рукахъ. По воскреснымъ днямъ окрестности Парижа, поля и парки переполнены воспитанниками іезуитскихъ коллегій и духовныхъ семинарій. Семинаристы въ черныхъ рясахъ и плоскихъ черныхъ шляпахъ издали производятъ впечатлѣніе стаи птицъ, почему вѣроятно французскій народъ и прозвалъ ихъ «*воронами*».

Когда, гуляя по улицамъ города, вы видите большія каменныя зданія съ большимъ паркомъ, обнесеннымъ высокими каменными стѣнами, или, любуясь на живописныя возвышенности Медона и Шатильона, замѣчаете красивыя постройки готическаго стиля, то знайте, что это—пансіоны, монастыри и пріюты для бѣдныхъ, принадлежащіе конгрегаціямъ.

Но ничто не символизируетъ такъ удачно католическое могущество, какъ новопостроенный по завѣту Игнатія Лойолы колоссальный храмъ *Sacré Coeur*, который, съ высоты Монмартрскаго холма оглушаетъ звономъ своего гигантскаго колокола «Савоярка» Парижъ, городъ Вольтера и отечество «Богини Разума».

Католическое духовенство ликуетъ. Упоенное своими успѣхами, оно теперь заявляетъ, что идеалъ его въ томъ, чтобы распространить свою власть на все человѣчество.

«Въ 1800 году церковь переживала самые тяжелые свои дни,—пишетъ парижскій архіепископъ.—Когда Пій VII сѣлъ на престолъ, онъ походилъ на слабую вѣтвь, которую орелъ могъ вырвать и унести далеко. Но кто въ силахъ остановить ростъ того, что посѣяла рука Божія? Слабый ростокъ превратился въ большой кедръ. Онъ поднимается и зеленѣетъ выше всѣхъ старыхъ деревьевъ лѣса. Если человѣчество хочетъ лиги мира, пусть оно придетъ и скроется подъ его сѣнью!***).

---

*) De Laparent. «Les Noces d'Argent de l'Université Catholique de Paris». (Correspondant 10 Fevrier 1901).

**) Рѣчь *Trouillot*, докладчика законопроекта объ ассоціаціяхъ. (Засѣданіе палаты депутатовъ 17-го января 1901 г.).

***) Cardinal Richard, «Vers l'Unité» («Unsiècle» etc., стр. 912).

II.

Что же за причина такого необыкновеннаго подъема католицизма, такого неожиданнаго разцвѣта конгреганистскихъ заведеній? Дѣйствительно ли это движеніе имѣетъ характеръ обновленія. настоящаго возрожденія, или оно—только временное и случайное? Отвѣчаетъ ли оно какимъ-нибудь новымъ и глубокимъ потребностямъ французскаго общества, или оно является послѣдними конвульсивными усиліями архаической организаціи, получающей преобладаніе только потому, что ея противникъ временно поглощенъ другими вопросами?

Для всякаго наблюдателя, близко знакомаго съ характеромъ современнаго католицизма, ясно, что усиленіе его—временное и случайное, что оно не отвѣчаетъ живой и глубокой потребности, и, являясь по существу искусственнымъ, не можетъ быть прочно.

И въ самомъ дѣлѣ, во Франціи, несмотря на умноженіе монастырей и орденовъ, не замѣчается усиленія религіознаго чувства. Какъ разъ наоборотъ: и друзья, и враги согласны въ томъ, что религіозный индифферентизмъ продолжаетъ дѣлать большіе успѣхи. Правда, нѣкоторые католическіе публицисты, вродѣ уже упомянутаго аббата Бюрнишана, постоянно твердятъ, что французская буржуазія и аристократія теперь набожнѣе, чѣмъ онѣ были во время Луи-Филиппа *). Но набожность эта—чисто внѣшняя и обрядовая, преслѣдующая чисто утилитарную цѣль. Аристократія все больше и больше избѣгаетъ духовной карьеры. Низшее бѣлое и черное духовенство рекрутируется теперь, почти исключительно, въ народныхъ массахъ. То же самое можно сказать и о высшемъ духовенствѣ. Тогда какъ до революціи изъ 134 архіепископовъ и епископовъ было только 5, вышедшихъ изъ народа, теперь, наоборотъ, изъ 90 архіепископовъ и епископовъ только 4 принадлежатъ къ аристократіи **). Съ другой стороны, если аристократія и часть буржуазіи посылаютъ своихъ дѣтей въ іезуитскія коллегіи, то это объясняется ихъ политическими антипатіями противъ республиканскаго правительства и его школъ; а еще больше это объясняется тою строгою дисциплиной, которая существуетъ въ пансіонахъ конгрегацій и снимаетъ съ родителей всякую личную заботу о воспитаніи дѣтей. Кромѣ того, благодаря своимъ связямъ со всевозможными общественными кругами конгрегаціи значительно облегчаютъ будущую карьеру своихъ воспитанниковъ.

Но вѣдь все это—соображенія чисто матеріалистическаго характера; въ нихъ не входитъ, можетъ быть, ни одинъ атомъ религіозныхъ побужденій. Впрочемъ, само католическое духовенство отдаетъ себѣ отчетъ въ истинныхъ побужденіяхъ имущихъ классовъ. Вотъ что говорится по этому поводу въ одной, изданной газетой «La Croix», книжкѣ для руководства католической пропаганды въ народѣ: «Обращайтесь скорѣе къ рабочимъ, чѣмъ къ буржуа: съ буржуа дѣлать нечего» ***).

Католики могли бы указать всего на два стоящія внѣ ихъ церкви теченія, которыя могли бы свидѣтельствовать объ истинномъ обновленіи католицизма. Эти два теченія, съ одной стороны, обращеніе къ католицизму нѣкоторыхъ протестантскихъ элементовъ, съ другой—то идеалистическое движеніе среди французской молодежи, которое останется въ современной исторіи Франціи подъ именемъ неокатолическаго.

---

*) Іезуитскій журналъ «Etudes» etc., 1900, стр. 444.

**) H. Taine, «Origines de la France Contemporaine, XI, Regime moderne», T. III, l'Eglise etc. l'Ecole (Edi.t de 1899, стр. 110).

***) «Organisation catholique des Campagnes», стр. 26. (Цитированная въ рѣчи Бриссона по законопроекту объ ассоціаціяхъ. Засѣданіе 22 января 1901).

Обращеніе въ католицизмъ извѣстнаго числа протестантовъ носитъ характеръ чисто религіозной реакціи. Они вступили въ лоно римской церкви, какъ «кающіеся грѣшники», безъ всякихъ претензій обновить ее. Отечествомъ этого движенія была Англія, но несомнѣнно дѣйствіе его должно было отразиться и на католицизмѣ во Франціи. Католическая церковь par excellence всемірная организація и каждая происходящая въ ней перемѣна въ ту или иную сторону, неизбѣжно отражается на цѣломъ.

Движеніе въ пользу католицизма было сильно въ Англіи въ двѣ различныя эпохи: въ половинѣ и въ концѣ XIX столѣтія. Первое движеніе извѣстно подъ именемъ «оксфордскаго», или движенія пюзистовъ, по имени Пюзе, который былъ его иниціаторомъ. Самъ Пюзе не принялъ всѣхъ догматовъ католицизма и до самой смерти оставался на пути между Вестминстеромъ и Ватиканомъ, между установленнымъ парламентомъ протестантскимъ молитвенникомъ *Prayer Book* и римско-католическимъ катехизисомъ. Но друзья его, между которыми были самые знаменитые будущіе кардиналы Ньюманъ и Манингъ, обратились къ ортодоксальному католицизму *).

Въ настоящее время это движеніе, извѣстное подъ именемъ движенія ритуалистовъ, или верховной церкви (*High Church*), наполняетъ полемикой журналы и митинги. Оно является массовымъ движеніемъ священниковъ, которые незамѣтно возстановляютъ запрещенные въ *Prayer Book* обряды католической церкви—окропленіе святой водой, зажиганіе свѣчъ, кажденіе ѳиміама, поклоненіе иконамъ и статуямъ **).

И первое, и второе движенія являются естественнымъ слѣдствіемъ кризиса, переживаемаго протестантизмомъ вообще.

Замѣнивъ въ истолкованіи св. писанія авторитетъ папы и вселенскихъ соборовъ личнымъ сужденіемъ, протестантизмъ самъ открылъ двери раціоналистской доктринѣ. И испуганный логическими заключеніями своего разума, протестантъ сталъ искать разрѣшенія, или, вѣрнѣе, усыпленія разъѣдавшихъ его сомнѣній въ возвращеніи къ католицизму. Боясь зайти слишкомъ далеко, онъ вернулся назадъ. «Я сдѣлался католикомъ, — говоритъ кардиналъ Ньюманъ въ своихъ «Loos and Gain» — потому что почувствовалъ потребность въ авторитетѣ, который утвердилъ бы мою вѣру среди стольких противорѣчій».

Совсѣмъ иной характеръ носитъ неокатолическое движеніе. Оно родилось не въ средѣ духовенства, какъ подъемъ католицизма въ Англіи, а въ средѣ свѣтской университетской молодежи. Кромѣ того, оно имѣло претензію примирить католицизмъ съ современной наукой и съ современными соціальными движеніями.

Движеніе это появилось во Франціи въ началѣ девяностыхъ годовъ, но послѣ трехъ-четырехъ-лѣтняго существованія, превратилось въ чисто антиклерикальное движеніе. Другими словами: иниціаторы его стоятъ теперь въ рядахъ антиклерикальной арміи. Поэтому то, что мы имѣемъ сказать о неокатолическомъ движеніи, представляетъ скорѣе ретроспективный интересъ. Но мы не можемъ обойти молчаніемъ это явленіе, такъ какъ оно входитъ въ исторію современнаго католицизма.

Неокатолическое движеніе началось чѣмъ то вродѣ реакціи противъ естественно-научнаго матеріализма. Успѣхъ послѣдняго основанъ—здѣсь я передаю въ общихъ словахъ идеи тогдашнихъ неокатоликовъ—на глубокомъ недоразумѣніи. И дѣйствительно, тотъ же самый позитивизмъ, который ничего не хочетъ

---

*) *P. Dangin* (de l'Académie française), «Renaissance catholique en Angleterre au XIX siècle» (Correspondant, Mars et Avril 1901).

**) *Alcide Ebray*, «La crise de l'Eglise Anglaise» и P. Berger, «Catholiques et protestants en Angleterre»; (первая напечатана въ протестантскомъ изданіи «Le Monde Chrétien», 1901 г., а вторая въ «Revue des Revues», juin 1899 г.).

знать внѣ области опыта и явленій, въ сущности покоится на нѣсколькихъ метафизическихъ началахъ. Мы говоримъ здѣсь не только о разныхъ гипотезахъ, вродѣ гипотезы о существованіи невѣсомой матеріи, наполняющей вселенную, но и о другихъ чисто интуитивныхъ и метафизическихъ предпосылкахъ, безъ которыхъ невозможна никакая наука. Послѣдняя основывается на цѣломъ рядѣ аксіомъ, но что доказываетъ, что эти аксіомы отвѣчаютъ дѣйствительности и что человѣческій разумъ не заблуждается? Никто не можетъ отвѣтить на этотъ вопросъ. Значитъ, научный опытъ выходитъ изъ предпосылки, «что между мыслью и вселенною существуетъ гармонія».

Безсиліе науки дѣлается еще очевиднѣе въ вопросѣ о происхожденіи и цѣли жизни: она даже не хочетъ браться за его разрѣшеніе. Этотъ предметъ выходитъ изъ области ощущеній и является для нея непознаваемымъ. Но человѣческій духъ стремится дальше, и отъ этого стремленія постичь непостижимое рождается религіозное чувство. «И корнями и послѣдними своими цвѣтами писалъ одинъ изъ неокатоликовъ,—наука входитъ въ область таинственнаго и неизвѣстнаго и именно здѣсь, передъ лицомъ этой неизвѣстности и таинственности является религіозное чувство человѣчества. Историческая критика свидѣтельствуетъ о присутствіи его во всѣ эпохи исторіи. Такое множество боговъ, смѣнявшихся въ продолженіи стольких вѣковъ, доказываетъ, что человѣкъ непобѣдимо вѣритъ въ Бога» *).

Вотъ какія идеи волновали французскую молодежь въ 1890 и 1891 годахъ. Въ началѣ это движеніе носило общій характеръ; оно стало называться неокатолическимъ только въ концѣ 1892 года. Это измѣненіе произошло подъ вліяніемъ проповѣдей американскаго архіепископа Иреланда, который посѣтилъ Парижъ въ іюнѣ 1892 года. Либеральный и соціальный католицизмъ Ирeланда очаровалъ парижскую молодежь. Въ своемъ легкомъ увлеченіи она видѣла въ немъ представителя «новаго духовенства, обновленной религіи» **). Среди неохристіанской молодежи раздались голоса, приглашавшіе французскую церковь «сдѣлаться такой же глубокоевангельской, нравственной и либеральной, какъ католическая церковь Ирeланда». Неохристіане, которые стали называть себя неокатоликами, кромѣ того, совѣтовали католической церкви освободиться отъ несоотвѣтствующаго современному положенію науки догматизма и остаться только при вѣрѣ въ «единаго Бога». Нѣкоторые, болѣе смѣлые изъ нихъ предлагали еще созваніе всемірнаго конгресса религій, вродѣ того, который собирался въ Чикаго въ 1893 году. Цѣлью этого конгресса должна была быть выработка всемірной религіи на основѣ того общаго элемента, который заложенъ во всѣхъ ихъ:—религіознаго чувства.

Но скоро нѣсколько рѣзкихъ проявленій со стороны церкви уничтожили прекрасныя надежды неокатолической молодежи. Парижскій архіепископъ запретилъ нѣсколькимъ либеральствующимъ священникамъ, которые были готовы протянуть руку молодежи, присутствовать на всемірномъ конгрессѣ религій. Католическая церковь не допускала даже подозрѣнія въ томъ, что она можетъ поставить себя наравнѣ съ другими церквами, такъ какъ католическая религія не одна изъ религій, а *единственная религія*.

Точно также послѣдовательна въ духѣ католицизма была и догматическая непримиримость, обнаруженная католическимъ духовенствомъ. Католическая религія со всѣми своими постулатами и догматами есть одно цѣлое, которое должно остаться нетронутымъ. Она, если позволено такъ выразиться, не подле-

---

*) *H. Berenger*. «La Réligion et la France» «R. des Revues», 15 Mars 1898 стр. 582.
**) Abbé Victor Charbonnel. «Deux catholicismes» «R. des Revues», Février 1897, - 206).

житъ юрисдикціи человѣческаго разума, такъ какъ происхожденіе ея — не человѣческое, а божественное.

Религія, по мнѣнію ея представителей, не имѣетъ ничего общаго съ разными метафизическими ученіями о сущности бытія. Въ самомъ дѣлѣ, всѣ эти ученія, и матеріалистическія, и спиритуалистическія, основываются на различныхъ дедукціяхъ человѣческаго разума, и слѣдовательно, безсильны разсѣять сомнѣнія и уничтожить разъѣдающій человѣческую душу скептицизмъ. Самый геніальный философъ не заставитъ меня принять его метафизическую систему, если мой собственный разумъ, равноправный съ его разумомъ, такъ какъ онъ пользуется тѣми же логическими пріемами, считаетъ ее невѣрной. Кромѣ того, я всегда найду другого, не менѣе геніальнаго философа, утверждающаго какъ разъ противоположное. Человѣчество можетъ подчиниться только разуму верховнаго существа, которое и есть Богъ, проявившій себя разъ навсегда въ *Откровеніи*. Заключающіяся въ откровеніи истины—неоспоримы, такъ какъ происхожденіе ихъ божественно. «Что сверхъ того, то отъ лукаваго».

Этотъ, или приблизительно этотъ, отвѣтъ церкви составляетъ доказательство *ab absurdo* того, насколько безплодны всѣ усилія, которыя человѣчество употребляло до сихъ поръ и употребитъ впредь для созданія прочной метафизической системы. Тѣмъ болѣе, что едва ли оно придумаетъ что-нибудь новое, что-нибудь такое, что въ самыхъ существенныхъ чертахъ уже не было бы сказано еще во времена Платона и Аристотеля, что-нибудь такое, что не принималось и не отвергалось бы уже много разъ.

Но это движеніе неокатолицизма поучительно еще и въ другомъ отношеніи. Оно показываетъ, насколько ограничено и неправильно созданное метафизикой понятіе о религіозномъ чувствѣ, какъ отношеніи человѣка къ безконечному и неизвѣстному. Метафизики не видятъ, что это «неизвѣстное» суживается и расширяется, смотря по исторической ступени, на которой стоитъ общество, и по положенію, которое въ немъ занимаетъ личность. Если для философа область «неизвѣстнаго», а съ нею и религіозное чувство начинается тамъ, гдѣ кончается область опыта, для массы человѣчества, для которой непонятны причины самыхъ обычныхъ явленій, которыя, по старой латинской пословицѣ «сначала живутъ, а потомъ философствуютъ», неизвѣстное начинается въ области самой практической жизни. Но въ этомъ случаѣ религіозное чувство проникнуто всѣми элементами этой практической жизни. Оно носитъ характеръ историческаго явленія, и сама религія дѣлается одною изъ функцій общественной жизни. И какъ бы ни казались намъ прямы и неподвижны ея каноны, подъ ними, какъ подъ толстою корою ледовитыхъ морей, кипитъ жизнь милліоновъ существъ.

Французскіе неокатолики очень скоро убѣдились въ этой истинѣ. Вотъ что писалъ въ 1898 г. Беранже, одинъ изъ иниціаторовъ этого движенія и горячихъ поклонниковъ архіепископа Иреланда: «Если въ нашей странѣ скоро возгорится религіозная война, то въ ней не будетъ ничего религіознаго, кромѣ имени. Кастовые предразсудки, классовые интересы, и всевозможные назрѣвшіе ферменты низкихъ страстей,—вотъ чѣмъ будутъ пользоваться, чтобы поднять народныя массы. Все, что было въ католической религіи высокаго и добродѣтельнаго, съ теченіемъ вѣковъ испарилось» *).

III.

Итакъ, католическая церковь сама отвергла союзъ, предлагавшійся частью интеллигенціи. Съ другой стороны, аристократія и буржуазія болѣе чѣмъ когда-либо избѣгаютъ духовной карьеры. При старомъ режимѣ, когда первородный

*) «La France et la Religion», стр. 574.

сынъ наслѣдовалъ бо̀льшую часть имущества родителей, въ каждой аристократической семьѣ были обездоленные сыновья, или дочери, которые часто уходили въ монастырь. Кодексъ Наполеона, провозгласившій юридическое равноправіе всѣхъ дѣтей, отнялъ у церкви много аристократовъ, которые прежде избрали бы духовную карьеру. Теперь духовенство рекрутируется почти исключительно изъ мелкой буржуазіи, рабочихъ или крестьянъ. Но и они идутъ въ священники главнымъ образомъ потому, что это—обезпеченная карьера. Даже положеніе сельскаго священника, которому государство ежемѣсячно платитъ жалованье, можетъ казаться завиднымъ и заставить не одного бѣдняка-крестьянина отдать сына въ духовную семинарію. Бо̀льшая часть воспитанниковъ семинарій—ничего не платятъ, другая часть уплачиваетъ только половину годовыхъ издержекъ на свое воспитаніе.

Другую часть своихъ воспитанниковъ духовныя семинаріи рекрутируютъ среди тѣхъ 22.000 сиротъ мужского пола, которые живутъ въ пріютахъ конгрегацій. Изъ этихъ сиротъ, которые съ самаго ранняго возраста находятся подъ вліяніемъ клерикальнаго воспитанія, выходятъ миссіонеры и вообще члены чернаго духовенства.

Особенное мѣсто въ исторіи современной католической церкви занимаютъ женскія конгрегаціи, на которыхъ мы поэтому остановимся подробнѣе.

Какъ извѣстно, рѣдкая женщина настолько отрѣзана отъ умственной и общественной жизни своей страны, какъ француженка. Во многихъ французскихъ университетахъ—присутствіе среди студентовъ француженки является рѣдкостью, тогда какъ въ тѣхъ же университетахъ учатся женщины всѣхъ національностей. Такая отсталость въ значительной степени связана съ вліяніемъ, которое оказывала на французскую женщину католическая церковь еще въ то время, когда была всесильной. А въ XIX вѣкѣ, когда политическія событія согнали католическую церковь со многихъ позицій, которыя она занимала, то она приложила еще большія усилія, чтобы привязать къ себѣ французскую женщину. И можно сказать, что въ этомъ направленіи она дѣйствовала успѣшно. Членовъ женскихъ конгрегацій *впятеро* больше, чѣмъ членовъ мужскихъ организацій. Число мальчиковъ, посѣщающихъ конгреганистскія школы—440.000 и число дѣвочекъ въ тѣхъ же конгреганистскихъ школахъ достигаетъ 1.177.000. Эти же двѣ цифры подтверждаютъ и фактъ нравственнаго раскола французской рабочей семьи. Отецъ, голосъ котораго обыкновенно имѣетъ рѣшающее значеніе въ воспитаніи мальчиковъ, посылаетъ ихъ въ государственныя школы, тогда какъ мать отдаетъ дѣвочекъ въ конгреганистскую школу.

Само духовенство все болѣе и болѣе начинаетъ видѣть въ женщинахъ главнаго своего союзника. Въ свои пріюты, которые являются, какъ уже мы сказали, настоящей предварительной школой для духовныхъ орденовъ, оно принимаетъ преимущественно сиротъ женскаго пола. Такъ, по послѣднимъ свѣдѣніямъ, на 22.000 сиротъ-мальчиковъ, приходится 54.000 сиротъ-дѣвочекъ. Это еще разъ доказываетъ, что и духовные ордена рекрутируютъ своихъ приверженцевъ среди бѣднаго народа. Впрочемъ, это же видно и изъ исторіи отдѣльныхъ орденовъ, большая часть которыхъ основана простыми работницами или крестьянками. Самымъ замѣчательнымъ примѣромъ является конгрегація «Сестрицы бѣдныхъ», основанная тремя неграмотными женщинами, вышедшими изъ народа: служанкой Жанной Жюганъ и портнихами Маріей Жансель и Виргиніей Треданьель; двѣ послѣднія, кромѣ того, осиротѣли въ раннемъ дѣтствѣ. Этотъ орденъ, основанный въ 1850 году, насчитываетъ теперь 4.475 сестеръ, которыя оказываютъ помощь 33.000 бѣдныхъ, въ разсѣянныхъ по всему свѣту 255 заведеніяхъ (изъ которыхъ 106 находятся во Франціи). По уставу ордена

онъ не долженъ имѣть другихъ источниковъ дохода, кромѣ милостыни, получаемой членами *)

Средства, употребляемыя французскимъ духовенствомъ, чтобы привязать къ себѣ часть народныхъ массъ—очень различны. Мы уже видѣли, по какимъ чисто матеріальнымъ соображеніямъ духовная карьера можетъ быть привлекательна для многихъ. Другая часть посѣщающихъ церкви католиковъ-мужчинъ и женщинъ тоже находитъ матеріальную выгоду въ помощи конгрегацій. Но этихъ отрицательныхъ сторонъ католической массы, конечно было бы недостаточно, чтобы обезпечить власть католической церкви. Она не могла бы долго господствовать, если бы между нею и ея кліентами существовали только такія отношенія, отношенія взаимнаго обмана. Не будемъ забывать, что католическая церковь играетъ еще большую и положительную нравственную роль. Ея торжественный церемоніалъ, соединившій все, что было привлекательнаго въ обрядахъ древнихъ языческихъ религій, дѣйствуетъ на эстетическія чувства вѣрующихъ. Но неизмѣримо большее значеніе она имѣетъ, какъ утѣшительница человѣческой души, такъ какъ въ основѣ ея догматовъ лежитъ идея безсмертія человѣческой души, а въ основѣ ея обрядовъ—молитва. Однако, само католическое духовенство признаетъ, что вѣра все болѣе и болѣе исчезаетъ изъ сердца французскаго народа. Религіозный индифферентизмъ дѣлаетъ успѣхи не только среди имущихъ классовъ, но и среди простого народа. До революціи у церковныхъ дверей можно было дѣлать перепись населенія, такъ какъ въ церковь ходили всѣ. «Теперь, писалъ одинъ архіепископъ Ипполиту Тену въ 1890 году,—изъ двухъ милліоновъ парижскаго населенія, едва сто тысячъ встрѣчаютъ Пасху въ церкви» **).

То же самое явленіе замѣчается и въ деревняхъ: церкви—пусты; присутствуютъ на службѣ почти исключительно женщины.

Сила католической церкви заключается въ духовныхъ орденахъ. Но и здѣсь произошли важныя перемѣны. До революціи большая часть монашескихъ орденовъ были *созерцательными*. Члены ихъ стремились къ спасенію души постомъ и молитвою. Теперь изъ 200.000 монаховъ и монахинь—только 5.000 принадлежатъ къ *созерцательнымъ* орденамъ. Всѣ остальные проводятъ время въ работѣ: въ уходѣ за больными, въ обученіи дѣтей, или просто въ физической работѣ. Въ созерцательныхъ орденахъ, такъ сказать, все человѣческое существо превращалось въ религіозное чувство, такъ какъ вся дѣятельность его сводилась къ внутреннему созерцанію Бога; въ другихъ орденахъ религіозное чувство сводится, наоборотъ, къ чему-то болѣе прозаическому, но и болѣе человѣчному: къ практикѣ солидарности. Можно въ извѣстномъ смыслѣ сказать, что католическая церковь, чтобы сохранить свой, оспариваемый прогрессомъ человѣчества авторитетъ, сама стремится сдѣлаться прогрессивнымъ факторомъ. И не малое утѣшеніе для сторонниковъ прогресса составляетъ фактъ, что то же самое католическое духовенство, которое въ первой половинѣ XIX столѣтія являлось величайшимъ противникомъ народнаго образованія, теперь протестуетъ, когда ему не позволяютъ открывать столько школъ, сколько оно считаетъ нужнымъ.

Но католическая церковь не сможетъ долго конкуррировать съ свѣтскимъ обществомъ въ дѣлѣ человѣческаго прогресса. Она—сила прошлаго, и если съ одной стороны она платитъ извѣстную неизбѣжную дань просвѣтительнымъ стремленіямъ нашей эпохи, то съ другой стороны она и тайно, и явно старается еще больше укрѣпить суевѣрія французской массы, которая, по выраженію одного католическаго писателя, «часто является языческой по своимъ вѣрованіямъ». Католическое духовенство находитъ очень выгоднымъ поддержи-

*) «Les petites soeurs des pauvres» (см. въ «Revue du Monde catholique», 1901).
**) Taine, «Origine de la France Contemporaine» etc.

вать эти языческія суевѣрія. Оно часто прибѣгаетъ къ весьма грубымъ пріемамъ, вродѣ поклоненій въ Лурдѣ, Паре ле-Моньялѣ и другихъ мѣстахъ. Оно учредило новый орденъ Св. Антонія Падуанскаго, который, за извѣстное вознагражденіе молится о нахожденіи потерянныхъ вещей, объ успѣхѣ торговыхъ и другихъ предпріятій, и вообще объ исполненіи всѣхъ желаній, которыя могутъ жить въ сердцѣ католика. Но ничто не характеризуетъ такъ удачно низкій культурный уровень части французскаго духовенства, какъ шумъ, поднятый по случаю крещенія миссъ Діаны Воганъ. Послѣдняя — бывшій членъ американскихъ франкъ-масонскихъ ложъ и бывшая невѣста и союзница «дьявола Асмодея»—просто фиктивная личность, выдуманная однимъ смѣлымъ шутникомъ, а отчасти вѣроятно и мошенникомъ, Лео Таксилемъ, для того, чтобы эксплуатировать легковѣріе католическаго духовенства и католическихъ массъ. Успѣхъ предпріятія Таксиля превзошелъ самыя смѣлыя его ожиданія. Мемуары Діаны Воганъ, въ которыхъ давались несомнѣнныя доказательства сношеній франкъ-масонскихъ ложъ съ дьяволомъ, распространились въ сотняхъ тысячъ экземпляровъ· По поводу ея обращенія въ католичество создалась почти такая же богатая литература, какъ по поводу причисленія Жанны д'Аркъ къ лику святыхъ. Отъ имени Воганъ въ 1896 году былъ созванъ антимассонскій конгрессъ въ Тріентѣ. Скоро вся эта мистификація была раскрыта самимъ авторомъ ея, Лео Таксилемъ. Тогда серьезные католическіе журналы, «Etudes religieuses» и «Correspondant» стали выводить поучительные уроки изъ этой исторіи, но раньше они молчали, вѣроятно потому, что сами принимали многія раскрытія Діаны Воганъ за выраженіе истины *).

Католическое духовенство воспользовалось плохо понятнымъ для массъ успѣхомъ терапевтическаго приложенія гипнотизма, и обращаетъ это явленіе въ аргументъ въ пользу сверхъестественнаго и чудеснаго.

Въ заключеніе: очевидно, что подъ цвѣтущей внѣшностью современный католицизмъ скрываетъ большія органическія слабости. Онъ питается суевѣріями, а суевѣрія не могутъ существовать долго. Теперь онъ держится за народныя массы, но и эта его резервная армія все уменьшается и уменьшается.

Что останется отъ католицизма, если сокровища вѣры и преданности, если чувства солидарности и самопожертвованія найдутъ приложеніе въ другой области общественной просвѣтительной дѣятельности? Что осталось бы отъ французскаго католицизма, если бы новое законодательство открыло общественную и политическую карьеру французской женщинѣ и такимъ образомъ отняло бы у него самаго важнаго союзника? Само католическое духовенство сознаетъ, что его вліяніе на французскую женщину сильно, потому что кругъ ея общественныхъ и духовныхъ интересовъ очень узокъ и ей никогда не приходится входить въ противорѣчіе съ интересами духовенства. Но эти столкновенія станутъ неизбѣжными, когда французская женщина выйдетъ изъ тѣснаго семейнаго круга на широкую общественную арену.

IV.

То, что мы сказали до сихъ поръ, относится къ вѣроятной судьбѣ католической церкви во Франціи. Но вопросъ о причинахъ ея настоящаго успѣха— остается открытымъ. Мы сказали, что причины эти не спиритуалистическаго характера, что онѣ не кроются въ усиленіи религіознаго чувства. При болѣе близкомъ знакомствѣ съ исторіей католической церкви въ XIX столѣтіи выясняется, что причины эти заключаются въ измѣненіи, въ эволюціи самой церкви, въ усиленіи дисциплины, въ подъемѣ вѣры, нравственности и культурнаго уровня самого духовенства, и монашескаго, и свѣтскаго.

---

*) Baron d'Angot. «Le cas de Diana Vaughan», «Correspondant», 15 fevrier 1897.

Эти измѣненія съ своей стороны явились естественнымъ слѣдствіемъ новыхъ отношеній, создавшихся между церковью и свѣтскимъ обществомъ.

Антагонизмъ между церковью и свѣтскою властью существовалъ во всѣ эпохи и во всѣхъ странахъ, потому что онъ происходитъ отъ противоположной сущности этихъ двухъ организацій.

Самостоятельность, которою съ самаго начала пользовалась католическая церковь, сохранилась и до сихъ поръ. Мы не можемъ входить въ разсмотрѣніе причинъ усиленія папской власти, и для насъ важно только констатировать фактъ, что еще въ IV вѣкѣ Римской имперіи Амвросій формулировалъ ультрамонтанскую доктрину слѣдующими словами: «Не церковь живетъ въ имперіи, а имперія живетъ въ церкви». Время еще болѣе укрѣпило преобладаніе папской власти. Въ то время, какъ сама имперія распадалась и императоры переносили свою резиденцію то въ Канстантинополь, то въ Триръ, то въ Миланъ,— папа оставался въ Римѣ. А когда онъ соединилъ въ своихъ рукахъ и свѣтскую власть надъ Римомъ, вліяніе его еще возрасло. Свѣтская власть терпѣла преобладаніе Рима, такъ какъ была слаба, по сравненію съ нимъ. Но уничтоженіе власти отдѣльныхъ феодаловъ и усиленіе монархіи дало послѣдней матеріальную возможность болѣе успѣшно бороться съ папскою властью. Этотъ поединокъ между Римомъ и Версалемъ наполняетъ страницы исторіи средневѣковой Франціи.

Два замѣчательнѣйшіе эпизода этой борьбы произошли въ концѣ XVI и началѣ XVII столѣтій. При Людовикѣ XIV Боссюе формулировалъ четыре знаменитые члена галликанской церкви. Въ нихъ признавалось равенство свѣтской власти съ папскою и признавался авторитетъ первой во всѣхъ организаціонныхъ вопросахъ французской церкви. Папа сохранялъ свой авторитетъ только въ вопросахъ о догматахъ, но и въ этихъ вопросахъ Боссюе признавалъ высшимъ авторитетомъ вселенскіе соборы. Агюссо, знаменитый министръ Людовика XV приложилъ на практикѣ галликанскую доктрину, издавъ декреты отъ 1749 года, по которымъ для основанія каждаго новаго духовнаго ордена необходимо было предварительное разрѣшеніе короля. Но католическое духовенство сохраняло всѣ пріобрѣтенныя до тѣхъ поръ права. Оно оставалось привилегированнымъ сословіемъ, располагавшимъ громадными богатствами монастырей. Стоимость однихъ только недвижимыхъ его имуществъ, по вычисленіямъ Талейрана, превышала два милліарда франковъ. Кромѣ того, католическая религія оставалась государственной религіей.

Французская революція коренннымъ образомъ измѣнила это положеніе вещей. Провозглашеніе политическаго равенства гражданъ уничтожило духовенство, какъ сословіе. 2 ноября 1789 года національное собраніе приняло другое роковое рѣшеніе, по которому всѣ церковныя имущества конфисковались въ пользу націи, и сами духовные ордена переставали существовать *). Римская церковь не согласилась съ этими рѣшеніями и само французское духовенство въ лицѣ своихъ самыхъ видныхъ членовъ эмигрировало въ Гобленцъ.

Но рѣшенія національнаго собранія не уничтожали фактической силы французскаго католицизма. Французскій народъ оставался въ большинствѣ преданнымъ догматамъ католической вѣры и рано или поздно духовенство должно было снова взять власть.

А это значило, что черезъ него и самъ папа долженъ снова пріобрѣсти вліяніе, которымъ онъ пользовался во Франціи до революціи. Вмѣсто того, чтобы создавать изъ католическаго духовенства и изъ папской власти враговъ, не лучше ли было бы сдѣлать такъ, чтобы за извѣстныя уступки власть эта сдѣлалась послушнымъ орудіемъ самой свѣтской власти? Именно въ этомъ смыслѣ

*) «Le Millard des Congrégations», («Correspondant» 1901).

Наполеонъ и установилъ отношенія между Франціей и Римомъ, такъ называемымъ конкордатомъ 1801 года. Такъ какъ этотъ конкордатъ въ силѣ и до сихъ поръ, то мы вкратцѣ приведемъ его существенные пункты.

По конкордату, католическая церковь переставала быть господствующей церковью. Но французское правительство обѣщало создать особый бюджетъ, изъ котораго должно было выдаваться содержаніе постоянному французскому духовенству. Изъ этого же бюджета должны были поддерживаться и храмы двухъ другихъ культовъ: протестантскаго и израильскаго. Назначеніе католическихъ архіепископовъ и епископовъ, которые дѣлались государственными чиновниками, какъ и священники, отнынѣ должно было зависѣть отъ французскаго правительства, а не отъ папы, какъ раньше. Папѣ предоставлялось только совершать помазаніе надъ лицами, указанными правительствомъ. Религіозные ордены переставали существовать и папа признавалъ конфискацію ихъ имуществъ законною, но французское правительство съ своей стороны обѣщало позволять основаніе такихъ духовныхъ орденовъ, за которыми признаетъ общественную полезность *).

Всѣми этими постановленіями Наполеонъ стремился превратить духовенство въ «священную жандармерію», какъ онъ самъ выражался **).

Папа Пій VII, бывшій въ то время на престолѣ, сначала не хотѣлъ принять конкордата, такъ какъ это бы равнялось узаконенію существенныхъ рѣшеній Національнаго собранія. Онъ соглашался только на нѣкоторыя уступки. «Мы пойдемъ,—сказалъ папа французскому посланнику Како,—только до вратъ ада, но не дальше». Папскій секретарь, Гонзальви, искусный дипломатъ, отправился въ Парижъ склонять Наполеона къ болѣе удобопріемлимому соглашенію. Это не удалось, и когда Наполеонъ приказалъ генералу Мюрату, находившемуся въ Неаполѣ, занять папскую область, то Пій VII согласился войти и въ «адъ» и подписалъ проектъ Наполеона.

Впрочемъ, съ наступленіемъ реставраціи многіе старые ордены были возстановлены: нѣкоторые—съ формальнаго разрѣшенія правительства, а другіе, напр., іезуитскій,—съ его молчаливаго согласія.

Но въ это время въ отношеніяхъ государства съ церковью уже произошли большія перемѣны. Послѣдняя утратила свое преобладаніе надъ свѣтской властью. Правительство было уже достаточно хорошо вооружено закономъ, дававшимъ ему право расширять, или уменьшать права духовенства, допускать основаніе новыхъ орденовъ, или уничтожать ихъ, и ставить церкви въ тѣ, или иныя условія, взамѣнъ поддержки и покровительства съ ея стороны.

V.

Новое положеніе церкви въ государствѣ повлекло за собою важныя послѣдствія. Однимъ изъ нихъ явилось усиленіе папскаго авторитета. На первый взглядъ такое усиленіе кажется непонятнымъ и неожиданнымъ, противорѣчащимъ самому духу конкордата. Но въ сущности оно представляется совершенно естественнымъ ввиду измѣненій въ составѣ и идеяхъ самого духовенства.

Мы упомянули въ предыдущей главѣ, что до революціи духовенство было привилегированнымъ сословіемъ. Оно дѣлило политическую власть съ дворянствомъ — другимъ привилегированнымъ сословіемъ Франціи. Большая часть самихъ архіепископовъ и епископовъ были дворяне по происхожденію. Во многихъ мѣстахъ они соединяли въ своихъ рукахъ и духовную и феодальную свѣтскую власть. Они пользовались громадными доходами съ церковныхъ иму-

*) «Le Centénaire du Concordat d'après nouveaux documents». («Correspondant» 1901).

**) Taine, «L'Eglise et l'Ecole» (1899).

ществъ. Одни изъ нихъ жили въ своихъ епископскихъ резиденціяхъ, какъ владѣтельные, феодальные князья, другіе находились при дворѣ, среди свѣтскихъ соблазновъ и роскоши.

Послѣ революціи все это измѣнилось. Духовенство лишилось всѣхъ выгодъ, даваемыхъ свѣтскою властью. Послѣдняя перешла въ руки буржуазіи, которая наполеоновскимъ конкордатомъ низвела духовенство до степени бюрократическаго класса. Съ одной стороны, это привело къ удаленію отъ духовнаго званія аристократіи, съ другой стороны, духовенство оказалось вынужденнымъ все чаще и чаще прибѣгать къ поддержкѣ Рима, чтобы давать отпоръ претензіямъ враждебнаго буржуазнаго класса. Французское духовенство изъ національнаго, или галликанскаго, какимъ оно было до революціи, стало ультрамонтанскимъ. «Пользуясь покровительствомъ свѣтской власти, — пишетъ орлеанскій епископъ Туше, — епископы стараго режима мало нуждались въ поддержкѣ Рима... Но теперь, когда мы лишены поддержки власти, которая относится къ намъ скорѣе враждебно, чѣмъ дружески, мы выработали себѣ привычку чаще обращаться къ папѣ» *).

Въ то же время католическое духовенство должно было усилить свою внутреннюю организацію. Въ смыслѣ дисциплины, нравовъ и образованія, теперешнее французское духовенство стоитъ гораздо выше распущеннаго духовенства стараго режима. «При старомъ режимѣ,—пишетъ тотъ же авторъ,—епископы, часто бывшіе крупными феодалами и исполнявшіе какія-нибудь должности при дворѣ, жили вдали отъ своей паствы. Они совсѣмъ не знали своихъ священниковъ. Семинаристы видѣли своего духовнаго руководителя, можетъ быть, только при рукоположеніи. Общихъ соборовъ не было. Епископы объѣзжали свой округъ разъ въ 10 или 15 лѣтъ». Семинаріи стараго режима были скорѣе свѣтскими, чѣмъ духовными заведеніями. Семинаристы пользовались большой свободой, были въ постоянномъ общеніи со свѣтскимъ обществомъ, посѣщали салоны и устраивали въ самыхъ стѣнахъ семинарій театральныя представленія, пасторали и другія свѣтскія развлеченія **). Теперь епископы постоянно живутъ въ своемъ округѣ, часто объѣзжаютъ его, находятся въ постоянномъ общеніи со своей паствой и священниками. Послѣдніе, послѣ окончанія семинаріи, гдѣ царствуетъ необыкновенно суровая дисциплина, подвергаются еще цѣлому ряду упражненій, имѣющихъ цѣлью укрѣпить ихъ вѣру. Ежегодно они пишутъ сочиненія на темы, заданныя епископомъ, и эти сочиненія разбираются потомъ на общихъ собраніяхъ. Кромѣ того, каждый священникъ долженъ разъ въ годъ, или разъ въ два года проводить вакаціонное время въ семинаріи, въ которой окончилъ курсъ. Та же система, за нѣкоторыми измѣненіями, съ еще большею строгостью прилагается к къ духовнымъ орденамъ.

Первенствующее мѣсто въ этомъ отношеніи занимаетъ іезуитскій орденъ.

Ни одна воспитательная система не основана на такомъ вѣрномъ и глубокомъ пониманіи человѣческой психологіи, какъ воспитательная система іезуитовъ. Я оставляю въ сторонѣ самую цѣль, которую они преслѣдуютъ, оставляю въ сторонѣ и безобразную кастрацію, которую они производятъ надъ многими человѣческими чувствами и останавливаюсь только на способахъ, на пріемахъ, которыми они пользуются. И въ этомъ отношеніи мы должны признать, что іезуиты достигли высшаго совершенства въ искусствѣ создавать изъ человѣка чудесный инструментъ, предназначенный для осуществленія извѣстной разъ намѣченной идеи. Путемъ сложнаго воздѣйствія на воображеніе, на чувство, на характеръ, они создаютъ изъ людей тѣхъ «послушныхъ, какъ трупы»—*perrinde ac cadaver*—солдатъ, которыхъ орденъ посылаетъ во всѣ концы

*) «La Vie intime de l'Eglise» («Un siécle» etc., p. 873).
**) H. Taine, «L'Eglise et l'Ecole» etc.

свѣта; за океаны, пустыни, и непроходимые лѣса, чтобы распространять и увѣковѣчивать власть Рима *).

Іезуиты тиранизировали народы, подпавшіе подъ ихъ власть, какъ южноафриканскія республики, они поджигали жертвенники инквизиціи, они развращали общество созданіемъ особой казуистики, въ основу которой легла безнравственная доктрина пробабилизма; въ свою очередь, они подвергались преслѣдованіямъ, ихъ убивали, грабили; и послѣ всего этого они могутъ сказать съ полнымъ правомъ, что въ большей части случаевъ все то, что они терпѣли отъ своихъ враговъ, и что сами дѣлали противъ нихъ, было не ради личнаго интереса, а *ad majorem Dei gloriam*.

Въ этихъ словахъ, конечно, не нужно видѣть выраженія какой бы то ни было симпатіи къ іезуитамъ. Мы просто констатируемъ фактъ, что всякая, даже самая низкая по содержанію дѣятельность должна драпироваться въ тогу идеала, и что даже человѣкъ, стоящій на самой низкой ступени въ нравственномъ отношеніи, часто ищетъ оправданія своихъ поступковъ передъ своею совѣстью. Какъ же должна быть сильна эта настоятельная нравственная потребность въ сердцахъ молодежи, наполняемой католическія семинаріи! Для этой молодежи, главнымъ образомъ, предназначается богатая литература, состоящая изъ житій христіанскихъ мучениковъ, жизнеописаній миссіонеровъ, древнихъ и новыхъ временъ, исторій, полныхъ примѣрами религіознаго идеализма, для этой молодежи предназначаются и безчисленныя руководства, которые великолѣпнымъ языкомъ экзальтируютъ вѣру и личное достоинство католическаго священника, называя его миссіею сверхчеловѣческой.

«Священникъ, это—сліяніе воедино Бога и человѣка», говорится въ одномъ изъ многочисленныхъ Vademecum'овъ католическаго духовенства. «Я не обманываю васъ набожными гиперболами, называя васъ Богами. Это—не историческая ложь. Вы—творцы, какъ Богъ—въ вѣчности. Наше постоянное твореніе, это слово, превращающееся въ плоть... Богъ можетъ создать новые міры, но онъ не можетъ сдѣлать такъ, чтобы подъ солнцемъ было другое болѣе великое дѣйствіе, чѣмъ та жертва, которую вы приносите, потому что въ этотъ часъ Онъ влагаетъ въ ваши руки все,—что имѣетъ, и все, что Онъ есть» **).

Іезуитскій орденъ, имѣвшій до французской революціи 16.000 однихъ миссіонеровъ, въ началѣ XIX столѣтія могъ считать себя почти окончательно уничтоженнымъ. Іезуиты были изгнаны изъ всѣхъ католическихъ странъ. Но теперь онъ снова пріобрѣлъ значительную долю своего прежняго могущества. Въ одной только Франціи, несмотря на формальное запрещеніе законамъ, онъ насчитываетъ теперь 29 коллегій—20 лѣтъ тому назадъ ихъ было всего 17 и члены его даютъ наибольшій процентъ профессоровъ духовныхъ семинарій. Стоимость однихъ только недвижимыхъ его имуществъ достигаетъ 50 милліоновъ франковъ.

Такое возрастаніе силы и вліянія іезуитовъ вполнѣ естественно при общемъ подъемѣ ультрамонтанскаго движенія. Они самые вѣрные представители ультрамонтанской идеи, самые горячіе борцы за господство Рима надъ всѣмъ міромъ, чѣмъ и возбуждали и возбуждаютъ страшную ненависть къ себѣ со стороны королей, правительствъ и народовъ. Они оставались неизмѣнными защитниками этихъ принциповъ даже и тогда, когда сами папы, подъ давленіемъ свѣтскихъ властителей должны были отказаться отъ нихъ. Кто не помнитъ гордаго отвѣта Ричи, генерала ордена, когда папа Климентъ XIV предложилъ ему измѣнить орденскій

---

*) Père du Lac, «Les Jésuites» («Correspondant», Décembre 1900 et janvier 1901), «Fables jesuites» («Revue du Monde Catholique» janvier 1895 et Mai 1896); Victor Charbonnel, «Origine musulmane des jésuites» («R. de Revues» 1895).

**) Taine, стр. 98.

уставъ: «Sint ut sunt, aut non sint». Іезуитскій орденъ долженъ существовать такимъ, каковъ онъ есть, или не существовать вовсе.

Поэтому неудивительно, что теперь, когда доктрина Рима снова замѣнила доктрину галликанской церкви, іезуиты сдѣлались главными вдохновителями и руководителями французскаго духовенства.

Непогрѣшимость папы является необходимой предпосылкой того всеобщаго авторитета, которымъ онъ пользуется теперь въ католическомъ мірѣ.

Въ XVII столѣтіи іезуиты создали почти языческій культъ поклоненія Христову сердцу. О, іезуиты несомнѣнно умѣютъ дѣйствовать на самыя чувствительныя струны души! Когда сентиментальная женщина видитъ на картинахъ и статуяхъ это измученное, окровавленное сердце, пронзенное человѣческою несправедливостью, она чувствуетъ, какъ успокаиваются страданія ея собственнаго сердца *). Во Франціи существуетъ теперь больше 170 женскихъ конгрегацій, посвященныхъ Сердцу Христову, Сердцу Божіей Матери, или сердцу Іосифа. А въ ту минуту, какъ мы пишемъ это письмо, по всей Франціи празднуется торжество «Sacré Coeur». Въ Лиллѣ, Парижѣ, Ліонѣ, Марселѣ на многихъ католическихъ домахъ развѣваются бѣлыя знамена съ большимъ окровавленнымъ сердцемъ, пронзеннымъ штыкомъ въ срединѣ.

Усиленіе власти Рима проявляется и въ другихъ областяхъ жизни католической церкви во Франціи. «До революціи—пишетъ орлеанскій епископъ—во всѣхъ эпархіяхъ литургія служилась по разнымъ требникамъ, составленнымъ по инициативѣ мѣстныхъ епископовъ. Теперь по всей Франціи служба совершается по одному и тому же требнику, присылаемому Римомъ» **).

Церковь чувствуетъ, что она теперь чуждая обществу сила и что ей не устоять противъ его разлагающаго дѣйствія, если она не сплотитъ свои ряды и не усилитъ дисциплину.

Но и этого было бы недостаточно для объясненія того вліянія, которое церковь пріобрѣла снова, если бы само свѣтское общество часто не измѣняло своему враждебному отношенію и не оказывало ей дѣйствительной помощи. Всѣ республиканскіе кабинеты прибѣгаютъ къ церкви, къ ея миссіямъ и конгрегаціямъ, какъ къ средству расширить колоніальныя владѣнія Франціи. Папскіе представители подготовляютъ успѣхъ французскихъ консуловъ. Извѣстный ультрамонтанскій архіепископъ Фавье въ Китаѣ дѣйствуетъ заодно съ посланникомъ Пишономъ, радикаломъ и бывшимъ сотрудникомъ Клемансо.

Въ самой внутренней борьбѣ во Франціи, въ столкновеніяхъ классовъ извѣстныя партіи прибѣгаютъ къ авторитету папы. Духовенство дѣлается для нихъ «святою жандармеріей». Но само духовенство, поддаваясь этимъ вліяніямъ, не забываетъ, что роль, которая ему предлагается въ этихъ случаяхъ роль подчиненная, что имъ пользуются, какъ средствомъ:

«Pour contenir le peuple ou pour l'émouvoir
«Est dessus sa faiblesse affermir le pouvoir.
(Corcielle).

Духовенство это знаетъ и, извлекая изъ этого союза всевозможное въ свою пользу, старается придать ему временный характеръ.

VI.

«Чѣмъ больше романизируется міръ, тѣмъ больше должно универсализироваться папство», говорилъ кардиналъ Мермильо ***). Другими словами, для того, чтобы папская власть могла привязать къ себѣ католиковъ всѣхъ странъ,

*) J. Michelet, «Le prêtre, la femme et la Famille».
**) «Vers l'Unité» («Un Siècle», стр. 872).
***) Fr. Carry, «Le Futur Conclave» (Correspondant, 25 février 1899).

она сама должна къ нимъ приспособиться. Но кто не знаетъ, какъ трудна была эта задача въ XIX столѣтіи, съ его сильно развитою философскою, научною, политическою и соціальною жизнью! «Католическій міръ»—понятіе собирательное и въ него входятъ самые разнообразные элементы. Къ «католическому міру» принадлежитъ и монархическая Австрія, и антифранцузская Германія, и антигерманская Франція, и республиканская Америка, къ нему принадлежатъ и аристократы, и буржуа, и рабочіе, къ нему принадлежатъ и ученые, и необразованные люди. Папская власть должна была приспособляться къ противорѣчивымъ, враждебнымъ интересамъ всѣхъ этихъ общественныхъ группъ, не входя, въ то же время, въ противорѣчіе и съ основными догматами католицизма.

Это приспособленіе папства къ новѣйшей цивилизаціи составляетъ одинъ изъ самыхъ важныхъ эпизодовъ его исторіи въ XIX столѣтіи, Но это приспособленіе и теперь еще не полно; лишнее и говорить, что оно никогда не будетъ полнымъ. Но во всякомъ случаѣ и достигнутые въ этомъ направленіи успѣхи представляютъ большой интересъ.

Когда и свѣтская власть была въ рукахъ католицизма, и господство его было поэтому обезпечено, его практическая мораль сводилась къ доктринѣ квіетизма. Отрѣшеніе отъ всякой дѣятельности—вотъ что проповѣдывали самые краснорѣчивые квіетисты: св. Францискъ Сальскій и Фенелонъ. Но теперь господство такой моральной доктрины означало бы близкій конецъ церкви. Теперь она вынуждена заботиться не только о спасеніи душъ, но и объ умственномъ и физическомъ развитіи своей паствы. Теперь, когда свѣтская власть отняла у церкви политическую силу, которою она держала народныя массы, она вынуждена открывать школы, пріюты для бѣдныхъ, убѣжища, чтобы сохранить за собою эти массы. Квіетизмъ уступилъ мѣсто активному прозелитизму. Впрочемъ, аналогичное измѣненіе переживала церковь всякій разъ какъ ей угрожала какая-нибудь внѣшняя опасность. Такъ было и въ IV столѣтіи, когда гоненія Діоклетіана Юліана, Ѳеодосія съ одной стороны, и ереси—съ другой, создали самоотверженныхъ борцовъ церкви Аѳанасія, Амвросія и Августина, такъ было и въ началѣ XVII вѣка, когда успѣхи реформы вызвали появленіе іезуитскаго ордена.

Переходя отъ этики къ современной философіи, мы увидимъ, что и здѣсь церковь успѣла опредѣлить свое отношеніе. Послѣ нѣкоторыхъ колебаній, происходившихъ отъ того, что католическіе философы, Германъ и Гюнтеръ старались примирить католицизмъ съ критической философіей, папа Левъ XIII издалъ буллу, которая въ области метафизики дѣлала обязательною для католическаго духовенства доктрину св. Ѳомы Аквинскаго о вещественной объективности вселенной и человѣческой души *). Богъ остается первичною причиной, а дальнѣйшее развитіе вселенной и законъ этого развитія могутъ быть истолкованы различно. Въ этомъ отношеніи католическое духовенство оказывается крайне либеральнымъ: оно принимаетъ новыя теоріи образованія земли и соглашается, что существующее библейское объясненіе имѣло чисто символическій, или, во всякомъ случаѣ, временный и гипотетическій характеръ. Оно только еще не можетъ примириться съ теоріей Дарвина о происхожденіи видовъ. Оно еще принимаетъ постепенное развитіе низшихъ видовъ однихъ въ другіе, но для образованія человѣка съ его безсмертною душой считаетъ нужнымъ божественное вмѣшательство.

Взгляды, высказываемые въ настоящее время католическою церковью по соціальному вопросу имѣютъ большее практическое значеніе. Когда въ тридцатыхъ годахъ появились Ламене и Монталамберъ—первые апостолы того ученія,

*) Didiot, «La philosophie» («Un siècle» etc., стр. 402).

которое теперь извѣстно подъ именемъ христіанскаго соціализма, папа, по желанію французскихъ епископовъ, осудилъ это ученіе въ нѣсколькихъ энцикликахъ. Но когда рабочія массы сдѣлались сильнымъ политическимъ факторомъ, церковь не могла, не рискуя своимъ вліяніемъ, осуждать ихъ стремленій. Десять лѣтъ тому назадъ, папа Левъ XIII отказался послать свое порицаніе американской католической рабочей организаціи «рыцарей труда», хотя этого желали вліятельные американскіе католики.

Еще замѣчательнѣе новыя политическія идеи римской церкви. Бывшая сторонница абсолютной монархической власти, она объявляетъ теперь, что индифферентна къ политическимъ формамъ правленія. «Нужно свыкнуться съ идеей,— пишетъ епископъ Туше,—что намъ не нуженъ никакой политическій режимъ, такъ какъ мы стоимъ надъ всѣми ими». Или, вѣрнѣе, католическая церковь старается приспособиться ко всѣмъ имъ: въ Австріи она строго монархическая; во Франціи духовенство ея поетъ: *Domine salvam fac Republicam*, а въ Соединенныхъ Штатахъ краснорѣчивый Ирелавдъ произноситъ въ Балтиморскомъ соборѣ проповѣди, оканчивающіяся заявленіемъ, что «управленіе для народа и черезъ народъ—единственная форма, отвѣчающая духу католической церкви».

Но кому не ясно, что все это только уступки, которыя католическая церковь дѣлаетъ, потому что не свободна въ своихъ дѣйствіяхъ? А если защитники свободной критики и современной цивилизаціи забываютъ это, то разныя обстоятельства напоминаютъ имъ объ этомъ. Поучительное въ стольких отношеніяхъ дѣло Дрейфуса, въ которомъ французская церковь приняла сторону всѣхъ реакціонныхъ элементовъ, показываетъ, что она остается по существу реакціонной силой. Она снова возбудила противъ себя ненависть демократическихъ массъ, которую ея искусная политика было нѣсколько успокоила. Борьба противъ клерикализма приняла снова такой острый характеръ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, напр., Бисетрѣ, Иври и другихъ рабочихъ парижскихъ предмѣстьяхъ, антиклерикальные мэры запрещаютъ ношеніе рясы.

Само правительство было вынуждено принять мѣры противъ духовныхъ орденовъ. Законъ объ ассоціаціяхъ, который уже прошелъ палату, и несомнѣнно пройдетъ и сенатъ, рѣшаетъ распущеніе и изгнаніе всѣхъ неразрѣшенныхъ духовныхъ орденовъ, а большая часть изъ нихъ принадлежитъ къ этой категоріи. Первоначально ихъ имущества должны были быть конфискованы въ пользу государственной пенсіонной кассы для престарѣлыхъ рабочихъ. Но большинство палаты, не смотря на сопротивленіе—въ сущности довольно слабое,—со стороны Вальдека-Руссо, измѣнило первоначальный проектъ и рѣшило распредѣлить конфискованныя имущества между ихъ членами.

Уничтоженіе неразрѣшенныхъ духовныхъ орденовъ, закрытіе ихъ заведеній, учебныхъ и другихъ, несомнѣнно ослабитъ силу клерикализма. Но это будетъ временно и онъ скоро снова пріобрѣтетъ свое прежнее вліяніе, до тѣхъ поръ, пока важныя политическія реформы, напримѣръ, дарованіе женщинамъ избирательнаго права, и вообще новая комбинація общественныхъ и политическихъ силъ не искоренитъ экономическихъ и политическихъ причинъ клерикализма и не дастъ иного назначенія большой нравственной и религіозной энергіи, которую онъ поглощаетъ.

Х. Г. Инс.

НАУЧНЫЙ ОБЗОРЪ.

Вулканическія явленія при свѣтѣ ѳеоріи Штюбеля *).

Проф. д-ра А. Данненберга (Ахенъ).

(Переводъ съ нѣмецкаго).

Къ числу самыхъ интересныхъ и поучительныхъ главъ въ исторіи геологіи принадлежитъ, безспорно, развитіе воззрѣній на вулканизмъ.

Въ концѣ XVIII и въ первой половинѣ XIX столѣтій «вулканологія» являлась любимымъ занятіемъ наиболѣе знаменитыхъ геологовъ, во второй же половинѣ прошлаго столѣтія къ ней относились почти съ пренебреженіемъ, даже можно сказать съ нѣкоторымъ презрѣніемъ. Прежде вулканизмъ господствовалъ во всей динамической геологіи, теперь же онъ былъ низведенъ до роли ничтожнаго явленія, только до спутника тектоническихъ процессовъ.

Въ послѣднее время, повидимому, снова происходитъ поворотъ; можно надѣяться, что наступитъ время для болѣе правильной оцѣнки вулканизма.

Какъ извѣстно, преувеличенные взгляды старой геологіи относительно вулканической силы, дѣйствію которой приписывалось не только образованіе вулкановъ, но и вообще происхожденіе горъ, землетрясенія и т. д., встрѣтили сильный отпоръ со стороны англійской школы геологовъ. Послѣдняя возстала въ особенности противъ безусловно ошибочной, можно сказать роковой, теоріи поднятія, принадлежащей *А. фонъ-Гумбольдту* и *Л. фонъ-Буху* и нашедшей большое распространеніе въ Германіи и Франціи (Э. де-Бомонъ, Дюфренуа). Послѣ продолжительной и часто ожесточенной борьбы ученіе *Ляйэлля* и *П. Скропо* побѣдило теорію Гумбольдта-Буха и мѣсто «кратера поднятія», обязаннаго своимъ происхожденіемъ однократному, насильственному проявленію силы путемъ поднятія твердыхъ пластовъ горныхъ породъ, заняло представленіе о постепенномъ образованіи вулканическихъ горъ при помощи медленнаго накопленія продуктовъ изверженій (шлаки, бомбы, рапилли и т. д.) и потоковъ лавы.

Это послѣднее воззрѣніе, объясняющее безспорно происхожденіе большей части вулканическихъ горъ—среди нихъ мы находимъ, наиболѣе извѣстные и наилучше изслѣдованные,—представляло собою несомнѣнно крупный прогрессъ въ вулканологіи и можетъ въ настоящее время считаться однимъ изъ самыхъ вѣрныхъ пріобрѣтеній геологіи.

Затѣмъ теорія накопленія Ляйэлля-Скропа была дополнена разработанной въ особенности Рейеромъ и Зюссомъ теоріей трещинъ, по которой вулканическія

---

*) Читателямъ нашего журнала считаемъ нелишнимъ напомнить статью проф. Павлова «Вулканы на землѣ и вулканическія явленія въ вселенной», мартъ—апр. 1899 г. которыя можетъ служить для нихъ дополненіемъ къ настоящей статьѣ. *Ред.*

явленія разсматриваются какъ результатъ и какъ спутникъ большихъ дислокацій *), сама же магма лишена собственной энергіи и ей приписана чисто гидростатическая роль.

Безспорныя положительныя стороны этой теоріи совершенно затмили ея недостатокъ и ея односторонность. Представленіе объ абсолютной пассивности магмы грозило стать догмой; теорію трещинъ эксплоатировали самымъ безсмысленнымъ образомъ; вмѣсто того, чтобы привести фактическія доказательства существованія трещинъ до образованія вулкановъ, выводили ихъ существованіе изъ присутствія вулкановъ и такимъ образомъ съ наслажденіемъ вертѣлись въ великолѣпномъ заколдованномъ кругу.

Прошло не мало времени, скопилось достаточное количество фактовъ прежде, чѣмъ была пробита брешь въ этомъ ученіи. Хотя постоянно выдающіеся знатоки вулкановъ—я назову только Абиха—высказывались противъ указанныхъ преувеличеній школьной вулканологіи, взгляды ихъ не имѣли особаго успѣха. И только благодаря знакомству съ «лакколитами» **), стали приписывать вулканической магмѣ способность поднятія и въ такомъ объемѣ, какъ замѣчаетъ Бранко ***), какой врядъ ли даже старая теорія поднятія кратеровъ когда-либо допускала. Въ самое послѣднее время въ Германіи относительно вулканизма были высказаны, въ особенности Бранко, взгляды, которые отличаются своею независимостью отъ вышеизложенныхъ принциповъ и во многомъ прямо имъ противорѣчатъ.

Но только *А. Штюбелю* удалось построить вполнѣ законченное, новое зданіе въ этой отрасли геологіи.

Докторъ Штюбель посвятилъ всю свою продолжительную жизнь изученію этихъ вопросовъ и въ области вулканизма собралъ такую массу наблюденій, что врядъ ли кто изъ нынѣ живущихъ геологовъ можетъ съ нимъ въ этомъ сравниться. Если такой авторитетный ученый рекомендуетъ намъ теоретическое изложеніе вулканической проблемы, какъ зрѣлый плодъ своей научной работы, мы должны познакомиться съ ходомъ его мыслей и провѣрить на его теоріи извѣстные намъ факты.

Теоретическія воззрѣнія на вулканизмъ, развитыя Штюбелемъ, дѣлятся, какъ это и соотвѣтствуетъ самому предмету, на два главныхъ отдѣла. Первый трактуетъ о внѣшнихъ видимыхъ аппаратахъ вулканической дѣятельности—о различныхъ формахъ вулканическихъ горъ, о значеніи кратера и т. п., второй—о вулканическихъ очагахъ, какъ причинѣ этихъ внѣшнихъ явленій.

Вопросы, связанные съ происхожденіемъ и функціонированіемъ надземнаго аппарата, сравнительно очень просты. Такъ какъ процессы эти доступны прямому наблюденію и такъ какъ на потухшихъ вулканахъ изучена съ самою желательною ясностью ихъ внутреннее строеніе, то нѣтъ ничего удивительнаго, что относительно этихъ вопросовъ давно уже пришли къ удовлетворительнымъ результатамъ. И дѣйствительно, тутъ лежитъ сила созданной Ляйэллемъ, а затѣмъ законченной Скропомъ теоріи накопленія. Штюбель, съ своей стороны, признаетъ ея справедливость—по крайней мѣрѣ для многихъ случаевъ, но онъ доказываетъ, что она не исчерпываетъ всего вопроса и не примѣнима ко всѣмъ вулканамъ. Онъ противопоставляетъ вулканическимъ горамъ, происшедшимъ путемъ постепеннаго накопленія во время повторявшихся вулканическихъ извер-

---

*) *Дислокаціей* называется въ геологіи перемѣщеніе пластовъ земли.

**) *Лакколитами* называются куполообразныя горы, происшедшія путемъ поднятія пластовъ. Лакколиты состоятъ изъ куполообразно-изогнутыхъ осадочныхъ образованій, покоящихся на ядрѣ изъ новѣйшихъ изверженныхъ горныхъ породъ.

***) В. Бранко. «Neue Beweise für die Unabhängigkeit der Vulkane von präexistivenden Spalten. Neues Jahrb. für Min. u. s. w. 1898, I, S. 177.

женій, названнымъ имъ *полигеннымъ* вулканомъ, другую группу *моногенныхъ* вулкановъ, обязанныхъ своимъ происхожденіемъ единичному акту.

Теорія моногеннаго образованія, въ особенности въ той части, которая касается происхожденія болѣе крупныхъ вулканическихъ горъ, лишь съ трудомъ будетъ принята, такъ какъ съ перваго взгляда кажется, что это какъ бы возвратъ къ потерявшей вполнѣ справедливо всякій кредитъ теоріи «поднятія кратеровъ», но на самомъ дѣлѣ она не имѣетъ съ послѣдней ничего общаго. Во-первыхъ, съ морфологической точки зрѣнія группировка вулкановъ на два класса—какъ это предлагаетъ Штюбель—является необходимостью. Одни вулканы, дѣйствительно, представляютъ собою истинные конусы накопленія, характеризующіеся часто математическою правильностью своего профиля, соотвѣтствующею его внутреннему строенію; кратеръ ихъ и мѣсто вулканической дѣятельности образуютъ математически и генетически центръ, изъ котораго были извергнуты всѣ продукты вулканической дѣятельности. Вулканъ подобнаго рода немыслимъ безъ кратера и такъ какъ во время господства теоріи Скропа занимались только подобнаго рода вулканами, то вулканъ и кратеръ сдѣлались нераздѣльными понятіями, даже, какъ кажется, употреблялись иногда, какъ синонимы. Этому «нормальному вулкану» прежней классификаціи противополагается нынѣ другая группа—она охватываетъ многочисленные и частью самые величественные вулканы земного шара. Особенности этой группы во всѣхъ существенныхъ чертахъ, приблизительно прямо противоположны первымъ. Ихъ внѣшняя форма очень разнообразна, но въ общемъ отличается отъ формы настоящихъ конусовъ накопленія и часто у нѣкоторыхъ изъ этихъ моногенныхъ вулкановъ имѣется кратеръ, у другихъ отсутствуетъ, но во всякомъ случаѣ значеніе его совсѣмъ иное, чѣмъ у вулкановъ, происшедшихъ путемъ накопленія. Въ виду того, что моногенный вулканъ образовался во время однократнаго акта, преимущественно изъ вытекшей лавы, онъ не нуждается для своего созданія въ кратерѣ, какъ въ постоянномъ активномъ элементѣ. Углубленія на вершинахъ моногенныхъ горъ могли произойти двоякимъ образомъ. Во-первыхъ, они могли образоваться въ полуостывшей изверженной массѣ или вслѣдствіе сокращенія содержимаго, или вслѣдствіе опусканія покрышки, или же они обязаны своимъ происхожденіемъ тому обстоятельству, что еще не застывшее содержимое выливается черезъ боковыя щели и образуетъ углубленія подобно тому, какъ на хребтѣ потоковъ лавы образуются похожія на могилы углубленія; наконецъ, въ нѣкоторыхъ случаяхъ образованіе на вершинѣ похожаго на кратеръ углубленія объясняется частичными опусканіями магмы въ центръ изверженія. Во-вторыхъ, на моногенномъ вулканѣ можетъ образоваться настоящій кратеръ вслѣдствіе вулканической дѣятельности, т.-е. вслѣдствіе взрыва газовъ, изверженія шлаковъ и даже самой лавы. Только здѣсь, въ отличіе отъ полигенныхъ вулкановъ, мѣсто вулканической дѣятельности слѣдуетъ искать не въ подземномъ очагѣ, но въ массѣ самой горы. Подобный кратеръ моногенной горы можно сравнить съ фумаролами *) остывшей лавы. Итакъ, фундаментальное отличіе однихъ вулкановъ отъ другихъ состоитъ въ томъ, что полигенные вулканы сохраняютъ постоянную связь съ подземнымъ очагомъ, моногенные же явились вслѣдствіе однократнаго изверженія вулканическаго матеріала изъ подобнаго очага. На многочисленныхъ примѣрахъ Штюбель доказываетъ, что послѣднее явленіе встрѣчается чрезвычайно часто и при каждомъ новомъ изверженіи, повидимому, гораздо легче образуются новые пути, чѣмъ сохраняется открытымъ или же возстановляется старый путь. Конечно, въ природѣ внѣшняя противо-

---

*) *Фумаролами* называются струи водяного пара, смѣшанны съ другими парами и газами (напр., хлористымъ водородомъ, углекислотой, сѣрнистой кислотой, амміакомъ, сѣроводородомъ и др.), вырывающіяся съ поверхности лавовыхъ потоковъ.

положность моногенныхъ и полигенныхъ образованій не выступаетъ съ той рѣдкостью, которая соотвѣтствовала бы ихъ принципіальному различію. Идеальная правильность полигенныхъ вулкановъ можетъ быть сильно нарушено боковыми изверженіями, а также перемѣщеніемъ центра изверженій. Кратеръ и шлаковая покрышка могутъ подвергнуться размыву и вывѣтриванію и въ результатѣ можетъ получиться куполообразная гора моногеннаго вида. Но что важнѣе всего, часто встрѣчается комбинація обоихъ способовъ образованія. Въ этомъ случаѣ въ центральномъ моногенномъ ядрѣ или вокругъ него обнаруживается продолжительная вулканическая дѣятельность и ядро покрывается болѣе или менѣе полигенными образованіями. Къ этому мы еще вернемся.

Какъ бы ни расходились въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ взгляды относительно моногеннаго или полигеннаго характера даннаго вулкана, моногенныя образованія, соотвѣтствующія воззрѣнію Штюбеля, безспорно существуютъ. Они были даже извѣстны теоретикамъ теоріи накопленія. Такъ, Скропъ указываетъ на «Mamelons» о-ва Сурбонь и куполообразныя горы Пюи-де-Домъ въ Оверни, какъ типы, отличные отъ нормальныхъ вулкановъ накопленія. Но ученые, находясь вполнѣ во власти теоріи постепеннаго образованія вулканическихъ горныхъ породъ, придумали для нихъ подходящее объясненіе: они представляли себѣ ихъ строеніе въ видѣ оболочки луковицы, образованной часто повторявшимися изверженіями лавы изъ жерла огнедышащей горы. Эти «купола» Оверни (оставляя открытымъ вопросъ, можно ли ихъ разсматривать, какъ моногенные вулканы въ смыслѣ теоріи Штюбеля, или нѣтъ), обязанные своимъ происхожденіемъ скорѣе всего подземнымъ массамъ, освободившимся благодаря дѣйствію размывающихъ процессовъ, напоминаютъ, слѣдовательно, лакколиты.

Прекраснымъ примѣромъ моногенныхъ вулкановъ можетъ служить островъ Пантелларія. На вулканахъ этого острова нельзя найти и слѣда изверженій; здѣсь вы не увидите лежащими другъ на другѣ слоевъ лавы и тому подобныхъ продуктовъ; напротивъ, каждый отдѣльный вулканъ какъ бы вылитъ изъ одного куска однородной массы, которая только на своей поверхности распадается на неровныя глыбы. Нѣкоторые изъ вулкановъ Пантелларіи, напр., оба Monti Gibilé, имѣютъ на вершинѣ кратерообразныя углубленія, происшедшія, вѣроятно, по упомянутому нами способу, вслѣдствіе «осѣданія». На другихъ же вулканахъ, какъ, напр., на M te Gelkamar, образовалась широкая «caldera» вслѣдствіе того, что содержимое ихъ выдѣлялось въ видѣ могучаго потока изъ трещинъ, образовавшихся на склонѣ горы.

Можно найти случаи моногеннаго происхожденія вулканическихъ образованій и среди изверженій, происшедшихъ въ историческую эпоху. Наилучшимъ примѣромъ подобнаго происхожденія, безспорно, можетъ служить появившійся въ 1866 году по Санторинѣ «Георгіосъ», выступившій въ видѣ чернаго пласта изъ моря съ остатками потонувшаго въ этомъ мѣстѣ корабля; хотя раньше здѣсь на проявлялось никакой вулканической дѣятельности и не было ни одного кратера.

Если нѣкоторые геологи и допустятъ для подобныхъ, относительно незначительныхъ, образованій моногенное происхожденіе, то примѣненіе изложенной теоріи къ большимъ, а въ особенности къ очень большимъ вулканическимъ горамъ встрѣтитъ, безъ сомнѣнія, съ ихъ стороны очень сильный протестъ, а между тѣмъ Штюбель допускаетъ или исключительно, или преимущественно моногенное происхожденіе этихъ горъ и я думаю, что въ данномъ пунктѣ, по крайней мѣрѣ во многихъ случаяхъ, необходимо съ ними согласиться. Уже съ давнихъ временъ въ геологіи пріобрѣло права гражданства понятіе объ одной формѣ вулканической дѣятельности, связанной не съ дѣятельностью кратера, но характеризующейся простымъ поднятіемъ и изліяніемъ магмы, такъ называемыя «массовыя изліянія». Этимъ массовымъ изліяніямъ обязаны своимъ

происхожденіемъ обширныя пространства лавы, не находящіяся ни въ какой связи съ кратеромъ или съ какимъ-нибудь инымъ центромъ вулканической дѣятельности. Всѣ эти площади лавы третичнаго или болѣе поздняго періода состоятъ изъ основныхъ породъ (базальтъ). Гдѣ же образованія, соотвѣтствующія кислой магмѣ? Я думаю, что гигантскіе трахитовые и андезитовые купола Стараго и Новаго Свѣта—моногенные по терминологіи Штюбеля—нужно считать эквивалентными основнымъ лавовымъ полямъ «массовыхъ изліяній», слѣдовательно, и этимъ куполообразнымъ горамъ, сложеннымъ кислыми породами необходимо приписать то же самое происхожденіе. Разница во внѣшней формѣ произошла лишь отъ различія въ степени жидкаго состоянія. Относительно этихъ гигантскихъ вулканическихъ горъ, напоминающихъ своей формой куполы и колокола церквей, еще не доказано поличенное происхожденіе. При чтеніи описанія этихъ вулкановъ насъ часто поражаютъ попытки, можно сказать очень робкія, но тщетныя, найти или построить «кратеръ» вулкана, такъ какъ, по предвзятому мнѣнію, онъ долженъ тамъ быть.

Но центръ тяжести теоріи Штюбеля лежитъ во второй ея части, въ его воззрѣніи на вулканическій очагъ, на скрытое вмѣстилище вулканической силы, которую мы наблюдаемъ лишь во внѣшнихъ ея проявленіяхъ. Штюбель принимаетъ, что охлажденіе раскаленнаго земнаго шара въ наиболѣе ранней стадіи распространялось не просто снаружи внутрь, но что процессъ этотъ, благодаря гигантскимъ изверженіямъ переносился большею частью съ центра на поверхность. Эти часто повторявшіяся,, массовыя изверженія покрыли первоначальную, отвердѣвшую земную кору какъ бы толстымъ «панцыремъ», состоящими изъ расплавленной огненной жидкой лавы. Еще и нынѣ не вполнѣ остыли эти громадныя расплавленныя массы и въ нихъ—слѣдовательно *надъ* первоначально остывшей корой, а не *подъ* ней—въ центрѣ земли—начало всѣхъ вулканическихъ явленій болѣе позднихъ періодовъ. Далѣе, для пониманія процессовъ изверженія Штюбелемъ была выставлена гипотеза о расширеніи временами магмы во время ея охлажденія.

Я думаю, что слѣдуетъ поставить въ заслугу Штюбелю его объясненіе процессовъ охлажденія, его идею объ образованіи «панцыря», взгляды на все выше, по мѣрѣ охлажденія земли,. подымающіеся «периферическіе очаги». Теорія его освѣтила очень важную и, насколько мнѣ извѣстно, болѣе подробно еще не разсмотрѣнную фазу въ развитіи земли, при этомъ онъ геніальнымъ образомъ разрѣшилъ противорѣчіе, существовавшее до того между вулканическими и сейсмологически *) наблюденіями, съ одной стороны, и ученіями геофизики и астрономіи—съ другой. Въ то время, какъ всѣ наблюденія говорятъ въ пользу того, что мѣсто пребыванія вулканической силы, а также источникъ землетрясеній (по теоріи Штюбеля послѣднія, побольшей части, вулканическаго происхожденія) слѣдуетъ искать на незначительной глубинѣ, физики же и астрономы насъ увѣряютъ, что земной шаръ—по крайней мѣрѣ, въ большей своей массѣ—долженъ быть совершенно твердымъ и, слѣдовательно, расплавленная жидкая масса въ лучшемъ случаѣ должна находиться на громадной глубинѣ.

Изъ теоріи Штюбеля необходимо слѣдуетъ, что излившееся количество магмы всякій разъ должно быть крайне ограниченнымъ и пропорціональнымъ объему соотвѣтствующаго периферическаго очага. Лучшими доказательствами существованія подобныхъ «периферическихъ очаговъ» можетъ служить доказанное для различныхъ областей вулканической дѣятельности необычайно быстрое повышеніе температуры по мѣрѣ углубленія въ земную кору. Въ то время какъ обыкновенно температура повышается на каждые 33 метра вглубь на одинъ градусъ Цельзія, въ области вулкановъ Урахъ (Urach), какъ показалъ

*) *Сейсмологическій*—т. е. касающійся землетрясеній.

Бранко, она подымается до трехъ градусовъ; въ горѣ Масси (Massi, Toscana) повышеніе въ два раза больше, чѣмъ нормально, то же самое наблюдается въ Ріомѣ (Riom) въ вулканической области Оверни, и т. д.

Вполнѣ понятно, что подобные резервуары, расположенные въ земной корѣ, въ которыхъ жидкое состояніе поддерживалось во всѣ геологическіе періоды, должны захватывать большія пространства. Всѣмъ извѣстно, что даже современные потоки лавы, объемъ которыхъ въ сравненіи со всѣмъ тѣмъ, что мы можемъ здѣсь допустить, крайне ничтожны и которые, къ тому же, на поверхности подвергаются несравненно болѣе сильному охлажденію, чѣмъ массы, лежащія хотя бы на глубинѣ нѣсколькихъ тысячъ метровъ,—все же нуждаются иногда для своего полнаго охлажденія въ цѣлыхъ столѣтіяхъ. Для демонстраціи размѣровъ, занимаемыхъ вулканическими горами, я приведу одинъ конкретный примѣръ, который вмѣстѣ съ тѣмъ послужитъ доказательствомъ вѣрности теоріи Штюбеля. Французскіе геологи считаютъ источникомъ вулканическихъ образованій своего центральнаго плато замкнутый бассейнъ—слѣдовательно, здѣсь периферическій очагъ въ смыслѣ Штюбеля имѣетъ діаметръ не менѣе 150 километровъ.

Итакъ, пространственныя отношенія, какъ видно, не служатъ препятствіомъ для допущенія этой части теоріи.

Я бы зашелъ слишкомъ далеко, если бы пожелалъ остановиться на всѣхъ соображеніяхъ, которыя говорятъ въ пользу или противъ данной теоріи. Наиболѣе уязвимымъ пунктомъ ея, во всякомъ случаѣ, является гипотеза о періодическомъ расширеніи магмы при охлажденіи. Но и тутъ болѣе близкое знакомство съ извѣстными на этотъ счетъ фактами покажетъ намъ, что приписанное Штюбелемъ извергнутой магмѣ свойство ни въ какомъ случаѣ не является такой ненормальностью, какъ это кажется съ перваго раза. Самымъ основательнымъ образомъ и независимо отъ взглядовъ Штюбеля занимался этимъ вопросомъ Ниссъ (Niess) *). Онъ не только собралъ болѣе старыя наблюденія, касавшіяся даннаго вопроса, но и самъ поставилъ опыты. Наиболѣе важнымъ результатомъ его изслѣдованій является выводъ, что во многихъ тѣлахъ въ извѣстной стадіи охлажденія—по крайней мѣрѣ, при застываніи—замѣчается *растяженіе*. Подобно водѣ, своеобразныя отношенія которой въ этомъ отношеніи всѣмъ извѣстны, желѣзо, бисмутъ, а главное, стоящій по своей природѣ такъ близко къ лавѣ стеклянные сплавы обладаютъ тѣми же свойствами. Точно также наблюденія, производимыя въ самой природѣ, указываютъ на то, что лава при застываніи претерпѣваетъ нѣкоторое расширеніе. Слѣдовательно общій результатъ изъ изслѣдованій Нисса вполнѣ говоритъ въ пользу гипотезы Штюбеля. Конечно, въ частностяхъ существуютъ кое-какія противорѣчія; безспорно доказано только расширеніе нѣкоторыхъ сплавовъ силикатовъ и лавы при затвердѣніи, а не въ жидкомъ состояніи, какъ этого требуетъ Штюбель. На это можно возразить, что подобныя изслѣдованія принадлежатъ къ однимъ изъ самыхъ трудныхъ, что въ каждой стадіи опредѣлить удѣльный вѣсъ стекляннаго сплава или лавы нельзя, какъ это мы дѣлаемъ съ водою. Но важнѣе всего указаніе на то, что условія охлажденія и отвердѣванія при лабораторныхъ опытахъ всегда значительно отличается отъ тѣхъ, которыя мы наблюдаемъ въ природѣ. Безспорно, важнымъ факторомъ является кристаллизація, не принимающая никакого участія въ опытѣ, но играющая роль въ природѣ. Другіе, имѣющіе большое значеніе въ природѣ, факторы все еще не поддаются воспроизведенію въ лабораторіи. Такимъ образомъ, хотя данная часть

*) Свойство силикатовъ при переходѣ изъ расплавленнаго состоянія въ плотное. Progr. zur 70. Jahresfeier der Königl. Wüttemb. landw. Akademie Hohenheim. Stuttgart 1889.

теорія является только гипотезой, мы все же должны ее признать вполнѣ правильной, такъ какъ оно согласуется съ современнымъ состояніемъ науки.

Исходя изъ этой теоріи, посмотримъ, насколько можно согласовать вулканическія явленія съ ея посылками и выводами.

Согласно съ теоріей процессъ изверженія придется представить себѣ въ слѣдующемъ видѣ: во время охлажденія наступаетъ расширеніе, вслѣдствіе чего извергается нѣкоторое количество массы. Для большихъ очаговъ необходимо допустить, что этотъ періодъ не наступаетъ одновременно для всей массы, слѣдовательно, мы будемъ имѣть дѣло съ повторными изверженіями, отдѣленными другъ отъ друга продолжительными паузами. Дѣйствительно, въ природѣ большинство вулкановъ обнаруживаетъ подобныя отношенія. Такъ какъ предполагаемое д-ромъ Штюбелемъ растяженіе наступаетъ только по опредѣленной стадіи охлажденія, вообще же магма подчиняется при охлажденіи общимъ законамъ и сжимается, то мы должны допустить для всей массы опредѣленнаго, ограниченнаго очага существованіе дифференціальнаго движенія. Движеніе это слагается изъ расширенія нѣкоторыхъ частей, находящихся, такъ сказать, въ «штюбелевскомъ періодѣ» и изъ сжатія остальной массы. Изъ игры этихъ взаимопротивоположныхъ факторовъ получаются, смотря по перевѣсу въ данное время одного или другого, самыя разнообразныя колебанія, что опять-таки прекрасно совпадаетъ съ извѣстными естественными явленіями. Лучше всего это можно видѣть на большомъ потокѣ лавы Килауха, гдѣ подобный магматическій процессъ выступаетъ очень наглядно, такъ какъ его не нарушаютъ и не маскируютъ поглощенные газы.

Еще важнѣе этихъ маленькихъ колебаній, которыя во всей ихъ совокупности можно считать за одинъ періодъ изверженія (хотя бы онъ охватывалъ и годы покоя), тѣ большіе интервалы въ столѣтія и въ еще большіе промежутки времени, которые отдѣляютъ одинъ періодъ изверженія отъ другого. Но и подобныя паузы вытекаютъ для каждаго болѣе и менѣе большого очага, какъ необходимое слѣдствіе изъ теоріи Штюбеля.

Далѣе вполнѣ ясно также, что изверженіе должно быть тѣмъ сильнѣе, чѣмъ продолжительнѣе покой, чѣмъ больше, слѣдовательно, могла охладиться въ промежуточное время магма до критической точки, до штюбелевскаго періода расширенія. Съ поразительною ясностью мы замѣчаемъ это въ исторіи большинства вулкановъ, которые были предметомъ наблюденій въ теченіе многихъ лѣтъ: покой Везувія до изверженія 79-го года, точно также почти полная его недѣятельность отъ XII до XVII столѣтія могутъ считаться періодами сжатія или приблизительной устойчивости—вслѣдствіе дифференціальнаго движенія. О подобной же смѣнѣ дѣятельности продолжительнымъ покоемъ, говоритъ намъ исторія Санторина; послѣднія изверженія вулкана наступили почти послѣ столѣтія покоя; величественному изверженію Кракатау точно также предшествовала почти столѣтняя пауза и т. д.

Мы найдемъ еще большіе періоды между покоемъ и дѣятельностью, если не ограничимся только историческимъ періодомъ, а обратимся къ геологической лѣтописи, посколько страницы этой лѣтописи можно прочесть въ самой структурѣ вулкановъ и вулканическихъ породъ. Здѣсь мы всегда находили во всѣхъ вулканическихъ образованіяхъ, которыя обязаны своимъ существованіемъ не одной только фазѣ изверженія, одинъ или нѣсколько рѣзко ограниченныхъ пластовъ, указывающихъ на продолжающійся, можетъ быть, много тысячелѣтій перерывъ въ дѣятельности даннаго очага. Примѣромъ этого можетъ служить Сомма и всѣ многочисленные вулканы, на склонахъ, подошвѣ и ближайшей окружности которыхъ послѣ того, какъ потухъ главный вулканъ, мы не находили уже никакихъ слѣдовъ новой дѣятельности.

Въ основѣ всѣхъ этихъ явленій лежитъ всегда одинъ и тотъ же процессъ:

послѣ продолжительной фазы нормальнаго, т.-е. сопровождающагося сжатіемъ магмы, охлажденія, проявляющагося на поверхности періодомъ покоя, наступаетъ періодъ расширенія большей или меньшей части магмы, новый періодъ изверженія, подъ вліяніемъ котораго измѣняется старое строеніе вулкана, или же онъ расширяется.

Если, какъ думаетъ Штюбель, единственной цѣлью всякой вулканической дѣятельности является изверженіе вполнѣ опредѣленнаго количества огненно-жидкой массы—именно того количества, которое, вслѣдствіе расширенія, не находитъ себѣ въ данный моментъ уже мѣста въ подземномъ резервуарѣ, — то вполнѣ понятно, что количество ея, стоящее въ вполнѣ опредѣленномъ процентномъ отношеніи ко всей массѣ магмы, станетъ все уменьшаться въ одномъ и томъ же очагѣ параллельно съ уменьшеніемъ объема послѣдняго, вслѣдствіе отвердѣнія или изверженія части содержимаго. И этотъ выводъ вполнѣ подтверждается наблюденіями, сдѣланными въ различныхъ вулканическихъ областяхъ. Такъ, въ особенности бросаются въ глаза въ потухшихъ или почти потухшихъ вулканахъ новѣйшія вулканическія образованія, отличающіяся своимъ ничтожествомъ по сравненіи съ болѣе старыми. Укажемъ на Эйфель, вулканы въ Овернѣ, Флегрейскія поля, Вулкано, Сардинія и многіе другіе.

Штюбель сдѣлалъ цѣлый рядъ дальнѣйшихъ заключеній изъ своей гипотезы о свойствахъ магмы и примѣнилъ ихъ къ объясненію *вулканическихъ землетрясеній*. Въ послѣднее время, какъ извѣстно, понятіе это было совершенно дискредитировано. Его стали только примѣнять къ сотрясеніямъ самого вулкана и ближайщей къ нему мѣстности, вызваннымъ взрывомъ газовъ въ кратерѣ. Иногда только допускали возможность болѣе далекаго дѣйствія, какъ это было при исключительныхъ явленіяхъ послѣдняго изверженія въ Кракатау; но и здѣсь носителями сейсмической силы считались газы и пары. Съ другой стороны, казалось бы, что принятый въ настоящее время всѣми взглядъ по образованіи интрузивныхъ*) залежей и жилъ въ подошвѣ вулкана—часто среди ниже лежащихъ, осадочныхъ слоевъ,—а также подобные же процессы при образованіи лакколитовъ предостерегаютъ насъ отъ слишкомъ ограниченнаго пониманія вулканическаго землетрясенія; подобное внѣдреніе значительныхъ количествъ расплавленной массы трудно допустить безъ сильныхъ сотрясеній. Принявъ гипотезу Штюбеля, мы получаемъ новый источникъ силы, которая можетъ служить весьма вѣроятной причиной землетрясенія: сила эта—расширеніе готовой къ изверженію магмы. Съ полнымъ правомъ указываетъ Штюбель **), что отъ подобной почти несжимаемой жидкости нужно ждать совсѣмъ другихъ проявленій силы, чѣмъ отъ упругихъ, хотя бы и крайне напряженныхъ газовъ.

Если допустить вѣрность даннаго предположенія, мы должны ожидать, что всякому новому періоду изверженія будетъ предшествовать сильное сотрясеніе, какъ одно изъ первыхъ проявленій періода расширенія магмы. И дѣйствительно, факты находятся въ полномъ согласіи съ этимъ выводомъ, вытекающимъ изъ теоріи: пробужденію вулканической дѣятельности Везувія въ 79 году, предшествовало землетрясеніе въ 69 году, точно также, кажется, предшественникомъ изверженію 1631 года—послѣ почти 500 лѣтняго покоя—были продолжительныя землетрясенія (хотя извѣстія объ этомъ неясны и частью противорѣчивы); образованіе въ 1538 году Monte Nuovo при Puzzuoli началось страшнымъ землетрясеніемъ, которое съ 1488 года (или 1458 г.) повторялось постоянно все чаще и сильнѣе; а въ наше время высказывались уже предпо-

*) *Интрузивными* или *глубинными* называютъ вулканическія горныя породы, которыя при изверженіи не достигли поверхности земли и затвердѣли на нѣкоторой глубинѣ.

**) Stübel, «Ueber das Lesen des Vulkanismus». Berlin, 1897, стр. 26.

ложенія *), не являются ли послѣднія подобныя же колебанія въ Флегрейской области, опустошительныя землетрясенія въ Казамичіолѣ въ 1881 и 1883 году, предвѣстниками новыхъ сильныхъ изверженій.

Не слѣдуетъ отрицать возможности того, что во многихъ случаяхъ тектоническія **) движенія могутъ дать толчокъ къ изверженіямъ, хотя необходимо быть крайне осторожнымъ съ обобщеніемъ даннаго воззрѣнія и съ приложеніемъ его къ тѣмъ случаямъ, въ которыхъ совершенно не доказано наличности самихъ тектоническихъ движеній.

Къ высказанному нами мы можемъ еще присоединить цѣлый рядъ заключеній, которыя, однако, относятся не къ области динамической, а химической геологіи.

Все, что мы знаемъ о состояніи магмы при охлажденіи, заставляетъ насъ предполагать, что столь громадныя массы, какими являются по Штюбелю ***периферическіе очаги***, не сохраняютъ одного и того же состава во всѣхъ своихъ пунктахъ въ теченіе всего длиннаго періода охлажденія. Напротивъ, петрографія показываетъ намъ, что во всѣхъ или, во всякомъ случаѣ, въ большинствѣ изъ этихъ громадныхъ резервуаровъ существуетъ тенденція къ разложенію на химически различныя, часто взаимно противоположныя и притомъ другъ друга дополняющія, части магмы. Почти каждая значительная область изверженій, имѣющая за собою болѣе и менѣе продолжительную исторію, доставляетъ намъ примѣры подобныхъ процессовъ до дифференціаціи магмы, внутри одного того же резервуара. Въ современной петрографіи, какъ извѣстно, подобныя явленія принадлежатъ къ самымъ интереснымъ, къ старательно изучаемымъ и моднымъ проблемамъ.

Всѣ эти процессы пріобрѣтаютъ особый интересъ, если мы ихъ сопоставимъ съ вулканическою теоріею Штюбеля. Естественнымъ выводомъ изъ нея является допущеніе прямой причинной связи между временнымъ расширеніемъ, какъ это принимаетъ Штюбель, и доказаннымъ распаденіемъ первоначально однородной магмы на различныя составныя части.

Если мы разсмотримъ съ вышеизложенной точки зрѣнія извѣстныя вулканическія области, то только что высказанное нами предположеніе найдетъ себѣ полное подтвержденіе въ большинствѣ случаевъ. Какъ мы видѣли, наступленіе новаго, громаднаго періода вулканической дѣятельности—фазы расширенія по Штюбелю—характеризуется съ внѣшней стороны двояко: или центральными новобразованіеми, такъ наз. самоподобными, или периферическими новообразованіями. Въ томъ и другомъ случаѣ мы видимъ по большей части съ наступленіемъ новой активной фазы рѣдко выраженную смѣну изверженныхъ породъ. Въ видѣ примѣра можно назвать среди горъ, построенныхъ по типу Соммы, Рокку Монфину (Rocco Monfina), центральный трахитовый конусъ которой отличается отъ основныхъ горныхъ породъ, окружающихъ горы, затѣмъ Стромболи, у котораго наоборотъ, болѣе молодой активный конусъ изверженій построенъ изъ болѣе основныхъ породъ, чѣмъ первоначальный конусъ. Но наиболѣе нагляднымъ примѣромъ повторной смѣны изверженныхъ породъ съ яснымъ пространственнымъ раздѣленіемъ отдѣльныхъ періодовъ вулканической дѣятельности, можетъ служить Вулкано съ Вулканелло. Въ Санторинѣ, Тенериффѣ, Кракатау можно найти подобныя же отношенія.

Такой же процессъ, но только въ нѣсколько иной формѣ, безъ образованнія соммы и центральнаго конуса, наблюдается въ тѣхъ случаяхъ, когда происходитъ новое изверженіе химически различныхъ массъ изъ склоновъ стараго

*) Неймайръ, «Erdgeschichte» 1887, Bd, I, S. 276.

**) *Тектоническія* движенія, т.-е. движенія происходящія при смѣщеніи пластовъ земной коры, при такъ называемыхъ горообразовательныхъ процессахъ.
Ред.

вулкана; при томъ болѣе молодыя лавы состоятъ по большей части изъ болѣе основныхъ массъ. Такое же устройство—ядро, состоящее изъ породъ, богатыхъ кремневою кислотою, окруженное покровомъ,—изъ основныхъ породъ мы находили, напримѣръ, въ большихъ вулканахъ центральной Франціи, въ Мондоре и Канталѣ, а также въ Монте-Ферру въ Сардиніи; сюда же надо причислить самаго большого великана древняго свѣта—Большой Араратъ.

Подобное, столь часто наблюдавшееся совпаденіе наступленія періода вулканической дѣятельности съ измѣненіями петрографическихъ свойствъ продуктовъ нагляднѣе всего говоритъ въ пользу того, что *магматическіе процессы являются причиной вулканической дѣятельности*, а въ этомъ-то и заключается сущность теоріи Штюбеля.

Какъ совершался въ каждомъ отдѣльномъ случаѣ процессъ дифференціаціи, мы не можемъ вывести теоретически на основаніи современнаго состоянія нашихъ знаній. Процессъ развитія могъ идти, какъ это мы и видимъ въ природѣ, отъ кислыхъ породъ къ основнымъ, а также и въ обратномъ отношеніи.

Въ областяхъ вулканической дѣятельности съ частою смѣною изверженныхъ породъ мы встрѣчаемъ, по большей части, повидимому, безпорядочныя колебанія то въ одну, то въ другую сторону.

Но извѣстны и такія вулканическія горы, строеніе которыхъ ясно указываетъ на множество отдѣльныхъ періодовъ вулканической дѣятельности, а, между тѣмъ, нельзя найти никакихъ измѣненій въ составѣ изверженныхъ породъ. Такъ, напримѣръ, въ Везувіи и въ Соммѣ нѣтъ никакой существенной разницы въ петрографическомъ строеніи; точно также и въ Этнѣ нѣтъ особой разницы между ея болѣе старыми частями (Val del bove и т. д.) и новыми и даже новѣйшими массами лавы. Если мы далѣе проведемъ параллель между старыми, давно остывшими очагами и относящимися къ нимъ жилами, то увидимъ, что и здѣсь затвердѣніе происходило безъ особой дифференціаціи; иногда здѣсь встрѣчаются совершенно однородныя массы. Слѣдовательно, дифференціація и связанная съ нею смѣна однихъ изверженныхъ породъ другими не является вовсе теоретической необходимостью: въ тѣхъ же случаяхъ, гдѣ этотъ процессъ совершился, онъ даетъ намъ важную руководящую нить для распознанія процессовъ, происходившихъ въ бассейнѣ магмы, и причинъ, вызывающихъ вулканическіе процессы.

Мы сдѣлали попытку приложить теорію Штюбеля къ объясненію самыхъ главныхъ формъ проявленія вулканизма; мы пытались ею объяснить строеніе и происхожденіе вулкановъ, процессъ изверженія, періодичность вулканическихъ явленій и идущую параллельно ей перемѣну изверженнаго матеріала. Мы говоримъ объ отношеніи теоріи Штюбеля къ положенію и расширенію вулканическихъ очаговъ, о взаимномъ отношеніи религіозныхъ вулканическихъ образованій данной области и, наконецъ, въ связи съ собственно вулканическими явленіями землетрясеній. Если мы пожелаемъ вкратцѣ подвести итогъ нашему обзору, мы скажемъ, что ни одно изъ этихъ явленій не стоитъ въ противорѣчія съ выводами, вытекающими изъ теоріи Штюбеля, наоборотъ, многіе изъ нихъ находятъ въ ней простое удовлетворительное объясненіе.

Если мы и не доставили доказательствъ абсолютной истинности воззрѣній, заключающихся въ теоріи Штюбеля, то одно уже то, что она даетъ намъ возможность понять всѣ вулканическія явленія *съ одной* точки зрѣнія, заставляетъ насъ и въ будущемъ пользоваться ею, пока ее не замѣнитъ другая теорія, или же пока анализъ фактовъ не докажетъ невѣрности ея посылокъ.

А. К.

---

*

НАУЧНАЯ ХРОНИКА

Физическая географія.—Метеорологія.—Физика.

Бельгійская южно-полярная экспедиція и ея результаты. 18 августа 1897 г. маленькое китобойное судно «Belgica», снаряженное для южно-полярной экспедиціи, вышло изъ Антверпенскаго порта. Весь его экипажъ, считая ученыхъ, капитана, офицеровъ, машиниста, и матросовъ состоялъ изъ 18 человѣкъ. 29 ноября «Belgica» обогнула мысъ при входѣ въ проливъ Магеллана, въ каналахъ Огненной Земли пробыла болѣе 6 недѣль и затѣмъ обогнула эти острова 14 января 1898 г. «Belgica» покинула портъ св. Іоанна на островѣ Государствъ, посѣтивъ многія мѣста земли Магеллана, каналовъ Дарвина и Бигля. По описанію ученыхъ *), участвовавшихъ въ южно-полярной экспедиціи, Огненная Земля не лишена интереса въ географическомъ и геологическомъ отношеніи. Громадные ея ледники, спускающіеся съ горы Сарміенто до самаго моря, чрезвычайно красивы; не менѣе громадны и красивы ледники канала Дарвина. Полированныя, курчавыя скалы, многочисленныя морены, озера въ формѣ чашекъ, выдолбленныя въ горахъ, и многіе другіе слѣды ледниковой дѣятельности говорятъ наблюдателю, что теперешніе ледники являются лишь незначительными остатками древняго, почти полнаго оледенѣнія этой страны. 23 января экспедиція достигла мало знакомой земли Пальмера. До 13 февраля «Belgica» пробыла въ заливѣ Hugues и проливѣ, открытомъ экспедиціей и названномъ Belgica. Проливъ этотъ отдѣляетъ архипелагъ, образованный изъ 5 главныхъ и множества маленькихъ острововъ, отъ земли, являющейся сѣвернымъ продолженіемъ земли Граама. Архипелагъ названъ архипелагомъ Пальмера, а земля, простирающаяся къ юго-востоку отъ пролива Belgica,—землей Данко, въ память офицера Данко, умершаго во время зимовки экспедиціи во льдахъ южно-полярнаго моря. За все свое пребываніе въ этихъ земляхъ экспедиція сдѣлала 20 высадокъ; попытались даже взобраться на самую высокую гору одного изъ острововъ архипелага Пальмера, но несмотря на то, что на это была потрачена цѣлая недѣля, удалось подняться всего на 500 метровъ—такъ велики были затрудненія на каждомъ шагу.

12 февраля экспедиція вошла въ Тихій океанъ и затѣмъ достигла земли Александра; подойти къ послѣдней не удалось, такъ какъ морской ледъ былъ чрезвычайно плотенъ. Затѣмъ «Belgica» продолжала свой путь къ юго-западу, а 16 февраля буря съ сѣвера-востока помогла ей достичь 71°31′ южной широты. Дальше судно не могло уже двинуться и должно было зазимовать. Зимовка эта, продолжавшаяся больше года, является первой въ Южномъ Ледовитомъ океанѣ. Но и во время этой зимовки «Belgica» не находилась на мѣстѣ, а постоянно двигалась вмѣстѣ со льдомъ, въ которомъ была заключена. Изученіе этого движенія показало, что въ

*) Мы пользуемся здѣсь данными, опубликованными однимъ изъ членовъ экспедиціи г. Арктовскимъ въ послѣднихъ №№ журналовъ «Revue générale des Sciences pures et appliquees» и «Ciel et terre»,

той части Южнаго Ледовитаго океана, въ которой зимовала экспедиція, не существуетъ теченія, по крайней мѣрѣ замѣтнаго и что движеніе находилось въ зависимости исключительно отъ направленія вѣтровъ. Интересно, что при своемъ движеніи къ юго-востоку и востоку Belgica всегда встрѣчала препятствіе; изъ этого можно заключить, что земля Александра продолжается къ югу и къ юго-востоку; изслѣдованіе глубинъ подтвердило это предположеніе. Такимъ образомъ, ледъ южно-полярнаго моря находится въ совершенно другихъ условіяхъ чѣмъ ледъ сѣвернаго, гдѣ существуетъ много ясно выраженныхъ теченій, Область южнаго полюса, по всей вѣроятности, занята твердой землей на большомъ протяженіи и, можетъ быть, даже существуетъ южно-полярный материкъ. Большое количество плавающихъ ледяныхъ горъ (айсберговъ) встрѣчается, какъ рядомъ съ ледяными полями морского льда, такъ называемымъ *пакомъ*, такъ и въ областяхъ, свободныхъ отъ этого пака, напр. во всѣхъ южныхъ частяхъ 3 океановъ, окружающихъ Южный Ледовитый океанъ. Въ общемъ, ледяныя поля южно полярныхъ странъ значительно разнятся отъ таковыхъ же сѣвернаго полушарія; они гораздо больше и покрыты очень толстымъ слоемъ снѣга, такъ что оттаиваніе ихъ лѣтомъ крайне незначительно, тѣмъ болѣе, что и лѣто въ южнополярномъ морѣ очень холодное.

Когда наступила весна, экспедиція думала, что сможетъ выбраться изъ оковывающаго ее льда, но въ сентябрѣ термометръ все еще спускался до—43° Ц. и средняя температура этого мѣсяца была—18°5; октябрь также былъ очень холоденъ, въ ноябрѣ же морозъ доходилъ до—21° и только въ декабрѣ ледъ началъ понемногу таять. Увидѣвъ, что и въ январѣ оттаиваніе льда идетъ слишкомъ медленно, экспедиція рѣшила проложить искусственный путь. Предварительныя работы съ взрывчатыми веществами не дали удовлетворительныхъ результатовъ. Тогда послѣ того, какъ была измѣрена толщина ледяного поля по всѣмъ направленіямъ, начали выдалбливать и выпиливать ледъ тамъ, гдѣ толщина его не превышала 2 метровъ. Такимъ образомъ былъ проложенъ искусственны каналъ въ 700 метровъ длиною. На это ушелъ цѣлый мѣсяцъ работы, причемъйработалъ по 8 часовъ въ сутки весь экипажъ «Belgica», безъ всякаго исключе ія. 14 февраля 1899 г. судно прошло этимъ каналомъ и черезъ мѣсяцъ, вън теченіе котораго находилось въ безпрерывной опасности быть раздавленнымъ льдомъ, достигла 102° западной долготы. Отсюда до мыса Горна дули уже благопріятные вѣтры.

По словамъ одного изъ участниковъ экспедиціи—Арктовскаго, южно-полярныя страны имѣютъ много общаго съ южною конечностью американскаго материка. Такъ же гористы здѣсьберега Тихаго океана и цѣпь горъ загибается къ сѣверо-востоку точно такъ же, какъ цѣпь Андовъ къ юго-востоку. Также, какъ на югѣ Америки, такъ и здѣсь находятся области опусканія, въ которыхъ встрѣчаются глубокія долины; такъ же характерны фіорды южно-полярныхъ странъ; такой же архипелагъ большихъ острововъ находится къ западу отъ земли Данко, какъ и къ западу отъ Огненной Земли. О рельефѣ земель, открытыхъ экспедиціей, трудно составить хотя бы приблизительное представленіе, такъ какъ онѣ почти сплошь покрыты или толстымъ слоемъ снѣга, или громадными ледниками. Область вѣчнаго снѣга доходитъ почти до моря, такъ что повсюду простираются фирновыя поля. Ледники оканчиваются у моря ледяными стѣнами. Къ югу и востоку Земля Данко и Земля Грама покрыты материковымъ льдомъ. Въ южно-полярныхъ моряхъ часто даже маленькіе островки покрыты сплошнымъ ледянымъ покровомъ. Но ледники эти на своей поверхности не имѣютъ ни моренъ, ни ручьевъ, какъ это встрѣчается въ Грѣнландіи.

Экспедиціей было сдѣлано важное открытіе. Она нашла въ этихъ странахъ несомнѣнные слѣды древнихъ ледниковъ. Ледниковый періодъ оставилъ слѣды даже въ южно-полярной области, т.-е. тамъ, гдѣ, казалось,

трудно вообразить оледенѣніе болѣе мощное, чѣмъ существующее нынѣ. Арктовскій думаетъ, что въ большей своей части громадные южно-полярные ледники современны съ ледниковымъ періодомъ каналовъ Огненной земли. Къ сожалѣнію, за неимѣніемъ палеонтологическихъ данныхъ, высказаться по этому вопросу болѣе или менѣе опредѣленно нѣвозможно. Только въ одномъ мѣстѣ были найдены слоистыя горныя породы; это были сланцы съ сильно наклоненными слоями; къ тому же сланцы эти подверглись сильному метаморфозу отъ соприкосновснія съ гранитными массами, поэтому опредѣлить возрастъ этихъ породъ невозможно. Въ другихъ мѣстахъ встрѣчались древнія изверженныя породы: гранитъ, діоритъ, серпентинъ, порфиритъ и габбро. Области ледниковыхъ отложеній по составу породъ болѣе разнообразны, показывая этимъ, что къ югу, на землѣ Грама, долженъ существовать гнейсовый массивъ, порфиры, а также и слоистыя породы, такъ какъ въ этихъ ледниковыхъ отложеніяхъ находится и песчаникъ. Въ архипелагѣ же Пальмера, вѣроятно, имѣется древній вулканъ, такъ какъ у подножья горъ одного изъ острововъ архипелага были найдены базальтъ, а также и другія вулканическія породы.

Измѣренія глубинъ моря, предпринятыя экспедиціей между островомъ Государствъ и островами Шетландскими, показали, что наибольшая глубина (4.040 метр.) находится недалеко отъ мыса Горна; отсюда къ югу морское дно незамѣтно подымается и на 62° широты глубина всего—2.900 метр.; затѣмъ идетъ крутой склонъ вплоть до твердой земли—архипелага южныхъ Шетландскихъ острововъ. Къ югу отъ полярнаго круга были также сдѣланы измѣренія; они указываютъ на существованіе южно полярнаго материка, такъ какъ приблизительно по 71°-й параллели идетъ изобата въ 500 метровъ—глубина прибрежная. Къ сѣверу глубина быстро увеличивается, тогда какъ къ югу подводная равнина медленно подымается и на 71° 36° глубина моря всего—390 метр. Со дна морскаго были извлечены большіе камни, перемѣшанныя съ маленькими валунами, гравіемъ, пескомъ и глобигеринами. Происхожденіе этихъ ледниковыхъ валуновъ очевидно: они приносятся айсбергами изъ южно-полярныхъ странъ.

Климатъ Южно-Ледовитаго океана суровый, сырой, бури чрезвычайно часты, нерѣдко вѣтеръ достигаетъ необычайной силы. Снѣгъ выпадаетъ въ изобиліи, а небо большею частью покрыто тучами. Тѣмъ не менѣе при ясномъ небѣ оптическія явленія, наблюдаемыя въ атмосферѣ придаютъ особенную прелесть этому монотонному пейзажу. Различныя стадіи сумерекъ гало, пергелій и миражи были часто наблюдаемы. Электрическія явленія обнаруживались въ видѣ южнаго сіянія. Арктовскій посвятилъ описанію этихъ сіяній рядъ статей «Ciel et Terre».

1898 г. былъ годомъ минимума какъ солнечныхъ пятенъ, такъ и южныхъ сіяній. Періодическія измѣненія южныхъ сіяній, кажется зависятъ отъ солнца. Южныя сіянія не появляются тотчасъ же послѣ исчезновенія дневного свѣта, а начинаются только тогда, когда солнце болѣе чѣмъ на 90° надъ меридіаномъ. Сіянія достигаютъ своего максимума вечеромъ и потухаютъ болѣе медленно, чѣмъ зажигаются. Годовые періоды также подтверждаютъ, что явленія южныхъ сіяній зависятъ отъ солнца. Совпаденіе сильныхъ сіяній съ внезапнымъ появленіемъ хорошо выраженныхъ солнечныхъ пятенъ наблюдается часто, равно какъ и одновременность южнаго сіянія съ сѣвернымъ. Но нужно замѣтить, что южныя сіянія бываютъ и тогда, когда на солнцѣ нѣтъ ни одного пятна. Характерной особенностью южныхъ сіяній является то, что они крайне подвижны и внезапно измѣняютъ свой видъ; этимъ они отличаются отъ сіяній, имѣющихъ форму однородной и неподвижной дуги и вообще отъ всѣхъ другихъ формъ сіяній, остающихся неизмѣняемыми въ теченіе цѣлыхъ часовъ, все въ одной и той же части неба. Эти быстро колеблющіяся сіянія приводятъ г. Арктовскаго къ

мысли, что колебанія ихъ обусловлены измѣненіями, совершающимися въ очень короткіе періоды. Часто замѣчаются въ этихъ сіяніяхъ пучки свѣтовыхъ лучей, которые перемѣщаются по длинѣ свѣтовой дуги, слѣдуя другъ за другомъ все въ одномъ и томъ же направленіи,—но вдругъ направленіе ихъ измѣняется: если движеніе было сначала слѣва направо, то внезапно начинаетъ совершаться справа налѣво и затѣмъ, можетъ быть, даже останавливается, чтобы опять прослѣдовать направо. Скорость этихъ передвиженій различна, иногда она правильно увеличивается или уменьшается. Существуютъ, кромѣ того колебанія въ направленіи перпендикулярномъ къ свѣтовой зонѣ; что же касается свѣтовой дуги, то даже тогда, когда сіянія эти были совершенно неподвижны она никогда не сохраняла одного и того же положенія. Дуга или верхушка ея темнаго сегмента болѣе или менѣе быстро подымалась надъ горизонтомъ, достигала максимума высоты, затѣмъ опускалась, чтобы иногда снова подняться и, наконецъ, скрыться надъ горизонтомъ. Свѣтовыя дуги подымались выше (а также занимали надъ горизонтомъ большее пространство) въ періоды равноденствія. Въ области, гдѣ пришлось зимовать эспедиціи, дуги съ приближеніемъ зимняго солнцестоянія, казалось, приближались къ магнитному полюсу. Вообще южныя подвижныя сіянія, также какъ и сѣверныя, соотвѣтствуютъ магнитнымъ бурямъ. Во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ также существуетъ большое сходство между наблюденіями надъ сіяніями, сдѣланными южно-полярной экспедиціей, и таковыми же Норденшильда, произведенными во время зимовки въ полярныхъ странахъ сѣвернаго полушарія.

Природа и причина сѣверныхъ сіяній ускользаютъ еще отъ насъ и если нѣкоторые факты, напр. періоды суточный, годовой и вѣковой, заставляютъ думать о простыхъ и общихъ законахъ, о вліяніяхъ, находящихся внѣ нашей планеты, то другіе факты, наоборотъ, показываютъ намъ, что въ самой природѣ сіяній существуютъ какъ бы капризы, которые требуютъ для своего объясненія, видимо, гораздо большаго количества наблюденій. Уже самый періодъ этихъ явленій, продолжающійся 26 дней, заставляетъ думать, что не все въ нихъ находится въ зависимости отъ дѣятельности солнца. Но если луна оказываетъ также свое вліяніе, то, казалось бы, и земля должна бы имѣть свое дѣйствіе. Если складки земного лика измѣняютъ законы воздушныхъ теченій, если онѣ вліяютъ даже на силу тяжести, почему же онѣ не могутъ оказывать дѣйствія неизвѣстными намъ путями на электрическіе токи высшихъ слоевъ атмосферъ? И если суша съ ея цѣпями горъ, будь то Скандинавскій полуостровъ, или Гренландія,—гдѣ сдѣлана большая часть наблюденій надъ сіяніями, придаетъ бо́льшую сложность этимъ явленіямъ, чѣмъ на широкомъ пространствѣ океана, то, по всей вѣроятности, болѣе опредѣленное и ясное рѣшеніе даннаго вопроса мы можемъ ждать отъ будущихъ южно-полярныхъ экспедицій.

О составѣ осадковъ океаническихъ глубинъ. Въ анналахъ французской академіи за текущій годъ г. *Туле* знакомитъ насъ съ результатами своихъ изслѣдованій осадковъ, взятыхъ съ различныхъ океаническихъ глубинъ. Образцы, изслѣдованные авторомъ, добыты во время экспедиціи князя Монако въ области Азорскихъ острововъ и въ сѣверной части Атлантическаго океана между этими островами и берегами Испаніи, Португаліи, Франціи, Марокко и Мадеры, съ глубинъ отъ 690 до 5.530 метровъ. 4 образца—съ глубинъ отъ 690 до 1.000 метр., 23 образца—съ 1.000—2.000 метр., 13—съ 2.000—3.000 метр., 9—съ 3.000—4.000 метр., 6 съ—4.000 метр., до 5.000 и 5 съ глубинъ выше 5.000 метр. На глубинахъ, меньшихъ, чѣмъ 1.000 метровъ, въ заливѣ около Бреста, найдены только кремневыя гальки да разсѣянныя между ними зерна песка различной величины, илъ крайне рѣдокъ. На большихъ глубинахъ кремневыя гальки исчезаютъ, зерна песка даже мелкаго зерна становятся очень

рѣдки, преобладаетъ тончайшій песокъ и илъ. Изслѣдованія Туля показываютъ, что куски горныхъ породъ твердой земли не удаляются далеко отъ береговъ и только тончайшія зерна (0,1 милиметра) распредѣлены почти равномѣрно по дну всего океана. Что касается извести, то на незначительныхъ глубинахъ количество ея уменьшается, когда тонкость зеренъ песка увеличивается; на большихъ же глубинахъ самыми богатыми известью являются пески грубаго, средняго и тонкаго зерна, тончайшіе пески бѣднѣе известью, и всего менѣе послѣдней въ илѣ. Эти данныя находятся въ противорѣчіи съ распространеннымъ мнѣніемъ, что известь на нѣкоторой глубинѣ, совершенно пропадаетъ въ океаническихъ осадкахъ. Авторъ подтверждаетъ принятую уже всѣми теорію, что большая часть извести морскихъ глубинъ органическаго происхожденія, а не является остаткомъ отъ породъ твердой земли, такъ какъ известь подобнаго происхожденія не можетъ имѣть такой общей связи съ глубиной и ея распредѣленіе по морскому дну должно покоиться на другихъ законностяхъ.

Мартовскій молочный дождь и атмосферная пыль. 11 марта между 10 и 11 час. дня въ большей части сѣверной Германіи выпалъ молочный дождь. Но на него мало обратили вниманія и въ городахъ приписали молочный цвѣтъ его простой пыли. Только въ одномъ мѣстѣ былъ сдѣланъ микроскопическій анализъ, который показалъ въ этомъ дождѣ присутствіе микроскопическихъ зернышекъ и осколковъ, характерныхъ для вулканической пыли, скопляющейся обыкновенно въ высшихъ слояхъ атмосферы въ видѣ облака; падающій дождь разрываетъ это облако и увлекаетъ съ собой внизъ его пыль. Откуда же берется эта вулканическая пыль? Прежде всего, конечно, приходитъ въ голову мысль о вновь проснувшейся дѣятельности Везувія. Но изверженія Везувія были до сихъ поръ недостаточно сильны, чтобы лава могла быть измельчена до такой степени, могла бы продержаться въ воздухѣ и достичь такимъ образомъ Германіи. Въ послѣднее время о другихъ вулканическихъ изверженіяхъ ничего не слышно, и потому весьма вѣроятно, что и этотъ дождь, содержащій вулканическую пыль, является однимъ изъ многочисленныхъ запоздалыхъ проявленій знаменитаго изверженія Кракатау.

Это страшное изверженіе произошло еще 1883 г., оно было однимъ изъ самыхъ сильныхъ, совершившихся въ историческія времена. Изверженіе Кракатау ощущалось на всей землѣ; 22 квадратныхъ километра окружающей вулканъ почвы были вовлечены подземными силами частью въ море, частью же въ видѣ размельченныхъ кусковъ и пыли поднято въ высокіе слои атмосферы. Облака пыли, образовавшіяся, благодаря изверженію Кракатау, обволакивали землю цѣлые десятки лѣтъ и являлись причиной удивительныхъ «сумеречныхъ явленій», которыя наблюдались въ 80-хъ и въ началѣ 90-хъ годовъ. Въ послѣднее время эти явленія понемногу исчезли. Объясняютъ это тѣмъ, что пыль медленно осѣдала на поверхность земли. Но возможно, что часть пыли находится еще и теперь въ низкихъ слояхъ атмосферы. Эта-то пыль смѣшалась съ дождемъ и вмѣстѣ съ нимъ упала на землю. Если это вѣрно, то молочный дождь, выпавшій недавно, долженъ будетъ наблюдаться еще нѣсколько разъ. Поэтому интересно слѣдить за дождемъ, который выпадетъ въ ближайшіе мѣсяцы и, если въ немъ будетъ замѣчаться помутнѣніе, то изслѣдовать его микроскопически. Присутствіе вулканической пыли рѣшитъ вопросъ въ утвердительномъ смыслѣ.

Вообще вопросъ объ атмосферной пыли, несмотря на глубокій научный интересъ, не подвергался еще систематическому и всестороннему изученію и потому желательно, чтобы относящіяся сюда явленія были зарегистрированы и описаны возможно полнѣе, такъ какъ только тогда возможно будетъ высказаться, что имѣетъ здѣсь большее значеніе: пыль ли вулканическая и вообще земная, или пыль космическаго происхожденія. Случаи выпаденія пыли на морѣ очень

часты, въ особенности въ мѣстахъ, близкихъ къ пустынямъ, откуда песокъ переносится вѣтромъ на громадныя разстоянія. Но интересно, что выпаденіе пыли наблюдается и въ такихъ мѣстахъ земного шара, гдѣ перенесеніе ея вѣтромъ совершенно исключается. Такъ, до Гренландіи, которая окутана на огромномъ пространствѣ сплошнымъ ледянымъ покровомъ, достигаютъ часто твердыя частицы, космическое происхожденіе которыхъ установлено всѣми учеными. Не менѣе интересенъ опытъ, произведенный недавно капитаномъ одного американскаго парусназо судна во время рейса его между Нью-Іоркомъ и Санъ-Франциско. Широкіе паруса, служившіе какъ бы коллекторами, собирали пыль, которая затѣмъ падала на палубу. Три раза въ день ее сметали и въ концѣ рейса, продолжавшагося 90 дней, ею наполнили 24 бочки. Такое значительное количество пыли не могло произойти ни отъ груза, ни отъ оснастки корабля. Съ другой стороны нельзя приписывать ей и космическаго происхожденія, такъ какъ микроскопическій анализъ показалъ въ ней присутствіе животныхъ и растительныхъ частицъ, желѣза и другихъ употребляемыхъ въ индустріи металловъ, песка и многихъ другихъ веществъ несомнѣнно земного происхожденія.

Новости фотографіи. *Ж. Смидтъ* предложилъ интересный и крайне удобный методъ для полученія копій съ рисунковъ и вообще со всякихъ печатныхъ произведеній, причемъ даже нѣтъ надобности въ фотографическомъ аппаратѣ. Берутъ просто кусокъ картона, покрытый какимъ-нибудь фосфоресцирующимъ веществомъ, и выставляютъ его на солнцѣ или подвергаютъ дѣйствію свѣта дуговой электрической лампы. Время инсоляціи, конечно, различно въ зависимости отъ характера фосфоресцирующаго вещества и отъ источника свѣта. Этотъ картонъ накладываютъ на оборотную сторону того рисунка книги, съ съ котораго хотятъ получить копію, наружную сторону его покрываютъ сухой фотографической пластинкой, закрываютъ книгу и держатъ ее закрытой отъ 18 до 60 минутъ, въ зависимости отъ сорта и толщины бумаги рисунка. Время экспозиціи можетъ быть сильно уменьшено, если картонъ съ фосфоресцирующимъ веществомъ положить на какую-нибудь теплую поверхность, напримѣръ металлическую кюветку, нагрѣтую теплой водой до температуры около 20° Цельзія. Затѣмъ негативъ проявляютъ обычнымъ способомъ. Ни пластинка, ни картонъ съ фосфоресцирующимъ веществомъ не портятъ книги. Если вмѣсто стекляной пластинки взять желатинныя пленки, то можно снять копіи заразъ съ нѣсколькихъ рисунковъ изъ одной и той же книги.

Какъ извѣстно уже красные лучи дѣйствуютъ крайне слабо на фотографическую пластинку, лучи же еще болѣе медленныхъ колебаній, уже невидимые глазамъ, такъ называемые *инфракрасные* (нѣкоторыми невѣрно называемые тепловыми), не оставляютъ на пластинкѣ никакого слѣда и изученіе инфракрасныхъ лучей велось до сихъ поръ при помощи методовъ, ничего общаго съ фотографіей не имѣющихъ. Въ виду этого большой интересъ представляетъ способъ, открытый г. *Леманомъ*, благодаря которому можно сдѣлать фотографическую пластинку чувствительной и для этихъ лучей. Для этого г. Леманъ предлагаетъ обрабатываетъ въ теченіе 4—5 минутъ сухую фотографическую пластинку высшей чувствительности слѣдующимъ растворомъ:

двусѣрнистонатроваго голуб. ализарина (синяго 1/500).	2	куб. сант.
нигрозина (1/500)	1,5	» »
амміака (уд. в. 0,91).	1,0	» »
дестиллированной воды	100,0	» »
азотнокислаго серебра (1/40)	5	капель.

Обработанныя такимъ образомъ пластинки чувствительны къ инфракраснымъ лучамъ съ длиной волны до 920 $\mu\mu$. (микромикроновъ) (наибольшая

длина волны красныхъ лучей солнечнаго спектра не превосходитъ 760 микромикроновъ).

Новая теорія происхожденія атмосфернаго электричества. Много было предложено гипотезъ происхожденія атмосфернаго электричества, но ни одна изъ нихъ не давала объясненія всѣхъ относящихся сюда явленій и не поддавалась опытной повѣркѣ. Въ настоящее время съ одной стороны *Эакстеръ* и *Гейтель*, съ другой—*Томсонъ* и *Вильсонъ* развиваютъ слѣдующую теорію, основываясь на свойствахъ іонизированныхъ газовъ *). Солнечный свѣтъ, особенно ультрафіолетовые лучи его іонизируютъ атмосферный воздухъ, причемъ частицы его распадаются на іоны, заряженные положительно, и іоны, заряжены отрицательно. Въ сухомъ воздухѣ число тѣхъ и другихъ одинаково и потому эти заряды не даютъ замѣтнаго электрическаго потенціала. Когда же воздухъ становится болѣе холоднымъ, чѣмъ точка росы, то отрицательные іоны становятся центрами притяженія, гдѣ отлагаются капли влаги. Эти капли, падая, увлекаютъ съ собою отрицательные іоны и потому въ воздухѣ начинаютъ преобладать іоныположительные, благодаря чему получаются условія для развитіясильныхъ электрическихъ потенціаловъ; такимъ сбразомъ дождь вызываетъ грозовыя явленія. Общность и простота этой теоріи много говоритъ въ ея пользу, подкупаетъ также и то, что физическія явленія, о которыхъ въ ней упоминается, легко могутъ быть воспроизведены и въ лабораторіи: и іонизація воздуха ультрафіолетовыми лучами, и сгущеніе паровъ воды на отрицательныхъ іонахъ, и связанныя съ этимъ электрическія явленія.

В. Агафоновъ.

---

*) Іонизаціей называется распаденіе молекулы на ея атомы. Есть указаніе, что подъ вліяніемъ лучей малой длины волны, а также и магнитнаго поля могутъ распадаться не только монекулы наатомы, но и послѣдніе но гораздо болѣе мелкія части.

БИБЛІОГРАФИЧЕСКІЙ ОТДѢЛЪ
ЖУРНАЛА
„МІРЪ БОЖІЙ“.

Іюль. **1901 г.**

Содержаніе: Беллетристика.—Сборники.—Исторія литературы.—Исторія всеобщая. — Политическая экономія. — Естествознаніе. — Медицина и гигіена.— Народныя изданія. — Новыя книги, поступившія въ редакцію. — Новости иностранной литературы.

БЕЛЛЕТРИСТИКА.

К. Францозъ. «Борьба за право».—*О. Чюмина.* «Божественная комедія. Перев. съ итальян.»

К. Э. Францозъ. Борьба за право. Романъ. Пер. съ нѣмецкаго О. Н. Поповой. Изд. О. Н. Поповой. СПБ. 1901 г. Ц. 2 р. Знаменитый романъ Францоза, двадцать лѣтъ тому назадъ напечатанный въ «Дѣлѣ», не утратилъ и теперь своего интереса для самой широкой публики, какъ по своему захватывающему содержанію, такъ и по идеальнымъ стремленіямъ, проникающимъ его. Сущность романа вполнѣ вѣрно выражена въ заглавіи. Это исторія прямой и честной души, не способной на тѣ житейскіе компромиссы, которыми обставлена жизнь средняго человѣка. Отсюда идеальное стремленіе къ осуществленію справедливости въ обществѣ. Въ лицѣ героя романа, Тараса Баработы, данъ идеальный типъ человѣка, который понимаетъ право не только какъ писаный законъ, т.-е. формальное право, но вкладывающій въ данную форму сущность того, что мы бы назвали естественнымъ правомъ. Самъ герой называетъ это велѣніями совѣсти и значитъ не понимаетъ того, что формальное право не совмѣщается съ нею, и лишь путемъ долгаго и горькаго опыта приходитъ къ этому выводу. Сначала Барабола всѣми силами стоитъ за законъ и его исполнителей, имѣя о немъ идеальное представленіе, какъ о правѣ, цѣль котораго примиреніе интересовъ всѣхъ, поскольку это возможно. Поэтому въ столкновеніяхъ своей общины,—представителемъ которой онъ является, какъ избранный ею судья,—съ сосѣднимъ помѣщикомъ онъ постоянно стоитъ за выполненіе законныхъ требованій, хотя бы они и нарушали прямые интересы общины. Даже когда происходитъ грубое и явное нарушеніе правъ общины на землю, искони принадлежавшую общинѣ, онъ убѣждаетъ своихъ сообщественниковъ добиваться своихъ правъ законными путями. Тогда и наступаетъ разочарованіе. Формальное право оказывается на сторонѣ обидчика, и Барабола убѣждается, что законъ—не все, и справедливость не ограничивается однимъ закономъ и не осуществляется имъ въ полномъ объемѣ. Въ его прямой, неспособной на уступки и лукавство душѣ возникаетъ вопросъ, какими же путями отстаивать справедливость? Въ тѣхъ условіяхъ, при какихъ росъ и живетъ Барабола, крестьянинъ въ дикой прикарпатской области, гдѣ грубая сила единственное средство защитить права, — онъ хватается за оружіе и объявляетъ себя защитникомъ обиженныхъ. «Великій мститель»—такъ окрестило его восторженное населеніе—начинаетъ силою насаждать справедливость, наказывая всѣхъ, кто нарушаетъ ее. Вполнѣ понятно, что, въ концѣ концовъ, онъ долженъ былъ столкнуться съ самимъ собой, такъ какъ одинъ человѣкъ не можетъ взять на себя такой громадной отвѣтственности. Барабола на опытѣ убѣждается, что

и онъ такой же человѣкъ, какъ и всѣ, что и онъ можетъ нарушить справедливость, хотя бы и безсознательно, просто потому, что каждый, кто бы онъ ни былъ, можетъ ошибиться. Совершивъ грубую ошибку, онъ отдаетъ себя въ руки властей и погибаетъ, хотя его и утѣшаетъ сознаніе, что его личный протестъ не пропалъ даромъ, ожививъ чувство отвѣтственности въ однихъ и сознаніе права въ другихъ.

Романъ Францоза написанъ очень увлекательно съ внѣшней стороны. Дикая обстановка малокультурной страны, типы горцевъ, австрійскаго чиновничества, масса драматическихъ эпизодовъ дѣлаютъ это произведеніе однимъ изъ самыхъ интересныхъ, несмотря на нѣкоторую грубоватость изображенія. Но этотъ недостатокъ художественности съ избыткомъ окупается важностью основной темы романа. Въ сущности, это превосходное произведеніе можно назвать популярнымъ изложеніемъ государственнаго права. Авторъ, какъ мы видѣли, ведетъ своего героя шагъ за шагомъ къ уразумѣнію правовыхъ основъ современнаго строя, и самый неподготовленный читатель легко слѣдитъ за главной идеей романа, что отстаиваніе своего права есть долгъ каждаго гражданина, но что въ современныхъ условіяхъ нельзя осуществить это право только личными усиліями. *А. Б.*

Новый стихотворный переводъ «Божественной Комедіи» Данте Алигьери— О. Н. Чуминой, съ рисунками Дорэ. Изданіе А. А. Каспари, Спб., типогр. журнала «Родина». Нельзя не сочувствовать всякой новой попыткѣ передать на русскій языкъ одинъ изъ самыхъ величавыхъ памятниковъ человѣческой мысли въ области художественной литературы; хотя поэму Данте переводили у насъ неоднократно (полныхъ переводовъ съ подлинника, впрочемъ, нѣтъ; ср. «Энциклоп. Словарь»» Брокгауза-Ефрона, т. X), но ни одинъ изъ извѣстныхъ переводовъ даже отдѣльныхъ частей ея не можетъ считаться окончательнымъ. Быть можетъ такого «окончательнаго» перевода, т.-е. вполнѣ равноцѣннаго съ оригиналомъ, и нельзя ожидать, но всякая новая попытка, если она талантливо выполнена, служитъ, во-1-хъ, поводомъ перечесть произведеніе Данте, что само по себѣ есть удовольствіе, а во-2 хъ, все же до нѣкоторой степени приближаетъ насъ если не къ полному, то хотя бы приблизительному усвоенію мощныхъ образовъ невозобновимой въ ея первородной силѣ поэзіи. Дѣйствительно, невозобновимой, ибо *новой* «Божественной Комедіи» такъ же не можетъ возникнуть, какъ не можетъ быть *новой* «Илліады» или «Одиссеи», несмотря на всѣ попытки позднѣйшихъ временъ воскресить форму народнаго эпоса въ художественной обработкѣ. Поэма Данте—болѣе личнаго характера, чѣмъ древне-греческія эпопеи; она представляется вѣчнымъ камнемъ преткновенія для теоретиковъ словесности, чтобы подогнать ее подъ опредѣленную рубрику произведеній изящной литературы; съ одной стороны, она глубокими привязами соединена съ народно-легендарными повѣріями и представленіями, и этотъ матеріалъ придаетъ ей характеръ памятника народно-собирательнаго творчества; съ другой стороны, рельефно выраженная индивидуальность автора, его «ученость» и «классицизмъ» выдѣляетъ ей особое мѣсто, причемъ авторъ стоитъ во многомъ самъ уже внѣ того міросозерцанія, которое для него объективируется, какъ поэтическій матеріалъ, поддающійся личной переработкѣ. Аллегорія и символъ, которыми такъ насквозь пропитана поэтическая концепція Данте, во многомъ исключаютъ наивную вѣру въ реальное значеніе выставленныхъ имъ образовъ. Произвольность личныхъ домысловъ идетъ въ разрѣзъ съ неприкосновенностью откровенныхъ тайнъ религіознаго преданія и какъ бы ни рѣшался вопросъ о личномъ отношеніи автора къ изложенной имъ загробной космогоніи,—въ самомъ замыслѣ поэтической обработки сюжета, въ его индивидуализаціи—заключается уже зерно секуляризаціи мысли, которая подчиняетъ себѣ традиціонную схему, а не подчиняется ей сама всецѣло. Но Данте

стоитъ на полпути: онъ несомнѣнно еще близокъ средневѣковому міросозерцанію, во многомъ раздѣляетъ его, находитъ поддержку въ общей вѣрѣ въ тѣ преданія, которыя собираетъ то въ монастырскихъ книгохранилищахъ, то въ устной, живой передачѣ, и въ его произведеніи нѣтъ тѣхъ рѣзкихъ диссонансовъ между религіознымъ фономъ поэмы и виртуозностью искусства классическаго возрожденія, какъ то бы позже, напримѣръ, въ религіозномъ эпосѣ Торквато Тассо. Поэтому образы Данте отличаются большей цѣльностью: онъ суммируетъ цѣлую эпоху, безсознательно перерастая ее: самъ живя въ ней, онъ объективируетъ ее въ своемъ творчествѣ; воспринимаетъ образы наивной вѣры и обращается съ ними, какъ съ поэтическимъ матеріаломъ для воплощенія общеморальныхъ идей. Все это придаетъ особую цѣнность произведенію Данте, опредѣляетъ его историческое и болѣе общее значеніе, въ силу котораго оно намъ дорого независимо отъ его, такъ сказать, специфической окраски, какъ историческаго документа. Но эта окраска все-же существуетъ: она не мало затрудняетъ чтеніе поэмы въ подлинникѣ и, конечно, для переводовъ представляетъ еще большія, быть можетъ, неопредолимыя вполнѣ затрудненія. Классическая форма терцинъ, сжатая образность и необыкновенная точность языка, бездна намековъ въ тончайшихъ оттѣнкахъ рѣчи и искусно подобранныхъ эпитетахъ, эскизность образовъ, въ которыхъ включены цѣлыя картины, понятныя лишь для посвященныхъ въ современныя поэту обстоятельства жизни, наконецъ—символика и аллегоризмъ, основанный на богословской догматикѣ и научныхъ теоріяхъ,—физическихъ, астрономическихъ и космогеническихъ, того времени,—все это привело къ тому, что еще при жизни Данте сказалась потребность въ комментаріяхъ его поэмы, а при передачѣ ея на иностранный языкъ, сами ея отличительныя свойства какъ бы ограждаютъ ея неприкосновенность въ цѣломъ. Къ этому еще нужно принять во вниманіе смѣлую своеобразность нѣкоторыхъ выраженій Данте, которая обезоруживаетъ любого переводчика. Въ такомъ родѣ, напримѣръ, выраженіе, что «солнце молчитъ» *), выраженіе, понятное, только если принять въ соображеніе рядъ подразумѣваемыхъ, посредствующихъ ассоціацій образной мысли: солнце, какъ одухотворенный образъ, общается или «говоритъ» съ другими существами лишь въ лучахъ свѣта, которые оно какъ бы испускаетъ отъ себя; слѣдовательно, лучи свѣта—это какъ бы рѣчи солнца; когда оно меркнетъ—оно замыкается, молчитъ. Нужна чрезвычайно интенсивная образность мысли, чтобы пользоваться такими выраженіями и не всякій языкъ достаточно гибокъ, чтобы допускать ихъ. Долженъ-ли переводчикъ настаивать на точномъ соблюденіи подобныхъ выраженій или отнести къ числу не переводимыхъ идіотизмовъ языка подлинника? Непосвященный читатель можетъ, и не безъ основанія, возразить переводчику, который будетъ гнаться за точнымъ словомъ, что это «не по-русски». Но въ такомъ случаѣ, переводъ остается лишь приблизительной передачей подлинника. Съ этимъ приходится мириться, но желательны, по крайней мѣрѣ, возможно частые выноски и оговорки въ примѣчаніяхъ.

Въ новомъ, лажащемъ передъ нами переводѣ поэмы Данте, котораго пока появились лишь первые выпуски, мы прежде всего пожелали бы побольше «примѣчаній», которыя хотя и даются въ концѣ каждой пѣсни, но скупо и не всегда точно. Можетъ быть, для широкаго круга читателей эти примѣчанія составятъ только обузу; можетъ быть, за полнотой ихъ трудно угнаться, если вспомнить томы комментарій, которыя были написаны на разныя темныя мѣста «Божественной Комедіи», но особенности языка Данте, которыя отстранены въ переводѣ, на нашъ взглядъ, всеже должны быть оговорены, хотя бы въ видѣ

*) Inferno, I, 60: dove'l Sol tace. Въ переводѣ г-жи Чуминой—«гдѣ гаснетъ свѣтъ».

напоминанія, что переводчикъ, предлагая посильную передачу текста, не претендуетъ передать *всего* поэта. Мы останемся признательны и за то, что онъ намъ далъ, и за указаніе того, что онъ не могъ передать.

Г-жа Чюмина, талантливая и опытная переводчица, обладающая нѣкоторой несомнѣнной виртуозностью въ умѣніи пользоваться стихомъ, хотя и отступила въ своемъ переводѣ отъ формы терцинъ, дала изящный, легко читаемый и вполнѣ литературный переводъ въ стихахъ первыхъ пѣсенъ «Ада», съ которыми пока мы познакомились, въ ожиданіи полнаго перевода поэмы. Ей удалось перевести многія мѣста весьма близко къ подлиннику и въ красивомъ, русскомъ оборотѣ фразы; но, конечно, не *весь* Данте переданъ, не всегда соблюденъ его стихъ, и не оговорены тѣ мѣста, которыя, будучи перефразированы въ переводѣ, утрачиваютъ свой настоящій смыслъ. Приведемъ нѣсколько примѣровъ, не столько въ осужденіе переводчицы, какъ въ поясненіе значенія *подлиннаго* Данте.

«На полпути земного бытія»—удачно передаетъ переводчица первый стихъ поэмы—авторъ переживаетъ тотъ переломъ въ духовной жизни человѣка, когда кончается полубезсознательная пора молодости, живущей увлеченіями, и вопросы объ истиной цѣли жизни и назначеніи человѣка встаютъ со всей суровой неотвязностью передъ проясненнымъ сознаніемъ отвѣтственности избираемаго пути. Это—содержаніе двухъ первыхъ пѣсенъ «Ада», ихъ общеморальный смыслъ, къ которому присоединяются еще политическія соображенія, но ихъ мы пока можемъ оставить въ сторонѣ. Душевный кризисъ поэта изображенъ въ образной формѣ человѣка, который заблудился въ лѣсу, потерявъ настоящую дорогу: она «заволоклась» передъ нимъ и онъ ее мучительно ищетъ, Лѣсъ—это очевидная аллегорія жизни, міра, преисполненнаго загадочности, темноты и всякихъ опасностей. Авторъ не помнитъ, какъ онъ въ него попалъ, ибо юность уподобляется состоянію сна; онъ хочетъ выбраться на путь истины, къ свѣту (къ солнцу), но людскіе пороки и неправды жизни преграждаютъ ему путь, въ образѣ символичныхъ звѣрей: пантера—сладострастіе, левъ—высокомѣріе, волчица—алчность и скупость. Тогда онъ обращается къ чистому разуму (Вергилій), который становится его руководителемъ по міру юдоли, направляя къ селеніямъ высшей правды. И вотъ, принимая во вниманіе указанную общую концепцію первыхъ пѣсенъ «Ада», мы не можемъ не возразить противъ нѣкоторыхъ отступленій перевода. «*Утративъ слѣдъ, вступилъ* я въ лѣсъ дремучій»: поэтъ очнулся отъ сна, *находясь* въ лѣсу, а не *вступая* въ него, «утративъ слѣдъ»; и какой «слѣдъ»? Это не ясно и не передаетъ точнаго выраженія: la diritta via era smarrita.—«Туда я кинулъ взглядъ,—Откуда нѣтъ живущему возврата»,—хорошо передаетъ Дантовское: «a rimirar lo passo,—Cle nonlasciò giammai persona viva»; но слѣдующій стихъ въ переводѣ—«И ни одинъ не приходилъ назадъ»—излишенъ, какъ праздная тавтологія, не соотвѣтствующая стиху Данте.—«Окружено—Созвѣздіями, свѣтило дня всходило»—нужно было пояснить въ примѣчаніи, иначе непонятно, что Данте ссылкой на созвѣздіе имѣлъ въ виду точно указать время года (весну), когда происходитъ описываемое событіе.—«Во слѣдъ ему (т.-е. льву) шла тощая волчица,—Чьей алчности невѣдома граница:—Томитъ людей желаньями она». Послѣдній стихъ по-русски выходитъ двусмысленнымъ—какъ можетъ волчица томить людей желаніями? У Данте смыслъ вполнѣ ясенъ: волчица, какъ олицетвореніе алчности и скупости (въ политикѣ—примѣнительно къ папской куріи), «въ своей худобѣ казавшаяся воплощеніемъ всѣхъ вожделѣній, уже многимъ людямъ доставила мучительную жизнь». Церковники, которые, съ точки зрѣнія Данте, по преимуществу надѣлены пороками волчицы,—досаждаютъ простымъ смертнымъ, обирая ихъ и тираня. При встрѣчѣ съ Вергиліемъ, поэтъ спрашиваетъ его: «Кто-бъ ни былъ ты: безплотный *свѣтлый* духъ—иль человѣкъ». Эпитетъ

«свѣтлый», вставленный переводчицей, здѣсь совершенно неумѣстенъ. Данте спрашиваетъ только: «Ты тѣнь или живой человѣкъ (od ombra, od uomo certo)» Въ выраженіи, — Аллегорическій Песъ, — «*алкающій* не злата и земель»,— форма «алкающій», по своей изолированности въ переводѣ, гдѣ въ общемъ архаизмовъ рѣчи нѣтъ, врядъ ли удобна.—«О, заклинаю *памятью* о Богѣ, которому ты не служилъ, поэтъ», говоритъ Дантъ Вергилію. Но если послѣдній не служилъ Богу, то врядъ ли умѣстно заклинать его *памятью* о томъ, кого онъ не зналъ. Данте имѣетъ въ виду, что теперь, послѣ смерти, Вергилій *узналъ* Бога и поэтому обращается къ нему—«во имя того Бога, котораго ты раньше не знавалъ». Все это пока—отступленія отъ стиля, но со стилемъ тѣсно связана поэтическая концепція автора и нарушенія стиля влекутъ за собой измѣненія въ образахъ, имѣющихъ опредѣленное значеніе. Такъ, въ преддверьи ада Данте, какъ извѣстно, помѣстилъ особую категорію душъ, «непорѣшенныхъ». Это души людей, которые въ жизни были не способны ни къ добру, ни къ злу, людей себялюбивыхъ, безпринципныхъ, жалкихъ оппортунистовъ, отъ которыхъ поэтъ отворачивается съ презрѣніемъ: ни рай, ни адъ не принимаетъ ихъ. Къ нимъ присоединились тѣ ангелы, которые «Творцу не измѣнивъ, Но вѣрности въ душѣ не сохранивъ—Лишь о себѣ имѣли попеченье»— «Cacciarli i Ciel per non esser men belli»—говоритъ Данте, т.-е. «небеса отвергли ихъ, чтобы не нарушить своей красы (давъ мѣсто такимъ безцвѣтнымъ существамъ)». Г-жа Чюмина переводитъ: «Дабы небесъ чистѣйшая краса— Не омрачилась *тѣнью преступленья»*. Смыслъ не тотъ: данные люди именно не способны даже на преступленье, иначе попали бы въ адъ; это тѣ, которые въ нашихъ старинныхъ преданьяхъ о загробой жизни, характеризуются, какъ— «ни тепли ни студени» *). За ними слѣдуетъ, въ первомъ кругѣ ада, въ лимбѣ, категорія «сомнѣвающихся» (sospesi): «Conobbi che in quel limbo eran sospesi» (IV, 45). Это души праведныхъ язычниковъ, томящіяся безнадежностью желанья—узнать истину (Che senza speme vivemo in disio). Въ числѣ ихъ и самъ Вергилій. Онъ говоритъ поэту, при первой встрѣчѣ съ нимъ (II, 52 слл.): «Я пребывалъ среди тѣхъ, которые блуждаютъ въ сомнѣніи, когда призвала меня прекрасная и блаженная женщина (Беатриче)...» и приказала пойти къ Данте. Выраженіе—«Io era tra color che son sospesi»—указываетъ именно на постоянное мѣсто, отведенное Вергилію на томъ свѣтѣ, вмѣстѣ съ другими язычниками. Въ переводѣ все это совершенно переиначено:

«Узнай же ты: межъ призраковъ толпою
Покуда ждалъ съ другими надъ собою
Послѣдняго рѣшенія суда—
Предсталъ я тамъ предъ женщиной прекрасной».

Ничего подобнаго у Данте нѣтъ, такъ какъ онъ и вообще не касается «послѣдняго суда» надъ душами, имѣющаго наступить послѣ второго пришествія; его загробный міръ изображаетъ теперешнее пребываніе душъ на томъ свѣтѣ, послѣ *перваго* частнаго суда надъ умершими. И Вергилій совсѣмъ не *предсталъ* передъ Беатричей, которой, по переводу, отводится какая-то особая роль на Страшномъ Судѣ, а вызванъ ею изъ мѣста своего постояннаго пребыванія, среди «sospesi». Въ ослабленной формѣ переданъ и смыслъ мученія

---

*) Заимствуемъ цитату изъ очерка акад. А. Н. Веселовскаго «Нерѣшеные, Нерѣшительные и безразличные Дантовскаго ада» (журн. Мин. Нар. Просв., 1888 г.), гдѣ «между прочимъ» вышеприведенный стихъ Данте переведенъ такъ: «Небеса отринули ихъ, хотя они были не менѣе красивы, чѣмъ другіе» (?). Врядъ ли такое толкованіе возможно, такъ какъ оно основывается на невѣрномъ переводѣ текста Данте.

язычниковъ, заключающагося въ *безнадежности* желанія. У г-жи Чюминой: «Не знавшіе Творца,—Мы жаждою блаженства вѣчно будемъ—Томиться здѣсь безъ мѣры и конца». А главное,—что въ переводѣ совсѣмъ не обозначена категорія sospesi (г-жа Чюмина говоритъ просто «страдальцевъ»), и этимъ оказывается опущенной одна весьма важная концепція Данте въ его моральной классификаціи типовъ и характеровъ людей.

Изъ сдѣланныхъ замѣчаній видно, что, несмотря на многія положительныя качества перевода г-жи Чюминой, онъ все-таки не передаетъ намъ цѣликомъ «подлиннаго» Данте. Мы уже сказали выше, что, можетъ быть, эта задача и не выполнима, но кстати замѣтимъ, что больше гарантій, на нашъ взглядъ, все же представляетъ переводъ бѣлыми стихами. Въ такомъ родѣ образцовый нѣмецкій переводъ Philalethes, переводъ «метрическій», но безъ риѳмъ. Правда, г-жа Чюмина удивительно легко находитъ риѳмы и уже не разъ, на многочисленныхъ образцахъ, доказала гибкость своего версификаторскаго таланта, не всегда, впрочемъ, съ одинаковымъ успѣхомъ,*) но въ угоду риѳмѣ ей не разъ приходится прибѣгать къ парафразамъ, ослабляя сжатый энергичный стиль Данте. Въ вопросѣ, что лучше—созвучье риѳмъ или стиль, мы отдали бы предпочтеніе второму. Впрочемъ, мы не хотѣли бы закончить эту замѣтку, не поговоривъ, что новый переводъ Данте все же будетъ содѣйствовать его усвоенію русской читающей публикой и въ такомъ смыслѣ заслуживаетъ нашего сочувствія. Отступленія въ частностяхъ вознаграждаются благопріятнымъ впечатлѣніемъ въ цѣломъ и мы душевно желаемъ переводчицѣ успѣшно довести до конца предпринятый ею трудъ. *Ѳ. Батюшковъ.*

СБОРНИКИ.

«На славномъ посту. (1860—1900)».

На славномъ посту. (1860—1900). Литературный сборникъ, посвященный Н. К. Михайловскому. Сборникъ, заглавіе котораго мы выписали, принадлежитъ, несомнѣнно, къ числу замѣчательныхъ литературныхъ явленій послѣдняго времени. Это не значитъ, разумѣется, что бы всѣ помѣщенныя въ сборникѣ статьи заслуживали одинаково благодарности со стороны читателя; напротивъ, на ряду со статьями, представляющими большой научный и общественный интересъ, въ немъ встрѣчаются вещи весьма слабыя, но и за всѣмъ тѣмъ сборникъ въ его цѣломъ можетъ быть смѣло рекомендованъ вниманію читателей. Въ краткой рецензіи понятно, нѣтъ никакой возможности окинуть хотя бы бѣглымъ взоромъ все содержаніе сборника и потому мы остановимся лишь на двухъ вещахъ, составляющихъ, по нашему мнѣнію, украшеніе всего литературнаго произведенія, о которомъ идетъ рѣчь. Мы говоримъ о статьѣ г. Мякотина «На зарѣ русской общественности» и г. Семевскаго «Изъ исторіи общественныхъ идей въ Россіи въ концѣ 40-хъ годовъ». Обѣ эти статьи, несомнѣнно, пополнятъ тѣ крайне неполныя и неточныя свѣдѣнія, по исторіи идей и общественныхъ движеній въ Россіи въ концѣ XVIII и на всемъ пространствѣ XIX вѣка.

Г. Мякотинъ вводитъ насъ въ ту эпоху, когда на безпросвѣтно-темномъ

---

*) См. нашъ отчетъ о присужденіи Пушкинской преміи Императорской академіи наукъ, въ 1898 г.

горизонтѣ русской общественной жизни появились первые провозвѣстники разсвѣта. Однимъ изъ такихъ провозвѣстниковъ новаго времени, и такъ сильно пострадавшимъ за свои убѣжденія, былъ, какъ извѣстно, Александръ Николаевичъ Радищевъ. Изъ статьи г. Мякотина читатель пріобрѣтаетъ цѣнныя свѣдѣнія объ этой замѣчательной и трагической личности русской исторіи. Воспитанникъ Лейпцигскаго университета, затронутый всѣми вѣяніями великой эпохи конца XVIII вѣка, одаренный проницательнымъ умомъ и пылкимъ, отзывчивымъ на страданіе ближняго сердцемъ, Радищевъ явился въ Россію съ твердымъ намѣреніемъ служить не лицамъ, а дѣлу, отдать всѣ силы на служеніе горячо любимой имъ родинѣ. Знаменитая книга «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» и явилась плодомъ такого служенія, но, какъ это и неизбѣжно должно было случиться при наличности тѣхъ неразвитыхъ общественныхъ отношеній, въ которыхъ находилась тогда Россія, книга и ея авторъ пришлись «не къ двору»... Приговоромъ къ смертной казни, смягченнымъ на продолжительное изгнаніе и многолѣтнимъ пребываніемъ въ глухомъ сибирскомъ городишкѣ Нижнеилимскѣ заплатилъ Радищевъ за свою попытку служить Россіи какъ подсказывали ему его убѣжденія и совѣсть... Возвращенный изъ ссылки Павломъ, онъ все еще мечталъ о реформѣ всего нашего общественнаго строя и, прежде всего, объ освобожденіи крестьянъ отъ рабства. Когда же онъ убѣдился, что объ этомъ и думать нельзя, когда въ отвѣтъ на свою записку съ изложеніемъ плана реформъ, онъ встрѣтилъ лишь «отеческое» замѣчаніе на тему: «видно, Нижнеилимска тебѣ мало»... онъ не вытерпѣлъ и отъ огорченія принялъ ядъ... Г. Мякотинъ знакомитъ читателя очень обстоятельно съ содержаніемъ злополучной книги. Извѣстно, что, несмотря на весьма значительное количество касающихся Радищева статей, замѣтокъ и пр., полной біографіи его не существуетъ и понынѣ, а самая книга «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» составляетъ библіографическую рѣдкость. Въ 1859 году книга эта была переиздана вмѣстѣ съ книгою князя Щербатова «О поврежденіи нравовъ» въ Лондонѣ Герценомъ; въ 1870 П. А. Ефремовъ думалъ издать полное собраніе Радищева, внеся туда и полный текстъ «Путешествія», но уже отпечатанное изданіе это было не пропущено и уничтожено. Въ 1888 году появилось «Путешествіе» въ изданіи Суворина, но всего въ количествѣ 99 экземпляровъ. При такихъ условіяхъ подробное изложеніе всего существеннаго, что заключается въ «Путешествіи», а это г. Мякотинымъ исполнено прекрасно, является, несомнѣнно, крупною заслугою автора статьи передъ читающей публикой. Кромѣ описанія убійственнаго положенія крѣпостныхъ крестьянъ, судьбу которыхъ Радищевъ сравниваетъ съ судьбою «воловъ, обреченныхъ вздирать тяжкую борозду» Радищевъ отстаиваетъ право общества на самоопредѣленіе и въ особенности на свободу печати. «Цензура печатаемаго принадлежитъ обществу,—говоритъ Радищевъ.—Оно даетъ сочинителю вѣнецъ или употребляетъ листы на обертки, равно какъ одобреніе театральному произведенію даетъ публика, а не директоръ театра». («Путешествіе», стр. 254). Эти и многія другія плодотворныя идеи были брошены Радищевымъ на россійскую ниву въ его знаменитой книгѣ. Мы уже упомянули, что въ 1859 году было издано «Путешествіе изъ Петербурга въ Москву» вмѣстѣ съ книгою князя Щербатова «О поврежденіи нравовъ». Въ предисловіи къ обѣимъ книгамъ издатель тогда же обрисовалъ мѣткими штрихами личности авторовъ этихъ двухъ историческихъ лицъ. «Князь Щербатовъ и Радищевъ,—говорилъ онъ,—представляютъ собою два крайнія воззрѣнія на Россію временъ Екатерины. Печальные часовые у двухъ разныхъ дверей, они, какъ Янусъ, глядятъ въ противоположныя стороны. Щербатовъ, отворачиваясь отъ распутнаго времени своего, глядитъ въ ту дверь, въ которую вошелъ Петръ Первый, а за нею видитъ чинную и чванную Русь московскую; скучный и полудикій бытъ нашихъ предковъ кажется недовольному старику какимъ-то утеряннымъ идеаломъ.

Радищевъ смотритъ впередъ. На него пахнуло сильнымъ вліяніемъ послѣднихъ лѣтъ восьмнадцатаго вѣка. Никогда человѣческая грудь не была полнѣе надеждами, какъ въ великую весну девятидесятыхъ годовъ; всѣ ждали съ бьющимся сердцемъ чего-то необыкновеннаго, святое нетерпѣніе тревожило умы и заставляло самыхъ строгихъ мыслителей быть мечтателями. Съ восторженными идеалами того времени Радищеву пришлось жить въ Россіи. Слезы, негодованіе, состраданіе, иронія,—утѣшительница и мстительница,—все это вылилось въ его превосходной книгѣ. Радищевъ гораздо ближе къ намъ, чѣмъ Щербатовъ. Разумѣется, его идеалы были также высоко на небѣ, какъ идеалы Щербатова глубоко въ могилѣ, но это были наши мечты... Радищевъ не стоитъ Даніиломъ въ пріемной дворца, онъ не ограничиваетъ первыми тремя классами свой міръ, онъ не имѣетъ личнаго озлобленія противъ Екатерины, онъ ѣдетъ по большой дорогѣ, онъ сочувствуетъ страданіямъ массъ, говоритъ съ ямщикомъ, рекрутомъ, дворовымъ, и во всякомъ словѣ его мы находимъ вмѣстѣ съ ненавистью къ насилію громкій протестъ противъ крѣпостнаго состоянія. Тогдашняя риторическая форма, филантропическая философія, которая преобладала во французской литературѣ до реставраціи Бурбоновъ, и поддѣльный романтизмъ устарѣлъ для насъ, но юморъ его совершенно свѣжъ, совершенно истиненъ и необычайно живъ. И что бы онъ ни писалъ, такъ и слышишь знакомую струю, которую мы привыкли слышать въ «Думахъ» Рылѣева, въ первыхъ стихотвореніяхъ Пушкина и въ собственномъ нашемъ сердцѣ». Такова эта великолѣпная характеристика Радищева, сдѣланная однимъ изъ его духовныхъ дѣтей въ половинѣ XIX вѣка. Но вернемся къ статьѣ «На зарѣ русской общественности». Познакомивъ читателя съ содержаніемъ «Путешествія», г. Мякотинъ подробно слѣдитъ за всѣми моментами возникшаго вслѣдъ за появленіемъ этой книги въ свѣтъ «дѣла», за ролью въ немъ Екатерины, за дальнѣйшею судьбою самого Радищева и т. д. Останавливаться на всемъ этомъ столь же подробно мы, разумѣется, не можемъ и потому отсылаемъ читателя къ прекрасной статьѣ г. Мякотина.

Другимъ въ высокой степени интереснымъ произведеніемъ въ сборникѣ является статья г. Семевскаго «Изъ исторіи общественныхъ идей въ концѣ 40-хъ годовъ». Предметъ статьи—такъ называемое «дѣло Петрашевскаго», т. е. то дѣло, за которое такъ жестоко поплатились Достоевскій, Плещеевъ и многіе другіе. Въ силу понятныхъ причинъ, многое изъ того, что относится къ этому дѣлу окутано еще большою тайной. Достаточно сказать, что послужившая поводомъ для начала дѣла Петрашевскаго розданная имъ во время дворянскихъ выборовъ въ Петербургѣ въ мартѣ 1848 года литографированная записка по крестьянскому вопросу до сихъ поръ нигдѣ полностью не напечатана. Конечно, и по этому дѣлу существуетъ уже въ русской литературѣ не мало свѣдѣній (главнѣйшимъ изъ нихъ надо считать «Записки» Липранди, печатавшіяся въ «Русской Старинѣ» за 1872 годъ, составленную Орестомъ Миллеромъ «Біографію Достоевскаго», но въ болѣе или менѣе систематической формѣ изложеніе и критическое изслѣдованіе этого дѣла дано въ первый разъ въ разбираемой статьѣ В. И. Семевскаго. Поводомъ для статьи г. Семевскаго послужили печатавшіяся въ «Русской Старинѣ» записки графа М. А. Корфа, но, пользуясь этимъ источникомъ, г. Семевскій внесъ съ своей стороны въ написанную имъ для сборника статью свою очень большую эрудицію въ области исторіи общественныхъ идей въ Россіи. Вкратцѣ дѣло Петрашевскаго можно формулировать такъ: за исключеніемъ самого Петрашевскаго и можетъ, быть, еще Момбелли и Спѣшнева, думавшихъ, повидимому, въ самомъ дѣлѣ объ учрежденіи тайнаго общества, всѣ остальные «петрашевцы» были виновны буквально лишь въ «либеральныхъ» разговорахъ, и то не шедшихъ дальше осужденія крѣпостного права, дореформеннаго суда, цензуры и проч. Начиная съ 1845 года, на пят-

ничныхъ журъ-фиксахъ Петрашевскаго стали собираться молодые литераторы, воспитатели учебныхъ заведеній, офицеры, студенты и проч. Здѣсь подвергались обсужденію разные вопросы, говорили, спорили, читали произведенія преимущественно французскихъ соціалистовъ, но дальше разговоровъ дѣло никогда не заходило. Возникали, правда, мысли о заведеніи тайной литографіи для разоблаченія «злоупотребленій и недостатковъ администраціи» (предложеніе Филиппова), но предложеніе это принято не было. Преступленіе самого Петрашевскаго сводилось, главнымъ образомъ, къ двумъ дѣйствіямъ: къ устройству у себя пятницъ, на которыхъ велись «преступные разговоры», и къ изданію подъ псевдонимомъ Кириллова,—разумѣется, съ разрѣшенія цензуры, — «Словаря иностранныхъ словъ», въ которомъ Петрашевскій имѣлъ въ виду также распространять «превратныя мысли». Способъ держанія себя на слѣдствіи показалъ Петрашевскаго слѣдственной коммиссіи также съ особенной стороны. По замѣчанію этой коммиссіи, Петрашевскій, «одинъ изъ всѣхъ арестованныхъ» является «дерзкимъ и наглымъ». Онъ объявилъ, «что, стремясь къ достиженію полной, совершенной реформы быта общественнаго въ Россіи, желалъ стать во главѣ разумнаго движенія въ народѣ русскомъ». Раздача Петрашевскимъ вышеупомянутой «Записки» по крестьянскому вопросу обратила вниманіе властей на его журъ-фиксы, Липранди уговорилъ своего родственника студента Антонелли втереться въ кружокъ Петрашевскаго и такимъ образомъ всѣ разговоры «петрашевцевъ» стали происходить въ присутствіи полицейскаго агента. «Несмотря на то, что Антонели ни на кого не произвелъ благопріятнаго впечатлѣнія, ему не только удалось быть на шести вечерахъ у Петрашевскаго еженедѣльно съ 11 марта по 15 апрѣля 1849 года, а 16 апрѣля у П. А. Кузьмина, но даже педагогъ Толль, пострадавшій впослѣдствіи вмѣстѣ съ петрашевцами, поселился съ нимъ въ одной квартирѣ... Такъ какъ арестованнымъ удалось увидѣть въ III отдѣленіи въ день ареста списокъ, въ которомъ противъ имени Антонелли было поставлено слово «агентъ», то его предательская роль стала извѣстна всѣмъ и онъ не разъ имѣлъ случай убѣдиться въ презрѣніи къ нему общества» («Сборникъ», стр. 105). Мы не будемъ слѣдить за дѣльнѣйшими подробностями дѣла и напомнимъ лишь, что за «преступные разговоры» многіе петрашевцы были приговорены къ разстрѣлянію, приведены на мѣсто казни, и, не зная ничего о помилованіи, перечувствовали все то, что чувствуютъ приговоренные къ смерти въ ихъ предсмертныя минуты... Петрашевскій былъ прямо съ эшафота увезенъ въ Сибирь, другихъ отвезли въ крѣпость впредь до отсылки по назначенію. «Генералъ-аудиторіатъ въ своемъ докладѣ не только предложилъ наказаніе обвиненнымъ, но, кромѣ того, счелъ нужнымъ обратить вниманіе правительства на необходимость принять мѣры для предупрежденія возможности возникновенія и впредь «подобныхъ замысловъ». Такими мѣрами онъ съ своей стороны считалъ: 1) особенное наблюденіе за общественнымъ обученіемъ, какъ относителъно духа и направленія преподаванія вообще, такъ и относительно строгаго выбора учителей и повѣрки ихъ преподаванія. 2) Бдительныя и строгія мѣры противъ ввоза иностранныхъ сочиненій опаснаго содержанія, способствующаго превратному образу мыслей въ умахъ юныхъ и неопытныхъ. 3) Самый осмотрительный цензурный надзоръ за журналами и газетными статьями. 4) Возможно строгое наблюденіе со стороны всѣхъ полицейскихъ начальствъ за движеніемъ общественнаго состава не только въ его цѣломъ, но и въ частностяхъ, именно за сборищами и собраніями, дабы, при настоящемъ развратѣ умовъ на Западѣ и прилипчивости вредныхъ идей, не могли образоваться у насъ собранія, подобныя открытымъ по настоящему дѣлу». Предложенія эти были одобрены государемъ («Сборникъ», стр. 151—152). Изъ записокъ графа Корфа г. Семевскій приводитъ очень любопытный разсказъ, характеризующій отношеніе императора Николая къ дѣлу петрашевцевъ въ моментъ

ихъ ареста: «Государю пришло въ голову, что къ ихъ числу могутъ «втайнѣ принадлежать не одни офицеры, молодые чиновники, литературы и проч., но и кто нибудь *повыше*». (курсивъ гр. Корфъ). 24 апрѣля 1849 года, т.-е. на другой день послѣ ареста петрашевцевъ, принимая двухъ членовъ государственнаго совѣта, государь сказалъ: «Не знаю, ограничивается ли заговоръ тѣми одними, которые уже схвачены, или есть, кромѣ нихъ, и другіе, даже, можетъ быть, кто и изъ *нашихъ* (курсивъ гр. Корфа). Слѣдствіе все раскроетъ. Знаю только одно: что на полицію тутъ нельзя полагаться, потому что она падка на деньги, а на шпіоновъ—еще меньше, потому что продающій за деньги свою честь способенъ на всякое предательство». («Сборникъ», стр. 103). Г. Семевскій обращаетъ вниманіе читателя на эти любопытныя слова императора Николая. «Между тѣмъ,—говоритъ онъ,—въ дѣлѣ петрашевцевъ въ высшей степени важную роль сыгралъ агентъ Липранди, Антонелли». Статья г. Семевскаго служитъ превосходнымъ дополненіемъ ко всему, что раньше было извѣстно о дѣлѣ Петрашевскаго. Изъ сопоставленія ея съ нѣкоторыми другими матеріалами можно составить теперь болѣе или менѣе ясное представленіе объ этомъ дѣлѣ.

Изъ другихъ статей «Сборника» обращаетъ на себя вниманіе работа г. Милюкова, обрисовавшаго съ свойственнымъ ему талантомъ Надеждина и эпоху появленія первыхъ критическихъ статей Бѣлинскаго. Г. г. Пантелѣевъ и Анненскій дали также интересныя странички изъ своихъ личныхъ воспоминаній. Вообще особеннымъ интересомъ въ сборникѣ отличаются статьи историко-литературнаго содержанія. Что касается беллетристики «Сборника», то о ней мы говорить въ настоящей замѣткѣ не будемъ и упомянемъ лишь, что въ числѣ лицъ, помѣстившихъ свои произведенія въ сборникѣ, находятся такіе извѣстные писатели, какъ гг. Короленко, Маминъ-Сибирякъ, Станюковичъ, Мельшинъ, Димитріева и другіе.

В. Б—скій.

ИСТОРІЯ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Галлерея русскихъ писателей». — «Труды Я. К. Грота».

Галлерея русскихъ писателей. Текстъ редактировалъ И. Игнатовъ. Изданіе С. Скирмунта. Москва. 1901 г. «Настоящее изданіе,—сказано въ предисловіи,—имѣетъ въ виду представить читателямъ собраніе портретовъ русскихъ писателей, работавшихъ въ области изящной литературы и критики. Въ этомъ собраніи фигурируютъ и великіе русскіе писатели, и авторы меньшей величины, и даже писатели малозначительные». Въ книгѣ собраны портреты 253 писателей, начиная съ Кантемира и кончая М. Горькимъ. Нѣкоторые писатели, напримѣръ: Герценъ, Огаревъ, Чернышевскій, Добролюбовъ, Писаревъ, Салтыковъ, Успенскій, Гаршинъ, представлены въ двухъ портретахъ, а Левъ Толстой — даже въ четырехъ. Въ книгѣ много существенныхъ пропусковъ, что сознаетъ и самъ издатель, старающійся оправдать эти пропуски тѣмъ, что нѣкоторыхъ портретовъ онъ не могъ найти, другіе получилъ слишкомъ поздно, третьи онъ самъ не внесъ въ свое изданіе. Несмотря на неполноту, «Галлерея русскихъ писателей» представляетъ очень цѣнную книгу. Большая часть портретовъ воспроизведена съ фотографій и дагерротиповъ; но многіе портреты, притомъ наиболѣе выдающихся русскихъ писателей, представляютъ снимки съ художественныхъ портретовъ, хранящихся въ Третьяковской галлереѣ и въ Румянцевскомъ музеѣ и исполненныхъ кистью такихъ художниковъ, какъ Васнецовъ, Крамской, Перовъ, Рѣпинъ и др. Нѣкоторые изъ воспроизведенныхъ портретовъ принадлежатъ къ числу очень рѣдкихъ и большой публикѣ раньше

не были извѣстны. Таковы, напримѣръ, портреты Чернышевскаго, Добролюбова и Писарева въ молодости. Многіе портреты снабжены автографами.

Кромѣ портретовъ въ «Галлереѣ» каждому писателю посвященъ краткій очеркъ его жизни и литературной дѣятельности. Біографическія данныя ограничиваются самыми существенными свѣдѣніями. Критическіе отзывы нѣсколько полнѣе и знакомятъ, въ большинствѣ случаевъ, съ содержаніемъ главнѣйшихъ произведеній даннаго писателя и съ общимъ направленіемъ его литературной дѣятельности. Вслѣдствіе чисто техническихъ затрудненій (недостатка мѣста и т. п.), многіе біографическіе очерки подверглись сокращеніямъ, иногда даже съ нарушеніемъ смысла. Но и помимо техническихъ затрудненій, на достоинствѣ нѣкоторыхъ очерковъ неблагопріятно отразились поспѣшность и небрежность, съ которыми они были составлены. Отсюда цѣлый рядъ фактическихъ ошибокъ, не говоря о неточностяхъ, и цѣлый рядъ рискованныхъ и невѣрныхъ взглядовъ и заключеній. Не останавливаясь на ошибкахъ въ хронологическихъ данныхъ и въ названіяхъ сочиненій, въ именахъ лицъ и мѣстностей (напримѣръ, Николай *Александровичъ* Некрасовъ, диспутъ Погодина съ *Комаровымъ* и т. д.), укажу нѣкоторыя ошибки, въ которыхъ виноватъ не корректоръ. а редакторъ. Напримѣръ, о Херасковѣ сказано, что послѣ «Россіады» онъ пошелъ навстрѣчу зарождавшемуся сентиментализму и закончилъ увлеченіемъ массонскими идеями, изложивъ ихъ въ поэмѣ «Возрожденный Владиміръ». Но «Кадмъ и Гармонія», повѣсть въ сентиментальномъ духѣ, появилась черезъ четыре года послѣ «Владиміра», слѣдовательно, увлеченіе массонствомъ у Хераскова предшествовало сентиментальнымъ повѣстямъ. О Екатеринѣ II сказано, что она «была дѣятельной сотрудницей журнала «Всякая Всячина» съ 1769 по 1783 г.»; но этотъ журналъ издавался всего *одинъ годъ*, а не четырнадцать лѣтъ. «Тургеневъ,—говорится въ «Галлереѣ»,—дебютировалъ стихотворною повѣстью «Параша». На самомъ дѣлѣ его литературная дѣятельность началась за нѣсколько лѣтъ раньше. О Помяловскомъ сказано, что «вскорѣ послѣ закрытія «Современника», онъ умираетъ отъ гангрены ноги». Но «Современникъ» закрытъ въ въ 1866 г., а Помяловскій умеръ въ 1863 г.

Встрѣчаются ошибки въ библіографическихъ указаніяхъ. Напримѣръ, Карамзинъ, по заявленію «Галлереи», издавалъ журналъ «Дѣтское Чтеніе», въ которомъ печаталъ свои переводы «Юлія Цезаря» Шекспира и «Эмиліи Галотти» Лессинга. Но, во-первыхъ, журналъ этотъ издавался Новиковымъ, а, во вторыхъ, названные переводы появились отдѣльными изданіями, да и не могли быть предложены дѣтямъ. «Бѣдные люди» напечатаны не въ «Отечественныхъ Запискахъ», какъ сказано въ «Галлереѣ», а въ «Петербургскомъ Сборникѣ» Некрасова; «Игрокъ» появился впервые не въ «Русскомъ Вѣстникѣ», а въ отдѣльномъ изданіи сочиненій Достоевскаго (1867 г.).

О содержаніи отдѣльныхъ произведеній часто даются свѣдѣнія совершенно невѣрныя или же неточныя и неопредѣленныя. Напримѣръ, по заявленію «Галлереи», Писаревъ «разгромилъ Пушкина въ «Прогулкѣ по садамъ россійской *поэзіи*». На самомъ дѣлѣ въ этой статьѣ Писаревъ только заявилъ, что онъ собирается, отбросивъ историческую точку зрѣнія, доказать, что Пушкинъ устарѣлъ. «Разгромилъ» же онъ великаго поэта, какъ извѣстно, въ статьѣ: «Пушкинъ и Бѣлинскій». Даже заглавіе статьи искажено: вмѣсто *поэзіи* должно быть *словесности*. О Жуковскомъ сказано, что онъ «перенялъ и бутафорскую сторону нѣмецкаго романтизма—вѣдьмъ, чертей и прочее», и въ подтвержденіе этого мнѣнія сдѣлана ссылка на «Свѣтлану», «Людмилу», «Смальгольмскаго барона» и «Лѣсного царя». Но послѣднія два произведенія—переводныя, «Людмила»—передѣлка «Леноры» Бюргера, а въ оригинальной «Свѣтланѣ» вѣдьмъ и чертей совсѣмъ нѣтъ, и все, что тамъ есть фантастическаго, происходитъ во снѣ. О романѣ «Руфина Каздоева» сказано, что тамъ «изображается одна (ка-

кая же именно?) изъ формъ общественной дѣятельности, въ которыя выливались стремленія шестидесятниковъ».

Отдѣльные біографическіе и историко-литературные факты переданы и объяснены невѣрно. Напримѣръ, хорошо извѣстно, что Бѣлинскій развѣнчалъ Марлинскаго за изображеніе «неистовыхъ страстей и неистовыхъ положеній» и за крайнюю изысканность и вычурность слога. А въ «Галлереѣ русскихъ писателей» сказано: «Отрицательное отношеніе къ Гегелю и другимъ нѣмецкимъ философамъ одна изъ главныхъ причинъ, почему Бестужевъ подвергся безпощадной критикѣ со стороны идеалистовъ 40-хъ годовъ». Извѣстно, что Бѣлинскій, прочтя «Деревню» Григоровича, «не только нашелъ ее весьма замѣчательной повѣстью, но немедленно опредѣлилъ ея значеніе и предсказалъ то движеніе, тотъ поворотъ, которые вскорѣ потомъ произошли въ нашей словесности» (свидѣтельство Тургенева). Извѣстно также, что и печатно, несмотря на сопротивленіе Некрасова, не желавшаго хвалить въ «Современникѣ» повѣсть, напечатанную въ «Отечественныхъ Запискахъ». Бѣлинскій назвалъ «Деревню» однимъ изъ лучшихъ беллетристическихъ произведеній 1846 года. А въ «Галлереѣ русскихъ писателей» сказано, что «Деревня» Григоровича была холодно встрѣчена Бѣлинскимъ. Ссылку Салтыкова въ Вятку «Галлерея» объясняетъ не оппозиціоннымъ направленіемъ повѣсти «Запутанное дѣло», а фактомъ напечатанія двухъ повѣстей въ «Отечественныхъ Запискахъ» безъ дозволенія начальства.

Въ текстѣ «Галлереи русскихъ писателей» встрѣчаются даже такія ошибки, которыя исправитъ любой гимназистъ. Напримѣръ: «Въ Пруссіи Ломоносовъ *чуть не попалъ* въ солдаты». Державинъ былъ «при *Павлѣ I* министромъ юстиціи». Карамзинъ путешествовалъ за границей *четыре* года и *окончилъ* «Исторію Государства Россійскаго». Но болѣе всего ошибокъ и рискованныхъ выводовъ въ оцѣнкѣ литературныхъ дѣятелей. Петрову, напыщенному одописцу «временъ очаковскихъ и покоренья Крыма», приписывается «крупная роль въ литературѣ XIX вѣка». Подолинскому приписывается «необыкновенная легкость и музыкальность стиха, какой мы не встрѣчаемъ *почти ни у кого* изъ его современниковъ». Панаеву отводится «въ эволюціи русскаго романа одно изъ самыхъ видныхъ мѣстъ». О Погодинѣ сказано, что «какъ журналистъ и редакторъ «Москвитянина», онъ отличался крайне реакціоннымъ направленіемъ, по своимъ публицистическимъ взглядамъ онъ держался теоріи такъ называемой оффиціальной народности и рядомъ съ порицаніемъ Запада превозносилъ русскія народныя начала, заключающіяся, по его мнѣнію, въ кротости и смиренномудріи». Такая характеристика скорѣе приложима къ Шевыреву, чѣмъ къ Погодину. «Справедливость требуетъ сказать,—писалъ Чернышевскій въ 1856 году,—что онъ (Погодинъ) защитникъ просвѣщенія, и что какъ бы ни казались намъ странны нѣкоторыя ого мнѣнія, но никто не можетъ и подумать назвать его обскурантомъ. Этого достаточно, чтобы вынудить у каждаго здравомыслящаго человѣка сочувствіе къ нему во многихъ случаяхъ и, во всякомъ случаѣ, обезпечить ему право на уваженіе». («Очерки гоголевскаго періода русской литературы», с. 94). Хомяковъ, этотъ образцовый хозяинъ, сахарозаводчикъ, изобрѣтатель, устроитель быта своихъ крестьянъ, по мнѣнію «Галлереи», «стоитъ *далеко* отъ дѣйствительности, въ кружковой жизни тогдашняго литературнаго міра». Иванъ Аксаковъ ставится на одну доску съ реакціонными публицистами. Глѣбъ Успенскій со своей «Властью Земли»—по мнѣнію «Галлереи»—«является до извѣстной степени предтечей теоретиковъ экономическаго пониманія исторіи», точно до восьмидесятыхъ годовъ такихъ «теоретиковъ» вовсе не существовало. О Боборыкинѣ сказано, что его «теоретическіе взгляды на значеніе и цѣли искусства... находятся въ странномъ противорѣчіи съ беллетристическими работами... Выступая въ теоріи защитникомъ чистаго искусства, Бобо-

рыкинъ въ своей беллетристической дѣятельности стремится отразить новыя общественныя теченія, прислушиваясь ко всякимъ измѣненіямъ, происходящимъ въ обществѣ, и записывая ихъ съ точностью добросовѣстнаго репортера». Вмѣсто отвѣта на этотъ упрекъ г. Боборыкинъ могъ бы указать на свой рефератъ «Судьба русскаго романа», гдѣ сказано: «Никто теперь не проповѣдуетъ «чистаго» искусства, отрѣшеннаго отъ жизни. Его и быть не можетъ... Творческое воображеніе питается дѣйствительною жизнью, и чѣмъ эта связь ярче, глубже, разнообразнѣе, содержательнѣе, тѣмъ произведенія поднимаются выше и выше» («Починъ» 1895 г., с. 199).

Сдѣланныхъ указаній достаточно, чтобы видѣть, что при новомъ изданіи «Галлереи русскихъ писателей» не только необходимо, по сознанію самаго издателя, исправить «важные пропуски и недостатки» въ выборѣ портретовъ, но также необходимо пересмотрѣть и текстъ критико-біографическихъ очерковъ. Нельзя также не замѣтить, что достоинство книги не пострадало бы, если бы текстъ былъ выдѣленъ въ особое приложеніе. Тогда ничто не мѣшало бы «сгруппировать писателей по ихъ общественнымъ взглядамъ», а равно и никакія техническія соображенія не повліяли бы на полноту очерковъ.

С. Ашевскій.

Труды Я. К. Грота. Томъ III. Очерки изъ исторіи русской литературы. Спб. 1901 г. Въ третій томъ посмертнаго изданія «Трудовъ» академика Грота вошли его статьи по исторіи русской литературы, исключая работы о Державинѣ. Въ этомъ томѣ перепечатаны изъ академическихъ изданій, изъ журналовъ, сборниковъ и даже газетъ крупныя и мелкія статьи Грота, какъ-то: его академическія рѣчи, некрологи, біографическіе очерки, юбилейныя справки, библіографическія замѣтки, рецензіи и т. д. Академическія рѣчи Грота посвящены Ломоносову, Карамзину, Крылову, Жуковскому, Батюшкову и Пушкину. Некрологи вызваны смертью К. И. Арсеньева, графа Блудова, князя Вяземскаго, Востокова, Пекарскаго, Плетнева, Срезневскаго, Шевырева и др. Изъ остальныхъ статей необходимо отмѣтить біографію Хемницера, замѣтки о сатирахъ и басняхъ Крылова, воспоминанія о Далѣ (съ приложеніемъ автобіографіи Даля), разборъ «Исторіи русской словесности» Галахова, разборъ поэмы Никитина «Кулакъ», статьи объ Академіи Наукъ и, наконецъ, статью: «Бѣлинскій и его мнимые послѣдователи». Статьи и замѣтки о Пушкинѣ напечатаны съ отдѣльной пагинаціей и подъ отдѣльнымъ заглавіемъ: «Пушкинъ, его лицейскіе товарищи и наставники». Статьи эти были напечатаны отдѣльной книгой въ «Сборникѣ II отдѣленія Академіи Наукъ» въ 1887 г., а второе ихъ изданіе съ дополненіями вышло въ 1899 г.

Статьи и замѣтки Грота представляютъ значительный интерссъ для лицъ, занимающихся изученіемъ русской литературы; но особенно выдающагося значенія литературные очерки покойнаго академика не имѣли и въ свое время, а въ настоящее время многое въ нихъ устарѣло. Самъ Гротъ сознавалъ, что въ его рѣчахъ мало новаго, и, предупреждая упреки подобнаго рода, въ одной изъ своихъ рѣчей счелъ нужнымъ сдѣлать такую оговорку: «Понятіе о новомъ и старомъ въ высшей степени относительное: то, что извѣстно и старо для одного, можетъ быть ново и любопытно для другого; къ тому же и цѣль чествованія состоитъ не въ томъ, чтобы сказать о дѣятелѣ много новаго, а чтобы возстановить истинный образъ его, оказать справедливость достойному, напомнить о его заслугахъ въ назиданіе потомству». Съ этой точки зрѣнія и нужно смотрѣть на большую часть очерковъ Грота. При этомъ нужно имѣть въ виду, что въ своихъ рѣчахъ и очеркахъ авторъ не всегда могъ удержаться въ границахъ должнаго безпристрастія и въ свои приговоры внесъ не мало субъективнаго. Такъ, напримѣръ, разбирая извѣстную книгу кн. Вяземскаго о Фонвизинѣ, Гротъ, игнорируя историческіе обзоры новой русской словесности, сдѣланные Бѣлинскимъ, въ 1848 г,

писалъ слѣдующее: «Были болѣе или менѣе основательныя сужденія о томъ или другомъ писателѣ, но такого общаго обзора нашей свѣтской литературы *никто* еще не представлялъ съ такимъ знаніемъ дѣла и съ такою свѣтлою проницательною мыслью!» (с. 92). Въ 1864 г. по поводу смерти Шевырева Гротъ писалъ: «Въ нашемъ немногочисленномъ до сихъ поръ ряду русскихъ критиковъ онъ (т.-е. Шевыревъ), конечно, одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ» (с. 351). Такого же черезчуръ высокаго мнѣнія Гротъ и относительно своего друга Плетнева, не только какъ человѣка, профессора и ректора, но и какъ критика и даже поэта. Подобнаго рода субъективныхъ взглядовъ довольно много въ III томѣ «Трудовъ» Грота.

Особенно характерна въ этомъ отношеніи статья: «Бѣлинскій и его мнимые послѣдователи». Напечатана была эта статья въ «С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ» 1861 года съ похвальной цѣлью защитить память знаменитаго критика отъ нападокъ Погодина. Сдѣлавъ цѣлый рядъ оговорокъ объ увлеченіяхъ, ошибкахъ, противорѣчіяхъ, многословіи и недостаточномъ образованіи Бѣлинскаго, Гротъ далъ такой отзывъ о его положительныхъ достоинствахъ: «Но ему (Бѣлинскому) никакъ нельзя отказать въ свѣтломъ и проницательномъ умѣ, который, при поверхностномъ его образованіи въ молодости, поражаетъ насъ разнообразіемъ пріобрѣтенныхъ имъ позже свѣдѣній и начитанности; нельзя отказать ему также въ искреннемъ сочувствіи всему великому и прекрасному и во врожденномъ эстетическомъ чутьѣ, которое руководило его очень вѣрно, когда онъ не былъ ослѣпленъ какимъ-нибудь предубѣжденіемъ. Ошибки его были замѣтны только самымъ образованнымъ читателямъ; критическій талантъ его, сопровождаемый большою независимостью мысли, смѣлостью и рѣзкостью сужденій, долженъ былъ доставить ему значительное вліяніе на массу». «Не раздѣляя всѣхъ мнѣній Бѣлинскаго, я, однако-жъ, нахожу,— говоритъ Гротъ въ другомъ мѣстѣ,—что изъ сказаннаго имъ многое безотносительно вѣрно и никогда не утратитъ своей цѣны, что онъ рѣшилъ окончательно многіе изъ тѣхъ вопросовъ, которыхъ касался» (сс. 355—6). Что касается послѣдователей Бѣлинскаго, то на нихъ Гротъ обрушился сорокъ лѣтъ тому назадъ съ цѣлымъ рядомъ упрековъ за неуваженіе къ памяти и мнѣніямъ великаго критика. «Теперь изданы его сочиненія,—писалъ Гротъ:— но многіе ли, не скажу изучили, а прочитали ихъ вполнѣ? Если бы наши молодые литераторы увлекались не однимъ именемъ его, а самыми трудами, то, конечно, нашелся бы кто-нибудь, кто подробно разсмотрѣлъ бы эти труды, показалъ бы намъ постепенное развитіе воззрѣній критика, извлекъ бы изъ нихъ основные его взгляды на искусство, на разные предметы, относящіеся къ литературѣ... кто-нибудь, однимъ словомъ, обработалъ бы подробную характеристику Бѣлинскаго, какъ писателя, составилъ бы сводъ его критическихъ мнѣній, изложилъ бы, наконецъ, его теорію искусства... Отчего же не явилось до сихъ поръ и малѣйшей попытки такого труда?» Требованія Грота вполнѣ основательны, но все-таки странно ихъ было читать въ началѣ 1861 г., когда еще не было окончено изданіе сочиненій Бѣлинскаго. Еще болѣе странно было читать приведенные выше упреки Грота въ статьѣ, написанной четырнадцать лѣтъ послѣ появленія книжки Милюкова: «Очеркъ исторіи русской поэзіи», гдѣ данъ сводъ мнѣній Бѣлинскаго, и пять лѣтъ спустя послѣ того, какъ появились не потерявшіе своего значенія и до настоящаго времени труды Чернышевскаго: его диссертація: «Эстетическія отношенія искусства къ дѣйствительности», представляющая теорію искусства, подъ многими положеніями которой Бѣлинскій подписался бы обѣими руками,—и статьи: «Очерки гоголевскаго періода русской литературы», въ которыхъ впервые были сдѣланы обзоръ и оцѣнка литературной дѣятельности «русскаго Лессинга». Удивленіе современнаго читателя усилится еще больше, когда онъ вспомнитъ, что въ 1861 году наиболѣе видными «мнимыми послѣдователями» знаменитаго критика были Добролюбовъ и

Чернышевскій. Нечего прибавлять, что защита Бѣлинскаго отъ такихъ учениковъ въ области критики въ настоящее время представляется не болѣе, какъ курьезомъ.

Многія статьи Грота, написанныя тридцать—сорокъ лѣтъ тому назадъ, конечно, не могли не устарѣть. Къ сожалѣнію, ни самъ авторъ при своей жизни не позаботился объ ихъ исправленіи, ни редакторъ посмертнаго изданія сочиненій Грота не снабдилъ большую часть напечатанныхъ статей соотвѣтствующими примѣчаніями. Устарѣлость нѣкоторыхъ очерковъ Грота и обиліе въ нихъ крайне субъективныхъ взглядовъ должны значительно ограничить кругъ читателей, которымъ можно рекомендовать III томъ «Трудовъ» покойнаго академика. Что касается лицъ, способныхъ критически отнестись къ фактамъ и сужденіямъ изъ области русской литературы, то они найдутъ въ книгѣ Грота много интереснаго и новаго. Въ числѣ достоинствъ отдѣльныхъ рѣчей и очерковъ Грота необходимо отмѣтить, что авторъ, будучи самъ въ нравственномъ отношеніи далеко незаурядной личностью, и въ своихъ статьяхъ усиленно подчеркиваетъ нравственныя достоинства русскихъ писателей, напримѣръ, Карамзина, Жуковскаго, Батюшкова, Плетнева. При этомъ Гроту иногда приходится быть не только панегиристомъ, но и апологетомъ, напримѣръ, по отношенію къ Ломоносову, Крылову и Пушкину. Но самымъ важнымъ достоинствомъ послѣдняго тома «Трудовъ» Грота является обиліе фактическаго матеріала, заимствованнаго изъ рукописныхъ источниковъ, изъ личныхъ сообщеній покойныхъ русскихъ дѣятелей, наконецъ, изъ собственныхъ воспоминаній автора, прожившаго болѣе восьмидесяти лѣтъ въ близкомъ соприкосновеніи съ выдающимися русскими людьми. Въ этомъ отношеніи особенный интересъ представляютъ статьи и замѣтки о Пушкинѣ. Здѣсь собраны интересныя данныя о лицеѣ и о лицейскихъ товарищахъ и наставникахъ Пушкина. Между прочимъ, здѣсь перепечатаны письма лицеиста Илличевскаго къ своему другу Фуссу съ интересными свѣдѣніями о жизни лицеистовъ, длинное письмо декабриста Пущина изъ Сибири къ бывшему директору лицея Энгельгардту, очень рѣзкая по отношенію къ лицейскимъ порядкамъ и явно пристрастная по отношенію къ Пушкину записка гр. Корфа, одного изъ лицеистовъ перваго выпуска, и т. д. Здѣсь же перепечатана цѣнная для справокъ «Хронологическая канва для біографіи Пушкина» съ новыми дополненіями.

Помимо интереснаго содержанія, приложенные къ книгѣ указатели личныхъ именъ, а также географическихъ и литературныхъ названій, дѣлаютъ ее въ высшей степени цѣннымъ справочнымъ изданіемъ. Цѣна книги, три рубля за восемьсотъ страницъ большого формата и убористаго шрифта, очень недорогая.

С. Ашевскій.

ИСТОРІЯ ВСЕОБЩАЯ.

Ѳ. Успенскій. «Исторія крестовыхъ походовъ».—*М. Карелинъ.* «Паденіе античнаго міросозерцанія».—*О. Тьерри.* «Исторія возникновенія и развитія третьяго сословія».

Ѳ. И. Успенскій. Исторія крестовыхъ походовъ. М. С. Карелинъ. Паденіе античнаго міросозерцанія. (Культурный кризисъ въ Римской Имперіи). Изд. 2-ое. Спб. 1901 г. Цѣна по 75 коп. выпускъ. Упомянутыя книги входятъ въ составъ предпринятаго акціонернымъ обществомъ «Брокгаузъ Ефронъ» изданія подъ общимъ заголовкомъ: «Исторія Европы по эпохамъ и странамъ въ средніе вѣка и новое время». Редакція изданія принадлежитъ проф. Н. И. Карѣеву и Н. В. Лучицкому; въ составленіи книжекъ примутъ участіе про-

фессора и приватъ-доценты русскихъ университетовъ. Перечисленныя имена лицъ, обѣщавшихъ изданію свое содѣйствіе,—въ числѣ которыхъ мы находимъ такихъ ученыхъ, какъ Г. Е. Аѳанасьевъ, В. И. Герье, И. М. Гревсъ, Н. И. Карѣевъ, М. М. Ковалевскій, И. В. Лучицкій, П. Н. Милюковъ, В. А. Мякотинъ, Е. В. Тарле и др.,—внушаютъ увѣренность и въ научной цѣнности работъ и въ талантливости изложенія. Изданіе будетъ распадаться на двѣ серіи по 20 книжекъ въ 10—12 листовъ въ каждой; серія историческихъ монографій по отдѣльнымъ эпохамъ и серія книжекъ, посвященныхъ исторіи отдѣльныхъ странъ. Ежегодно предполагается выпускать въ свѣтъ 8 по книжекъ въ порядкѣ поступленія ихъ въ редакцію.

Намѣреніе издателей обогатить русскую литературу по всеобщей исторіи общедоступными по изложенію и недорогими работами, принадлежащими каждая перу историка спеціалиста по той или другой народности или эпохѣ, заслуживаетъ, безъ сомнѣнія, полнаго сочувствія. Редакція заявляетъ, что «въ предполагаемыхъ книжкахъ на первый планъ будетъ выдвинута внутренняя, т.-е. культурная и соціально-политическая исторія и въ изложеніи будетъ устранено все, что можетъ имѣть интересъ только для спеціалистовъ». Первымъ выпускомъ въ указанномъ изданіи и является «Исторія крестовыхъ походовъ» Ѳ. И. Успенскаго. Въ русской исторической литературѣ нѣтъ ни одного оригинальнаго труда, посвященнаго этой темѣ. Правда, авторъ въ своемъ изложеніи, живомъ и интересномъ, не останавливается подробно на соціальныхъ факторахъ и культурныхъ слѣдствіяхъ крестовыхъ походовъ, однако, многое въ этомъ отношеніи онъ уясняетъ, оставаясь и на почвѣ чисто политическихъ отношеній. Признавая, что «главныя массы крестоносцевъ возбуждаемы были религіозными мотивами», авторъ показываетъ, какъ первоначальная цѣль походовъ отступала каждый разъ на задній планъ передъ интересами руководящихъ движеніемъ лицъ, приносилась въ жертву политическому и торговому соперничеству европейскихъ народовъ. И въ концѣ концовъ, вмѣсто возвращенія святыхъ мѣстъ христіанамъ, движеніе опрокинуло послѣдній оплотъ христіанства на Востокѣ,—политическое существованіе Византійской имперіи, и тѣмъ подготовило будущему несчастный восточный вопросъ, стоившій столькихъ жертвъ и обѣщающій ихъ не мало и впредь. Все это нагроможденіе ошибокъ, постыдныхъ сдѣлокъ, безурядицы и корыстныхъ побужденій, которое представляетъ собою изнанку блестящей, драматической и истинной стороны крестовыхъ походовъ, ярко выступаетъ въ изложеніи автора, работа котораго читается съ несомнѣннымъ интересомъ.

Книга покойнаго проф. М. С. Карелина: «Паденіе античнаго міросозерцанія» выходитъ уже вторымъ изданіемъ (1-ое изданіе О. Н. Поповой 1895 г.). И она вполнѣ этого заслуживаетъ: по словамъ проф. В. И. Герье, книга эта является «самымъ зрѣлымъ произведеніемъ Карелина». Въ талантливомъ и увлекательномъ изложеніи авторъ раскрываетъ въ ней передъ нами картину религіозно-нравственнаго переворота, пережитаго античнымъ обществомъ въ первые вѣка по Р. Хр. Старая римская религія, такъ много сдѣлавшая для укрѣпленія національно-государственнаго зданія съ тѣхъ поръ, какъ Римъ сталъ международной имперіей, не могла сохраниться въ прежней исключительности. Ея сухой символизмъ въ представленіи о богахъ и формализмъ въ культѣ только стѣсняли религіозное чувство, пробуждавшееся въ соприкосновеніи съ мистическими религіями Востока. Культурный ростъ личности выдвигалъ новыя нравственныя требованія отъ религіи, которыхъ старая вѣра не могла удовлетворить. Но съ другой стороны упадокъ старой религіи, подрываемой одинаковой и художественной миѳологіею—грековъ и таинственными культами Востока, повлекъ за собою разложеніе нравственныхъ основъ общества и семейныхъ связей. Потребность вѣры и нравственнаго обновленія, сознаваніе неудовле-

творительности культа и миѳологiи вызвали попытки религiозной реформы. Сознавая тѣсную связь между старой религiей и государственнымъ строемъ Рима, императоры, начиная съ августа, стремятся и не безъ временнаго успѣха, реставрировать старыя религiозныя формы. Серьезное значенiе прiобрѣтаетъ культъ самихъ императоровъ. Съ другой стороны, философы пытаются, въ лицѣ стоиковъ, подмѣнить религiозное ученiе, ученiемъ разума и долга, а въ лицѣ эпикурейцевъ—дать правила разумнаго пользованiя жизнью при полномъ отрицанiи прежнихъ религiозныхъ представленiй. Школы неоплатониковъ и пиѳагорейцевъ въ III вѣкѣ приближаются уже къ цѣлямъ христiанства: онѣ признаютъ божественное откровенiе главнымъ и единственнымъ источникомъ истиннаго познанiя, но полагаютъ, что только философiя даетъ средство понять это божественное откровенiе. Характеристика пророка неопиѳагорейскаго движенiя Аполлонiя Тiанскаго рисуетъ черты того моральнаго идеала, которымъ умиравшее язычество отвѣчало возвышающемуся христiанству. Обѣ эти школы объединили въ себѣ и религiозное и философское движенiе, имѣвшiя цѣлью возстановить и поддержать язычество. Но дѣло ихъ могло удовлетворять только исключительныя группы общества, массы шли за новымъ ученiемъ христiанства. «Показать безсилiе языческой реформы и выяснить причины побѣды новой религiи, по скольку онѣ заключались въ психологическихъ условiяхъ эпохи», такъ понималъ авторъ задачу своихъ очерковъ и выполнилъ ее съ большимъ успѣхомъ. «Карелинъ, по словамъ проф. Герье, объяснилъ причины торжества христiанства яснѣе и отчетливѣе любого историка церкви».

М. П—въ.

О. Тьерри. Исторiя возникновенiя и развитiя третьяго сословiя. Пер. съ франц. Изд. Ф. А. Iогансона. К.-Хар. 1901 г. Ц. I р. Рабочiе Сѣверо-Американскихъ Соединенныхъ Штатовъ, опираясь на свою сильную и широкую организацiю, нашли и съ успѣхомъ примѣняютъ хорошее средство для борьбы съ низко оплачиваемымъ, продолжительнымъ и, какъ общее правило, дающимъ недоброкачественные продукты трудомъ—т. н. лябель, ярлыкъ. Присутствiе такого ярлыка на товарѣ означаетъ, что товаръ изготовленъ рабочими, участвующими въ профессiональныхъ организацiяхъ,—признанiе, за которымъ скрывается и лучшая заработная плата, и меньшiй рабочiй день, и большая гигiеничность и вообще улучшенная работа труда, а слѣдовательно, и лучшее качество товара. Невольно вспомнишь объ этомъ, когда приходится сталкиваться съ такими явленiями на книжномъ рынкѣ, какъ Тьерри въ изданiи Iогансона. Классическiй трудъ европейски-извѣстнаго ученаго (отзывъ *о самомъ* трудѣ см. «М. Б.» мартъ 1900) слѣдовало бы издать много тщательнѣе, чѣмъ это вообще у насъ дѣлается. Между тѣмъ, настоящее изданiе можетъ вполнѣ служить образчикомъ *наиболѣе небрежнаго*, просто-таки неприличнаго изданiя. Чтобы разобрать мало-мальски обстоятельно его недостатки, потребовалось бы нѣсколько убористыхъ страницъ, и, право, затрудняешься, на что указывать и какiе примѣры брать—такъ ихъ много. 1) *Опечатки:* рѣдкая страница безъ нихъ; въ массѣ мелкихъ попадаются такiя, какъ «чумакъ вмѣсто «чужакъ», «вырожденiе» вмѣсто «возрожденiе» и т. д. 2) *Недосмотры:* въ русскомъ изданiи помѣщаются такiя примѣчанiя: 22) Voyez plus haut, p. 24 et Suiv 23) Le traité de Toyers, conclu en 1.420 avec Henri IV, roi d'Angleterre (ст. 99; въ томъ же духѣ, пр. 9, стр. 64, пр. 14, стр. 122, пр. 37, стр. 128); пр. 23 (стр. 154) рекомендуетъ: «см. приложенiе III», которое отсутствуетъ; Этьенъ Марсель превратился въ одномъ мѣстѣ въ Прево Марселя (стр. 56); примѣчанiя попутаны. 3) *Полное отсутствiе общей редакцiи*, сказывающееся въ разнообразiи передачи терминовъ, доходящемъ до геркулесовыхъ столбовъ: *cahier*, напр., передается четырьмя способами: cahier, кайе, наказъ, тетрадь (60, 131, 136, 208 и т. д.), а самое tiers état то третье, а то и сред-

нее сословіе! 4) *Самый переводъ*, за исключеніемъ немногихъ главъ и мѣстъ, непроходимое море галлицизмовъ и тяжелѣйшаго, мы сказали бы, специфически переводнаго русскаго слога... Вотъ образцы: «штатахъ, *послѣдовавшихъ* *) послѣ 1302 г... и причиной *которыхъ* (51 — *такихъ* только галлицизмовъ наберется не мало); «предположилъ себѣ подражать» (91); «одна», «двѣ», «три вещи»—пестрятъ повсюду; «духъ нововведенія... разразился... въ штатахъ» (53). «Такимъ-то образомъ онъ преобразовалъ въ финансахъ и торговлѣ *груду эмпирическихъ прогрессовъ въ глубоко раціональную систему*» (264). На стр. 391, пр. 70, вы узнаете, что былъ «чиновникъ, на обязанности коего лежалъ сборъ и *употребленіе* податей»; читая 378 стр., вы должны рѣшить вопросъ, что за личность «дофинъ Guiges XII» и т. д., и т. д.— на каждой почти страницѣ вы можете найти «образцы». Еще одинъ: «Кардиналъ Ришелье былъ, въ точномъ смыслѣ слова, менѣе министръ, чѣмъ лицо, облеченное всѣми королевскими полномочіями» (стр 225). Дальше приводить примѣры было бы утомительно и безцѣльно—все равно всего не исчерпаешь, ибо *половину* книги въ библіографическую замѣтку не вмѣстишь. Послѣднее указаніе: латинскіе тексты примѣчаній приводятся безъ перевода, попадаются итальянскіе и даже *старо-французскій*, довольно большой текстъ (380стр.)— все это въ *такомъ* видѣ никому ненужный балластъ. Въ заключеніе авторъ долженъ сказать, что не могъ одолѣть всей этой «книги» и прочиталъ только до приложеній, но и тамъ, при бѣгломъ просмотрѣ, оказывается все то же! Да, много есть соображеній противъ литературной конвенціи для Россіи, но тутъ кто не пожалѣетъ объ ея отсутствіи, ибо только на почвѣ свободы переводовъ могутъ произростать растенія, дающія такіе фрукты, какъ Тьерри въ изданіи Ф. А. Іогансона. *П.*

ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭКОНОМІЯ.

А. Мануиловъ. «Понятіе цѣнности по ученію экономистовъ». — *Т. Пеппинъ.* «Страна рабочихъ клубовъ».

А. Мануиловъ. Понятіе цѣнности по ученію экономистовъ классической школы. Москва. 1901. Экономическая система, развитая въ первой половинѣ XIX вѣка такъ называемыми «экономистами классической школы», взятая сама по себѣ, можетъ имѣть въ настоящее время лишь историческій интересъ. Какъ бы ни смотрѣть на то или иное отдѣльное ученіе, входящее въ составъ этой системы, во всякомъ случаѣ, даже самые горячіе поклонники ея не откажутся признать, что всѣмъ этимъ ученіямъ присуща нѣкоторая элементарность и, такъ сказать, первобытность экономическаго мышленія и что въ лучшемъ случаѣ они могутъ послужить лишь матеріаломъ для болѣе утонченныхъ и законченныхъ теоретическихъ построеній. Однако, къ этому историческому интересу классической школы, взятой an und für sich, присоединяется интересъ болѣе живой и насущный, благодаря тому обстоятельству, что вслѣдствіе особаго положенія классической школы, въ качествѣ родоначальницы теоретической экономической мысли, всякое новое направленіе должно встать въ опредѣленное отношеніе къ ученіямъ этой школы и въ значительной мѣрѣ характеризуется этимъ своимъ отношеніемъ. И историческая, и соціалистическая, и «австрійская» школы и— въ новѣйшее время—англо-американскій подвидъ послѣдней—всѣ онѣ вырабатывали и проявляли наиболѣе основныя черты своего экономическаго міросозерцанія путемъ критической Auseinandersetzung, какъ выражаются нѣмцы, съ

*) Курсивъ вездѣ нашъ.

ученіями классической школы. Мы были поэтому въ правѣ ожидать, что и историко-критическое изслѣдованіе г. Мануилова о «понятіи цѣнности по ученію экономистовъ классической школы» косвенно затронетъ основныя проблемы цѣнности, какъ онѣ представляются *современному* экономическому сознанію. Однако, отъ систематическаго выполненія этой задачи г. Мануиловъ уклоняется и стремится по возможности придать своему труду академически-чопорную сухость чистаго историко-догматическаго изслѣдованія. Вмѣстѣ съ тѣмъ и этотъ послѣдній характеръ работы не выдержанъ послѣдовательно: г. Мануиловъ хорошо сознаетъ, какими сторонами разсматриваемое имъ ученіе соприкасается съ научными интересами современности и по временамъ, такъ сказать, урывками останавливается именно на этихъ сторонахъ; объ этомъ свидѣтельствуетъ уже то, что свой историко критическій анализъ ученія о цѣнности классической школы онъ, съ формальной непослѣдовательностью, начинаетъ съ оцѣнки ученія о цѣнности «австрійской школы». Слѣдуя за авторомъ, мы позволимъ себѣ остановиться поподробнѣе на этой его оцѣнкѣ ученія австрійской школы. Прежде всего мы должны указать автору на одну грубую неточность, вкравшуюся въ его передачу опредѣленія понятія субъективной цѣнности у австрійскихъ экономистовъ. Г. Мануиловъ передаетъ это опредѣленіе слѣдующимъ образомъ: «Цѣнность въ субъективномъ смыслѣ есть то значеніе, которое имѣетъ какое-либо благо или совокупность благъ для благосостоянія даннаго субъекта» (с. 1). При такомъ опредѣленіи понятіе субъективной цѣнности цѣликомъ совпадаетъ съ понятіемъ полезности или потребительной цѣнности, и, напр., атмосферный воздухъ долженъ обладать большой субъективной цѣнностью, такъ какъ его значеніе для «благосостоянія субъекта», разумѣется, чрезвычайно велико. Между тѣмъ, центръ тяжести понятія субъективной цѣнности, по ученію австрійскихъ экономистовъ, лежитъ именно въ его отличіи отъ понятія простой полезности, такъ что субъективная цѣнность присуща только хозяйственнымъ, а не даровымъ благамъ. Эта послѣдняя особенность понятія субъективной цѣнности оттѣнена въ оффиціальномъ, обще-признанномъ среди разсматриваемаго направленія опредѣленіи этого понятія, данномъ основателемъ школы Менгеромъ. Его опредѣленіе гласитъ: «Цѣнность есть значеніе, которое имѣютъ для насъ отдѣльныя блага или группы благъ, благодаря тому, что мы *сознаемъ зависимость удовлетворенія нашихъ потребностей отъ обладанія ими*» (Grundsätze der Volkswirtschaftslehre, стр. 78). Такимъ образомъ, тамъ, гдѣ отсутствуетъ такая зависимость удовлетворенія потребностей отъ обладанія благами— напр., въ случаѣ даровыхъ благъ—отсутствуетъ и субъективная цѣнность, несмотря на то, что значеніе блага для благосостоянія субъекта можетъ быть очень велико.

Въ основу своего изложенія ученія о цѣнности австрійскихъ экономистовъ г. Мануиловъ кладетъ взгляды, развитые въ статьяхъ и книгѣ Бёмъ-Баверка. Бёмъ-Баверкъ, разумѣется, наиболѣе талантливый и авторитетный представитель этой школы, и работы его больше всего даютъ для уразумѣнія сущности ученія; за всѣмъ тѣмъ мы не можемъ не пожалѣть, что въ этомъ изложеніи г. Мануиловъ почти игнорируетъ другихъ представителей той же школы, и въ частности, что онъ не пользуется тѣмъ обоснованіемъ ученія о цѣнности на анализѣ понятія и природы хозяйства, которое дано Менгеромъ. Только въ связи съ этимъ анализомъ можетъ быть понято и правильно оцѣнено значеніе разсматриваемаго ученія, которое представляетъ собою, — какъ мы смѣемъ думать, вопреки г. Мануилову—крупный шагъ впередъ именно въ дѣлѣ *углубленія* экономическихъ понятій, независимо отъ мелкихъ ошибокъ и недосмотровъ въ объясненіи подробностей явленій цѣнности съ точки зрѣнія этихъ понятій; а именно на эти-то подробности обращаетъ главнымъ образомъ вниманіе Бёмъ-Баверкъ, а за нимъ и г. Мануиловъ, и благодаря этому, *духъ* ученія остается не вполнѣ ясно обрисованнымъ въ изложеніи г. Мануилова.

Въ своей критикѣ теоріи субъективной цѣнности г. Мануиловъ старается обнаружить двѣ ошибки, или, вѣрнѣе, два petitio principii, допущенныя этой теоріей. Первое изъ нихъ касается объясненія денежной цѣны товаровъ, второе — объясненія закона стоимости производства, съ точки зрѣнія ученія о предѣльной полезности. Намъ кажется, что въ обоихъ случаяхъ возможно оградить теорію субъективной цѣнности отъ взводимыхъ на нее г. Мануиловымъ обвиненій. Первое изъ этихъ обвиненій сводится къ слѣдующему. Теорія субъективной цѣнности не можетъ объяснить денежной цѣны товара, такъ какъ на почвѣ этой теоріи необъяснима цѣнность денегъ. Цѣна товара складывается путемъ сравненія субъективной цѣнности его съ субъективной цѣнностью денегъ. Но на чемъ основана эта послѣдняя? На томъ, что деньги служатъ мѣриломъ цѣнности товаровъ. Субъективная цѣнность денегъ опирается на возможность пріобрѣсти за деньги любой товаръ, т.-е., другими словами, на ихъ мѣновой цѣнности. Эта же послѣдняя, въ свою очередь, согласно разсматриваемой теоріи, предполагаетъ уже наличность субъективной цѣнности. Petitio principii, по мнѣнію г. Мануилова, налицо. Это возраженіе противъ теоріи субъективной цѣнности не ново. Оно выставлено было *Штольцманномъ* въ его книгѣ «Soziale Kategorie in der Volkswirtschaftslehre» (1896), а также въ статьѣ пишущаго эти строки «Психологическое направленіе въ теоріи цѣнности» («Русск. Бог.» 1898, № 8). Съ перваго взгляда это возраженіе кажется неотразимымъ, и во всякомъ случаѣ оно безусловно вѣрно по отношенію къ *современной формулировкѣ* вопроса въ трудахъ разсматриваемаго направленія. Тѣмъ не менѣе, болѣе глубокій анализъ приводитъ къ выводу, что проблема цѣнности денегъ, а слѣдовательно и денежной цѣны товаровъ, если и не разрѣшена ученіемъ о субъективной цѣнности, не представляетъ однако для него и заколдованнаго круга, а наоборотъ, можетъ быть разрѣшена, выходя изъ его посылокъ. Вопросъ можетъ быть такъ формулированъ: какимъ образомъ деньги, на основаніи той субъективной цѣнности, которая первоначально присуща имъ, какъ предмету потребленія (напр., въ качествѣ украшенія) становятся мѣриломъ цѣнности и пріобрѣтаютъ въ качествѣ таковаго субъективную цѣнность, основанную на этой функціи? Разрѣшеніе этого вопроса лежитъ въ анализѣ образованія коллективныхъ оцѣнокъ изъ индивидуальныхъ и сопровождающаго это образованіе процесса объективизаціи субъективныхъ цѣнностей. Мысль эта болѣе подробно намѣчена пишущимъ эти строки въ его книгѣ «Теорія цѣнности Маркса и ея значеніе» (стр. 358—361). Такимъ образомъ, если теорія субъективной цѣнности до сихъ поръ и не разрѣшила проблемы цѣнности денегъ, то это далеко не означаетъ, что она вообще не способна ея разрѣшить. Отбрасывать же теорію изъ-за того, что она еще не сдѣлала всего, что можетъ, не приходится. Въ частности же по отношенію къ данному вопросу трудовая теорія цѣнности находится не въ лучшемъ положеніи (на нашъ взглядъ, даже въ гораздо худшемъ). Проблемы цѣнности денегъ не разрѣшила до сихъ поръ и она, да и не можетъ разрѣшить по весьма простой причинѣ: цѣнность денегъ въ гораздо большей степени, чѣмъ цѣнность товаровъ, зависитъ отъ спроса и предложенія ихъ (количества обращающихся денегъ и спроса на нихъ для выполненія ихъ функцій въ товарномъ обращеніи), а трудовая теорія, какъ извѣстно, заранѣе отказывается отъ изученія этого фактора образованія цѣнъ.

Второе обвиненіе г. Мануилова кажется намъ еще гораздо менѣе основательнымъ, нежели первое, и устранимымъ и при теперешней формулировкѣ ученія о предѣльной полезности. Рѣчь идетъ именно объ отношеніи между субъективной цѣнностью благъ и закономъ стоимости производства. Какъ извѣстно, теорія предѣльной полезности выставила положеніе, что цѣнность предметовъ потребленія не опредѣляется цѣнностью затраченныхъ на нихъ средствъ производства, а наоборотъ, сама опредѣляетъ послѣднюю. Хотя конкретно

дѣло и обстоитъ такъ, что цѣнность благъ зависитъ отъ цѣнности средствъ производства, но эта послѣдняя, въ свою очередь, зависитъ отъ цѣнности наименѣе полезнаго изъ создаваемыхъ данными средствами продуктовъ, такъ какъ пожертвованіе опредѣленнымъ средствомъ производства означаетъ пожертвованіе этимъ продуктомъ, а потому высота этого пожертвованія опредѣляется цѣнностью жертвуемаго наименѣе полезнаго продукта. Г. Мануиловъ задаетъ вопросъ: отчего же зависитъ эта послѣдняя цѣнность? Согласно общему взгляду ученія, цѣнность, основанная на предѣльной полезности, зависитъ отъ отношенія между количествомъ наличныхъ благъ и потребностью въ нихъ. Но отчего зависитъ, въ свою очередь, это количество? Отъ количества труда, затраченнаго на производство этихъ благъ. Но это количество труда само, по мнѣнію г. Мануилова, отъ предѣльной полезности создаваемаго продукта не зависитъ, такъ какъ, наоборотъ, послѣдняя сама опредѣляется количествомъ этого продукта и слѣд. количествомъ затраченнаго на него труда. Такимъ образомъ г. Мануиловъ полагаетъ, что теорія предѣльной полезности не нашла окончательныхъ факторовъ цѣнности, такъ какъ съ ея точки зрѣнія необъяснимы причины, опредѣляющія количество наличныхъ благъ.

При болѣе внимательномъ изученіи разбираемаго ученія г. Мануиловъ могъ бы однако найти въ трудахъ представителей этого ученія (напр., у того же Бёмъ-Баверка), готовый отвѣтъ на вопросъ, представляющійся ему неразрѣшимымъ. Дѣло объясняется довольно просто. *Общее* количество благъ, создаваемыхъ однимъ общимъ средствомъ производства (такъ называемыхъ «родственныхъ по производству благъ», по отношенію къ которымъ только и имѣетъ мѣсто такой стоимости производства) опредѣляется количествомъ имѣющихся въ распоряженіи хозяйства средствъ производства (напр., количество земли и труда въ распоряженіи общества опредѣляетъ общую сумму благъ, которую способно создать это общество). Какъ же распредѣляется эта сумма на отдѣльныя блага? Она распредѣляется такъ, чтобы послѣдніе экземпляры благъ каждаго сорта обладали одинаковой предѣльной полезностью, такъ какъ въ противномъ случаѣ было бы выгодно производить большее количество одного сорта (болѣе цѣннаго) и меньшее—другого (менѣе цѣннаго). Такимъ образомъ, количество наличныхъ благъ опредѣляется ихъ предѣльной полезностью, которая является верховнымъ руководителемъ всѣхъ хозяйственныхъ дѣйствій, и законъ совпаденія цѣнности со стоимостью производства пріобрѣтаетъ здѣсь болѣе глубокое обоснованіе *).

Приведенными двумя возраженіями и исчерпывается критика г. Мануилова. Какъ видимъ, критика эта не можетъ считаться безупречной и доказательной. Зато г. Мануиловъ совсѣмъ не воспользовался чрезвычайно интересной и глубокой критикой ученія о субъективной цѣнности, содержащейся въ указанной уже нами работѣ Штольцмана, съ которой г. Мануиловъ знакомъ, а также съ серьезными аргументами Коморжинскаго въ его книгѣ «Der Wert in der isolierten Wirtschaft» (Wien 1889), которую г. Мануиловъ, повидимому, не знаетъ. При наличности этихъ работъ странно слышать мнѣніе г. Мануилова, будто «лучшее, что было высказано по этому предмету, принадлежитъ Бонару» (стр. 17), который, какъ это видно уже изъ того, что сообщаетъ о содержаніи его работъ самъ г. Мануиловъ, не пошелъ дальше тривіальныхъ и плоскихъ упре-

---

*) Въ рецензіи, къ сожалѣнію, немыслимо изложить рѣшеніе проблемы съ тою степенью подробности, которую требуетъ уясненіе сравнительно сложной цѣпи силлогизмовъ, въ которой устанавливается взаимная зависимость элементовъ разсматриваемаго отношенія. Мы принуждены поэтому снова отослать интересующагося читателя къ нашей книгѣ о «Теоріи цѣнности Маркса», въ которой соотвѣтствующая часть ученія австрійской школы изложена на стр. 209—214.

ковъ австрійской школѣ въ томъ, что она «слишкомъ легко превращаетъ экономическое разсужденіе въ психологическое» и «скорѣе опредѣляетъ цѣнность, чѣмъ изъясняетъ ее» (какъ будто въ правильномъ синтетическомъ опредѣленіи не содержится объясненіе).

Мы позволили себѣ остановиться такъ долго на одной первой главѣ труда г. Мануилова, не имѣющей прямого отношенія къ основной темѣ этого труда, выраженной въ ея заглавіи, именно потому, что эта глава есть единственная часть труда, имѣющая общій, жизненный интересъ, интересъ теоретическаго, а не историко-догматическаго изслѣдованія. Все остальное въ книгѣ г. Мануилова представляетъ интересъ развѣ только для узкаго спеціалиста, вниманіе котораго могутъ привлечь даже самые мелкіе и не имѣющіе серьезнаго научнаго значенія оттѣнки и варіаціи давно знакомыхъ мыслей какъ у излагаемыхъ авторомъ писателей, такъ и у самого автора. Содержаніе труда г. Мануилова не есть даже изслѣдованіе «понятія цѣнности по ученію экономистовъ классической школы», такъ какъ не изслѣдуется ни одна теорія цѣнности, кромѣ трудовой, и эта послѣдняя только въ трудахъ англійскихъ экономистовъ, такъ что заглавіе книги должно было бы гласить: «понятіе *трудовой* цѣнности по ученію *англійскихъ* экономистовъ классической школы».

Вмѣстѣ съ тѣмъ книга г. Мануилова не есть и изслѣдованіе по исторіи политической экономіи, такъ какъ разсмотрѣніе *процесса развитія* понятія трудовой цѣнности совершенно не входитъ въ задачи работы: авторъ излагаетъ взгляды различныхъ, иногда мало извѣстныхъ, писателей только тогда и въ той мѣрѣ, когда и поскольку они нужны ему для его догматическаго изслѣдованія понятія трудовой цѣнности у англійскихъ классиковъ. Основная мысль автора, обосновываемая имъ на детальнѣйшемъ, подчасъ чисто экзегетическомъ толкованіи трудовъ англійскихъ классиковъ (такъ напр., цѣлыхъ четыре объемистыхъ страницы посвящены чисто грамматической интерпретаціи шести строкъ «Богатства народовъ» Ад. Смита) сводится къ тому, что классическое ученіе о трудовой цѣнности, въ наиболѣе чистомъ видѣ развитое въ системѣ Рикардо, заключается не въ абстрактномъ признаніи труда *основой* цѣнности, а лишь въ признаніи затраты труда моментомъ, опредѣляющимъ высоту мѣновой цѣнности товаровъ при наличности извѣстныхъ гипотетическихъ условій, въ значительной мѣрѣ соотвѣтствующихъ особенностямъ современнаго экономическаго строя. Г. Мануиловъ полагаетъ, что при такой формулировкѣ мысль англійскихъ классиковъ до сихъ поръ не опровергнута и могла бы послужить основой для правильной теоріи цѣнности.

Что касается, прежде всего, самой характеристики трудовой теоріи цѣнности классиковъ, то она представляется намъ чрезвычайно односторонней. У классиковъ именно борются между собой *два* представленія о трудовой цѣнности: одно—считающее трудъ абстрактной основой цѣнности, другое—считающее его конкретнымъ опредѣлителемъ или мѣриломъ мѣновой цѣнности (мѣнового отношенія), и если Рикардо представилъ наиболѣе ясный образецъ второго пониманія трудовой цѣнности, то онъ же и его прямой ученикъ Макъ-Кельлохъ болѣе другихъ подчеркивали и первое пониманіе, что сказалось въ установленіи ими понятія абсолютной трудовой цѣнности. Этого не отрицаетъ и г. Мануиловъ, довольно подробно останавливающійся на борьбѣ этихъ двухъ взглядовъ. Если онъ тѣмъ не менѣе считаетъ второй взглядъ наиболѣе характернымъ, въ частности для Рикардо, то этотъ выводъ можетъ быть признанъ весьма правдоподобнымъ (правдоподобнымъ, а не несомнѣннымъ, потому что несистематичность и неотдѣланность изложенія у Рикардо должна неизбѣжно вести къ нескончаемымъ пререкаціямъ относительно сравнительной важности противорѣчащихъ другъ другу оттѣнковъ его мысли), но именно при категоричномъ признаніи наличности у Рикардо и противоположнаго взгляда.

Зато мы должны рѣшительно протестовать противъ того *значенія*, которое г. Мануиловъ придаетъ этому найденному имъ у англійскихъ классиковъ и очищенному отъ постороннихъ примѣсей пониманію трудовой цѣнности. Прежде всего пониманіе это невѣрно, такъ какъ гипотетическія условія, необходимыя для осуществленія обмѣна пропорціонально труду, *не имѣютъ мѣста* въ современномъ обществѣ, какъ это видно уже изъ поставленной Марксомъ (но не разрѣшенной имъ) знаменитой «сфинксовой загадки», указывающей на непримиримость обмѣна пропорціонально затратѣ труда съ стремленіемъ капиталовъ къ равному уровню прибыли. Но даже будь это пониманіе вѣрно, оно имѣло бы очень второстепенное значеніе и представляло бы лишь первое обобщеніе экономическихъ явленій, неспособное удовлетворить современной постановкѣ проблемы цѣнности. Теоретическая мысль здѣсь, какъ и повсюду, въ своемъ развитіи стремится выйти за предѣлы изслѣдованія конкретной, эмпирической зависимости между изучаемыми явленіями и замѣнить его изслѣдованіемъ абстрактной, внутренней зависимости, представленіе о которой пріобрѣтается анализомъ *основъ* явленій, другими словами—анализомъ понятій. Вотъ почему и позднѣйшіе приверженцы трудовой цѣнности—напр., Марксъ и Родбертусъ—и представители теоріи предѣльной полезности стремятся прежде всего разрѣшить вопросъ: «что такое сама цѣнность? что является ея основой?», и только удовлетворительный отвѣтъ на *этотъ* вопросъ можетъ послужить началомъ правильной теоріи цѣнности, соотвѣтствующей современнымъ требованіямъ, предъявляемымъ къ ней. Представленія классиковъ въ этомъ отношеніи не даютъ почти ничего, и видѣть вѣчное въ ихъ ученіи въ томъ именно представленіи, которое основано на игнорированіи этого вопроса, какъ это дѣлаетъ г. Мануиловъ, значитъ совершенно не понимать современныхъ требованій теоретическаго сознанія. Затрагивать такъ много труда и учености, тревожить столько почтенныхъ тѣней для того, чтобы осчастливить науку ни къ чему не нужнымъ въ настоящее время и къ тому же невѣрнымъ трюизмомъ о конкретной зависимости между затратой труда и мѣновой цѣнностью товаровъ—положительно не стоило.

Отмѣтимъ еще, что г. Мануилову, повидимому, неизвѣстенъ лучшій критическій анализъ теоретическихъ идей англійскихъ классиковъ, именно трудъ *Кэннана* (Cannan): «History of the theories of production and distribution in English political Economy» (London 1893). *С. Франкъ.*

Т. С. Пеппинъ. Страна рабочихъ клубовъ. Пер. съ англійскаго съ предисловіемъ И. Озерова. Изд. В. Линдъ и Д. Байкова. 1900 г. Ц. 50 к. Русскаго читателя настоящая книжка удовлетворитъ, быть можетъ, не вполнѣ. Со всякими развлеченіями въ пользу рабочихъ мы привыкли связывать на первомъ планѣ извѣстныя идеалистическія цѣли—увеличеніе ихъ образованности, поднятіе ихъ нравственнаго уровня и пр. И выставленная въ сочиненіи г. Пеппина цѣль рабочихъ клубовъ, простое рѣшеніе проблеммы объ употребленіи рабочими времени своего досуга, такъ, чтобы они получали «чистый и простой отдыхъ», представляется, съ нашей, русской, точки зрѣнія, слишкомъ узкою и мало возвышенною. Легко понять причину такого отношенія. Нашъ рабочій прежде и раньше всего требуетъ извѣстнаго развитія, чтобы вполнѣ пріобщиться къ культурнымъ удовольствіямъ, и вопросъ объ этомъ развитіи долженъ выступать поэтому у насъ на первый планъ.

Но точка зрѣнія Пеппина не теряетъ отъ этого для насъ интереса, такъ какъ показываетъ возможный лишь въ культурной странѣ взглядъ на рабочихъ, какъ на вполнѣ сложившихся, достататочно интеллигентныхъ личностей, для которыхъ на первой очереди можетъ стоять вопросъ о веселомъ и здоровомъ времепрепровожденіи. Это не исключаетъ, конечно, и стремленія къ болѣе высокой цѣли со стороны вожаковъ клубнаго движенія, но цѣль эта сама вы-

текаетъ изъ всей клубной обстановки, какъ она сложилась, а не подчиняетъ ее себѣ, не стоитъ на первомъ планѣ. Цѣль эта—«воспитать людей для тѣхъ дѣйствій, которыя входятъ въ кругъ дѣятельности политическихъ лигъ, трэдъ-юніоновъ, а также для исполненія общихъ обязанностей гражданина. Въ свободные часы человѣкъ образуетъ свой умъ, свое сужденіе и свою совѣсть. Пока эти свободные часы проводились имъ въ пивныхъ, онъ былъ подверженъ вліяніямъ *отрицательнымъ* по отношенію къ указанному высшему воспитанію. Въ клубѣ, въ сравненіи съ пивной, воспитаніе гражданина будетъ происходить въ болѣе благопріятномъ направленіи и, если такъ, то клубное движеніе является весьма цѣннымъ для націи въ широкомъ смыслѣ».

Если, такимъ образомъ, конечная цѣль рабочихъ клубовъ въ Англіи весьма высока и благородна, то практически средства достиженія не идутъ дальше устраненія специфически-неблагопріятныхъ, кабацкихъ условій. Изъ описанія клубовъ мы видимъ, что члены ихъ получаютъ въ нихъ дешевый и хорошій обѣдъ, проводятъ время безъ стѣсненій по части употребленія спиртныхъ напитковъ, оживленно играютъ въ билліардъ и карты, слушаютъ лекціи и чтенія, имѣютъ подъ рукою недурныя библіотеки, которыми, впрочемъ, мало пользуются, ограничиваясь газетами. («Нечего удивляться тому, что человѣкъ, послѣ длинной, нерѣдко утомительной дневной работы, предпочитаетъ спокойный разговоръ съ друзьями или партію на билліардѣ размышленію надъ сухою и часто дурно напечатанною книгою»).

Матеріальный и культурный успѣхъ рабочихъ клубовъ въ Англіи объясняется общимъ фономъ ея жизни и демократической системою ихъ управленія, тѣсно связывающей ихъ членовъ на почвѣ общихъ, выдвигающихся изъ узкаго круга дневныхъ занятій интересовъ. Послѣднее обстоятельство даетъ ключъ къ пониманію и того, почему несмотря на преслѣдуемыя ими простыя, матеріальныя цѣли, они, на ряду съ другого типа общественными союзами, являются крайне важными и полезными въ жизни страны учрежденіями.

Естественно поставить вопросъ, могли ли бы рабочіе клубы имѣть шансы развитія у насъ. Отвѣтъ на это, вѣроятно, долженъ быть утвердительный, съ указаніемъ, однако, на то, что у насъ гораздо больше долженъ быть выдвинутъ, на основаніи сказаннаго выше, образовательный элементъ. Не развивая этой темы, укажемъ на высказанный въ русскомъ предисловіи по этому вопросу отвѣтъ, который нельзя не признать узкимъ. Г. Озеровъ прежде всего суживаетъ задачу такихъ клубовъ въ Россіи до борьбы съ кабакомъ (тогда какъ у насъ ее, несомнѣнно, надо поставить шире) и обращаетъ, съ надеждою свой взоръ на циркуляры министерства финансовъ по главному управленію неокладныхъ сборовъ объ устройствѣ чайныхъ, которыя должны «представлять собою нѣчто въ родѣ народныхъ клубовъ, съ тѣмъ лишь, что для потребленія здѣсь могутъ быть напитки только не хмѣльные». Первоначально и англійскіе клубы основаны были для борьбы съ пьянствомъ и не держали у себя спиртныхъ напитковъ; но «рабочіе не стремились поступать въ клубъ воздержанія или, если и поступали туда, то уходили изъ состава членовъ, когда клубъ терялъ характеръ новизны. Ограничительныя продажи возбуждающихъ напитковъ были, поэтому, отмѣнены, и клубное движеніе пріобрѣло крѣпость и жизненность». Теперь пьянство въ англійскихъ клубахъ встрѣчаетъ препятствіе лишь въ чувствѣ достоинства членовъ и въ имѣющихся въ уставахъ мѣрахъ противъ злоупотребляющихъ спиртными напитками лицъ.

Б. В.

ЕСТЕСТВОЗНАНІЕ.

«Труды прѣсноводной біологической станціи». — «Энтомологическій календарь для садоводовъ».—«Почвовѣдѣніе. Періодическое изданіе».—*В. А. Короваевъ.* «Поѣздка на островъ Яву».

Труды прѣсноводной біологической станціи Императорскаго С.-Петербургскаго Общества Естествоиспытателей. Томъ I. С.-Петербургъ. 1901 г. Цѣна 3 р. (Вырученная отъ продажи сумма цѣликомъ поступаетъ въ капиталъ станціи). На обложкѣ изящной и превосходно изданной книги мы видимъ рисунокъ какого-то внушительнаго зданія, надъ которымъ развѣвается флагъ. Это Бологовская біологическая станція, устроенная нашими извѣстными учеными, проф. И. П. Бородинымъ и академикомъ Воронинымъ. Въ книгѣ, о которой мы здѣсь говоримъ, сначала излагается подробно исторія возникновенія станціи и ея современное положеніе, а затѣмъ напечатанъ десятокъ изслѣдованій по флорѣ, фаунѣ, анализу воды и описанію различныхъ особенностей Бологовскаго озера.

Мѣстность, избранная для основанія прѣсноводной станціи, во многихъ отношеніяхъ представляется весьма удобной—прекрасное сообщеніе съ обѣими столицами, близость станцій ж. д., наконецъ, богатство флоры и фауны Бологовскаго озера. Бологовская, или какъ можно ее назвать Бородинская станція, такъ какъ она обязана своимъ существованіемъ, главнымъ образомъ, энергіи проф. И. П. Бородина, не является первой въ Россіи, но во всякомъ случаѣ занимаетъ теперь одно изъ самыхъ первыхъ мѣстъ по своему научному значенію и тѣмъ удобствамъ, которыя она можетъ предоставить молодымъ ученымъ. Многіе ученые, и преимущественно молодые, уже воспользовались услугами станціи и работали на ней болѣе или менѣе продолжительное время. Больше всѣхъ поработалъ, кажется, Л. А. Ивановъ, большая и интересная статья котораго подъ заглавіемъ «Наблюденія надъ водной растительностью озерной области» помѣщена въ разсматриваемой книгѣ. Послѣ подробнаго физико-географическаго очерка озера, Л. Ивановъ описываетъ распредѣленіе растительности въ озерѣ, а затѣмъ даетъ списокъ 438 видовъ водорослей, встрѣчающихся въ озерѣ, описываетъ новые виды и въ заключеніе говоритъ о формаціяхъ водорослей. Эта статья представляетъ интересъ для очень широкаго круга читателей и представляетъ весьма цѣнный трудъ.

Кромѣ Л. А. Иванова, на станціи работали еще многіе молодые ботаники и зоологи. Въ разсматриваемой книжкѣ помѣщены еще статьи В. Н. Любименко, В. Траншеля, д-ра Э. Цикендрота, С. Аверинцева, А. Липко, В. Плотникова, Н. Холодковскаго, Л. Михайлова, Т. Кучерова и Н. Апащикова, большей частію съ рисунками или картами. Особенной полнотой отличаются списокъ грибовъ, составленный В. Э. Траншелемъ, и списокъ простѣйшихъ животныхъ, составленный г. Аверинцевымъ.

Пожелаемъ въ заключеніе возможно широкаго распространенія «Трудамъ» станціи—это будетъ способствовать вмѣстѣ съ тѣмъ и поднятію еще необезпеченнаго матеріальнаго положенія станціи, такъ какъ вся вырученная отъ продажи сумма поступаетъ цѣликомъ въ капиталъ станціи. *Б. Федченко.*

Энтомологическій календарь для садоводовъ. Составилъ С. А. Мокржецкій, энтомологъ таврическаго земства. Изданіе Таврической губернской земской управы. Симферополь. 1900. Цѣна 20 к. Таврическое земство давно уже извѣстно своей широкой и разносторонней дѣятельностью на пользу мѣстному населенію. Такъ, между прочимъ, въ таврическомъ земствѣ имѣется естественно-историческій музей, имѣется и должность губернскаго энтомолога, каковымъ въ настоящее время состоитъ г. Мокржецкій. Имѣя въ виду, что одна

изъ главныхъ богатствъ Крыма—плодовые сады, г. Мокржецкій обратилъ особое вниманіе на борьбу съ вредными насѣкомыми, нападающими на плодовыя деревья. Чтобы дать возможность хозяевамъ своевременно примѣнять необходимыя мѣры, онъ сталъ съ 1899 г. ежемѣсячно печатать въ «Запискахъ» Симферопольскаго Отдѣла Общ. Садов. и «Листкѣ» объявленій таврическаго земства свой календарь для садоводовъ. Этотъ «Календарь» содержитъ дѣйствительно массу полезнѣйшихъ свѣдѣній, необходимыхъ для всякаго южно-русскаго садовода, и потому, по постановленію таврическаго губернскаго собранія, былъ изданъ отдѣльной брошюрой, для раздачи крестьянскому населенію.

Издана книжка довольно опрятно, только опечатокъ въ ней, къ сожалѣнію, много.

Б. Федченко.

Почвовѣдѣніе. Періодическое изданіе почвенной комиссіи Императорскаго Вольнаго Экономическаго Общества, подъ редакціей П. В. Отоцкаго. Годъ третій. Подписная цѣна 5 р. въ годъ, съ пересылкой и доставкой. Въ послѣднее время у насъ начинаютъ появляться научныя періодическія изданія, посвященныя какой-либо одной отрасли науки, тогда какъ раньше старались въ одну и ту же книжку какихъ-нибудь «Записокъ» или «Извѣстій» помѣстить статьи самаго разнообразнаго содержанія. Упомянемъ «Этнографическое обозрѣніе», «Землевѣдѣніе», журналы уже нѣсколько лѣтъ выходящіе въ Москвѣ. Къ числу такихъ же спеціальныхъ журналовъ относится и «Почвовѣдѣніе», издаваемое почвенной комиссіей Вольнаго Экономическаго Общества, при содѣйствіи редакціоннаго комитета изъ двѣнадцати спеціалистовъ по почвовѣдѣнію и соприкасающимся наукамъ, подъ общей редакціей секретаря комиссіи П. В. Отоцкаго.

«Почвовѣдѣніе» вступило въ третій годъ существованія и можно надѣяться, что дальнѣйшая судьба его благодаря нѣкоторой поддержкѣ министерства земледѣлія, болѣе или менѣе обезпечена.

Внѣшность изданія чрезвычайно изящная, обложка, бумага, печать—все это почти безукоризненно и производитъ весьма благопріятное впечатлѣніе. Обращаясь къ содержанію журнала, скажемъ прежде всего, что книжка распадается обыкновенно на три отдѣла — оригинальныя статьи, библіографія и хроника. Въ отдѣлѣ оригинальныхъ статей помѣщались и помѣщаются статьи русскихъ почвовѣдовъ, преимущественно Докучаевской школы. Всѣ эти статьи написаны по русски, нѣкоторыя изъ нихъ снабжены нѣмецкими резюме. Въ послѣдней (январьской 1901 г.) книжкѣ помѣщена также и статья нѣмецкаго проф. Э. Раммана «О почвенноклиматическихъ зонахъ Европы», причемъ кромѣ русскаго перевода, почему-то напечатанъ тутъ же и нѣмецкій оригиналъ. Изъ другихъ оригинальныхъ статей послѣдней книжки журнала остановимся еще на интересной замѣткѣ Г. И. Танфильева, разсказывающей о произведенномъ имъ опытѣ переноса небольшого участка степи въ С.-Петербургъ, именно въ Императорскій ботаническій садъ.

Въ первомъ же отдѣлѣ журнала помѣщаются время отъ времени и критическія замѣтки—такъ напр. разборъ работъ г. Фирсова, сдѣланный проф. Глинкой. Можно было бы посовѣтовать только нѣсколько болѣе спокойный тонъ для критическихъ статей по вопросамъ столь сложнымъ и запутаннымъ, каковыми являются вопросы почвовѣдѣнія.

Второй отдѣлъ журнала посвященъ библіографіи, причемъ вновь появившіяся работы по почвовѣдѣнію, русскія и иностранныя, отчасти подробно реферируются, отчасти же только перечисляются.

Въ отдѣлѣ хроники журналъ знакомитъ читателя со всѣми болѣе выдающимися фактами, такъ или иначе касающимися почвовѣдѣнія. Здѣсь мы находимъ некрологи нѣсколькихъ русскихъ ученыхъ, занимавшихся почвовѣдѣніемъ. Такъ, въ послѣдней книжкѣ журнала помѣщены некрологи (съ портретами) академика

С. И. Коржинскаго и Н. М. Сибирцева; затѣмъ, тутъ же помѣщены статьи о дѣятельности различныхъ учрежденій, имѣющихъ соприкосновеніе съ почвовѣдѣніемъ—въ особенности же почвенной комиссіи. *Б. Федченко.*

В. А. Короваевъ. Поѣздка на островъ Яву. (Впечатлѣнія натуралиста). Кіевъ. 1900. Цѣна 2 р. Роскошный тропическій міръ манитъ всякаго натуралиста, а островъ Ява совмѣщаетъ въ себѣ со всѣми чудесами тропической природы еще очень важныя удобства—возможность работать въ хорошихъ лабораторіяхъ, и изучать природу не только дикую, но и въ благоустроенномъ ботаническомъ саду. Съ каждымъ годомъ все больше и больше ученыхъ получаютъ возможность попасть на Яву, отчасти благодаря правительственнымъ субсидіямъ, которыя для этой цѣли устроены въ нѣкоторыхъ государствахъ. Большею частью, ученые, побывавшіе на Явѣ, не ограничиваются описаніемъ однихъ лишь научныхъ результатовъ путешествія, а дѣлятся и съ большой публикой своими впечатлѣніями, въ той или иной формѣ. За это конечно, нельзя не быть благодарнымъ путешественникамъ.

Въ своей книгѣ г. Короваевъ вкратцѣ описываетъ свой переѣздъ отъ Одессы до Цейлона, Сингапура и Явы, а затѣмъ подробно останавливается на описаніи природы и населенія Явы, какъ болѣе низкихъ ея областей, такъ и горной части ея. Въ общемъ, книга хорошо знакомитъ съ природой и жителями Явы и читается довольно легко. Приложены великолѣпныя фототипіи съ видами первобытнаго лѣса Явы и нѣкоторыхъ частей ботаническаго сада Бейтензорга; большая часть этихъ фототипій заимствована изъ великолѣпнаго альбома in folio видовъ Бейтензорга. *Б. Федченко.*

МЕДИЦИНА И ГИГІЕНА.

Левъ Бертенсонъ. «Лѣчебныя воды, грязи и морскія купанія въ Россіи и за границей».—*С. Розе.* «Уходъ за зубами и полостью рта».—*Н. Ментинъ.* «Курсъ формакогнозіи».—*Ф. Штёръ.* «Учебникъ гистологіи».—*В. Никитинъ.* «Очеркъ частной террапіи».

Левъ Бертенсонъ. Лѣчебныя воды, грязи и морскія купанья въ Россіи и заграницей. Классификація, химическій составъ, дѣйствіе и показанія къ употребленію. Путеводитель по лѣчебнымъ мѣстностямъ. 4-е совершенно переработанное и значительно дополненное изданіе. Спб. 1901 г. Изд. К. Л. Риккера. Ц. 6 р. 80 коп.

Уже одно появленіе книги 4-мъ изданіемъ показываетъ, что въ такого рода научно-справочномъ изданіи существуетъ большая потребность. Въ настоящемъ своемъ изданіи книга совершенне переработана, а многія главы, какъ «литіевыя воды», «мышьяковистыя воды», «песочныя ванны», «лѣченіе болѣзней сердца и сосудовъ» и другія появляются впервые.

Физіотерапія, т.-е. лѣченіе болѣзней физическими средствами, пріобрѣтаетъ все больше и больше сторонниковъ среди врачей и вмѣстѣ съ тѣмъ справедливо пользуется довѣріемъ и у публики. На протяженіи второй половины XIX вѣка у насъ прилагались усилія для распространенія убѣжденія о пользѣ лѣченія минеральными водами и въ этомъ направленіи много сдѣлали такіе талантливые клиницисты и преподаватели, какъ покойные Э. Э. Эйхвальдъ, Г. А. Захарьинъ и др. Изъ ихъ школъ выходили врачи, воочію убѣждавшіеся въ пользѣ минеральныхъ водъ и содѣйствовавшіе успѣху разныхъ водъ, грязей и т. д. и у публики. Далѣе, въ виду обилія у насъ разнаго рода минеральныхъ богатствъ, источниковъ и т. п., вопросъ о минеральныхъ водахъ, о благоустроенныхъ курортахъ имѣетъ особенное значеніе въ Россіи. Въ послѣднее

время дѣлаются попытки для улучшенія нашихъ курортовъ, но имъ еще далеко до любого, даже не прославившагося европейскаго курорта.

Книга д-ра Бертенсона предназначается прежде всего для врачей и, конечно, всецѣло для нихъ написана вся первая часть книги, посвященная оцѣнкѣ всякаго рода водъ, лѣчебныхъ грязей, морскихъ купаній, показаніямъ и противопоказаніямъ къ назначенію ихъ. Вторая часть—путеводитель по всѣмъ этимъ мѣстамъ—имѣетъ большой интересъ и для широкой публики, желающей лично нѣсколько разобраться въ вопросѣ о томъ, гдѣ и какъ лучше поправлять свое разстроенное здоровье. Эта вторая, педантически составленная часть, даетъ драгоцѣнныя свѣдѣнія о всякомъ источникѣ, о всякомъ мѣстѣ, гдѣ примѣняется тотъ или другой физическій способъ лѣченія. Такъ какъ путеводитель имѣлъ въ виду тѣ мѣста, гдѣ имѣются какіе-либо источники или гдѣ существуютъ морскія купанья, то собственно климатическія станціи въ немъ не упоминаются, хотя почти всѣ южныя приморскія климатическіе курорты и нѣкоторыя изъ горныхъ климатическихъ станцій нашли себѣ мѣсто въ путеводителѣ, такъ какъ тамъ имѣются и лѣчебные источники.

Для врачей имѣетъ еще громадное значеніе приложенный въ концѣ книги перечень литературы по данному вопросу, занимающій около 50 стр. мелкаго шрифта этой большой по объему книги. *Врачъ В. Б—ъ.*

Уходъ за зубами и полостью рта. Руководство составленное д-ромъ медицины С. Röse. Переводъ д-ра медицины П. Н. Булатова. Съ 38-го рисунками. Спб. 1901 г. Изд. К. Л. Риккера. Ц. 60 коп. Въ нашемъ обществѣ замѣчается въ настоящее время нѣкоторый интересъ къ гигіенѣ полости рта. У насъ изслѣдованіе зубовъ дѣтей школьнаго возраста показываетъ, что у огромнаго большинства дѣтей зубы испорчены, что необходимость ухода за ними большинству неизвѣстно. Общество охраненія народнаго здравія, въ отдѣлѣ школьной гигіены, образовало особую коммиссію подъ предсѣдательствомъ проф. А. К. Лимберга для выработки мѣръ къ установкѣ и улучшенію зубоврачебнаго надзора въ школахъ. Въ то время какъ уходъ, по крайней мѣрѣ, за видимой частью кожи сдѣлался для культурнаго общества обязательнымъ, уходъ за зубами, этимъ первымъ этапнымъ пунктомъ пищеварительнаго тракта, многими считается излишнимъ. Дорожатъ еще до нѣкоторой степени передними зубами, такъ какъ ихъ потеря видна для глаза, и совершенно игнорируются коренные зубы, роль которыхъ при пережевываніи пищи особенно важна. По справедливому замѣчанію д-ра Röse, процвѣтаніе человѣка зависитъ не отъ количества введенной, а отъ количества переваренной пищи, а пословица гласитъ, что то, что хорошо разжевано, на половину усвоено.

Мы настойчиво рекомендуемъ брошюру д-ра Röse вниманію читателей, въ особенности учителямъ и учительницамъ народныхъ школъ, которые извлекутъ изъ этой прекрасно-изданной и хорошо переведенной книжки много полезныхъ свѣдѣній для сообщенія ихъ своимъ воспитанникамъ. Съ большой пользой для себя прочтетъ книжку и всякая мать, дорожащая здоровьемъ своихъ дѣтей и желающая уже съ дѣтства внушить имъ любовь къ чистотѣ, порядку и способамъ сохраненія здоровья. *Врачъ В. Б—ъ.*

Курсъ фармакогнозіи. Н. Ф. Ментина, проф. Варшавскаго университета. Второе изданіе, просмотрѣнное и значительно дополненное А. Гинзбергомъ, преподавателемъ женскаго медицинскаго института. С.-Петербургъ. 1901 г. Изд. К. Л. Риккера. Ц. 3 руб. 60 к.

Учебникъ гистологіи и микроскопической анатоміи человѣка съ включеніемъ микроскопической техники. Д-ра Филиппа Штера, проф. анатоміи въ Вюрцбургѣ. Переводъ А. Кулябко, подъ редакціей проф. А. С. Догеля. С.-Петербургъ. 1901 г. Изд. К. Л. Риккера. Ц. 4 р. 50 к.

Очерки частной терапіи болѣзней внутреннихъ органовъ. Проф. В. Н. Никитина. С.-Петербургъ. 1901 г.

Краткое руководство къ физіолого-химическому анализу, примѣнительно къ клиническимъ потребностямъ. Carlá Oppenheimer'a Переводъ подъ редакціей съ измѣненіями и дополненіями С. С. Салазкина, проф. въ женскомъ мед. институтѣ. С.-Петербургъ. 1901 г. Изд. К. Л. Риккера. Ц. I руб. Мы можемъ только отмѣтить на страницахъ нашего журнала появленіе всѣхъ вышеназванныхъ книгъ, обогащающихъ въ разныхъ направленіяхъ нашу медицинскую литературу, но, по своему спеціальному значенію для врачей и изучающихъ медицину, не представляющихъ интереса для большого круга читателей. Какъ и всѣ изданія К. Л. Риккера, означенныя книги изданы прекрасно, равно какъ хорошо изданы также лекціи В. Н. Никитина.

В. Б—къ.

НАРОДНЫЯ ИЗДАНІЯ.

С. Князьковъ. «Какъ сложилось и какъ пало крѣпостное право»—*А. Кизеветтеръ.* «Петръ Великій заграницей.»—*А. Ш.* «Рабство въ древнемъ Римѣ».—*В. Фромъ,* «Завоеваніе Мексики».

С. Князьковъ. Какъ сложилось и какъ пало крѣпостное право. Историческій очеркъ. Подъ редакціей А. А. Кизеветтера. Спб. 1900 г. Стр. 123. Цѣна 15 коп. Изданіе книжнаго магазина С. Курнинъ и К°. Ко дню сорокалѣтія со времени паденія крѣпостного права въ Россіи естественно было-бы ожидать появленія нѣсколькихъ популярныхъ книжекъ, посвященныхъ этому знаменательному событію. Однако ожиданіе это оказалось напраснымъ, такъ какъ книжка г. Князькова, «Какъ сложилось и какъ пало крѣпостное право», вышедшая въ свѣтъ къ этому времени, остается чуть-ли не единственной. Правда, имѣющіяся въ большомъ количествѣ народныя изданія, посвященныя исторіи царствованія императора Александра II, касаются также и крестьянской реформы, но лишь мимоходомъ и исключительно въ панегирическомъ тонѣ. Большинство популярныхъ книжекъ по русской исторіи, особенно предназначенныхъ для народа, пользуются для исторіи крѣпостного права, однимъ устарѣвшимъ шаблономъ, не имѣющимъ ничего общаго съ научными данными. Книжка г. Князькова далека отъ подобнаго шаблона. Это прежде всего серьезный трудъ, составленный по научнымъ историческимъ изслѣдованіямъ и притомъ редактированный извѣстнымъ ученымъ г. Кизеветтеромъ. Уже въ началѣ книжки г. Князьковъ выставляетъ слѣдующее положеніе: «Какъ и все въ человѣческой жизни, крѣпостное право сложилось не сразу, а выростало понемногу, постепенно, и въ своемъ развитіи пережило не одну ступень». Исторію этого постепеннаго развитія крѣпостного права онъ и излагаетъ въ своемъ очеркѣ, который начинается со времени образованія Московскаго государства и раздѣленія населенія на служилыхъ и тяглыхъ людей. Начало прикрѣпленія крестьянъ—свободныхъ и полноправныхъ по закону арендаторовъ чужой земли—коренится въ ихъ задолженности землевладѣльцамъ и въ стремленіи правительства обезпечить себѣ уплату податей и службу служилыхъ людей. Разсмотрѣвъ затѣмъ (гл. II) значеніе Смутнаго времени для дальнѣйшаго прикрѣпленія крестьянъ, авторъ останавливается на тѣхъ противорѣчіяхъ въ положеніи крестьянъ, какія созданы были закономъ съ одной стороны и дѣйствительной жизнью—съ другой,—противорѣчіяхъ, вызывавшихъ бѣгство и бунты крестьянъ и дальнѣйшія мѣры правительства по пути обращенія крестьянъ въ рабство. Въ слѣдующей главѣ (III) авторъ подробно разсматриваетъ дальнѣй-

шую эволюцію крѣпостнаго права въ XVIII вѣкѣ: мѣры Петра Великаго и его преемниковъ, направленныя къ усиленію платежныхъ и военныхъ силъ государства путемъ окончательнаго порабощенія крѣпостныхъ. Далѣе авторъ даетъ характеристику крѣпостного права въ его полномъ разцвѣтѣ: произволъ въ распоряженіи личностью крѣпостного, наказанія, торговля людьми, личная служба дворовыхъ, оброчное и барщинное хозяйство и т. п. Въ заключеніе онъ сообщаетъ объ отношеніи самихъ крѣпостныхъ къ своему положенію и о попыткахъ правительства Екатерины II къ смягченію его. Въ слѣдующей IV главѣ г. Князьковъ разсматриваетъ вопросъ о вліяніи крѣпостного права на ходъ русской жизни: вліяніе экономическое выражалось въ упадкѣ сельскаго хозяйства, въ застоѣ промышленности и торговли, въ скудости государственнаго бюджета и т. п., вліяніе общекультурное отразилось на исторической «розни между мужикомъ и бариномъ», сохранившейся и до сихъ поръ. По мнѣнію автора, «только равномѣрное распространеніе просвѣщенія можетъ сгладить указанную рознь и объединить всѣхъ русскихъ людей на общую ихъ пользу и счастье родины» (стр. 80). Все вмѣстѣ взятое воздѣйствовало на общество и подготовляло мысль о возможности не только смягченія, но и уничтоженія крѣпостного права. Какъ справедливо замѣчаетъ авторъ: «Жизнь, независимо отъ всякихъ разсужденій, сама создавала понемногу паденіе крѣпостного права, и самые толки о возможности и необходимости отмѣны его являлись только слѣдомъ ея невидимой работы» (стр. 81—82). Для характеристики помѣщичьяго быта (глава V) авторъ пользуется, между прочимъ, выдержкой изъ «Пошехонской старины» Салтыкова. Крѣпостное право, достигшее апогея къ XIX вѣку, «падаетъ само собой, гніетъ въ корнѣ, разрушается отъ своихъ собственныхъ послѣдствій». Задолженность помѣщиковъ, уменьшеніе числа ихъ, увеличивающаяся дороговизна дарового труда, уменьшеніе числа крѣпостныхъ, слабая платежеспособность населенія—все это вмѣстѣ приводило правительство къ необходимости вмѣшательства во взаимныя отношенія помѣщиковъ и крестьянъ. Рядъ правительственныхъ мѣръ, послѣдовавшихъ съ начала XIX вѣка, голоса лучшихъ представителей литературы, настроеніе помѣщиковъ и особенно самихъ крѣпостныхъ—все это съ большимъ вниманіемъ пересматривается г. Князьковымъ, какъ провозвѣстники приближающейся реформы. Исторіи проведенія самой реформы г. Князьковъ удѣлилъ сравнительно немного мѣста. Онъ вкратцѣ сообщаетъ о первыхъ шагахъ по подготовкѣ реформы, объ учрежденіи губернскихъ комитетовъ и редакціонныхъ коммиссій, указываетъ главныхъ дѣятелей реформы и основныя положенія ея, разбираетъ преобладающія мнѣнія комитетовъ и коммиссій. Книга заканчивается разборомъ Положенія 19-го февраля по тремъ главнымъ его отдѣламъ: личныя права крестьянъ, условія надѣленія землей и выкупа надѣловъ и условія крестьянскаго самоуправленія. О размѣрахъ надѣловъ и особенно объ исчисленіи выкупныхъ платежей г. Князьковъ сообщаетъ слишкомъ мало и недостаточно ясно и ничего не сообщаетъ о даровыхъ или нищенскихъ надѣлахъ, о чемъ слѣдуетъ очень пожалѣть. Разборъ Положенія заканчивается выдержкой изъ манифеста 19-го февраля и слѣдующимъ заключеніемъ автора: «свободный, самостоятельный трудъ крестьянина на собственной его землѣ долженъ стать основой общественно-хозяйственнаго строя Россіи».

Изложенное вкратцѣ содержаніе книги г. Князькова показываетъ, съ какимъ богатымъ матеріаломъ будетъ имѣть дѣло читатель. Матеріалъ этотъ переданъ съ полной серьезностью и объективносью, причемъ во всей книгѣ красной нитью проводится мысль, что экономическія условія и обычныя формы ведутъ за собой юридическія, что жизнь творитъ законы, а не наоборотъ. Все вмѣстѣ взятое дѣлаетъ книгу г. Князькова очень цѣнной и выгодно выдѣляетъ ее въ ряду другихъ историческихъ книгъ для народа.

Нужно признать, однако, что изложеніе г. Князькова не отличается ни живостью, ни яркостью; это особенно можно сказать о двухъ первыхъ и двухъ послѣднихъ главахъ; обильныя выдержки изъ источниковъ—образцы порядной, уставной и другихъ грамотъ, отрывки изъ сочиненій очевидцевъ и современниковъ не вездѣ способствуютъ оживленію разсказа; въ началѣ книги они скорѣе даже затрудняютъ чтеніе, благодаря малопонятнымъ словамъ, какъ, напр., послухъ, язъ и др. Лучшими по изложенію нужно признать главы III, IV и V, особенно тамъ, гдѣ авторъ описываетъ проявленія крѣпостного права. Чтеніе книги г. Князькова затрудняется еще употребленіемъ такихъ историческихъ терминовъ, которые могутъ быть знакомы лишь немногимъ читателямъ изъ народной среды; напримѣръ: «безчестье» (безчестье гостя стоило 50 р.), «приказъ» (холопій приказъ) и др. Книжка г. Князькова въ общемъ проредактирована очень внимательно, но несмотря на это, въ ней встрѣчаются мѣста, возбуждающія въ читателѣ не малое недоумѣніе. Такъ, напримѣръ, говоря (на стр. 39) объ обычныхъ злоупотребленіяхъ помѣщичьею властью надъ крѣпостными крестьянами, г. Князьковъ приводитъ разсказъ современника о томъ, что «бояре дворовыхъ дѣвокъ... выдаютъ замужъ черезъ неволю за своихъ дворовыхъ людей». Рѣчь тутъ идетъ о XVII вѣкѣ, когда подъ дворовыми разумѣлись не крѣпостные, а холопы. Это подтверждаетъ и самъ авторъ на стр. 43, говоря: «Такіе холопы земледѣльцы... обрабатывали его дворовую землю и потому назывались «дворовыми» или «дѣловыми людьми», страннымъ образомъ не замѣчая противорѣчія самому себѣ. Въ другомъ мѣстѣ (стр. 73), говоря о вліяніи крѣпостного права на ухудшеніе обработки хлѣба, приводившее къ паденію торговли имъ, г. Князьковъ подтверждаетъ свою мысль слѣдующимъ соображеніемъ: «Къ чему привело постоянное ухудшеніе качества русскаго хлѣба и дороговизна его, извѣстно всѣмъ. *До 60-хъ* годовъ XIX вѣка русскимъ хлѣбомъ кормилась почти вся Западная Европа, *теперь же* нашъ хлѣбъ вытѣсненъ со многихъ европейскихъ рынковъ американскимъ, который, благодаря хорошей обработкѣ, и лучше качествомъ, и стоитъ дешевле, несмотря на дальность перевоза» (курсивъ нашъ). Другими словами: при крѣпостномъ правѣ (до 60-хъ годовъ) обработка хлѣба была лучше и стоилъ онъ дешевле, почему имъ и кормилась почти вся Западная Европа, послѣ же реформы (теперь же) обработка стала хуже и нашъ хлѣбъ вытѣсненъ американскимъ. Едва ли авторъ имѣлъ въ виду утверждать что нибудь подобное, а потому тутъ очевидно кроется какое-то недоразумѣніе. Напрасно также г. Князьковъ, разсказывая о вліяніи крѣпостного права на состояніе русской промышленности, не воспользовался цѣнными данными о дореформенныхъ фабрикахъ и о попыткахъ замѣны крѣпостного труда вольнонаемнымъ изъ изслѣдованія г. Тугана - Барановскаго («Фабрика»). Притомъ же г. Князьковъ въ своей книжкѣ почему-то даже не упоминаетъ о существованіи крестьянъ поссесіонныхъ.

Съ внѣшней стороны, книжка г. Князькова издана хорошо и снабжена нѣсколькими портретами дѣятелей реформы. Напечатана она почти безъ опечатокъ, но зато пропущенныя опечатки имѣютъ значеніе и требуютъ непремѣннаго исправленія, такъ какъ искажаютъ смыслъ текста: см. стр. 111 первая строка и стр. 120 «волостной судъ» вмѣсто «волостной сходъ». Нельзя еще не замѣтить, что заглавіе книги является какъ бы не оконченнымъ, такъ какъ при чтеніи его невольно является вопросъ: гдѣ? Въ виду того, что въ заглавіи не сказано, что рѣчь будетъ идти лишь о крѣпостномъ правѣ въ Россіи, и въ текстѣ книги тоже нигдѣ не упоминается о существованіи крѣпостного права въ прошломъ и въ другихъ государствахъ, у читателя, не получившаго историческаго образованія, можетъ образоваться невѣрное представленіе, будто бы крѣпостное право было лишь въ Россіи и нигдѣ больше.

Подводя итоги всему сказанному о трудѣ г. Князькова, слѣдуетъ признать,

что указанные недосмотры не имѣютъ особеннаго значенія и что въ общемъ книжка г. Князькова является весьма цѣннымъ вкладомъ въ литературу для народа, по исторіи же крѣпостного права и реформы 1861 г. единственной заслуживающей самаго широкаго распространенія. *М. Б.*

А. А. Кизеветтеръ. Петръ Великій за границей. Москва, 1900 г. Изд. кн. маг. торг. дома Стахановъ, Курнинъ и К°. Стр. 24. Цѣна 10 к. Книжка о путешествіи Петра Великаго за границу составлена г. Кизеветтеромъ, тѣмъ самымъ, подъ редакціей котораго издана и книжка г. Князькова. Это даетъ основанія надѣяться встрѣтить въ книжкѣ серьезныя, не фальсифицированныя кваснымъ патріотизмомъ, свѣдѣнія по родной исторіи. Разсказъ о пребываніи Петра Великаго за границей написанъ живо и интересно, такъ что, несмотря на свои небольшіе размѣры даетъ достаточно свѣдѣній, чтобы могучій образъ царя-работника ярко вырисовывался передъ глазами читателей. Книжка г. Кизеветтера, сообщая лишь объ одномъ характерномъ эпизодѣ изъ исторіи царствованія Петра Великаго, не можетъ дать, конечно, знакомства съ другими, но она навѣрное заинтересуетъ читателя и можетъ побудить его приступить къ чтенію другихъ книгъ по русской исторіи. Было бы очень желательно, чтобы г. Кизеветтеръ дополнилъ составленную имъ книжку о путешествіи Петра Великаго разсказами о другихъ событіяхъ его царствованія. Книжка «Петръ Великій за границей» одинаково интересна и доступна взрослому читателю изъ народной среды, не получившему школьнаго образованія, и ученику низшей или средней школы. Издана книжка хорошо, снабжена двумя рисунками, но цѣна ея 10 коп.—непомѣрно велика. *М. Б.*

А. Ш. Рабство въ древнемъ Римѣ. «Новая библіотека». Изданіе редакціи журнала «Русская Мысль». Москва 1901 г. стр. 41+III. Цѣна 10 коп. Книжка А. Ш. является совершенной новинкой въ нашей популярной литературѣ. Онъ трактуетъ вопросъ въ высшей степени интересный, но тѣмъ не менѣе совсѣмъ не использованный не только въ спеціально-народной, но и вообще въ популярной литературѣ—вопросъ о рабствѣ. Говоря лишь о рабствѣ въ Римѣ, какъ о наиболѣе развитомъ и вліятельномъ, г А. Ш. справедливо отмѣчаетъ въ началѣ книги общераспространенность этого явленія и въ другихъ государствахъ. Основываясь на рядѣ солидныхъ источниковъ, перечисляемыхъ въ особомъ примѣчиніи на 1-й страницѣ, авторъ даетъ сначала очеркъ постепеннаго развитія рабства въ древнемъ Римѣ; при этомъ онъ перечисляетъ разнообразные источники рабства, какъ-то: война, разбой, законъ о должникахъ, государственныя наказанія и т. п. и по пути приводитъ разсказъ Тита Ливія объ удаленіи плебеевъ на Священную гору. Затѣмъ онъ переходитъ къ описанію правового и экономическаго положенія рабовъ, (гл. II) подраздѣляемыхъ имъ на 3 категоріи: рабы частныхъ лицъ, рабы общественные и рабы гладіаторы; тутъ же онъ вкратцѣ разсказываетъ о возстаніи Спартака. Въ главѣ III, озаглавленной: «Вліяніе рабства на нравственность различныхъ слоевъ общества», авторъ даетъ картину развращенности римскаго общества, начиная отъ самихъ рабовъ и ихъ хозяевъ и кончая императорскимъ престоломъ. Послѣдствія рабовладѣнія — презрѣніе къ труду, изнѣженность и распущенность,—разслабляли римское общество и готовили его паденіе. Это положеніе г. А. Ш. счелъ нужнымъ иллюстрировать разсказомъ естествоиспытателя Губера о муравьяхъ-воинахъ и муравьяхъ-работникахъ. Въ главѣ IV (послѣдней) авторъ говоритъ о вліяніи рабства на благосостояніе народа въ римской имперіи, о положеніи городского и сельскаго пролетаріата и о постепенномъ паденіи рабства путемъ перехода его въ крѣпостную зависимость (колонатъ) и истощенія источниковъ его. Эту главу слѣдуетъ признать изъ всей книжки наименѣе удачной: автору не удалось дать сколько-нибудь цѣльнаго и яркаго представленія о причинахъ паденія рабства и неизбѣжности этого паденія.

Серьезная по самому содержанію своему книжка г. А. Ш. и по изложенію не принадлежитъ къ числу легкихъ. Правда, разсказъ ведется довольно живо и интересно, но авторъ не избѣжалъ, да видимо и не старался избѣжать, отвлеченныхъ выраженій, научныхъ терминовъ и т. п. Уже въ самомъ началѣ книжки читатель наталкивается на такія слова, какъ «культура, явленіе, учрежденіе, компилятивный характеръ» и т. п. Правда, нѣкоторыя изъ трудныхъ словъ, по преимуществу термины и собственныя имена изъ римской исторіи, обозначены въ текстѣ звѣздочкой, отсылающей читателя къ особому списку объясненій, приложенному въ концѣ книги. Въ общемъ слѣдуетъ признать, что книжка «Рабство въ древнемъ Римѣ», хотя и не требуетъ предварительнаго знакомства съ исторіей Рима, можетъ быть однако доступна лишь читателю, уже усвоившему привычку къ серьезному чтенію. Для такихъ читателей книжка г. А. Ш. несомнѣнно окажется интересной и поучительной, а для желающихъ заняться болѣе детальнымъ изученіемъ вопроса о рабствѣ, авторъ предлагаетъ въ концѣ книги списокъ книгъ на русскомъ языкѣ. *М. Б.*

Завоеваніе Мексики Фердинандомъ Кортесомъ. Составила Вѣра Фромъ. Москва 1900 г. Стр. 48. Цѣна 5 к.

Эпоха походовъ европейцевъ ради открытій и завоеваній въ Новый Свѣтъ представляетъ собою интересную, полную драматическихъ подробностей, страничку всемірной исторіи. Одинъ изъ эпизодовъ этой эпохи—завоеваніе Мексики Фердинандомъ Кортесомъ—и послужилъ темою разсказа г-жи Фромъ. Въ живыхъ и яркихъ краскахъ рисуетъ она оригинальную культуру Мексиканскаго государства, предпріимчивость и отвагу вождя испанцевъ Кортеса, трагическую судьбу царя ацтековъ Монтезумы и т. п. Читатель съ большимъ интересомъ слѣдитъ за перипетіями борьбы «бѣлолицыхъ» съ индѣйцами и легко, какъ-бы съ занимательной сказкой, знакомится съ описываемымъ историческимъ эпизодомъ. Этотъ сказочный тонъ придется очень по душѣ читателямъ подросткамъ, для которыхъ книжка г-жи Фромъ, наиболѣе подходитъ по своему характеру, но онъ уменьшитъ цѣнность книжки въ глазахъ взрослыхъ читателей. Разсказомъ г-жи Фромъ можно прекрасно воспользоваться для чтеній въ народныхъ аудиторіяхъ; какъ по характеру изложенія, такъ и по своимъ размѣрамъ она вполнѣ пригодна для этой цѣли, имѣвшейся, повидимому, въ виду и самой составительницей, раздѣлившей книгу на 2 чтенія. **М. Б.**

НОВЫЯ КНИГИ, ПОСТУПИВШІЯ ВЪ РЕДАКЦІЮ ДЛЯ ОТЗЫВА

(съ 15-го мая по 15-ое іюня 1901 г.).

Вл. Семеновъ. На дальнемъ востокѣ. Спб. 1901 г. Ц. 1 руб.

В. В. Усовъ. Культура болотъ. Спб. 1901 г. Ц. 1 руб.

Д-ръ Лепогорскій. Стоитъ ли выходить замужъ. Одесса. 1901 г. Ц. 25 к.

М. С. Камневъ. Врачебная помощь рабочимъ на нѣкотор. фабр. Влад. губ. въ 1896—1898 г.

С. Н. Кривенко. На Распутьи. М. 1901 г. Изд. Дароватовскаго и Чарушникова. Ц. 80 к.

У. Вѣтринскій. «Божьи Дѣти». Сборникъ. Изд. то же. М. 1901 г. Ц. 7 коп.

Ѳ. Павловъ. За десять лѣтъ практики. Изд. то же. Ц. 50 к.

Ан. Тролопа. На морскомъ берегу. М. Изд. «Посредника». Ц. 3 к.

Ол. Кукулевскій. Оповидання про життя Кобзаря. Кіевъ. 1901 г. Ц. 50 к.

Н. Березинъ. Въ когтяхъ халифа. Спб. 1901 г. Ц. 50 к.

2. Б. Огонекъ въ уголкѣ. Повѣсть. Спб. 1901 г.

Карменъ. «Дикари». Изд. Свистунова. Одесса. 1901 г. Ц. 35 к.

Обзоръ Уфимск. губ. въ сельскохоз. отнош. за 1899—1900 г. Вып. II. Изд. Губ. Зем. Упр. Уфа. 1901 г. Ц. 1 р.

Труды совѣщаній при Воронежск. Губ. Управл. Гг. Земскихъ врачей по вопр. объ орган. яслей-пріютовъ. Воронежъ. Изд. Губ. Земства. 1901 г.

Деревенскіе лѣтніе ясли-пріюты въ Ворон. губ. лѣтомъ 1900 г. Воронежъ. Изд. Губ. Зем. Ц. 50 к.

Бог. Степанецъ. Забытыя семинаріи. М. 1900 г.

Записка Перм. Губ. Земск. Управы. О мѣрахъ обезпеченія горнозаводск. насел. въ продовольствен. отношеніи. Пермь. 1901 г.

И. Балталонъ. Воспитательное чтеніе, какъ основа препод. рус. яз. въ семьѣ и школѣ. М. 1901 г. Ц. 25 к.

Ив. Кондорскій. О значеніи психич. факторовъ въ дѣлѣ возникнов. и теченія болѣзни. Курскъ. 1901 г. Ц. 15 к.

М. Чайковскій. Жизнь П. И. Чайковскаго. Т. I. Вып. VII. Изд. Юргенсона. 1901 г. Ц. кажд. вып. 40 к.

С. Е. Заринъ. Кирпичное производство. Спб. Изд. журн. «Сельское Хозяйство». Ц. 50 к.

Е. И. Орловъ. Техническій анализъ. IV вып. Изд. К. Н. Тихомирова. М. 1901 г. Ц. 1 р, 25 к.

З. Савеловой. Вязанье на спицахъ. Изд. то же Ц. 20 к.

И. Селивановскій. Руководство къ пряденью, тканью и бѣленью. Изд. то же. Ц. 20 к.

Его же. Руководство къ щелочному производству. Изд. то же. Ц. 25 к.

La Bruyère. Les caractères ou les moeurs de ce siècle. Редактиров. П. Д. Первовъ. Изд. кн. магаз. Думнова. М. 1901 г. Ц. 35 к.

В. Е. Романовскій. Педагогическіе этюды. Тифлисъ. 1901 г. Ц. 50 к.

Сборникъ статистич. и справочн. свѣдѣн. по народн. образ. во Владим. губ. Вып. II и III. Изд. Губ. Зем. Упр. 1900 г.

С. Н. Кулябка. Общественно-этическія замѣтки. Изд. В. Линдъ и Д. Байкова. 1901 г. Ц. 30 к.

52 рецепта. Варка варенья, желе и марин. грибовъ. Спб. 1901 г. Ц. 20 к.

В. Шекспиръ. Король Іоаннъ. Драма въ 5-ти дѣйств. Перев. Дм. Мина. Спб. Изд. Суворина. Ц. 25 к.

Касаткинъ. Перев. съ франц.: Мысли изрѣченія и поученія Ларошфуко. Изд. то же Спб. 1901 г. Ц. 15 к.

Отчетъ I-ой безплатной Виленской чит-нибибл-ки Попеч. о народн. трезв. 1900 г. Вильна. 1901 г.

И. М. Перликъ. О военныхъ бесѣдахъ. Ахалцыхъ. 1901 г.

А. Смирновъ. Склирена. Истор. повѣсть. Спб. Изд. Суворина. 1901 г.

Докт. Фишеръ. Что такое хирургія. М. 1901 г. Ц. 5 к.

Его же. Что такое чахотка и какъ отъ нея уберечься. М. 1901 г. Ц. 5 к.

Его же. Какъ дѣйствуютъ спиртные напитки на человѣка. М. 1901 г. Ц 5 к.

Его же. Что такое сифилисъ и какъ съ нимъ бороться. М. 1901 г. Ц. 5 к.

Его же. Наши пять чувствъ. М. 1901 г. Ц. 5 к.

Его же. Что такое зараза и какъ должно отъ нея оберегаться. М. 1901 г. Ц. 5 к.

Его же. Какъ кровь движется по нашему тѣлу и какая намъ отъ нея польза. М. 1901 г. Ц. 5 к.

Его же. Чѣмъ и для чего человѣкъ дышитъ. М. 1901 г. Ц. 5 к.

Его же. Отъ чего болѣютъ и мрутъ наши дѣти. М. 1901 г. Ц. 5 к.

Б. И. Воротынскій. Истерія въ наукѣ и въ жизни. Казань. 1901 г. Ц. 35 к.

Отчетъ Совѣта Об-ва распростр. начальн. образованія въ Нижег. губ. 1900 г. Н.-Новгородъ. 1901 г.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

«Abdul Hamid intime» par E. Dorys (*Stock*). *Paris*. (*Абдулъ Гамидъ въ частной жизни*). Авторъ этого интереснаго очерка говоритъ, что въ такомъ государствѣ, какъ Турція, общественная жизнь находится всецѣло въ зависимости отъ частной жизни и характера монарха. Вся Турція—это не что иное, какъ тотъ же Ильдызъ-Кіоскъ, гдѣ на все кладетъ свой отпечатокъ характеръ султана, въ которомъ преобладаютъ гордость, соединенная съ безграничною жестокостью и постоянный страхъ, доходящій до галлюцинаціи. Авторъ яркими чертами изображаетъ этотъ гнетущій страхъ, отъ котораго султанъ никогда не можетъ отдѣлаться и который дѣлаетъ его подозрительнымъ и отравляетъ ему существованіе. Очень интересны картины придворной и гаремной жизни и вообще турецкихъ нравовъ. Книга написана легкимъ увлекательнымъ языкомъ и составляетъ очень полезный вкладъ въ исторіи XIX вѣка.

(Revue des Revues).

«Die Frau als Industriearbeiterin» Ein Betrag zur Lösung der Arbeiterfrage. (*A. Froschel*). *Berlin*. (*Женщина, какъ промышленная работница*). Брошюра посвящена, главнымъ образомъ, вопросу о фабричной работѣ замужнихъ женщинъ, возбудившему такую горячую полемику въ германской печати. Авторъ склоняется въ пользу недопущенія замужнихъ женщинъ къ работѣ на фабрикахъ и доказываетъ вредное вліяніе фабричнаго труда на семью и физическое здоровье женщины.

(Berliner Tageblatt).

«China and the Allies» by A. Henry Savage Landor. With illustrations and Maps by the author. London. (*William Heinemann*) *2 vols. 30 s.* (*Китай и союзники*). Авторъ начинаетъ свое повѣствованіе описаніемъ боксёровъ; онъ разсказываетъ ихъ происхожденіе, исторію, обычаи и нравы и условія развитія боксёрскаго движенія. Всѣ свои свѣдѣнія авторъ основываетъ на документахъ, собранныхъ ими въ Китаѣ съ большимъ искусствомъ. Онъ придаетъ большое значеніе буддійскому духовенству въ развитіи боксёрскаго движенія и во всѣхъ поступкахъ этого общества. Далѣе авторъ подробно разсказываетъ исторію событій въ сѣверномъ Китаѣ, включая убійство миссіонеровъ, бѣгство инженеровъ, миссіонеровъ и др., взятіе Тянь-Цзиня, экспедицію Сеймура, осаду посольствъ и взятіе Пекина. Авторъ пріѣхалъ въ Пекинъ вскорѣ послѣ того, какъ вспыхнуло возстаніе и лично участвовалъ во всѣхъ событіяхъ. Вмѣстѣ съ русскими отрядами онъ вступилъ въ запретный городъ. Имѣя всегда при себѣ фотографическій аппаратъ, онъ воспроизвелъ всѣ событія и его снимки очень любопытны, такъ какъ даютъ понятіе о томъ, что дѣлалось въ Пекинѣ. Очень интересны описанія дворцовъ, въ которые до этого времени никогда не вступала нога европейца.

(Manchester Guardian).

«The Evolution of Modern Money» by William Warrand Carlile. London (*Macmillan and C⁰*). (*Эволюція современной монеты*). Книга эта представляетъ, главнымъ образомъ, историческое изслѣдованіе развитія монетной системы.

(Manchester Guardian).

«Ein Jahr in England» (*1898—1899*) *von prof. Dr. L. Kellner. Stuttgard* (*Cotta*). (*Годъ въ Англіи*). Въ этой книгѣ заключаются очерки англійской жизни, авторъ которыхъ очень увлекательно описываетъ соціальныя учрежденія Англіи, женскій вопросъ, колоніальное устройство, англійскую молодежь и ея наставниковъ, ежедневную жизнь въ Лондонѣ и его окрестности, театръ, литературные кружки и т. п.

(Frankfurt. Zeitung).

«Du Transvaal a l'Alaska» par V. Ruggieri. Un volume suivi d'un vocabulaire esquiman. 3 fr. 50. (*Plon*). (*Отъ Трансвааля къ Аляскѣ*). Эта книга можетъ служить прекраснымъ путеводителемъ въ полярныхъ областяхъ. Авторъ ея, смѣлый изслѣдователь, сообщаетъ очень любопытныя подробности о нравахъ обитателей

сѣверной Америки, сопровождая свой разсказъ точными историческими и географическими данными. Но главная цѣль заключается въ томъ, чтобы предостеречь путешественниковъ отъ увлеченія призракомъ золота и указать ему на трудности и опасности, которымъ подвергаются золотоискатели въ такой области, гдѣ суровый климатъ, дикіе звѣри, и необычайныя трудности пути,—все это соединилось вмѣстѣ, чтобы воздвигнуть препятствія и увеличить затрудненія, которыя ожидаютъ отважнаго золотоискателя въ Аляскѣ.

(Journal des Débats).

«*Chrétiens et Mussulmans*» *par L. de Couienson. Voyages et études 3 fr. 50.* (*Христіане и мусульмане*). Книга имѣетъ современный интересъ. Авторъ ея увлекаетъ за собою читателя на сѣверъ Сиріи, къ туркамъ и арабамъ, и въ Арменію, тотчасъ же послѣ избіеній. Онъ изучаетъ азіатскую Турцію, ея будущее, панисламизмъ, роль христіанскихъ націй на востокѣ и состояніе мусульманскихъ народовъ. Авторъ анализируетъ нравственное, политическое и соціальное положеніе исламизма и указываетъ на опасности, которыми онъ угрожаетъ христіанской и цивилизованной Европѣ.

(Journal des Débats).

«*La vie privée d'autrefois*» *par Alfred Franklin*; *avec 12 gravures* (*Plon*). *Prix*: *3 fr. 50.* (*Частная жизнь въ прежнія времена*). Интересующіеся жизнью стараго Парижа найдутъ въ этой книгѣ очень много интересныхъ свѣдѣній о разныхъ сторонахъ парижской жизни въ прежніе времена. Авторъ предпринялъ научное и подробное изслѣдованіе искусства, ремеслъ, модъ, нравовъ и обычаевъ парижанъ XVII и XVIII вѣка. Книга прекрасно иллюстрирована старинными гравюрами.

(Journal des Débats).

«*Australasia Old und New*» *by I. Grattan Grey. London* (*Hadder and Stoughton*) *Price*: *7 s. 6 d.* (*Австралазія, старая и новая*). Авторъ этой книги прожилъ въ Новой Зеландіи больше 25 лѣтъ и поэтому былъ свидѣтелемъ ея быстраго развитія. Отдавая должное успѣхамъ, достигнутымъ Новой Зеландіей; авторъ все-таки бросаетъ нѣкоторую тѣнь на блестящую картину, которую обыкновенно рисуютъ всѣ приверженцы новозеландскихъ соціальныхъ экспериментовъ. Во всякомъ случаѣ, книга заслуживаетъ вниманія, какъ безпристрастное изображеніе условій австралійской жизни.

(Manchester Tageblatt).

«*L'Art de la vie*» *par R. de Marlde la Clavière. Paris.* (*Librairie académique Perrin et C°*). (*Искусство и жизнь*). Талантливое изложеніе нравственныхъ правилъ и принциповъ, которые должны руководить дѣйствіями человѣка. Авторъ поучаетъ читателя искусству жить, которое заключается въ соединеніи добра и красоты. Большое вниманіе авторъ удѣляетъ женской жизни и выясняетъ условія, которыя должны сдѣлать ее счастливой.

(Revue des Revues).

«*Sprache und Psychologie*» *Beiträge zu einer kritik der Sprache. Erster Band., von Fritz Manthner. Stutgart 1901.* (*Языкъ и психологія*). Блестяще написанное изслѣдованіе, авторъ котораго обладаетъ громадною эрудиціей, соединенною съ фантазіей художника. Свой первый томъ авторъ посвящаетъ критикѣ человѣческой рѣчи и изслѣдуетъ ея вліяніе на образованіе понятій и мышленіе.

(Frankfurt. Zeitung).

«*Public Relief of the poor*» *by Thomas Mackay. London.* (*Lohn Murray*). (*Общественная помощь бѣднымъ*). Авторъ давно уже стяжалъ извѣстность, какъ изслѣдователь законодательства о бѣдныхъ и организаціи общественной помощи. Въ своей книгѣ онъ печатаетъ шесть публичныхъ лекцій, произнесенныхъ имъ по вопросу о помощи бѣднымъ.

(Manchester Guardian).

«*Die Wirtschaft in Vergangenheit, Gegenwart und Zukunft. Mit 130 Tabellen und vergleichenden Uebersichten, von. R. E. May. Berlin. 1901. Preis 10 m.* (*Akademischer Verlag für Sociale Wissenschaften*). (*Народное хозяйство въ прошломъ, настоящемъ и въ будущемъ*). Въ этой книгѣ разсматривается народное хозяйство исключительно только съ практической точки зрѣнія, безъ всякаго отношенія къ какимъ-либо политико-экономическимъ теоріямъ. Свои выводы авторъ основываетъ на массѣ фактическаго матеріала, который онъ собралъ и классифицировалъ въ своемъ сочиненіи.

(Frankfurt. Zeitung).

«*La réforme de l'enseignement par la philosophie*» *par Alfred Fouillée* (*A. Colin*). (*Реформа образованія посредствомъ философіи*). Девятнадцатый вѣкъ, по словамъ Фуллье, характеризуется успѣхомъ объективныхъ наукъ, сдѣлавшихъ замѣчательныя открытія, но наука о человѣкѣ и обществѣ остались далеко позади, такъ какъ онѣ слишкомъ увлеклись историческими изслѣдованіями, эрудиціей и критикой. Всѣ эти ошибки должны были впослѣдствіи отразиться на воспитаніи молодежи. Фуллье говоритъ о «педагогическихъ неудачахъ» всѣхъ этихъ ученыхъ и посвящаетъ первую часть своего труда изслѣдованію ихъ ошибокъ. Объективныя науки, несмотря

на свои великія завоеванія, не могли все-таки удовлетворить всѣмъ запросамъ воспитанія, въ такое время, когда поколебались древнія вѣрованія и столько умовъ остались безъ руководящихъ началъ. Фулье видитъ абсолютную необходимость въ философской реформѣ воспитанія, которая будетъ въ то же время и соціальною реформой. Во второй части онъ изучаетъ методы классическаго и современнаго воспитанія, а въ третьей изслѣдуетъ роль философіи и говоритъ о ея значеніи въ дѣлѣ воспитанія демократіи XX вѣка, который вѣроятно ознаменуется цѣлымъ рядомъ реформъ соціальнаго порядка.

(Journal des Débats).

«Marie Antoinette devant l'histoire». Essai bibliographique par Maurice Tournent. Seconde édition, très augmentée et ornée des gravures (Librairie Henri Leclerc). (Марія-Антуанетта предъ судомъ исторіи). Второе изданіе этого прекраснаго историческаго изслѣдованія дополнено новыми данными и документами, относящимися къ частной и общественной жизни королевы, ея царствованію и смерти. Послѣднія главы своего труда авторъ посвящаетъ историкамъ, писавшимъ о Маріи-Антуанеттѣ.

(Journal des Débats).

«Philosophia Militans» von Friedrich Paulsen. Berlin 1901. (Боевая философія). Профессоръ Паульсенъ издалъ въ видѣ книги пять статей, которыя раньше были напечатаны въ журналахъ. Статьи эти направлены противъ клерикализма и натурализма. Первыя три статьи разсматриваютъ клерикализмъ съ философской точки зрѣнія и полемизируютъ съ клерикалами; послѣднія двѣ посвящены критикѣ ученія Геккеля.

(Frankfurt. Zeitung).

«Die Hilfsschulen für schwach befähigte kinder ihre ärztliche und sociale Bedeutung, von med. Leopold Laquer, Nervenarztin Frankfurt (Bergmann). Wiesbaden. (Вспомогательныя школы для малолѣтнихъ дѣтей, ихъ врачебное и соціальное значеніе). Воспитаніе отсталыхъ въ умственномъ отношеніи дѣтей составляетъ одинъ изъ наиболѣе жгучихъ вопросовъ современной педагогики. Авторъ, какъ школьный врачъ, имѣлъ большой кругъ наблюденій и пришелъ къ заключенію о необходимости уже съ самыхъ младшихъ классовъ опредѣлить степень умственныхъ способностей дѣтей и отдѣлить отсталыхъ отъ преуспѣвающихъ. Для первыхъ авторъ предлагаетъ устроить вспомогательныя школы. Онъ подробно излагаетъ свою схему такой школы, проникнутую теплымъ участіемъ къ отсталымъ дѣтямъ и горячимъ желаніемъ имъ помочь.

(Frankfurt. Zeitung).

«Patriotism and Ethics» by I. G. Godead. London. (Grant Richards). (Патріотизмъ и этика). Очень хорошее изслѣдованіе идеи патріотизма, и ея отношенія къ этикѣ. Авторъ говоритъ, что патріотизмъ самъ по себѣ не представляетъ ни порока, ни добродѣтели, но можетъ выродиться въ эгоизмъ въ томъ, что касается своей общины. Характерною чертою современнаго патріотизма именно и является такой эгоизмъ, исключительность и нетерпимость. Въ такой формѣ патріотизмъ всегда ведетъ къ войнѣ и прямо противорѣчитъ этикѣ и христіанскому ученію. Внутри же страны результатомъ такого крайняго выраженія патріотизма является подавленіе свободы личности и разныя репрессивныя мѣры, на самомъ дѣлѣ идущія въ разрѣзъ съ интересами отечества. Въ подтвержденіе своихъ взглядовъ авторъ приводитъ различныя, современныя событія и факты послѣднихъ двухъ лѣтъ, злоупотребленія и эксцессы патріотизма, являющіеся результатомъ крайняго выраженія патіотической идеи.

(Daily News).

«In Tibet and Chinese Turkestan» by Captain H. H. P. Deasy, London (Fisher Unwin) 21 s. (Въ Тибетѣ и Китайскомъ Туркестанѣ). Работы автора въ центральной Азіи хорошо извѣстны всѣмъ географамъ, и лондонское географическое общество наградило ихъ золотою медалью. Въ этой книгѣ авторъ описываетъ свое трехлѣтнее путешествіе по Тибету и Китайскому Туркестану, во время котораго онъ посѣтилъ и описалъ почти неизвѣстныя области Тибета, лежащія къ востоку отъ Кашмира. Сдѣланная имъ карта путешествія занимаетъ пространство въ 24.000 кв. миль. Какъ и всякому путешественнику, въ этой негостепріимной области ему пришлось вытерпѣть много лишеній и не разъ подвергаться серьезнымъ опасностямъ.

(Manchester Guardian).

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

ОТДѢЛЪ ТРЕТIЙ

„МІРЪ БОЖІЙ"

ЕЖЕМѢСЯЧНЫЙ

(28 листовъ)

ЛИТЕРАТУРНЫЙ и НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ

САМООБРАЗОВАНІЯ.

Подписка принимается въ С.-Петербургѣ — въ главной конторѣ и редакціи: Бассейная, 35 и во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ. Въ Москвѣ: въ отдѣленіяхъ конторы—въ конторѣ *Печковской*, Петровскія линіи, и книжномъ магазинѣ Карбасникова, Кузнецкій мостъ, д. Коха.

1) *Рукописи*, присылаемыя въ редакцію, должны быть *четко переписаны*, снабжены подписью автора и его адресомъ, а также и указаніемъ размѣра платы, какую авторъ желаетъ получить за свою статью. Въ противномъ случаѣ размѣръ платы назначается смой редакціей.

2) Непринятыя мелкія рукописи и стихотворенія не возвращаются, и по поводу ихъ редакція ни въ какія объясненія не вступаетъ.

3) Принятыя, статьи, въ случаѣ надобности, сокращаются и исправляются, непринятыя же сохраняются въ теченіе полугода и возвращаются по почтѣ только по уплатѣ почтоваго расхода деньгами или марками.

4) *Лица*, адресующіяся въ редакцію съ разными запросами, для полученія отвѣта, прилагаютъ семикопѣечную марку.

5) Контора редакціи не отвѣчаетъ за аккуратную доставку журнала по адресамъ станцій желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учрежденій.

6) Подписавшіеся на журналъ черезъ книжные магазины—съ своими жалобами на неисправность доставки, а также съ заявленіями о перемѣнѣ адреса благоволять обращаться непосредственно въ контору редакціи.

7) Жалобы на неисправность доставки, согласно объявленію отъ Почтоваго Департамента, направляются въ контору редакціи не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки журнала.

8) При заявленіяхъ о неполученіи книжки журнала, о перемѣнѣ адреса и при высылкѣ дополнительныхъ взносовъ по разсрочкѣ подписной платы, необходимо прилагать печатный адресъ, по которому высылается журналъ въ текущемъ году, или сообщать его №.

9) Перемѣна адреса должна быть получена въ конторѣ не позже 25 числа каждаго мѣсяца, чтобы ближайшая книга журнала была направлена по новому адресу.

10) При переходѣ петербургскихъ подписчиковъ въ иногородніе доплачивается 80 копѣекъ; изъ иногороднихъ въ петербургскіе 40 копѣекъ; при перемѣнѣ адреса на адресъ того же разряда 14 копѣекъ.

11) Книжные магазины, доставляющіе подписку, могутъ удерживать за коммиссію и пересылку денегъ 40 коп. съ каждаго годового экземпляра.

Контора редакціи открыта ежедневно, кромѣ праздниковъ, отъ 11 ч. утра до 4 ч. пополудни. Личныя объясненія *съ редакторомъ по вторникамъ*, отъ 2 до 4 час. *кромѣ праздничныхъ дней*.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА:

На годъ съ доставкой и пересылкой въ Россіи **8 руб.**, безъ доставки **7** руб., за границу **10** руб.

Адресъ: С.-Петербургъ, Бассейная, 35.

Издательница А. Давыдова. Редакторъ Викторъ Острогорскій.

U.C. BERKELEY LIBRARIES
C005262588